

Российская академия наук
Уральское отделение
Институт экономики

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СТРАН ЕАЭС

VIII Уральский демографический форум

Международная научная конференция

Сборник статей

Том I

Екатеринбург 2017

УДК 312
ББК 60.7 (2 Рос)
Д31

*Сборник подготовлен при поддержке плановой НИР
Института экономики УрО РАН № 0404-2015-0021*

Ответственный редактор: д-р социол. наук, проф. А. И. Кузьмин

Рецензенты: д-р экон. наук, проф. О. А. Козлова,
д-р социол. наук, Н. Г. Чевтаева

Организационная поддержка форума:
Институт истории и археологии УрО РАН
Уральский институт управления РАНХиГС при Президенте РФ
Армянский государственный педагогический университет им. Х. Абовяна
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
Уральский государственный медицинский университет Минздрава России
Ванадзорский государственный университет имени Ов. Туманяна
Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Карагандинский экономический университет Казпотребсоюза
РОО «Форум женщин Урала»

Статьи издаются в авторской редакции

Демографический потенциал стран ЕАЭС [Текст] : сб. ст. VIII Уральского демографического форума / отв. ред. д. социол. н. А.И. Кузьмин. Том I. – Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2017. – 411 с.

ISBN 978-5-94646-590-8

Сборник статей представляет интерес как для специалистов в области управления демографическими, социально-экономическими процессами воспроизводства населения и его трудового потенциала, так и для преподавателей, аспирантов, представителей общественных и некоммерческих организаций, интересующихся проблемами междисциплинарных исследований воспроизводственных аспектов количественных и качественных характеристик населения России и других стран ЕАЭС.

В первом томе размещены материалы научных докладов пленарного заседания и дискуссионных площадок: «Население России в XXвеке: Исторический опыт оценки демографического потенциала стран ЕАЭС», «Институт родительства в современном обществе», «Социологические и психологические аспекты брачности», «Медико-демографические аспекты здоровьесбережения».

УДК 312

ББК 60.7 (2 Рос)

ISBN 978-5-94646-590-8

© Институт экономики УрО РАН. 2017

Содержание

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ	6
<i>Кузьмин А.И., Савеленко Д.В.</i> Особенности демографического потенциала ЕАЭС	6
<i>Синельников А.Б.</i> Демографическое измерение современного брачного потенциала населения России	12
<i>Корнилов Г.Е.</i> Демографический потенциал России в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.)	21
<i>Злотников А. Г., Смалюга А. К.</i> Белорусская миграция в евразийском отражении	27
<i>Минасян С.М., Цатурян А.М.</i> Адаптационные возможности мигрантов в академической среде	33
<i>Соловьев А.К.</i> Пенсионный возраст как регулятор демографических условий развития пенсионной системы России	39
1. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ОЦЕНКИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА СТРАН ЕАЭС	46
<i>Алексеева Л.В., Миронычев С.В.</i> Население Нижневартковского района Ханты-Мансийского округа в годы Второй мировой войны	46
<i>Архангельский В.Н.</i> Региональные и этнические различия демографического потенциала половозрастной структуры населения	51
<i>Баранов Е.Ю.</i> Демографический потенциал России в XX веке: проблемы современной историографии.....	57
<i>Бахарев Д.С.</i> Причины смерти в Екатеринбурге в конце XIX – начале XX вв.: опыт анализа данных метрических книг	63
<i>Боголюбов А.В., Сафиуллина Р.М.</i> Демографический прогноз численности населения крупных городов Республики Башкортостан.....	67
<i>Важенин С.Г., Сухих В.В.</i> Завоевание доверия к Российскому государству как способ решения демографических проблем в царствование Екатерины II.....	72
<i>Востриков И.Т.</i> Воспроизводство сельского населения Урала в 1941–1945 гг.: историографический обзор	77
<i>Гокова О.В.</i> Региональный опыт демографической политики в области рождаемости в РФ.....	84
<i>Дашинамжилов О.Б.</i> Рождаемость городского населения Западной Сибири в 1960-е годы.....	89
<i>Денисов А.Ю.</i> Рождаемость городского населения Европейского союза и ее значение для демографической политики.....	95
<i>Жиров Н.А.</i> Микродемографический анализ крестьянской смертности в Орловской губернии в начале XX века (на примере прихода с. Хотетово)....	100
<i>Журавлева В.А.</i> Изменения в социальном составе Уральских городов под воздействием промышленной модернизации конца 1920–1930-х годов.....	105
<i>Кривенко Н.В.</i> Социально-экономические аспекты здоровьесбережения на разных уровнях управления в здравоохранении.....	110
<i>Мельников Н.Н.</i> Дефицит рабочей силы на заводах танковой промышленности в условиях Великой Отечественной войны	114
<i>Мельникова Н.В.</i> Женщины в реализации советского атомного проекта	118
<i>Мирошниченко М.И.</i> Степень распространения женского квалифицированного труда на Урале как качественный фактор использования демографического потенциала страны (по материалам переписей 1920 и 1923 гг.)	124
<i>Мостахова Т.С.</i> Опыт оценки демографической безопасности северного региона	128
<i>Пьянков С.А.</i> Кадры Уральского автомобилестроения: трудовые ресурсы УралЗИС в годы Великой Отечественной войны	133
<i>Славина Л.Н.</i> Демографический потенциал Красноярского края в 1990 - 2000 - х гг.	139
<i>Сукнёва С.А.</i> Демографический потенциал воспроизводства населения Арктического	

региона России.....	145
<i>Сухинин С.А.</i> Демографический потенциал Приморской зоны Европейской России	151
<i>Тараканов М.Ю.</i> Рождаемость в городе Нижний Тагил в 2000-х годах.....	156
<i>Уваров С.Н.</i> Этнический фактор урбанизации в Удмуртии во второй половине XX века	161
<i>Федорова А.В., Богданова Е.Г.</i> Миграции населения на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны.....	166
<i>Чернышева И.И.</i> Учащиеся школ рабочей молодежи в Свердловской области в послевоенные годы: социально-демографический портрет	169
<i>Чернышева Н.В.</i> Резьвакуация населения из Кировской области в годы Великой Отечественной Войны	173
2. ИНСТИТУТ РОДИТЕЛЬСТВА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ	178
<i>Ms. Malebogo Patience Matshane A View From The South</i>	<i>178</i>
<i>Быкова Д.Г.</i> Формирование института репродуктивно-трудовой пенсии как альтернативы алиментам на содержание родителей.....	179
<i>Ворошилова А.И., Багирова А.П.</i> Трудовой характер родительства в представлении настоящих и будущих родителей	185
<i>Грудина Т.Н.</i> Ценные ориентации и установки многодетных родителей: демографический потенциал и перспективы развития.....	189
<i>Джонакова Г.А.</i> Тенденции изменения структуры сельской семьи в Республике Таджикистан	192
<i>Зуева А.В., Фельдман М.А.</i> Материалы Уральского демографического форума как источник изучения семейной политики в России.....	199
<i>Ильвес Э.В.</i> Прекаризация занятости молодежи как фактор «усиленной прекаризации» родительского труда	204
<i>Копцева О.А., Журавлева Е.К.</i> К определению демографической политики	208
<i>Огоновская И.С.</i> Семья как базовая национальная ценность в условиях современной России: к проблеме взаимодействия школы и родителей.....	213
<i>Михалёва Е.И.</i> Практико-ориентированный курс, направленный на формирование у будущих специалистов по работе с молодёжью представлений о психологических приёмах формирования семейных ценностей подрастающего поколения.	218
<i>Павлова В.Е.</i> Институт родительства: психологические аспекты отцовства и материнства.....	221
<i>Скрябина Я.А.</i> Новый этап сокращения рождаемости: анализ, причины, перспективы....	224
<i>С.Э. Сурина, А.П. Багирова</i> Наличие детей как фактор результативности исследовательской деятельности преподавателей высшей школы.....	230
<i>Талалаева Г.В., Воложенин С.А., Яшин Д.В.</i> Тайм-менеджмент как фактор репродуктивного поведения молодежи и демографической безопасности региона.....	233
<i>Тонких Н.В.</i> Влияние дистанционной занятости женщин на развитие института родительства	238
<i>Шелуханова Л.В.</i> Дети как инвестиционный актив современной российской семьи (в терминах концепции социального капитала)	243
<i>Шмарова И.В.</i> Институт родительства и его особенности в Уральском федеральном округе.....	249
<i>Шутова Н.В.</i> Родительский труд как потенциальный фактор формирования качества человеческих ресурсов.....	254
<i>Черешова С.В.</i> О специфике факторов идентификации субъектов родительского труда в современном российском обществе	257
3. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ БРАЧНОСТИ	261
<i>Арпентьева М.Р.</i> Современная психологическая репродуктология.....	261
<i>Акрамова Ф.А.</i> Социально-психологические аспекты прочности семьи: семейные отношения и семейные ценности	270
<i>Акрамова Ш.Г., Юлдашев Н.Н.</i> семья в Узбекистане: переход от многодетной к	

среднедетной семье.....	275
<i>Альбрехт О.А., Тараданов А.А.</i> Социологические аспекты брачности в моногороде	280
<i>Амбарова П.А.</i> Образование для взрослых как стратегия преодоления темпоральных противоречий возрастной общности.....	285
<i>Барашкова А.С., Стручкова Е.С.</i> Территориальная дифференциация неустойчивости браков в Республике Саха (Якутия)	291
<i>Бахарев В.В., Данакин Н.С.</i> Модель формирования условий активизации репродуктивного поведения молодой семьи	295
<i>Бобицкий А.В.</i> Инвалидность и брак в российской провинции по материалам первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года.....	302
<i>Васягина Н.Н., Ельцова И.В.</i> Культурно-исторические трансформации образа отца.....	306
<i>Денисов А.Ю.</i> Репродуктивный потенциал населения: подходы и методики оценки.....	311
<i>Зборовский Г.Е.</i> О некоторых социально-демографических характеристиках образовательных общностей мегаполиса	317
<i>Злотников А.Г., Злотников А.А.</i> Проблемы современных семейно-брачных отношений в Беларуси.....	322
<i>Калачикова О.Н., Груздева М.А.</i> Матримониальные установки населения: опыт социологического исследования	328
<i>Коптяева А.С., Гуляева В.И.</i> Брачные установки в России и в мире: тенденции и перспективы.....	336
<i>Лихачёва А.А., Онищенко А.В.</i> Социально-правовой аспект регулирования института семьи и брака.....	338
<i>Мамадалиева Х.Х.</i> Межпоколенных трансферты современной семьи в Узбекистане.....	344
<i>Никулина Е.С.</i> Основные принципы прогнозирования сферы жилой недвижимости в муниципальном образовании.....	348
<i>Павлов Б.С., Пронина Е.И., Сентюрина Л.Б.</i> Культура и деструкции демографического поведения в обыденном сознании уральских студентов: опыт социологического анализа	353
<i>Павлов Б.С., Сарайкин Д.А., Павлов Д.Б.</i> Валеологическое самочувствие детей в родительской семье: опыт социологического анализа.....	363
<i>Попова Л.А.</i> Брачно-семейные настроения молодежи	369
<i>Рахимова Н.Х.</i> Условия и факторы для обеспечения прочной и благополучной семьи.....	375
<i>Сазонова А.Л.</i> Любовь как важнейший компонент брака.....	380
<i>Синица А.Л.</i> Первый брак и его характеристики в странах бывшего СССР в 1990-2015 годах	385
<i>Старцева Н. Н.</i> Представления современной молодёжи о семейно-брачных отношениях: социологический экскурс.....	390
<i>Субхонов А.И.</i> Некоторые вопросы развитие семьи и ее проблемы в современных условиях	393
<i>Хачатрян Л.А.</i> Вероятность развода как фактор дестабилизации семьи (на примере семей Пермского края)	399
<i>Чернышева И.В., Запольских М.В.</i> Отношение к браку и рождению детей молодых семей Ижевска (по результатам интервью).....	405

ОСОБЕННОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ЕАЭС

В современном глобальном мире демографический потенциал населения является важным геополитическим фактором, обеспечивающим гибкость мирового рынка труда и индустриального развития, что позволяет в целом обеспечить эффективное накопление человеческого капитала. Анализ проблем демографического потенциала актуален в связи с глубокими трансформациями и социальными изменениями современного общества. Усиление роли международных миграций в XXI веке и изменения в возрастной структуре стран, находящихся на постсоветском пространстве, существенно влияют на перспективы динамики роста населения и складывающуюся демографическую ситуацию в ЕАЭС.

Ключевые слова: демографический потенциал, рождаемость, смертность, миграция, оптимум населения, Евразийский экономический союз.

На наш взгляд, демографический потенциал как сложная синтетическая категория представляет собой не просто численность или массу населения страны или макрорегиона, а определенную систему последовательных оценок конкретных потенциалов его общей динамики, жизнеспособности¹, продолжительности жизни отдельных поколений, составляющих конкретный массив населения, рождаемости, брачности, разводимости, формирования половозрастной и семейно-брачной структуры, территориальной и социально-профессиональной подвижности населения (включая маятниковую миграцию). При этом важно учесть количественные и качественные трактовки демографического потенциала [1, с. 78-86].

Следует согласиться с мнением, что для каждого компонента формирования демографического потенциала (понятого как потенциал роста населения в целом) существует некий предел демографического роста страны или региона, при котором численность населения в долговременной перспективе не изменяется (рождаемость устанавливается в пределах простого воспроизводства при определенной силе смертности в различных возрастах, и чистой миграции близкой нулю). Известно, что при простом режиме замещения поколений рост населения «по инерции» все же происходит в той или иной стране или макрорегионе благодаря структурным сдвигам в совокупностях сосуществующих поколений. Отметим, что, если в Азии, Латинской Америке и редких странах Северной Африки (Тунис) были примеры, когда в период до миллениума и после при снижении суммарной рождаемости до уровня двух детей в расчете на одну женщину условного поколения, тенденция роста населения явно определялась в течении ряда лет влиянием «положительного» накопленного демографического потенциала - благоприятной (молодой) возрастной структуры населения. Существенное значение при оценке демографического потенциала той или иной территории имеет значение конкретной оценки и прогноза тенденции изменения демографических процессов в условиях, когда «положительный (или отрицательный) потенциал роста *накапливается* в результате значительных отклонений рождаемости от уровня простого воспроизводства в прошлом и обусловлен относительным избытком (недостатком) женщин репродуктивного возраста» [2]. В, частности, явное снижение рождаемости в России в 2017 г. [3] было уже предопределено относительным и абсолютным сокращением репродуктивного возраста и предсказано демографами. Конкретные расчеты были произведены по отдельности и целым кластерам регионов

* Индексы жизненности населения (А.А. Сулакшин).

В.Н.Архангельским в 2012 г до 2035 года и опубликованы в седьмой главе коллективной монографии «Демографическое настоящее и будущее России» [4 с. 408-410, 218, 222, 224-225].

Попытки определить размеры демографического потенциала Урала, в частности на примере процесса рождаемости обнаруживают ведущую роль репродуктивного фактора и репродуктивных установок в формировании исторической динамики численности и половозрастной структуры населения в принципе в процессе демографического перехода, сопровождавшегося традиционно высокими волнами миграции населения в разные исторические периоды.

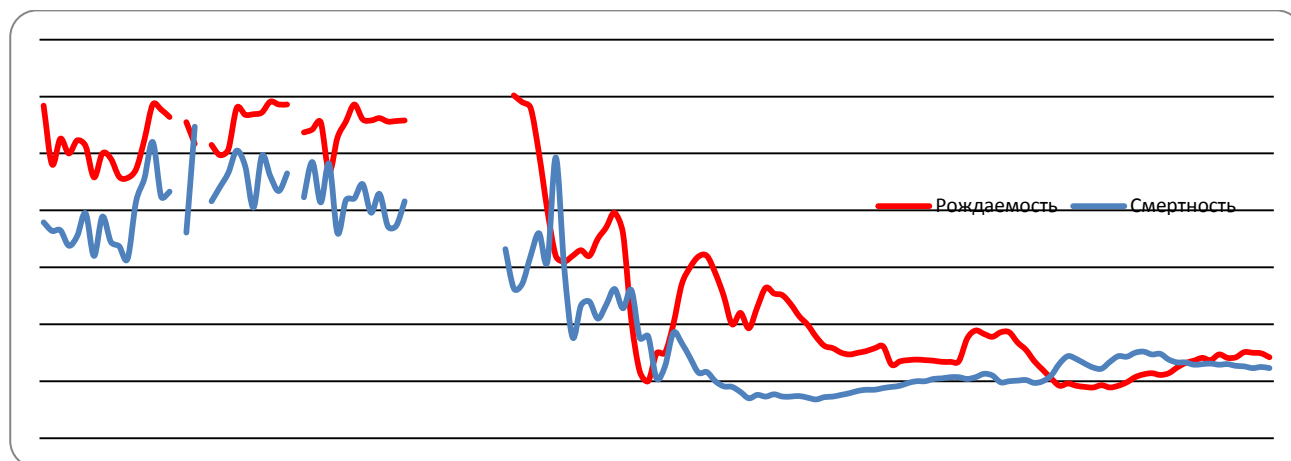

Рис.1 Уточненные данные по демографическому переходу на Урале за три века, динамика общего коэффициента рождаемости и смертности, ‰.

Очевидно, что соответствующие процессы демографической трансформации приобретают особые формы на соседних территориях центральной Азии, Китая и Юго-Восточной Азии в силу исторических, культурных и этнодемографических причин. Обращение к историческому опыту снижения потенциала рождаемости на территориях «Большого Урала» позволило выявить существование настолько высокого уровня общей рождаемости, что в определенный период показатели ОКР превышали размеры допустимого потенциала. В связи с этим, приводятся данные расчетов гипотетического уровня рождаемости на Урале по данным Имперской переписи 1897 года. В 1897-1989 гг. потенциал рождаемости снизился, но ненамного [5, с.74].

Таблица 2

Динамика показателя ГМЕР по Уралу, ‰

Годы	ОКР (общий коэффициент рождаемости)	ГМЕР (Потенциал рождаемости ‰)	ГМЕР-ОКР	(ОКР/ ГМЕР) x 100 %
1897	55,8	50,9	-4,9	109,6
1958-1959	25,9	48,0	22,1	54,0
1969-1970	15,2	47,4	32,2	32,1
1978-1979	16,9	48,3	31,4	35,0
1988-1989	15,0	49,3	34,3	30,4

Примечание: Составлено авторами

Общая тенденция снижения потенциала рождаемости и фактических ее показателей в послевоенный период охватила территории Средней Азии.

Важнейший теоретический вывод заключается в том, что фактически уровень рождаемости может быть как ниже, так и равным уровню потенциальной рождаемости и даже превышать его.

В настоящее время на фоне обострившихся депопуляционных процессов в РФ современные проблемы интеграции социально-экономических систем стран Евразийского пространства представляются нам одним из основных пунктов стратегий экономического развития большинства стран СНГ. Отметим, что свое качественное развитие, инициатива по региональной интеграции, получила в виде создания Евразийского экономического союза (ЕАЭС). ЕАЭС подразумевало не только гармонизацию инвестиционных, транспортно-логистических и торговых отношений и систем, но в том числе качественное развитие демографического потенциала и общего рынка труда. Но экономические процессы не совпадают с демографическими. Так, до сих пор, основной вклад в динамику численности населения стран Средней Азии вносят высокие репродуктивные установки коренного населения, что хорошо видно на примере Узбекистана. В 2014 г. общий коэффициент рождаемости в этой стране составил 23,5 промилле, что равнялось оценкам вала рождаемости на Урале в послевоенный период (см. табл.2). Интересно, что гипотетический потенциал рождаемости в послевоенные годы снизился в Узбекистане с 1959 по 1970 гг. с 50‰ до 38,5 ‰ [6, с. 108]. По нашим подсчетам (по методике В.А.Борисова) потенциал рождаемости (гипотетический минимум естественной рождаемости - ГМЕР) к 1989 г. впоследствии несколько увеличился и составил в Узбекистане уже 41,2‰. Следовательно, к середине XXI столетия численность населения Узбекистана может с легкостью превысить порог 40 млн. чел. Однако в свое время, Узбекистан вышел из состава ЦАС, что было связано с принципиальной миграционной политикой властей. Таким образом, в составе ЕАЭС Узбекистана до сих пор нет, несмотря на кардинальную политическую смену внешнеполитического курса в стране, возникшей после кончины Президента Узбекистана И.А. Каримова в 2016 году.

Попытаемся охарактеризовать демографический потенциал группы стран ЕАЭС с помощью методики, разработанной С.Г. Бычковой. Проведенные расчеты показывают, что доход работает как ограничивающий фактор, понижающий оценку уровня человеческого потенциала и качества населения. Лишь в неразвитых странах наблюдается его нейтральное влияние на качество населения в стране. Но это говорит о том, что планка желаемого дохода для страны в расчете на чел. может быть слишком «задрана вверх». Разнообразные способы расчета Nonincome-HDI и анализ компонентов HDI приводится в монографии С.Г. Бычковой [7, 442-443].

Основная формула и идея Nonincome-HDI довольно проста – вернуться назад и рассмотреть качество населения как его жизненный потенциал и число лет обучения в учебных заведениях:

$$\text{non-income HDI} = \sqrt[3]{I_{\text{сред. продолжительность жизни}} \cdot I_{\text{образование}}}$$

Обратим внимание на тот факт, что метод Nonincome-HDI позволяет рассмотреть качество населения без искажающего действия показателя национального дохода, который затрудняет оценку собственно качества населения. Мало того категория дохода в экономике не определена вообще и чисто аппликативна к его источнику. Есть еще одно обстоятельство – желаемый уровень дохода – весьма зыбкая категория в экономической статистике. Его верхняя граница трудно доказуема применительно к той или иной стране или региону.

Сравним показатели стран ЕАЭС с данными по Норвегии, как неким эталоном стратегии человеческого потенциала.

Таблица 3

Соотношение показателей HDI и Nonincome HD в Норвегии и странах ЕАЭС, 2014 г.

№№	Страны ЕАЭС	HDI	Ex0 (СППЖ)	Nonincome HD
1	Норвегия	0,943	81,1	0,975
2	Россия	0,755	68,8	0,777

3	Казахстан	0,745	67,0	0,786
4	Киргизия	0,615	67,7	0,734
5	Армения	0,716	74,2	0,806
6	Беларусь	0,756	70,3	0,785

Примечание: Составлено авторами

Миграционный потенциал. В целом, согласно данным авторского прогноза, общая численность нелегальных мигрантов из Армении, Таджикистан и Кыргызстана в Россию к 2020 году увеличится до 4,37 млн. человек [8]. Приведенная структура несколько меняется, так можно отметить повышение доли Киргизии и доли мигрантов из Армении.

В результате чего общая численность мигрантов из Киргизии и Таджикистана к 2020 году начинает превышать 1,5 млн. человек для каждой страны. Важно отметить, что по данным института Гэллага, Кыргызстан, среди стран Средней Азии, отмечается наивысшим, процентом потенциальных мигрантов от численности населения в возрасте старше 15 лет [4].

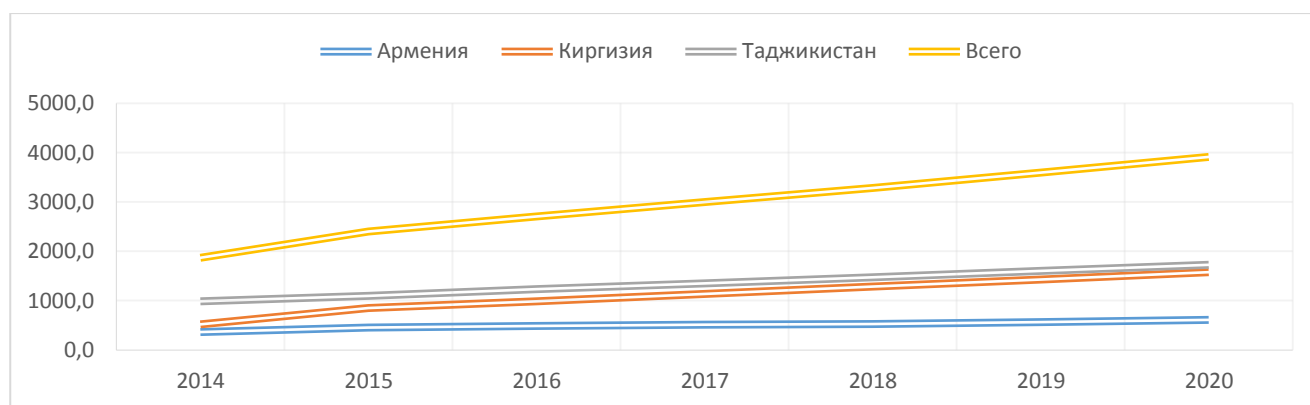

Рис. 2. Прогноз миграционных потоков из Армении, Таджикистана и Кыргызстана в Российскую Федерацию за период с 2014 по 2020 годы (с учетом нелегальной миграции)

Примечание: Составлено авторами

В целом, с учетом различных косвенных оценок уровня миграции в России (в первую очередь по объемам трансграничных денежных переводов), а также прогнозов роста нелегальной миграции до 2020 года (в частности, в рамках исследований Института демографии ГУ-ВШЭ на основе роста ВВП и производительности труда) полученные прогнозы можно оценивать, как обладающие достаточной степенью реалистичности.

Таблица 4

Соотношение показателей демографического потенциала в странах ЕАЭС, 2014 г.

Страна	Медиан-ный возраст населения (число лет)	Общий коэффициент рождаемости (на 1000 чел.)	Суммар-ный коэффициент рождаемости	Общий коэффициент смертности (на 1000 чел.)	Общая численность населения, тыс. чел.	Число жителей на 1 кв.м.	Доля городского населения, %
Россия	39	13,2	1,58	13,0	143667	8	74,2
Казахстан	28	22,7	2,62	8,0	17161	6	55,0
Беларусь	38	12,5	1,62	13,3	9468	49	76,8
Армения	32	13,8	1,50	9,0	3017	101	63,4
Кыргызстан	23	27,2	3,15	6,1	5777	29	33,7
ЕАЭС	32	17,9	2,09	9,9	179090	-	60,6

СНГ	35	15,0	1,60	11,5	282000	12	54,9
-----	----	------	------	------	--------	----	------

Медианный возраст является обобщенной характеристикой возрастной структуры населения. Она делит все население на две равные группы: одну – моложе медианного возраста, другую – старше. Так, в среднем по ЕАЭС медианный возраст оценивается в 32 года, против 35 лет по СНГ. Беларусь, Россия со значением медианного возраста, близким к 40, приближаются к странам Евросоюза (41 год в среднем по ЕС-28)[9].

Коэффициент рождаемости. Средний по СНГ суммарный коэффициент рождаемости (СКР) оценивался в 2014 году в 1,6 рождений на одну женщину 15-49 лет [10]. Такое же значение и в странах ЕС-28. В этой связи СКР стран ЕАЭС (2,09) смотрится оптимистично.

Коэффициент смертности. В среднем по странам СНГ общий коэффициент смертности (ОКС) оценивается в 11,5‰ (число умерших в расчете на 1000 населения) против 9,9 ‰ в странах ЕАЭС. Снижение уровня смертности происходит за последние десять лет в практически во всех государствах СНГ, в том числе и ЕАЭС, особенно в Беларуси, Казахстане, России и Украине. Сложившаяся тенденция снижения смертности приводит к увеличению среднего возраста населения, вместе с ростом рождаемости и миграции повышает численность населения в странах, однако повышается и нагрузка на его трудоспособную часть.

Численность населения странах СНГ на начало 2014 года оценивалась в 282 миллиона человек. В свою очередь, население стран ЕАЭС составило более 63 % 179 млн. человек или более 63% от численности населения стран СНГ.

Плотность населения стран СНГ разнится достаточно сильно - от более 100 жителей на 1 квадратный километр в Армении и Молдове до менее 8 жителей в Казахстане и России. Средняя плотность населения СНГ составляет 12 жителей на 1 квадратный километр при среднем значении в мире примерно 50 жителей.

Доля городского населения. Всего в странах СНГ чуть более 20 городов с населением более одного миллиона человек. Из них только в России таких городов 15, в них проживает более 20% граждан страны и 31% городских жителей)[11].

Последовательное рассмотрение методом описательной демографии потенциала роста населения стран ЕАЭС, как институционально-территориального образования, выявило его лучшие экономико-демографические возможности развития, по сравнению с системой СНГ. Это наглядно видно в графической форме интегральных демографических показателей ЕАЭС и СНГ (см. рис. 3)

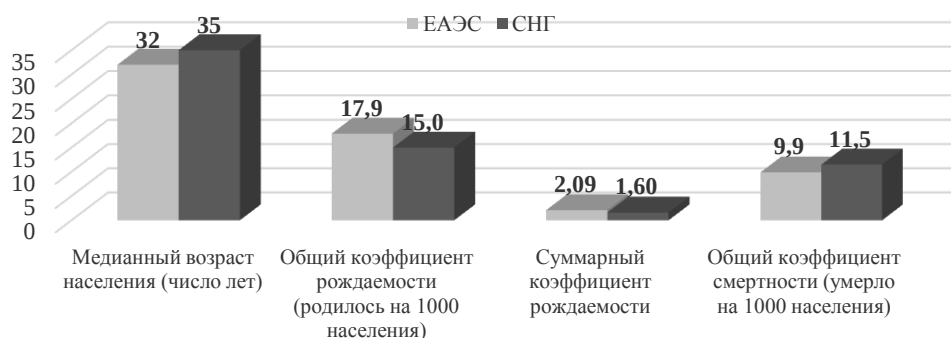

Рис. 3. Соотношение показателей демографического потенциала ЕАЭС и СНГ, 2014 г.

Гистограмма свидетельствует о формировании более благоприятного социально-экономического климата в ЕАЭС, по сравнению с СНГ в целом. ЕАЭС имеет и преимущества экономического роста, что в перспективе может быть усилено за счет вхождения ряда независимых государств и повлиять на сокращение негативных социально-

демографических показателей развития (низкого дохода и бедности, нерациональной маятниковой и сезонной миграции, снижение мужской преждевременной смертности). В дальнейшем возможно конструирование единого интегрального показателя потенциалов ЕАЭС и разработка соответствующей методики.

© Кузьмин А.И., Савеленко Д.В. Текст. 2017

Благодарность

Статья написана при поддержке Гранта РФФИ №15-06-09169 «Разработка методического инструментария измерения и оценки влияния социально-экономических и медико-демографических факторов на показатели смертности населения трудоспособного возраста»

Список источников

1. Кузьмин А.И., Савеленко Д.В. Основные подходы к оценке демографического потенциала региона. /Демографическое образование и изучение народонаселения в университетах (к 50-летию кафедры народонаселения) (Девятые Валентеевские чтения): Сборник статей и тезисов выступлений.- М.; Экономический факультет МГУ имени М.В.Ломоносова, 2017- 628.
2. Рост населения Земли идет в основном за счет накопленного ранее потенциала.demoscope.ru/weekly № 155 – 156 19 апреля - 2 мая 2004. [Электронный ресурс]. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2004/0155/barom02.php> 2 ноября 2016.
3. Рождаемость в России снизилась более чем на 11% в 2017 году. [Электронный ресурс]. URL: <https://newsland.com/user/4296648012/content/rozhdaemost-v-rossii-snizilas-bolee-chem-na-11-v-2017-godu/5979939> 4 сентября 2017-09-04gogores перепечатал из www.gazeta.ru.
4. Демографическое настоящее и будущее России. / Под ред. Колбанова В.Ф. и Л.Л. Рыбаковского.- М.: Экон-информ, 2012.- 417с.
5. Население Урала. XX век. История демографического развития / монография / коллектив авторов под ред.Алексеева В.В. / Екатеринбург, 1996 г., с. 210, с. 79-80, ил. – ISBN 5-88464-017-X.
6. Борисов В.А. Перспективы рождаемости. М., «Статистика», 1976, с. 108.
7. Бычкова С.Г. Социальная статистика. Практикум. / Учебное пособие // М. Юрайт, 2014 г., 534 с., с. 442-443: ил. – ISBN – 978-5-9916-3571-4.
8. Савеленко Д.В. Оценка вклада трудовой миграции в экономику России / Управление процессами экономической трудовой миграции в странах ЕАЭС и СНГ. Монография / коллектив авторов под ред. Алиева С.Б.- М. 2016 с. - 271 с., с.159-170: ил. – ISBN 978-601-215-168-7.
9. Савеленко Д.В. Прогнозная оценка социально-экономических последствий развития трудовой миграции в России. / Журнал: Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 6.
10. Тенденции социально - экономического развития Узбекистана – Ташкент: ИМПИ, 2015.
11. О демографической ситуации в странах СНГ / Статистический бюллетень «Статистика СНГ» №12 (543), 2014 г., стр. 11-30.

Информация об авторах

1. Кузьмин Александр Иванович – кандидат экономических наук, доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург
2. Савеленко Дмитрий Владимирович – Заместитель Председателя Общественного Фонда «SANA Eurasia», г. Астана, Республика Казахстан. dsavelenko@gmail.com, тел.+7-701-798-75-23

MAIN STAGES OF THE METHODOLOGY OF ESTIMATION AND FORECAST OF LABOR MIGRATION FLOWS

The article describes the main stages of the methodology for assessing labor migration flows. The aim of the methodology is to determine the potential volume of labor migration and the cumulative economic effect of migration phenomena in order to develop recommendations for minimizing the impact of negative effects of migration flows on the development of the socio-economic environment. In turn, the object of the methodology is the migration flows themselves. These stages of the methodology can be, as at the interethnic and at the game level.

Key words: demographic potential, fertility, mortality, migration, optimum population, the Eurasian economic Union.

Information about authors

1. Kuzmin Aleksandr Ivanovich - DSN, Professor, senior researcher of the Institute of Economics, Ural branch of RAS

2. Savelenko Dmitry Vladimirovich – Deputy Chairman of the Public Foundation "SANA Eurasia", Astana, Republic of Kazakhstan. dsavelenko@gmail.com tel:+7-701-798-75-23

УДК: 314.58

А.Б. Синельников

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО БРАЧНОГО ПОТЕНЦИАЛА НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ

Автор рассчитал потенциал брачности – теоретический максимум числа браков (на 1000 населения) при существующей численности и возрастной структуре неженатых мужчин и незамужних женщин. Реализация потенциала брачности, то есть пропорция между его величиной и реальным уровнем брачности) характеризует ситуацию на «брачном рынке».

Ключевые слова: Брак, брачность, общий коэффициент брачности, потенциал брачности, реализация потенциала брачности, модель брачности для обоих полов.

Суммарные показатели рождаемости характеризуют уровень замещения поколений не для всего населения, а только для его женской части. Но такие показатели иногда рассчитываются также и для мужской части населения и в некоторых случаях могут быть выше, чем для женского населения, (особенно, если в репродуктивных возрастах численность мужчин меньше численности женщин). При перспективных расчетах населения по стандартному алгоритму передвижки из возраста в возраст ожидаемое число рождений должно быть рассчитано с учетом показателей рождаемости на 1000 женщин данного возраста. Если же применить в прогнозе аналогичные показатели для мужчин, то расчет даст другие результаты[7].

Основной единицей воспроизводства населения следует считать не женщину (но и не мужчину тоже), а семейную пару, то есть либо законных супругов, либо пару сожителей, если они проживают вместе и создали фактическую семью.

Суммарный показатель рождаемости рассчитывается как сумма всех возрастных показателей рождаемости, то есть чисел рождений в расчете на 1000 женщин в возрасте x лет, где значение x составляет от 15 до 49. Эти возрастные показатели зависят от процента состоящих в браке среди женщин данного возраста. Сама же эта процентная доля зависит от

соотношения численности полов в репродуктивных возрастах, а также от разницы между возрастными группами.

Было бы более правильным рассматривать замещение поколений не как замещение матерей дочерьми или отцов – сыновьями, а как замещение родительских пар новыми парами, которые создают их дети. В этом случае уровень рождаемости следует измерять не в расчете на одну женщину (или на одного мужчину), а в расчете на одну семейную пару. Но перспективный расчет числа браков, то есть, вновь образованных пар, основанный на показателях брачности мужского населения дает иные результаты, чем прогноз, основанный на показателях для женского населения. Некоторые демографы при составлении прогнозов считают наиболее вероятной среднюю величину из мужского и женского вариантов [8]. Но было бы предпочтительней ориентироваться на минимум из этих двух цифр.

Если рассматривать население не как совокупность индивидов, а как совокупность домохозяйств и семей, большую часть которых составляют семейные пары, то численность этих пар можно прогнозировать исходя из показателей брачности либо для мужчин, либо для женщин. Естественно, что при этом ожидаемое число браков у мужчин и женщин будет различаться, то есть результаты прогноза окажутся абсурдными.

Брачность характеризуется множеством разных индикаторов – средним возрастом вступления в брак, долей лиц, ни разу не вступивших в брак до выхода из репродуктивного возраста (то есть среди населения старше 45 или 50 лет), процентом лиц, вступавших в брак несколько раз, возрастными и суммарными показателями и т.д. Каждый из этих показателей за исключением общего коэффициента брачности в расчете на 1000 населения, имеет два варианта – для мужчин и для женщин, причем эти две цифры всегда различаются.

Почти все демографы анализируют показатели брачности мужчин и женщин в отдельности как показатели, характеризующие два параллельных процесса, связь между которыми очевидна, но не поддается измерению. До сих пор никто не смог построить адекватную модель брачности, как процесса образования семейных пар, который является единым для обоих полов (two-sex marriage model).

Автор этой статьи, опираясь на идеи французских демографов Л. Анри [9] и Л. Таба [7], а также израильского демографа Г.В. Мюзама [10], предложил метод расчета потенциала брачности, то есть дополнительного брачного потенциала – максимального числа браков, которые могут быть заключены при данной численности и возрастном составе неженатых мужчин и незамужних женщин, с учетом частоты вариантов комбинации их возрастов [6].

В 2011 г. в Российской Федерации вступили в брак 1316011 пар. Число пар новобрачных, в которых жениху было не более 24 лет, составило 381545. Невест тех же возрастов оказалось значительно больше – 586127, поскольку женщины вступают в брак в более раннем возрасте, чем мужчины. В 312281 случае к этой возрастной группе принадлежали оба новобрачных¹. Легко рассчитать, что 82% среди всех женихов до 24 лет женились на ровесницах ($312281/381545 = 0,82$). Но среди невест до 24 лет лишь немногим более половины (53%) вышли замуж за ровесников ($312281/586127 = 0,53$). В качестве ровесников здесь рассматриваются не те женихи и невесты, у которых возраста совпадают с точностью до одного года, а те, которые принадлежат к одной и той же возрастной группе.

По данным переписи 2010 г., в стране насчитывалось 7,2 млн мужчин и только 6 млн женщин 18-24 лет, не состоящих в законном браке².

Поскольку 82% мужчин 18-24 лет вступают в брак с женщинами той же возрастной группы, то их «условный брачный спрос» на своих «условных ровесниц» $= 7,2 \text{ млн} \times 0,82 = 5,9 \text{ млн}$.

Но среди женщин 18-24 лет лишь 53% выходят замуж за ровесников. «Условное брачное предложение» невест 18-24 лет для ровесников $= 6,0 \text{ млн} \times 0,53 = 3,2 \text{ млн}$.

¹ Рассчитано по: United Nations Demographic Yearbook. (2012). Sixty-third issue. New York, United Nations, 2013. P. 600.

² Рассчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. В 11 томах. Т. 2. Возрастно-половой состав и состояние в браке. М.: Статистика России, 2012. С. 294-295

Комбинационный брачный потенциал для данной комбинации (сочетания) возрастных групп жениха и невесты, то есть наименьшая из двух величин – «условного спроса» и «условного предложения», составляет 3,2 млн. В дальнейшем прилагательное «условный» в большинстве случаев уже не употребляется, поскольку ясно о каких «условностях» идет речь.

Мужчинам 18-24 лет не хватает невест-ровесниц, многие из которых считают своих сверстников недостаточно «взрослыми» для брака, а также невест от 25 до 34 лет, в большинстве случаев предпочитающих либо ровесников, либо мужчин на несколько лет старше себя. В 2010 г. конъюнктура на «брачном рынке» была выгоднее всего для мужчин 25-29 лет. Их «условный брачный спрос» на невест любого возраста был меньше «условного брачного предложения».

Но мужчинам 30-34 лет уже не хватает невест моложе 30 лет, мужчинам от 35 до 44 лет – невест до 35 лет, мужчинам 45–49 лет – женщин до 40 лет, мужчинам от 50 до 59 лет – женщин до 45 лет, мужчинам старше 60 лет – женщин до 50 лет, поскольку многие из этих женщин считают мужчин данных возрастов слишком старыми, хотя женихов-ровесников (или немного старше себя) им явно не хватает – последние часто ищут значительно более молодых невест, которые, однако, далеко не всегда соглашаются на брак при такой разнице в возрасте.

Таблица 1

Условный брачный спрос и условное брачное предложение (тыс. чел.)/
Российская Федерация, 2010 г.

возраст женщин (лет)		возраст мужчин (лет)							
		18-24	25-29	30-34	35-39	40-44	45-49	50-59	60+
18-24	С	5906,3	1691,4	504,1	165,6	60,2	28,8	18,5	7,6
	П	3213,3	2220,6	454,7	101,6	27,0	9,1	4,3	0,7
25-29	С	1090,7	1342,1	949,7	483,6	213,0	103,0	64,8	20,1
	П	458,4	1360,9	661,6	229,1	73,7	25,1	11,5	1,4
30-34	С	173,0	273,3	610,9	607,6	359,6	207,4	143,2	38,1
	П	131,8	502,3	771,3	521,5	225,4	91,4	46,1	4,8
35-39	С	34,8	59,6	182,7	425,7	422,3	311,2	240,9	65,2
	П	45,7	188,7	397,8	630,3	456,6	236,5	133,7	14,1
40-44	С	7,8	11,5	41,7	126,0	294,7	352,8	343,0	105,2
	П	17,3	62,1	154,1	316,6	540,8	455,0	323,2	38,5
45-49	С	2,2	2,5	11,2	35,7	106,0	342,1	554,0	207,5
	П	8,0	21,2	66,3	143,4	311,3	705,7	835,0	121,6
50-59	С	1,2	0,8	2,9	11,4	40,5	168,6	1037,6	983,9
	П	8,0	13,0	32,3	87,7	226,9	663,8	2984,7	1100,5
60+	С	0,3	0,3	0,4	0,7	1,9	8,0	113,5	1152,3
	П	14,4	28,9	28,0	35,2	73,1	220,2	2289,9	9038,7

мужской спрос превышает женское предложение: $C > П$

женское предложение превышает мужской спрос: $C < П$

Рассчитано по данным Росстата: Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. В 11 томах. Т. 2. Возрастно-половой состав и состояние в браке. М.: Статистика России, 2012. С. 294-295; United Nations Demographic Yearbook (2012). Sixty-third issue. New York, United Nations, 2013. P. 600.

Поэтому дополнительный брачный потенциал в абсолютном выражении, то есть сумма всех комбинационных брачных потенциалов, составляет лишь 17,6 млн. Это не только в два раза меньше числа совершеннолетних незамужних женщин (34,2 млн.), но и намного меньше численности совершеннолетних неженатых мужчин (22,9 млн.), немалая часть которых не имеет возможности вступить в брак из-за отсутствия невест, подходящих по возрасту и согласных на брак при соответствующей возрастной разнице.

Дополнительный брачный потенциал в расчете на 1000 населения – это потенциал брачности, то есть максимально возможное значение общего коэффициента брачности (числа зарегистрированных браков на 1000 населения) при условии, что все мужчины и женщины, имеющие гипотетическую возможность вступить в брак, реализуют эту возможность за один год.

Автор рассчитал эти потенциалы в среднем за двухлетние периоды, в середине которых проводились сплошные переписи населения (за исключением переписи 2002 г., поскольку в тот период не разрабатывались данные о сочетании возрастов женихов и невест), а также по данным микропереписей населения 1994 и 2015 гг.

В 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. людей, проходящих перепись, спрашивали о том, состоят ли они в браке, не выясняя, зарегистрирован ли этот брак. Дополнительный вопрос о регистрации брака стали задавать при переписях и микропереписях, начиная с 1994 г. Поэтому приведенные ниже оценки величины потенциала брачности за 1958-1959, 1969-1970, 1978-1979 и 1988-1989 гг. в какой-то степени преуменьшены. Мужчины и женщины, состоящие в фактических брачных отношениях, но не зарегистрировавшие свой союз в ЗАГСе, не рассматривались как лица, имеющие возможность вступить в брак, поскольку, отвечая на вопросы переписного листа, они указали, что состоят в браке.

За 1993-1994, 2010-2011 и 2015-2016 гг. потенциал брачности приводится в двух вариантах:

Вариант А – для всех лиц, не состоящих ни в зарегистрированном, ни в незарегистрированном браке.

Вариант В – только для лиц, не состоящих в зарегистрированном браке.

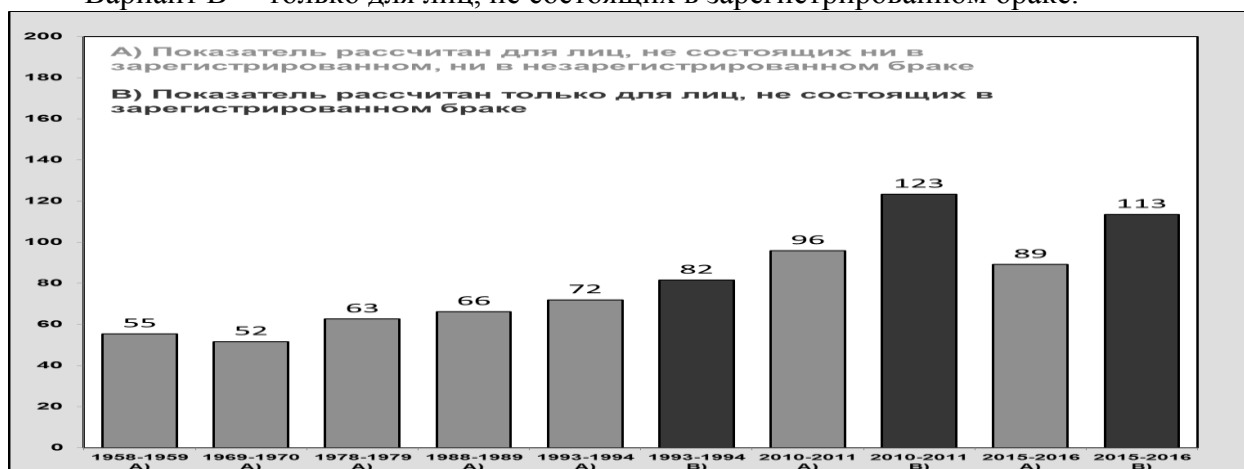

Рис. 1. Потенциал брачности (на 1000 населения). Российская Федерация, 1958-2016 гг.

Рассчитано по данным Росстата: см.: Демографический ежегодник России. 1994. М.: Госкомстат России, 1995. (Таблица 3.6.); Демографический ежегодник России. 2015: Стат.сб./ Росстат. (Электронное издание) - М., 2015. С. 50; Естественное движение населения в разрезе субъектов Российской Федерации за январь-декабрь 2016 года. (Размещено на официальном сайте Росстата 02.02.2017) – URL: http://www.gks.ru/free_doc/2016/demo/edn12-16.htm (доступно на 15.04.2017); Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. В 11 томах. Т. 2. Возрастно-половой состав и состояние в браке. М.: Статистика России, 2012. С. 294-295; Россия в цифрах. 2016: Краткий статистический сборник. М.: Росстат, 2016. С. 76; Состояние в браке и рождаемость в России (по данным микропереписи населения 1994 г.). М., 1995. С. 8-9; Таблицы с итогами микропереписи населения 2015 года. Табл. 1.1 и 1.2 – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html (Дата обращения: 18.02.2016.); 2012 United Nations Demographic Yearbook. Sixty-third issue. New York, United Nations, 2013. P. 600.

Примечание: оценка потенциала брачности по варианту А за 1993-1994 гг. немного отличается от ранее опубликованной автором [2, с. 39; 5, с. 30] из-за пересмотра метода распространения данных выборочной микропереписи 1994 г. на все население.

По данным микропереписи 1994 г., распространенным на все население, примерно 2 млн женщин и почти столько же мужчин состояли в незарегистрированном браке. Это составляет около 6,5% от общего числа состоящих в браке. Поэтому разница между вариантами А и В в 1993-1994 гг. не очень велика (10 пунктов). По-видимому, в предыдущие 30-35 лет эта разница была примерно такой же или даже несколько меньшей.

Судя по динамике доли рождений вне зарегистрированного брака, можно предполагать, что в 1960-х, 1970-х и 1980-х годах частота незарегистрированных брачных союзов также была относительно невелика. Поэтому главной причиной роста потенциала брачности в этот период вряд ли может быть увеличение численности и доли мужчин и женщин, состоящих в официально не оформленных брачных союзах, и, соответственно, имеющих возможность зарегистрировать эти союзы в ЗАГСах.

Это объяснение более подходит для последующего периода, когда рост потенциала брачности может частично (но все же далеко не полностью) объясняться тем, что численность людей, состоящих в незарегистрированном браке, возросло, по данным переписи 2010 г., примерно до 4,5 млн (как среди мужчин, так и среди женщин) и составило уже 13% от общего числа лиц, считающих себя состоящими в браке, то есть вдвое больше, чем в 1994 г.

По данным микропереписи 2015 г., доля состоящих в незарегистрированном браке осталась примерно той же, какой она была в 2010 г., но потенциал брачности сократился до 113.

Потенциал брачности, рассчитанный по варианту А, за период с 1958-1959 по 2015-2016 гг., повысился с 55 до 89 на 1000 населения, то есть в 1,6 раза. За период с 1993-1994 по 2015-2016 г. величину этого потенциала можно определить и более точным способом, то есть, по варианту В. В этом случае показатель увеличивается с 82 в 1993-1994 гг. до 123 в 2010-2011 гг., а затем немного уменьшается – до 113 в 2015-2016 гг.. Однако уменьшение этого показателя может объясняться неполной репрезентативностью данных микропереписи 2015 г., в которых разные регионы России представлены весьма непропорционально численности своего населения [1]. В 2015-2016 гг. потенциал брачности был в 1,4 раза больше, чем в 1993-1994 гг. Поскольку на обе эти даты величина потенциала определялась по данным выборочных микропереписей, сам факт существенного увеличения величины потенциала и одновременно столь же существенного уменьшения степени реализации этого потенциала (см. ниже) не вызывает никакого сомнения.

При обоих вариантах расчета (как А, так и В), рост показателей очень значителен. Главная причина такого сдвига – рост численности (и доли во всем взрослом населении) тех

мужчин и женщин, которые не состоят в браке, и, следовательно, имеют возможность в него вступить. В какой же степени они используют эту возможность?

Реализация потенциала брачности (в %) – это частное от деления общего коэффициента брачности (на 1000 населения) на потенциал брачности (тоже на 1000 населения) или, соответственно, частное от деления числа браков на дополнительный брачный потенциал (в абсолютных числах).

Данный индикатор показывает, какая часть потенциала реализуется в % за один год или в среднем за двухлетние периоды, в середине которых были проведены сплошные или выборочные переписи. Переписи 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. проводились в январе, микроперепись 1994 г. – в феврале, перепись 2010 г. и микроперепись 2015 гг. – в октябре.

В течение всего изучаемого периода реализация потенциала брачности (по варианту А) непрерывно снижалась и в итоге сократилась с 22,4% в 1958-1959 гг. до 8,2% в 2015-2016 гг., то есть, в 2,7 раза.

Этот же показатель, рассчитанный по варианту В, составил 9,2% в 1993-1994 гг., 7,2% в 2010-2011 гг. и 6,5% в 2015-2016 гг. За весь 22-х летний период (для которого возможны такие расчеты, поскольку есть данные о численности лиц, состоящих и не состоящих в зарегистрированном браке), реализация потенциала брачности уменьшилась в 1,4 раза, то есть ровно в той же степени, насколько увеличился сам потенциал. Поэтому общий коэффициент брачности, который представляет собой произведение потенциала брачности на реализацию этого же потенциала, в 2015-2016 гг. остался почти таким же, как и в 1993-1994 гг. – 7,3 на 1000 населения. Правда, в 2010-2011 гг. этот коэффициент был значительно больше (8,9 на 1000).

Рис. 2. Реализация потенциала брачности в Российской Федерации за 1958-2016 гг. (число зарегистрированных браков /в среднем за год/, в % к потенциалу).

Рассчитано по данным Росстата: [те же источники, что для рис. 1]

Примечание: оценка реализации потенциала брачности по варианту А за 1993-1994 гг. немного отличается от ранее опубликованной автором [2, с. 39; 5, с. 30] из-за пересмотра метода распространения данных выборочной микропереписи 1994 г. на все население.

Общий коэффициент брачности, то есть число браков на 1000 населения – это один из самых несовершенных демографических показателей. Он не только зависит от структуры населения по полу и возрасту, но и рассчитывается по формуле, некорректной с точки зрения статистической методологии.

$$\text{общий коэффициент брачности} = \frac{\text{Число зарегистрированных браков}}{\text{Среднегодовая численность населения}} \times 1000 \text{ ‰}$$

В этой формуле нет полной сопоставимости между числителем и знаменателем дроби, поскольку в ее знаменатель, то есть в численность всего населения, входят женатые мужчины, замужние женщины, а также дети, которые не могут вступить в брак.

Направление динамики общего коэффициента брачности неоднократно изменялось. Этот показатель заметно понизился в 1960-х годах, затем вновь повысился в 1970-х, но все же не вернулся на высокий уровень конца 1950-х годов. В 1980-х и в первой половине 1990-х годов имело место новое снижение общего коэффициента брачности. Затем он опять увеличился, но и после этого, в 2010-2011 гг., его величина осталась заметно меньшей, чем в 1978-1979 гг. В первой половине 2010-х годов коэффициент опять уменьшился и вернулся к очень низкому уровню середины кризисных 1990-х годов.

Метод брачных потенциалов позволяет разложить (декомпозировать) общий коэффициент брачности на два компонента по формуле:

$$\text{Общ. коэфф. брачности} = \text{потенциал брачности} \times \text{реализация потенциала брачности}$$

Из этой формулы, а также из рисунков 1 и 2 видно, что внешняя «стабилизация» общего коэффициента брачности между 1993-1994 и 2015-2016 гг. объясняется двумя противоположными по направлению и как бы «компенсирующими» друг друга тенденциями.

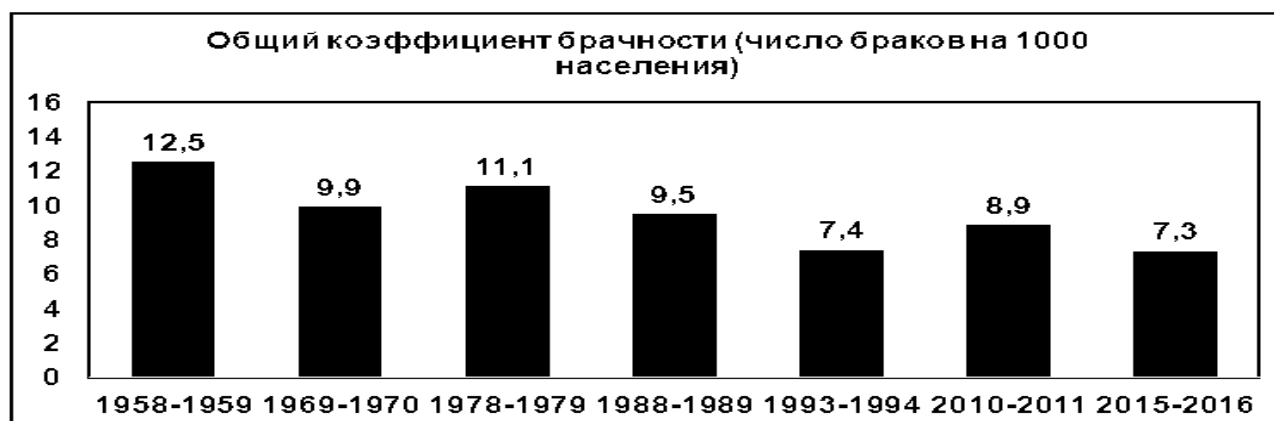

Рис. 3. Общий коэффициент брачности (число браков (на 1000 населения) в Российской Федерации за 1958-2016 гг.

Рассчитано по тем же источникам, что рисунки 1 и 2.

С одной стороны, потенциал брачности растет за счет увеличения числа и доли взрослых мужчин и женщин, подходящих друг другу по возрасту, но не состоящих в браке. С другой стороны, внутри этой части населения уменьшается интенсивность вступления в брак. Трудно предполагать, что эти тенденции будут «уравновешивать» друг друга в течение длительного периода. Скорее всего, общий коэффициент брачности будет снижаться.

В 2015-2016 гг. общий коэффициент брачности был таким же, как в 1993-1994 гг. (7,3), но меньшим, чем в 2010-2011 гг. (8,9). Если же считать эти коэффициенты за каждый год отдельно, то в 2016 г. общий коэффициент брачности составлял 7,9, а в 2016 г. – лишь 6,7 на 1000 населения¹, то есть на 15% меньше.

Все эти данные свидетельствует о колоссальном снижении интенсивности вступления в брак среди мужчин и женщин, несмотря на рост их обеспеченности потенциальными брачными партнерами, подходящими по возрасту и не состоящими в браке. Это подтверждает мнение С.В. Захарова о том, что «золотой век» традиционного брака близится

¹ Естественное движение населения в разрезе субъектов Российской Федерации за январь-декабрь 2016 года. (Размещено на официальном сайте Росстата 02.02.2017) – URL: http://www.gks.ru/free_doc/2016/demo/edn12-16.htm (доступно на 15.04.2017).

к закату» [4]. Зарегистрированных браков становится все меньше, незарегистрированных – все больше. Но означает ли это, что второй процесс полностью компенсирует первый?

Ответ на этот вопрос тоже можно получить с помощью метода брачных потенциалов, который применим не только к показателям *вступления в брак*, но и к показателям *состояния в браке*.

Общий брачный потенциал – это суммарная численность мужчин (или женщин), состоящих в зарегистрированном браке либо имеющих возможность вступить в брак (дополнительный брачный потенциал). *Нетто-реализация общего брачного потенциала* – это его часть, которая приходится на лиц, состоящих в зарегистрированном браке. В 1994 г. она составляла 74%, в 2010 г. – 63%, в 2015 г. – 65%.

При расчете *брутто-реализации общего брачного потенциала* учитываются все люди, считающие себя состоящими как в зарегистрированном, так и в незарегистрированном браке. Их суммарная доля приводится в процентах от общего брачного потенциала. Брутто-реализация несколько выше нетто-реализации, но также снизилась с 79% в 1994 г. до 72% в 2010 г., а затем вновь повысилась, но не намного – до 74% в 2015 г. (см. рисунок 4).

Незначительное увеличение нетто- и брутто-реализации общего брачного потенциала за 2010-2015 гг. (оба показателя увеличились на 2%) может объясняться недостаточной репрезентативностью данных микропереписи 2015 г. (о чем уже упоминалось выше) и не отражать реальную тенденцию. Во всяком случае, до возврата к уровню реализации возможности состояния в браке, имевшему место в 1994 г., еще очень далеко, а реализация возможности вступления в брак продолжает снижаться.

Все больше становится мужчин и женщин, предпочитающих жизнь в одиночестве жизни в зарегистрированном брак или в неофициальном «союзе» с супругами либо с партнерами, которых они считают неподходящими для себя спутниками жизни, как по возрасту, так по другим параметрам, не учитываемым статистикой, но влияющим как на снижение брутто- и нетто-реализации общего брачного потенциала, так и на уменьшение реализации потенциала брачности.

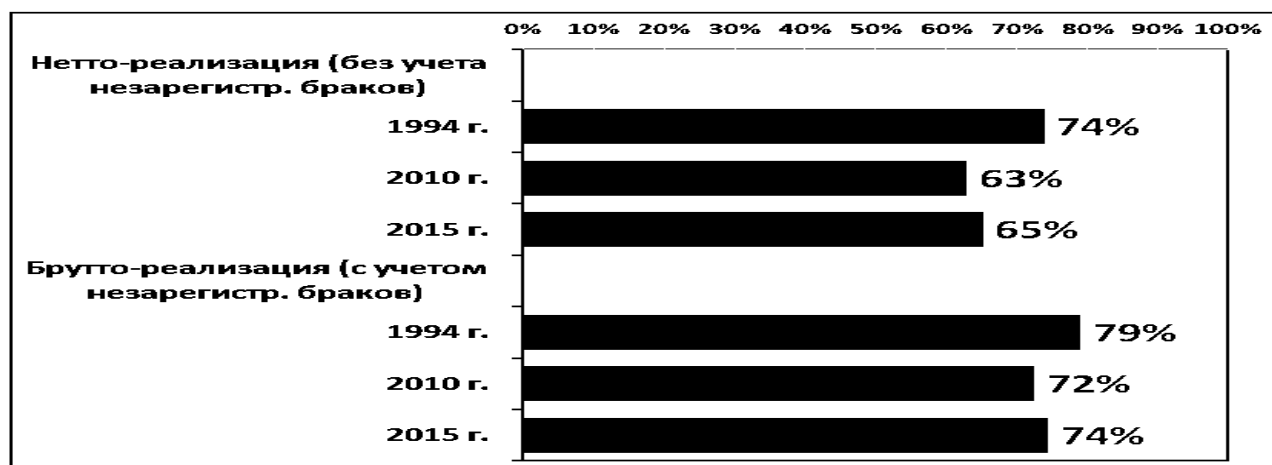

Рис. 4. Брутто- и нетто-реализация общего брачного потенциала в Российской Федерации за 1994-2015 гг.

Рассчитано по данным Росстата: [те же источники, что для рис. 1]

Как среди мужчин, так и среди женщин растет доля одиноких людей с чрезмерно высокими брачными притязаниями. Они согласны на брак лишь с такими партнерами, которых почти невозможно найти или они уже состоят в браке, либо не отвечают взаимностью.

Многие люди вообще отказываются не только от законного брака, но и от сожительства, так как при совместной жизни с другим человеком, даже без регистрации в ЗАГСе, приходится считаться с его (или ее) интересами, а это ограничивает личную

независимость. Кто хочет полной свободы, тому не нужны ни брак, ни дети, ни семья вообще.

Метод брачных потенциалов позволяет анализировать брачность, как единый для обоих полов процесс, а также повысить точность демографических прогнозов и прогнозировать не только ожидаемую численность и половозрастную структуру населения, но также число и состав домохозяйств [3], большую часть которых составляют супружеские пары с детьми или без детей. Это имеет значение для определения перспективного спроса на жилье, земельные участки, автомобили и прочие товары длительного пользования, а также для более точного прогнозирования числа родившихся с учетом различий в вероятности рождения детей у замужних и незамужних женщин.

Неблагоприятная динамика реализации брачных потенциалов может служить одним из аргументов за активизацию семейно-демографической политики не только в отношении рождаемости, но и в отношении брачности. Эти задачи могут быть решены только вместе.

© Синельников А.Б. Текст. 2017

Список источников

1. Андреев Е.М., Захаров С.В. Микроперепись - 2015 ставит под сомнение результативность мер по стимулированию рождаемости. Корректировка данных Микропереписи-2015 // Демоскоп Weekly № 711-712. – URL: <http://demoscope.ru/weekly/2017/0711/tema02.php>. (дата обращения: 18.02.2016).
2. Борисов В.А., Синельников А.Б. Брачность и рождаемость в России: демографический анализ. М.: НИИ семьи, 1996. – 117 с.
3. Волков А.Г., Сороко Е.Л. Имитационная модель демографического развития семьи // Демографические процессы и их закономерности. Под ред. А.Г. Волкова. М.: Мысль. 1986. С. 76-88.
4. Захаров С.В. Трансформация брачно-партнерских отношений в России: «золотой век» традиционного брака близится к закату? // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / Под науч. ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской. М.: НИСИ, 2007. – С. 75-126.
5. Синельников А.Б. Браки и разводы // Население России. Третий ежегодный демографический доклад. Под ред. А.Г. Вишневого. М.: Центр демографии и экологии человека, 1996. – С. 28-30.
6. Синельников А.Б. Статистика брачности и “служба знакомств” // Стабильность семьи как социальная проблема. М.: Институт социологических исследований АН СССР, 1978. С. 146-166.
7. Таба Л. Взаимосвязи между возрастной структурой, плодovitостью, смертностью и миграцией. Воспроизводство и обновление населения // Демографические модели. Сборник статей под ред. и с предисл. Е.М. Андреева и А.Г. Волкова. М.: Статистика, 1977. С. 28-88.
8. Christiansen, S.G. & Keilman, N. (2013). Probabilistic Household Forecasts Based on Register Data - The Case of Denmark and Finland. *Demographic Research*. Volume 28, Article 43, Pages 1263-1302. Published 21 June 2013. <http://www.DemographicResearch.Org/Volumes/Vol28/43/> DOI: 10.4054/Demres.2013.28.43. (Date of access: 28.02.2017).
9. Henry, L. (1966). Perturbations de la nuptialite resultant de la guerre 1914-1918. *Population*, mars-avril, № 2, pp. 273-315.
10. Muhsam, H.V. (1974). The marriage squeeze. *Demography*, 11(2), pp. 291-299.

Информация об авторе

Синельников Александр Борисович, доктор социологических наук, доцент, Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, кафедра социологии семьи и демографии, sinelka@mail.ru, 119 234, Россия, Москва, Ленинские горы, МГУ, д. 1. стр. 33, Социологический факультет

DEMOGRAPHIC MEASUREMENT OF MODERN MARRIAGE POTENTIAL OF THE POPULATION OF RUSSIA

The Author has calculated the potential of marriage rate – the theoretical maximum number of marriages (per 1000 population) under the current numbers and age structure of unmarried men and women. Realization of potential of marriage rate, i.e., a ratio between its value and the real standard of marriage) characterizes the situation on the "marriage market".

Keywords: marriage, nuptiality, potential for marriage rate, realization of potential for marriage rate, two-sex marriage model.

Information about the author

Sinelnikov Alexander Borisovich - Associate professor, Doctor of Sociology, Moscow State Lomonosov University, Faculty of Sociology, Department of Family Sociology and Demography. 119234, Russian Federation, Moscow, Leninsky Gory 1-33, MGU, Faculty of Sociology. sinelka@mail.ru

УДК 94(470)"1939/1945"

Г.Е. Корнилов

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РОССИИ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1939–1945 гг.)

В статье рассматривается неизученная историко-демографическая проблема: изменение численности населения России в годы Второй мировой войны. Поставленная в статье научная проблема не только слабо изучена, но являет собой один из актуальных вопросов отечественной исторической демографии. Без выявления численности населения России невозможно решение такой фундаментальной проблемы истории Второй мировой войны, как определение прямых и косвенных потерь населения России, сокращение демографического потенциала страны.

Ключевые слова: численность населения, статистика, демографический потенциал.

Демографический потенциал – показатель, характеризующий населенность территории, широко используется в прикладной демографии. В статье мы используем трактовку понятия, предложенную А.Г. Вишневым, С.А. Васиным и Ж.А. Зайончковской [2, с. 181]. Абсолютная численность населения является одним из важнейших показателей, характеризующих не только динамику демографической подсистемы общества, но и его социально-экономическое развитие. Показатели численности населения вбирают в себя долговременные итоги предшествующего естественного и миграционного движения и, таким образом, представляет большой интерес для исторической демографии. Очень важно, что показатели численности населения тесно увязаны с оценками естественного и территориального движения людских масс. Не имея данных о численности населения, невозможно рассчитать относительные показатели рождаемости, брачности, смертности и механического движения населения.

Но вопрос о том, как изменялась численность населения страны в целом в ходе демографической катастрофы Второй мировой войны, остается открытым. Тем более, что и до настоящего времени идут споры о численности населения СССР и потерях в годы Великой Отечественной войны. В феврале 2017 г. депутат Государственной Думы Н. Земцов сообщил, что потери СССР во Второй мировой войне составили 41979 тыс. человек, а общая убыль населения страны в 1941–1945 гг. – 52812 тыс. человек, из них безвозвратные потери:

более 19 млн военнослужащих и около 23 млн гражданского населения¹. Первым среагировал на это заявление английский историк М. Харрисон: «Новая цифра не имеет оснований... По существующим знаниям война унесла 26-27 миллионов человек» [7; 8].

Учитывая научную важность проблемы и ее недостаточную исследованность, в статье предпринята попытка выявить некоторые показатели численности населения СССР и России в годы Великой Отечественной войны. В литературе встречается мнение, что «никакого единовременного учета, не говоря уже о переписи населения, в послевоенном СССР проведено не было, и страна жила, не имея представления о числе собственных граждан» [3, с. 468]. Это не так, в конце войны были предприняты попытки определения численности населения страны. В основу данной статьи положены оценки ЦСУ СССР, сделанные в военные и послевоенные годы.

Методика расчета текущей численности населения не представляет особой сложности. Она производится на основании данных последней переписи (в нашем случае переписи 1939 г.), к которым добавляются числа родившихся и вычитаются числа умерших, а также прибавляются числа прибывших и вычитаются числа выбывших. В СССР для определения параметров естественного движения населения статистики использовали загсовскую регистрацию демографических событий. Из сферы загсовской регистрации в годы войны выпадали оккупированные врагом территории. Иначе обстояло дело с регистрацией территориальных перемещений людей. Данные о числе прибывших и выбывших выявлялись на основе прописки-выписки паспортов, которые выдавались исключительно горожанам. Решение проблемы усложнялось тем, что при расчетах численности населения из сферы статистического учета выпадали крупные группы населения, которые в статистических документах обозначались как «нераспределенные» по территории. К ним относились военнослужащие, солдаты и офицеры в госпиталях и спецконтингент (заключенные).

Сложности для расчета численности населения порождали изменения внешних границ. Так, в марте 1940 г. из состава РСФСР была выделена Карельская АССР, преобразованная в Карело-Финскую ССР. Соответственно уменьшились территория и численность населения России. В октябре 1944 г. территория РСФСР, напротив, расширилась, а ее население выросло на 93 тыс. человек за счет вхождения в состав РСФСР Тувинской Народной Республики². Претерпевали изменения административные границы краев, областей и автономных республик. В частности, после 1943 г. в стране развернулся процесс разукрупнения областей. Если в 1940 г. в РСФСР имелось 36 краев и областей, то в 1945 г. – 61 область и край³. Кроме того, преобразования административно-территориального устройства были связаны с депортацией народов. Преобразования административных границ создавали сложности при расчетах численности населения отдельных регионов, а также при сопоставлении численности населения регионов в разные годы.

Итак, расчеты численности населения не были простым делом. Погрешности были неизбежны. Вместе с тем в военные годы появились новые важные источники сведений о населении, которые предоставляли статистикам возможность минимизировать ошибки. Сильной стороной статистического учета военных лет была регулярная сверка численности городского населения с данными карточных бюро. С 1 января 1943 г. были введены так называемые стандартные справки, которые в обязательном порядке получали горожане. Это значительно не только упорядочило выдачу продуктовых карточек, но и улучшило учет городского населения. В сельской местности контрольным ориентиром служили данные сельсоветского учета. Органы статистики с 1 января 1943 г. на основании полученных из

¹ Вечерняя Москва. 2017. 19 февраля.

² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 479. Л. 11.

³ РСФСР. Административно-территориальное деление на 1 апреля 1940 г. – М., 1940. – С. 7; РСФСР. Административно-территориальное деление на 1 июля 1945 г. – М., 1945. – С. 10.

сельсоветов данных заполняли специальные таблицы, в которые заносились сведения о численности и составе сельского населения.

Таблица 1

Динамика численности населения РСФСР в годы Второй мировой войны (1941–1945 гг.), тыс. человек*

Дата	Городское население	Сельское население	Всего
17 января 1939 г.**	36724,8	72203,7	108928,5
1 января 1940 г.**	38298,1	72193,1	110491,2
1 января 1941 г.**	39272,5	72266,9	111539,4
1 января 1942 г.***	33620,2	57159,9	91159,9
1 января 1943 г.***	28833,2	49791,8	78625,0
1 января 1944 г.***	33032,3	56953,9	89986,2
1 января 1945 г.***	34324,0	55992,0	90316,0
1 мая 1945 г.***	34905,5	53068,0	87973,5
1 сентября 1945 г.***	35387,0	53326,0	88713,0

Примечания к табл.: * Оценки ЦСУ СССР на основе данных региональных статистических управлений. Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 564. Л. 2 об., 31–31 об., 60 об.; Оп. 329. Д. 391. Л. 40; Д. 406. Л. 113; Оп. 329. Д. 1452. Л. 17, 18, 111, 112; Д. 2219, Л. 119–121.

** В сопоставимых границах РСФСР 1941 г., включая армию, госпитали и спецконтингент.

*** Без оккупированных территорий, без армии, госпиталей и спецконтингента.

Перепись 1939 г. показала, что население РСФСР в границах на момент проведения переписи насчитывало 109,4 млн человек¹. Но с учетом выхода из состава РСФСР Карельской АССР пересчитанная численность населения России по переписи 1939 г. составила 108,9 млн человек.

После проведения переписи были организованы расчеты текущей численности населения страны на начало 1940-х гг. Их результаты отражены в табл. 1. В основном они согласуются с современными оценками: на начало 1940 г. – 109,7 млн человек, на начало 1941 г. – 111 млн человек [1]. Получить такого рода оценки в условиях неполной регистрации демографических событий и при этом не сделать ошибок было в принципе невозможно. По-видимому, учитывая это и имея в виду изменения территориально-административного устройства, работники центральных статистических органов позднее (уже в годы Великой Отечественной войны) сделали еще несколько оценок численности населения РСФСР. В 1945 г. население России на начало 1941 г. было определено в 111,7 млн человек².

Великая Отечественная война кардинально изменила условия работы статистиков. В принципе все обнаруженные нами оценки численности населения страны в 1942–1945 гг. несопоставимы. Имеющиеся оценки за 1939, 1940, 1941 гг. учитывают численность вооруженных сил, а также тех, кто находился на лечении в госпиталях. Включался в расчет и спецконтингент. В 1942–1945 гг. эти группы при оценках численности населения рассматривались как «нераспределенные по территории» и в расчетах игнорировались. Чтобы обозначить масштаб явления, укажем, что на 1 января 1942 г. в целом по территории СССР не было распределено 24,5 млн человек³, а на 1 января 1945 г. – 16 млн человек⁴.

В 1945 г. советские статистики (очевидно с целью установить потери военных лет) еще раз вернулись к расчетам численности населения страны на начало и конец войны. Среди них обращает на себя внимание «Справка о численности населения СССР на 1.01.1941 и 1.01.1945 г.». Она напечатана на пишущей машинке в двух экземплярах на четырех

¹ Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. – М., 1992. – С. 23.

² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 2219. Л. 119.

³ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 791. Л. 68.

⁴ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 791. Л. 119

страницах, подписана начальником отдела демографии ЦСУ СССР А. Востриковой. На этот раз была принята во внимание численность нераспределенных по территории, кроме «угнанных на каторгу в Германию». В данные по СССР на 1.01.1945 г. включены 16 млн человек (это 9,4 %), однако они не были распределены по территориям.

Таблица 2

Численность населения СССР и РСФСР на 1 января 1941 и на 1 января 1945 гг.,

тыс. человек*

Территория	1 января 1941 г.			1 января 1945 г.** (без угнанных на каторгу в Германию)		
	Городское	Сельское	Всего	Городское	Сельское	Всего
СССР	65304,0	133284,0	198588,0	51961,0	102676,0	170637,0**
РСФСР	39304,0	72441,0	111745,0	34992,0	55992,0	90316,0

Примечания к табл.: * Оценка ЦСУ СССР. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 2219. Л. 119.

**В том числе не распределено по территории 16 млн человек.

Результаты этих попыток представлены в табл. 2. Из ее данных следует, что население Советского Союза в указанные годы сократилось на 27,9 млн человек. Численность угнанных в Германию советских граждан (согласно справке Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации) составляла 2,7 млн человек¹. В записке к заседанию Бюро СНК РСФСР А.В. Грищенко отмечено, что на 1 июня 1945 г. «всего угнано оккупантами советских граждан из территории РСФСР 1894,5 тыс. человек, из них возвратилось 855,1 тыс. человек»². Стало быть, по окончании войны насчитывалось 170,6 млн советских граждан, а население СССР за военные годы сократилось на 25,3 млн человек. Это очень приблизительные, прикидочные оценки.

Вместе с тем, сведения по отдельным союзным республикам, в том числе и по РСФСР, за 1941 г. и 1945 г. несопоставимы. Нераспределенные по территории в 1945 г. были учтены только в населении СССР в целом, но не включены в состав населения союзных республик. Определить численность военнотружеников, а также солдат и офицеров в госпиталях и спецконтингента, дислоцированных на территории собственно РСФСР в 1945 г., не представляется возможным. В этих условиях относительно точный расчет численности населения возможен только на региональном уровне.

Отметим лишь, что самой общей тенденцией военных лет было сокращение численности населения практически во всех регионах России. Но особенно значительное сокращение было характерно для территорий, оказавшихся в зоне боевых действий и в оккупации. Так, население Крымской АССР за годы войны уменьшилось более чем в 2 раза, население Севера и Северо-Западного региона – в 1,9 раза (главным образом за счет Ленинградской (на 69,6 %), Псковской (на 41,6 %) и Новгородской (на 54,4 %) областей). Заметно понизилась численность населения Центрального района (в Калининской (на 25,3 %), Курской (на 18,1 %), Смоленской (на 40,2 %), Брянской (на 23,6 %), Орловской (на 25,5 %) областях), Центрально-Черноземного района (в Воронежской области (на 21,7 %), в Поволжье (в Сталинградской (на 32,2 %), Астраханской (на 26,6 %), Саратовской (на 13,3 %)), Северного Кавказа (в Ставропольском (на 23,2 %) и Краснодарском (на 22,3 %) краях, Ростовской области (на 24 %)). Феномен сокращения численности населения на территориях, подвергнутых оккупации, обуславливался массовой эвакуацией людского контингента в восточные районы СССР, воинскими мобилизациями, репрессиями оккупантов, насильственным угоном некоторой части населения и бегством коллаборантов в Германию, отрицательным естественным приростом.

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 117. Л. 62.

² ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 1. Д. 1. Л. 12.

В военные годы сократилось население таких ранее быстро растущих столичных городов, как Москва (на 24,1 %) и Ленинград (на 69,9 %), оказавшиеся в эпицентре эвакуационных процессов. Отметим также снижение численности населения на территориях, занимаемых до начала войны «опальными» народами – в автономной республике немцев Поволжья, Чечено-Ингушской АССР, Кабардино-Балкарской АССР (депортированы кабардинцы), Калмыцкой АССР.

В тыловых районах РСФСР динамика численности населения имела свои особенности. Здесь численность населения сокращалась менее резко. В пяти областях население к началу 1945 г. превосходило данные на начало 1941 г.: в Кемеровской – на 8,3 %, в Челябинской – на 5,7, в Свердловской – на 5,1, в Новосибирской – на 1,2 и в Куйбышевской – на 1,1 %. Эти области приняли наибольшее количество эвакуированных вместе с промышленными предприятиями, научными организациями, учреждениями культуры. Здесь на военных заводах существовала бронь для квалифицированных рабочих и специалистов. Во всех остальных областях и республиках РСФСР произошло сокращение населения. Но амортизация негативного влияния войны фиксировалась только в городах. В 33 из 75 областей и республик РСФСР городское население выросло, хотя в целом сокращение горожан по республике составило 12,7 %. В тех регионах России, которые превратились в крупные центры военного производства, численность городского населения существенно увеличилось. Так, на Урале за 1941 – 1945 гг. согласно проведенным расчетам численность горожан увеличилась почти на 22%, в Сибири – на 15%, в Волго-Вятском районе – на 11%. Повысилась также численность городского населения на Дальнем Востоке и в Поволжье. Наибольшее увеличение числа горожан фиксировалось в Коми АССР и Курганской (на 192 %), Омской (на 34,5 %) и Новосибирской (на 34,1 %), Ульяновской (на 27,2 %) областях, Чувашской АССР (на 27 %), Куйбышевской (на 26,9 %), Кемеровской (на 24,4) и Челябинской (на 23,9 %) областях. Рост городского населения в ряде территорий привел к изменению состава населения: если в целом по РСФСР доля городского населения увеличилась с 35, 2 до 38,5 %, то в Мурманской области она достигла 82,1%, в Челябинской – 71,7 %, в Свердловской – 68,7, в Кемеровской – 64,8, в Приморском крае – 63,7, Хабаровском – 55,7, Иркутской области – 55,8, Московской – 53, Астраханской – 52,5 %. Процесс урбанизации в годы войны продолжился, особенно в восточных районах. На Урале в годы войны возникли 28 городов и 44 поселка городского типа, в Сибири соответственно 12 и 39, в Поволжье 7 и 22 [6, с. 86].

В основе роста городского населения тыловых индустриальных районов лежал главным образом приток молодежи из деревни в ходе трудовых мобилизаций и стихийных миграций, а также наплыв эвакуированных. Фактор эвакуации играл очень заметную роль. Так, в городах на начало 1944 г. было зарегистрировано в Свердловской области 173 тыс., Челябинской – 156 тыс., Молотовской – почти 100 тыс. эвакуированных граждан¹. Тем не менее, темпы роста численности горожан в военные годы по сравнению с довоенным периодом сократились. Тормозящую роль играли воинские мобилизации и отрицательный естественный прирост. Города, несмотря на увеличение своего населения в годы войны, испытывали демографический кризис. Но особенно мощным он был в деревне, которая вынесла на своих плечах непомерную тяжесть войны. Деревня понесла двойные потери: за счет гибели солдат на фронте и за счет мобилизации селян в промышленность [5, с. 143]. Как следствие этого, численность населения российской деревни, превратившейся в главный источник людских ресурсов для армии, промышленности, транспорта истроек, заметно уменьшилась – с 72441 тыс. до 55993 тыс. человек, т.е. на 21449 тыс. человек, или на 22,7 %. Сокращение сельского населения произошло во всех областях и республиках РСФСР. Наибольшим оно было в Ленинградской области (на 65,3 %), Новгородской (на 52,9 %), Крымской АССР (на 43,1 %), Великолукской (на 39,7 %), Псковской (на 37 %), Смоленской (на 35,7 %), Калужской (на 30 %), Московской (на 36,2 %), Астраханской (на 38,1 %),

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 478. Л. 3

Орловской (на 23,6), Калининской (на 25,2) областях, Ставропольском крае (на 24,5), Кировской области (на 25,8), Удмуртской АССР (на 26,0), Коми АССР (на 27,6), Иркутской области (на 28,9) и в Приморском крае (на 28,3 %). Демографический потенциал российской деревни существенно сократился.

Несопоставимость цифровых материалов по союзным республикам связана с тем, что оценка 1941 г. дана с учетом армии, госпиталей и спецконтингента. При оценке 1945 г. нераспределенные по территории учтены только при расчетах численности населения Советского Союза в целом. Но, несмотря на этот очевидный недостаток, имеющиеся сведения дают представление об общем тренде изменений. Численность населения сократилась во всех без исключения союзных республиках, но особенно значительно в тех из них, которые подвергались оккупации. Наибольшим оно было к началу 1945 г. в РСФСР (на 21429 тыс., или на 19,2 %), Украинской ССР (на 13300 тыс., или на 32,5 %), Белорусской ССР (на 2774 тыс., или 29,8 %).

Итак, война как негативный социально-политический фактор оказала воздействие на все стороны жизни страны, в том числе и на демографическую подсистему российского общества. Количественным выражением демографической катастрофы военных лет явился феномен сокращения населения России. Численность россиян за период с начала 1939 г. до 1 сентября 1945 г. сократилась приблизительно на 22 млн человек. Особенно значительно уменьшилось население регионов, подвергшихся оккупации. В тыловых районах России самый большой урон претерпело сельское население. Резкое сокращение населения существенно уменьшило демографический потенциал страны.

© Корнилов Г.Е. Текст. 2017

Список источников

1. Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харьковская Т.Л. Демографическая история России: 1927–1959 [Электронный ресурс]. URL: http://demoscope.ru/weekly/knigi/andr_dars_khar/adk.html (дата обращения 28.04.2017).
2. Вишневский А.Г., Васин С.А., Зайончковская Ж.А. Демографический и трудовой потенциал населения // Путь в XXI век. – М.: Экономика, 1999. – 181 с.
3. Демографическая модернизация России, 1900–2000 / под ред. А.Г. Вишневского. – М.: Новое издательство, 2006. – 608 с.
4. Исупов В. А. Городское население Сибири: От катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.). – Новосибирск: «Наука», Сибирское отд., 1991. – 288 с.
5. Корнилов Г. Е. Уральское село и война. Проблемы демографического развития. – Екатеринбург: ТОО «Уралагропресс», 1993. – 174 с.
6. Население России в XX веке: Исторические очерки. – Т. 2. 1940–1959 / отв. ред. В.Б. Жиромская. – М.: РОССПЭН, 2001. – 416 с.
7. Harrison Mark. Counting the Soviet Unions War Dead: Still 26 – 27 Million [Electronic resource]. URL: https://www.academia.edu/33190310/Counting_the_Soviet_Unions_War_Dead_Still_26-27_Million (дата обращения 8.06.2017).
8. Harrison Mark. Counting Soviet Deaths in the Great Patriotic War: Comment. – Europe-Asia Studies. – 2003. – No. 55(6). – P. 939 - 944.

Информация об авторе

Корнилов Геннадий Егорович (Россия, Екатеринбург) – доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором экономической истории, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (620990, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16; e-mail: genakorn@mail.ru)

DEMOGRAPHIC POTENTIAL OF RUSSIA DURING THE SECOND WORLD WAR POPULATION (1939–1945)

The paper considers an unexplored historical and demographic problem: the change in the population of Russia during the Second World War. The scientific problem posed in the article is not only poorly studied, but it is one of the topical issues of domestic historical demography. Without revealing the population of Russia, it is impossible to solve such a fundamental problem of the history of the Second World War, as determining the direct and indirect losses of the population of Russia, reducing the demographic potential of the country.

Keywords: number, population, statistics, demographic potential

Information about the author

Kornilov Gennadi Egorovitch (Russia, Ekaterinburg) – doctor of historical sciences, professor, head Sector of economic history, Institute of History and Archaeology of the Urals Branch of the Russian Academy of Sciences (16, Kovalevskoj St., 620990, Ekaterinburg, Russia; e-mail: genakorn@mail.ru).

УДК 314

А. Г. Злотников, А. К. Смалюга

БЕЛОРУССКАЯ МИГРАЦИЯ В ЕВРАЗИЙСКОМ ОТРАЖЕНИИ

Рассматриваются особенности миграционных процессов современной Беларуси. Дана характеристика миграции населения Беларуси в системе ЕАЭС. Анализируются особенности белорусско-российской трудовой миграции. Проанализированы проблемы пенсионного обеспечения трудовых мигрантов в ЕАЭС.

Ключевые слова: Беларусь, ЕАЭС, миграция, фронтёрская миграция, трудовая миграция.

Демографическая ситуация в Республике Беларусь уже более двух десятилетий характеризуется устойчивой тенденцией уменьшения численности населения. И хотя в последние (до 2017 г.) годы в результате активной социальной политики в репродуктивной сфере в Беларуси наблюдался рост рождаемости, тем не менее, масштабы уменьшения численности населения страны растут. Это связано с повышением степени влияния на демографическую ситуацию Беларуси миграционных процессов.

Отметим, прежде всего, что в отношении ответа на вопрос, положительное или отрицательное сальдо миграции имеет Беларусь, мнения расходятся. Данные текущего национального статистического учета в Беларуси дают основания полагать, что миграционные процессы страны характеризуются положительным сальдо. Контроль данных текущего учета миграции итогами переписей населения Беларуси 1999 и 2009 гг. выявляет иное – устойчивый рост отрицательного сальдо миграции. Так, по данным текущего статистического учета, миграционное движение Республики Беларусь за период между переписями населения (1999–2009 гг.) дало прирост в 54,5 тыс. чел. Перерасчет динамики движения населения после переписи 2009 г. за период 2000–2008 гг. выявляет отрицательное миграционное сальдо в 97,0 тыс. чел. Такая же ситуация была характерна и для оценки тенденций в миграционном движении Республики Беларусь и в предыдущие годы между переписями населения страны 1989 и 1999 гг.

На начало 2016 г. численность населения Беларуси составила 9498,4 тыс. чел., т. е. за почти два десятилетия численность населения страны сократилась почти на 900 тыс. чел. При этом темпы этого сокращения в последнее десятилетие значительно увеличились. Так, за межпереписные 1989–1999 гг. это сокращение составило 106,6 тыс. чел., а за период 1999–

2009 гг. – 541,4 тыс. чел. То есть, за последний межпереписной период это сокращение оказалось в 5 раз большим, чем за предыдущие межпереписные периоды. Рост значимости миграции в негативных тенденциях демографических процессов дает характеристика составляющих демографических факторов. Так, за период 1989–1998 гг. структура людских потерь Республики Беларусь за счет естественного и механического движения населения составляла соответственно 76,3 и 23,7%, а в период 1999–2008 гг. эта пропорция составила 58,1 и 41,9%. Это означает, что за последнее десятилетие сокращение численности населения Республики Беларусь за счет естественной убыли выросло в 3,8 раза по сравнению с предшествующим, а за счет миграционных потерь рост составил 8,8 раза. Это свидетельствует, что существенным фактором современного демографического развития Беларуси стал рост влияния отрицательного сальдо миграции на депопуляционные процессы.

Наибольшие объемы белорусского миграционного обмена с другими государствами приходится на страны, с которыми граничит Республика Беларусь, – Россию, Украину, Польшу, Литву и Латвию. Из них только Россия входит в ЕАЭС. С другими странами евразийского экономического сообщества миграционный обмен последних лет незначительный. Наибольшие масштабы белорусского миграционного движения населения с Казахстаном, Киргизией, Арменией, а также Молдовой, являющейся наблюдателем в ЕАЭС, пришлось на 1990-е гг. Тогда Беларусь из страны, отдающей население, стала страной, принимающей население. Миграционная нагрузка прибывшего за 1990-е гг. населения из стран – бывших республик Советского Союза в Беларусь (в расчете на 10 тыс. населения этих стран) была такова: из Латвии прибыло 199,71, из Эстонии – 50,85, Литвы – 48,23, Казахстана – 29,02, России – 22,62, Молдовы – 19,13, Украины – 18,08, Грузии – 15,91, Армении – 13,13, Туркменистана – 9,83, Таджикистана – 9,83, Азербайджана – 9, 46, Киргизии – 8,58 и из Узбекистана – 5,00 [2, с. 131]. Причем в этнической структуре белорусского иммиграционного движения преобладали русские, белорусы и украинцы. Такая иерархия миграционной нагрузки в 1990-е гг. определялась величиной русскоязычного населения в этнической структуре этих новых независимых государств.

Как видно, преобладают среди них страны, с которыми граничит Беларусь (Латвия, Литва, Россия и Украина). Это обусловлено и тем, что этнические границы белорусов (в отличие от государственных границ Беларуси) пересекаются с этническими границами русского, украинского, польского, литовского и латышского населения. В результате вдоль государственной границы Беларуси имеется полоса одновременно этнических белорусов и этнических русских, этнических белорусов и этнических украинцев, этнических белорусов и этнических поляков, этнических белорусов и этнических литовцев, этнических белорусов и этнических латышей, проживавших ранее и проживающих ныне совместно. Эта полоса представляет совместные этнические границы народов Беларуси, России, Польши, Литвы и Латвии, что существенно влияет и на современные миграционные процессы. Государственные границы Беларуси, России, Польши, Литвы, Латвии проходят внутри этих этнических территорий. Для Беларуси эти этнические границы по линии Брест – Белосток – Сувалки – Вильнюс – Даугавпилс – Опочка – Верхние Луки – Ржев – Брянск – Трубчевск – Городня – Овруч – Брест. И это определяет и масштабы фронтьерской миграции Беларуси.

Высокий коэффициент нагрузки Казахстана в иммиграционном движении населения с Беларусью обусловлен тремя факторами. Во-первых, Казахстан имеет вторую по величине численность населения страны в ЕАЭС – более чем в 1,5 раза больше, чем в Беларуси. Кроме того, в Казахстане численность населения увеличивается, в отличие от Беларуси, где численность населения уменьшается. Во-вторых, в советский период среди всех республик в Казахстане был самый высокий удельный вес русскоязычного населения, и белорусов в том числе. И, в-третьих, из Казахстана, куда в начале Великой Отечественной войны были депортированы граждане немецкой национальности, в Беларусь иммигрировала значительная часть этнических немцев. Мы предполагаем, что Беларусь ими была выбрана как ближайшая страна к Германии, куда значительная часть их впоследствии эмигрировала. В результате иммиграции граждан немецкой национальности из Казахстана численность

немецкой диаспоры в этнической структуре населения Беларуси выросла с 3517 чел. в 1989 г. до 4805 чел. в 1999 г. Однако сказалось социально-экономическое положение Беларуси после развала – приехавшие на этой волне немцы в Беларуси не задержались, они взяли курс на Германию. По переписи населения 2009 г. немцев в этнической структуре Беларуси уже насчитывается 2474 чел. (т. е. их численность уменьшилась в 2 раза), что даже меньше, чем в 1979 г.

В советский период численность белорусов в этнической структуре Армении и Киргизии в тех регионах (соответственно, кавказского и среднеазиатского регионов, где расположены эти государства) была самой низкой среди других стран ЕАЭС. И потому масштабы белорусской миграции из этих стран оказались незначительными. Но отметим, что в отношении миграционного процесса Армения – Беларусь, как в 1990-х, так уже и в новом столетии, преобладают армяне. Ныне армяне составляют одну из значимых этнических общностей в Беларуси. Армяне в Беларуси появились значительно позже других неславянских этносов (евреев, татар, цыган и немцев), а массово – только в начале XX столетия. Всероссийской переписью населения 1897 г. ни одного представителя армян не было зафиксировано. Немаловажным фактором прибытия армян в Беларусь в 1990–2010-е гг. является торгово-предпринимательская деятельность, а фактором выезда из Армении – один из самых низких в постсоветском европейском пространстве уровней жизни населения этой страны. Наиболее большие масштабы армяно-белорусской миграции пришлось на период развала Советского Союза. Численность армянского этноса в Беларуси за 1989–1999 гг. увеличилась с 4933 чел. до 10191 чел., т. е. более чем в 2 раза. Это самый высокий показатель для титульных этносов бывших советских республик. По переписи населения 2009 г., в Беларуси проживает 8512 армян – это шестое место армянской диаспоры в этнической структуре страны.

Наибольшие масштабы белорусской миграции, естественно, приходится на российский вектор. Однако отметим, что, как в отношении характеристики белорусской миграции (имеет она положительное или отрицательное сальдо в целом), так и в отношении характера белорусско-российской миграции имеются разночтения.

Согласно данным текущего статистического учета Белстатом (Национальным статистическим комитетом Республики Беларусь), величина международной миграции Республики Беларусь за годы XXI столетия постоянно характеризуется положительным сальдо. К примеру, по этим данным, за 2010–2015 гг. положительное сальдо миграции Республики Беларусь составило: 2010 г. – 10303 чел., 2011 г. – 9900 чел., 2012 г. – 9328 чел., 2013 г. – 11643 чел., 2014 г. – 15722 чел. и в 2015 г. – 18494 чел. Также согласно этим данным положительное сальдо миграции Республики Беларусь со странами бывшего Советского Союза составило соответственно: 2010г. – 10561 чел., 2011 г. – 10048 чел., 2012 г. – 7590 чел., 2013 г. – 10293 чел., 2014 г. – 13943 чел. и в 2015 г. – 15826 чел. Из них, по данным национального текущего статистического учета Белстата, на долю Российской Федерации приходится почти половина положительного сальдо миграции Республики Беларусь, составившее 24755 чел., в т. ч. в 2010 г. – 5031 чел., 2011 г. – 4713 чел., 2012 г. – 3067 чел., 2013 г. – 4772 чел., 2014 г. – 4662 чел. и в 2015 г. – 2700 чел.

Но анализ данных российской статистики о величине безвозвратной белорусско-российской миграции показывает совсем иную тенденцию, значительно отличающуюся от данных Белстата. Российские данные за период 2010–2015 гг. выявляют, что Россия в миграционном обмене с Беларусью имеет положительное сальдо в 35152 чел. Белорусские данные за этот период показывают, что, наоборот, Россия имеет отрицательное сальдо на 24745 чел. (табл. 1). То есть, отклонение составляет 60 тыс. чел. Это не позволяет однозначно утверждать, что белорусское миграционное сальдо положительно.

Таблица 1

Сравнительная характеристика миграционного белорусско-российского обмена, по данным текущего статистического учета Национального статистического комитета Республики Беларусь и Федеральной службы государственной статистики России за 2010–2015 гг. (чел.).

Годы	Данные Белстата			Данные Росстата		
	Прибыло	Выбыло	Прирост	Прибыло	Выбыло	Прирост
2010	9268	4237	5031	4894	2899	1995
2011	9666	4953	4713	10182	2622	7560
2012	8560	5493	3067	16564	6315	10249
2013	9150	4378	4772	15748	12031	3717
2014	9131	4669	4462	17878	11156	6722
2015	7837	5137	2700	17741	12832	4909
2010-2015	53612	28867	24745	83007	47855	35152

В этой противоречивой информации, на наш взгляд, за верные можно принять показатели Белстата о численности прибывших из Российской Федерации в Республику Беларусь, а в отношении численности прибывших из Беларуси в Российскую Федерацию – показатели Росстата, ибо и те и другие базируются на данных органов внутренних дел своих стран, фиксирующих реальное их прибытие. Что касается сведений о выбытии в ту или другую страну, то часто мы имеем дело с намерением переехать в эту другую страну. Реальное оформление их в странах прибытия может затянуться надолго, а может и не состояться, но в стране выбытия они уже числятся как эмигрировавшие. Поэтому показатели о численности безвозвратной белорусско-российской миграции за 2010–2015 гг. следующие: прибыло на постоянное место жительства в Беларусь из России – 53612 чел. (данные Белстата), а в Россию на постоянное место жительства из Беларуси прибыло 83007 чел. (данные Росстата). Это значит, что Россия имеет в миграционном обмене положительное сальдо почти в 30 тыс. чел., а Беларусь на эту величину – отрицательное сальдо.

Если взять белорусские показатели текущего статистического учета выбытия граждан Беларуси в Россию, то они зафиксировали данные в 28867 чел., т. е. почти в 2,9 раза меньше, чем российские показатели прибытия белорусских граждан на постоянное место жительства в Россию. Кроме разрыва времени между отъездом из одной страны (т. е. из Беларуси) и оформлением документом как прибывших в другую страну (т. е. в Россию), есть и другие факторы такого значительного превышения численности прибывших граждан из Беларуси на постоянное место жительства в Россию (данные Росстата) по сравнению с выбытием граждан из Беларуси на постоянное место жительства в Россию (данные Белстата). Это величина трудовой белорусско-российской миграции, которая, по аналитическим расчетам, в различные периоды колебалась от миллиона (2007–2008 гг.) до 600 тыс. чел. в 2013–2015 гг. белорусских граждан занятых на российском рынке труда.

Важным аспектом проблемы анализа масштабов, структуры и сфер приложения труда различных видов белорусско-российской миграции населения является демографическая структура мигрантов. По данным текущего статистического учета Белстата, в Беларусь из России на постоянное место жительства переезжают этнические (или родившиеся ранее на территории Беларуси) белорусы старших (пенсионных) возрастов, а в Россию из Беларуси переезжает трудоспособное население в активном репродуктивном возрасте. Это негативно сказывается на демографических процессах в Беларуси: резко растет удельный вес нетрудоспособного населения и сокращается репродуктивная база демографического потенциала Беларуси.

В последние годы растет численность эмигрировавших белорусов в западном направлении. По информации Европейского статистического комитета, численность граждан Беларуси, получивших в 2014 г. вид на жительство в европейских странах составила 80 тыс. чел. По общим количественным показателям это больше, чем граждан из России (73 тыс. чел.), но меньше, чем граждан с Украины (302,8 тыс. чел.). Правда, в сопоставимых

величинах от численности населения стран эмиграции процент граждан Беларуси, ставших в 2014 г. резидентами стран Европейского сообщества, оказался больше, чем аналогичный украинский показатель – соответственно 0,84 и 0,67%.

Таким образом, как реальная направленность, так и иммиграционные ориентации белорусского населения свидетельствуют, что за последние четверть века в постсоветском социуме сформировалось молодое поколение с новым менталитетом, которое в миграционной компоненте меньше ориентируется на постсоветское пространство. Российский рынок труда пополняет поколение 1975–1990 годов рождения. Молодое же поколение, воспитанное в новых социально-экономических и политических реалиях, ориентируется на западный вектор миграции. Из России в Беларусь возвращается поколение 1950–1960-х годов рождения. Миграция молодого и зрелого поколения из Беларуси, с одной стороны, и возврат старшего поколения, с другой стороны, усугубляет депопуляционные процессы Беларуси.

Из других государств ЕАЭС наибольшие масштабы белорусской иммиграции приходится на Казахстан, который приносит третью величину (после России и Украины) миграционного прироста Беларуси. Вклад остальных двух государств в миграционный прирост населения Беларуси не только существенно меньший в сравнении, к примеру с Казахстаном (Армения в 6 раз, а Киргизия в 18 раз меньше, чем Казахстан), но и даже значительно меньше в сравнении с другими странами своего региона. Но при этом характерна этническая особенность этой миграции: на постоянное место из Армении в Беларусь в основном прибывают армяне – более 75-79%, казахов – в 6 раз меньше (13-14%), а киргизов – в 7 раз меньше (11-12%), чем армян. На убывших в обратном направлении на одного уехавшего армянина приходится прибывших в такой пропорции 1:4,5 соответственно казах и киргиза – 1:5,8 и 1:6,75.

В основном белорусская трудовая миграция с такими странами ЕАЭС, как Армения, Казахстан и Киргизия, осуществляется на договорной основе. Только с Россией удельный вес белорусской трудовой миграции на договорной основе в структуре трудовой миграции меньше (табл. 2). Вместе с тем, возникают проблемы в системе трудовых отношений в ЕАЭС. Одни из них связаны с тем, что, к примеру, на рынке труда Беларуси трудовых мигрантов извне государств ЕАЭС намного выше, чем из государств ЕАЭС, за исключением России. Так, в 2016 г. прибыло трудовых мигрантов из Китая – 7549 чел., Украины – 6348 чел., Узбекистана – 612 чел., Литвы – 452 чел., Турции – 386 чел.

Таблица 2

Сведения МВД Республики Беларусь о численности трудящихся мигрантов в Беларуси из государств – членов ЕАЭС, чел.[4].

Страна	2016	2015	2014
Армения	372	383	387
Казахстан	385	653	1034
Киргизия	50	72	48
Россия	2140	2209	4546
Всего	2947	3317	6015

Основные масштабы белорусской трудовой миграции связаны с белорусско-российской миграцией. По аналитическим расчетам в различные периоды колебались от миллиона (2007–2008 гг.) до 600 тыс. чел. в 2013–2015 гг. белорусских граждан, занятых на российском рынке труда. По данным Федеральной миграционной службы Российской Федерации, в России дано разрешение (поставлено на учет) на трудовую деятельность более 300 тыс. чел. (табл. 3).

Таблица 3

Сведения о численности граждан Республики Беларусь, поставленных на учет в России по месту пребывания за период с 3 февраля 2009 г. по 31 декабря 2015 г., чел. [3].

Регион	Всего за период	из них:
--------	-----------------	---------

	2009-2015 гг.	за 2015 г.
Всего по России	1342476	307510
в том числе:		
Центральный федеральный округ	672420	156239
Северо-Западный федеральный округ	339940	86374
Южный федеральный округ	84632	18108
Северо-Кавказский федеральный округ	7195	1564
Приволжский федеральный округ	81812	16997
Уральский Федеральный округ	95925	15402
Сибирский федеральный округ	30331	5575
Дальневосточный федеральный округ	26744	3974
Крымский федеральный округ	3477	3277

Основной поток граждан Беларуси в миграционном движении с Россией ориентирован на Центральный федеральный округ (23,3% прироста) и Северо-Западный федеральный округ (25,4% прироста), из них – прежде всего в Москву и Московскую область, а также в Санкт-Петербург и Ленинградскую область. Всего в этих двух федеральных округах число граждан республики в общей численности поставленных на учет в России в 2009–2015 гг. составляют более миллиона человек (75,4% общего трудового миграционного потенциала Республики Беларусь в Российской Федерации).

Таким образом, белорусско-российская миграция локализована: она осуществляется преимущественно в приграничных регионах (фронтьерская миграция). Эта ориентация белорусских трудовых мигрантов на близлежащие (т. е. приграничные) регионы России препятствует (создавая конкуренцию) иммиграции из среднеазиатских регионов.

В России белорусские трудовые мигранты не являются в классическом виде трудовыми мигрантами, как мигранты из других стран бывшего СССР. Белорусов в России можно назвать экспатами – теми, кто живет за пределами Беларуси, не меняя гражданства. Тем более, что по менталитету и социокультурным ценностям белорусы близки к русским. Многие из них стараются оформить два паспорта – гражданина Беларуси и России, что может негативно отразиться на демографической ситуации в стране. Это выдвигает на первый план заботу о сохранении своего демографического потенциала республики.

Расширение рынка труда в масштабе ЕАЭС ставит для трудовых мигрантов проблему их пенсионного будущего. В государствах Евросоюза юридически эта проблема урегулирована, хотя и там есть нестыковки в силу различного пенсионного ценза в различных странах. В странах, ранее входивших в состав Советского Союза, эта проблема не урегулирована. В силу этого в странах ЕАЭС, в которых действует единый рынок труда, началась проработка договора о пенсионном обеспечении трудящихся ЕАЭС по экспорту пенсий, учета стажа работы, приобретенного в другом государстве – члене ЕАЭС. Для белорусских трудовых мигрантов решение этих проблем особенно актуально в отношении России, где наиболее велика их доля. В Армении, Казахстане и Киргизии численность белорусских мигрантов незначительна. Более высока в белорусском рынке труда численность армянских трудовых мигрантов.

Таким образом, проблема пенсионного обеспечения трудовых мигрантов в новых условиях социально-трудовых отношений на постсоветском пространстве ставит многие вопросы, как для граждан, так и для социальных структур, как внутринационального, так и международного характера.

© Злотников А.Г., Смалюга А. К. Текст. 2017

Список источников

1. Демографический ежегодник Республики Беларусь. Стат. сб. – Минск : Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2016. – 442 с.

2. Злотников А. Г. Демографическое измерение современной Беларуси. – Минск : Право и экономика, 2006. – 212 с.
3. Злотников А. Г. Миграция в Беларуси. Тенденции и проблемы оценки // Экономический бюллетень НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь. – 2015. – № 9. – С. 33-37.
4. (mvd.gov.by/main.aspx&gaid=323453; mvd.gov.by/main.aspx&gaid=263863; mvd.gov.by/main.aspx&gaid=224293 (дата доступа 23.03.2017)).

Информация об авторах

1. Злотников Анатолий Геннадьевич (Беларусь, Гомель), кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры сферы услуг и статистики Белорусского торгово-экономического университета потребительской кооперации (246029, Республика Беларусь, Гомель-29, проспект Октября 50, e-mail: zlot@tut.by).
2. Смалюга Андрей Кондратьевич (Беларусь, Гомель), начальник отдела по гражданству и миграции по Гомельской области при МВД Беларуси, аспирант Белорусского торгово-экономического университета потребительской кооперации (246029, Республика Беларусь, Гомель-29, проспект Октября 50, e-mail: smalyuga97@mail.ru).

Zlotnikov A.G., Smalyuga A.K.

BELARUSIAN MIGRATION IN THE EURASIAN REFLECTION

The peculiarities of the migration processes of modern Belarus are considered. The characteristics of the migration of the Belarusian population in the EAEU system are given. The peculiarities of the Belarusian-Russian labor migration are analyzed. The problems of pension provision of labor migrants in the EAEU are analyzed.

Keywords. Belarus, EAEU, migration, frontier migration, labor migration.

Information about the authors

1. Zlotnikov Anatoly Gennadievich (Belarus, Gomel), PhD, Associate Professor, professor Belarusian Trade and Economics University of Consumer Cooperatives (246029, Belarus, Gomel-29, prospect October, 50, e-mail: zlot@tut.by).
2. Smalujga A.K. (Belarus, Gomel), Head of the Citizenship and Migration Department of the Gomel Region under the Ministry of Internal Affairs of Belarus, aspirant Belarusian Trade and Economics University of Consumer Cooperatives (246029, Belarus, Gomel-29, prospect October, (e-mail: smalyuga97@mail.ru)).

УДК: 37.061

С. М. Минасян, А. М. Цатурян

АДАПТАЦИОННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ МИГРАНТОВ В АКАДЕМИЧЕСКОЙ СРЕДЕ

В статье рассматриваются проблемы адаптации академической миграции, ее временные показатели на основе адиабатического моделирования. Показывается, что система образования является ключевым институтом адаптации образовательных мигрантов. Она должна строиться на комплексном, межкультурном, гуманистическом, личностно-ориентированном, деятельностном подходах.

Ключевые слова: адаптация, академическая миграция, адиабатическая модель, система образования

В настоящее время практически невозможно найти ни одной этнической общности, которая не испытала бы на себе воздействия со стороны культур других народов. Адаптация к новым социокультурным условиям требует определенной гибкости, известного отказа от

ряда традиционных представлений и норм. Успешность адаптационного процесса зависит от совокупности внутренних и внешних факторов. Отметим некоторые из них.

К внутренним факторам можно отнести индивидуальные характеристики – личностные и демографические (возраст, пол, образование и т. д.), обстоятельства жизненного опыта индивида.

К внешним факторам относится толерантность со стороны окружения в новой среде, которая напрямую зависит от этнических стереотипов и предрассудков. Этностереотипы способствуют формированию образа этнического «мы», влияют на этнические симпатии и антипатии, определяя установочное поведение в этноконтактной среде. В качестве факторов изменения поведения этнической группы могут выступать исторические, экономические, политические, демографические, религиозные, а также особенно обострившиеся в последнее время экологические и техногенные факторы.

В целом на процесс адаптации мигрантов к новой культурной среде существенное воздействие оказывает вся совокупность проблем, с которыми им приходится сталкиваться в новом иноэтническом окружении.

Базовая логика интеграции заключается в том, что это двусторонний процесс, когда есть определенная ответственность и принимающего общества, причем ответственность достаточно большая, и некая ответственность мигрантов. Если мы рассмотрим ситуацию мигрантов с точки зрения сохранения своей культуры и принятия чужой, то в идеальном варианте интеграция для них происходит тогда, когда сохраняется и своя культура, и принимается культура нового общества, что не всегда возможно.

При этом для коренных жителей каждой страны всегда существует опасность потери идентичности, которая может привести к определенной напряженности. Согласно теории социальной идентичности Н. Tajfel, одной из основных закономерностей является стремление человека к достижению позитивной идентичности – позитивному образу себя [10].

Невозможность приспособиться к требованиям, предъявляемым социальной средой, влечет за собой конфликт, который может быть выражен в закрытом образе жизни, в снижении контактов с внешним миром, в агрессивном поведении по отношению к окружающей социальной действительности, в нарушении этических и правовых норм, в игнорировании тех ценностей и установок, которые приняты в данном обществе. Удлинению времени адаптации способствует и то, что в основном люди предпочитают жить в районах, где проживают их соотечественники.

В процессе адаптации мигрантов к иной этнокультурной среде наиболее ярко раскрываются психологические проблемы этнической миграции.

Канадский исследователь Дж. Берри выделяет четыре степени адаптации: ассимиляция (абсолютное принятие чужой и отказ от своей культуры), интеграция (сохранение своей культурной идентичности и одновременное присоединение к доминирующему обществу), сегрегация или сепарация (полное сохранение своей культурной идентичности и отказ от принятия культуры большинства), маргинализация (потеря культурного и психологического контакта, как со своей традиционной культурой, так и с культурой большего общества) [3].

По мнению ряда экспертов, адаптация мигрантов происходит через определенные стадии (уровни):

- 1) целенаправленный конформизм (мигранты знают, как действовать в новой среде, но внутренне не признают систему ценностей новой среды и придерживаются старой системы);
- 2) взаимная терпимость (личность и среда проявляют взаимную терпимость к ценностям и формам поведения каждой из сторон);
- 3) аккомодация (характеризуется взаимной терпимостью сторон и взаимными уступками);

- 4) ассимиляция (полное приспособление, при котором индивид полностью отказывается от своих прежних ценностей и принимает систему ценностей новой среды)

Как отмечает Н. М. Лебедева, термин «ассимиляция» используется для описания поглощения одной культурой другой. «Это происходит, когда этнокультурная группа постепенно адаптируется (или вынуждается к адаптации) к обычаям, ценностям, жизненным стилям и часто языку доминирующей культуры» [7].

Известный этнолог и историк В. А. Тишков под культурной ассимиляцией (которую иногда называют «аккультурацией») подразумевает частичную либо полную утрату индивидами или группой своей культуры в пользу доминирующей культуры окружающего общества. Причем эта ассимиляция может происходить как стихийно и носить добровольный характер, так и осуществляться государством путем прямого насилия или косвенно. Если в результате культурной ассимиляции происходит смена идентичности (т. е. этнического самосознания) данной группы, то можно говорить о ее этнической ассимиляции [8].

Таким образом, ассимиляция – это длительный, многоступенчатый социальный и культурный процесс. Адаптация и интеграция с доминирующим «большим» обществом, интеграция в него являются теми необходимыми этапами, когда происходит включение мигрантов и их потомков как в структуру, так и в культуру «большого» общества. В то же время, культурная изоляция наиболее удобна, так как нет необходимости перестраивать ценностные установки.

Однако в работе А. С. Ахиезер [1] выдвинута идея о существовании так называемой конструктивной напряженности, выполняющей функцию преодоления социокультурных противоречий.

Новейшим направлением является экопсихология, которая пытается объединить трансформацию личности и общества. Экопсихолог Жан-Пьер Ле Данф (Jean-Pierre Le Danff) отмечает, что согласно постулатам этой науки, внешний мир – отражение внутреннего мира людей [4].

В данном контексте можно говорить о социализации, т. е. определенном приспособлении (адаптации) человека или группы людей к социальной среде. Следовательно, существует необходимость обеспечения устойчивых условий, удовлетворяющих потребности и интересы людей и способствующих достижению жизненно значимых целей [6].

С другой стороны, существуют общечеловеческие ценности, которые являются частью идеологии каждого человека и определяют его отношение к окружающему миру, к цивилизации и основополагающим ценностям, которые тысячелетиями накопило человечество. Эти ценности не признают исключений в отношении людей и народов и являются некими универсальными принципами, обеспечивающими права человека и его достойную жизнь [9].

В настоящее время немаловажное значение имеют вопросы сохранения устойчивости государств, процесс организации адаптации и обучения мигрантов. Изучение и регулирование миграционных процессов с помощью теоретических подходов и методов требует разработки новых инструментов исследования, в том числе путем моделирования.

В качестве примера можно привести основанное на методе аналогии переноса физических представлений об определении адиабатических инвариантов разных систем в миграционных процессах исследование А. Цатуряна [9, 11], который позволил моделировать и изучить эти процессы на новом количественном и качественном уровне и в связи с этим сделать ряд предложений и рекомендаций.

Адиабатичность изменения параметра означает, что характерное время этого изменения гораздо больше характерного времени процессов, происходящих в самой системе.

В качестве характерного времени системы (Т) удобно взять среднее время социальной адаптации (социализация) мигрантов, под которым понимается процесс усвоения

мигрантами поведения, психологических установок, социальных норм и ценностей, знаний, навыков, позволяющих ему успешно функционировать в обществе.

Время адаптации T относительно и очень зависит от многих факторов, среди которых миграционная политика государства, возраст мигранта, религиозная принадлежность, знание языка, место миграции (населенность лиц данной национальности), занятость и т.д.

Важен вопрос о минимизации времени адаптации (T) мигрантов. Стремление к минимизации значения времени адаптации – это стремление к понижению социальной напряженности в зависимости от миграции и, следовательно, понижению социальной энтропии (англ. entropy – мера отклонения социальной системы от эталонного или ожидаемого состояния), вызванной миграцией.

Среди многочисленных факторов, которые препятствуют быстрой адаптации мигрантов, и, следовательно, увеличивают время адаптации, можно разделить более значительные, такие как религиозное отличие, большой возраст, незнание языка, присутствие общины, занятость, неэффективная миграционная политика и т. д. При присутствии этих препятствий время адаптации наряду с социальной энтропией возрастает. Если минимальное время адаптации в определенных благоприятных условиях обозначим T_0 , то при наличии препятствий это время увеличится:

$$T = T_0 + T^*,$$

где T^* – сумма времени, которое добавляется к минимальному времени адаптации при разных препятствиях. Можно уверенно сказать, что самая большая доля времени T^* приходится на религиозное отличие, так как с ним связан идеологический аспект адаптации социокультурной коммуникации.

Для понижения социальной энтропии, обусловленной миграцией, государствам необходимо проводить «профилактическую работу», а именно, предугадать и оценить те характеристики, которые способствуют уменьшению времени адаптации.

Особое внимание обращает на себя образовательная миграция, так как она существенно активизировалась как среди молодежи, так и среди людей среднего возраста. С одной стороны, многие обеспеченные родители стали отправлять своих детей на обучение за границу, с другой – программы поддержки обучения способствовали миграции молодых людей из необеспеченной семьи. Как правило, образовательная миграция переходит в форму трудовой эмиграции. Мигранты постоянно находят возможности продления своего пребывания за рубежом на основе различных грантов. Это одна из основных и распространенных форм миграции, требующей создания своей структуры жизнеобеспечения.

В последнее время все больше внимания уделяется такой проблеме, как утечка мозгов. Под этим термином принято понимать миграции высококвалифицированной рабочей силы. По крайней мере, 2/3 «притока мозгов» в мире приходится на США. Доля иммигрантов среди специалистов составляет там 17%, в том числе 40% инженеров и специалистов по IT-технологиям, большое количество преподавателей технических дисциплин в университетах и колледжах. По оценкам, чистый выигрыш для США от привлечения в страну одного «среднего» ученого гуманитария составлял в 70-е гг. 230 тыс. долл., ученого в области общественных наук – 235 тыс. долл., инженера – 253 тыс. долл., врача – 646 тыс. долл. В результате экономия США лишь в сфере образования и научной деятельности составляла не менее 15 млрд долл. Прибыль, получаемая Канадой в процессе эксплуатации умов мигрантов, в 7 раз больше объемов ее помощи развивающимся странам. В Британии выгоды от привлечения иностранных специалистов в три раза превышают размеры ее экономической помощи странам Азии и Африки.

Подобный интерес и конкуренция среди развитых стран обусловлены проблемами нехватки высококвалифицированных трудовых ресурсов. По данным экспертов, в начале XXI в. недостаток специалистов в области, например, информационных технологий, составлял: в США – 850 тыс. чел., в Европе – 2 млн чел. Высокий спрос сохраняется в таких отраслях, как космическая, авиационная техника, здравоохранение, образование. Отмечается,

что проблема не может быть решена только за счет расширения внутренних ресурсов при введении новых образовательных направлений и переквалификации. Таким образом, за счет расширения образовательных миграционных потоков планируется получение ряда выгод от распространения знаний и удовлетворения спроса на высококвалифицированных специалистов в самых передовых и быстроразвивающихся отраслях экономики [5].

К сожалению, чаще всего взаимодействие учащейся молодежи становится объектом внимания только тогда, когда оно противоречит морально-этическим принципам. Проблема современного сосуществования заключается в том, что совместное бытие в одной школе или университете совершенно не означает взаимодействия. Для этого необходимо иметь общую идеологию, общий интерес.

Нам представляется, что процесс миграции для мигранта и государства можно считать успешным, если в итоге мигрант адаптирован к обществу. Естественно, для этого необходимы определенное время и благоприятные условия. Эффективность работы заключается в том, чтобы выявить именно такие стороны процесса образования и образовательной среды, которые могут эффективно воздействовать на процесс интеграции мигрантов, при этом вовлекая не только самих участников образовательного процесса, но и заинтересованных в этом членов семьи.

Как правило, социальная адаптация есть активный деятельностный процесс, происходящий в период (момент) осознания индивидом или группой того, что те социальные стереотипы и нормы, которыми они руководствовались в других социальных условиях, в новых обстоятельствах не приводят к положительному взаимодействию.

Современное образование должно быть нацелено на обеспечение таких стандартов обучения и воспитания, позволяющих системе образования в условиях глобализации и международной миграции играть решающую роль в целенаправленном формировании системы общечеловеческих ценностей между представителями различных культур.

Как правило, принимающие страны имеют сравнительно высокий уровень демократии и защиты прав человека. На процесс адаптации влияют также уровень демократии и характер общеобразовательной среды, присущие странам, из которых происходит миграция. С этой точки зрения в условиях глобализации целесообразно внедрение международных образовательных стандартов, принятых в странах с высоким уровнем образовательной системы.

Речь идет не только о системе образования отдельно взятой страны, а о стандартах в международной системе образования. Нам необходимо рассмотреть вопрос всесторонне, то есть учитывать не только систему образования принимающей стороны, но и страны, откуда приехал мигрант. Естественно, большая разница образовательных систем в плане оценки формирования общечеловеческих ценностей в процессе обучения и воспитания может оказывать значительное влияние в процессе адаптации образовательного мигранта в новой среде.

Еще одной проблемой является то, что в систему образования включена, в основном, определенная возрастная группа мигрантов (студенты), что означает, что остальные группы (аспиранты, докторанты, преподавательский состав) оказываются вне внимания образовательной среды. Следовательно, образовательные учреждения должны активно рассматривать и других участников образовательной миграции.

В современном обществе каждое образовательное учреждение может выработать программу работы по социокультурной адаптации мигрантов. Это не только организация для них языковых курсов, культурных программ и т. д., но и активное вовлечение их в образовательный процесс как участников. Это также хороший повод для общения с другими преподавателями и коллегами. Таким образом, через систему образования мигранты учатся по-новому переоценивать свой опыт, приближаются к новым условиям жизни и реализовываются в новой стране. Тип образования, ориентированный главным образом на использование идеи единых требований и ответственности, может обеспечить межэтническую солидарность и толерантность мышления среди мигрантов.

С то же время, по мнению академика Г. А. Бордовского, система образования — явление сугубо национальное. Она складывается по-своему в каждой стране в конкретных условиях для решения конкретных задач и неизбежно несет в себе как национальные традиции, так и ответы на вызовы времени. Система образования воспринимается нами как лучшая, если она обеспечивает стране в целом и ее гражданам персонально условия для успешного развития. Никакую систему образования, даже имеющую выдающиеся заслуги в прошлом, нельзя считать лучшей, если она в данный момент не обеспечивает решения самых важных для страны задач [2].

Это означает, что при внедрении международных стандартов необходимо учитывать национальные особенности и уровень развития образовательных систем разных стран. Речь идет не только о содержании образовательных программ и структуре обучения, но и об уровне развития общечеловеческих ценностей в процессе обучения и воспитания.

Таким образом, система образования является ключевым институтом адаптации образовательных мигрантов. Она должна строиться на комплексном, межкультурном, гуманистическом, личностно ориентированном, деятельностном подходах. В ней должны быть созданы психолого-педагогические условия: признание межкультурной толерантности, культуры и образования как механизма психолого-социальной адаптации, где адаптационная функция направлена на уважение, взаимопонимание и идеологию, основанную на общечеловеческих ценностях.

© Минасян С. М., Цатурян А. М. Текст. 2017

Список источников

1. Ахиезер А. С. Россия. Критика исторического опыта. — Новосибирск: Сибирский хронограф. — 1991. — Т.3. — С. 145-146.
2. Бордовский Г. А. Образование. Традиции и современные вызовы // Вестник Герценовского университета. — 2008. — № 9. — С. 3-6.
3. Берри Дж. У. Аккультурация и психологическая адаптация: обзор проблемы // Развитие личности. — 2001. — № 3/4. — С. 183-193.
4. Григорьева А. Как преодолеть экологическую усталость // Psychologies. — 2016. — №3. — С. 122-124.
5. Куприна Т. В. Образовательная миграция и дидактические он-лайн технологии // Иностранные языки и литература в международном образовательном пространстве: мат-лы пятой междунар. науч.-прак. конф., Екатеринбург, 03 марта 2015 г. — Екатеринбург: Издательство УМЦ УПИ, 2015. — С. 116-122.
6. Куприна Т. В., Сергеева Л. В. Урбоэкологические трансформации в академической миграционной среде // TheArt-SanatJournal. (aninternationalacademicrefereede-journal). — Специальный выпуск журнала «Стамбул: Стамбульский университет». — 2016. — С. 527-535.
7. Лебедева Н. М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. — М.: Ключ-С, 1991. — С. 191.
8. Тишков В. А. Ассимиляция как необходимость или неотвратимость успешной адаптации мигрантов. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.socioguru.ru/sgurus-675-1.html/> (дата обращения: 15.01.2017).
9. Цатурян А. М. Роль образования в процессе адаптации и интеграции мигрантов // TheArt-SanatJournal. (aninternationalacademicrefereede-journal). — Специальный выпуск журнала «Стамбул: Стамбульский университет». — 2016. — С. 558-563.
10. Tajfel H. Social Categorization in the Social Psychology of Intergroup Relations. London: Academic Press, 1978. 348 p.
11. Tsaturyan A. About One Adiabatic Invariant of Countries' Sustainability in International Migration Process // Cross - Cultural Studies: Education and Science (CCS&ES). USA, 2016. Issue I.P. 80-86.

Информация об авторах

1. Минасян Светлана Михайловна, к. пед. наук, профессор РАЕ, доцент кафедры теории и истории педагогики, Армянский государственный педагогический университет им. Х.Абовяна, Ереван, Армения, s.minasyanpmesi@gmail.com

2. Цатурян Армен Мишаевич, д.пед.наук, профессор РАЕ, доцент кафедры физики, Ванадзорский государственный университет им. О. Туманяна, директор Ванадзорской специализированной школы, с углубленным обучением математике и естественным дисциплинам, Ванадзор, Армения, evrika24@rambler.ru

Minasyan S.M., Tsaturyan A.M.

ADAPTATION CAPABILITIES OF MIGRANTS IN ACADEMIC ENVIRONMENT

The article deals with the problems of adaptation of academic migration, its time indicators based on adiabatic modeling. It is shown that the education system is a key institution for the adaptation of educational migrants. It should be built on comprehensive, intercultural, humanistic, personality-oriented, activity-based approaches.

Keywords: adaptation, academic migration, adiabatic model, education system

Information about authors

1. Minasyan Svetlana (Armenia, Yerevan) –PhD, Professor RANH, Associate Professor of the Department of Theory and History of Pedagogics, Armenian State Pedagogical University after Kh.Abovyan, (Yerevan, Armenia); e-mail: s.minasyanpmesi@gmail.com

2. Tsaturyan Armen (Armenia, Vanadzor)–Doc. Sc. (Pedagogics), Professor RANH, Associate Professor of the Department of Physics, Vanadzor State University after O.Tumanyan; Director of the Vanadzor Specialized School, with in-depth training in mathematics and natural disciplines (Vanadzor, Armenia), e-mail: evrika24@rambler.ru

УДК: 369

А.К. Соловьев

ПЕНСИОННЫЙ ВОЗРАСТ КАК РЕГУЛЯТОР ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ РАЗВИТИЯ ПЕНСИОННОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

Глобальный демографический кризис позволили всем западным странам осуществить повышение пенсионного возраста до 65 лет. Сегодня перед нашей пенсионной системой стоит аналогичная проблема, которая должна решаться с учетом национальной российской специфики.

Ключевые слова: пенсионная реформа, демографический кризис, пенсионный возраст.

Специфика функционирования российской пенсионной системы заключается в ее уникальности и сложности, которая вследствие перманентных пенсионных реформ в период перестройки от советской – распределительной - к рыночно-страховой накопила многочисленные и зачастую институционально несовместимые друг с другом пенсионные обязательства государства перед различными категориями пенсионеров.

По своему экономическому и правовому содержанию сложившаяся к настоящему времени система государственного пенсионного обеспечения включает в себя большое количество институционально различных пенсионных программ, охватывающих пенсионеров-«досрочников», пенсионеров-бюджетников, пенсионеров-северян, пенсионеров-сельхозработников, пенсионеров-«индивидуалов» и прочие категории, которые формируют свои пенсионные права по экономически разным условиям (различный размер тарифа страховых взносов, продолжительность трудового стажа, база для начисления

страховых взносов, формула расчета размера выплаты и т.д.). Среди инструментов регулирования пенсионной системой (стаж, заработок, взносы, льготы, индексация, пенсионная формула) законодательно нормируемый параметр «пенсионного возраста» занимает особое место, поскольку он имеет «отложенный эффект» и вторичные, косвенные последствия.

До настоящего времени показатель пенсионного возраста рассматривается и практически и теоретически как социально-политический инструмент, но не как экономический регулятор формирования пенсионных прав застрахованных лиц. Такой подход в рыночно-страховой пенсионной системе все более проявляется как серьезный тормоз в процессе ее реформирования на страховых принципах, что создает дополнительные риски долгосрочной финансовой сбалансированности государственных пенсионных обязательств. Пенсионный возраст должен рассматриваться, как это практикуется в западных развитых пенсионных системах как один из базовых экономических инструментов управления формированием пенсионных прав, как всей государственной пенсионной системы, так и каждого застрахованного лица. Именно пенсионный возраст автоматически приводит к изменению всех звеньев процесса формирования пенсионных прав в страховой пенсионной системе, одновременно усиливая или сокращая экономический механизм солидарного перераспределения пенсионных прав между всеми перечисленными категориями пенсионеров, как настоящих, так и будущих.

При обосновании повышения пенсионного возраста должны учитываться синергический эффект взаимодействия институциональных и параметрических факторов (макроэкономические и демографические изменения), которые требуют институционального единства на основе страховых принципов и соответствующей параметрической настройки дальнейших этапов реформы пенсионной системы.

Поэтому повышению пенсионного возраста должна предшествовать (либо сопровождать) институциональная пенсионная реформа экономических взаимосвязей на основе страховых принципов формирования пенсионных прав, обеспечивающая нормативную эквивалентность пенсии стажу и заработку, с одной стороны, и минимальный уровень материального обеспечения, с другой.

Для этого расчетные параметры увеличения продолжительности трудового стажа и сокращения периода выплаты при повышении пенсионного возраста должны быть скорректированы с учетом требований, которые наиболее полно сформулированы в международных рекомендациях (МОТ и МАСО) по минимальным нормам пенсионного обеспечения. В первую очередь это относится к параметрах обеспечения охвата населения страны пенсионным страхованием, уровень доступности входа в пенсионную систему, степени удовлетворенности размером пенсионных выплат.

Объективным условием повышения пенсионного возраста является максимально полная адаптация установленного возраста к макроэкономическим условиям развития экономики страны как современным, так и в долгосрочной перспективе. Это означает на практике, во-первых, создание новых дополнительных рабочих мест для всех категорий пожилых граждан предпенсионного возраста, независимо от возможности продолжения трудовой деятельности. Обоснованность данного требования к современному рынку труда доказывается фактом растущего «дефицита» трудового стажа (недостаток стажа относительно необходимой его продолжительности для получения среднестатистического размера пенсии) для формирования пенсионных прав, в первую очередь у женщин. С учетом прогнозируемой конфигурации рынка труда проблема недостатка стажа для формирования даже минимального объема пенсионных прав к середине двадцатых годов коснется и мужчин [1, с. 212].

Результаты актуарных расчетов необходимой продолжительности трудового стажа для формирования пенсионных прав для получения страховой пенсии в размере, адекватном современным представлениям об уровне жизни среднестатистического пенсионера (2,5 прожиточного минимума пенсионера - ПМП) в течение всего периода дожития показывают

существенные отклонения от прогнозируемых макроэкономических и демографических параметров. Учитывая, что наиболее уязвимым звеном в проблеме повышения возраста является низкая продолжительность жизни после назначения пенсии у мужчин, в расчетах сохранен установленный пенсионный возраст. Однако даже при сохранении действующего уровня пенсионного возраста мужчины не могут реализовать более четверти накопленных пенсионных прав, поскольку для этого период дожития должен составлять 19,3 года.

Для женщин проблема противоположная: даже при сокращении периода выплаты почти на четверть им необходимо увеличивать возраст назначения пенсии на шесть лет. Одновременно с этим у женской части наемных работников наблюдается очень серьезный недостаток трудового стажа: для формирования необходимого объема пенсионных прав они должны трудиться более 36 лет. В то время как среднегодовая продолжительность такого стажа не превышает в настоящее время 28-30 лет. Отсюда закономерно вытекает вывод о необходимости дополнительно увеличивать пенсионный возраст, либо снижать размер страхового возмещения (пенсии). Зарабатывание дополнительных прав в период работы после назначения страховой пенсии не решает проблемы, поскольку может только частично компенсировать рост расходов на растущий период дожития. В настоящее время данная коллизия решается благодаря солидарно-гендерному перераспределению пенсионных прав между мужчинами и женщинами, поскольку соотношение трудового стажа и периода выплаты у мужчин почти на треть лучше, чем у женщин

Особенно наглядно проблема сокращения продолжительности периода формирования пенсионных прав проявляется при сравнении фактической продолжительности стажа для установления страховой пенсии на общих основаниях до и после страховой реформы 2002 г.: более четырех лет при том, что продолжительность стажа при назначении пенсии по инвалидности и по случаю потери кормильца практически не изменилась.

Аналогичная тенденция продолжает сохраняться и до настоящего времени. Так, за период после указанной реформы общая численность застрахованных лиц, формирующих пенсионные права, снизилась более чем на 13% для лиц трудоспособного возраста, при одновременном росте занятости в нетрудоспособном возрасте.

Следует подчеркнуть, что дефицит формирования пенсионных прав наиболее сильно сказывается на застрахованных лицах младших пенсионных возрастов 16-25 лет практически без гендерных различий. В то время как в старших возрастах доля численности застрахованных лиц трудоспособного возраста, не формирующих пенсионные права начиная с 2002 г. составляет 12-13%, причем со значительным превышением у мужчин. Гендерное распределение численности застрахованных лиц по мере прекращения трудового стажа свидетельствует о существенном превышении женской занятости в период после общеустановленного возраста назначения пенсии на общих основаниях. Рост хронической незанятости наиболее негативно сказывается не только на объемах пенсионных прав застрахованных лиц, но и на сокращении страховых доходов пенсионного бюджета. Численность застрахованных лиц трудоспособного возраста, не формировавших пенсионные права в отчетном году (т.е. величина текущей незанятости), возросла с 19 млн. чел. в 2002 г. до 31 млн. чел. в 2015 г., или на 62,5%. Доля незанятых в численности зарегистрированных в СПУ застрахованных лиц трудоспособного возраста увеличилась за 10 лет с 25,6% до 35,3%.

Еще один экономический аспект незанятости, который в условиях новых ограничений и требований к формированию пенсионных прав, создает риски сокращения охвата государственным пенсионным страхованием застрахованных граждан, и является все более заметным фактором недополучения доходов бюджета ПФР – это *занятость в течение года*.

Так, из общего числа наемных работников полный календарный год заняты только 68% женщин и 60% мужчин. Остальные работают менее года. Более того, 9% работавших в 2015 г. женщин и 12% мужчин в течение года были заняты менее 6 месяцев

Из общего числа застрахованных лиц трудоспособного возраста около 14,4 млн. за период с 2002 по 2015 гг. официально не были заняты и не уплачивали взносы. Их доля в численности зарегистрированных в СПУ лиц этого возраста составила 16,4%

Без учета неработающих получателей трудовой пенсии по инвалидности численность лиц трудоспособного возраста, не имеющих страхового стажа с 2002 г. (т.е. незанятых в течение полного 10-летнего периода), составила в расчете на 2015 г. 12,7 млн. чел.

Для оценки потери пенсионных прав застрахованных лиц от хронической незанятости следует рассмотреть их возрастные группировки. Так, не имеют ни одного дня стажа за период 2002-2015 гг.:

- застрахованные лица, которым до достижения пенсионного возраста осталось 10-15 лет, - 14,4% мужчин и 11,6% женщин;
- застрахованные лица, которым до пенсии не более 5 лет - 15,2% мужчин и 12,1% и женщин.

Очевидно, что данная категория застрахованных лиц в оставшееся до пенсионного возраста время не успеют выработать необходимый стаж и станут получателями *социальных пенсий* по государственному пенсионному обеспечению спустя 5 лет после достижения общеустановленного пенсионного возраста. В долгосрочной перспективе это приведет к росту числа бедных пенсионеров, которые потребуют целевого финансирования за счет средств федерального бюджета. Таким образом, проблема пенсионного возраста как главной угрозы увеличения расходов федерального бюджета не может рассматриваться в рамках линейной зависимости от демографических показателей общей продолжительности жизни, а обязательно в непосредственной взаимосвязи с комплексом социально-трудовых факторов и макроэкономических условий [2, с. 207].

Социальные и экономические риски роста численности получателей всех видов пенсий существенно отстают от экономических рисков опережающего сжатия рынка труда, в первую очередь «легального». Так, только за первые десять лет после пенсионной реформы численность застрахованных наемных работников сократилась на 10%. Аналогичная тенденция сохраняется и на весь прогнозный период реализации Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы и к 2050 г. сократится дополнительно около 15%.

Учитывая указанный комплекс проблем, рассмотрим главный фактор повышения пенсионного возраста – рост продолжительности жизни и соответственно – количества пенсионеров, которые становятся «непосильной нагрузкой на экономику – на бизнес и госбюджет». При этом акцент делается на повышение пенсионного возраста, проведенное в странах Запада в ответ на «демографический кризис».

Однако для повышения пенсионного возраста практически во всех странах ОЭСР, в отличие от России, существует демографический «резерв»: в большинстве из них ожидаемая продолжительность жизни при рождении для мужчин существенно превышает 70 лет, женщин – выше 80 лет. В России же такого демографического резерва нет: ожидаемая продолжительность жизни у нас составляет 62 и 74 года соответственно. При достижении возраста 65 лет ожидаемая продолжительность жизни в странах ОЭСР для мужчин составляет 13-18 лет, женщин – 18-22 года. В России у мужчин она в 60 лет ниже, чем во всех странах ОЭСР в 65 лет. Более того, из числа мужчин, которым в настоящее время 20 лет, до 60 лет доживут 60,8 процентов (т.е. умрут 39, 2 процентов), и в течение последующих 5 лет из оставшихся 60-летних мужчин умрут еще 18 процентов. Из в 20-летних женщин до 60 лет доживут 85,6 процентов (т.е. умрут 15,5 процентов), и в течение последующих 5 лет из оставшихся 60-летних женщин умрут еще 7 процентов.

Не менее критичным регулятором повышения пенсионного возраста в условиях нашей страны следует рассматривать макроэкономические параметры развития экономики, и в первую очередь, - современные и прогнозные характеристики рынка труда. В настоящее время уровень занятости в возрастных группах, подпадающих под повышение пенсионного возраста, варьируется в пределах от 62 до 28% у женщин и от 58 до 49% у мужчин, понижаясь с возрастом. Увеличение его до 68,9% (для женщин) и 65,5% (для мужчин) даст прибавку соответственно на 5,9-39,7 п.п. и на 7,5-22,6 п.п. В наибольшей степени уровень занятости вырастет в старших возрастных группах, близких к новому пенсионному возрасту,

в наименьшей – в группах, отстоящих от нынешнего общеустановленного пенсионного возраста на 1-3 года.

Более того, учитывая резко возрастающий после достижения нынешнего пенсионного возраста уровень инвалидизации населения, вероятнее, что уровень занятости и, соответственно, увеличение численности работающих в возрастных группах, подпадающих под повышение пенсионного возраста, будет ниже, чем прогнозируется в моделируемых вариантах. Эти данные свидетельствуют о том, что в России, в отличие от стран ОЭСР, повышение пенсионного возраста приведет к тому, что большая часть застрахованных лиц не сможет реализовать свои пенсионные права. На 100 человек трудоспособного возраста приходится 43 пенсионера. Однако, из них 40 чел. – получатели трудовых пенсий и 3 – получатели пенсии по государственному обеспечению. Из получателей трудовых пенсий 44,3% (15,8 млн. чел.) составляют пенсионеры, которых повышение пенсионного возраста по объективным основаниям затронуть не может и не должно. Среди них 10,3 млн. чел. – получатели досрочных пенсий по старости, не достигшие общеустановленного пенсионного возраста, 3,9 млн. чел. – получатели пенсий по инвалидности, 1,7 млн. чел. – получатели пенсий по случаю потери кормильца. Таким образом, получатели пенсии по старости на общих основаниях дают нагрузку не более, чем 22 чел. на 100 человек трудоспособного возраста. Это дает полное основание сделать вывод, что при расчете демографической нагрузки на экономику необходимо учитывать национальную специфику отечественной пенсионной системы, которая существенно (в 2.5 раза) отличается от западных пенсионных систем, которые еще в прошлом веке завершили переход на страховые принципы формирования пенсионных прав и преодолели проблемы институциональной многоукладности пенсионного обеспечения.

Данное обстоятельство необходимо учитывать при оценке эффективности повышения пенсионного возраста не только с социально-трудовых позиций, но и с позиций экономических. В данном контексте следует подчеркнуть, приведенные сопоставительные характеристики демографической нагрузки будут не полными, если не обратить внимание на существенную корректировку, которую вносит учет льгот по возрасту и стажу застрахованных лиц, проживающих на севере, работающих на вредных и опасных рабочих местах, пенсионеров – «бюджетников» и многим иным льготным основаниям, а также работающих пенсионеров, которые уже полностью «заработали» свои пенсионные права. Сопоставление с западными характеристиками свидетельствует о принципиальной неприемлемости для нашей экономики линейного применения критериев развитых страховых пенсионных систем.

С учетом приведенной статистики рассмотрим последствия повышения пенсионного возраста. Во-первых, низкая ожидаемая продолжительность жизни, особенно у мужчин (в 60 лет ниже, чем во всех странах ОЭСР в 65 лет) приведет к тому, что часть застрахованных лиц не доживет до момента назначения пенсии и не сможет воспользоваться своими пенсионными правами. Во-вторых, высокий уровень инвалидизации населения при повышении общеустановленного пенсионного возраста вызовет резкий скачок числа получателей пенсий по инвалидности. В-третьих, актуарные расчеты показывают, что незначительный (до 10-13% расходов на выплату трудовых пенсий) экономический эффект от повышения пенсионного возраста может наблюдаться лишь в первые 10-15 лет (в зависимости от варианта повышения возраста), после чего пенсионная система начнет нести дополнительные расходы.

Наименьшие расходы пенсионная система будет нести, если повышение пенсионного возраста не повлечет за собой роста численности работающих и стажа пенсионеров (требования, противоположные желаемому эффекту). Если же оно будет сопровождаться ожидаемыми его сторонниками последствиями (увеличением численности работающих, стажа и, соответственно, пенсионных прав пенсионеров), то произойдет следующее. Расходы ПФР вырастут за счет привнесения в систему лицами, выходящими на пенсию с большим стажем, соответственно большего числа ИПК. Рост численности работающих по

объективным причинам будет существенно меньше масштабов сокращения численности пенсионеров, что не позволит собрать доходы в объеме, достаточном для финансирования текущих обязательств без привлечения дополнительных трансфертов (рис.8-10).

В результате индексация страховой пенсии на протяжении первой половины переходного периода может осуществляться только по инфляции из-за недостатка доходов для больших ее темпов. Появление апрельской индексации во второй половине переходного периода еще больше раскрутит маховик расходов. К концу переходного периода расходы на выплату пенсий по вариантам с повышением пенсионного возраста превысят расходы по действующей системе на 5-15% (а на выплату страховой пенсии без учета фиксированной выплаты к ней – на 20-35%). Объем дополнительных бюджетных расходов (трансфертов федерального бюджета) уже к концу 20-х годов будет превышать базовый вариант на 10-15% (в зависимости от варианта повышения возраста), а к концу переходного периода превышение может достичь 40-77%.

Актuarный анализ экономических последствий повышения пенсионного возраста показывает, что демографический фактор не может являться определяющим в принятии управленческих решений по его изменению в ту или иную сторону, поскольку в не меньшей (а в нашей стране, - в большей) степени экономические и социальные параметры пенсионной системы зависят от макроэкономических («внешних») и институциональных («внутренних») факторов ее развития [3, с. 87].

Повышение возраста целесообразно лишь в случае, когда его результатом станет решение не только конъюнктурных задач современного бюджетного процесса, но и достижение долгосрочной сбалансированности пенсионной системы и ее устойчивости в течение всего периода формирования пенсионных прав и реализации государственных пенсионных обязательств. При этом, конечно, на первом плане должна быть и главная конституционная функция государственной пенсионной системы – достойный уровень материального обеспечения всех категорий пенсионеров при условии сохранения всеобщего охвата пенсионным обеспечением и равной доступности различных сфер занятости для формирования пенсионных прав.

© Соловьев А.К. Текст. 2017

Список источников

1. Стратегия - 2020. Новая модель роста – новая социальная политика. Итоговый доклад. Кн. 1. гл.6. «Реформа пенсионной системы»// М.: Издательство «Дело». - 2013 г. - С. 197-228.
2. Соловьев А.К. Пенсионный возраст как фактор макроэкономического развития// М.: Журнал экономической теории. – 2016 г. - № 3. - С. 202-219.
3. Соловьев А.К. Демографические и макроэкономические проблемы регулирования пенсионного возраста в Российской Федерации //М.: Экономические стратегии. - 2015 г., - № 9 (134). - С. 80-88.

Информация об авторе

Соловьев Аркадий Константинович, Россия, Москва, доктор экономических наук, профессор Финансового университета, заслуженный экономист РФ, Начальник Департамента актуарных расчетов и стратегического планирования, пенсионный фонд Российской Федерации, г. Москва, ул. Шаболовка, 4, sol26@100.pfr.ru

Solovev A.C.

RETIREMENT AGE AS DEMOGRAPHIC REGULATOR OF CONDITIONS OF DEVELOPMENT OF PENSION SYSTEM OF RUSSIA

Global demographic crisis have allowed all western countries to carry out raising the retirement age up to 65 years. Today our pension system is faced by the same problem which has to be solved taking into account national Russian specifics.

Keywords: pension reform, demographic crisis, retirement age.

Information about the author

Solovev Arkadii Constantinovich, Russia, Moscow, doctor of economics, professor, honored economist of Russia, Head of the Department of actuarial and strategic planning of the Pension fund of the Russian Federation, st. Shabolovka, 4

1. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ОЦЕНКИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА СТРАН ЕАЭС

УДК 314.148

Л.В. Алексеева, С.В. Миронычев

НАСЕЛЕНИЕ НИЖНЕВАРТОВСКОГО РАЙОНА ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО ОКРУГА В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье на основе архивных источников, извлеченных из государственных и муниципального архивов, рассматриваются некоторые аспекты демографического положения Нижневартовского района в 1939-1945 гг. Авторы сообщают о подготовке и проведении Всесоюзной переписи населения (1939 г.) в районе, обращают внимание на ее особенности; представляют статистику численности, национального состава населения, данные по рождаемости и смертности населения, естественному движению. В статье показаны источники пополнения населения района в годы Великой Отечественной войны, которыми стали эвакуированные, спецпереселенцы, депортированные. В результате исследования авторы систематизировали данные по численности населения Ларьякского района, Нижневартовского сельского совета и села Нижневартовское.

Ключевые слова: перепись, район, население, естественный прирост, рождаемость, смертность.

Демографические аспекты развития превратились в одну из глобальных проблем современной России. Обострение демографической ситуации в стране обусловило актуальность ретроспективного исследования народонаселенческой составляющей исторического процесса. Применительно к истории Ханты-Мансийского округа следует обратить внимание на фрагментарность исследований по историческим периодам и отсутствие комплексного труда по исторической демографии региона. По дореволюционному периоду по сути лишь А.А. Дунин-Горкавич рассмотрел некоторые аспекты народонаселения края. История населения края периода 1920 – 1950-х годов представлена в работах Л.В. Алексеевой. Демографические процессы в послевоенные годы нашли некоторое отражение в трудах Н.Ю. Гавриловой, Г.Ю. Колевой, В.П. Карпова, И.Н. Стася, но опять-таки полного историко-демографического анализа в этих работах не представлено.

Среди многочисленных проблем исторической демографии Ханты-Мансийского округа одной из слабоизученных остается население советского тыла в годы Второй мировой войны. Демографическая ситуация накануне войны, как отмечал В.Ф. Зима, не являлась благополучной [6, с. 39]. В годы Великой Отечественной войны она еще более осложнилась. Чтобы понять все последствия демографической катастрофы военного времени, важно изучать население в региональном измерении. В постсоветский период в этом направлении сделано немало. И выводы историков неутешительны, все известные нам исследования объединяет один вывод: потери в тылу того или иного региона зачастую превышали боевые потери, т.е. количество призванных на фронт из данной местности. В общей картине слабой разработанности демографической истории округа Нижневартовск не является исключением.

В годы войны Нижневартовский район назывался Ларьякским, административным центром его являлось с. Ларьяк. Район был самым малонаселенным и отсталым в социально-экономическом, культурном отношении среди других районов округа. Всесоюзная перепись 1939 г. позволила получить данные о численности населения Ларьякского района. Первым этапом подготовительных работ по Всесоюзной переписи населения в Остяко-Вогульском (Ханты-Мансийском) округе явилось, прежде всего, уточнение населенных пунктов и нанесение их на схематические карты сельских советов, а также составление полных

исчерпывающих списков населенных мест, близстоящих строений и уточнение местоположения всех охотничьих и рыбацких избушек. По результатам этой работы составлялись схематические карты округа, районов и сельсоветов [8, Ф. 6. Оп. 1. Д. 60. Л. 26]. Карты района, необходимые при осуществлении переписи населения, приходилось изготавливать своими силами. Например, в докладной записке окружного инспектора народно-хозяйственного учета (НХУ) Никифорова (имя неизвестно. – прим. С.М.) и экономиста В.Г. Балина от 16 марта 1939 г., направленной ларьякскому райинспектору (НХУ) Ф.А. Фатееву, сообщалось, что нужны карты сельсоветов. В документе говорилось: «для района схематическая карта к предстоящей переписи требуется одна, каковой на основе постановления Облисполкома и президиума окрисполкома от 4 января 1939 г. райинспектор НХУ обязан обеспечить райисполком без оплаты райинспектурой НХУ стоимости по изготовлению. Схематические карты сельнацсоветов надлежит изготовить силами Райинспектуры НХУ, путем выкопировок из районной карты. Материал для выкопировки, кальку или восковку надлежит изыскать на месте, так как таковой окринспектура НХУ за отсутствием выслать не может» [4, Ф. 4. Оп. 1. Д. 15. Л. 237]. В ответе на докладную записку Ф.А. Фатеев обещал, что схематические карты будут готовы к 18 марта 1939 г., а стоимость их составит 100 руб., которые он оплатит лично за свой счет, «потому что некому этого сделать» [4, Ф. 4. Оп. 1. Д. 15. Л. 237].

Используя январский опыт переписи населения в центральных районах, в Остяко-Вогульском округе создавались комиссии содействия. Таких комиссий сформировали 243, и насчитывали они 1204 участника. Комиссии были призваны оказать помощь в форме содействия работникам переписи в уточнении списков населенных мест и составлении маршрута по объездам счетчиков, а также в проведении массово-разъяснительной работы в период подготовки и проведения переписи [8, Ф. 6. Оп. 1. Д. 60. Л. 26]. Документы фиксируют положительное отношение населения к проводимой переписи. Ханты и манси всячески помогали переписчикам, предоставляя упряжки оленей для скорейшего их продвижения к месту работы. Был зафиксирован и такой случай. Хант Прасин Федор Иванович приехал на оленях за счетчиком, который должен был переписать население его юрты, покрыв расстояние в 291 километр. Прасин боялся, что его юрту могут не найти и он останется пропущенным при переписи, поэтому добровольно и совершенно бесплатно взялся работать проводником и переводчиком, при этом пообещал отвезти счетчика на оленях в несколько населенных пунктов. В результате он проехал расстояние в 500 километров [8, Ф. 6. Оп. 1. Д. 60. Л. 26].

Кадры для переписи отбирались тщательнейшим образом. Подбор и утверждение переписных кадров начались еще в июне 1939 г. в связи с тем, что движение переписных кадров было большое, подбор их осуществлялся с большим резервом. В некоторых районах резерв кадров доходил до 65 %. Подбор кадров осуществляли органы Нархозучета [8, Ф. 6. Оп. 1. Д. 60. Л. 26]. Счетчиков для трудпоселков по возможности предлагалось использовать подобранных органами НКВД, запрещалось в качестве счетчиков привлекать лиц из трудпоселенцев. Переписчику в помощь предоставлялся еще и переводчик, который, как и счетчик, получали за свою работу зарплату. Данная информация имеется в письме окружного инспектора НХУ Ларьякского района от 21 ноября 1939 г. за № 21/1, где говорится, что смета расходов по проведению Всесоюзной переписи составляется исходя из следующих сумм: «зарплата счетчиков составляла 20 рублей в сутки, а переводчика 10 рублей, включая и время, затраченное на разъезды. Оплата разъездных счетчикам и переводчикам оплачивается из расчета 60 коп. за один километр» [2, Ф. 4. Оп. 1. Д. 15. Л. 237]. Зарплата счетчика за месяц составляла около 600 руб., что почти в два раза превышало среднемесячную зарплату рабочих в СССР.

В Ларьякском районе было сформировано 15 участков [8, Ф. 6. Оп. 1. Д. 60. Л. 26]. Первоначально срок переписи населения назначался в период с 15 декабря 1939 г. по 10 января 1940 года. Эти сроки были пересмотрены. Перепись населения было решено провести с 1 по 31 декабря 1939 г. [8, Ф. 6. Оп. 1. Д. 60. Л. 26]. По ее результатам было

установлено, что численность населения в районе составляла 4191 человек [4, Ф.Р-4. Оп.1. Д. 33. Л.185].

В годы Великой Отечественной войны население района пополнилось за счет депортированных немцев, финнов, калмыков. Эвакуированного населения было немного. Известно, что в 1942 г. в д. Вампугол (рядом с Нижневартовским) привезли пароходом 40 ленинградских детей в возрасте от 6 до 14 лет. Их разместили в школе, отпаивали сахарной водой, молоком, кормили овощными блюдами, а через год увезли в детские дома [2, с.73]. Летом 1944 г. было размещено 195 семей спецпереселенцев-калмыков (617 человек). Из них 122 семьи работали в рыбной промышленности. Прибывших калмыков селить было некуда. Их разместили по квартирам граждан, по 12-14 человек. Рыбозавод не успел построить для прибывших даже бараки. Выход руководство завода видело в том, чтобы калмыки сами строили себе дома [7, Ф. П-96. Оп. 1. Д. 4. Л. 8 об.], но в условиях уже начавшейся зимы и отсутствия средств и материалов это было невозможно. Установлено, что на 1 января 1945 г. в районе насчитывалось временно проживающих (полагаем, речь идет об эвакуированных гражданах) 208 человек [8, Ф. 6. Оп. 1. Д. 97. Л. 3]. Документы, извлеченные из муниципального архива, позволили получить данные о рождаемости и смертности населения в районе, что способствовало осуществлению расчетов коэффициентов естественного движения населения (см. табл. 1).

Таблица 1

Общий коэффициент естественного движения населения Ларьякского района (1937-1945)
[4, Ф.Р-4. Оп.1. Д. 11. Л.159; Д. 33. Л.185; Д. 35. Л.123; 8, Ф. Р-6. Оп.1. Д. 160. Л. 15]

Год	Рождаемость, ‰	Смертность, ‰	Естественный прирост (убыль), ‰
1937	61,6	47,9	13,7
1938	67,8	59,4	8,4
1940	44,7	27,1	17,6
1942	27,8	28,8	-1
1943	15	13,9	1,1
1944	20,5	12,7	7,8
1945	33,2	20	13,2

Перед Великой Отечественной войной общий коэффициент рождаемости (и уровень рождаемости на самом деле) был еще очень высоким. В последующий период коэффициент рождаемости почти неуклонно снижался вследствие действительного снижения рождаемости в районе в связи с призывом на фронт трети мужчин призывного возраста. Сокращение числа умерших в тот период может быть результатом сокращения общей численности населения или его структурных изменений.

Основная часть населения района сосредотачивалась в двух населенных пунктах – селах Ларьяк и Нижневартовское. Нижневартовское был вторым по численности населения селом, а также играло существенную роль в экономической и культурной жизни Ларьякского района, являясь административным центром сельского совета, на территории которого размещалось несколько поселений (деревни, спецпоселки, юрты). По итогам переписи населения 1939 г., численность населения Нижневартовского сельсовета составила 1424 человека [1, с. 89]. В селе Нижневартовском проживало 669 человек, из них 332 мужчин и 337 женщин. Число лиц обоего пола в возрасте восемнадцати лет и старше составляло 332 человека. Отсюда можем сделать вывод, что дети и подростки до восемнадцати лет составляли практически половину жителей села, а именно 337 человек. [4, Ф. Р - 4. Оп. 1. Д. 14. Л. 30]. Увеличение населения в Нижневартовском в годы войны произошло за счет вселения рабочей силы, предназначавшейся для работы в рыбном хозяйстве. Кроме спецпереселенцев, были эвакуированные и депортированные [3, с. 78]. По документам установлено, что Нижневартовскому рыбозаводу передали 287 человек, из них 181 являлись спецпереселенцами. Их доставил пароход «Орджоникидзе» 14 июля 1942 г. По составу

спецпереселенцы в основном состояли из женщин – 149 человек, мужчин было 31, а иждивенцев (преимущественно детей) – 107 [4, Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 33. Л. 12].

Документы, извлеченные из Архивного отдела администрации г. Нижневартовска, позволили рассчитать абсолютный прирост (убыль) численности населения Нижневартовского сельского совета с 1937 по 1945 гг. (см. табл. 2).

Таблица 2

Абсолютный прирост (убыль) численности населения Нижневартовского сельского совета (1937 - 1945 гг.) [4, Ф.Р-4. Оп.1. Д. 33. Л.185; Д. 41. Л.71; Д. 35. Л.123]

Год	Абсолютный прирост (убыль), чел.	Относительные показатели в‰
1937	21	Кр =102,4; Кп = 2,3;
1938	23	Кр =102,5; Кп = 2,5;
1939	219	Кр =123,4; Кп = 23,4;
1940	346	Кр =129,6; Кп = 29,9;
1941	-147	Кр =90,2; Кп = -9,8;
1942	-54	Кр =96; Кп = -4;
1943	154	Кр =111,8; Кп = 11,8;
1944	58	Кр =104; Кп = 4;
1945	147	Кр =109,8; Кп = 9,8;
Всего	798	Ксп = 9,7
Всего по району	2505	Ксп = 8,7

Данные абсолютного естественного прироста (убыли) показывают, что в Нижневартовском сельском совете наибольший абсолютный прирост населения был характерен для 1939, 1940, 1943, 1945 гг. Наибольшая убыль населения наблюдалась в 1941 году.

Таблица 3

Общий коэффициент естественного движения населения Нижневартовского сельсовета (1937-1944) [4, Ф.Р-4. Оп.1. Д. 11. Л.159; Д. 33. Л.185; Д. 35. Л.123]

Год	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост (убыль)
1937	61,3	37,2	24,1
1938	80,1	29,9	50,2
1943	11	10,2	0,8
1944	22,5	7,3	15,2

В результате совокупных изменений коэффициентов рождаемости и смертности общий коэффициент естественного прироста тоже снижался. Наиболее высокая рождаемость, как и смертность, были характерны для 1937, 1938 гг.

Проведенные в совокупности исследования позволили систематизировать статистические данные о численности населения Ларьякского района в исследуемый период (см. табл. 4).

Увеличение численности населения происходило не только за счет естественного, но и механического прироста, что требует дальнейших исследований.

Население Нижневартовского района характеризовалось двунациональностью (русские и ханты), однако в годы войны национальный состав изменился (см. табл. 5).

Таблица 4

Численность населения Ларьякского района в годы Второй мировой войны
[6, Ф. П-107. Оп. 1. Д. 622. Л. 7; 8, Ф. П-17. Оп. 1. Д. 4041. Л. 109; 7, Ф. 6. Оп. 1. Д. 80. Л. 1; 4, Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 33. Л. 17; 8, Ф. 184. Оп. 1. Д. 348. Л. 26].

Год	Район	Нижневартовский сельский совет	с. Нижневартовское
1939	4119	1424	669
1940	5276	1452	н. д.
1941	5 680	1354	800
1942	5 139	1300	677
1943	5 260	1454	816
1944	5271	1512	н. д.
1945	5 880	1659	944

Таблица 5

Национальный состав Ларьякского района по данным на 1 июля 1945 г. [8, Ф. 6. Оп. 1. Д. 97. Л. 2].

Пол	Всего	Русские	Ханты	Калмыки	Финны	Немцы
Мужской	2455	1243	860	212	59	6
Женский	3427	1943	929	362	113	24

Таким образом, необходимо продолжить демографические исследования, особенно касающиеся периода войны, когда сельское население Ханты-Мансийского округа увеличивалось, в том числе и механическим путем. Те же тенденции наблюдались и в Нижневартовском районе. Эвакуированные, депортированные, спецпереселенцы обеспечили рост численности населения, компенсировав его отток в связи с мобилизацией. Однако точная реконструкция динамики численности населения, характеристика демографических структур и процессов сталкиваются с немалыми трудностями. Дело в том, что сохранность материалов текущего сельсоветского учета, являющихся основным источником для определения численности, состава сельского населения в тот период, оставляет желать лучшего. Фонды государственной статистики также страдают противоречивостью и неполнотой. Предстоит исследовать половозрастную, брачную и семейную структуру, этнический и религиозный состав населения Нижневартовского района в указанный исторический период.

© Алексеева Л.В., Миронычев С.В. Текст. 2017

Список источников

1. Алексеева Л.В. К вопросу о населении Ларьякского района и об установлении численности нижневартовцев, участвовавших в боевых действиях в годы Великой Отечественной войны // Шатиловские чтения. – Нижневартовск, 2016. – 200 с.
2. Алексеева Л.В. и др. История Нижневартовского района. – Екатеринбург: «Баско», 2013. – 334 с.
3. Алексеева Л.В. и др. Нижневартовск: как становятся городами. – Нижневартовск; Омск, 2017. – 300 с.
4. Архивный отдел администрации г. Нижневартовска.
5. Ваганов А. И. Перепись населения на Крайнем Севере СССР. – М.; Л.: Госпланиздат, 1939. – С. 5-6 [Электронный ресурс]. URL: <http://elibrary.ru/nodes/24123#page/29/mode/inspect/zoom/4> (дата обращения 15 декабря 2016 г.).

6. Зима В.Ф. Потери населения советского тыла от голода и болезней в 1941-1945 гг. // Население России и СССР: новые источники и методы исследования: сб. науч. статей. – Екатеринбург, 1993.

7. Казенное учреждение «Государственный архив социально-политической истории Тюменской области» (КУ «ГАСПИТО»).

8. Казенное учреждение «Государственный архив Югры» (КУ «ГАЮ»).

Информация об авторах

1. Алексеева Любовь Васильевна (Россия, Нижневартовск) – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, ФГБОУ ВО «Нижневартовский государственный университет» (628602, г. Нижневартовск, ХМАО-Югра, ул. Омская, 54-71; тел. 89527061040; e-mail: lvalexeeva@mail.ru)

2. Миронычев Сергей Викторович (Россия, Нижневартовск) – студент 3 курса по направлению 44.03.01 Педагогическое образование «Историческое образование» ВУЗ?? (628602, г. Нижневартовск, ХМАО-Югра, ул.Мира, 3-б, каб. 311; тел.: 92466 273510 (деканат); e-mail: mironichev1983@mail.ru).

Alekseeva L. V., Mironichev S. V.

THE POPULATION OF NIZHNEVARTOVSK DISTRICT OF THE KHANTY-MANSIYSK REGION IN THE YEARS OF THE SECOND WORLD WAR

In article on the basis of archival sources extracted from state and municipal archives discusses some aspects of the demographic situation of Nizhnevartovsk region in the years 1939-1945. The Authors report the preparation and conduct of the All-Union census of the population in the area; provide statistics of population, national composition of the population; data on birth and mortality rates. The article shows the sources of replenishment of the population of the district during the great Patriotic war, who were evacuated, special settlers, deportees. The study authors systematized the data on population Larjak district, Nizhnevartovsk village Council and the village of Nizhnevartovsk.

Keywords: census, area, population, natural increase, fertility, mortality.

Information about the authors

1. AlekseevaLubovVasiljevna (Russia, Nizhnevartovsk) – Ph.D.in History, Professor, Nizhnevartovsk State University (628602, Nizhnevartovsk, Khanty-Mansiysk autonomous district - Ugra, Omskaya str., 54-71; e-mail: lvalexeeva@mail.ru).

2. Mironichev Sergey Viktorovich (Russia, Nizhnevartovsk) – student of the 3rd course in the direction 44.03.01 Teacher education, «Historical education» (628602, Nizhnevartovsk, Khanty-Mansiysk autonomous district - Ugra, Peace str., 3-B, 311 room; e-mail: mironichev1983@mail.ru).

УДК 314.1

В.Н. Архангельский

РЕГИОНАЛЬНЫЕ И ЭТНИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ПОЛОВОЗРАСТНОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ

В статье представлены результаты оценки региональных (на начало 2016 г.) и этнических (по данным переписи населения 2010 г. и микропереписи населения 2015 г.) различий демографического потенциала половозрастной структуры населения, определяемого как соотношение численностей женского населения в возрасте 10-39 лет и населения обоих полов в возрасте 65 лет и старше.

Ключевые слова: демографический потенциал, половозрастная структура, регионы, национальности.

Половозрастная структура населения, наряду с перспективными параметрами рождаемости, смертности и миграционного прироста, оказывает существенное влияние на будущую демографическую динамику. В этом смысле можно говорить о ее демографическом потенциале. Под демографическим потенциалом половозрастной структуры населения в данном случае понимается ее влияние в перспективе на естественный прирост населения. Различия в этом влиянии, т.е. в демографическом потенциале половозрастной структуры населения, определяются, прежде всего, соотношением численности женщин активного репродуктивного возраста (которая будет детерминировать число родившихся) и численности пожилого населения (которая будет детерминировать число умерших), которое будет иметь место в перспективе. При этом речь идет о существующей половозрастной структуре населения с учетом перехода населения в последующие годы в более старшие возрасты.

К числу женщин активного репродуктивного возраста целесообразно относить тех, кто находится в возрастной группе 20-39 лет. На их долю сейчас в России приходится свыше 90% от общей суммы возрастных коэффициентов рождаемости.

80% от общей суммы возрастных коэффициентов смертности у мужчин и почти 92% – у женщин приходится на возрастную группу 75 лет и старше (для обоих полов – 87%) (Россия, 2015).

В этой связи, если иметь в виду влияние половозрастной структуры населения на его естественный прирост в ближайшие 10 лет, целесообразно, видимо, рассматривать нынешнее отношение численности женского населения в возрасте 10-39 лет к численности населения обоих полов в возрасте 65 лет и старше. Относительно большая величина этого отношения будет свидетельствовать об относительно большем потенциале половозрастной структуры населения с точки зрения ее влияния на естественный прирост.

Региональные различия такого потенциала половозрастной структуры населения могут быть оценены по состоянию на начало 2016 г.¹

В целом по России величина отношения численности женского населения в возрасте 10-39 лет к численности населения обоих полов в возрасте 65 лет и старше на начало 2016 г. составляла 1,42. Ее можно использовать только при межрегиональных сопоставлениях и, конечно, нельзя трактовать как конкретную величину применительно к той или иной динамике естественного прироста, ибо эта динамика будет зависеть не только от соотношения численности населения тех или иных половозрастных групп, но и от возрастных коэффициентов рождаемости и смертности. Величина этих коэффициентов и их межрегиональные различия не учитываются в данном исследовании, так как целью его является определение различий в демографическом потенциале именно половозрастных структур населения при абстрагировании от влияния прочих факторов, детерминирующих различия в естественном приросте.

По состоянию на начало 2016 г. наименьший среди субъектов Российской Федерации демографический потенциал половозрастной структуры населения был в Тульской области, где численность женского населения в возрасте 10-39 лет была меньше, чем численность населения обоих полов в возрасте 65 лет и старше, на 0,7%. В Рязанской и Тамбовской областях две эти численности почти совпадали по величине (численность населения в возрасте 65 лет и старше в этих регионах чуть-чуть больше). Эти регионы, практически, обречены на долгосрочную значительную естественную убыль населения.

Несколько выше, но также очень низок демографический потенциал половозрастной структуры населения в 5 регионах, в которых численность женского населения в возрасте 10-39 лет превосходила на начало 2016 г. численность населения обоих полов в возрасте 65 лет

¹ Рассчитано по данным Росстата.

и старше не более, чем на 10%: Псковская (соотношение двух этих численностей – 1,02), Тверская (1,06), Владимирская (1,08), Новгородская (1,08) и Пензенская (1,08) области.

От 1,10 до 1,20 соотношение численностей женского населения в возрасте 10-39 лет и населения обоих полов в возрасте 65 лет и старше в 15 регионах (10 из них относятся к Центральному федеральному округу): Ивановская (1,11), Воронежская (1,12), Курганская (1,12), Ярославская (1,12), Орловская (1,14), Калужская (1,15), Курская (1,15), Липецкая (1,15), Кировская (1,16), Ульяновская (1,16), Смоленская (1,18), Брянская (1,19) и Костромская (1,19) области, Республика Крым (1,16) и Севастополь (1,17).

В 10 субъектах Российской Федерации величина этого показателя от 1,20 до 1,30 (Ленинградская (1,20), Саратовская (1,20), Нижегородская (1,21), Волгоградская (1,22), Белгородская (1,25), Ростовская (1,26) и Самарская (1,27) области, Республика Мордовия (1,24), Москва (1,25) и Санкт-Петербург (1,26)); а в 11-ти – от 1,30 до 1,42 (величина этого показателя в целом по России): республики Карелия (1,31), Адыгея (1,34) и Чувашская (1,42), Краснодарский (1,31) и Алтайский (1,35) края, Архангельская (1,36), Вологодская (1,38), Свердловская (1,39), Московская (1,40), Калининградская (1,41) и Челябинская (1,42) области).

Таким образом, в 44 регионах на начало 2016 г. демографический потенциал половозрастной структуры населения был меньше, чем в целом по стране, а в 41-м – больше.

Немного больше среднероссийского он был в 12 субъектах Российской Федерации, в которых величина соотношения численностей женского населения в возрасте 10-39 лет и населения обоих полов в возрасте 65 лет и старше составляла на начало 2016 г. от 1,42 до 1,60: республики Татарстан (1,51), Северная Осетия–Алания (1,52), Марий Эл (1,53) и Башкортостан (1,59), Приморский (1,43), Пермский (1,50) и Ставропольский (1,52) края, Оренбургская (1,45), Новосибирская (1,48), Кемеровская (1,50), Астраханская (1,53) и Омская (1,54) области.

От 1,60 до 2,00 величина этого показателя в 13 регионах: это республики Удмуртская (1,60), Хакасия (1,77), Коми (1,86) и Карачаево-Черкесская (1,90), Хабаровский (1,61), Красноярский (1,76) и Камчатский (1,91) края, Сахалинская (1,71), Амурская (1,74), Иркутская (1,75), Мурманская (1,80) и Томская (1,83) области, Еврейская автономная область (1,71).

В остальных 16 субъектах Российской Федерации численность женского населения в возрасте 10-39 лет на начало 2016 г. была в 2 и более раза больше численности населения обоих полов в возрасте 65 лет и старше, что позволяет говорить об относительно высоком демографическом потенциале половозрастной структуры населения.

Почти в половине из них (7 регионов) соотношение двух этих численностей населения составило от 2,0 до 3,0: республики Калмыкия (2,10), Кабардино-Балкарская (2,12), Бурятия (2,15) и Алтай (2,58), Забайкальский край (2,16), Магаданская область (2,23), Ненецкий автономный округ (2,69).

В трех регионах перевес численности женского населения в возрасте 10-39 лет над численностью населения в возрасте 65 лет и старше в начале 2016 г. был более чем трехкратным (Тюменская область (3,06), республики Саха (Якутия) (3,13) и Дагестан (3,73)), а еще в четырех – превышал 4,0 (республики Тыва (4,21) и Ингушетия (4,97), Ханты-Мансийский–Югра (4,25) и Чукотский (4,89) автономные округа).

Наконец, о самом большом демографическом потенциале половозрастной структуры населения можно говорить в отношении Чеченской Республики и Ямало-Ненецкого автономного округа, в которых отношение численности женского населения в возрасте 10-39 лет к численности населения обоих полов в возрасте 65 лет и старше на начало 2016 г. составляло, соответственно, 6,04 и 8,15.

Таким образом, следует отметить, что диапазон региональных различий в демографическом потенциале половозрастной структуры населения в России очень велик. Если, как отмечалось выше, в Тульской области численность женского населения в возрасте 10-39 лет на начало 2016 г. была меньше численности населения обоих полов в возрасте 65

лет и старше и соотношение между ними составляло 0,99, то в Ямало-Ненецком автономном округе его величина равнялась 8,15, т.е. была в 8,2 раза больше.

Если региональные различия в половозрастной структуре населения в нашей стране анализируются применительно к тем или иным аспектам демографического и социально-экономического развития (см., например, [1, с.142-169; 2, с.72-92]), то исследований различий половозрастных структур населения различных национальностей практически нет.

Следует, конечно, иметь в виду, что оценка демографического потенциала половозрастной структуры населения в разрезе национальностей имеет большей условностей, чем в региональном разрезе. Если по регионам на перспективные изменения соотношения численностей женского населения в возрасте 10-39 лет и населения обоих полов в возрасте 65 лет и старше в рассматриваемый период будут влиять смертность и миграция, то по национальностям – еще и возможное изменение человеком своей национальности, так как она фиксируется по самоопределению. Степень ассимиляции, вероятно, различается у разных национальностей, а у представителей одной и той же национальности – в разных возрастах. Последнее будет находить отражение в особенностях возрастной структуры населения национальностей с разной степенью ассимиляции. Эти особенности могут быть связаны и с разными масштабами миграции в Россию (и из России) населения тех или иных национальностей в различные годы. Кроме того, с точки зрения естественного прироста населения важно иметь в виду, что национальность матери и новорожденного в межнациональном браке могут не совпадать.

Межнациональные различия в оценке демографического потенциала половозрастной структуры населения рассмотрим на основе результатов переписи населения 2010 г. и микропереписи населения 2015 г.

Основываясь на результатах переписи населения 2010 г. можно оценить межнациональные различия демографического потенциала половозрастной структуры населения, который уже реализовывался в период после переписи населения 2010 г. и будет продолжать реализовываться в ближайшие годы.

По данным переписи населения 2010 г., среди наиболее многочисленных национальностей, выделенных при разработке Росстатом, у 6 национальностей отношение численности женского населения в возрасте 10-39 лет к численности населения обоих полов в возрасте 65 лет и старше меньше 1,0: евреи (0,24), белорусы (0,32), украинцы (0,47), карелы (0,64), казаки (0,72), мордва (0,85). Немного выше величина этого показателя у немцев (1,08)¹. Можно, вероятно, предположить высокую степень ассимиляции у представителей этих национальностей.

У русских отношение численности женского населения в возрасте 10-39 лет к численности населения обоих полов в возрасте 65 лет и старше, по данным переписи населения 2010 г., составляет 1,58. Точно такая же величина этого показателя у татар. Несколько ниже она у коми-пермяков (1,33), греков (1,36), удмуртов (1,40), чувашей (1,44) и коми (1,47) и, наоборот, выше у осетин (1,70) и адыгейцев (1,87).

От 2,0 до 3,0 величина этого показателя на момент переписи населения 2010 г. была у башкир (2,04), грузин (2,05), марийцев (2,25), корейцев (2,63), армян (2,64), балкарцев (2,81), черкесов (2,84) и карачаевцев (2,92); от 3,0 до 4,0 – у кабардинцев (3,09), молдаван (3,31), лакцев (3,49), хакасов (3,57), калмыков (3,61), бурят (3,71) и казахов (3,90); от 4,0 до 5,0 – у аварцев (4,36), ногайцев (4,46), алтайцев (4,48), якутов (саха) (4,50) и даргинцев (4,70).

У остальных национальностей, выделенных как наиболее многочисленные при разработке результатов переписи населения 2010 г., перевес численности женского населения в возрасте 10-39 лет по сравнению с численностью населения обоих полов в возрасте 65 лет и старше был более чем пятикратным.

¹ Рассчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Т.4. Национальный состав и владение языками, гражданство. С. 306–329 [Электронный ресурс]. URL http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-10.pdf.

От 5,0 до 6,0 величина показателя соотношения двух этих численностей населения была у лезгин (5,31), кумыков (5,40) и табасаран (5,46), от 6,0 до 7,0 – у ингушей (6,08) и чеченцев (6,36), от 7,0 до 10,0 – у тувинцев (7,95), азербайджанцев (7,98), турок (8,04) и цыган (9,35). Свыше 10,0 это соотношение у узбеков (10,98) и таджиков (14,31).

Аномально высокое отношение численности женского населения в возрасте 10-39 лет к численности населения обоих полов в возрасте 65 лет и старше – у киргизов. По данным переписи населения 2010 г., оно составляло 44,62. Очевидно, что это обусловлено миграцией киргизов в Россию, которая значительно выше в более молодых возрастах.

Результаты микропереписи населения 2015 г. в основном подтвердили межнациональные различия в демографическом потенциале половозрастной структуры населения, выявленные по результатам переписи населения 2010 г. При этом у большинства национальностей величина этого потенциала в той или иной степени сократилась.

Менее 1,0 величина отношения численности женского населения в возрасте 10-39 лет к численности населения обоих полов в возрасте 65 лет и старше, по результатам микропереписи населения 2015 г., у белорусов (0,18), евреев (0,21), украинцев (0,41), карелов (0,52), мордвы (0,53), немцев (0,59), коми-пермяков (0,86), удмуртов (0,93), чувашей (0,93) и греков (0,94). По сравнению с переписью населения 2010 г. перечень национальностей, у которых величина этого показателя не превышает 1,0, пополнился немцами, коми-пермяками, удмуртами, чувашами и греками. Причем даже у тех национальностей, у которых в 2010 г. она была очень низкой (евреи, белорусы, украинцы, карелы, мордва), в 2015 г. еще более снизилась.

Если, по данным переписи населения 2010 г., у русских отношение численности женского населения в возрасте 10-39 лет к численности населения обоих полов в возрасте 65 лет и старше составляло 1,58, то по результатам микропереписи населения 2015 г. величина этого показателя снизилась до 1,21.¹

Кроме перечисленных выше национальностей, более низкая, чем у русских, величина этого показателя, по данным микропереписи населения 2015 г., была у коми (1,01), грузин (1,07), корейцев (1,10) и татар (1,14).

Несколько выше, чем у русских, но меньше 2,0, величина отношения численности женского населения в возрасте 10-39 лет к численности населения обоих полов в возрасте 65 лет и старше в 2015 г. была у молдаван (1,58), башкир (1,61), марийцев (1,64), адыгейцев (1,66), осетин (1,68) и лакцев (1,89). Только у осетин этот показатель почти не изменился по сравнению с 2010 г. (1,70), а у остальных из перечисленных здесь национальностей он существенно снизился (наиболее значительно у молдаван (с 3,31 до 1,58) и лакцев (с 3,49 до 1,89); если у молдаван на такие изменения могли повлиять как миграционные, так и ассимиляционные процессы, то у лакцев, видимо, только ассимиляционные).

От 2,0 до 3,0 величина отношения численности женского населения в возрасте 10-39 лет к численности населения обоих полов в возрасте 65 лет и старше, по данным микропереписи населения 2015 г., у балкарцев (2,00), крымских татар (2,04), кабардинцев (2,21), черкесов (2,28), армян (2,32), карачаевцев (2,34), казахов (2,56), ногайцев (2,81), алтайцев (2,85), даргинцев (2,96) и хакасов (2,96); от 3,0 до 4,0 – у кумыков (3,03), бурят (3,06), якутов (саха) (3,20), табасаран (3,31), калмыков (3,34), аварцев (3,36); от 4,0 до 5,0 – у лезгин (4,90) и ингушей (4,92). У алтайцев, даргинцев, ингушей, казахов, ногайцев и якутов (саха) величина этого показателя снизилась, по сравнению с 2010 г., более чем на 1,0, а у кумыков и табасаран – более чем на 2,0.

У остальных национальностей, выделенных при разработке результатов микропереписи населения 2015 г., перевес численности женского населения в возрасте 10-39 лет по сравнению с численностью населения обоих полов в возрасте 65 лет и старше был

¹ Рассчитано по: Таблицы с итогами микропереписи населения 2015 года. Раздел X. Национальная принадлежность и владение языками. Таблица 10.17 Население отдельных национальностей, принявшее участие в микропереписи, по возрастным группам и полу [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html.

более чем пятикратным. У азербайджанцев он составил 5,22, у чеченцев – 5,38, у тувинцев – 6,61, у цыган – 7,28.

Очень значительно сократилась величина этого показателя у узбеков и таджиков. Если в 2010 г. она составляла, соответственно, 10,98 и 14,31, то в 2015 г. – 7,75 и 10,26. Еще большее ее снижение произошло у киргизов, но она по-прежнему аномально высока (26,15).

Единственной национальностью, у которой в 2015 г. повысилась, по сравнению с 2010 г., величина отношения численности женского населения в возрасте 10-39 лет к численности населения обоих полов в возрасте 65 лет и старше, являются турки. Если по переписи населения 2010 г. величина этого показателя составляла у них 8,04, то по микропереписи населения 2015 г. – 9,30.

Этнические различия демографического потенциала половозрастной структуры населения в России еще более существенны, чем региональные. В то же время, анализируя их, следует иметь в виду отмеченные выше особенности детерминации формирования половозрастной структуры населения по национальностям.

Данная работа представляет собой, по сути дела, первый опыт анализа региональных и этнических различий демографического потенциала половозрастной структуры населения, т.е. различий в потенциальном влиянии этой структуры на естественный прирост. Представляется, что подобные исследования, позволяющие оценивать дифференциацию вклада половозрастной структуры населения в перспективную динамику его численности, следует расширять и совершенствовать наряду, разумеется, с демографическими прогнозами, которые также дают возможность оценивать вклад структуры населения в его динамику. В отличие от прогноза предлагаемый подход не позволяет количественно оценить вклад половозрастной структуры населения в динамику численности населения, но зато значительно более простым способом с меньшим количеством требуемой для расчета информации (по сравнению с традиционным демографическим прогнозом методом передвижки возрастов) позволяет оценить региональные различия в потенциальном влиянии этой структуры на естественный прирост населения. Что касается этнических различий, то следует отметить, что традиционные демографические прогнозы дифференцированно по национальностям в России не рассчитываются (прежде всего, из-за отсутствия необходимой статистической информации), и поэтому предлагаемый метод дает, по сути дела, единственную возможность оценить этнические различия в половозрастной структуре населения с точки зрения ее потенциального влияния на естественный прирост.

© Архангельский В.Н. Текст. 2017

Благодарность

Статья подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 15-06-04731 «Социальные и экономические последствия возможных сценариев демографического развития России (на федеральном и региональном уровнях)».

Список источников

1. Демографические контуры регионов России. – М.: Экон-Информ, 2009.
2. Население России 2010-2011. Восемнадцатый-девятнадцатый ежегодный демографический доклад. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2013.

Информация об авторе

Архангельский Владимир Николаевич (Россия, Москва) – кандидат экономических наук, заведующий сектором, Центр по изучению проблем народонаселения Экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 46); ведущий научный сотрудник, Международная лаборатория демографии и человеческого капитала РАНХиГС (119571, Москва, пр. Вернадского, д. 82, стр. 1); e-mail: archangelsky@yandex.ru

REGIONAL AND ETHNIC DIFFERENCES OF THE DEMOGRAPHIC POTENTIAL THE SEX AND AGE STRUCTURE OF THE POPULATION

The article presents the results of the evaluation of regional (beginning in 2016) and ethnicity (according to census 2010 and the micro-census of the population, 2015). differences in demographic potential the sex and age structure of the population, defined as the ratio of the numbers of the female population aged 10-39 years and the population of both sexes aged 65 years and older.

Keywords: demographic potential, sex and age structure, regions, nationalities.

Information about the author

Arkhangel'skiy Vladimir Nikolaevich (Russia, Moscow) – Candidate of Economic Sciences, Head of Sector, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Economics, Center for Population Studies (119991 Russia Moscow, Leninskiye Gory, 1–46), Leading Research Fellow, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), International Laboratory of Demography and Human Capital (119571 Russia Moscow, Prospect Vernadskogo, 82-5); e-mail: archangelsky@yandex.ru

УДК 94(470)"19":930(470)

Е.Ю. Баранов

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РОССИИ В XX ВЕКЕ: ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

На основе анализа историографии определяются возможности изучения демографического потенциала России в XX веке. Наличие номотетических и идеографических работ, комплексов источников по истории населения обеспечивает возможности реализации обобщающих исследований демографического потенциала России и ее регионов, оценки нереализованного роста населения и выявления закономерностей демографического развития.

Ключевые слова: историческая демография, демографическая история, историография, демографический потенциал, демографическая модернизация, демографический переход.

В науке к сегодняшнему дню не сложилось унифицированной дефиниции понятия «демографический потенциал». Все определения связаны с набором количественных и качественных характеристик населения, включающих показатели его численности, воспроизводства, состава (прежде всего половозрастного), продолжительности жизни, миграционного движения и др. Одно из наиболее обобщенных определений приводится в учебном пособии С.В. Рязанцева, И.А. Айдрус, Е.В. Письменной «Демографический потенциал как основа развития системы высшего образования»: «Под демографическим потенциалом страны (региона) понимается совокупность населения (народонаселения) с определенными качествами (характеристиками), необходимыми для социально-экономического развития данной территории». При этом демографический потенциал характеризуется показателями динамики численности населения, его состава и структуры [13, с. 4–9]. В современной демографии понятие демографический потенциал тесно связано с задачами демографического прогнозирования, оценкой трудового потенциала населения и возможностей и перспектив социально-экономического развития отдельных регионов и территорий.

При оценке демографического потенциала следует учитывать исторический опыт развития народонаселения. В отечественной историографии не сложилось специальной

традиции изучения демографического потенциала России, но опубликованы целые пласты исследований по демографической истории страны в прошлом столетии и отдельным ее аспектам. В исследовательское поле историков и демографов попали количественные и качественные характеристики народонаселения, составляющие основу для оценки демографического потенциала России в столь насыщенный социальными преобразованиями и катаклизмами период.

Численность населения России за XX век увеличилась более чем в 2 раза, по подсчетам российского статистика В.М. Симчеры (в современных границах государства) – с 70,2 млн чел. в 1900 г. до 145 млн чел. в 2000 г.¹ [14, с. 104]. За сто лет произошли существенные изменения в демографическом поведении населения, трансформировались демографические структуры. При этом росту населения препятствовали демографические катастрофы и кризисы, которые стали следствием Первой мировой войны, революции и Гражданской войны, репрессивной политики, сплошной коллективизации, Великой Отечественной войны, а также эпидемий и голода в начале 1920-х и 1930-х гг. Географ и историк П.М. Полян пришел к выводу, что население России за столетие могло бы утроиться, а не удвоиться, если бы в первой половине XX века не было трех демографических катастроф [12, с. 37]. Демографическая катастрофа, которая характеризовалась ярко выраженной депопуляцией, поразила население России в 1990-е гг. Следует отметить, что в настоящий момент в рамках специальных исследований историки не только анализируют демографическое развитие страны в советский период ее истории, но и серьезно изучают историографию этого вопроса. Это необходимо с целью осознания уже накопленного историографического «багажа» и определения направлений дальнейших научно-исторических изысканий. Особое значение имеют историографические работы по проблемам истории населения в периоды социальных катаклизмов и пертурбаций, так как по этим вопросам в научной и общественно-политической среде сохраняются элементы полемики (см., например: [3; 4; 10]).

Подходы к изучению демографической истории СССР прошли путь от закономерного (в контексте осуждения сталинского режима в конце 1980-х – начале 1990-х гг.) обращения к проблеме оценки «жертв сталинизма» вследствие репрессий, голода, войн до реализации попыток исторических обобщений, выявления демографических закономерностей. Сегодня в отечественной исторической демографии остаются дискуссионными вопросы потерь населения, достоверности советской статистики о населении, концептуальных обобщений демографического развития. Исследование демографических последствий социальных преобразований и потрясений в стране в первой половине XX века стало одним из значимых направлений современной историографии. Оно представлено широким кругом научных трудов по проблемам репрессивной политики, голода, демографических результатов войн, а также рядом историко-демографических обобщений по теме демографических кризисов и катастроф.

Попытку восстановить динамику численности населения СССР, России, а также показатели воспроизводства населения, его миграционного движения, рассчитать потери населения в результате социальных бедствий (войны, голода) в 1990-е гг. предприняли Е.М. Андреев, Л.Е. Дарский, Т.Л. Харькова. Общие демографические потери СССР за период с 1927 по 1941 гг. были оценены ими в 13,5 млн человек, а людские потери составили около 7 млн человек. Общие людские потери населения СССР вследствие Великой Отечественной войны, оцененные учеными методом демографического баланса, составили приблизительно 26,6 млн человек [1, с. 60, 77].

Одной из значимых попыток фундаментального обобщения демографической истории России стало трехтомное издание «Население России в XX веке: Исторические очерки» (М., 2000, Т. 1; 2001, Т. 2; 2005, Т. 3, кн. 1; 2011, Т. 3, кн. 2; 2012, Т. 3, кн. 3). В книгах этого

¹ При сопоставлении данных в границах территорий Российской империи (1900 г.) и Российской Федерации (2000 г.) численность населения выросла со 130,9 млн чел. до 145,9 млн [14, с. 104].

издания дана характеристика численности населения, его репродуктивного, брачного поведения, половозрастной, семейной, этнической структуры, выявлены изменения в демографических структурах и процессах, охарактеризована их социальная обусловленность. Значение этого издания заключается в том, что в нем обозначены актуальные по состоянию на начало третьего тысячелетия вопросы исторической демографии России. Это способствует определению направлений последующих научно-исторических изысканий на общероссийском и региональном уровнях.

В коллективной монографии «Демографическая модернизация России, 1900–2000» (под редакцией А.Г. Вишневого) показано, что Россия в XX веке упустила возможность накопить «демографический запас» роста населения, которая открывается вследствие асинхронной динамики рождаемости и смертности в период демографического перехода. Главной причиной этой ситуации стали большие демографические потери, обусловленные экзогенными факторами (войны, голод, эпидемии, политические репрессии). Демографы условно предполагают, что к концу XX столетия население России могло бы быть почти на 113 млн человек больше, чем оно было в действительности, если бы стране удалось избежать демографических потрясений в первой половине века [6, с. 399, 446].

В монографии отражено, что в XX веке население России отходило от демографического и семейного поведения, свойственного традиционному обществу. Столетним демографическим трендом стало падение рождаемости. В середине последнего десятилетия прошлого века эволюция рождаемости в стране, по мнению демографов, перешла в новую стадию, в ходе которой происходят перестройка ее возрастной модели, а также отказ от раннего начала репродукции. Ученые говорили о начале «второго демографического перехода». Сокращение смертности, прежде всего детской, младенческой, перенос существенной доли смертности в старшие возрастные группы, рост продолжительности жизни – это «достижения» демографической модернизации в стране в прошлом столетии. Однако в середине 1960-х гг. начался этап стагнации, даже снижения продолжительности жизни (у мужчин). По этому показателю отставание от большинства развитых стран до конца века преодолеть так и не удалось. До конца XX столетия демографическая модернизация России, по мнению демографов, оставалась незавершенной [6, с. 159–163, 169–175, 249, 257–258, 270, 272, 393].

Концепция А.Г. Вишневого, разработанная в рамках теории демографического перехода, предполагает объективно заданное движение населения всех стран и регионов мира по одному вектору, через одни и те же фазы и этапы. Критика этой теории строится на аргументах о наличии существенных региональных демографических различий, а также о существовании сильной зависимости демографического развития от социальных и природных факторов.

В российской демографии оппонентом и критиком теории демографического перехода является М.А. Клупт. Методологическую основу его исследований составляют институциональный и регионоведческий подходы. Региональное демографическое разнообразие, обусловленное факторами социальной и природной среды, как полагает М.А. Клупт, приводит к сбоям в интерпретациях и прогнозах, получаемых с помощью универсальных теорий демографического развития. Демограф предлагает использовать для этих целей «теории среднего уровня», которые занимают промежуточное положение между эмпирическими работами и глобальными обобщениями концептуального характера. «Теории среднего уровня», по мнению Клупта, предназначены для интерпретации тенденций развития населения в различных регионах мира. В соответствии с этим подходом демографическое развитие представляется многомерным движением, его структурными составляющими выступают пространственно-временные области. Этот концепт дает возможность говорить о существовании региональных, национальных моделей демографического развития [9, с. 9–10, 267–268, 271–274].

Ученый считает, что теория демографического перехода игнорирует эмпирическую информацию, которой фиксируются «демографические феномены» в отдельных регионах

мира. Характеристиками «демографического феномена» в России стали отсутствие снижения смертности у взрослых мужчин, стагнация и снижение с середины 1960-х гг. ожидаемой продолжительности жизни. Демограф обращает внимание на то, что «кризис продолжительности жизни» охватил часть советского периода, время экономического спада в 1990-е гг. и «подъема» в начале XXI века. М.А. Клупт пишет о существенной роли «социально-культурного синдрома», который состоял в уменьшении значения культурно-идеологического фактора, сокращении государственного контроля над общественной жизнью. В значительный период советской истории культура и идеология были направлены на создание образа конструктивной и здоровой жизни [9, с. 11, 263, 290–291, 302–304].

Дискутируя с А.Г. Вишневым по поводу тенденций рождаемости в России, М.А. Клупт говорит, что в 1990-е гг. одной из причин понижения коэффициента суммарной рождаемости стало повышение возраста рождения первенца. Он пишет, что ряд демографов рассматривают этот процесс как начало в стране второго демографического перехода (ссылка на книгу «Демографическая модернизация...»), но приближение репродуктивного поведения к европейской модели можно наблюдать среди «социально продвинутых» молодых поколений россиян в мегаполисах. Характеризуя российский «демографический феномен», М.А. Клупт указывает, что показатели рождаемости в стране в конце XX века были сверхнизкими и их значения упали до более низкого уровня, чем в большей части развитых стран (в среднем 1,2–1,3 рождения на 1 женщину). Во многом эта ситуация была обусловлена негативным воздействием на демографическую сферу «трансформационного кризиса», в который страна погрузилась в последнем десятилетии прошлого столетия [9, с. 318–323].

Оппонентом теории демографического перехода выступает В.М. Симчера, он критикует тезис о «естественной заданности» развития народонаселения. Им были проанализированы группировки данных о численности населения и темпах его прироста по десятилетиям XX века и по десяти условным периодам «фактического правления» страной¹. Статистик пришел к выводу, что существует положительная зависимость между государственной политикой и режимом воспроизводства населения: эффективное управление государством обуславливало «улучшение» демографического воспроизводства, а слабый управленческий режим приводил к его «ухудшению» [14, с. 115, 117–119, 123–124]. С позиций исторической науки к подходу В.М. Симчеры есть существенные вопросы, в частности, не совсем ясны критерии выделения периодов «фактического правления». В связи с этим достаточно дискуссионными являются вопросы, обладали ли руководители государства в обозначенные ученым периоды властными полномочиями во всей их полноте, имели ли возможности их эффективной реализации в конкретно-исторических условиях.

В.М. Симчера считает, что если бы население России в XX веке увеличивалось по «мировым законам» (за столетие общая численность населения мира возросла в 4 раза), то численность населения страны в начале текущего века составляла бы 270 млн человек. Разница между вероятными 270 млн и реальными 145,6 млн человек (в конце 1999 г.), составляющая 124,4 млн человек, – это, по мнению статистика, величина потерянного за 100 лет человеческого ресурса России. По его оценке, общая численность населения России «в условиях нормального развития страны» в 2000-е гг. могла находиться в пределах от 250 до 400–450 млн человек. Однако Россия в прошлом веке была лишена возможности спокойного,

¹В истории России XX века В.М. Симчера выделил десять периодов «фактического правления»: «период фактического правления Николая II (1894–1905 гг.)», «периоды неформального фактического правления» С.Ю. Витте (1905–1906 гг.) и П.А. Столыпина (1906–1911 гг.), «период господства смутного времени (1911–1917 гг.)», периоды правления В.И. Ленина (1917–1922 гг.), И.В. Сталина (1922–1953 гг.), Н.С. Хрущева (1953–1964 гг.), Л.И. Брежнева (1964–1985 гг.), М.С. Горбачева (1985–1991 гг.), Б.Н. Ельцина (1991–1999 гг.) [14, с. 118, 124].

поступательного демографического развития, а в последнем десятилетии «демографический крест»¹ стал угрозой для демографического потенциала России [14, с. 114–116].

Несмотря на существенную критику, теория демографического перехода получила значительное распространение среди российских историков. Историк-демограф В.Б. Жиромская считает, что одна из особенностей процесса демографического перехода в России состояла в его дискретном характере (по терминологии Жиромской – прерывный). Признаки демографического перехода были неустойчивыми и периодически исчезали. Это было связано с влиянием негативных социальных факторов. В.Б. Жиромская обращает внимание на то, что кризисные ситуации в демографической сфере не являлись закономерностью в реализации демографического перехода, а, наоборот, были нарушениями в процессе демографической модернизации [7, с. 11–12, 248].

В современной отечественной историографии появились исследования истории сельской и городской семьи в России, основанные на теории демографического перехода. В отношении общественной трансформации института семьи эта теория предполагает переход от семьи патриархальной, многодетной к нуклеарной, малодетной семье. О.М. Вербицкая считает, что в конце 1920-х – начале 1930-х гг. в стране наступил новый этап трансформации сельской семьи, который условно датируется 1929–1959 гг. Это был исторический период, когда сельская семья начала осуществлять постепенный переход «от патриархальности к современности». Одним из важнейших факторов этих изменений стало «...углубление урбанизационных процессов...», вследствие чего усилился миграционный отток населения из деревни. Однако на этом этапе сельская семья продолжала осуществлять свою репродуктивную функцию и обеспечивала простое, а в отдельных районах и расширенное воспроизводство населения [5, с. 14, 270, 273]. Н.А. Араловец пишет, что к концу 1950-х гг. в «...условиях снижения уровня рождаемости и смертности преобладавшим типом городской семьи стала малочисленная и малодетная семья...» [2, с. 250].

Одной из первых в постсоветской историографии исторических работ, базирующихся на теории демографического перехода, стала книга «Население Урала. XX век». Демографический переход на Урале, по мнению авторов, не был завершен, он проходил не по общероссийскому сценарию, а был более характерен для «южноазиатской–африканской модели» в связи с тем, что исходные уровни рождаемости и смертности были слишком высокими [11, с. 123].

Об актуальности изучения региональных аспектов проблемы демографического перехода свидетельствуют исследования историка-демографа В.А. Исупова. Он указывает на прерывистый характер процесса демографического перехода в России и пишет о четырех «попытках» демографического перехода в Западной Сибири, три из которых в связи воздействием экзогенных факторов оказались безрезультатными, что сильно задержало ход демографической модернизации [8].

В условиях распространения инструментально-методологического значения теории демографического перехода значительная часть отечественных региональных историко-демографических исследований посвящена проблемам демографического развития различных территорий страны в отдельные исторические периоды, существенное внимание историков уделено периодам «сталинской модернизации», Великой Отечественной войны. Следует отметить, что набирает силу направление исторической демографии, связанное с активным внедрением в исследовательский процесс информационных технологий, созданием баз данных о населении. Во многом этому способствует распространение инструментария исторической информатики.

Тема принудительных миграций, насильственных перемещений, депортаций получила свое развитие в рамках изучения истории спецпоселенчества, «кулацкой ссылки», роли спецпереселенцев в формировании населения различных регионов страны. В

¹ Показатели смертности населения в России в 1992 г. превысили показатели рождаемости, кривые на графике функций этих процессов образовали так называемый «демографический крест» – «русский крест».

постсоветской историографии исследования принудительных миграций сначала несколько отвлекали внимание историков от изучения миграционного движения населения в целом. Однако сегодня в рамках исследований истории миграций рассматриваются вопросы выявления направлений миграционных потоков, анализируются факторы, формы и объемы миграций, состав мигрантов в различных социально-исторических условиях, решаются задачи периодизации истории территориальных перемещений населения, выявления значения миграций в демографической трансформации России и ее регионов. Тема миграций рассматривается историками также в контексте изучения процесса урбанизации.

Наличие номотетических и идеографических работ, комплексов источников по истории населения обеспечивает возможности реализации обобщающих исследований демографического потенциала России в XX веке, оценки нереализованного роста населения и выявления закономерностей демографического развития. Исследование региональных аспектов демографической истории сохраняет свою актуальность. В конечном счете, изучение истории населения регионов должно помочь более точно определить, какой урон социальные катаклизмы нанесли демографическому потенциалу страны в XX веке.

© Баранов Е.Ю. Текст. 2017

Список источников

1. Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Население Советского Союза: 1922–1991. – М.: Наука, 1993. – 142 с.
2. Араловец Н.А. Городская семья в России, 1927–1959 гг. – Тула: Гриф и К, 2009. – 304 с.
3. Баранов Е.Ю. Причины и последствия голода 1932–1933 гг. в СССР: дискуссии российских и зарубежных ученых // Третьи Уральские историко-педагогические чтения. – Екатеринбург: УрГПУ, Банк культурной информации, 1999. – С. 95–100.
4. Баранов Е.Ю. Современная историография демографической истории СССР в 1930-е гг.: тренд дискурса и актуальные проблемы // Уральский исторический вестник. – 2014. – № 3 (44). – С. 70–79.
5. Вербицкая О.М. Российская сельская семья в 1897–1959 гг. (историко-демографический аспект). – Москва; Тула: Гриф и К, 2009. – 296 с.
6. Демографическая модернизация России, 1900–2000 / под ред. А.Г. Вишневого. – М.: Новое издательство, 2006. – 608 с.
7. Жиромская В.Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. – М.: Кучково поле; Союз семей военнослужащих России, 2012. – 320 с.
8. Исупов В.А. К вопросу о начале процесса демографического перехода в Западной Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. – 2010. – № 1. – С. 12–16.
9. Клупт М.А. Демография регионов Земли. – СПб.: Питер, 2008. – 347 с.
10. Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 гг. в современной российской и зарубежной историографии: взгляд из России // Современная российско-украинская историография голода 1932–1933 гг. в СССР / науч. ред. В.В. Кондрашин. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. – С. 8–56.
11. Население Урала. XX век. История демографического развития / А.И. Кузьмин, А.Г. Оруджиева, Г.Е. Корнилов и др. – Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 1996. – 212 с.
12. Полян П.М. Двадцатое столетие: путем демографических катастроф // Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен: монографический сборник. – М.: ОГИ, 2001. – С. 33–62.
13. Рязанцев С.В., Айдрус И.А., Письменная Е.В. Демографический потенциал как основа развития системы высшего образования: учеб. пособие. – М.: РУДН, 2008. – 258 с.
14. Симчера В.М. Развитие экономики России за 100 лет: 1900–2000. Исторические ряды, вековые тренды, институциональные циклы. – М.: Наука, 2006. – 587 с.

Информация об авторе

Баранов Евгений Юрьевич (Россия, Екатеринбург) – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН (620990, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16; e-mail: eubaranov@yandex.ru)

Baranov E. Yu.

RUSSIA'S DEMOGRAPHIC POTENTIAL IN THE XX CENTURY: PROBLEMS OF THE MODERN HISTORIOGRAPHY

Based on the analysis of historiography identifies the perspectives to study the demographic potential of the Russia in the XX century. The availability of nomothetic and ideographic researches, sources on the history of the population provides opportunities for implementing the generalizing studies of the demographic potential of Russia and its regions, allows to estimate unrealized population growth and to reveal the patterns of demographic development.

Keywords: historical demography, demographic history, historiography, demographic potential, demographic modernization, demographic transition

Information about the author

Baranov EvgenijYurievich (Russia, Ekaterinburg) – Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (16, S. Kovalevskoy St., Ekaterinburg, 620990, Russia; e-mail: eubaranov@yandex.ru)

УДК 314.424

Д.С. Бахарев

ПРИЧИНЫ СМЕРТИ В ЕКАТЕРИНБУРГЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.: ОПЫТ АНАЛИЗА ДАННЫХ МЕТРИЧЕСКИХ КНИГ

Статья посвящена вопросу классификации причин смерти, зафиксированных в дореволюционных метрических книгах, согласно современным стандартам. На примере базы данных «Регистр населения Урала» была проанализирована выборка смертей, зарегистрированных в приходе Вознесенского храма Екатеринбурга в 1881–1919 гг. и сделан вывод о невозможности полноценной классификации причин смерти.

Ключевые слова: историческая демография, демография Екатеринбурга, причины смерти, историко-демографические базы данных.

Российская историческая демография прошла долгий путь от достаточно ограниченной дисциплины советской гуманитарной науки, в рамках которой преимущественно ученые-историки, используя агрегированные данные, исследовали глобальные социальные феномены, до современного состояния, когда освоение западного научного опыта и компьютеризация подстегивают развитие множества научных центров, чей профиль – историко-демографические исследования с опорой на массовый номинативный источник, что, в том числе, обеспечено гигантской источниковедческой работой, проделанной во времена СССР [1, 3].

Использование номинативного источника равно дает возможность выполнять как микро-, так и макроисследования, позволяет избегать погрешностей и ложных результатов и фокусироваться на отдельных индивидуумах и малых группах, используя метод Longitudinal record linkage. Также этот метод облегчает набирающие популярность генеалогические исследования. Все эти операции возможны лишь при наличии цифровой базы данных номинативных источников (БД). Именно анализ больших массивов первичных источников является в настоящее время двигателем социальной истории и исторической демографии. Однако ведущие европейские проекты по созданию и пополнению таких баз остаются без

российского участия – MOSAIC и European Historical Population Samples Network тому пример. Создание БД такого уровня требует большой квалификации и финансовых вливаний, что тормозит развитие этого направления не только в России, но и за рубежом – такая серьезная лакуна в Восточной Европе и Евразии не может не сказываться на объективности и полноте общеевропейских данных. Одной из первых на путь формирования российского сегмента глобальных БД встала группа ученых из Уральского федерального университета, совместно со скандинавскими коллегами из университета Тромсо (Норвегия) выполняющая проект «Этно-религиозная и демографическая динамика в горной Евразии в конце XIX – начале XX вв.». Проект поддержан Российским научным фондом и базируется на многолетних исследованиях этно-религиозного ландшафта Урала и демографических исследованиях в странах Скандинавии. Выбор стран обусловлен рядом сближающих регионы черт: горный ландшафт; сходный климат; большая роль горнодобывающей промышленности в экономике края; исторически сложившееся полиэтническое население при наличии доминирующего этно-религиозного большинства. Уральский сегмент исследования ограничен Пермской губернией и частично Тобольской [4]. БД проекта, получившая название «Регистр населения Урала», или Ural Population Project, включает номинативные источники по демографии Урала конца XIX – начала XX вв. – переписные листы Приполярной переписи 1926-27 гг. (Уральская область), метрические книги и ревизские сказки (Екатеринбург, Пермская губерния). Источник охватывает весь возможный этно-религиозный спектр, открывая простор для сравнительного анализа динамики демографических событий представителей разных конфессий и национальностей.

Большая часть данных БД «Регистр населения Урала» почерпнута из метрических книг дореволюционного Екатеринбурга. В России уже существует ряд результативных проектов по оцифровке этого источника, связанных, в первую очередь, с генеалогией. Однако большинство из них не позволяют оперировать выборками данных, поскольку, успешно фиксируя демографические события, часто опускают важнейший параметр, необходимый при анализе смертности – ее причины. Но даже в немногих профессиональных БД, где причины смерти зафиксированы, возникают проблемы с их интерпретацией, связанные с обстоятельствами создания источника. Целью этой работы является исследование интерпретаций ряда причин смертности в БД «Регистр населения Урала». Для этого была создана выборка вызывающих трудности случаев, которую после подвергли сравнению с синхронными аналогичными источниками и соотнесению с современной медицинской классификацией. В фокусе исследования находилась часть БД, фиксирующая смертность прихожан православной общины Вознесенского храма Екатеринбурга с 1881 по 1919 гг.

Приход Вознесенской церкви к рубежу веков существовал около 100 лет. Храм располагался в центре города, окормляя при этом не только горожан, но также два пригородных села – Пышму и Владимирское, или Балтым. Основу прихода составляли мещане, крестьяне, нижние воинские чины и небольшая доля чиновников и полицейских. С течением времени доля крестьян в приходе возросла вследствие их миграции в город из-за урбанизации и промышленного переворота [2, с. 334–335]. Пики смертности приходились традиционно на жаркие летние месяцы июль-август (всплеск младенческой смертности и инфекционных заболеваний) и февраль-апрель (смертность из-за старости и простудных заболеваний). Изучение структуры смертности побуждает исследователей упорядочить ее причины в соответствии с современной классификацией, чаще всего – Международной классификацией болезней (МКБ-10). Однако эта задача отягощена спецификой диагностики того периода – из содержащихся в БД 8263 случаев регистрации смерти лишь в 3% есть визы медработников и в 5% – сотрудников органов власти, полиции или юстиции. Скудное количество врачей в России того времени отягощалось недоверием к ним даже в городской среде, когда жители уральских городов часто предпочитали народную медицину научной [6, с. 94–96.]. Чиновники и правоохранители выносили вердикт лишь в случаях гибели от внешних причин, или проводили опрос родственников покойного для выяснения причины

смерти. Чаще же всего причина смерти записывалась священником со слов близких умершего, и ее точность во многом зависела от его эрудиции и дотошности. Вследствие этого при попытке типологизировать причины исторической смертности согласно современным стандартам исследователь сталкивается с проблемой интерпретации. Можно провести условное разделение зафиксированных причин смерти на три категории:

- Первая группа – болезни, соответствующие современным диагнозам, имеющие однозначную трактовку, иногда – устаревшее название («чахотка», «антонов огонь», «коклюш», «оспа»). Большая часть детской и взрослой смертности – возрастные группы 1-15, 16-44 и 45-59 лет – приходилась именно на подобные случаи, чему способствовали эпидемии – значительные массы людей умирали от одной, достоверно известной болезни.

- Вторая группа – недостаточно ясно описанные болезни, которые нельзя точно идентифицировать, но можно классифицировать в нужную группу («разрыв сердца», «ожирение сердца»). Чаще всего такие диагнозы ставились медиком – врачебный опыт в таких случаях еще не был преобразован медицинским сообществом в научное знание, что выражалось в подобных неопределенных диагнозах.

- Третья группа – случаи, в которых названы не сами болезни, а лишь наиболее характерный симптом («понос», «паралич», «рвота», «горячка») [9, с. 118–119].

В рамках последней категории особняком стоят две группы, причины смерти которых слабее всего поддаются диагностике, – младенцы и старики. Дети в возрасте до 1 года, смертность которых иногда составляла в этот период до половины общей смертности, имели достаточно скудный диапазон диагнозов: исключая известные нам инфекции – скарлатина, коклюш, корь, дифтерия – это «понос», «родимец», «младенческая слабость» и «недонос». Понос – симптом достаточно широкого круга заболеваний, и попытка однозначно классифицировать его была бы опрометчива. «Недонос» – очевидно, универсальный диагноз для всех умерших детей, родившихся раньше 9-месячного срока – встречаются случаи регистрации смерти с таким диагнозом детей, проживших несколько месяцев и почти годовалых. «Младенческая слабость» и «родимец» – не поддающиеся идентификации заболевания, не имеющие, скорее всего, ясной симптоматики. «Младенческая слабость» – универсальная запись, когда при смерти ребенка на первом году жизни отсутствует более очевидная причина. У диагноза же «родимец» существует целый ряд трактовок: «тяжелая форма рахита», которая вызывала судорожные припадки и смерть [8, с. 197], или некая болезнь, известная, в отличие от нас, тогдашнему населению с четкими симптомами [7]. Однако сравнение младенческой смертности Екатеринбурга, Севастополя и Олонецкой губернии [9, с. 125–126; 8, с. 197–198] демонстрирует, что диагнозы младенческой смертности в сущности нарицательны, взаимозаменяемы и, скорее всего, не имеют реальной четкой симптоматики: в Олонецкой губернии почти 70% младенцев умирало «от родимца», в Севастополе большая часть смертей имеют пометы «младенческая» и «конвульсии», а в Екатеринбурге преобладают «младенческая слабость», «слабость» и «родимец». Вариант младенческой смерти с «родимцем», по-видимому, сопровождался судорожным припадком, который у младенцев является симптомом широкого круга заболеваний, поэтому классификации тоже не поддается. Слабая пригодность таких «народных» диагнозов для медицинского классифицирования уже отмечалась исследователями [5, с. 90–91].

Смертность пожилых людей часто фиксировалась аналогично с «недоношенными» младенцами. Начиная с 60 лет, при отсутствии ярко выраженных симптомов, говорящих о причине смерти (а это более 50% случаев), священник записывал диагноз «старость» или «естественная смерть», мало пригодный для научной классификации.

Таким образом, проанализировав наиболее сомнительные случаи регистрации смерти в БД «Регистр населения Урала», уделив особое внимание самым «рискованным» группам – младенцам и пожилым людям, можно констатировать невозможность на текущем этапе полноценно классифицировать и ввести в статистический оборот данные о причинах смерти, зафиксированных в метрических книгах Вознесенского прихода Екатеринбурга 1881–1919 гг. Значительная доля всех причин смерти, зафиксированных в метрических книгах (около

40%), непригодны для современной медицинской классификации, что вынуждает многих исследователей создавать собственные оперативные модели классификаций, часто узкоприменимые или вовсе ошибочные. Это образует диссонанс в историко-демографических исследованиях причин смертности. Важной целью в этом случае предстает приведение подобных попыток к единому знаменателю – либо созданию аналога медицинских классификаций для исторических исследований, для чего необходимо объединение усилий, историков, демографов и медиков, либо выработки универсального алгоритма трактовки исторических причин смерти, опираясь, например, на данные о современной младенческой смертности в развивающихся странах.

© Бахарев Д.С. Текст. 2017

Благодарность

Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ, проект 16-18-10105 «Этно-религиозная и демографическая динамика в горной Евразии в конце XIX – начале XX в. на примере Урала и Скандинавии».

Список источников

1. Avdeev A., Troitskaia I. Historical demography in Russia // A Global History of Historical Demography: Half a Century of Interdisciplinarity. Antoinette Fauve-Chamoux, Ioan Bolovan and Solvi Sogner (dir). – Peter Lang Bern, Berlin, Bruxelles, Frankfurt am Main, New York, Oxford, Wien, 2016. – P. 563–580.
2. Бахарев Д.С. Метрические книги Вознесенского прихода Екатеринбурга: характеристика и перспективы использования источника // Церковь. Богословие. История: материалы V Международной научно-богословской конференции (Екатеринбург, 2-4 февраля 2017 г.). – Екатеринбург, 2017. – С. 334–338.
3. Владимиров В.Н., Сарафанов Д.Е., Щетинина А.С. Новая историческая демография в России: эволюция или скачок в развитии? // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2016. – Т. 18. – № 3 (154). – С. 29–53.
4. Главацкая Е.М., Торвальдсен Г. Этно-религиозная и демографическая динамика в горной Евразии в конце XIX – начале XX вв. // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». – 2016. – № 45. Спецвыпуск. – С. 251–253.
5. Голикова С. В. Семья горнозаводского населения Урала XVIII–XIX веков: демографические процессы и традиции. – Екатеринбург: УрО РАН, 2001.
6. Голикова С. В. Традиционное врачевание в повседневной жизни уральского города XIX – начала XX в. // Уральский город XVIII – начала XX в.: история повседневности / под ред. Н. А. Миненко. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001. – С. 93–107.
7. Сарафанов Д.Е. Смертность населения в Барнауле в XIX в. // Демоскоп Weekly. Электронная версия бюллетеня «Население и общество» [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0301/analit03.php#_FN_43 (дата обращения 01.05.2017).
8. Смирнова С.С. Смертность в Олонецкой губернии в XIX – начале XX в.: к вопросу о фиксации причин смерти (по материалам метрических книг) // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». – М., 2002. – № 30, июнь. – С. 196–199.
9. Хабарова О.В. Анализ основных аспектов смертности населения г. Севастополя в XIX в. при помощи базы данных (по материалам метрических книг) // Круг идей: Междисциплинарные подходы в исторической информатике. Труды X конференции Ассоциации «История и компьютер». – М., 2008. – С. 115–133.

Информация об авторе

Бахареv Дмитрий Сергеевич (Россия, Екатеринбург) – магистрант первого года обучения департамента «Исторический факультет», Уральский федеральный университет им. Б.Н. Ельцина (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51; e-mail: dmitry.bakharev@urfu.ru)

Bakharev D.S.

CAUSES OF DEATH IN EKATERINBURG IN THE END OF XIX – BEGINNING OF XX CENTURIES: DATA ANALYSIS OF DATABASE «URAL POPULATION PROJECT»

This article is devoted to question about classification of death causes from pre-revolutionary parish registers according modern standard. The author analyzed the sample from database «Ural Population Project» which included deaths of Orthodox believers of Voznesenskaya Church in Ekaterinburg in 1881–1919. After that he made a conclusion about impossibility of full classification of these death causes.

Keywords: historical demography, demography of Ekaterinburg, causes of death, historical demography databases

Information about the author

Bakharev Dmitry Sergeevich (Russia, Ekaterinburg) – MA Student, Chair of Archaeology and Ethnology Ural Federal University (51, Lenin Ave., 620083, Yekaterinburg, Russia; e-mail: dmitry.bakharev@urfu.ru).

УДК 911.3

А.В. Боголюбов, Р.М. Сафиуллина

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПРОГНОЗ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ КРУПНЫХ ГОРОДОВ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

В статье представлен прогноз численности населения городов Республики Башкортостан (РБ), в которых проживает большая часть городского населения и сосредоточена основная доля промышленного потенциала республики. Современная демографическая ситуация в городах РБ характеризуется в основном медленным приростом населения. Для целей планирования социально-экономической ситуации составлен прогноз численности населения городов методом экстраполяции данных до 2030 года, при разных вариантах прогноза численность населения крупных городов будет расти за счет привлекательности мигрантов из сельской местности и внешней миграции.

Ключевые слова: демографическая ситуация городов, динамика численности и демографических процессов, варианты прогнозов.

Башкортостан является крупнейшей по численности населения республикой в Российской Федерации. Более 60 % процентов населения республики на сегодняшний день проживает в городах. Главными центрами концентрации населения Башкортостана являются крупные города, численность населения в которых превышает сто тысяч человек. На сегодняшний день в республике имеется пять таких городов: Уфа, Стерлитамак, Салават, Нефтекамск, Октябрьский. Динамика численности населения городов представлена в таблице 1.

В данных городах проживает около 74 % городского населения и примерно 45 % всего населения республики. В них находится большинство крупнейших промышленных предприятий, высших учебных заведений, которые являются основными экономическими центрами Башкортостана [2, с. 416].

Таблица 1

Динамика численности населения крупнейших городов Республики Башкортостан¹

Город	Численность населения, человек					
	1990	2000	2005	2010	2015	2016
Уфа		1079636	1043426	1038100	1121429	1126098
Стерлитамак		261754	256482	271540	279692	280233
Салават		155812	155688	155596	153973	153181
Нефтекамск		122578	129896	131399	137592	138314
Октябрьский		109744	109451	109722	113626	113929

Демографическая ситуация в данных городах в целом схожа. В четырех из пяти городов наблюдается увеличение численности населения за счет естественного и миграционного прироста. К таким городам относятся Уфа, Стерлитамак, Нефтекамск, Октябрьский, образовавшие в последние десятилетия агломерационные системы – Уфимскую, Стерлитамак-Салаватскую (Стерлитамак, Салават, Ишимбай) и Октябрьско-Туймазинскую, Нефтекамскую [4, с. 119]. За счет удаленности друг от друга они являются привлекательными для населения близлежащих районов, что приводит к миграции как сельского, так и городского населения в данные городские поселения. Исходя из сложившейся половозрастной структуры населения, а также благодаря демографической политике последних лет, в них наблюдается медленный естественный прирост населения [1, с. 12].

В Башкортостане после 1989 г. наблюдается снижение доли населения моложе трудоспособного возраста и увеличение доли населения старше трудоспособного возраста как в целом по республике, так и в городском населении (табл. 2). Процесс старения населения охватывает сейчас большинство городов республики. Данный процесс происходит из-за снижения рождаемости (старение снизу) и увеличения средней продолжительности жизни (старение сверху). В перспективе это может привести к увеличению нагрузки на население трудоспособного возраста [3, с. 160].

Таблица 2

Динамика возрастного состава населения городов РБ²

Город	Моложе трудоспособного			Трудоспособный возраст			Старше трудоспособного		
	2002	2010	2016	2002	2010	2016	2002	2010	2016
Города, тыс. человек	514,3	413,6	471,4	1648,8	1569,9	1452,0	462,8	477,6	534,5
Уфа, тыс. чел.	189,2	164,7	200,6	703,3	690,6	671,5	199,7	216,0	238,8
Нефтекамск, чел.	28978	24016	26230	74042	87112	75466	19190	22403	24219
Октябрьский, чел.	21343	18182	21571	69184	69096	65646	20445	22123	26409
Салават, чел.	30008	25149	27389	97875	98248	90293	30164	32643	36291
Сибай, чел.	13797	12203	13341	37893	40715	35662	11153	10898	12531
Стерлитамак, чел.	53638	47541	55105	170438	175993	167149	43946	49939	57438

В Салавате, в отличие от других городов, численность населения сокращается из-за естественной убыли и оттока населения из города. Это связано со сложной экологической обстановкой в городе и близким расположением другого крупного города – Стерлитамака. Данные о динамике коэффициентов прироста населения представлены в таблице 3.

¹Демографические процессы Республики Башкортостан: стат. сборник. – Уфа: Башстат, 2016.

²Демографические процессы Республики Башкортостан: стат.сборник. – Уфа: Башстат, 2016.

Таблица 3

Динамика естественного (ЕП) и миграционного (МП) прироста (убыли) населения крупных городов РБ, ‰¹

Город	Коэф.	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Уфа	ЕП	2,1	2,1	3,6	4,4	4,7	4,7
	МП	4,8	0,0	1,5	13,5	3,7	0,3
Нефтекамск	ЕП	4,5	4,3	5,2	5,2	6,5	6,6
	МП	5,5	-0,2	-0,6	-1,2	-0,4	-0,4
Октябрьский	ЕП	-0,8	1,0	3,2	1,7	3,7	3,2
	МП	4,5	8,2	4,7	4,5	-1,7	6,9
Салават	ЕП	-1,2	-0,5	0,2	-0,4	-0,5	-0,2
	МП	-0,3	-3,6	-4,0	-1,4	7,3	-10,7
Стерлитамак	ЕП	3,3	3,1	3,8	3,4	3,4	3,7
	МП	1,9	-0,4	1,4	1,2	2,4	0,0

Для целей планирования социально-экономической ситуации был произведен прогноз численности населения крупнейших городов методом экстраполяции данных до 2030 г. Для расчетов были собраны сведения о текущей численности населения, рождаемости и смертности, естественном и миграционном движении. Данный метод основан на прямом использовании линейной и экспоненциальной функций, т. е. данных о среднегодовых абсолютных изменениях численности населения за период или о среднегодовых темпах роста или прироста. Если эти показатели известны, то можно математически рассчитать численность населения на любое количество лет вперед, просто предположив их неизменность на протяжении всего прогнозного периода.

Высокий прогноз предполагает рост коэффициента рождаемости при уменьшении коэффициента смертности при сохранении современного уровня миграции. При низком варианте будет расти коэффициент смертности, а коэффициент рождаемости будет падать, уровень миграции останется на современном уровне. Средний вариант предполагает сохранение современной демографической ситуации и сохранение современного уровня миграции. Данные прогнозных расчетов представлены в таблице 4.

Таблица 4

Прогноз среднегодовой численности населения крупнейших городов Республики Башкортостан²

Город	Вариант прогноза	2016	2020	2025	2030
Уфа, тыс. чел.	Средний	1123,7	1162,3	1211,2	1262,5
	Низкий	1123,7	1163	1216,5	1276,3
	Высокий	1123,8	1161,9	1209,4	1255
Нефтекамск, чел.	Средний	137953	141259	145314	149524
	Низкий	137953	141361	146022	151301
	Высокий	137953	141216	145199	148836
Октябрьский, чел.	Средний	113778	116749	120517	124418
	Низкий	113778	116818	120948	125614
	Высокий	113778	116697	120261	123549
Салават, чел.	Средний	153577	151837	149716	147619
	Низкий	153577	151907	150076	148701
	Высокий	153577	151759	149275	146402

¹Там же.

² Составлено авторами.

Стерлитамак, чел.	Средний	279963	285106	291426	297935
	Низкий	279963	285294	292649	301142
	Высокий	279963	284994	290962	296120

К 2020 г. при сохранении существующей демографической ситуации численность населения уменьшится в г. Салавате. Рост численности населения будет наблюдаться в городах Стерлитамак, Нефтекамск, Уфа, Октябрьский. Основным фактором роста будет, прежде всего, миграционный прирост, естественный прирост будет наблюдаться в меньшем числе городов.

При положительном прогнозе численность населения увеличится в Стерлитамаке, Нефтекамске, Уфе, Октябрьском. Численность населения будет уменьшаться лишь в г. Салавате. К 2020 г. при ухудшении демографической ситуации численность населения будет сокращаться в Салавате, расти – в Стерлитамаке, Нефтекамске, Уфе, Октябрьском. Основным фактором роста также будет прежде всего миграционный прирост при меньшем значении естественного прироста. К 2030 г. при сохранении существующей демографической ситуации в Салавате будет происходить убыль населения, соответственно в других городах мы будем наблюдать рост численности населения, а именно: в Стерлитамаке, Нефтекамске, Уфе, Октябрьском. Данный прогноз также возможен обычно в случае, если миграционный прирост в этих городах превысит естественную убыль населения. Разница в численности станет еще больше между городами, где будет рост и где будет убыль населения.

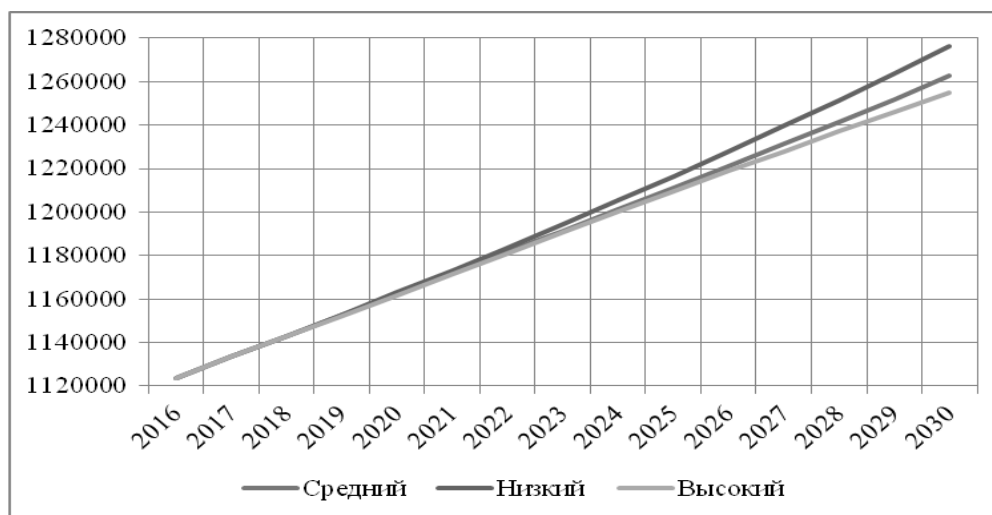

Рис. 1. Динамика численности населения г. Уфы, согласно прогнозу экстраполяционным методом, чел.

Таким образом, в городах Уфа, Стерлитамак, Нефтекамск, Октябрьский мы видим рост численности населения по всем вариантам прогноза на весь период расчета прогноза и уменьшение численности населения в Салавате. Население Уфы должно увеличиться к 2030 г. на 122,2–152,6 тыс. человек по разным вариантам прогноза демографической ситуации, то есть более чем на 10 % по сравнению с текущей численностью населения (рис. 1, 2).

Также произойдет рост численности населения в Нефтекамске и Стерлитамаке, где она может превысить 150 и 300 тыс. человек соответственно при высоком варианте прогноза, а также Октябрьском. В Салавате численность населения снизится к 2030 г. на 3–5 % по сравнению с текущей. По всем вариантам прогноза численность населения Нефтекамска должна превысить численность населения Салавата к 2030 г.

Рост численности населения в крупнейших городах Республики Башкортостан при уменьшении численности населения в других городах и районах республики будет приводить к увеличению концентрации населения в этих городах. Только в Салавате продолжится уменьшение численности населения, в то время как в других самых крупных городах республики она станет больше. При планировании социально-экономической политики городов это является положительным моментом, так как позволяет быть уверенным в будущем населения крупнейших городов Республики Башкортостан.

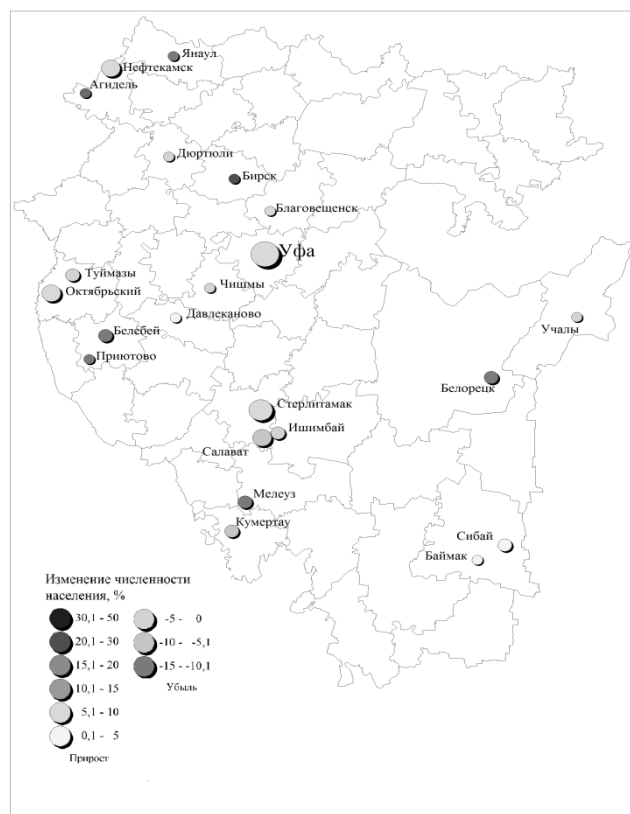

Рис. 2. Изменение численности населения городов РБ в 2016–2030 гг.,
средний вариант прогноза

© Боголюбов А.В., Сафиуллина Р.М. Текст. 2017

Список источников

1. Боголюбов А.В., Сафиуллина Р.М. Эволюция демографической ситуации Республики Башкортостан: тенденции и региональные особенности // Актуальные проблемы экономической политики: материалы V Всероссийской научно-практической конференции. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2014.
2. Сафиуллин Р.Г., Сафиуллина Р.М., Фаронова Ю.В. Геодемографическая ситуация в Республике Башкортостан: территориальная модель // Актуальные вопросы университетской науки: сб. науч. трудов. – Уфа, 2016. – С. 410-420.
3. Сафиуллин Р.Г., Сафиуллина Р.М., Фаронова Ю.В. Геодемографическое развитие городов Республики Башкортостан: региональная диагностика // Успехи современного естествознания. – 2016. – № 5. – С. 158–162.
4. Сафиуллин Р.Г., Ибрагимова З.Ф. Проблемы эволюции города миллионера и территориальные предпочтения населения (на примере г. Уфы) // [Успехи современного естествознания](#). – 2017. – № 3. – С. 117–121.

Информация об авторах

1. Боголюбов Алексей Вячеславович (Россия, Уфа) – магистрант 1 года обучения кафедры экономической географии, Башкирский государственный университет (450076, Российская Федерация, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32; e-mail: <http://www.bashedu.ru/>)

2. Сафиуллина Роза Маратовна (Россия, Уфа) – кандидат географических наук, доцент кафедры экономической географии, Башкирский государственный университет (450076, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди 32; e-mail: <http://www.bashedu.ru/>)

Bogolyubov A.V., Safiullina R.M.

THE DEMOGRAPHIC FORECAST OF THE POPULATION OF LARGE CITIES OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN

The article presents the forecast of the population of the cities of RB, where the majority of the urban population and the largest share of industrial potential of the Republic. The present demographic situation in the cities of Bashkortostan is characterized primarily by slow population growth. For planning purposes, the socio-economic situation the forecast of the population of cities the method of data extrapolation to 2030, under different variants of the forecast of the population of large cities will grow at the expense of attraction of migrants from rural areas and external migration.

Keywords: demographic situation of cities, dynamics of number and demographic processes, variants of forecasts

Information about the authors

1. Bogolyubov, Aleksey Vyacheslavovich (Russia, Ufa) – geographical Department of the Bashkir state economic University, master of 1year training (450076, Republic of Bashkortostan, Ufa. Ufa, which. Walid shut up, 32; e-mail: <http://www.bashedu.ru/>)

2. Safiullna Rausa Maratovna (RF, Ufa) – Ph. D., associate Professor of economic geography, Bashkir state University (450076, Republic of Bashkortostan, Ufa, Zaki Validi str., 32; e-mail: <http://www.bashedu.ru/>).

УДК 334.025

С.Г. Важенин, В.В. Сухих

ЗАВОЕВАНИЕ ДОВЕРИЯ К РОССИЙСКОМУ ГОСУДАРСТВУ КАК СПОСОБ РЕШЕНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ В ЦАРСТВОВАНИЕ ЕКАТЕРИНЫ II

Правление Екатерины II вошло в историю как время проведения новой демографической политики. Императрица стремилась завоевать доверие населения, подготовить его добровольное сотрудничество в заселении новых территорий, обеспечить процветание и приумножение людей. Екатерина II умело выстраивала имидж подвластных ей территорий, что обеспечило приток переселенцев из Европы.

Ключевые слова: доверие, население, Екатерина II, имидж территории, переселение.

Екатерина II была одним из самых выдающихся администраторов в российской истории. Еще до своего воцарения она тщательно изучала опыт государственного управления как российский, так и европейских стран, что позволило ей уже в первые годы правления начать решительные преобразования. При огромном числе сочинений, посвященных правлению Екатерины II, демографическая политика императрицы остается малоизученной, а ее стремление к завоеванию доверия населения, как правило, рассматривается лишь в плане обольщения общественного мнения Европы. Подобная ситуация определила тему нашей работы. Источниками послужили опубликованные

произведения Екатерины II «Наказ», «Записки» и «Антидот», труды ее современников, а также исследования историков [2–8].

Российское государство к 1760-м годам столкнулось с серьезными демографическими проблемами. На первый взгляд, людские ресурсы казались почти бесконечными. По мнению современного историка Б.Н. Миронова, в 1760-е годы Россия стала самой населенной страной Европы: на нее приходилось 18% европейского населения – 23,2 из 130 млн человек. Но современники Екатерины II не были уверены в этом, исчисляя для России начала 1760-х годов население в 17–19 млн. В.О. Ключевский в своем очерке о Екатерине II также останавливается на цифре 19 млн чел. на 1761 г., что оставляет звание самой населенной страны за Францией, где в это время проживало 20 млн человек.

Столь многочисленное население России было, однако, крайне неравномерно распределено по огромному пространству Евразии, включало в себя множество народов, причем некоторые все еще не смирились с подчинением и потому представляли собой крайне ненадежную или прямо враждебную государству силу. По данным Б.Н. Миронова, в 1762 г. в Российской империи 5,1 млн из 23,2 млн подданных жили на присоединенных после 1646 г. территориях, в 1782 г., соответственно, 6,3 млн из 28,4, в 1796 г. – 13,6 млн из 37,4 млн. Стремительно падала доля русского населения. В 1762 г. доля русских в населении империи была 62,3%, в 1795 г. – 48,9%.

Падение доли русского населения было вызвано не только присоединением новых территорий, но и несением именно русскими основной тяжести военных и колонизаторских усилий государства. Царствование Петра Великого принесло значительные бедствия народу. Убыль русского населения как плата за успех государства была велика, выражаясь не только в огромных потерях армии, высокой смертности на великих стройках петровского и постпетровского времени (Санкт-Петербург, Ладожский канал, Рогервик и т.д.), но и в бегстве людей за рубеж или на не контролируемые государством окраины. Медленный прирост подданных и высокая их смертность не могли не тревожить правительство и государственных деятелей.

Самым известным откликом на демографические проблемы стала записка М.В. Ломоносова «О сохранении и размножении российского народа» (1 ноября 1761 г.), адресованная Ивану Ивановичу Шувалову, фавориту Елизаветы Петровны. Если учесть, что императрица Елизавета Петровна к этому времени уже была смертельно больна и умерла 25 декабря 1761 г., то записка была подготовлена к началу нового царствования и явно была знакома Екатерине II. Ломоносов указывал, что в сохранении и размножении населения состоит величество, могущество и богатство всего государства, а вовсе не в его обширности, тщетной без обитателей. Отмечались причины вымирания населения: ранний возраст вступления в брак для мальчиков, запрет на четвертый брак мирян и второй священнослужителей, пострижение в монахи молодых людей и т.д. Среди предложенных мер по увеличению населения значились: введение сиротских домов, куда подкидывались бы незаконные и нежеланные дети, до этих пор умерщвляемые; борьба с детской и взрослой смертностью через просвещение населения и увеличение числа больниц и врачей; борьба с вредными традициями, такими как невоздержанность в еде и выпивке; установление правопорядка против убийств и разбоев; пресечение бегства населения в Польшу и призыв принимать переселенцев с Европы. Все эти меры, так или иначе, были реализованы в царствование Екатерины II.

Проект М.В. Ломоносова был достаточно умерен и осторожен. Сама Екатерина II, чьи взгляды 1760-х годов нам известны, прежде всего, по сочинениям «Наказ» (1767 г.) и «Антидот» (1770 г.), в анализе причин убывания населения была более радикальна, видя одной из главных причин вымирания населения пороки крепостнической системы и излишние войны, которое вело Русское государство. Весьма смелыми были заявления императрицы, что дворяне через непосильные оброки разоряют деревню и уменьшают население. При этом также отмечены пороки самого государства: худое правление и плохие законы губят население, рождающееся и умирающее в унынии, бедности и в насилии.

Особенно интересна глава XII «Наказа», посвященная целиком размножению и сохранению народа в государстве. Екатерина II откровенно констатирует, что Россия не только не имеет довольно жителей, но обладает еще чрезмерным пространством земель, которые не населены и не обрабатываются. Признается большая детская смертность – из 12–20 детей редко выживает четвертая часть, и императрица считает, что должен быть какой-то порок в пище, или образе жизни, или в воспитании, который причиняет гибель этой надежде государства. Указывается одна из главных причин смертности: недостаток ухода за очень маленькими детьми – бегают нагие по снегу и льду. Другая причина смертности – сифилис, болезнь из Америки, которая распространяет печальные и погибельные следствия во многих провинциях, так что надлежит по этому поводу попечение иметь о здравии граждан и пресечь сообщение болезни через законы.

Екатерина II видела несколько способов решения демографической проблемы. Основной курс ею был взят на улучшение качества государственного управления, на развитие здравоохранения и на повышение культуры народа. Она стремилась создать государство, благоприятное к своим подданным, постепенно повышающее их уровень жизни и бытовую культуру. В.О. Ключевский отмечал в своей речи о Екатерине II: «из грозной силы, готовой только карать, о которой страшно было говорить и думать, власть превращалась в благодетельное, попечительное существо, о котором не могли наговориться, которым не умели нахвалиться». Впервые в истории России правитель заботился о завоевании доверия подданных. Императрица утверждала: «Власть без доверия народа ничего не значит; тому, кто желает быть любимым и прославиться, достичь этого легко». И она действительно старалась действовать на благо народа.

В царствование Екатерины II создается множество учебных и воспитательных заведений, сиротских домов, заметно возрастает количество больниц, учреждается в 1763 г. специальная медицинская коллегия, начинаются пропаганда и организация массового оспопрививания, оказывается помощь народу при природных бедствиях и т.д. Императрица поднимала вопрос о повышении заботы о детях: против высокой детской смертности надо найти средство, советуясь с искусными врачами, и установить какое-нибудь общее правило, которое введут землевладельцы. Была смягчена императрицей политика насильственной ассимиляции завоеванных народов. Екатерина II даже осмелилась отметить: «Едва ли полезно обращать наших инородцев в христианство: многоженство лучше содействует умножению населения».

Усиливается колонизация Сибири, куда выводится излишнее, с точки зрения императрицы, население из центральных губерний и крупных городов, где многолюдность обитателей провоцирует эпидемии. Еще при Елизавете Петровне издан указ от 13 декабря 1760 г. о приеме от помещиков в Сибирь на поселение крестьян с зачетом их в будущие наборы рекрутов, так как в Сибирской губернии и Иркутской провинции есть к поселению и землепашеству весьма удобные места, «которых к заселению государственный интерес требует». Крестьяне принимались возрастом не старше 45 лет, с женами и детьми по желанию помещика. Нормы этого указа развиты указом от 28 ноября 1767 г. «О зачете за рекрут помещичьих крестьян, ссылаемых в Сибирь на поселение за невоздержанности». За счет переселения между 3 и 4 ревизиями (1762–1795 гг.) население только притрактовой полосы Западной Сибири увеличилось в 1,8 раза – с 93 до 165 тыс. мужского пола. В притрактовые области от Ачинска до Иркутска в 1762–1782 гг. поступило 11 тыс. переселенцев мужского пола.

Екатерина II намеревалась вывести избыток народа из Москвы в мелкие города и развить промышленность там. Это не удалось, но за счет активного развития губернских городов сумели значительно повысить численность городского населения в провинции.

Императрица неоднократно высказывалась против разорительных войн: «Мир необходим этой обширной империи; мы нуждаемся в населении, а не в опустошениях; заставьте кишеть народом наши обширные пустыни, если это возможно; для достижения этого не думаю, чтобы полезно было заставлять наши нехристианские народности

принимать нашу веру; многоженство более полезно для умножения населения». Но именно на ее царствование пришлось несколько тяжелых войн и пугачевское восстание. Сама Екатерина II признавалась, что с 1767 по 1774 гг. (в период тяжелейшей войны с Турцией и Пугачевщины) в армию было собрано 300 тыс. рекрутов. Рекрутский набор и постоянные войны так тяжело воспринимались населением, что при воцарении Павла I в циркуляре нового императора было специально указано, что Россия была «единственной в свете державой, которая находилась сорок лет в несчастном положении истощать свое народонаселение». Потому последовали отмена рекрутского набора, объявленного Екатериной II в 1796 г., и объявление политики нейтралитета.

Вместе с тем успешные войны с Турцией, покорение Крыма и присоединение к империи всего Северного Причерноморья позволили прекратить набеги враждебных кочевников на юг России, сохранить от увода в рабство тысячи людей и открыть для переселения плодородные земли. Ценой этому была гибель десятков тысяч людей в непрерывных войнах и из-за природных бедствий (эпидемии и голод, к примеру, голод 1787 г.), усугубленных тяжелым экономическим состоянием государства.

Екатерину II часто обвиняли в лицемерии (особенно историки в советские годы), в показной заботе о народе, которого она же непрерывно угнетала, закрепощала и раздавала во владения своим фаворитам. Доля правды в этом есть. Но политика всегда искусство возможного, и без учета мнения дворян императрица недолго бы продержалась на троне. Сам факт обнародования «Наказа» и его широкое обсуждение во всероссийских комиссиях свидетельствуют о серьезном намерении Екатерины II решить проблемы государства сообща, но это же обсуждение выявило, что сторонников решительных реформ нет и поменять существующие крепостнические отношения волевым решением одной лишь правительницы не удастся. Пугачевское восстание наглядно показало, что доверие народных масс императрица не завоевала, ее благие намерения и усилия по исправлению недостатков государственного управления, меры по повышению уровня жизни остались совершенно неизвестны народу.

Более успешной оказалась Екатерина II в завоевании доверия европейских переселенцев. При ней Причерноморье активно заселяется беженцами из турецких владений – греки, молдаване и балканские славяне начинают переселяться на новые земли, так что крайне быстро возникают на побережье крупные города с развитой торговлей и ремесленной деятельностью. Из Европы Екатерине II удалось организовать переселение больших групп немцев, заселивших Поволжье и часть степных районов Украины, ранее пустовавших из-за набегов крымских татар. К 1770 г. 27 тыс. колонистов из Европы расселились от Самары до Царицына, привлеченные не только новыми землями, но и тридцатилетним освобождением от всяких податей. Пугачевщина замедлила, но не остановила этот приток европейских переселенцев.

Подобное переселение требовало тщательного выстраивания благоприятного имиджа России за рубежом, оттого Екатерина II болезненно воспринимала критику и правдивые описания реальных условий жизни населения в стране. В 1768 г. вышла книга аббата Шаппа д'Отероша о путешествии в Сибирь в 1761 г., где было много рассуждений о российском народе, его численности и причинах вымирания. Книга вызвала крайне негативную реакцию императрицы, в 1770 г. выпустившей анонимно сочинение «Антидот» с критическим разбором книги аббата. Население России, по описанию француза, живет в нищете и ужасающей тесноте, располагающей к болезням и порокам. Указывается на высокую смертность детей и крайне высокую смертность в армии, порицаются излишества, развращенность и пьянство, широкое распространение венерических болезней и цинги. Из положительных моментов аббат замечает малую предрасположенность к физическим недостаткам, объясняемую отсутствием излишних стеснений пеленанием малых детей, так что русские дети раньше начинают ходить и развивать мускулатуру. Зато отмечено множество детских болезней, особенно опасна оспа, нет врачей и лекарств. Аббат отмечает, что сила государства – в его народе, однако многие правители о подданных своих пекутся

менее всего. Развращенность нравов, роскошь и нищета становятся главными препятствиями к заселению просторов, ибо не секрет, что незаконные связи мало способствуют приросту населения, богатство умножает потребности, понуждая людей страшиться разорения, которое увеличение семьи может повлечь за собой. Бедность порой и вовсе лишает желания плодиться и размножаться.

Оспа, венерические заболевания и цинга наносили населению России столь серьезный урон, что вскоре род человеческий в стране, по мнению аббата, должен прекратиться, если правительство не примет мер. Отмечается, что в России мало стариков, много человеческих потерь в горной промышленности, освоении Сибири и в излишней армии, потребной для охраны далеких окраин.

Екатерина II в «Антидоте» признает страшную детскую смертность, но обрушивается с критикой почти на все замечания аббата, даже выступает с оправданием российских медведей, которые, по ее мнению, все вместе причинили меньше зла людям, чем одна Жеводанская гиена во Франции. Кажущиеся сейчас мелкими придирки к книге французского путешественника подтверждают особое внимание Екатерины II к имиджу страны. Негативные публичные отзывы о стране понижали количество переселенцев из Европы, а на них, как на людей, владеющих ремеслами и прогрессивной техникой земледелия, при этом неизбежно лояльных к власти в незнакомой им стране, императрица небезосновательно рассчитывала.

Императрица замечает в «Наказе», что «При великом благополучии государства легко умножается число граждан», так что фактически в увеличении населения страны она видит критерий оценки правления. Насколько ее царствование соответствует этому критерию по демографическому показателю? Указывается, что при Екатерине II население выросло с 19 до 36 млн. человек (по данным В.О. Ключевского), появилось около 200 новых городов, в несколько раз увеличилось население двух российских столиц, так что можно утверждать, что демографическая политика императрицы как по привлечению новых переселенцев, так и по увеличению численности коренного населения увенчалась успехом, пусть и не столь полным, как мечталось Екатерине II в начале ее царствования. Заслуженно надо отметить Екатерину II в числе родоначальников теории и практики создания имиджа территории в России, успешно развивающегося теперь направления [1–2]. Пускай «потемкинские деревни» стали (не вполне заслуженно) символом фальшивого благополучия, умение Екатерины II представить свои владения в выгодном свете иностранцам и соотечественникам внесло существенный вклад в заселение и освоение новоприсоединенных территорий. Успех императрицы в завоевании доверия и в построении благоприятного имиджа должен служить примером для современных чиновников, планирующих стимулировать заселение малолюдных окраин России.

© Важенин С.Г., Сухих В.В. Текст. 2017

Благодарность

*Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ (проект № 16–02–00016 «а»)
«Сущность, особенности и последствия конкуренции за доверие».*

Список источников

1. Важенина И.С., Важенин С.Г., Сухих В.В. Образ пространства в контексте хозяйственного освоения территории // Региональная экономика: теория и практика. – 2012. – № 31. – С. 2–7.
2. Важенина И.С., Важенин С.Г., Сухих В.В. Позиционирование территорий в экономическом пространстве // Разработка стратегии освоения и системного развития северных, полярных и арктических территорий / под общ. ред. акад. РАН А.И. Татаркина. – СПб.: Нестор-История, 2014. – С. 47–117.

3. Законодательство периода расцвета абсолютизма // Российское законодательство X–XX веков. – Т. 5. – М.: Юридическая литература, 1987.
4. Императрица Екатерина II О величии России. – М.: ЭКСМО, 2006.
5. Каррер д'Анкокс Э. Императрица и аббат. Неизданная литературная дуэль Екатерины II и аббата Шаппа д'Отероша. – М.: ОЛМА–ПРЕСС, 2005.
6. Ключевский В.О. Императрица Екатерина II. Речь, произнесенная в заседании Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете 28 октября 1894 года. – М.: Университетская типография, 1894.
7. Ломоносов М. Избранная проза. – М.: Советская Россия, 1986.
8. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.). - СПб.: Дмитрий Буланин, 2000.

Информация об авторах

1. Важенин Сергей Григорьевич (Россия, Екатеринбург) – кандидат экономических наук, заведующий сектором территориальной конкуренции, Институт экономики УрО РАН (620014 г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: svazhenin@mail.ru)
2. Сухих Василий Валентинович (Россия, Екатеринбург) – кандидат экономических наук, научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН (620014 г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: vsh-sh@yandex.ru)

Vazhenin S.G., Sookhikh V.V.

THE CONQUEST OF TRUST IN THE RUSSIAN STATE AS A WAY OF SOLVING DEMOGRAPHIC PROBLEMS IN THE REIGN OF CATHERINE II

The reign of Catherine II went down in history as a time of the conduct of a new demographic policy. The Empress strove to win the trust of the population, to prepare his voluntary cooperation in the settlement of new territories, to ensure the prosperity and multiplication of people. Catherine II skillfully built up the image of territories under her control, which ensured the influx of immigrants from Europe.

Keywords: trust, population, Catherine II, image of the territory, resettlement

Information about the authors

1. Vazhenin S.G. (Russia, Ekaterinburg) – Cand. Econ. Sci., the senior scientific employee managing sector, Institute of economy of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences; e-mail: svazhenin@mail.ru.
2. Sookhikh V.V. (Russia, Ekaterinburg) – research associate, Institute of economy of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences; e-mail: vsh-sh@yandex.ru.

УДК 94(470.5)"1941/1945":930(470)

И.Т. Востриков

ВОСПРОИЗВОДСТВО СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ УРАЛА В 1941–1945 гг.: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

В статье анализируется процесс накопления знаний по проблеме воспроизводства сельского населения на Урале в годы Великой Отечественной войны. В этом процессе выделяются два периода: советский и постсоветский. Они отличаются методологическими подходами, информационной и источниковой базой, постановкой и решением сюжетов демографической истории. Автор приходит к выводу, что в современной историографической ситуации, когда преобладают региональные исследования, уральские ученые занимают заметное место.

Ключевые слова: историческая демография, историография, воспроизводство населения, сельское население, Великая Отечественная война, Урал

Изучение истории Урала периода Великой Отечественной войны и вклада уральцев в победу является отдельным крупным направлением отечественной историографии. Исследованию различных аспектов истории Урала в годы войны посвящена обширная база научной литературы. Сегодня уже можно говорить о наличии нескольких этапов в отечественной историографии, посвященной Уралу в годы войны. Большинство исследователей придерживаются условного деления историографии на два крупных этапа – советский и постсоветский (современный) [19]. Каждый этап имеет свои особенности – изложение материала, позиции, проблематика, наличие источников, методов исследования и др. Современный этап, начавшийся в 1990-е гг., проходил уже в других политических, экономических и социальных условиях.

Целью данной статьи является анализ историографической ситуации по естественному движению сельского населения Урала в годы Великой Отечественной войны. Предусматривается выделение особенностей отечественной историографии по данному вопросу, определение изучаемых вопросов, проблем и направлений дальнейших исследований по теме. Следует заметить, что исследования по исторической демографии активно развивались с конца 1950-х гг. Впервые в историографии показатели естественного движения населения Урала в годы войны упоминаются в обобщающем труде Б.Ц. Урланиса, в котором рассматривалась динамика рождаемости, смертности, средней продолжительности жизни, выявлялись факторы военного времени, повлиявшие на характер этих показателей. В работе не нашли отражения показатели естественного движения сельского населения, сведения и выводы автора стали частью историографической базы изучения проблемы в последующий период [26; 27].

Ретроспективная характеристика истории населения на Урале в XX веке представлена в коллективной монографии уральских ученых [22]. Одним из первых изучать демографические процессы в уральской деревне в годы Великой Отечественной войны начал Г.Е. Корнилов. В монографии по истории уральской деревни в годы Великой Отечественной войны имеется глава, в которой проанализированы социально-демографические процессы. Впервые изученные материалы переписи населения 1939 г. позволили автору охарактеризовать демографическую ситуацию накануне войны. Трудовые ресурсы деревни, их резкое сокращение изучены на материалах годовых отчетов колхозов и совхозов. Это позволило автору прийти к выводу о том, что война оказала сильное разрушительное воздействие на производительные силы деревни [20, с. 55]. Работа автора была высоко оценена специалистами, в ней впервые в отечественной историографии была поставлена проблема цены победы в отношении сельского населения и деревни в целом [35; 36]. В монографии «Уральское село и война» Г.Е. Корнилов представляет исследование всех демографических процессов в деревне, большое место уделено воспроизводству сельского населения: рождениям, смертям, бракам, разводам. Автор выявил и проанализировал широкий спектр исторических источников, содержащих демографическую информацию, в первую очередь, необходимо отметить материалы текущего учета населения, среди них материалы сельсоветского учета: похозяйственные книги, списки лиц, временно проживающих на территории сельсовета, алфавитные книги хозяйств, которые составлялись ежегодно, начиная с 1 января 1943 г. Нужно отметить, что этот исторический источник до сего времени крайне редко используется историками [16]. В рецензии на монографию В.Б. Жиромская отметила новизну исследования. Она согласилась с выводом ученого о том, уральская деревня в годы войны понесла двойные потери: и за счет гибели людей на фронте, и в связи с уходом населения в города [34].

В последнюю четверть века продолжились исследования сельского населения Урала в годы войны, их особенностью является то, что они подготовлены в рамках отдельных регионов Урала. В диссертации Е.Г. Богдановой всесторонне рассмотрены демографические процессы на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны [5]. Е.Г. Богданова и Н.В.

Степанова подтвердили выявленные Г.Е. Корниловым тенденции в развитии сельского населения Урала: рост численности населения за счет эвакуированных в 1941–1942 гг. (на 9,9%) и его сокращение к концу войны (на 7,7% от уровня 1941 г., т.е. более чем на 1 млн человек) [20, с. 29; 25].

За годы войны резко сократилась рождаемость в сельской местности. Если в 1940 г. в Свердловской области родилось 43,1 тыс. человек, то в 1945 г. – 13,9 тыс. А абсолютный минимум рождаемости пришелся на 1944 г. – 11,4 тыс. Подобная картина наблюдалась и в Челябинской области. Г.Е. Корнилов отмечает, что ситуация возникала преимущественно из-за негативных последствий механического движения (отток мужчин репродуктивного возраста). Историк провел анализ и выявил, что мужское население области за 1943–1945 гг. сократилось на 20,4%, женское – на 17,1 %. Соотношение мужчин и женщин возрастной группы 16–60 лет составляло примерно 3:5 соответственно. Происходило сильное деформирующее влияние войны на половой состав сельского населения [20, с. 32–36].

Высокие показатели брачности рассмотрены в работе Г.Е. Корнилова. Отдельно живущие люди, без семьи, в уральском селе составляли лишь 1,8% к началу войны. В Пермской (Молотовской) и Свердловской областях этот показатель чуть выше – 2,6% и 2,4% соответственно [18, с. 43–44]. Исследование брачности занимает особое положение в анализе рождаемости в России XX в., поскольку институт семьи и брака занимал ключевую позицию и являлся моральной ценностью в советском обществе, рождения вне брака являлись единичными случаями. По данным В.В. Филатова, число браков в сельской местности Уральского региона в 1941 г. составляло 32,1 тыс., что демонстрирует падение вступления в брак по отношению к 1939 г. (54,4 тыс.), в последующие военные годы этот показатель еще более сократился [28, с. 143].

Е.А. Чайко ввела в научный оборот статистические данные по Челябинской области. Автор отмечает, что происходит изменение в возрасте супругов (в военные годы нарушилась сложившаяся ситуация с брачной разницей не более 5 лет – женщины выходили замуж за более молодых мужчин). На селе отмечался высокий уровень брачности даже в военные годы [33, с. 259–260].

Деформация половозрастного состава деревни и, как следствие, сокращение браков и рождаемости были отмечены в диссертации Е.Г. Богдановой. Наибольший кризис брачности в деревне был зафиксирован в 1942–1943 гг. (падение в 2,7 раза по отношению к 1941 г.). Исследователь отмечает, что ситуация стабилизируется к концу войны, а в 1945 г. достигает довоенного уровня (сказывается демобилизация мужского населения из РККА и возвращение части крестьян из города, ранее мобилизованных для работы на заводах), в этот же период возрастает коэффициент рождаемости в регионе. Автор отмечает, что сельская семья пострадала сильнее городской. В частности, это выразилось в разрушении веками существовавших патриархальных устоев, что в свою очередь увеличивало количество разводов. А это негативно отражалось на естественном приросте населения (неблагоприятные условия, неполные семьи и др.). Е.Г. Богданова отмечает, что демографическая проблема в деревне повлекла за собой реакцию государства, отразившуюся в Указе Президиума Верховного Совета СССР «О браке и семье» от 8 июля 1944 г. (ужесточалась процедура развода, вводилась обязательная юридическая регистрация брака) [5, с. 18–20].

Е.Г. Богданова отмечает, что рождаемость в селах Южного Урала за 1941–1944 гг. уменьшилась в 4,2 раза, что намного выше показателей городского населения (сокращение в 2,6 раза) [7, с. 59–61]. Пик падения рождаемости пришелся на 1944 г. Этот же факт отмечал Г.Е. Корнилов, при этом согласно условной шкале коэффициентов рождаемости в 1940–1941 гг. в Свердловской области был высокий коэффициент, в 1942 г. – средний, а в 1943 – первой половине 1945 гг. – низкий. Е.Г. Богданова обратила внимание на специфику Южного Урала, выразившуюся в меньшей смертности сельского населения в сравнении со среднеуральскими показателями (в 1942 г. смертность на Южном Урале выросла на 9,8%, а по всему региону на 19,5%). С 1943 г. наметился процесс снижения смертности. За 1942–

1945 гг. общий коэффициент смертности на Южном Урале снизился в 2,4 раза – с 22,3‰ в 1942 г. до 9,0‰ в 1945 г. [8, с. 52–57; 10, с. 143–144].

Смертности сельского населения Башкортостана посвящена статья Ш.Н. Исянгулова. Автор отмечает, что смертность за годы войны имела циклический характер (повышение смертности до 1943 г., затем ее сокращение к 1945 г.). Примечательно, что смертность на селе была ниже, чем в городе. Наиболее высокие показатели смертности были отмечены в 1942 и 1944 гг. А в 1945 г. смертность сельского населения сократилась практически в 3 раза по отношению к 1940 г. (с 62,6 до 20,7‰) [15, с. 578–580].

Башкортостан является единственным регионом Урала, где динамика сельской смертности была ниже городской. Объяснить это можно тем, что Башкортостан являлся регионом с преобладанием сельского населения. Население городов Башкортостана нередко находилось в состоянии голодного и полуголодного существования [3; 11; 14].

Выявление причин смертности является значимой задачей историко-демографических исследований. Часть диссертации и статьи Р.Р. Хисамутдиновой посвящены этим вопросам. Она отмечает, что к крупнейшим потерям деревни в войне, указанным Г.Е. Корниловым (гибель людей на фронте и уход населения в город), можно добавить высокую смертность сельского населения от голодного и полуголодного существования и от септической ангины в 1943–1944 гг., особенно в Башкирской АССР и Чкаловской области [30, с. 63]. Историк указала на тот факт, что нехватка сельскохозяйственной продукции в уральской деревне была вызвана жесткой политикой государства, что ставило деревню в ситуацию постепенного разложения и подрывало ее основы. В условиях войны сократилась выдача зерна в колхозах (более всего в Башкирии – в 7 раз). Засуха 1943 г. на Южном Урале привела к положению, приближенному к повсеместному голоду. В 1943–1944 гг. деревни Урала подошли к рубежу продовольственной катастрофы. Количество потребляемого хлеба на одного колхозника сократилось по сравнению с 1941 г. в 2 раза, мясопродуктов – в 1,7. Смертность от голода и болезней давала высокие показатели в годы войны [29; 31; 32].

Проблема голода в уральской деревне в годы войны не стала отдельным направлением исследований, однако ряд историков в своих работах упоминают о продовольственной катастрофе 1943–1944 гг., которая в свою очередь приводила к повышению смертности сельского населения региона [1; 2; 12; 17; 23].

Особое место в исследованиях Г.Е. Корнилова занимает изучение младенческой смертности. Пик младенческой смертности в Свердловской области пришелся на 1942 г. (359 на 1000 родившихся). Однако в последующие годы наблюдается резкое падение младенческой смертности (в 1945 г. – 94 на 1000, что составляло 34,2% от уровня 1940 г.). Историк выяснил, что уровень младенческой смертности в сельской местности был значительно выше, чем в городе (в 1942 г. превышал на 17,8%, в 1945 г. – на 19,1%) [21, с. 82–83].

Младенческая смертность является индикатором общественного благосостояния. Показатели коэффициента младенческой смертности свидетельствуют о состоянии системы здравоохранения и социально-экономического развития общества. В 1940-е гг., как отмечает Г.Е. Корнилов, в результате системы государственных мер в области защиты детства и материнства удалось сократить младенческую смертность. Была создана система родовспоможения, однако в сельской местности она охватывала лишь 26% населения (в городах – 97%). Падение смертности после кризиса 1942 г. было связано, во-первых, с ростом квалифицированной помощи матерям, во-вторых, с механическим сокращением младенческой смертности, вызванным падением рождаемости [21, с. 84].

Е.Г. Богданова рассмотрела причины и особенности младенческой смертности в селах Южного Урала. В Челябинской и Чкаловской областях в 1941–1942 гг. наблюдалось количественное падение младенческой смертности. В селах Чкаловской области в 1942 г. зафиксировано сокращение младенческой смертности на 30,7% по отношению к уровню 1940 г., в Челябинской – на 74,1%. Такой показатель был вызван резким сокращением рождаемости: на 44,3% в Чкаловской области и на 47,3% в Челябинской области в указанные

годы. Динамика младенческой смертности в 1941–1942 гг. в исследуемом регионе являлась положительной и сильно отличалась от аналогичных данных по стране, где число умерших в возрасте до одного года резко увеличилось. Дефицит рождаемости способствовал сосредоточению внимания местных органов здравоохранения на имеющихся новорожденных (особенно в условиях государственной поддержки материнства и детства на завершающем этапе войны) [4]. По мнению автора, ситуация осложнялась притоком мигрантов, обусловленным эвакуацией населения в тыловые районы [6; 8; 9].

В.Б. Жиромская указывает, что одним из факторов детской смертности на Урале в период Великой Отечественной войны являлась проблема с питанием в сельской местности. В связи с потерей СССР европейских регионов в первый период войны сократились и посевные площади страны. При этом на село была возложена задача по обеспечению фронта и городов сельскохозяйственной продукцией. Одним из факторов сокращения младенческой смертности в военные годы является введение сульфамидных препаратов. Младенческая смертность в сельской местности повышалась в летний период времени (повышенная занятость населения, нехватка свободного времени, антисанитария (при нехватке рабочих рук в деревне в поле уходило работать все трудоспособное население, в том числе матери, соответственно детей до 1 года приходилось брать с собой) и др.). В зимний период опасность представляли простудные заболевания [13; 24].

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны в отношении младенческой смертности произошло два крупных изменения: во-первых, на военные годы пришелся пик детской смертности на Урале, во-вторых, 1943–1945 гг. отмечены резким падением уровня младенческой смертности в связи с изменением демографической политики государства.

Великая Отечественная война стала важнейшей вехой в многовековой истории России и резко изменила социально-демографическую структуру общества. В последнее 25-летие в историографии появилось существенное количество работ, освещающих особенности положения и развития деревни на Урале в годы войны. Широта и полнота использованных в исследованиях демографических материалов, привлечение различных методов работы с источниками позволяют говорить о сложившейся историографической базе по указанной проблеме, что позволяет подготовить обобщающий труд по естественному движению населения Урала в годы Великой Отечественной войны.

© Востриков И.Т. Текст. 2017

Список источников

1. Анисков В.Т. Жертвенный подвиг деревни. – Новосибирск: Новосибирское книжное изд-во, 1993. – 245 с.
2. Бахтияров Р.С. Обеспечение государства продукцией животноводства в годы Великой Отечественной войны (на материалах Южного Урала) // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – Оренбург, 2012. – № 2. – С. 107–111.
3. Бахтияров Р.С. Развитие животноводства на Южном Урале в условиях Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): дис. ...канд. ист. наук. – Оренбург, 2014. – 226 с.
4. Богданова Е.Г. Военное поколение детей: демографические характеристики (по материалам Южного Урала) // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 10 (191). – С. 87–94.
5. Богданова Е.Г. Демографические процессы на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг.: дис. канд. ист. наук. – Оренбург, 2012. – 235 с.
6. Богданова Е.Г. Демографическое развитие Чкаловской области на начальном этапе Великой Отечественной войны. 1941–1942 гг. // Уральские Бирюковские чтения. – Челябинск: Абрис, 2006. – Вып. 4. Ч. 2. – С. 25–29.
7. Богданова Е.Г. Динамика рождаемости населения Южного Урала в годы Великой Отечественной войны // Освобождая блокадный Ленинград. – СПб, 2009. – С. 58–66.

8. Богданова Е.Г. Особенности смертности населения на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны: демографический аспект // Великая Отечественная война: государственная политика и общественная память. – Волгоград, 2008. – Ч. 2. – С. 52–57.
9. Богданова Е.Г. Сельская семья на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. // Аграрное развитие и продовольственная безопасность России в XVIII–XX вв.: сб. статей. – Оренбург, 2007. – С. 287–291.
10. Богданова Е.Г. Смертность городского и сельского населения на Южном Урале в 1943–1945 гг. // Уральские Бирюковские чтения. – Челябинск: Алим, 2008. – Вып. 5. Ч. 1. – С. 142–146.
11. Галлямова Г.Ф. Колхозы Башкирской АССР накануне и в годы Великой Отечественной войны: 1939–1945 гг.: дис. ...канд. ист. наук. – Уфа, 2006. – 219 с.
12. Денисевич М.Н. Война и голод // Урал в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг.: Тезисы докладов научно-практической конференции. – Екатеринбург, 1995. – С. 89–93.
13. Жиромская В.Б. Младенческая и детская заболеваемость и смертность в условиях глобальных экологических изменений // Антропология и смежные науки. Изучение человека, культуры и общества [Электронный ресурс]. URL: <http://www.social-anthropology.ru/node/187>.
14. Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. – 244 с.
15. Исянгулов Ш.Н. Сельское население Башкирской АССР в годы Великой Отечественной войны: численность и естественное движение // Единство фронта и тыла в Великой Отечественной войне (1941–1945): Всероссийская научно-практическая конференция. – М., 2007. – С. 577–582.
16. Корнилов Г.Е. Война и уральское село. Проблемы демографического развития. – Екатеринбург: ТОО «Уралагропресс», 1993. – 173 с.
17. Корнилов Г.Е. Питание и смертность сельского населения в годы Великой Отечественной войны // 50-летию Победы: Тезисы докладов научно-практической конференции. – Челябинск, 1995. – С. 80–83.
18. Корнилов Г.Е. Социальная структура уральской деревни накануне Великой Отечественной войны // Население и трудовые ресурсы уральской советской деревни: сб. науч. трудов. – Свердловск, 1987. – С. 42–48.
19. Корнилов Г.Е. Урал в Великой Отечественной войне: историографическая ситуация // Уральский исторический вестник. – 2013. – № 4. – С. 50–62.
20. Корнилов Г.Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). – Свердловск: УрГУ, 1990. – 221 с.
21. Корнилов Г.Е. Эволюция младенческой смертности на Урале в первой половине XX в. // Уральский исторический вестник. – 2014. – № 3. – С. 80–89.
22. Кузьмин А.И., Корнилов Г.Е., Оруджиева А.Г. и др. Население Урала. XX в. История демографического развития. – Екатеринбург: «Екатеринбург», 1996. – 212 с.
23. Мотревич В.П. Голод на Среднем Урале в годы Великой Отечественной войны // Урал в военной истории России: традиции и современность. – Екатеринбург: УрО РАН, 2003. – С. 85–87.
24. Сифман Р.И. К вопросу о причинах снижения детской смертности в годы Великой Отечественной войны // Продолжительность жизни: анализ и моделирование. – М., 1979. – С. 50–60.
25. Степанова Н.В. Демографические процессы в Пермской области в годы Великой Отечественной войны // Уральский исторический вестник. – 2014. – № 3. – С. 103–111.
26. Урланис Б. Ц. Динамика, география и факторы рождаемости народов СССР. – М., 1964.
27. Урланис Б. Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. – М., 1963.

28. Филатов В. В. Индустриализация и социально-демографические изменения в уральских селах второй половины 1920-х – начала 1940-х гг. // Социологические исследования. – 2012. – № 1. – С. 134–144.
29. Хисамутдинова Р.Р. Аграрная политика Советского государства и ее осуществление на Урале (1940 – март 1953 гг.): дис. ...д-ра ист. наук. – Оренбург, 2004. – 667 с.
30. Хисамутдинова Р.Р. Актуальные вопросы аграрной истории Оренбуржья // Вестник ОГУ. – 012. – № 5 (141). – С. 60–69.
31. Хисамутдинова Р.Р. Голод в уральской деревне в годы Великой Отечественной войны // Гасырлар авазы – эхо веков [Электронный ресурс]. URL: http://echoofcenturies.ru/2014_1_2/03/03/.
32. Хисамутдинова Р.Р. Питание и смертность уральских колхозников в годы Великой Отечественной войны // 60 лет Великой Победе. – Уфа: РИО БашГУ, 2005. – С. 167–181.
33. Чайко Е.А. Влияние демографических последствий Великой Отечественной войны на брачное поведение населения: по материалам фольклора горнозаводских районов Челябинской области // Южный Урал в годы Великой Отечественной войны: Материалы межвузовской научной конференции. – Челябинск, 2010. – С. 257–263.
34. Жиромская В.Б. [рец.] Корнилов Г.Е. Уральское село и война. Проблемы демографического развития // Вопросы истории. – 1994. – № 9. – С. 177–178.
35. Зеленин И.Е. [рец.] Корнилов Г.Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941 - 1945) // История СССР. – 1991. – № 6. – С. 168–172.
36. Анисков В.Т. О диссертации Г.Е. Корнилова // Война и судьбы российского крестьянства. – Вологда; Ярославль, 1998. – С. 375–378.

Информация об авторе

Востриков Игорь Тимофеевич (Россия, Екатеринбург) – аспирант, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (620990, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16; e-mail: vostrikov_igor@bk.ru)

Vostrikov I.T.

REPRODUCTION OF THE RURAL POPULATION OF THE URALS IN 1941–1945: HISTORIOGRAPHY OVERVIEW

The article analyzes the process of accumulating knowledge on the reproduction of the rural population in the Urals during the Great Patriotic War. In this process, two periods are distinguished: Soviet and post-Soviet. They differ in methodological approaches, information and source base, setting and solving plots of demographic history. The author comes to the conclusion that in the modern historiographical situation, when regional studies predominate, the Ural scientists occupy a prominent place.

Keywords: Historical demography, historiography, the Urals, the Great Patriotic War, the reproduction of the rural population, the natural movement of the population

Information about the author

Vostrikov Igor Timofeevith (Russia, Ekaterinburg) – graduate student, Institute of History and Archaeology of the Urals Branch of the Russian Academy of Sciences (16, Kovalevskoj St., 620990, Ekaterinburg, Russia; e-mail: vostrikov_igor@bk.ru).

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ РОЖДАЕМОСТИ В РФ

В данной статье проанализирован опыт проведения демографической политики в области рождаемости в субъектах РФ. В настоящее время в России установлен оптимальный баланс между рождаемостью и смертностью, но существуют демографические волны. Поэтому для регионов РФ важным является именно изменение привычной малодетной модели семьи.

Ключевые слова: демографическая политика; пронаталистская политика; репродуктивное поведение; государственная система поддержки семей с детьми; дифференцированный подход к проведению пронаталистской политики в регионах.

Российская Федерация вошла в XXI век в условиях депопуляции – устойчивого превышения числа умерших над числом родившихся. В 1999 году это превышение составило в целом по стране 930 тыс. человек, в 2000 году – 958 тыс. человек¹. Однако необходимо отметить положительную динамику снижения естественной убыли населения: в 2005 году она составила 846,5 тыс. человек, в 2010 году – 240 тыс. человек, в 2015 году – 32 тыс. человек².

В 2015 году численность населения сократилась в 50 из 85 субъектов Российской Федерации. Особую остроту депопуляция приобрела у русского населения (более 4/5 населения). Если в 2000 году естественный прирост населения был отмечен лишь в 15 субъектах Российской Федерации, то в 2015 году – уже в 43 из 85 субъектов РФ (в их число входят некоторые субъекты Российской Федерации, расположенные в восточной части страны (Чукотский АО, Камчатский и Хабаровский края, Республика Саха (Якутия), Сахалинская и Магаданская области), в Восточной и Западной Сибири (Иркутская, Новосибирская, Омская и Томская области, Красноярский и Забайкальский края, Республики Хакасия, Тыва, Бурятия, Алтай), на севере и северо-западе страны (Тюменская и Мурманская области, Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий и Ненецкий АО, Республика Коми и г. Санкт-Петербург), в центральном регионе (г. Москва, Республики Башкортостан, Татарстан, Марий Эл, Удмуртская и Чувашская Республики, Свердловская, Челябинская и Оренбургская области, Пермский край) и на юге России между Черным и Каспийским морями, на Кавказе (Республики Дагестан, Ингушетия, Калмыкия, Северная Осетия-Алания, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская и Чеченская, Ставропольский и Краснодарский края, Астраханская область)³.

Главной причиной депопуляции в РФ является низкая рождаемость. Ее снижение началось с конца 1960-х годов, когда она опустилась ниже уровня, необходимого для простого воспроизводства населения. Важным показателем, характеризующим среднее число детей, которое родила бы женщина гипотетического поколения за всю свою жизнь при условии отсутствия смертности и сохранения в течение всей ее жизни возрастных коэффициентов рождаемости данного года, является суммарный коэффициент рождаемости. Ценность данного коэффициента заключается в том, что он позволяет одним числом,

¹ Численность населения РФ / Федеральная служба государственной статистики. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 07.08.2016).

² Рождаемость, смертность и естественный прирост населения РФ с 1950 по 2015 годы / Федеральная служба государственной статистики. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 10.07.2016).

³ Демографический ежегодник России. 2015: Стат. сб. / Росстат. – М., 2015. – С. 168-170.

величина которого не зависит от влияния возрастной структуры, охарактеризовать уровень рождаемости в той или иной стране и производить, таким образом, межстрановые и межпериодные сравнения. Разброс значений суммарных коэффициентов рождаемости по странам весьма велик – от 1,32 рождений на 1 женщину репродуктивного возраста в Польше, Испания, Италия, Греция, от 1,4 в Германии, Японии, Италии и Австрии до 7,03 рождений на 1 женщину репродуктивного возраста в Нигере, свыше 6 рождений на 1 женщину репродуктивного возраста в Мали, Сомали, Уганде и Буркина-Фасо¹.

В России современные параметры рождаемости в 1,2 раза меньше, чем требуется для замещения поколений: в 2015 году в среднем на одну женщину приходилось 1,77 рождения при 2,15, необходимых для простого воспроизводства населения². В 2000 году родилось 1267 тыс. человек, что на 722 тыс. человек или в 1,6 раза, меньше, чем в 1990 году. Однако уже в 2015 году родилось 1940,6 тыс. человек, что в 1,5 раза превышает уровень рождаемости 2000-го года³.

К современным тенденциям рождаемости в России и во многих развитых странах мира относят:

- малодетность (суммарный коэффициент рождаемости – от 1,5 до 1,8 рождения на 1 женщину);
- высокая доля внебрачных рождений (в России – около 22 %, в Великобритании и Франции – более 35 %, в Дании – более 40 %);
- в сельских поселениях рождаемость несколько выше, чем в городах;
- высокий средний возраст рождения первого ребенка (более 27-29 лет);
- отказ от рождений, использование контрацепции, абортов;
- слабая связь между членами некоторых семей;
- пик рождаемости у женщин 30-35 лет [1, с. 78-79].

На повышение рождаемости в России в последние годы наибольшее влияние оказало общее повышение уровня жизни населения (докризисное), стимулирование рождения второго (третьего) ребенка путем введения новой формы государственной финансовой поддержки в виде материнского капитала на федеральном и региональном уровне, а также активная пропаганда семейных ценностей в молодежной среде.

Однако большинство экспертов считают, что данное улучшение демографической ситуации не имеет долгосрочной перспективы. Во-первых, из-за складывающихся сложных финансово-экономических условий, низкой платежеспособности населения, в том числе на рынке недвижимости, отсутствия необходимого количества свободных мест в детских садах, некачественной бесплатной медицинской помощи, что не способствует мотивации молодых женщин к рождению ребенка. Во-вторых, как свидетельствует статистика, динамика демографических показателей имеет волнообразный характер: периоды спада чередуются с периодами роста. Данная динамика объясняется, в том числе изменением численности поколений, включая женщин детородного возраста, соотношение женщин и мужчин детородного возраста. И в третьих, следует выделить неблагоприятное влияние на процессы рождаемости такого фактора как уверенность в завтрашнем дне, который является многоаспектным и включает помимо вышеназванных факторов материального характера, психологический аспект и стабильность политической обстановки. Отсюда возникает необходимость сохранения в долгосрочной перспективе достигнутого уровня естественного прироста населения [5, с. 1-2; 2, с. 210-211; 3].

¹ Total Fertility Rate: Country Comparison / CIA World Factbook. – URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2127rank.html> (дата обращения: 10.04.2017).

² Демографический ежегодник России. 2015: Стат. сб. / Росстат. – М., 2015. – С. 91.

³ Рождаемость, смертность и естественный прирост населения РФ с 1950 по 2015 годы / Федеральная служба государственной статистики. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 11.04.2017).

Необходимо отметить, что в настоящее время в регионах РФ наблюдается заметная дифференциация показателей рождаемости. С одной стороны, в целом, как правило, во всех регионах отмечаются однонаправленные тенденции динамики рождаемости. С другой стороны, темпы этих изменений (прежде всего, снижения рождаемости) и реакции регионов на меры, предлагаемые в рамках демографической политики, различны, поэтому до сих пор сохраняется большое территориальное разнообразие указанного процесса (рисунок 1).

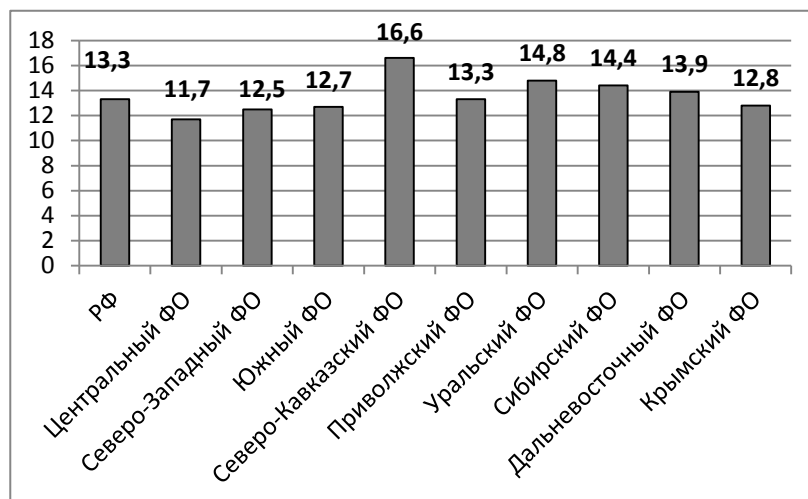

Рис. 1. Общий коэффициент рождаемости в РФ и федеральных округах в 2015 году (в промилле)¹

Региональные особенности отчетливо проявляются в распределении относительных чисел рождений вне брака. Эти особенности ощущаются и территориально: по мере продвижения на восток страны удельный вес внебрачных рождений повышается. Сохранившаяся до нашего времени существенная роль института семьи в кавказских республиках обусловила самый низкий удельный вес внебрачных рождений на их территории. В средней полосе доля внебрачных рождений колеблется на уровне средних величин. Практически повсеместно в регионах доля внебрачных рождений выше в сельской местности. Исключение составляет несколько республик Северо-Кавказского федерального округа – Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Чеченская, а также Мурманская область.

Факт рождения у женщины ребенка в современном обществе все менее связан с формализацией семейных отношений: доля внебрачных детей на протяжении нескольких десятилетий росла постоянно. Максимальное количество рождений вне брака во всех регионах РФ в настоящее время приходится на две возрастные группы молодых женщин: 25-29 лет и 30-34 года².

Такое смещение максимального количества рождений на более поздние возрастные группы характерно не только для рождаемости в незарегистрированных браках, но и для брачной рождаемости. Всеобщее распространение современных методов планирования семьи дало устойчивый результат в виде повышения возраста первых рождений и в целом среднего возраста женщины при рождении детей [4, с. 560-561]. Помимо увеличения возраста матери, по первым рождениям наблюдается также увеличение интервала между родами. Отличительной особенностью современного периода является возможность планировать рождение ребенка в широком смысле: то есть не только ограничивать его

¹ Построено автором по данным: Естественное движение населения Российской Федерации: бюллетень / Федеральная служба государственной статистики. – URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_106/Main.htm (дата обращения: 08.03.2017).

² Естественное движение населения Российской Федерации: бюллетень / Федеральная служба государственной статистики. – URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_106/Main.htm (дата обращения: 08.04.2017).

появление в определенном возрасте, но и регулировать и даже стимулировать его рождение в более поздних возрастах [7].

Общий тренд рождаемости в России складывается на фоне заметной дифференциации процесса и его динамики в регионах. В соответствии с дифференцированным подходом в данной статье предложена классификация субъектов РФ на основе общего коэффициента рождаемости. Для этого нами построен график соответствия количества регионов РФ и величины общего коэффициента рождаемости (рисунок 2).

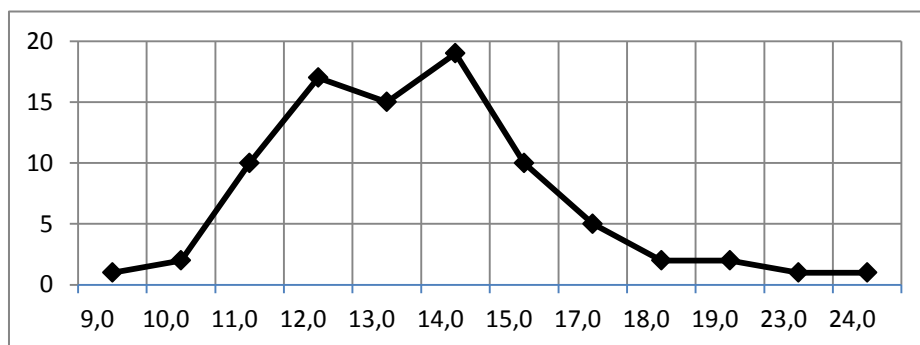

Рис. 2. Соответствие количества субъектов РФ и величины общего коэффициента рождаемости в 2015 году

На графике отчетливо видно, что кривая по своему характеру близка к Гауссовскому (нормальному) распределению. Почти 50 % регионов имеют величину общего коэффициента рождаемости в диапазоне от 12,5 до 15 промилле. Именно такой диапазон значений будем считать среднестатистическим. В данную группу входит Омская область со значением общего коэффициента рождаемости 14,4 промилле, повторяя общероссийские демографические тенденции, и поэтому полученные на ее основе результаты исследования можно использовать для регионов со сходными с Омской областью условиями.

Большая часть субъектов РФ (48 %) имеет общий коэффициент рождаемости ниже среднероссийского показателя 13,3 промилле. В основном это регионы центральной и северо-западной части России, где кроме проблемы низкой рождаемости также остро стоит проблема высокой смертности населения. Именно для первой и второй группы российских регионов предназначены главным образом разработанные в данной работе меры молодежной пронаталистской политики [6, с. 10-13], поскольку в первой группе регионов важно сохранить наметившиеся положительные тенденции выхода из демографического кризиса, а во второй группе необходимо проводить пронаталистскую политику для сокращения депопуляционных тенденций не только для молодежи, но и для других групп населения.

В 13 % субъектов РФ отмечаются показатели рождаемости, превышающие значение 15,5 промилле – в основном это республики с разнообразным этно-религиозным составом населения и в которых до сих пор сильны традиции многодетной семьи, поддерживается культ материнства и традиционные семейные ценности (Тюменская область, Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий и Ненецкий автономные округа, Республики Саха (Якутия), Бурятия, Дагестан, Ингушетия, Алтай, Чеченская и Тыва). В данных регионах суммарный коэффициент рождаемости находится на уровне, необходимом для простого воспроизводства населения или даже превышает его. Для этих регионов можно также использовать некоторые меры молодежной пронаталистской политики для поддержания необходимого уровня рождаемости. Что касается разницы между рождаемостью городского и сельского населения, то эти различия постепенно снижаются и показатели в городах и сельской местности сближаются.

Из-за сложной текущей финансово-экономической ситуации в регионах России и необходимости использования адресного подхода к предоставлению мер социальной помощи в связи с ограниченностью бюджетных средств существуют два мнения по поводу

необходимости участия государства и региональных органов власти в реализации пронаталистской политики. С одной стороны, учитывая, что основным принципом распределения социального обеспечения в государстве является универсализм, на социальное обеспечение и социальное обслуживание, реализуемые через государственный бюджет, имеют право все граждане, в том числе и молодые семьи. С другой стороны, в государстве должен преобладать индивидуальный принцип, который предполагает личную ответственность молодежи за судьбу своей семьи. Этот принцип предполагает прямую зависимость размеров страховых взносов и объема получаемых от государства социальных услуг. Государство же берет на себя ответственность за сохранение лишь минимальных доходов всех граждан и за благополучие наиболее незащищенных слоев населения.

В настоящее время в демографическом развитии России и ее регионов наметилась тенденция выхода из состояния депопуляции и начала нового репродуктивного подъема. Вопрос заключается в том, сможет ли данная тенденция приобрести характер тренда или окажется лишь эпизодом в процессе репродуктивного угасания России.

© Гокова О.В. Текст. 2017

Список источников

1. Гокова О.В. Опыт реализации региональной демографической политики в развитых странах мира // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2011. – № 1. – С. 74-80.
2. Римашевская Н.М. Социально-экономические и демографические проблемы современной России // Вестник Российской Академии Наук. – 2004. – 74 (3). – С. 209-218.
3. Синельников А.Б. Трансформация семейных отношений и ее значение для демографической политики в России [Электронный ресурс] // Семья растет: про семью и для семьи. 2015. URL: http://www.semya-rastet.ru/razd/transformacija_semejjnykh_otnoshenij_i_ejo_znachenie_dlja_demograficheskoi_politiki_v_rossii/ (дата обращения 04.06.2016).
4. Dorbritz J. Germany: Family diversity with low actual and desired fertility // Demographic Research. – 2008. – № 19. – P. 557-598.
5. Frejka T., Zakharov S. Comprehensive Analyses of Fertility Trends in the Russian Federation during the Past Half Century // Working paper of Max Planck Institute for Demographic Research (WP-2012-027). – 2012. – 29 p.
6. Gokova O. Youth pro-natalist policies: social and economic aspects (case study some regions of Russia, France and Germany) // European Journal of Natural History. – 2016. – № 1. – Pp. 8-13.
7. Lépinard E., Lieber M. The Policy on Gender Equality in France [Электронный ресурс] // European Parliament. – URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2015/510024/IPOL_IDA_\(2015\)510024_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2015/510024/IPOL_IDA_(2015)510024_EN.pdf) (дата обращения: 02.03.2017).

Информация об авторе

Гокова Ольга Владимировна (Российская Федерация, г. Омск) – аспирант, старший преподаватель кафедры региональной экономики и управления территориями экономического факультета Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (644053, г. Омск, площадь Лицкевича 1). E-mail: capri484@yandex.ru.

Gokova O.V.

REGIONAL EXPERIENCE OF POPULATION POLICY IN THE CONTEXT OF THE FERTILITY IN THE RUSSIAN FEDERATION

In the given article the practice of the population policy's implementation in the aspect of the fertility has been analyzed in the regions of the Russian Federation. At present in Russia a

certain optimal balance between child birth and mortality is established, but still there are some demographic waves. So, for the Russian regions, particularly, a change of a standard family model with one or two children into a large family orientation is essentially important.

Key words: population policy, pro-natalist policy, reproductive behaviour, state support of families with children, differentiating approach to regional pro-natalist policy's implementation.

Information about the author

Gokova Olga Vladimirovna (Russian Federation, Omsk) – postgraduate student, the senior lecturer of the Department of regional economics and territory management, Omsk State University n.a. F.M. Dostoevsky (644053, Omsk, Litskevich Square 1). E-mail: capri484@yandex.ru.

УДК 314.3 (571.1) «196»

О.Б. Дашинамжилов

РОЖДАЕМОСТЬ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1960-Е ГОДЫ

В работе исследуется рождаемость в 1960-е годы в городских поселениях Западной Сибири. Проанализированы разнообразные факторы снижения числа деторождений. Исследован исторический контекст динамики общего, суммарного и возрастных коэффициентов рождаемости.

Ключевые слова: Западная Сибирь, рождаемость, город, экономическая политика.

Изучение исторического опыта демографического развития страны необходимо для исследования и объективной оценки причин современной динамики процессов народонаселения. В этой связи представляется интересным проанализировать влияние реформ, проводимых в экономической сфере, на процессы воспроизводства, в частности на рождаемость. В нашей работе будут рассмотрены демографические последствия мероприятий, реализованных центральными государственными органами в народном хозяйстве страны в конце 1950-х – 1960-е гг.

Как известно, общий коэффициент рождаемости в России и ее регионах в 1960-е гг. значительно снизился. В городах Западной Сибири он уменьшился с 23,9‰ в 1959 г. до 14,9‰ в 1965 г. (14,2‰ в 1967 г.). Сокращение числа деторождений как в специальных исследованиях, так и в докладных и аналитических записках областных комитетов статистики часто связывалось с деформациями в возрастном составе населения (см., напр.: [4, с. 8]). И действительно, материалы переписей показывают, что, если в 1959 г. среди западносибирских горожан удельный вес лиц в возрасте 20–29 лет с наиболее высокими показателями рождаемости составлял 21,9%, то в 1970 г. – только 15,6%. При этом, если численность городских контингентов в целом за это время увеличилась на 29,8%, то количественный состав 20–29-летних снизился сразу на 7,8%. Из этого следует вывод, что структурные изменения возрастного состава имели место и их воздействие на число рождений было весомым.

Вместе с тем из-за наличия глубоких и повторяющихся провалов в возрастной структуре послевоенного населения, возникших вследствие социальных катаклизмов первой половины XX столетия, значение общего коэффициента как инструмента анализа снизилось. Во второй половине XX в. его увеличение или снижение могли произойти не из-за роста рождаемости вообще, а из-за повышения/сокращения доли женщин репродуктивных возрастов в населении.

Эту дилемму можно было бы решить, применив индексный метод, однако для этого необходимо знать возрастную структуру городского населения Западной Сибири, по меньшей мере, за каждые пять лет. Из-за отсутствия подобной информации мы анализируем

перемены в рождаемости, произошедшие в целом по РСФСР, экстраполировав, с некоторыми оговорками, полученные данные и на Западносибирский экономический район. Несмотря на то, что Западная Сибирь обладает значительной спецификой воспроизводственных процессов, ее демографическое развитие в целом происходило все же в русле общероссийских тенденций.

Общий коэффициент рождаемости в Российской Федерации также существенно сократился – с 20,7‰ в 1959 г. до 14,4‰ в 1965 г. Применяв индексный метод, нам удалось выяснить, что это снижение было вызвано не только переменами в возрастной структуре населения, а, прежде всего, сокращениями возрастных коэффициентов рождаемости. Падение общего коэффициента за эти годы составило 30,4%, из них 9,2% дали изменения в доле женщин (15–49 лет) в населении, 7,3% – *структурные трансформации возрастного состава*. При этом 13,9% дали перемены, произошедшие именно в возрастных коэффициентах рождаемости. Из этого следует вывод о том, что кроме структурных факторов и уменьшения доли женщин в населении имелись и иные воздействия, которые привели к значительному снижению общего коэффициента. Сокращение именно рождаемости подтверждает суммарный коэффициент, не зависящий от деформаций в возрастной структуре, который по городскому населению РСФСР снизился с 2,067 в 1958/1959 гг. до 1,732 ребенка на одну женщину в 1964/1965 гг. (на 16,2%).

Важнейшей причиной сокращения рождаемости являлась политика коммунистической партии в отношении женщин, проводимая именно в этот период. Предполагалось устранить остатки их неравного положения в быту, создав условия для сочетания материнства с активным и творческим участием в общественном труде и деятельности. Считалось важным, прежде всего, сократить и облегчить труд в домашнем хозяйстве, а затем создать возможности для его замены *общественными формами удовлетворения материально-бытовых нужд семьи*¹. При этом женщинам должны были предоставляться более легкие в сравнении с мужчинами, но при этом в должной мере оплачиваемые, работы.

На XXI съезде КПСС, в январе 1959 г., Н.С. Хрущев указывал на то, что занятость женщин в домашнем хозяйстве, уход за детьми затрудняют их участие в общественной жизни. Так как наиболее эффективными инструментами удовлетворения потребностей населения, по замыслу первого секретаря ЦК КПСС, являлись именно общественные формы организации жизни, то решение вышеназванной проблемы виделось в повышении роли государства и общества в воспитании подрастающего поколения. С этой целью было необходимо развернуть строительство детских садов и яслей, а в перспективе перевести воспитание вообще всех детей в школы-интернаты. По замыслу руководства партии, это позволило бы решить сразу две задачи: обеспечить правильное коммунистическое воспитание молодежи и вовлечь миллионы женщин в ряды «активных строителей коммунистического общества»². В конечном итоге планировалось в каждом городе и селе удовлетворить потребности населения в детских садах и яслях, обеспечить каждую школу бесплатными горячими завтраками, школьной одеждой и учебными пособиями.

Задаче облегчения загруженности женщин в домашнем хозяйстве были призваны служить также предприятия общественного питания и коммунально-бытового обслуживания. В домашнем хозяйстве широкое распространение должны были получить усовершенствованные дешевые бытовые машины, приспособления, электроприборы. Планировалось широко развернуть строительство столовых при крупных предприятиях и учреждениях. Снижение цен на продукцию общественного питания должно было происходить с опережением в сравнении с торговой сетью. В конечном счете, обеды в столовых стали бы дешевле, чем при домашнем приготовлении пищи, а общественное

¹ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – Т. 10. 1961–1965. – М., 1986. – С. 151–152.

² Материалы Внеочередного XXI съезда КПСС. – М., 1959. – С. 51.

питание в течение ближайших 10–15 лет заняло бы преобладающее положение по сравнению с питанием в домашних условиях.

Результатом такой политики стал сильный рост занятости женщин. Так, например, в 1959 г. в СССР насчитывалось 18,0 млн чел. трудоспособного возраста (главным образом женщин), занятых преимущественно в личном подсобном и домашнем хозяйстве, то есть неработающие и неучащиеся женщины имелись примерно в каждой третьей семье. К 1970 г. их численность снизилась до 6 млн чел., или в три раза, а неработающие домохозяйки остались в среднем лишь в одной семье из десяти [10, с. 211]. В 1950-е гг. удельный вес слабого пола среди рабочих и служащих в народном хозяйстве РСФСР оставался неизменным (50,0%), к 1965 г. он увеличился до 51,0%, а к 1970 г. – до 53,0%¹. Эта тенденция подтверждается данными региональных архивов. Так, в Новосибирской области численность женщин, занятых в общественном производстве, за 1960–1965 гг. возросла сразу на 21,0%.

Еще одной важной причиной снижения рождаемости являлась проводимая государством политика в отношении личных подсобных хозяйств. В августе 1959 г. был принят Указ Верховного Совета РСФСР «О запрещении содержания скота в личной собственности граждан, проживающих в городах и рабочих поселках», который коснулся около 12,0 млн городских семей страны, имевших свои огороды. С 1 октября этого года запрещалось, за исключением нескольких северных административных центров, содержание в личной собственности скота в столицах автономных республик, краевых, областных центрах и прилегающих к ним местностях. Совету Министров РСФСР предоставлялось право, по мере улучшения государственной торговли молочными и мясными продуктами, решать вопросы о запрещении содержания скота в личной собственности в других городах и их окрестностях, а также в рабочих поселках².

Центральные органы власти призывали покончить «с примитивным ведением животноводства», которое приводит к значительному расходованию хлеба и других продовольственных товаров из государственных фондов, отвлекает рабочую силу от производительного труда и создает антисанитарные условия в городских населенных пунктах. В декабре 1958 г. на пленуме ЦК КПСС Н.С. Хрущев предложил поддержать инициативу рабочих и служащих передовых совхозов о продаже скота, находящегося в личной собственности, совхозам. Обосновывалось это тем, что на современном этапе потребности работников в мясе, молоке и других продуктах могут удовлетворяться за счет совхозной продукции. Предполагалось, что в течение 2–3 лет совхозы выкупят скот у своих рабочих и служащих, взяв на себя обеспечение их продуктами животноводства³. Ограничительные меры затронули и трудящихся колхозов, которые, в частности, касались размеров приусадебных участков и норм содержания скота.

Важным последствием введенных ограничений стало снижение темпов роста аграрного производства, так как еще в 1960 г. подсобные хозяйства обеспечивали 63,0% производства картофеля, 44,0% овощей, 41,0% мяса и 47,0% молока в стране. В Западной Сибири значение ЛПХ было еще выше [2, с. 89]. Из-за нехватки в государственной и кооперативной торговой сети некоторых продуктов питания горожане часть из них также приобретали на рынке. В результате сокращения объемов производства положение с продовольственным обеспечением городских жителей несколько ухудшилось, что усугубилось серией неурожайных лет (1963 и 1965 гг.). Например, засуха 1963 г. в Западной Сибири считается наиболее сильной из произошедших в XX столетии [6, с. 153]. Даже по оценкам советских исследователей проводившаяся тогда политика ограничения подсобного

¹ Народное хозяйство РСФСР в 1970 г.: стат. ежегодник. – М., 1971. – С. 339; Народное хозяйство РСФСР в 1985 г.: стат. ежегодник. – М., 1986. – С. 233.

² Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1959. – № 30. – С. 600.

³ Итоги развития сельского хозяйства за последние пять лет и задачи дальнейшего увеличения производства сельскохозяйственных продуктов: Постановление президиума ЦК КПСС по докладу тов. Н.С. Хрущева, принятое 19 декабря 1958 г. – М., 1958. – С. 21.

сельского хозяйства носила необоснованный характер и нанесла ощутимый урон снабжению трудящихся продовольствием [9, с. 252]. Уже в 1960 г. в РСФСР было получено зерна, мяса и молока меньше, чем намечалось по семилетнему плану, а в некоторых областях производство даже сократилось по сравнению с 1959 г.¹

Следствием ограничения ЛПХ стало дополнительное высвобождение населения из домашнего и личного подсобного хозяйства и вовлечение его в общественное производство. В Западной Сибири доля занятых в них женщин за межпереписной период многократно снизилась, а имеющих занятия – существенно возросла. Также сократилась и доля иждивенцев. Повышение трудовой активности женщин в начале 1960-х гг. вызвало рост потребности населения в предприятиях бытового и коммунального обслуживания, увеличило спрос на места в детских садах и яслях, развитие которых, несмотря на принимаемые меры, не удовлетворяло необходимых нужд. Так, доля детей посещающих сады и ясли, по Советскому Союзу увеличилась в 1960-е гг. больше, чем за четыре предшествующих десятилетия. Данные по РСФСР подтверждают эту динамику. До конца 1950-х гг. количество детей в детских садах и яслях росло равномерно: в 1941 г. – 752,0 тыс. чел., в 1951 г. – 830 тыс. чел., к 1959 г. произошел двукратный рост численности – до 1654,0 тыс. чел., а к 1965 г. – уже до 3522,0 тыс. чел.²

Недостаток детских дошкольных учреждений подтверждался данными региональных архивов. Например, обеспеченность ими в сравнительно благополучной Новосибирской области даже в середине 1970-е гг. составила в городах – 40,5% (в целом по области 35,7%)³.

Население отреагировало на решения власти традиционным способом – резким увеличением числа аборт. Согласно данным Новосибирского облстата, их число в целом по области в 1960 г. по сравнению с 1958 г. увеличилось почти на четверть (23,6%), а за 1960–1965 гг. – еще на 25,6%. Всего за 1958–1965 гг. количество прерываний беременности увеличилось более чем в полтора раза. Причем число аборт на 100 родов в городских поселениях было в 2,5 раза выше, чем в сельской местности⁴. В других регионах Западной Сибири, скорее всего, сложилось такое же положение.

Реакция государственных органов на снижение рождаемости была сдержанной. В тот исторический момент вероятность сокращения в перспективе трудового потенциала страны еще не рассматривалась как одна из серьезных проблем. Социальная политика государства в постхрущевский период активизировалась за счет последовательного повышения заработной платы тружеников народного хозяйства страны, увеличения производства товаров народного потребления. Реальные доходы населения за 1966–1970 гг. выросли на 33,0%. Был осуществлен переход на пятидневную рабочую неделю с двумя выходными днями. Увеличены минимальная продолжительность отпуска рабочих и служащих, выплаты и льготы населению из общественных фондов потребления, развивалась социальная сфера, осуществлялось активное жилищное строительство.

С осени 1964 г. – весны 1965 г. действующие ограничения на ЛПХ были частично отменены, и вновь стало поощряться развитие коллективного огородничества и подсобного хозяйства рабочих и служащих [8, с. 299]. Вместе с тем реформы Н.С. Хрущева оказали необратимое воздействие на быт миллионов людей, еще сохранивших связь с землей и сельским хозяйством. Но главное – остался неизменным курс на повышение занятости женщин в народном хозяйстве страны.

В таких условиях активизация социальной политики государства не смогла стимулировать повышение рождаемости, но, во всяком случае, затормозила процесс ее снижения (суммарный коэффициент по городским поселениям РСФСР – 1,732 в 1964/1965 гг. и 1,733 в 1969/1970 гг.). Сокращение числа рождений сначала замедлилось, а затем

¹ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – Т. 10. 1961–1965 гг. – М., 1986. – С. 16.

² Народное хозяйство РСФСР в 1965 г.: стат. ежегодник. – М., 1966. – С. 524.

³ ГАНО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 6500. Л. 46.

⁴ ГАНО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 5336. Л. 26.

наметился и некоторый рост. Общий коэффициент рождаемости в Западной Сибири медленно снижался до 1967 г. (14,2‰) и стал увеличиваться только после этого (до 14,8‰ в 1969 г.). Индексный метод применительно к общероссийским данным подтвердил, что приблизительно трехпроцентный рост общего коэффициента в 1965–1970 гг. стал следствием исключительно увеличения доли женщин 15–49 лет в населении.

Теперь переходим к анализу итогов динамики рождаемости горожан Западной Сибири в межпереписной период. Суммарный коэффициент в западносибирских городах в 1958/1959 гг. составил 2,369 ребенка. Наибольшая рождаемость была в 20–24-летней когорте, тогда как еще в 1950-е гг. – среди 25–29-летних женщин [7, с. 51]. Причем у последних рождаемость оставалась пока еще высокой. В старших когортах возрастные коэффициенты снижались, достигая минимальных величин у 45–49-летних.

Согласно В.А. Борисову, суммарный коэффициент рождаемости является итогом сложения соответствующих коэффициентов, рассчитанных для каждой очередности рождения. Так, расчетные данные показывают, что суммарный коэффициент для первенцев в 1958/1959 гг. составил 1,050 ребенка на одну женщину. Это означает, что при сохранении возрастных коэффициентов на уровне 1958/1959 гг. одна женщина родит 1,050 первенца за всю жизнь. В действительности для реальных когорт эта цифра никогда не превысит единицы. Первенец всегда один (в одноплодных родах). Дети же от многоплодных родов в официальной статистике учитывались как дети разных порядков рождения [12, с. 28]. Однако для условных когорт в силу особенностей расчета формулы такая цифра являлась допустимой. Она фактически означает, что каждая горожанка завела хотя бы одного ребенка.

Высокой являлась рождаемость вторых детей, для которых суммарный коэффициент составил 0,707. Это значит, что при сохранении текущих возрастных коэффициентов каждая женщина в возрасте 15–49 лет родила бы до конца жизни в среднем 0,707 вторых детей. Иначе выражаясь, второй ребенок появился только у семи из десяти женщин репродуктивного возраста. Уровень рождаемости третьих детей позволяет говорить о том, что третий ребенок мог появиться только у 30,0% горожанок. Что касается четвертых и выше рождений, то их вклад в совокупную рождаемость был невысок.

К 1970 г. показатели рождаемости сильно изменились, суммарный коэффициент в западносибирских городах составил в 1969/1970 г. 1,739, или примерно на четверть (-26,6%) меньше, чем в 1958/1959 гг. Процессы внутрисемейного регулирования затронули, в первую очередь, зрелые возрастные категории населения. Интенсивность деторождений у горожанок в когорте 35–39 лет за межпереписной период уменьшилась более чем вдвое (-53,7%), почти на две трети сократилась она у 40–44 и 45–49-летних (на 63,3% и 62,1%). По мере продвижения к молодым возрастным группам масштабы падения сокращались. У 25–29 и 30–34-летних возрастные коэффициенты снижались примерно на треть, в когорте 20–24 лет – на 10,2%. В этом возрасте семьи только начинают обзаводиться детьми и в основном первенцами. При этом рождаемость у женщин до 20 лет не увеличилась, что несколько противоречит тенденциям, свойственным изучаемому периоду [1, с. 80; 3, с. 222–223; 5, с. 69].

Разложение суммарного коэффициента на очередности рождения показало, что репродуктивные установки по отношению к первенцам за межпереписной период в городах Западной Сибири изменились мало (1969/1970 гг. – 0,954). Перемены становятся заметными уже при анализе рождений вторых детей. Если суммарный коэффициент для них в 1958/1959 гг. составлял 0,707, то к 1969/1970 гг. он снизился до 0,581. Значительно сократился уровень рождаемости третьих детей, что было отмечено рядом исследователей (см., напр.: [11, с. 101]). Если в 1958/1959 гг. в городах Западной Сибири приблизительно каждая третья горожанка завела третьего ребенка (0,312), то в 1969/1970 гг. – только каждая восьмая (0,129). Еще больше уменьшилась рождаемость четвертых детей и выше. Рассчитанные для них коэффициенты сократились более чем в три раза почти во всех возрастных категориях.

Итак, мы можем видеть, что мероприятия центральных органов власти, которые были направлены на решение практических экономических задач, косвенно повлияли на

репродуктивное поведение населения. При этом негативные последствия реформ оказались сильными и оказали воздействие, прежде всего, на рождаемость у старших возрастных групп населения и детей поздних очередностей.

© Дашинамжилов О.Б. Текст. 2017

Список источников

1. Борисов В.А. Перспективы рождаемости. – М.: Статистика, 1976. – 248 с.
2. Букин С.С. Жизненный уровень рабочей семьи в Сибири (1946–1960 гг.). – Новосибирск: Наука, 1984. – 271 с.
3. Воспроизводство населения СССР. – М.: Финансы и статистика, 1983. – 303 с.
4. Динамика населения СССР. 1960–1980 гг. – М.: Финансы и статистика, 1985. – 176 с.
5. Кваша А.Я. Демографическая политика в СССР. – М.: Финансы и статистика, 1981. – 200 с.
6. Крестьянство и сельское хозяйство Сибири. 1960–1980-е гг. Новосибирск: Наука, 1991. – 489 с.
7. Курман М.В. Актуальные вопросы демографии (демографические процессы в СССР в послевоенный период). – М.: Статистика, 1976. – 220 с.
8. Рабочий класс СССР (1951–1965 гг.). – М.: Наука, 1969. – 560 с.
9. Рабочий класс в СССР в годы упрочения и развития социалистического общества. 1945–1960 гг. – Т. 4. – М.: Наука, 1987. – 520 с.
10. Рабочий класс СССР на новом этапе развития социалистического общества. 1961–1970 гг. – Т. 5. – М.: Наука, 1988. – 432 с.
11. Сифман Р.И. Динамика рождаемости в СССР (по материалам выборочных исследований). – М.: Статистика, 1974. – 183 с.
12. Шнейдерман Н.А. Откровенный разговор: рождаемость и меры ее регулирования. – М.: Мысль, 1991. – 170 с.

Информация об авторе

Дашинамжилов Одон Борисович (Россия, Новосибирск) – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт истории СО РАН (630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8; e-mail: Odon@bk.ru)

Dashinamzhilov O.B.

BIRTHRATES OF URBAN POPULATION OF WESTERN SIBERIA IN 1960-S

Birthrates in 1960-s are analyzed in urban settlements of Western Siberia. Different factors of decreasing a number of childbirths are analyzed. Historical context of the general, total, and age fertility rates is researched.

Key words: Western Siberia, childbirth, city, economical politics

Information about the author

Dashinamzhilov Odon Borisovich (Russia, Novosibirsk) – PH.D. (History), research fellow Institute of History of Siberian Division of Russian Academy of Science (630090, Russia, Novosibirsk, Nikolayeva 8; e-mail: odon@bk.ru)

РОЖДАЕМОСТЬ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Население России характеризуется высоким уровнем урбанизации и низкой рождаемостью (особенно в городах с населением от 50 тысяч человек). В статье обоснован тезис, что в странах Европейского союза существуют многочисленные примеры, когда городская среда не оказывает столь существенного негативного влияния на фертильность и что данный факт может иметь некоторое значение при реализации национальной демографической политики.

Ключевые слова: рождаемость, естественный прирост, городское население, Европейский Союз, миграция.

Постановка проблемы. На общенациональном уровне значение суммарного коэффициента рождаемости в Российской Федерации опустилось ниже простого воспроизводства поколений (в качестве порогового значения примем 2,1 ребенка на одну женщину) впервые в 1967 г. Вплоть до 1990 г. оно оставалось на уровне около 2,0 ребенка и в дальнейшем снизилось до 1,3–1,7 ребенка [1]. В то же время рождаемость городского населения преодолела соответствующий порог значительно раньше. Так, к примеру, в 1965 г. в Калининградской области суммарный коэффициент рождаемости городского населения составил всего 1,56 ребенка. В крупнейших городах он был еще ниже: в Москве – 1,34, в Ленинграде – 1,43 ребенка на одну женщину [2, с. 24]. Соответствующие показатели дополнялись относительно низким уровнем ожидаемой, идеальной и желаемой рождаемости [3]. В связи с этим негативное влияние городской среды на фертильность населения стало одним из центральных предметов исследований советского и постсоветского периода развития отечественной науки. При этом акцент авторов на негативном эффекте столь значителен, что в русскоязычной литературе крайне сложно найти примеры работ, в которых были бы представлены значимые аргументы о возможности простого воспроизводства городского населения этнических групп, завершивших демографический переход. В то же время анализ открытых баз данных международных проектов позволяет утверждать, что существуют многочисленные примеры, когда население городов с численностью населения от 50 тысяч человек обеспечивает уровень рождаемости, существенно превышающий таковой в городах России с преимущественным проживанием представителей этнических групп, завершивших демографический переход.

Цель данной статьи – представить отечественному научному сообществу вводный обзор уровня рождаемости в городах стран Европейского союза с численностью населения более 50 тысяч человек и определить, в скольких из них рождаемость приближается или обеспечивает уровень простого воспроизводства поколений.

Источники данных и методика исследования. В отличие от Федеральной службы государственной статистики, Евростат не публикует данные о рождаемости в разрезе «городское население / сельское население». На данный момент территориальная дифференциация осуществляется на основе так называемой Номенклатуры территориальных единиц для целей статистики (NUTS), которая включает несколько уровней агрегации территорий, выделенных исключительно для целей статучета. На самом низовом уровне (NUTS-3) все страны Европейского союза (ЕС) поделены на 1342 региона. Несмотря на то, что существуют различные подходы к классификации соответствующих регионов на преимущественно городские, преимущественно сельские и промежуточные, такое деление не позволяет в полной мере сделать сопоставимыми данные отечественной статистики с данными Евростата. Это связано с тем, что соответствующие регионы, как правило, являются слишком крупными территориальными образованиями с численностью населения

от нескольких сотен тысяч до миллионов человек. При этом в состав регионов с преимущественно городским населением включаются, как правило, сразу несколько населенных пунктов, в том числе сельских (в пропорции до 15,0% от общей численности проживающих).

В то же время именно по регионам NUTS представлена наиболее полная статистическая информация о репродуктивном поведении населения стран ЕС. С целью компенсации подобного недостатка в Евростате реализуется проект Urban audit (далее – проект UA), который призван вести более детальный учет и агрегацию данных (в том числе по вопросам рождаемости) на уровне отдельных городов [4]. Однако, вероятно в связи со сложностью сбора подобного массива информации, открытые данные по городам ЕС являются неполными и не по каждому городу могут быть представлены за каждый год. Методологической основой проекта на данный момент является гармонизированное определение города и прилегающих окрестностей по странам ОЭСР и ЕС, представленное в 2011 г. [5, с. 9]. На основе данного определения выделены около 1000 городов ЕС, Исландии и Норвегии с численностью населения от 50 тысяч человек.

Для построения репрезентативной выборки были агрегированы данные по проекту UA о количестве рожденных детей, общей численности населения и численности женщин в репродуктивных возрастах по 876 городам с численностью населения от 50 тысяч жителей по 26 странам ЕС за период с 2011 по 2015 гг. [6]. Соответствующий период позволил обеспечить максимально широкую представленность городов при сохранении достаточной актуальности полученной информации. Для каждого города были рассчитаны среднегодовая численность и специальный коэффициент рождаемости женского населения в возрасте 15–44 года. Общее количество жителей, проживающих в указанных городах, составило около 187,9 млн человек.

Одной из важных особенностей проекта UA является его внимание к вопросам миграции населения. С целью учета потенциально возможного влияния на рождаемость горожан представителей популяций, еще не завершивших демографический переход, по проекту UA были также агрегированы данные о численности мигрантов, рожденных в странах, не входящих в состав ЕС (как граждан, так и не граждан ЕС), проживавших в 764 городах. При этом данные собирались за аналогичный интервал времени. Таким образом, для указанных городов стал возможным расчет удельного веса мигрантов не из стран ЕС в общей численности городского населения. Общее количество жителей, проживающих в указанных городах, составило около 162,8 млн человек, из которых 17,6 млн чел. были уроженцами стран, не входящих в состав ЕС (таблица 1).

Таблица 1

Количество обследованных городов Европейского союза по странам и численности населения (в скобках указано количество городов, по которым есть данные о численности жителей, рожденных за пределами стран ЕС) [6]

Страны ЕС	Города	В том числе с численностью населения, тыс. чел.:				
		50-99	100-249	250-499	500-999	>1 млн
Великобритания	161 (161)	12 (12)	92 (92)	51 (51)	5 (5)	1 (1)
Германия	122 (122)	46 (46)	50 (50)	13 (13)	9 (9)	4 (4)
Франция	111 (111)	37 (37)	51 (51)	15 (15)	4 (4)	4 (4)
Испания	109 (109)	47 (47)	46 (46)	10 (10)	4 (4)	2 (2)
Италия	73 (0)	28 (0)	33 (0)	6 (0)	4 (0)	2 (0)
Польша	68 (68)	30 (30)	27 (27)	6 (6)	4 (4)	1 (1)
Нидерланды	50 (50)	24 (24)	22 (22)	1 (1)	3 (3)	–
Другие (19 стран)	182 (143)	68 (57)	74 (56)	24 (16)	10 (9)	6 (5)
Итого	876 (764)	292 (253)	395 (344)	126 (112)	43 (38)	20 (17)

В то же время ограничением исследования является то, что численность мигрантов в рамках проекта UA учитывает только мигрантов первого поколения, то есть рожденных за

пределами ЕС. Однако данное ограничение частично сглаживается тем, что рождаемость переселенцев с каждым поколением должна снижаться.

Следует отметить, что в выборку попали только 20 городов с численностью населения более 1 млн человек. Так, формально по Великобритании представлен единственный город-миллионник – Бирмингем. Это связано с тем, что в соответствии с новой многокритериальной территориальной типологией европейских городов и городских агломераций некоторые крупнейшие города Европы рассматриваются как ряд независимых населенных пунктов. К примеру, в составе Лондона отличают внутренний и внешний Лондон (соответственно коды UKI11 и UKI12), при этом только во внутреннем Лондоне выделяется около десятка самостоятельных географических и административных поселений с совершенно различной площадью и численностью населения. В то же время, к примеру, Берлин и Вена рассматриваются как самостоятельные крупные города. В целом по большинству стран Европы учтены практически все крупные городские населенные пункты.

Отдельно следует отметить, что оценка уровня рождаемости осуществлялась на основе специального коэффициента рождаемости для женщин в возрасте 15-44 года. Использование данного коэффициента обусловлено ограниченностью открытых данных для расчета более точного суммарного коэффициента рождаемости. Однако так как данный коэффициент является ни чем иным, как возрастным коэффициентом рождаемости для соответствующей группы, то в расчете на одну женщину он является приемлемой *оценкой* суммарного коэффициента рождаемости.

Результаты исследования. Из 876 проанализированных населенных пунктов в 224 (25,6%) оценка рождаемости показывает значение 1,8 и более ребенка на одну женщину. При этом в 117 (13,4% городов) – два и более ребенка (таблица 2).

Таблица 2

Рождаемость в городах Европейского союза с численностью населения от 50 тысяч жителей, детей на одну женщину в возрасте 15–44 года [6]

Численность населения	Города	В том числе с уровнем рождаемости :					
		менее 1,2	1,2-1,39	1,4-1,59	1,6-1,79	1,8-1,99	более 2
50–99 тыс.	292	44	71	79	47	21	30
100–249 тыс.	395	36	88	96	63	57	55
250–499 тыс.	126	10	21	26	22	24	23
500–999 тыс.	43	-	6	18	10	5	4
Более 1 млн	20	1	3	7	4	-	5
Итого	876	91	189	226	146	107	117

Особенный интерес представляют города в последней колонке таблицы 2. Данные города отличает строгая географическая локализация. Так, из 117 городов 26 стран ЕС, представленных в выборке, 55 находятся на территории Великобритании (47,0%), 54 – на территории Франции (46,2%), 3 города находятся в Бельгии (2,6%), по 2 – в Швеции и Финляндии. Еще один город находится в Испании, однако этот город – Мелилья, крупнейший испанский город на территории Северной Африки, в котором более 30% населения составляют берберы.

Аналогичным образом географически распределены города с рождаемостью 1,8–1,99 ребенка на одну женщину. Так, 87,9% городов находятся на территории Великобритании и Франции и еще 9,8% городов – на территории стран Бенилюкса и Северной Европы (Дания и Скандинавия). В то же время на территории Германии такой город только один, и ни одного на территории восточноевропейских или южноевропейских участниц Евросоюза.

Таким образом, несмотря на то, что формально все страны ЕС завершили демографический переход, их урбанистическая среда и ее влияние на рождаемость существенно различаются. Городская среда многих городов Франции, Англии, стран Бенилюкса и Северной Европы может представить относительно много примеров, когда

население городов с численностью более 50 тысяч жителей приближается к уровню простого воспроизводства и даже достигает его.

Однако остается вопрос, действительно ли в данных государствах удалось создать уникальные городские условия для воспроизводства городского населения или данные города являются лишь местом притяжения более фертильных сообществ, чем жители самих городов?

На основе исходных данных полностью ответ на этот вопрос быть дан не может, тем не менее возможно осветить один из важных ракурсов проблемы. Если акцентировать внимание только на международной миграции, то соответствующие потоки возможно разделить на две группы: из одних стран ЕС в другие и из стран, не состоящих в ЕС, – в страны ЕС. Первая группа миграционных потоков практически полностью представлена миграцией в указанные страны с благоприятной урбанистической средой из регионов с меньшей рождаемостью (Испания, Польша, Венгрия, Румыния, Прибалтика и т.д.). Потому данные потоки не должны увеличивать рождаемость горожан. Наибольший интерес представляют миграционные потоки не из стран ЕС. При этом за исключением стран Прибалтики, где в силу исторических причин до 40,0% населения городов имеют происхождение за границами ЕС, практически полностью данные потоки исходят из Африканского и Ближневосточного регионов (в том числе Турции), где рождаемость выше, чем в странах, играющих роль миграционных центров.

С учетом пояснений, данных в разделе по методологии исследования, становится возможным проанализировать зависимость между долей мигрантов в первом поколении и уровнем рождаемости городского населения. Если предположить, что городская среда всех городов ЕС действительно примерно одинаково понижает рождаемость, а различия объясняются прежде всего долей мигрантов в общей численности населения городов, то можно ожидать линейную зависимость оценки рождаемости от удельного веса мигрантов (рисунок).

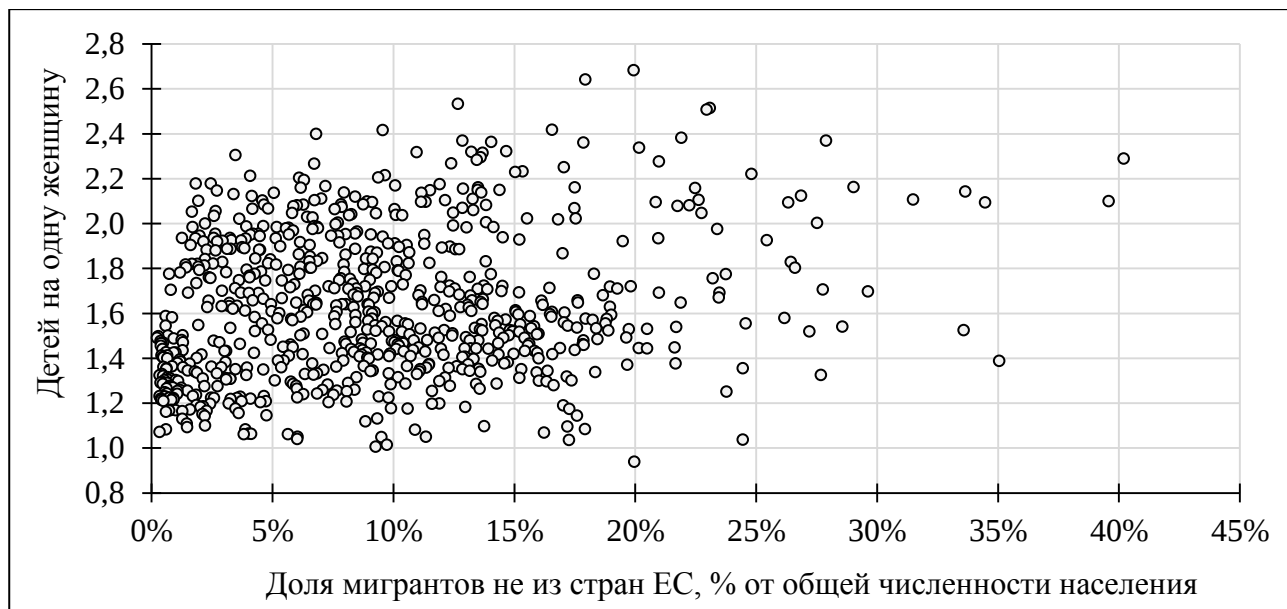

Рис. Доля рожденных не в странах Европейского союза и рождаемость в городах Европейского союза (из анализа исключены Эстония, Латвия и Литва) [6]

Как следует из представленной диаграммы, доля мигрантов в первом поколении действительно может достигать значительной части населения городов (до 40,0%). Однако в большинстве случаев их доля не превышает 15,0% (что характеризует более 80,0% городов выборки), а линейной связи между двумя данными показателями не наблюдается.

Анализ в отдельности по каждой стране показывает, что в большинстве из них связь между показателями отсутствует (в том числе и в Великобритании), либо незначительна и

вклад в рождаемость незначителен. Отдельный комментарий следует дать по Франции. Коэффициент детерминации между двумя признаками при наилучшей (в данном случае линейной) аппроксимации по 111 наблюдениям составил всего 0,34, что является достаточно малой величиной даже без учета других ограничений при построении подобных объяснительных моделей. Однако при исключении всего 5,0% статистических выбросов значение коэффициента сокращается до 0,17.

На основании представленных данных не следует делать вывод о том, что рождаемость мигрантов завышается или что отсутствуют примеры, когда вклад в общие показатели рождаемости соответствующей группы мигрантов являются значительным. Скорее следует сделать вывод, что рождаемость многих во городских сообществах указанных стран является относительно высокой и вклад мигрантов в итоговое значение в большинстве случаев не очень высок. Также следует сделать вывод, что плотность мигрантов крайне неоднородна в различных городах.

Резюме. Представленные данные позволяют утверждать, что в некоторых странах Европейского союза, представленных Великобританией, Францией, странами Бенилюкса и Северной Европы, есть многочисленные примеры, когда рождаемость горожан остается достаточной для полного или почти полного замещения поколений. В то же время, несмотря на относительно большую долю рожденных за пределами ЕС в общей численности городского населения таких стран как Германия, Австрия и Испания – в них практически отсутствуют соответствующие примеры. Таким образом, городская среда указанных групп стран, вероятно, должна значительно различаться. Дальнейшее изучение причин подобных различий может иметь большое значение для корректировки национальной политики повышения рождаемости. Тем не менее в условиях отсутствия приемлемых данных за продолжительный период времени сложно утверждать, являются ли данные города устойчивым или исчезающим, хотя и относительно многочисленным, феноменом.

Также можно утверждать, что отсутствует прямая связь между уровнем рождаемости и долей рожденных за пределами ЕС. Вероятно, данный факт связан с тем, что рождаемость во многих городских сообществах Великобритании, Франции и некоторых других государствах является относительно высокой и вклад мигрантов в итоговое значение рождаемости в большинстве случаев не очень значителен.

© Денисов А.Ю. Текст. 2017

Список источников

1. The Human Fertility Database [Electronic resource] : A joint project of the Max Planck Institute for Demographic Research (MPIDR) in Rostock, Germany and the Vienna Institute of Demography (VID) in Vienna – Mode of access: <http://www.humanfertility.org/>. – Date of access: 24.06.2016.
2. Шнейдерман Н.А. Откровенный разговор. Рождаемость и меры ее регулирования. – М.: Мысль, 1991. – С. 1723.
3. Антонов А.И. Репродуктивное поведение городской семьи и проблемы стимулирования рождаемости : доклад на рабочем заседании I Всесоюзной научной школы по проблемам народонаселения «Управление процессами развития народонаселения в развитом социалистическом обществе» (г. Брест, 27 мая – 2 июня 1979 г.); Государственный комитет СССР по науке и технике [и др.]. – Минск : БелНИИНТИ, 1979. – 18 с.
4. Urban Audit: Metadata / Eurostat – Mode of access [Electronic resource]. URL: http://ec.europa.eu/eurostat/cache/metadata/en/urb_esms.htm. – Date of access: 20.04.2017.
5. Methodological Manual on City Statistics / Eurostat – Mode of access: [Electronic resource]. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/documents/4422005/7435521/Methodological-manual-on-city-statistics.pdf>. – Date of access: 04/20/2017.
6. Urban Audit Open Database / Eurostat – Mode of access [Electronic resource]. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/web/cities/data/database#>. – Date of access: 20.04.2017.

Информация об авторе

Денисов Артур Юрьевич (Республика Беларусь, Минск) – старший научный сотрудник, Государственное учреждение «Белорусский институт системного анализа и информационного сопровождения научно-технической сферы» (пр. Победителей 7, 220004, г. Минск, Республика Беларусь; e-mail: denisovartur@gmail.com)

Denisov A.Y.

URBAN FERTILITY IN EUROPEAN UNION AND ITS SIGNIFICANCE FOR DEMOGRAPHIC POLICY

The population of Russia is characterized by a high level of urbanization and low birth rates (especially in cities with population from 50 thousand people). The article substantiates the thesis that in the countries of the European Union there are numerous examples when the urban environment does not have a significant negative impact on fertility, which may have some significance in the implementation of the national population policy.

Keywords: fertility, natural increase, urban population, European Union, migration

Information about the author

Denisov Artur Yuryevich (Belarus, Minsk) is a senior researcher at the state institution "The Belarusian Institute of System Analysis and Information Support of Scientific and Technical Sphere" (Pobediteley av. 7, 220004, Minsk, Belarus; e-mail: denisovartur@gmail.com)

УДК 930:314

Н.А. Жиров

МИКРОДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КРЕСТЬЯНСКОЙ СМЕРТНОСТИ В ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ПРИХОДА с. ХОТЕТОВО)

Статья посвящена изучению уровня и причин смертности в крестьянской среде Орловской губернии на микродемографическом уровне. В основе работы лежат статистические сведения метрических книг Орловской губернии, хранящихся в Государственном архиве Орловской области. Для изучения был взят типичный населенный пункт Болховского уезда Орловской губернии. Исследование крестьянской смертности имеет важное значение для изучения исторических и географических различий между крупными регионами России.

Ключевые слова: историческая демография, крестьянство, смертность, возрастные группы, заболевания, инфекции, Орловская губерния.

В самом начале XX в. Российская империя находилась на стадии демографического подъема, связанного с бурным ростом жителей государства. У данного явления было много причин, но одной из главных стало снижение смертности населения.

Микродемографический подход в изучении одного из основных демографических показателей – смертности населения – позволяет детально исследовать все аспекты данного явления. Вопрос смертности на уровне отдельных уездов и губернии в целом уже рассматривался, но невозможен детальный анализ причин и возраста умерших [4]. Анализ смертности, выполненный на региональном микроуровне, позволяет рассмотреть общую количественную динамику показателя в абсолютном и относительном измерениях, а также исследовать такие значения, как сезонность смертей, половозрастной состав умерших и т. д.

В нашем исследовании в качестве примера было взят приход с. Хотетово, основное население которого до 1861 г. относилось в подавляющем большинстве к владельческому крестьянству. Сам приход располагался в 3-7 верстах от уездного города Болхова, имел

относительно неплохое транспортное сообщение с уездным центром, вследствие чего местные жители лечились в городской больнице (на это указывают вклеенные в метриках свидетельства о смерти прихожан, находившихся на лечении). Надо предположить, что медицинское обслуживание пригородных населенных пунктов было на порядок выше, чем в отдаленных поселках.

Основным источником по изучению демографических процессов на уровне отдельно взятых приходов являются метрические книги, которые велись приходским духовенством. Раздел о смертности в источнике прихода с. Хотетово сохранился за весь период 1900–1917 гг. включительно, за исключением 1905 г., что способствовало рассмотрению возрастной структуры умерших в приходе, которая была нами поделена на 6 групп – три детские и подростковые и три взрослые.

За период с 1900 по 1917 гг. в с. Хотетово среднее число умерших сократилось с 75 человек в 1900 г. до 43-х в 1917 г. (на 42,6%). Это не было связано со снижением рождаемости, так как число новорожденных уменьшилось за период всего на 18,7%. Таким образом, уменьшение количества умерших могло быть связано только с улучшением медицинского обслуживания населения [5, с. 49]. К сожалению, из-за отсутствия сведений о числе прихожан, обращавшихся и получавших помощь в здравоохранительных учреждениях г. Болхова и его уезда, мы можем это только предполагать.

Приходской коэффициент смертности в 1903 г. составлял 47,1%, на хронологическом отрезке 1913–1916 гг. коэффициент смертности снизился: 1913 г. – 30,5%, 1914 г. – 36%, 1915 г. – 26,6%, 1916 г. – 18%. Причина крылась в снижении младенческой смертности, связанной с падением рождаемости в приходе.

Первая группа умерших была представлена детьми в возрасте до 1 года. Эта категория характеризовала младенческую смертность. Количество умерших в ней не было постоянной величиной. Надо уточнить, что вследствие начавшейся Первой мировой войны, повлиявшей на демографические процессы, в том числе и на картину смертности, изменения в структуре умерших в приходе были разделены на два временных отрезка: 1900–1913 гг. и 1914–1918 гг. Так, в основном, доля младенцев в общей массе умерших колебалась от 31,4% в 1903 г. до 51,2% в 1912 г. В период с 1914 г. процент смертей среди этой категории стал падать. Динамика этого процесса протекала следующим образом: 1914 г. – 33,9%, 1915 г. – 17,8%, 1916 г. – 25,8% и 1917 г. – 18,8%. Связано это было со снижением рождаемости в приходе. Поскольку до 1914 г. доля смертей в этой группе не опускалась ниже 31,4%, а за временной отрезок с 1900 по 1914 гг. она только в 5 раз была ниже 40% от числа всех умерших, то за весь период 1900–1917 гг. в среднем показатель младенческой смертности составил 39,6%. Для представления полной картины смертности в этой категории сельчан приведена таблица 1.

Таблица 1

Младенческая смертность в с. Хотетово в 1900–1917 гг. [3]

Год	Родилось, чел.	Умершие в возрасте до 1 года		
		Кол-во	% от родившихся	% от умерших
1900	92	30	32,6	46,2
1901	83	47	56,6	50,0
1902	99	21	21,2	45,6
1903	79	22	27,8	31,4
1904	93	27	29,0	45,0
1905	87	–	–	–
1906	92	24	26,0	36,9
1907	94	23	24,4	40,4
1908	79	26	33,0	38,2
1909	98	31	31,6	41,3

1910	95	33	34,7	42,3
1911	104	23	22,1	48,9
1912	89	21	23,6	51,2
1913	83	20	24,0	38,5
1914	84	21	25,0	33,9
1915	74	8	10,8	17,8
1916	56	8	14,3	25,8
1917	35	6	17,1	18,8
Итого	1611	391	24,3	39,6

Сведения о половозрастной структуре умерших, а также причинах их смерти, вполне информативны. Доля младенцев в общей массе умерших колебалась от 31,4 до 51,2%. Начиная с 1914 г. количество умерших стало сокращаться: 1914 г. – 33,9%, 1915 г. – 17,8%, 1916 г. – 25,8% и 1917 г. – 18,8%.

Наиболее распространенной причиной летальности была младенческая слабость. Местные священники отличали слабость организма ребенка, явления повышения температуры, сопровождавшегося судорогами. В народе этот симптом называли «младенческой болезнью», «родимчиком». Простая слабость была причиной смерти у 54% умерших детей этого возраста, а «младенческое» – 16% (вместе 70% летальных исходов). На втором месте стоял простой понос – 15,3%. Далее располагались инфекционные заболевания: «кровавый понос» (дизентерия), натуральная оспа, корь, скарлатина, коклюш (вместе 12,9%). Простудные заболевания были менее распространены – 1,8%. Кстати, это серьезно отличает изучаемый приход от более северных территорий страны, где простудные заболевания занимали существенное место [6].

В целом на первом году жизни умирало 24,3% новорожденных. В 1915 г. их доля снизилась до 10,8%. В последующие 1916 и 1917 гг. наблюдался рост числа умерших новорожденных до 17,1%. Снижение младенческой смертности в годы войны стало результатом падения уровня рождаемости в приходе и следствием профилактики детских заболеваний.

Детальная информация о возрастной структуре смертности представлена ниже в таблице 2.

Таблица 2

Динамика умерших по возрастным группам в приходе с. Хотетово (в процентном соотношении), % [3]

Годы	Кол-во умерших	Возрастные группы умерших					
		до 1 года	1-4 лет	5-15 лет	16-44 лет	45-59 лет	60 и старше
1900	65	46,2	20,0	1,5	4,6	12,3	15,4
1901	94	50	31,9	3,2	7,4	2,2	5,3
1902	46	45,6	30,5	4,3	4,3	4,3	11
1903	70	31,4	37,2	10,0	4,3	5,7	11,4
1904	60	45	20,0	–	8,3	8,3	18,4
1905	–	–	–	–	–	–	–
1906	65	36,9	29,3	3,0	7,7	7,7	15,4
1907	57	40,4	28,0	1,8	7,0	8,8	14,0
1908	68	38,2	35,3	1,5	10,3	4,4	10,3
1909	75	41,3	29,3	8,0	6,7	5,3	9,4
1910	78	42,3	23,1	5,1	5,1	10,3	14,1
1911	47	48,9	21,3	10,6	6,4	4,3	8,5
1912	41	51,2	14,7	2,4	12,2	7,3	12,2
1913	52	38,5	34,6	5,8	11,5	3,8	5,8

1914	62	33,9	25,9	6,4	6,4	8,0	19,4
1915	45	17,8	44,5	4,4	8,9	11,1	13,3
1916	31	25,8	29,0	–	19,4	12,9	12,9
1917	32	18,8	34,4	–	12,5	12,5	21,8
<i>Итого</i>	988	39,6	28,7	4,1	8,0	7,1	12,5

Смертность среди детей в возрасте 1–4 лет на протяжении 1900–1917 гг. находилась в пределах от 20 до 37%. Количество умерших детей в возрасте 1–4 лет на протяжении 1900–1917 гг. в среднем за период составило 28,7%. В среднем за изученный период смертность в обеих младших возрастных категориях прихожан составила 68,6%. Исключение составляли 1916 и 1917 гг., когда общая доля умерших детей сократилась до 54,8 и 53,2%.

У детей данного возраста инфекционные болезни стояли на первом месте в причинах смерти: корь – 14,5%, скарлатина – 11,4%, дизентерия – 7%, дифтерия – 1,3%, оспа и коклюш по 0,6% (всего 35,4%). На втором месте была слабость – 21%, а «младенческое» составляло всего 13,3%. На простудные заболевания выходило 14,5%, понос – 13,9%.

Среди детей и подростков 5–15 лет наблюдался самый низкий уровень смертности, исчислявшийся в среднем 4,1%. Из-за низкого количества умиравших колебания смертности протекали в широком диапазоне, выражавшемся в процентном соотношении от 1,5% до 10,6%. Но, несмотря на это, в количественном отношении доля умерших по сравнению с другими возрастными группами была небольшой.

Инфекционные болезни продолжали лидировать: скарлатина – 34,8%, корь – 21,8%, оспа и коклюш по 4,3%, а всего – 65,2% всех летальных случаев. На втором месте находилась простуда – 13%. Далее шли слабость – 8,7%, рахит – 4,3%, водянка – 4,3%.

Динамика смертности в категории лиц трудоспособного, в том числе фертильного возраста (16–44 лет), имела тенденцию в сторону увеличения своей доли умерших в общей структуре количества ушедших из жизни прихожан. Средний уровень смертности в категории прихожан фертильного возраста в 1900–1913 гг. не превышал 8%, а в 1916 и 1917 гг. поднялся до 19,4% и 12,5% соответственно. В большей степени это было связано с сокращением умерших в младших возрастных группах, а не с ростом смертности в своей.

В данной группе прихожан на первом месте находились простудные заболевания, на долю которых приходилось до 35,9% умерших. Чихотка составляла $\frac{1}{4}$ всей летальности в группе. Третье место оставалось за женской причиной смертности – родами и связанными с ними осложнениями (10,3%). Остальные причины смерти не превышали 10%: удушье и водянка – по 7,7% каждая, «внутренняя болезнь» – 5,1%, «удар» – 2,5%. Важны случаи регистрации умерших в городской больнице, что указывало на относительную доступность для крестьян медицинских услуг и общую просвещенность их в данном вопросе. Возможно, это служило и источником грамотности приходских священнослужителей, ставящих относительно достоверные диагнозы.

В возрасте 45–59 лет за период с 1900 по 1914 гг. включительно доля умерших находилась в пределах от 2,2 до 12,3% с преобладанием резких перепадов то в сторону увеличения, то резкого снижения. Чихотка и внутренние болезни делили лидирующие позиции в причинах смерти и занимали по $\frac{1}{4}$ от их общего количества. Удушье, простуда, головные боли и т.д. составляли 15%.

Последняя группа была представлена лицами в возрасте с 60 лет и старше. Смертность в этой группе лиц располагалась в интервале от 8,5 до 15,4%. Рост наблюдался с 1914 по 1917 гг. (19,4 – 21,8%), а в среднем составил 12,5%. Тенденция в сторону увеличения доли стариков в общей картине смертности стала проявляться с 1914 по 1917 гг. Причины этого могут крыться, во-первых, в снижении числа покойников среди детей, а во-вторых, возможно, стала намечаться тенденция роста возраста умерших, характерная для начала XX в., которая применительно к данному приходу проявила себя только в годы Первой мировой войны. В этой возрастной группе традиционное первое место причин смерти было у

«старости» – 64,8%. Второе место принадлежало удушью – 10,8%, внутренним болезням, водянке, простуде и т.д. (менее 10% каждый).

Основные тенденции в развитии уровня и причин смертности в приходах Орловской губернии во многом были аналогичны показателям в приходах других регионов России, в которых в начале XX в. наметилось снижение смертности, но при этом сохранялись традиционные сезонность, половозрастная структура смертей. Это явление говорило о начале демографического перехода от традиционной модели воспроизводства населения к современной. В отличие от северных регионов страны – Олонецкой и Ярославской губерний, где большую роль составляли простудные заболевания, в орловских приходах основными причинами ухода из жизни были детские диагнозы – слабость, понос (дизентерия), инфекционные заболевания, что сближало их с тамбовскими и курскими населенными пунктами [1, с. 102; 2, с. 86].

© Жиров Н.А. Текст. 2017

Список источников

1. Быканов А.Н. Воспроизводство сельского населения Курской губернии в XIX – начале XX в. (по материалам Знаменской церкви с. Колодного Курского уезда). – Москва; Брянск, 1996.
2. Дьячков В.Л., Канищев В.В. Уровни применения демографических коэффициентов. – Москва; Тамбов: Издательский дом ТГУ имени Г.Р. Державина, 2010.
3. Государственный архив Орловской области. (ГАОО). Ф. 101. Оп. 2. Д. 654, 655, 656, 657, 658, 659, 660, 661, 662, 663, 664, 665, 666, 667, 668, 669, 670, 671.
4. Жиров Н.А. Изменения количества смертей крестьянского населения Орловской губернии в начале XX в. // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2012. – Вып. 2 (106). – С. 308–315.
5. Отчет Болховской уездной земской управы о приходе и расходе денежных сумм за 1903 – 1 половину 1904 года. – Орел, 1904.
6. Смирнова С.С. Смертность в Олонецкой губернии в XIX – начале XX вв.: К вопросу о фиксации причин смерти (по материалам метрических книг) // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». Мат-лы VIII конференции АИК. Июнь 2002 г. № 30. – М., 2002. – С. 196–199.

Информация об авторе

Жиров Николай Анатольевич (Россия, Елец) – кандидат исторических наук, доцент, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина (399770, Липецкая обл., г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28; e-mail: zhirov-nikolai@mail.ru)

Zhirov N.A.

THE MICRODEMOGRAPHY ANALYSIS OF PEASANT MORALITY IN ORYOL VILLAGE AT THE BEGINNING OF XX CENTURY (ON THE EXAMPLE OF THE ARRIVAL S. HOTETOVO)

The article is devoted to the study of level and reasons of mortality in peasant environment of the Oryol province on microdemography level. Based lie with statistics registers Oryol province, kept in the State archive of Oryol region. For the study Bolhov typical localities, and counties of Oryol province were taken. The study of peasantry mortality is important for the study of historical and geographical differences between large regions of Russia.

Keywords: historical demography, the peasantry, the mortality, age related groups, diseases, infections, Oryol province

Information about the author

Nikolay A. Zhirov (Russia, Yelets) – PhD (History), Bunin Yelets State University (399770, Lipetsk region, Yelets, Kommunarov St., 28; e-mail: zhirov-nikolai@mail.ru)

ИЗМЕНЕНИЯ В СОЦИАЛЬНОМ СОСТАВЕ УРАЛЬСКИХ ГОРОДОВ ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ ПРОМЫШЛЕННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ КОНЦА 1920–1930-х ГОДОВ

В статье прослеживается динамика изменения социального состава горожан Урала под воздействием промышленной модернизации края конца 1920-х–1930-х гг. Отмечено исчезновение слоя хозяев, использовавших наемный труд. Городское общество стало более однородным и состояло в основном из рабочих и служащих, задействованных в промышленности. Индустриализация способствовала росту числа самостоятельных горожан, включению женщин в общественное производство.

Ключевые слова: историческая демография, городское население Урала, социальный состав, самостоятельное население

В период переписи 1926 г. население СССР делилось на самостоятельное, к которому относились живущие за счет собственного дохода, и несамостоятельное. В материалах переписи 1939 г. в соответствии с источниками средств существования выделяли лица, имеющие занятие; членов семьи, занятых в подсобном сельском хозяйстве; иждивенцев отдельных лиц и нетрудящихся (с семьями).

В годы промышленной модернизации Урала увеличилось количество самостоятельных горожан. За период с переписи 1926 г. до апрельского учета 1931 г., по данным табл. 1, их число выросло в 1,8 раз, а доля в общей массе городских жителей края – с 42,2 до 47,4 % [рассчитано по: 5, с.6].

Таблица 1

Социальный состав городов Урала в 1926 и 1931 гг., чел.*

Годы	Всего самод. населения	В том числе:				
		рабочие	служащие	сельские хозяева	ремеслен. и кустари	торговцы
Всесоюзная перепись 1926 г.	593610	208889	132788	60358	34258	10378
Учет 16 апр. 1931 г.	1046695	567322	313397	5544	5905	156

* Составлено по: Социалистическое строительство Урала за 15 лет (Основные показатели). Свердловск, 1932. С. 6.

В индустриальных центрах и особенно на новостройках союзного значения доля самостоятельных превысила средние показатели по уральским городам и оказалась выше или примерно на уровне доли иждивенцев. По данным апрельского учета 1931 г., она достигла в Свердловске 55,4 %, Перми – 54,5, Молотове – 49,2, Сарапуле – 49,0, Златоусте – 48,8, Надеждинске – 48,2, Чусовой – 48,1 и Лысьве – 47,9 % [рассчитано по: 6, с.313–314]. Перепись населения Магнитогорска, состоявшаяся в январе 1931 г., показала, что удельный вес самостоятельных среди жителей города составил 84,2 % [рассчитано по: 4, л.15–16, 39]. Таким образом, по мере развертывания нового промышленного строительства и осуществления реконструкции старых предприятий обеспечивалась все более полная занятость трудоспособного населения в общественном производстве. Города пополнялись, прежде всего, экономически-самостоятельными мигрантами.

В соответствии с данными табл. 2 в 1939 г. доля лиц, имевших занятия, составила в городах Пермской области 47,3 %, Свердловской – 45 и Челябинской – 41,9 %, что было ниже аналогичных показателей по городам РСФСР (47,9 %) и, за исключением Пермской области, – СССР (46,5 %). Всего же в городах трех уральских областей было сосредоточено

8,9 % самодеятельного городского населения РСФСР и 6 % – СССР [рассчитано по: 1, с.95], что свидетельствовало о бурном индустриальном развитии края в 1930-е гг.

Как и в 1920-е гг., подавлявшее большинство экономически-активных жителей городов Урала составляли мужчины. Но если по переписи 1926 г. их доля среди самодеятельных достигала 68,1 %, апрельскому учету 1931 г. – 69,7 % [рассчитано по: 5, с.6], то по переписи 1939 г. удельный вес мужчин-горожан, имевших занятия, составил в Челябинской области 64,5 %, Свердловской – 60,1 и Пермской – 58,9 % (рассчитано по табл. 2). Показатели по городам Свердловского и Челябинского регионов превышали общероссийский уровень (59,5 %). Снижение доли мужчин среди имевших занятие горожан свидетельствовало об активном включении женщин в общественное производство в годы индустриализации. В итоге в 1939 г., по данным табл. 2, в городах Пермской области на 1000 самодеятельных мужчин приходилось уже 697 экономически-активных женщин, что превышало аналогичный общероссийский уровень (682 женщины); в Свердловской и Челябинской областях – 662 и 550 горожанок, тогда как в Уральской области в 1926 г. их было всего 467, а в апреле 1931 г. – даже 434 [рассчитано по: 5, с.6].

Таблица 2

Распределение городского населения РСФСР, Пермской, Свердловской и Челябинской областей в соответствии с источниками средств существования (по материалам Всесоюзной переписи населения 1939 г.), чел.*

Название региона	Категории населения	Городское население	В том числе по источникам средств существования:			
			лица, имеющие занятие	члены семьи, занятые в подсобном сельском хозяйстве	иждивенцы отдельных лиц	нетрудящ. (с семьями)
РСФСР	Всего	36875233	17647064	788454	16417844	8764
	Мужчины	17477128	10491473	6757	8021511	3648
	Женщины	19398105	7155591	782697	10396333	5116
Пермская область	Всего	827588	391517	28708	359856	153
	Мужчины	390161	230726	95	137786	74
	Женщины	437427	160791	28613	222070	79
Свердловская область	Всего	1503588	676444	68238	694722	342
	Мужчины	703493	406880	264	266273	130
	Женщины	800095	269564	67974	428449	212
Челябинская область	Всего	1182231	495320	77074	560832	295
	Мужчины	562122	319516	443	218299	93
	Женщины	620109	175804	76631	342533	202

* Составлено по: Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. Россия / сост. В.Б. Жиромская. СПб., 1999. С. 200; Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион: сб. мат-лов / сост. В.П. Мотревич. Екатеринбург, 2002. С. 143, 247, 303.

Доля членов семьи, занятых в подсобном сельском хозяйстве, составила в городах Пермской области 3,5 %, Свердловской – 4,5 и Челябинской – 6,5 % от всех жителей, в то время как по РСФСР – 2,1 % (рассчитано по данным табл. 2). Повсеместно подавлявшее большинство их представляли женщины, удельный вес которых среди городского населения с таким источником средств существования был равен в Пермской области 99,7 %, Свердловской – 99,6, Челябинской – 99,4 %, что немного выше среднего уровня в российских городах (99,3 %). Иждивенцы отдельных лиц в Пермской области составляли 43,5 % среди горожан, Свердловской – 46,2, Челябинской – 47,5, а РСФСР – 44,5 %.

Большинство горожан этой группы также представляли женщины. Их доля в Пермской и Свердловской областях доходила до 61,7, Челябинской – 61,1, а РСФСР – до 63,3 %.

В 1939 г. в городах Урала проживали и нетрудящиеся (с семьями). По данным табл. 2, их доля среди горожан трех регионов края, как и в среднем по городам РСФСР, была незначительной – всего 0,02 %. Удельный вес женщин среди них составил в Пермской области 51,6 %, Свердловской – 62, Челябинской – 68,5 %, а в РСФСР – 58,4 %.

В целом, как показала перепись 1939 г., в соответствии с источниками средств существования в городах Пермского региона, как и в РСФСР, преобладали лица, имевшие занятия, а Свердловской и Челябинской областях – иждивенцы отдельных лиц. В городах всех трех уральских регионов, как и Российской Федерации, наиболее существенной была доля мужчин, имевших занятия, а женщин – иждивенцев отдельных лиц.

В течение 1930-х гг. под прямым воздействием индустриализации, обобществления и огосударствления всех сфер советской экономики коренным образом изменился социальный облик уральского города. За период между переписью 1926 г. и апрельским учетом 1931 г., по данным табл. 1, в 67 раз сократилось число торговцев, в 11 раз – сельских хозяев и в 6 раз – ремесленников и кустарей. За указанный период удельный вес этих трех категорий населения среди самостоятельных горожан Уральской области снизился с 17,7 до 1,1 %.

В материалах переписи 1939 г. уже отсутствует категория «хозяева с наемными рабочими». Вместо понятий «хозяева, работающие только с членами семьи» и «хозяева-одиночки» появились «некооперированные кустари» и «крестьяне-единоличники». Но данные табл. 3 свидетельствуют, что доля этих общественных групп в общей массе горожан Урала, имевших занятия, была невелика. Удельный вес некооперированных кустарей не выходил за рамки 0,4 (Пермская область) – 0,7 (Свердловская область) %, а крестьян-единоличников – 0,1 (Пермская область) – 0,2 (Свердловская и Челябинская области) %, что было примерно на уровне аналогичных общероссийских (соответственно – 0,5–0,2 %) и общесоюзных (0,6–0,3 % [рассчитано по: 1, с.95]) показателей. Основными занятиями некооперированных кустарей были текстильное и швейное, сапожное и башмачное дело, работы, связанные с оказанием услуг населению, а также промыслы (звероводство, рыболовство и рыбоводство). Подавляющее большинство крестьян-единоличников указало в качестве своего занятия сельское хозяйство, но без обозначения конкретной специальности. Только незначительная часть их определила себя как садовников и огородников.

Таблица 3

Социальный состав городского населения РСФСР, Пермской, Свердловской и Челябинской областей (по данным Всесоюзной переписи населения 1939 г.), в %*

Название региона	Лица, имеющие занятия	В том числе:					
		рабочие	служащие	колхозники	коопер. кустари	некооп. кустари	единоличн.
РСФСР	100	59,8	32,7	3,2	3,6	0,5	0,2
Пермская область	100	66,2	28,6	3,1	1,6	0,4	0,1
Свердловск. Область	100	63,3	30,6	3,2	2,0	0,7	0,2
Челябинск. Область	100	65,9	28,5	3,0	1,8	0,6	0,2

* Составлено и рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. Россия. С. 197; Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион. С. 142, 246, 301.

В конце 1930-х гг. большая часть бывших самостоятельных хозяев была связана с кооперацией, но их также было немного. По данным табл. 3, их доля среди экономически-активных горожан колебалась в рамках 1,6 (Пермская область) – 2 (Свердловская область) %, что было гораздо ниже аналогичных показателей по РСФСР (3,6 %) и СССР (3,7 %

[рассчитано по: 1, с.95]). Кооперированные кустари, проживавшие в уральских городах, были задействованы в основном в производственной сфере. Они занимались, прежде всего, швейным (39 % кооперированных кустарей-горожан Урала) и обувным (в городах Пермской области – 35 % кооперированных кустарей, Челябинской – 30 и Свердловской – 29 %) делом [рассчитано по: 3, с.150–158, 254–262, 309–317]. Среди них было особенно много портных и швей, сапожников и башмачников. Помимо производства незначительная часть представителей этой общественной группы занималась рыболовством и рыбоводством, охотой и звероводством, лесозаготовками и лесосплавом.

В 1939 г. в составе городского населения Урала были и колхозники, а в 1926 и 1931 гг. существовала социальная группа «сельские хозяева», имевшая тенденцию к сокращению (см. табл. 1). На окраинах городов располагались колхозы, специализировавшиеся на производстве овощей и молочной продукции для нужд их жителей. По данным табл. 3, удельный вес колхозников среди горожан, имевших занятия, был небольшой – 3–3,2 %, что приближалось к общероссийскому (3,2 %), но было ниже общесоюзного (4,4 % [рассчитано по: 1, с.95]) уровня.

Большинство населения уральских городов составляли рабочие и служащие. Бурное индустриальное развитие региона в течение 1930-х гг. привело к значительному росту численности рабочих. За период между переписью 1926 г. и апрельским учетом 1931 г., по данным табл. 1, их число увеличилось в 2,7 раза, а удельный вес среди самостоятельных поднялся с 35,2 до 54,2 %. В 1939 г., по данным табл. 3, рабочие составили среди горожан Пермской области, имевших занятие, 66,2 %, Челябинской – 65,9 и Свердловской – 63,3 %, что превзошло общероссийский (59,8 %) и общесоюзный (58,5 % [рассчитано по: 1, с.95]) уровни. В конце 1930-х гг. почти треть экономически-активных горожан Урала была представлена служащими – от 28,5 % в Челябинской области до 30,6 % в Свердловской, что уступало аналогичным показателям по городам РСФСР (32,7 %) и СССР (32,5 % [рассчитано по: 1, с.95]). Вместе с тем удельный вес служащих среди самостоятельного населения городов региона, в отличие от остальных социальных групп, увеличился незначительно, по сравнению с предыдущей переписью: в 1926 г. он был равен 24,8 %, в апреле 1931 г. этот показатель возрос до 29,9 % (см. табл. 1).

Всесоюзная перепись 1939 г. показала, что основная масса горожан, имевших занятие, была задействована в промышленности: в Пермской области – 50,6 % их, Свердловской – 46,7 и Челябинской – 46 %. В остальных отраслях народного хозяйства доля самостоятельных горожан была существенно ниже. В строительстве она составила соответственно – 7,7, 8,9 и 9,3 %; торговле, заготовках и общественном питании – 7,2, 8,4 и 8,8 %; на транспорте и в связи – 6,3, 6,9 и 9,7 %; просвещении, науке, искусстве и печати – 5,6, 6,2 и 5,5 %; лесном хозяйстве – 5,4, 4,7 и 2,1 %; здравоохранении – 4,3, 4,4 и 4,1 %; государственных учреждениях, партийных и общественных организациях – 3,6, 4,1 и 4,2; жилищно-коммунальном хозяйстве – 2,9, 2,7 и 2,7 и сельском хозяйстве – 2,8, 3,4 и 4,2 % [рассчитано по: 3, с.144, 249, 302].

Как и в 1920-е гг., в уральских городах были отрасли с преимущественно мужским и преимущественно женским трудом. Итоги переписи 1939 г. показывают, что в промышленности на 1000 мужчин-горожан приходилось в Пермской области 645 горожанок, Свердловской – 563, Челябинской – 460; строительстве соответственно – 298, 319, 251; на транспорте и в связи – 488, 528, 392; в лесном хозяйстве – 221, 233, 156; сельском хозяйстве – 643, 652, 466; государственных учреждениях, партийных и общественных организациях – 560, 604, 503. Вместе с тем в ряде отраслей народного хозяйства Урала женский труд наоборот, преобладал над мужским. В просвещении, науке, искусстве и печати на 1000 мужчин-горожан приходилось в Пермской области 1827 горожанок, Свердловской – 1713, Челябинской – 1699; а в здравоохранении соответственно – 4696, 4326, 3927. В двух сферах народного хозяйства разрыв между полами был не столь разительным: в торговле, заготовках и общественном питании (1177, 1157, 977 женщин на 1000 мужчин) и жилищно-

коммунальном хозяйстве (соответственно – 1246, 1190, 1078) [рассчитано по: 3, с.144, 249, 302].

Таким образом, промышленная модернизация Урала конца 1920-х1930-х гг. оказала существенное влияние на социальный состав городского населения региона. Социальный процесс, характерный для города в условиях рыночного хозяйства со всеми присущими ему элементами, был прерван, внутреннее разнообразие общества оказалось ограниченным. Подавлявшее большинство горожан представляли рабочие и служащие, которые были задействованы в промышленности. Индустриализация способствовала росту числа самостоятельных горожан, включению женщин в общественное производство.

© Журавлева В.А. Текст. 2017

Список источников

1. Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги / под ред. Ю.А. Полякова. М.: Наука, 1992. 256 с.
2. Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. Россия / сост. В.Б. Жиромская. СПб.: Русско-Балтийский информац. центр БЛИЦ, 1999. 205 с.
3. Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион: сб. мат-лов / сост. В.П. Мотревич. Екатеринбург: Изд-во гуманитарного ун-та, 2002. 372 с.
4. Муниципальное городское учреждение «Магнитогорский городской архив». Ф. 16. Оп. 1. Д. 7.
5. Социалистическое строительство Урала за 15 лет (Основные показатели). Свердловск: Изд. УралоблУНХУ, 1932. 61 с.
6. Уральское хозяйство в цифрах. 1931–1932 гг. Свердловск: Изд. УралУНХУ, 1933. 388 с.

Информация об авторе

Журавлева Вера Анатольевна (Россия, г. Златоуст) – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры социально-правовых и гуманитарных наук филиала Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета) в г. Златоусте (456209, г. Златоуст Челябинской области, ул. Тургенева, 16; e-mail: zhuravlvera@yandex.ru)

Zhuravleva Vera A.

CHANGES IN THE SOCIAL COMPOSITION OF THE URAL CITIES UNDER THE INFLUENCE OF INDUSTRIAL UPGRADING THE LATE 1920s–1930s

In the article can be traced dynamics of changes in the social composition of the townspeople of the Urals under the influence of industrial modernization edge in end of the 1920s-1930s. Was noted the disappearance of layer of owners who was used hired labor. Urban society became more homogeneous and consisted mainly of workers and employees involved in the industry. Industrialization boosted the number of employed the townspeople and contributed the inclusion of women in social production.

Key words: historical demography, the urban population of the Ural, social composition, economically active persons

Information about the author

Zhuravleva Vera A. (Russia, Zlatoust) – Doctor of Historical Science, Associate Professor, Professor of the Socio-Legal Sciences and Humanities Department, The Zlatoust branch of South Ural State University (national research university) (16, Turgenev's Street, Zlatoust, Chelyabinsk region, 456209. Russia; e-mail: zhuravlvera@yandex.ru)

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИЯ НА РАЗНЫХ УРОВНЯХ УПРАВЛЕНИЯ В ЗДРАВООХРАНЕНИИ

В статье предложено авторское рассмотрение категории «здоровье», влияние на него различных факторов, в том числе поведенческих. Рассмотрены вопросы здоровьесбережения с точки зрения как индивидуума и населения, так и на разных уровнях управления в здравоохранении. Показано влияние на демографические показатели усиления государственной поддержки системы здравоохранения и эффективной работы медицинских организаций. Предложен комплекс мер, направленных на улучшение здоровья населения.

Ключевые слова здоровье, здоровьесбережение, здравоохранение, демографические показатели, социально-экономические аспекты

Исследование проблем здоровьесбережения требует рассмотрения отношения к здоровью самого человека, реализации государственной политики по сохранению здоровья населения, деятельности системы здравоохранения.

Категория «здоровье» не может быть определена однозначно. Решетников А.В. пишет: «Еще в IV веке до н.э. Аристотель - известный древнегреческий философ, врач по образованию, отмечал терминологическую неоднозначность здоровья: «человек может быть здоровым в целом и здоровым одной из частей своего организма». Согласно формулировке ВОЗ под здоровьем понимается состояние полного благополучия человека, связанное с его плодотворным участием в различных видах деятельности. В экономическом аспекте здоровье – это результат труда услугопроизводящей деятельности в здравоохранении» [5].

Я предлагаю рассматривать определение категории «здоровье» как многокомпонентной величины, основными составляющими которой являются[2]:

1. Естественнo-биологический компонент - отражает уровень здоровья с точки зрения равновесия физиологического, психического состояния организма и действующими на него внешними факторами (природно-климатическими, экологическими, социальными, экономическими, условиями труда и т.д.), морфофункциональными возможностями организма изменять это равновесие в положительную сторону, а также воспроизводить потомство.

2. Нравственнo-социальный компонент - характеризует здоровье как потенциал для интеллектуального, нравственного, духовного развития личности, а в масштабах общества – качественного человеческого капитала, обусловлен взаимодействием вектора социальной ответственности государства и поведенческими особенностями индивидуума (образ жизни, занятия спортом, профилактика заболеваний и т.д.).

3. Экономический компонент определяет «рентабельность» здоровья как трудового ресурса и элемента экономики, зависимость экономической эффективности его использования от адекватной величины затрат на здравоохранение и организации медицинской помощи с целью сохранения и улучшения трудового потенциала населения.

Комбинации разных компонентов формируют ту или иную модель здоровья. «Идеальная» модель здоровья представляет собой гармонию физиологического, психического состояния организма и духовного, нравственного, интеллектуального уровня индивидуума, является резервом качественного трудового потенциала населения, а также его здорового воспроизводства, рентабельным экономическим ресурсом в экономике государства[2].

На *первый компонент* в большей степени влияет воздействие внешних факторов, что приводит к положительным или отрицательным изменениям здоровья. Благоприятные

внешние условия способствуют увеличению продолжительности жизни человека, возможности воспроизводить потомство.

Примерами неблагоприятных внешних условий являются плохая экология, или работа на производстве во вредных условиях, нарушение техники безопасности на производстве, что приводит соответственно к рискам развития хронических, профессиональных заболеваний, производственного травматизма. Травмы приводят к ощутимым социально-экономическим потерям общества, которые можно выразить в тысячах человеко-лет несостоявшейся трудовой деятельности [1].

Состояние *второго компонента* во многом зависит непосредственно от внутренних факторов, немаловажное значение для здоровья индивидуума имеют образ жизни, в т. ч. уровень доходов, образование, культура, проведение досуга и др.

На некоторые из них человек не всегда может повлиять, например, на снижение уровня доходов, что отрицательно сказывается на состоянии здоровья. Потеря работы на фоне стресса и другие отрицательные социально-экономические аспекты могут привести к развитию туберкулеза, психических и других заболеваний и т.д.

В то же время большинство факторов, влияющих на здоровье, зависят от поведенческих особенностей самого человека, в т.ч. от наличия вредных привычек, питания, отношения к занятиям спортом, профилактике заболеваний и др.

По данным Всемирной организации здравоохранения «Факторы, влияющие на здоровье:

- образ жизни (50–55 %);
- генетика (15–20 %), как правило, в возрасте до 3–6 лет выявляются генетические нарушения у 90% детей;
- состояние здравоохранения (10–15 %);
- состояние окружающей среды (20–25 % в городе, а может быть 100 %, если человек живет в парковой зоне, экологически чистом районе, у него есть личный врач и пр.)» [7].

Третий компонент значительно влияет на благосостояние общества и экономический рост государства. Целенаправленное воздействие на здоровье как со стороны государства, так и самого индивидуума, определяет рентабельность здоровья в масштабах общества как трудового ресурса и элемента экономики.

Данный компонент предполагает также расходы государства не только с целью получения дохода - на поддержание здоровья социально незащищенных групп – дети, пенсионеры, инвалиды.

Расходы государства на поддержание здоровья социально незащищенных групп способствует получению экономического эффекта долговременного характера (вложение средств в профилактику инвалидности – снижение числа инвалидов, перевод части из них в более легкую группу; меры по повышению рождаемости – прирост в дальнейшем трудового потенциала населения и т.д.).

Обратной стороной здоровья является болезнь, т.е. состояние дисбаланса. Потери трудового потенциала населения в результате заболеваемости, инвалидности, смертности являются в государственном масштабе экономическими.

В условиях старения населения в России (по международным стандартам население считается старым, если пожилых более 7%, у нас в стране -13,7%), рождаемости на уровне европейских стран, исследователи в области демографии озабочены прогнозируемым отрицательным приростом населения. Целесообразно рассмотреть влияние на демографическую ситуацию в стране как мер государственной поддержки на макроуровне, так и активной позиции медицинского сообщества в деле здоровьесбережения нации на мезо- и микроуровнях.

Для повышения эффективности деятельности системы здравоохранения с целью сохранения трудового потенциала населения требуется финансирование, позволяющее восполнить затраты на оказание медицинской помощи населению.

В условиях «хронического» недофинансирования отрасли, начиная с 90-х годов прошлого века, принятие решения на высшем государственном уровне в 2005 году по реализации приоритетных национальных проектов было своевременным шагом, в том числе по улучшению состояния здоровья населения страны, снижению смертности и повышению рождаемости [3]. *Приоритетные национальные проекты способствуют модернизации страны и переходу к новому качеству жизни населения.*

Реализация программ приоритетного национального проекта «Здоровье» и региональных программ модернизации здравоохранения позволила частично обновить инфраструктуру отрасли, переоснастить медицинские организации, создать условия для внедрения единых порядков и стандартов оказания медицинской помощи, повысить оплату труда медиков и престиж их профессии, стала важным вкладом в здоровьесбережение нации. В результате начавшегося реформирования системы здравоохранения достигнуты медико-демографические показатели, способствующие сохранению человеческого потенциала страны. Результаты были получены уже в 2006 году, например: *расходы на оплату временной нетрудоспособности у граждан, прошедших диспансеризацию, в 4 кв. 2006 года по сравнению с 3 кв. 2006 года снизились на 3,5%.*

В Резолюции Первого Национального съезда врачей РФ Москва от 5 октября 2012 года подведены итоги шести лет реализации национального проекта «Здоровье»: «Только за 6 лет продолжительность жизни россиян увеличилась на 4 года, общая смертность снизилась на 16,1%, младенческая смертность – на 32,7%, смертность от болезней системы кровообращения – на 17,1%, от инсультов – на 28,4%, от туберкулеза – на 36,9%, от внешних причин – на 36,8%, в том числе от острых отравлений алкоголем – на 60,1%, транспортных травм – на 26,3%, убийств – на 53,0%, суицидов – на 32,3%» [4].

Улучшение демографических показателей повышает «рентабельность» здоровья населения для экономики страны в результате снижения потерь из-за заболеваемости, инвалидности, смертности, прироста валового внутреннего продукта страны.

В 2017 году несколько депутатов Государственной думы РФ выступили с предложением отменить выплату материнского капитала, заменив ее некими ежемесячными пособиями, ссылаясь на то, что материнский капитал себя не оправдал, а программа оказалась неэффективной. Один из разработчиков данной программы О.Шарапова доказывает обратное: «Согласно экспертной оценке вклад материнского капитала в изменение демографической ситуации оценивается на уровне 60%. Увеличение ежемесячных пособий – нужная и позитивная мера, но крайне важно, чтобы это не делалось за счет материнского капитала. Его стоит рассматривать как один из элементов целостной демографической политики государства, в рамках которой нужно продумывать и внедрять разные меры поддержки материнства и детства» [6].

Таким образом, усиление мер государственной поддержки приводит в дальнейшем к улучшению медико-демографических показателей.

Не менее важно с точки зрения здоровьесбережения нации повышать эффективность деятельности организаций системы здравоохранения для своевременного выявления заболеваний, повышения доступности и качества медицинской помощи с использованием современных методов диагностики и лечения.

Возможности улучшения демографических показателей в результате эффективной деятельности организаций здравоохранения целесообразно рассмотреть на примере внедрения высокотехнологичных методов лечения в ГБУ Свердловской области «Уральский научно-исследовательский институт дерматовенерологии и иммунопатологии», способствующих снижению заболеваемости у мужчин заболевания предстательной железы и развития бесплодия.

По данным Центра планирования семьи для лечения бесплодных пар в 2008 году было выделено государством по 100 000 рублей для 500 пар, в 2009 году было выделено государством по 100 000 рублей для 1000 пар.

В результате внедрения инновационной методики лечения озоном неосложненного и осложненного течения негонеонкоккового уретрита у мужчин не развиваются заболевания предстательной железы, у данного контингента пациентов не будет бесплодия. Проведенные расчеты показывают очень высокие экономические результаты от внедрения данной методики: экономический эффект от 47 млн.рублей в 2008 году до 95,8 млн.рублей в 2009 году; экономическая эффективность 15,7 – 23, т.е. на каждый вложенный 1 рубль – отдача 15,7 - 23 рубля. Своевременное обследование и высокотехнологичное лечение пациентов способствует достижению медицинской, социальной и экономической эффективности, позволяет улучшить показатели здоровья мужчин трудоспособного возраста, демографические показатели населения, значительно экономить государственные средства.

Таким образом, социально-экономические аспекты здоровьесбережения нации необходимо рассматривать комплексно:

1. С точки зрения модели поведения индивидов, способствующей ответственному отношению к своему здоровью.
2. На макроуровне требуется повышение уровня государственного финансирования отрасли с учетом мировых тенденций – не менее 6-7% ВВП для возможности оказания качественной современной медицинской помощи населению.
3. Эффективность деятельности организаций здравоохранения на мезо- и микроуровнях должна оцениваться с учетом внедрения инновационных технологий, способствующих улучшению демографических показателей, сохранению трудового потенциала населения.

© Кривенко Н.В. Текст. 2017

Благодарность

Статья выполнена в соответствии с планом НИР ИЭ УрО РАН. Номер темы в ИСГЗ ФАНО №0404-2015-0020.

Список источников

1. Бушуева Г.А. Оценка величины экономического ущерба, вызванного неблагоприятным состоянием здоровья населения промышленного города/ Экономика здравоохранения. – 2003.- №1. С.16-17.
2. Кривенко Н.В. Теоретико-методологические подходы к управлению изменениями в организациях здравоохранения как открытых социально-экономических системах. /Дисс. на соискание уч. степ. д.э.н. –Екатеринбург- 2016г.-326с.-С.101-102.
3. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 14 ноября 2005 г. № 1926-р "По утверждению плана подготовки первоочередных актов по реализации приоритетных национальных проектов, решения по которым необходимо принять в 2005 году и в I квартале 2006 г."
4. Резолюция Первого Национального съезда врачей РФ Москва. 5 октября 2012 года // Здравоохранение. Журнал рабочих ситуаций главного врача / М.: МЦФЭР. – 2012. – № 11. С.1.
5. Экономика здравоохранения. - 2-е изд./ Под ред. А.В.Решетникова. – М.: ГЭОТАР- Медиа, 2010. – 272с. С.36.
6. Эффект ощутим, отмена опасна: нужно ли ликвидировать программу материнского капитала. // Аргументы недели.– 2017. – № 13(555).
7. Suhrcke Metal. Экономический ущерб от плохого здоровья: ситуация в Европейском регионе. - 2008 // Здравоохранение. Журнал рабочих ситуаций главного врача / М.: МЦФЭР. – 2014. – № 4. – С.5.

Информация об авторе

Кривенко Наталья Васильевна - Россия, Екатеринбург, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономики, Уральского отделения Российской академии наук. Эл.адрес: nvkrivenko@yandex.ru, Моб.тел.: 8-904-985-38-33

Krivenko N.V.

SOCIO-ECONOMIC ASPECTS OF HEALTH CARE AT DIFFERENT LEVELS OF MANAGEMENT IN HEALTHCARE

The article offers the author's application of "health", the influence of various factors, including behavioral. Considers the issues of health care from the point of view of the individual and of the population, and at different levels of management in healthcare. Shows the impact on demographic indicators of the state support of the health system and the efficient operation of medical organizations. The complex of measures aimed at improving the health of the population.

Keywords health, health care, health care, demographic indicators, socio-economic aspects

Information about the author

Krivenko Natalya Vasilyevna, Russia, Yekaterinburg, doctor of economic Sciences, leading researcher. Federal state budgetary institution of science Institute of Economics, Ural branch of the Russian Academy of Sciences, El.address: nvkrivenko@yandex.ru, Mob.tel.: 8-904-985-38-33

УДК 94(470.5) «1941/1945»

Н.Н. Мельников

ДЕФИЦИТ РАБОЧЕЙ СИЛЫ НА ЗАВОДАХ ТАНКОВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Материалы статьи раскрывают глубину дефицита кадров на предприятиях танковой промышленности Советского Союза в годы Великой Отечественной войны. Проанализированы данные по запланированному и фактическому контингенту танкостроительных заводов.

Ключевые слова: рабочие, инженерно-технические работники, танковая промышленность, кадровый дефицит.

В годы Великой Отечественной войны советская промышленность столкнулась с проблемой острой нехватки рабочих рук и инженерно-технических работников. В сложившейся иерархии промышленных отраслей в относительно благополучном положении находились военные и приравненные к ним предприятия. Они обеспечивались работниками в первую очередь. Благодаря таким мерам советские танковые заводы не испытывали острого дефицита рабочих кадров, в отличие от предприятий невоенного сектора. Такого положения, как, например, в кирпичной промышленности Свердловской области или на Государственном подшипниковом заводе № 6, где не хватало более половины кадрового состава предприятий, в танковой промышленности не было. В то же время напряженным положение оставалось вплоть до конца войны.

По мнению А.А. Антуфьева, в промышленности Урала благодаря широким масштабам принудительного набора рабочей силы ее дефицита вообще не существовало, а имела место лишь проблема недостатка квалифицированных рабочих кадров (см. табл. 1). В военные годы все основные предприятия Наркомата танковой промышленности (НКТП) были сосредоточены на Урале. Поэтому развитие уральского танкостроения носило определяющий характер для всей отрасли. А.А. Антуфьев утверждает, что уральские

машиностроительные предприятия (среди которых основными были предприятия танкостроения) «в основном не испытывали существенного недостатка рабочей силы» [1, с. 235–236].

Таблица 1

Изменение обеспеченности рабочей силой предприятий танковой промышленности Урала в 1940–1945 гг., % к плану*

Завод	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Кировский (ЧТЗ)	99,3	110,3	98,7	100,9	89,7	95,1
УЗТМ	100,4	98,0	98,2	98,3	99,2	97,9
УТЗ № 183	88,7	96,2	87,4	99,5	93,7	98,8
Уралтурбозавод (завод № 76)	-	214,9	75,7	100,9	93,5	96,6

*Составлено по: [1, с. 235].

По данным исследователя, все военные годы относительно небольшой дефицит рабочей силы заводов присутствовал практически постоянно, не считая отдельных отклонений. Недостаток работников, если брать только количественную составляющую, существовал на уровне нескольких процентов. Эти цифры А.А. Антуфьева не всегда подтверждаются другими источниками. Впрочем, статистика заводов и Наркомата танковой промышленности тоже часто не согласуется между собой. Необходимо иметь в виду, что данные могут разниться в силу объективных причин: в одних случаях использовалось среднесписочное количество работников предприятий в течение года, в других – состав контингента на определенную дату. Именно этим можно объяснить незначительные расхождения в данных таблиц 1, 2 и 3.

Таблица 2

Численность работающих по заводам НКТП*, чел.

Заводы и главки	1942 г.			1943 г.			1944 г.		
	Всего	В том числе:		Всего	В том числе:		Всего	В том числе:	
		Рабочие	ИТР		Рабочие	ИТР		Рабочие	ИТР
Всего по НКТП	218129	153772	25661	226346	157676	26494	243805	169772	29919
В том числе:									
Кировский	45186	33064	5524	49088	35418	5697	49196	35500	5606
УЗТМ	30858	20573	3720	31651	21550	3883	23803	15866	2961
Завод № 183	29060	20970	2913	31536	22288	3608	29835	20166	3611
Завод № 112	22364	15607	2623	22679	15821	2629	21465	15580	2747
Завод № 174	12651	8772	1758	13556	9839	1600	13200	9651	1606
Завод № 75	-	-	-	1350	895	174	12544	5590	1833
Завод № 50	-	-	-	1983	1446	276	7350	5788	1014
Сталинградский тракторный	15464	11624	1800	3444	2236	433	10878	765	1463
Кировский (Ленинград)	7209	5294	847	4457	3215	479	7452	539	870
Завод № 100	891	577	205	1381	814	380	1619	993	457
II Главное управление	11608	7810	1668	20571	14251	2811	21883	1555	2969

III Главное управление	30106	20734	2961	29862	19567	2821	39157	2688	4079
Главное управление ремонта танков	3758	2522	485	4966	3251	558	4390	3323	493

*Составлено по: РГАЭ. Ф. 8752. Оп. 4. Д. 728. Л. 105.

Таблица 3

Насыщенность инженерно-техническими работниками по отдельным заводам НКТП*

Заводы	На 1 января 1944 г.			На 1 января 1945 г.		
	Рабочие	ИТР	ИТР к рабочим в %	Рабочие	ИТР	ИТР к рабочим в %
Кировский	35760	5728	16	35311	5698	16,1
№ 183	21645	3618	16,7	20066	3593	17,9
УЗТМ	16208	3044	18,8	15611	2856	18,3
№ 112	15192	2690	17,7	14799	2731	18,4
№ 174	9976	1593	15,9	9505	1577	16,6
№ 75+38	9333	1679	17,9	9185	2012	21,2
№ 50	5697	1100	19,3	5295	963	18,1
Кировский (Ленинград)	3300	455	13,8	6861	1231	17,9
№ 100	892	435	48,5	878	421	47,9
СТЗ	5309	1098	20,7	8389	1775	21,1
№ 76	5633	1032	18,3	5267	1031	19,6
№ 77	6346	1280	20,1	6228	1253	20,1
№ 200	3908	642	16,4	3888	617	15,9
Ижорский	871	119	13,7	3083	533	17,3
Мариупольский	6580	883	13,8	7426	1252	16,8
Всего	168350	28756	17,0	173180	30851	17,8

*Составлено по: РГАЭ. Ф. 8752. Оп. 4. Д. 497. Л. 2.

Однако есть основания полагать, что ни заводская, ни наркоматовская статистика не отражают всей полноты кадрового дефицита на танковых предприятиях военных лет. В нашем распоряжении есть комплекс данных по агрегатному заводу № 50 НКТП в Свердловске, позволяющий объяснить расхождения в статистике разных источников и поставить под сомнение данные по кадровому дефициту во всей системе НКТП.

По данным рукописи по истории Свердловского агрегатного завода, среднесписочное количество всего персонала предприятия было ниже плана в 1943 г. на 8,8%, в 1944 г. – на 7,7%, в 1945 г. – на 5,2%. Но сразу же оговоримся, что это дефицит всего персонала на заводе, включая служащих. Если брать только рабочий контингент, то уровень будет несколько иной: 7,4; 3,1 и 4,4% соответственно¹. Вроде бы дефицит небольшой, и в целом он укладывался в тренд, существовавший на других танкостроительных заводах. Но эти показатели дают некое усредненное положение на заводе в течение длительного периода

¹ Ордена Трудового Красного Знамени завод № 50 Министерства трансмаша. Материалы по истории развития танкового производства в период Великой Отечественной войны. Рукопись. 1946. Л. 68 // Материалы музея завода Уралтрансмаш].

(года) исходя из планов, установленных Наркоматом. Более детальную информацию можно найти в обращении директора завода И.И. Лисина в НКТП и Свердловский обком ВКП(б) в начале октября 1944 г. Эти данные рисуют совершенно иную картину нехватки кадров. На 1 октября 1944 г. на заводе имелось 5210 человек при плане 5812. Это само по себе дает нехватку кадров более 10%. Но в реальности ситуация была гораздо хуже, поскольку заводу необходимо было вводить дополнительные выходные для своих работников, что по расчетам И.И. Лисина автоматически увеличивало потребность в рабочей силе до 6197 человек. Следовательно, дефицит увеличивался уже до 16%. А в целом по заводу, исходя из потребностей отдельных цехов и служб, дефицит, по подсчетам дирекции предприятия, доходил почти до 22%¹. С одной стороны, налицо достаточно глубокий дефицит кадров, а с другой – серьезные противоречия между данными различных источников.

Решить противоречия между «дефицитами» рукописи по истории завода и обращением директора можно, если обратиться к данным Наркомата танковой промышленности. В течение I квартала 1945 г. мы видим те же фактические показатели наличия рабочих – 5210 человек. Но план при этом был обозначен на уровне 5400 человек. Значит, исходя из данных НКТП, дефицит рабочих кадров в начале 1945 г. (то есть периода, близкого к октябрю 1944 г.) составлял всего 3,5%². Это как раз находится в рамках показателей 1944 и 1945 гг., которые приводятся в рукописи по истории завода (3,1 и 4,4% соответственно). В этой ситуации мы вынуждены констатировать, что имеются все основания не доверять наркоматовской статистике. Кадровый дефицит на танковых заводах в действительности был гораздо глубже. Но удовлетворить его полностью были не в состоянии ни сами заводы, ни Наркомат.

Поэтому, когда мы говорим о конкретных цифрах кадрового «голода» на танковых заводах, необходимо учитывать разницу между плановыми показателями, установленными сверху (в нашем случае Наркоматом), и реальной потребностью предприятий в течение тех или иных временных рамок. В реалиях советской системы управления первые цифры всегда будут ниже вторых. Танковые заводы практически весь военный период постоянно испытывали две параллельные проблемы: общая низкая квалификация кадров и их низкая работоспособность в силу недостатка питания и отсутствия полноценного отдыха. Учитывая этот факт, стремление заводов повысить план по кадрам становится абсолютно понятным. Предприятия пытались увеличить свое производство, в том числе за счет роста количества работников.

© Мельников Н.Н. Текст. 2017

Благодарность

Работа выполнена по Программе фундаментальных исследований «Урал в социальных трансформациях России XX века: специфика и идентичность исторического процесса».

Список источников

1. Антуфьев А.А. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. – Екатеринбург, 1992. – 339 с.

Информация об авторе

Мельников Никита Николаевич (Россия, Екатеринбург) – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН (620990, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16; e-mail: meln2011kit@gmail.com)

¹ Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 4.. Оп. 31. Д. 640. Л. 269.

² Российский государственный архив экономики. Ф. 8752. Оп. 4. Д. 728. Л. 106

DEFICIT OF THE LABOR FORCE AT THE PLANTS OF THE TANK INDUSTRIES UNDER THE CONDITIONS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

The article shows the depth of the shortage of workers of the tank industry of the Soviet Union during the great Patriotic war. Were analyzed planned and actual contingent of the tank factories.

Keywords: workers, engineering-technical workers of the tank industry, the shortage of workers

Information about the author

Melnikov Nikita Nikolaevich (Russia, Ekaterinburg) – candidate of historical sciences, Institute of history and archaeology of the Urals branch of the Russian academy of sciences (620990, Ekaterinburg, S. Kovalevskaya St, 16; e-mail: meln2011kit@gmail)

УДК 93/94

Н.В. Мельникова

ЖЕНЩИНЫ В РЕАЛИЗАЦИИ СОВЕТСКОГО АТОМНОГО ПРОЕКТА

Рассмотрен вклад женщин в реализацию советского атомного проекта в 1940-е – 1950-е гг., количественные и качественные характеристики женского контингента, особенности их занятости в руководящих органах проекта, научных учреждениях, на промышленных предприятиях и в обеспечивающей инфраструктуре.

Ключевые слова: атомный проект СССР, женщины, занятость, гендер

Исследователи «женской» составляющей Манхэттенского проекта из американского Фонда атомного наследия (АНФ) отмечают, что в большинство женщин оказывались в проекте из-за того, что их мужья были набраны для работы над созданием атомной бомбы [28]. Однако на отечественные «атомные» объекты советские женщины попадали в не меньшей степени и как «рабочие единицы», имеющие самостоятельную трудовую ценность. Были как индивидуально приглашенные, так и массово. Личные приглашения адресовались «штучным» специалистам, таким, как выдающийся радиохимик З.В. Ершова. Но в отношении женщин они выглядят довольно редким явлением, в то время как в мемуарной литературе можно найти множество примеров обстоятельств индивидуальных приглашений мужчин. Массовые привлечения касались, прежде всего, незамужних девушек – специалистов (выпускниц вузов и техникумов) и рабочих (выпускниц ФЗУ).

На основании выборочного исследования листов по учету кадров гг. Лесного и Озерска¹ выявлено, что в конце 1940-х гг. из общего числа одиноких работников незамужних женщин приезжало больше, чем холостых мужчин – в среднем около 61 %, что можно объяснить уменьшением численности мужского населения страны в результате потерь в Великой Отечественной войне. Соотношение изменяется к 1960-м гг.: 48 % незамужних женщин и 52 % холостых мужчин [13, с. 44]. Для незамужних женщин принципы отбора были такими же как для мужчин: претендентки заполняли анкеты (студентки последних курсов – в вузе, уже работающие – в обкоме партии областного города), которые затем проверялись органами госбезопасности.

Приезд вслед за супругом, направленным на атомное предприятие, тоже был распространен. Среди респонденток авторского ретроспективного социологического исследования населения г. Лесного 39 % ответили, что приехали в город с мужем (этот

¹ Поскольку закрытые атомные города имели различные наименования – секретные и открытые (условные), которые не единожды менялись, здесь и далее используются современные названия этих городов.

процент увеличивается согласно времени приезда: наименьший (16 %) он у приехавших в конце 1940-х гг., наибольший (46 %) – в 1960-е гг. Если профессия замужней женщины позволяла ей работать на градообразующем объекте, она также заполняла анкету и проходила последующие проверки (в том числе, и медосмотры) [14, с. 7]. Это характерно, прежде всего, для студенческих семей сокурсников или однокашников. Если женщина имела профессию, далекую от «атомного» производства, на стадии отбора она не заполняла отдельную анкету. Видимо, такие жены проверялись по пространным данным, которые, согласно анкетным пунктам, заполнял на ближайших родственников муж. Кроме того, что касается закрытых атомных городов, то в начальный период их существования мужчины, получая туда назначение, имели предписание проследовать к месту работы без семьи [ЦДООСО. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 190. Л. 136]. В первые годы это было оправдано нехваткой жилья, объектов соцкультбыта и работы вне градообразующего предприятия. Некоторые мужчины, воспользовавшись ситуацией, продолжали запрещать своим женам приезжать в город, даже когда это стало разрешено, и заключали повторные браки (таким образом в закрытых городах появлялись случаи двоеженства [ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 15562. Л. 2; ЦДООСО. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 190. Л. 137]). Но в целом, кадровая политика проекта была ориентирована на подбор рабочего места на «периферийных» объектах и для жен приглашенных мужчин-специалистов, и была направлена на воссоединение семей (но в тот момент, когда руководство сочтет это возможным и оправданным с точки зрения быта, секретности и перспектив занятости жен).

Получить полную статистическую картину количественного и качественного состава женщин (впрочем, равно как и мужчин) в атомном проекте пока не представляется возможным из-за ограниченного доступа к соответствующим документам, многие из которых продолжают носить грифы секретности. Но некоторые тенденции все-таки можно обозначить.

С уверенностью можно сказать, что в женщин не было составе высших руководящих органов атомного проекта: в Специальном комитете, Техническом и Инженерно-техническом, а позже – Научно-техническом советах, в Первом главном управлении (ПГУ) или его Коллегии. Однако женщины работали в аппаратах этих органов. В центральном аппарате Первого главного управления при СМ СССР в 1948–1951 гг. женщины составляли в среднем 33,8 % [17, с. 273–374]. Они занимали исполнительские позиции неключевого характера: должности секретарей, инспекторов, бухгалтеров (или экономистов) и машинисток [3, т. II, кн. 3, с. 656–670]. Причем женщин, работающих непосредственно в центральном аппарате Первого главного управления, было меньше, чем женщин, трудящихся в системе ПГУ в целом. При этом видима тенденция их уменьшения в центральном аппарате ПГУ в 1948–1951 гг. от 35 до 33 %, с одновременным незначительным увеличением женщин вообще в системе ПГУ от 37,5 % до 41,9 % [17, с. 273–374]. Заметно, что эти цифры уступали общесоюзным, согласно которым доля женщин в общей численности работающих в 1945–1950 гг. колебалась между от 56 % до 47 % (в промышленности – до 45 %) ¹.

Нет свидетельств, что выбор в пользу персонала мужского пола был частью кадровой стратегии на уровне всего проекта, однако, очевидно, что, чем выше был статус руководящего органа атомного проекта, тем меньше в нем работало женщин. Возможно, такая практика исходила из того, что для работы в центральном аппарате атомного проекта, учитывая специфику последнего как секретного высокотехнологичного начинания, отбирали имевших техническое образование офицеров из НКВД и военных комиссариатов, а также руководителей промышленности. А эти позиции традиционно занимались мужчинами.

Также традиционно женщины уступали мужчинам в таких ключевых для атомного проекта индустриально-технических дисциплинах, как физика или металлургия. Но это было

¹ Народное хозяйство СССР в 1956 г. Статистический сборник. М., 1956. С. 191; Народное хозяйство СССР за 60 лет. Юбилейный статистический ежегодник. М., 1977. С. 469.

частью общемировой тенденции: именно физико-математические и технические науки классифицируются как «мужские». В них соотношение мужчин и женщин, имеющих научную степень, составляет от 25 : 1 до 6 : 1 [29, 14]. При том, что 100 % разработчиков идей производства советского атомного оружия были мужчинами, женщины тоже трудились в научных центрах по созданию ядерного оружия. Они занимали должности лаборантов, техников, помощников научных работников, инженеров, а также непосредственно должности научных работников. В числе последних были и обладательницы ученых степеней в упомянутых «мужских» науках. При этом, все-таки женщины находились в меньшинстве. Об этом говорят как цифры, так и субъективное восприятие участников проекта. Так в Сарове, в первом центре по разработке и производству ядерных боеприпасов, спустя 4 года после его основания инженером-инспектором отдела кадров отмечалась катастрофическая ситуация с преобладанием мужского персонала: из 13,5 тыс. человек взрослого населения женщины составляли всего около 3,5 тыс. Чуть лучше обстояло дело во втором советском ядерном центре в Снежинске. В первые шесть лет его существования женщины составляли в среднем 36 % от общей численности работающих [Подсчитано по: 5, т. 1, кн. 2, гл. 4].

При этом, был в советском атомном проекте ряд востребованных профессий, в том числе, рассматриваемых ранее как «мужских», где женщины в рассматриваемый период усилили позиции. Эта тенденция (появление женщин в прежде «мужских» профессиях) была связана с тем, что в годы Великой Отечественной войны женщины и вынуждены были их осваивать, и могли получать соответствующее образование, в то время, как большинство мужчин находились на фронте. Например, геология. По некоторым свидетельствам, минералогией урановых руд занимались «почти исключительно женщины» [24, с. 59–60]. До ратификации СССР международной конвенции «О применении труда женщин на подземных работах в шахтах любого рода» (1961), многие женщины трудились рудничными геологами, спускались в подземные выработки. В рудниках они «работали наравне, а иной раз и лучше мужчин», как вспоминал первый директор первого отечественного предприятия по добыче и переработке урановых руд Б.Н. Чирков [27, с. 18].

Немало было женщин в составе групп математиков-вычислителей. Например, в вычислительном бюро Л.В. Канторовича, в момент его привлечения к «атомной» проблеме, трудилось около 40 расчетчиц [8, с. 72]. В КБ-11 первым инженером-математиком объекта была именно женщина (Е.В. Малиновская). Женщины же составляли большинство среди 60 сотрудников отдела члена-корреспондента АН СССР А.Н. Тихонова, проводившего расчеты процессов атомного и термоядерного взрывов. Позднее академик А.А. Самарский называл женщин отдела в ряду «выдающихся вычислителей, которые чувствовали решение, не зная его смысла» [16, с. 217]. В НИИ-1011 (Снежинск) первая группа математиков-расчетчиков состояла из 14 девушек, только что окончивших курсы отделения прикладной математики Института им. В.А. Стеклова при АН СССР [18, с. 39–40; 20, с. 130].

Много женщин было среди радиохимиков и химиков, работавших в НИИ-9 [4, с. 37–38, 51] и в радиохимических подразделениях градообразующих предприятий «атомных» городов. Радиохимиком была и самая заметная женщина советского атомного проекта – З.В. Ершова. Под ее руководством был получен первый в СССР металлический уран, отработаны технологии получения плутония, полония, трития, что позволило создать заряды первых советских атомной и водородной бомб.

На первом в нашей стране заводе по производству плутония (№ 817, ныне Производственное объединение «Маяк») в период его формирования из инженерно-технических работников более 60 % составляли женщины [13, с. 41], в первую очередь это были химики инженеры и техники-технологи. Количество женщин непосредственно среди химиков на этом производстве доходило до 80 % [2, с. 62]. Близкие цифры можно обнаружить на изотопном производстве будущего комбината «Электрохимприбор» (Лесной). Например, в период строительства завода в цехе химической переработки изотопов женщины составляли 63 % от общего количества сотрудников, в том числе, 50 % среди ИТР,

67 % среди аппаратчиков, 100 % среди химиков-аналитиков и контролеров [Подсчитано по: 26, с. 62–78]. Они работали начальниками отделений и смен, технологами, техниками, инженерами. Постепенно, после 1953 г. новое пополнение мужчин сменили женщин на постах начальников отделений, но не потеснили их численно в целом в химических подразделениях предприятия.

На женщинах лежала самая «грязная» и вредная промежуточная работа в процессе выделения плутония из облученных урановых блоков и доведения его до спектральночистого состояния [23, с. 30]. Они же стали одними из первых жертв облучения. Уже в 1949 и 1950 гг. на комбинате «Маяк» были выявлены первые случаи хронической и острой лучевых болезней. Мы не располагаем статистикой, сколько среди заболевших было женщин. Но, видимо, угрожающие условия работы заставили медико-санитарный отдел химкомбината в 1951 г. обратиться в вышестоящие инстанции с предложением запретить женский труд на радиохимическом и металлургическом производствах [25, с. 72]. Абсолютного запрещения не последовало, но постепенно был отлажен процесс перевода переоблученных на работу в «чистые» условия (это распространялось и на мужчин, и на женщин). Из некоторых подразделений, считавшимися особо опасными, например, регенерационное отделение, были выведены все женщины [22, с. 41, 44.]. Однако, поскольку внимание врачей в тот начальный период было сосредоточено на внешнем облучении, опасность и последствия внутреннего были поняты и выявлены не сразу [6, с. 100–101]. В результате концу 1950-х гг. на комбинате «Маяк» скончались от плутониевого пневмосклероза первые четыре женщины в возрасте от 30 до 35 лет (с 1957 по 1982 гг. на комбинате от плутониевого склероза умерло восемь женщин и один мужчина) [22, с. 96]. Все они начали работу в 1949 г. в опытно-промышленном цехе № 9, и содержание плутония в их организмах более чем в 100 раз превышало допустимые нормы.

Кроме вторжения в «мужские» профессии (что было вообще характерно для военного и послевоенного периода), женщины атомного проекта осваивали и принципиально новые специальности, связанные со становлением не имевшего ранее аналогов производства. Преимущественно «женскими» были должности инженеров и старших инженеров управления реактором на «атомных» предприятиях. По воспоминаниям ветеранов этой службы, И.В. Курчатов считал, что управлять реакторами должны именно женщины, так как они более внимательны, вдумчивы, дотошны и аккуратны [1]. Только женщины работали операторами отметки расходомеров (выявляет расход воды в технологическом канале ректора, чтобы не допустить остановку последнего) или в бригадах по поиску течи в вакуумных системах диффузионных машин обогащения. Большая эффективность труда женщин в этих сферах деятельности была установлена «опытным путем». На Горно-химическом комбинате (Железногорск) был период, когда, «желая избавить женщин от подземного труда», на все должности операторов отметки расходомеров были поставлены молодые мужчины. Вскоре выяснилось, что результаты их работы не равноценны женской. Женщины оказались более терпеливыми, внимательными и обязательными, они точнее замечали систематические сбои, определяя колебания воды в технологическом канале ректора с точностью до 0,01 кубометра [7, с. 233]. Поэтому женщины полностью заменили мужчин на этой должности. По сходным причинам на Уральском электрохимическом комбинате (Новоуральск) были расформированы мужские бригады по поиску течи в вакуумных системах газодиффузионных машин обогащения урана-235 [21, с. 274]. Бригады, состоящие только из женщин, отыскивали на комбинате течи вплоть до создания специальных течеискателей.

И все же, несмотря на некоторые должности и специальности, которые на «атомных» объектах занимали женщины, их штаты в целом оставались по преимуществу мужскими. Например, на будущем Уральском электрохимическом комбинате в 1947–1951 гг. женщины составляли 35,3 %, похожая цифра (36 %) была в будущем ВНИИТФ во второй половине 1950-х гг., и на будущем комбинате «Электрохимприбор» в конце 1950-х гг., где женщин было в среднем 37 % от общего количества работающих [Подсчитано по: 5, т. 1, кн. 2, гл. 4;

Группа фондов научно-технической и управленческой документации Уральского электрохимического комбината (ГФНТ и УД УЭХК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 86. Л. 4–5; Группа фондов комбината «Электрохимприбор» (ГФ ЭХП). Ф. 4. Оп. 1. Д. 45 Л. 2, 7, Д. 52. Л. 35]. В то же время, в целом в составе населения закрытого атомного города, женщины составляли около половины. Вне градообразующего предприятия работало большинство женщин города. По сферам занятости они преобладали в сферах, трактуемых как социальное материнство: прежде всего, здравоохранение, просвещение, а также торговля и общественное питание. Например, по переписи населения 1959 г. в г. Лесном количество женщин в сфере здравоохранения доходило до 92,3 %, в сфере просвещения, науки и искусства – 87,3 %, торговли и общественного питания – 81,5 % [Подсчитано по: ГФ ЭХП. Ф. 1. Оп. 1. Д. 122. Л. 2]. Четвертой сферой по числу занятых в ней женщин было строительство. Говоря о строительстве нельзя не упомянуть женщин-заключенных. Хотя от общего количества заключенных, используемых на «атомных» стройках, число женщин не было значительным (по разным объектам в период от 1946 до конца 1950-х гг. эти цифры колеблются от 7 до 31,5 % [Подсчитано по: 9, с. 94; 10, с. 70; 11, с. 181–184; 12, с. 29; 19, с. 162, 166, 167; 20, с. 90]), именно они выполняли многие строительные, отделочные работы при возведении жилья и объектов социально-бытовой инфраструктуры. Женщины-заключенные пополняли и ряды вольнонаемных строителей после амнистий (например, 1947 и 1953 гг.).

Приведенный материал позволяет приблизиться к пониманию масштаба женской занятости в советском атомном проекте и заключить, что в некоторых его сферах женщины сыграли решающую роль.

© Мельникова Н.В. Текст. 2017

Благодарность

Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 17–01–00102).

Список источников

1. Аникина Н.А. Не ради наград // Электронная библиотека «Росатома». Живая история. Электронный ресурс: http://memory.biblioatom.ru/persona/anikina_n_a/anikina_n_a/.
2. Артемов Е.Т., Бедель А.Э. Укрощение урана. Екатеринбург: ООО «СВ-96», 1999. 352 с.
3. Атомный проект СССР: Документы и материалы. В 3 т. / Под общ. ред. Л.Д. Рябева. М. – Саров, 1998–2010.
4. ВНИИНМ – 50 лет: сб. ст.: в 3 т. / под ред. Ф.Г. Решетникова. М.: Б.и., 1995. 310 с.
5. Грани истории в документах и фотографиях [Электронный ресурс]. Российский федеральный ядерный центр – ВНИИ технической физики им. акад. Е.И. Забабахина / науч. ред. Аврорин Е.Н., Литвинов Б.В., Рыкованов Г.Н., Волошин Н.П., Ананийчук В.Н. Снежинск, 2009. 1 CD-ROM.
6. Гуськова А.К. Атомная отрасль страны глазами врача. М.: Реальное Время, 2004. 240 с.
7. Журавлев П.А. Мой атомный век. М.: Хронос-пресс, 2003. 464 с.
8. Иоффе Б.Л. Кое-что из истории атомного проекта в СССР // Сибирский физический журнал. 1995. № 2. С. 67–87.
9. Кузнецов В.Н. Атомные закрытые административно-территориальные образования: в 2-х ч. Ч. 1. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2015. 437 с.
10. Кузнецов В.Н. Атомный проект за колючей проволокой. Екатеринбург: Полиграфист, 2004. 279 с.
11. Кучин С.П. Полянский ИТЛ (ГУЛАГ – уголовный). Красноярск-26: МВЦ г. Железногорска, 1999. 256 с.

12. Кучин С.П. События, люди... Красноярск-26: Музейно-выставочный центр, 1994. 73 с.
13. Мельникова Н.В. Феномен закрытого атомного города. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2006. 172 с.
14. Мирская Е.З., Мартынова Е.А. Женщины в науке // Вестник Российской академии наук. 1993. Т. 63. № 8. С. 693–694.
14. Митюков А.В. Записки конструктора. Лесной: Б.и., 2004. 32 с.
16. Наука и общество: история советского атомного проекта (40–50 годы). Труды международного симпозиума ИСАП-96: в 3 т. М.: ИздАТ, 1997–2003.
17. Полуниин В.В. Органы управления атомной промышленностью СССР. 1945–1953 гг.: дис. . канд. ист. наук. М., 2007. 278 с.
18. Раскрывая первые страницы. К истории города Снежинска (Челябинска-40) / авт.-сост. Б.М. Емельянов. Екатеринбург: Уральский рабочий, 1997. 343 с.
19. Реут Г.А. Ведомственные населенные пункты Министерства среднего машиностроения СССР в Сибири (1949–1991): дисс. ... док. ист. наук. Красноярск, 2014. 600 с.
20. Советский атомный проект. Конец атомной монополии. Как это было... / Негин Е.А., Голеусова Л.П., Куличков Г.Д., Максименко П.П., Окутина Г.С. Саров: РФЯЦ-ВНИИЭФ, 2003. 214 с.
21. Создание первой советской ядерной бомбы / гл. ред. В.Н. Михайлов. М.: Энергоатомиздат, 1995. 448 с.
22. Сохина Л. П. Страницы истории радиохимического завода производственного объединения «Маяк». Озёрск, 2000. 156 с.
23. Сохина Л.П., Колотинский Я.П., Халтурин Г.В. Плутоний в девичьих руках. Екатеринбург: Литур, 2003. 157 с.
24. Тарханов А.В. Как «разгибали» Крутой Рог // Как искали и добывали уран. М., 2002. С. 56–63.
25. Толстиков В.С. Социально-экологические последствия развития атомной промышленности на Урале (1945–1998 гг.). Челябинск: ЧГИИК, ЧИПКРО, 1998. 301 с.
26. Третий цех / Грачев Д.Н., Киселев Г.В., Милукова Р.П. и др. Екатеринбург: Раритет, 2007. 90 с.
27. Чирков Б.Н. Воспоминания первого директора комбината № 6. М.: Б.и., 1967. 52 с.
28. Hornig L., Bradford Diven R. Women and the Bomb // The Atomic Heritage Foundation [Электронный ресурс]. <http://www.atomicheritage.org/history/women-and-bomb>.
29. Matyas M.L. Obstacles and Constraints on Women in Science: Preparation and Participation in the Scientific Community // Kahle J.B. (ed.). Women in Women in science. L., 1985. P. 77–101.

Информация об авторе

Мельникова Наталья Викторовна (Россия, г. Екатеринбург) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (620990, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16; e-mail: melnatvik@mail.ru)

Melnikova N.V.

WOMEN IN THE IMPLEMENTATION OF THE SOVIET ATOMIC PROJECT

The article analyzes the role and female position in the Soviet atomic project (1940s–50s): the features of their entrance into the project, some quantitative and qualitative characteristics, and employment at the level of the leadership, the science, industrial enterprises and providing infrastructure.

Keywords: atomic project, USSR, women, employment, gender

Information about the author

Melnikova Natalia Viktorovna (Russia, Ekaterinburg) – PhD in History, senior researcher, Institute of History and Archaeology of the Urals Branch of the Russian Academy of Sciences (16, Kovalevskoj St., 620990, Ekaterinburg, Russia; e-mail: melnatvik@mail.ru)

УДК 314.011

М.И. Мирошниченко

СТЕПЕНЬ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЖЕНСКОГО КВАЛИФИЦИРОВАННОГО ТРУДА НА УРАЛЕ КАК КАЧЕСТВЕННЫЙ ФАКТОР ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА СТРАНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСЕЙ 1920 И 1923 гг.)

В статье дана оценка распространения женского квалифицированного труда на Урале в начале 1920-х гг. как фактора использования демографического потенциала страны, показана степень распространения среди женщин наряду со швейным и текстильным делом иных, требующих квалифицированного труда, занятий.

Ключевые слова: качество населения, квалифицированный труд, самостоятельное женское население.

Наряду с благосостоянием, здоровьем и образованием важным показателем качества населения является квалификация [2, с. 460-462, 466-467]. Квалифицированный труд относится к сложным видам трудовой деятельности, так как требует специальной подготовки, особых знаний, навыков и умения. Традиционно считается, что областью сложного квалифицированного труда женщин до октября 1917 г. являлись швейное и текстильное производства.

Анализ распределения работниц в составе самостоятельного женского населения Урала по главным отраслям занятий по материалам Всероссийской переписи 1920 г. свидетельствует о том, что по абсолютной численности, действительно, крупнейшими отрядами женщин-работчих были швейники (7770 чел.) и текстильщицы (4362 чел.). Однако существенным было и представительство женщин в группах металлистов, железнодорожников, кожевников, местнотранспортников, пищевиков и горнорабочих (с количеством работающих соответственно от 3329, 2523, 2204, 1916, 1323 и 1281 чел.). Затем шли печатники, деревообделочники, минеральщицы, химики, строители и рабочие силовых установок (отряды которых насчитывали от 913 до 247 чел.). В рядах водников, писчебумажников женщин встречалось крайне мало (67 и 57 чел. соответственно) [4, с. 36].

Рассмотрим степень распространенности женского труда по основным группам рабочих занятий по материалам Всесоюзной городской переписи 1923 г. на примере Екатеринбургской губернии. Здесь в числе 72882 рабочих насчитывалось 12027 женщин [3, с. 159], составивших 16,5%. При этом самой значительной категорией работниц по абсолютной численности (с количеством женщин более 1000 чел.) стали текстильщицы, насчитывавшие в своих рядах 1445 женщин. Во вторую группу (с числом женщин от 1000 до 100 чел.) вошли сельскохозяйственные работницы (431 женщина), местнотранспортники (411), женщины-горнорабочие (317 чел.), железнодорожницы (239), швейницы (220), металлисты (204 женщин), минеральщицы (176 чел.), печатницы (134). Третью группу (с числом женщин менее 100 чел.) образовали химики (95 чел.), пищевики (78 чел.), рабочие силовых установок (55 чел.), кожевницы (53 чел.), писчебумажницы (40 чел.), деревообделочницы (34 чел.), строители (29 чел.), трамвайницы (12 чел.), водницы (6 чел.) [3, с. 159].

Выделяя занятия по количеству в них женщин относительно общего числа самостоятельных горожанок в целом, к первой группе отнесем занятия, в которых женщины составляли большинство. Это, по-прежнему, текстильное производство (в нем 77,89% всех

работающих составляли женщины) и швейное дело (где 55,9% среди занятых – женщины). Сюда же в 1923 г. входили трамвайники (85% женщин среди работавших). Интересно, что среди трамвайников в Екатеринбургской губернии в 1923 г. чисто мужской была профессия трамвайного кондуктора, а вагоновожатыми были исключительно женщины [3, с. 161]. Вторая группа – те занятия, где женщины составили значительную (от 50 до 20%) часть рабочих. Это минеральщики (44,3%), писчебумажники (41,6%), химики (29,96%), печатники (25%). В третью группу вошли занятия, в которых работницы составляли незначительное меньшинство (менее 20%). К ней относились сельскохозяйственные работницы (16,79%), пищевики (10,4%), горнорабочие (7,8%), железнодорожники (6,07%), местнотранспортники (5,9%), водники (4,6%), кожевники (4,08%), деревообделочники (2,26%), рабочие силовых установок (2,27%), металлисты (1,48%), строители (0,78%). «Прочих» женщин-рабочих насчитывалось 8049 чел. [3, с. 160]. С учетом того, что 85% женщин среди трамвайников в 1923 г. в Екатеринбургской губернии – это всего 12 чел., по-настоящему крупный отряд женщин-работниц составляли лишь текстильщицы (1445 чел.), за ними с большим отрывом следовали швейницы (220 чел.) [3, с. 160].

Чисто женскими у текстильщиков были группы штопальниц, латочниц, банкоброшниц (работницы в бумагопрядильном производстве, обслуживающие машину, разбивавшую массу хлопкового волокна на отдельные, более тонкие жгуты), модисток, шляпниц, корсетниц, беловшеек, швей, перчаточников, рукавичников; полуквалифицированных и неквалифицированных швейников. Группами, почти женскими по составу, были чулочницы, вязальщицы, катушечницы, мотальщицы, трепальщицы, кружевницы (99,2%), прядильщицы (97%), ткачи (94,8%), чесальщицы (93,3%), с большой долей женщин – красильщицы (44%). В отряде печатников существенную долю составляли женщины среди переплетчиков, наборщиков (24%), брошюровщиков (21,4%); в отряде швейников – среди портных (35%), закройщиков (32%), картузников и шапочников (19%); в отряде пищевиков – среди конфектников (33%), у химиков – среди прочих квалифицированных химиков (22,8%)¹. Последнее, вероятно, объяснялось развитием женского образования и широким распространением женских гимназий в результате осуществления школьной реформы Александра II.

Крайне малое количество женщин в отряде горнорабочих трудилось среди забойщиков (17 из 1757); камнеломов (11 из 182 чел.); шахтеров, рудокопов и углекопов (17 из 620). Чаще они работали здесь откатчицами (33,8%). Среди металлистов очень редко встречались жестянщицы (2 из 128 чел.), инструментальщицы (1 из 45). 11 женщин насчитывалось среди 1788 кузнецов, 1 женщина среди 91 медника. 13 женщин работали литейщицами (из 1302 чел), 4 – механиками (из 147 чел), 6 – монтерами (из 1012 чел). Почти мужскими по составу были профессии слесаря по металлу, где на 4635 чел. насчитывалось всего 24 женщины, токаря по металлу – 7 женщин из 1042 чел., клепальщика и котельщика (7 – из 337 чел.), болтореза и винтореза (3 – из 66 чел.), вагранщика (2 – из 31 чел.), вальцовщика и прокатчика (15 женщин из 614 чел.). Всего 3 женщины насчитывалось в числе 581 молотобойца, 1 – среди 46 паяльщиков и лудильщиков. 7 женщин работали прессовщицами и штамповщицами (из 43 чел.), 4 – точильщицами (из 54 чел.). Крайне мало женщин было среди деревообделочников: 1 женщина-столяр из 771 чел., 1 – на 163 токарей по дереву, 1 – из 15 чел. корзинщиков и плетельщиков. Лишь среди станочников по дереву женщины составили 22% (4 из 18 чел.) [3, с. 159].

Мало женщин в отряде текстильщиков (10,5%) было среди валяльщиц и сукновалов. В отряде кожевников – среди чехмоданщиков и шорников (6,1%), кожевников и овчинников (4,7%), сапожников и башмачников (1,2%). Но они составили почти пятую часть – 19,5% – заготовщиков и посадчиков. Почти полностью мужскими в отряде пищевиков были занятия пекаря, булочника; бойца и резака (1 женщина из 16 чел., или всего 6% от всех работавших); мельника (где женщины составили 5,8% – 1 женщина из 17 чел.). Среди

¹ Подсчитано автором по: [3, с. 160-161].

кондитеров женщин было уже 10,4%. Интересно соотношение женщин и мужчин у табачников. Среди квалифицированных табачников женщины составляли 16,6%, среди полуквалифицированных – 78,5%, среди неквалифицированных – 45,5%. В отряде химиков почти полностью мужскими были профессии аппаратчика и мыловара, в них работало по 1 женщине (которые составили соответственно 7,7% и 5%) [3, с. 160-161]. Чисто мужскими группами были садоводы среди сельскохозяйственных рабочих; бурильщики, проходчики, ключники, крепильщики, тартальщики в отряде горнорабочих; водопроводчики, часовщики и ювелиры, сборщики, шлифовальщики и полировщики, шишельники – среди металлистов; бондари и бочкари, колесники и тележники, ложкари и корытники, ящечники среди деревообделочников; квалифицированные писчебумажники и картонажники – в отряде писчебумажников; словолитчики и стереотиперы, литографы, переводчики, копировщики – среди печатников; скорняки и меховщики – у кожевенников [3, с. 159-160]. В отряде минеральщиков 5 женщин составили 11,9% гончаров и горшечников, 4 женщины – 7,6% квалифицированных стеклофарфорщиков. 51,8% женщин насчитывалось среди кирпичников, причем, если в группе прочих полуквалифицированных кирпичников женщины составили 57%, то среди неквалифицированных кирпичников – 55,3%. В число строителей входили 0,7% женщин-каменщиков (3 чел.), 2,2% маляров и штукатуров (6 женщин), 12 женщин составили 0,55% всех плотников. Тяжелый характер труда строителей приводил к тому, что к этому занятию даже вынужденно женщины обращались крайне редко. В числе 125 прочих квалифицированных и полуквалифицированных строителей, землекопов в 1923 г. в Екатеринбургской губернии насчитывалось всего 3 женщины (2,4%), среди 27 прочих неквалифицированных строителей 2 женщины составили 7,4%. Чисто мужскими были среди строителей занятия кровельщика, печника, стекольщика [3, с. 161].

В группе железнодорожников женщины были представлены шире. Они составляли 30% линейных сторожей и 29,8% старших ремонтных рабочих, 4,8% кондукторов и проводников вагонов, 3,8% (16 чел.) стрелочников и башмачников, 1,3% (5 чел.) паровозных кочегаров, 1,9% (3 чел.) составителей и сцепщиков поездов, 0,66% (2 чел.) осмотрщиков и смазчиков вагонов и 0,6% (6 чел.) паровозных машинистов [3, с. 161].

Единично женщины были представлены у водников, где они составили 20% шкиперов и водоливов и 5% прочих квалифицированных водников. 1 женщина (2,2%) была среди машинистов и масленщиков. Отметим, что в отряде местнотранспортников 12 женщин составили 1,9% легковых извозчиков и кучеров; 109 женщин – 3,2% ломовых извозчиков, ассенизаторов; 199 женщин – 8,6% грузчиков и крючников; 26 женщин – 10% носильщиков. В отряде рабочих силовых установок 11 женщин работали машинистами силовых установок, и 11 – кочегарами и смазчиками силовых установок, что составило и в том и в другом случае по 0,86% от общего числа работающих этих категорий. Судовыми кочегарами и судовыми матросами у водников, шоферами, мотоциклистами и прочими квалифицированными местнотранспортниками в городских поселениях Екатеринбургской губернии в 1923 г. были исключительно мужчины. В группе прочих рабочих высокая доля женщин была характерна для уличных метельщиков (30,9%), чернорабочих (22,9%) и переменных поденных рабочих (35%)¹. Анализ степени распространенности труда женщин-горожанок среди основных рабочих занятий в начале 1920-х гг. показывает тенденцию увеличения доли женщин в группах неквалифицированного труда; единичного проникновения женщин в мужские профессии во всех разрядах рабочих занятий. Для табачников (среди пищевиков) и кирпичников (среди минеральщиков) характерна тенденция увеличения доли полуквалифицированного женского труда по сравнению с неквалифицированным.

В условиях безработицы мужчины стали занимать считавшиеся ранее чисто женскими (что видно по названию профессии) рабочие места. Так, в отряде текстильщиков 94% рабочих мест присучальщиц и сновальщиц были заняты мужчинами, а у пищевиков мужчины составили 50% завертывальщиц конфет [3, с. 160-161]. За рабочие места велась

¹ Подсчитано автором по: [3, с. 163].

жесткая борьба, обострявшаяся в периоды голода. Так, в ноябре 1922 г. если в бездетной семье работали оба супруга, одного из них увольняли, как правило, женщину [1, л. 64]. Безработные женщины, не имевшие профессии, нанимались, в первую очередь, нянями, домашней прислугой, они брались за любую работу – выгрузку дров, сбор трав, стирку белья, работали грузчиками, мойщиками вагонов и т.п.

Таким образом, уже в начале 1920-х гг. наблюдается нарастание процесса внедрения женщин в различные сферы квалифицированного труда, что стало одним из факторов широкого использования женского труда в процессе социалистических преобразований в последующем.

© Мирошниченко М.И. Текст. 2017

Список источников

1. Объединенный государственный архив Челябинской области. – Ф. П-77. – Оп. 1. – Д. 593.
2. Соби А. Общая теория населения. – Т. 2: Жизнь населения: пер. с франц. Ф.Р. Окуновой. – М.: Прогресс, 1977. – 519 с.
3. Труды ЦСУ. – Т. XX: Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. Ч. II: Население городов Союза С.С.Р. по занятиям. Вып. 1: Европейская Россия. – М.: Отдел демографии ЦСУ, 1924. – 535 с.
4. Уральский статистический ежегодник. 1923-1924 гг.: Труды Уральского областного статистического бюро. Серия 1. Т. 2 / ред. В.С. Немчинов, П.Ф. Неволин. – Свердловск: Изд-во Уралоблисполкома, 1925. – 612 с.

Информация об авторе

Мирошниченко Мария Ильинична (Россия, Челябинск) – доктор исторических наук, доцент, Южно-Уральский государственный университет (454080, г. Челябинск, пр. Ленина, д. 76; e-mail: mmi74@yandex.ru).

Miroshnichenko M.I.

DEGREE OF DISSEMINATION OF WOMEN'S QUALIFIED WORK IN THE URALS AS A QUALITY FACTOR OF USING THE DEMOGRAPHIC POTENTIAL OF THE COUNTRY (ON THE MATERIALS OF THE CENSUSES OF 1920 AND 1923)

The article gives an estimate of the distribution of female skilled labor in the Urals in the early 1920s. As a factor in the use of the demographic potential of the country, the degree of diffusion among women along with the sewing and textile business of other, requiring skilled work, is shown.

Keywords: quality of the population, skilled labor, self-employed female population.

Information about the author

Miroshnichenko Maria Ilinichna (Russia, Chelyabinsk) – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, South Ural State University (454080, Chelyabinsk, Lenin Avenue, 76; e-mail: mmi74@yandex.ru).

ОПЫТ ОЦЕНКИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СЕВЕРНОГО РЕГИОНА

Рассматриваются теоретические аспекты демографической безопасности, анализируются угрозы и риски в северном регионе на примере Республики Саха (Якутия). Выявление специфики воспроизводства населения способствует конкретизации региональной демографической политики с целью повышения ее эффективности.

Ключевые слова: демографическая безопасность, северный регион, воспроизводство населения, региональная демографическая политика, Республика Саха (Якутия)

Наличие в современном воспроизводстве населения многих кризисных моментов актуализирует и общественное, и научное внимание к вопросам демографической безопасности. Демографическая безопасность может быть представлена как «...функционирование и развитие популяции как таковой в ее возрастно-половых и этнических параметрах, соотнесение ее с национальными интересами государства, состоящими в обеспечении его целостности, независимости, суверенитета и сохранении существующего геополитического статуса» [7, с.22]. Демографическая безопасность определяется и как состояние защищенности жизни, воспроизводства и формирования демографических структур (половозрастной, этнической, семейной) от демографических угроз, поддерживаемое с помощью институциональной среды [8, с.149]. Понятие демографической безопасности часто связывается с понятиями «демографическое равновесие» и «оптимум населения» [2, с.15]. А.И. Татаркин предлагает понимать под демографической безопасностью «такое состояние и тенденции его изменения, при котором территории (государство, регион) обеспечиваются стабильность и устойчивость процессов воспроизводства населения и достойные условия жизни и развития личности» [12, с.156].

Инструментарием для оценки демографической безопасности выступают индикаторы демографических угроз, т.е. «функциональные характеристики отдельных сторон процесса демографического воспроизводства и формирования демографических структур, отражающие его негативный характер» [9, с.405]. Предложены, например, коэффициент естественного прироста населения; ожидаемая продолжительность жизни; суммарный коэффициент рождаемости; число прерываний беременности (абортов) на 100 родов; коэффициент демографической нагрузки; коэффициент замещения (число детей на 1000 человек старше трудоспособного возраста) [9, с.405]. Кроме того, используются такие показатели, как уровень рождаемости и смертности, динамика прироста населения; устойчивость семьи; миграция населения; доля городского населения; средний возраст для молодежи и пенсионеров; продолжительность жизни, смертность по социально-обусловленным причинам, заболеваемость [1, с.92]. Оценка демографической безопасности проводится также по синтетическим индикативным показателям естественного прироста населения, рождаемости, смертности, социальной защищенности материнства и младенчества [10, с.208].

Таким образом, демографическая безопасность может быть оценена через различные индикаторы и показатели. При всем многообразии демографических показателей, через которые оценивается демографическая безопасность, в качестве индикаторов могут быть применены только комплексные показатели. Именно они могут в агрегированном виде характеризовать состояние воспроизводства населения – то основное понятие, которое заложено в сущность демографической безопасности. К таким, по нашему мнению, следует отнести продолжительность жизни, определяемую уровнем смертности населения, коэффициент депопуляции, задаваемый соотношением рождаемости и смертности, коэффициент суммарной рождаемости, зависящий от характера процессов рождаемости.

Проблемы демографической безопасности особенно актуальны для северных регионов, где воспроизводство населения происходит в достаточно сложных природно-климатических и социально-экономических условиях. Республика Саха (Якутия), обладая значительным природно-ресурсным потенциалом, создающим основу для поступательного социально-экономического развития, вместе с тем имеет определенные препятствия к этому. Помимо природно-климатических условий к числу таких препятствий вполне справедливо отнести демографические особенности развития региона. И исследования, и практика свидетельствуют, что демографические проблемы для северных территорий не только сохраняют свою значимость, но и усугубляются.

Основная тенденция демографического развития Республики Саха (Якутия) – это отсутствие значимого роста численности населения. Подобная динамика стала результатом изменений в соотношении естественного и миграционного приростов. Длительное время возникший в 90-е годы отрицательный миграционный отток превышал естественный прирост, определяя в конечном итоге формирование численности населения региона. Миграционный отток остается почти в 1,5 раза большим, чем по Дальневосточному федеральному округу.

Благодаря другому источнику формирования населения, естественному приросту, численность не сокращается, несмотря на значительный миграционный отток населения (рис. 1).

Рис. Динамика коэффициентов естественного прироста населения за 2000–2015 гг., ‰

При росте за 2000–2015 гг. в 2,1 раза долговременным трендом все же остается снижение коэффициента естественного прироста (по сравнению с 1950 г. – более чем в 2,6 раза). Значительные показатели естественного прироста обусловлены высоким коэффициентом рождаемости. Якутия находится в первой десятке субъектов Российской Федерации и занимает 1-е место в Дальневосточном федеральном округе по данному коэффициенту. В то же время интегральный показатель демографической безопасности в сфере рождаемости, суммарный коэффициент рождаемости, только ненамного превышает уровень простого воспроизводства населения, хотя на протяжении 2000–2015 гг. непрерывно возрастал. В 2015 г. он составил 2,19 рождений на 1 женщину. Сокращение суммарного коэффициента рождаемости продолжилось и в 2016 г.

Индикаторы демографической безопасности особенно напряжены в сфере смертности населения. Отмечаемая положительная динамика общего коэффициента смертности обеспечивается за счет «молодой» возрастной структуры населения. В случае стандартизации коэффициентов смертности они окажутся в 2 раза выше фактических.

В качестве серьезных угроз демографической безопасности можно рассматривать достаточно высокую долю умерших в трудоспособном возрасте, хотя этот показатель имеет

тенденцию к снижению. Доля умерших мужчин в трудоспособном возрасте на протяжении 2000–2015 гг. в 2 и более раза превышала аналогичный показатель у женщин [14, с.289–291].

Сверхсмертность мужчин также следует квалифицировать как одну из угроз демографической безопасности региона. Сохранение неизменно высоких индексов сверхсмертности отмечалось и на предыдущих этапах [13, с.40-43]. Одна из главных угроз в сфере смертности – это достаточно внушительная смертность от внешних причин смерти (несчастных случаев, отравлений и травм, убийств, самоубийств). Наблюдается положительная динамика в сокращении доли этих причин смерти в общем числе умерших: в 1990 г. удельный вес умерших от внешних причин составлял 24,6%, в 2015 г. – 17%. Тем не менее по коэффициенту смертности эти причины смерти устойчиво занимают 2-е место после болезней системы кровообращения.

В гендерном отношении высокая смертность от внешних причин определяется мужчинами. Индекс сверхсмертности в 2015 г. составлял 4,57 раза (в 2000 г. – 4,51). К сожалению, гендерная составляющая во внешних причинах смерти остается без изменений. В 1990–1995 гг. этот класс причин смерти среди мужчин занимал 1 место, имея коэффициент смертности 427,8 на 100 тыс. населения, а коэффициент смертности от болезней кровообращения – 372,8. [11, с.126–135]. К сожалению, подобная ситуация отмечается достаточно давно, мало изменяясь к лучшему [3, с.31–33].

Таким образом, проблемы в сфере смертности представляют одну из главных угроз для демографической безопасности северного региона. Итоговый индикатор демографической безопасности в сфере смертности – ожидаемая продолжительность жизни – превысил уровень в 70 лет, рекомендованный мировым сообществом, только в 2015 г. (70,3 года).

В результате увеличения продолжительности жизни и сокращения рождаемости отмечается старение населения республики, которое также можно оценивать в качестве рисков демографической безопасности. По сравнению с 1990 г. доля пожилого населения возросла почти в 2 раза: с 6,7 % до 16% в 2015 г.

Значительные трансформации в демографическом развитии республики представляют серьезные угрозы для демографической безопасности, о чем свидетельствует динамика ее индикаторов (табл. 1).

Таблица

Динамика индикаторов демографической безопасности в Республике Саха (Якутия)

Индикаторы	Пороговое значение	2000	2005	2009	2010	2014	2015
Коэффициент депопуляции	1	0,709	0,708	0,586	0,583	0,483	0,499
Суммарный коэффициент рождаемости	2,15	1,77	1,74	2,00	2,01	2,25	2,19
Ожидаемая продолжительность жизни, число лет	75	63,7	64,7	66,5	66,8	69,8	70,3
<i>Отклонение фактического показателя от порогового значения, %</i>							
Коэффициент депопуляции	100	70,9	70,8	58,6	58,3	48,3	49,9
Суммарный коэффициент рождаемости	100	82,3	80,9	93,0	93,5	104,7	101,9
Ожидаемая продолжительность жизни, лет	100	84,9	86,3	88,7	88,9	93,1	93,7

Таким образом, развитие народонаселения Республики Саха (Якутия) сопровождается сохранением угроз, определяя напряженность в сфере демографической безопасности.

Сохранение напряженности в демографической сфере, отмечавшееся и ранее [6], свидетельствует о невысокой эффективности современной демографической политики в регионе.

К числу основных угроз, прежде всего, следует отнести высокий уровень смертности, особенно от внешних причин смерти. Анализ воспроизводства населения в регионе позволяет сформулировать в качестве ключевых вызовов демографической безопасности следующие:

- отсутствие значимого демографического роста в условиях сокращения резервов роста рождаемости, уменьшения активного репродуктивного контингента, старения населения;
- рост численности пожилого населения, представляющий в определенном смысле вызов для инновационного экономического развития;
- сохранение «отрицательной» роли миграционного оттока в формировании общей численности населения республики;
- сохранение сравнительно невысокого уровня ожидаемой продолжительности жизни, несмотря на позитивную динамику последних лет;
- наличие высоких потерь трудоспособного населения в результате преждевременной смертности от внешних причин смерти; сохранение сверхсмертности мужчин.

Изменение тенденций в воспроизводстве населения должно адекватно отражаться в приоритетах региональной демографической политики, которые должны соотноситься с угрозами, присутствующими в демографической сфере. Республика Саха (Якутия) имеет значительный опыт в проведении демографической политики [4, с.105–114]. Однако новые реалии в демографическом воспроизводстве ставят задачу совершенствования мер в отношении развития народонаселения, соотносимых с угрозами и рисками в демографической безопасности региона.

В области рождаемости актуальным моментом в мерах по стимулированию рождаемости должна стать их нацеленность на институциональные аспекты (доступность, приемлемость, низкая стоимость и качество услуг по воспитанию детей в детских дошкольных учреждениях [15, с. 411–438]. Стимулирование новых рождений, безусловно, имеет определенное влияние на воспроизводство населения. Однако представляется, что гораздо важнее сохранить уже рожденных детей живыми и здоровыми. Более значимую приоритетность по сравнению с мерами в отношении рождаемости должны иметь меры по снижению смертности населения. В этом аспекте представляются значимыми меры по поддержке самосохранительного поведения, формированию здорового образа жизни как одной из важных жизненных ценностей. Значимым направлением должны оставаться меры по снижению смертности от внешних причин. По-прежнему актуальна будет информационно-пропагандистская, идеологическая работа [5, с.115].

© Мостахова Т.С. Текст. 2017

Список источников

1. Асадулаев А.Б. Типология социально-экономической безопасности // Проблемы современной экономики. 2009. №4. С. 92.
2. Глушкова В.Г., Хорева О.Б. Демографическая безопасность России и ее регионов: проблемы и пути их решения. // Вестник финансового университета. 2014. № 3. С. 15.
3. Демографическая ситуация в Республике Саха (Якутия): проблемы и перспективы. Якутск, 1994. 72 с.
4. Мостахова Т.С. Региональная демографическая политика. Якутск: Якутский филиал Изд-ва СО РАН, 2001. 120 с.
5. Мостахова Т.С., Туманова Д.В. Демографическая безопасность региона (на примере Республики Саха (Якутия)) // Региональная экономика: теория и практика. 2009. №14. С. 111–115.

6. Мостахова Т.С. Демографическая безопасность региона. Якутск: изд-во ЯНЦ СО РАН, 2009. 187 с.
7. Рыбаковский Л.Л. Демографическая безопасность: геополитические аспекты // Народонаселение. 2004. № 1. С. 22–34.
8. Соболева С.В., Чудаева О.В. Демографическая безопасность России и ее регионов: факторы, проблемы, индикаторы // Регион: экономика и социология. 2008. № 3. С. 149–150.
9. Соболева С.В., Смирнова Н.Е., Чудаева О.В. Оценка демографической безопасности на примере Сибирского федерального округа // Экономическая безопасность России: проблемы и перспективы. Материалы III Международной научно-практической конференции. Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева. Нижний Новгород, 2015. С. 404–408.
10. Социально-демографическая безопасность России / Институт экономики УрО РАН. Екатеринбург, 2008.
11. Сукнева С.А., Туманова Д.В. Влияние витального поведения на трудовой потенциал северного региона // Актуальные проблемы, направления и механизмы развития производительных сил Севера. Материалы Четвертого Всероссийского научного семинара: в 2 частях. Сыктывкар, 2014. С. 126–135.
12. Татаркин А.И., Куклин А.А., Черепанова А.В. Социально-демографическая безопасность регионов России: текущее состояние и проблемы диагностики // Экономика региона. 2008. № 3. С. 154–162.
13. Туманова Д.В. Современное состояние сверхсмертности мужчин в Республике Саха (Якутия) // Региональная экономика: теория и практика. 2012. № 17. С. 40–43.
14. Туманова Д.В. Динамика смертности населения Республики Саха (Якутия) в условиях социально-экономических трансформаций // Современные проблемы межнациональных и межконфессиональных отношений. Якутск, 2016. С. 289–291.
15. Rindfuss K.G., Morgan Ph. 2003. The Changing Institutional Context of Low Fertility // Population Research and Policy Review - 22: 411–438.

Информация об авторе

Мостахова Татьяна Семеновна (Россия, г. Якутск) – доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник отдела региональных экономических и социальных исследований, Якутский научный центр Сибирского отделения РАН (6770000, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул.Петровского, 2; e-mail: mostakhovats@mail.ru)

Mostakhova T.S.

EXPERIENCE IN THE ASSESSMENT OF DEMOGRAPHIC SECURITY IN THE NORTHERN REGION

Theoretical aspects of demographic security are discussed in the article, the threats and risks of demographic security are analyzed in the Northern region on the example of Republic of Sakha (Yakutia). Identifying the particularities of reproduction of the population contributes to the concretization of the regional demographic policy with the aim of increasing its effectiveness.

Key words: demographic security; Northern region; population reproduction; regional demographic policies; the Republic of Sakha (Yakutia)

Information about the author

Mostakhova Tatyana S. (Russian Federation, Yakutsk) – doctor of economic sciences, leading researcher of the Department of regional economic and social research, Yakut scientific center, SB RAS (677000 The Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, street Petrovsky, 2; e-mail: mostakhovats@mail.ru)

КАДРЫ УРАЛЬСКОГО АВТОМОБИЛЕСТРОЕНИЯ: ТРУДОВЫЕ РЕСУРСЫ УРАЛЗИС В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена анализу кадрового потенциала Уральского автомобильного завода имени И.В. Сталина, возникшего в годы Великой Отечественной войны на базе ресурсов автомобильного завода ЗИС, эвакуированного из г. Москвы. На основе архивных данных показан процесс эвакуации предприятия и его персонала. Представлена численность сотрудников завода, рассмотрен уровень квалификации рабочих, источники пополнения завода трудовыми ресурсами, возрастной и половой состав рабочих, а также способы повышения квалификации рабочих на предприятии в условиях военного времени.

Ключевые слова: трудовые ресурсы, рабочие, УралЗИС, Миасс, Уральский автомобильный завод, ЗИС, история автомобилестроения.

Создание автомобильной промышленности на Урале связано с эвакуацией промышленных предприятий в восточные регионы страны в годы Великой Отечественной войны. Именно в это время уральский тыл стал местом размещения многих предприятий стратегически важных отраслей промышленности, в том числе и автомобильной [5; 3]. Среди прочих промышленных гигантов на Урал были перемещены производственные мощности и трудовые ресурсы Московского автомобильного завода имени И.В. Сталина (ЗИС). Решением Государственного комитета обороны от 30 ноября 1941 г. значительная часть оборудования и кадров флагмана советской автомобильной промышленности были эвакуированы в уральские города: Миасс, Челябинск, Шадринск, Троицк, Ирбит. Часть мощностей завода была отправлена в Поволжье – Ульяновск [2, с. 10].

В результате машиностроительный гигант был рассредоточен на нескольких промышленных площадках. В Миассе в апреле 1942 г. началось производство двигателей и коробок переключения передач грузовиков ЗИС-5, в июле того же года было налажено производство кованых, штампованных деталей и заготовок на Челябинском кузнечнопрессовом заводе им. И.В. Сталина. В первом полугодии 1942 г. было развернуто производство карбюраторов и других узлов системы питания, охлаждения и смазки Шадринским автоагрегатным заводом (ШААЗИС). Сборку грузовиков из эвакуированного вместе с оборудованием задела деталей в мае 1942 г. освоил Ульяновский филиал ЗИСа («УльЗИС», впоследствии «Ульяновский автомобильный завод»). В дальнейшем часть оборудования из Ульяновска и других городов реэвакуировали в Москву, где ЗИС с июня 1942 г. возобновил выпуск грузовиков. Позже оставшаяся часть оборудования из Ульяновска поступила в Миасс, где на основе автомоторного производства был образован Уральский филиал ЗИСа – «УралЗИС». С июля 1944 г. новый Уральский автомобильный завод, как и московский ЗИС, стал выпускать грузовики ЗИС-5В [6, с. 161–163].

Сложнейшая военная обстановка, изменение профиля предприятий, их эвакуация сломали ранее сформированную инфраструктуру советского автомобилестроения. Так, например, южная металлургическая база (Донбасс) – основной поставщик тонкого стального листа – оказалась на оккупированной территории. Многие предприятия смежники в силу военных разрушений, а также увеличения объемов заказов для нужд оборонной промышленности не могли обеспечить автомобильные заводы комплектующими [6, с. 163].

Наиболее сложная обстановка сложилась на эвакуированных предприятиях, размещавшихся на неподготовленных площадках. Не являлся исключением и УралЗИС, начало эвакуации которого, проходило в условиях суровой уральской зимы 1941–1942 гг. В декабре 1941 г. началось комплектование будущего завода инженерно-техническими кадрами и рабочей силой. Со второй половины декабря стало поступать эвакуированное из Москвы оборудование. Вновь создаваемый завод расположили на промышленной площадке

завода № 316 Наркомата боеприпасов СССР. В годовом отчете завода за 1942 г. отмечается, что спешно погруженное оборудование прибывало на открытых железнодорожных платформах, обледеневшее, занесенное снегом и покрытое ржавчиной. Полученные материалы, оборудование и полуфабрикаты разгружались прямо в снег, без достаточного количества подъемных механизмов. Параллельно осуществлялась погрузка оборудования завода № 316. Всего работниками предприятия было разгружено 2080 вагонов с оборудованием и материалами. На разгрузку были брошены все кадровые работники завода не занятые проектированием.¹

Одновременно с оборудованием в Миасс прибывали и кадры квалифицированных рабочих московского завода. По данным на 1 января 1942 г. на предприятии насчитывалось 1561 эвакуированный работник. Из них: 1090 рабочих, 374 инженерно-технических работников (ИТР), 62 – служащих, 35 – младшего обслуживающего персонала.²

Дополнительные трудности для организации работы эвакуированного предприятия создавал острый недостаток жилья, удаленность жилых помещений от заводской площадки. Вновь прибывшие рабочие завода были расселены в близлежащих населенных пунктах: в г. Миасс, который располагался в 12 км от завода, в пристанционном поселке Труд, путь до которого составлял 5 км, а также селе Сыростан, находившемся в 22 км от промышленной площадки и заводских корпусов.³

Несмотря на тяжелые условия труда и жилищно-бытовые проблемы, численность сотрудников предприятия росла. В 1942 г. среднесписочный состав рабочих основного производства составлял 3759 чел., постоянно увеличиваясь, к 1945 г. он вырос на 86%, до 6992 чел. (См. Табл. 1). Основную долю сотрудников предприятия составляли высококвалифицированные рабочие и ИТР. Пополнение штата предприятия рабочими имело свои сложности. Заводу было трудно набрать рабочих среди населения Миасского района Челябинской области, а наряды на получение квалифицированных рабочих из других местностей страны выполнялись не в полном объеме. В этих условиях дефицит рабочих компенсировали применением сверхурочных работ и повышением производительности труда. Значительное количество квалифицированных рабочих и ИТР было переведено на предприятие с эвакуированных предприятий автомобильной промышленности вместе с оборудованием. Так, в 1944 г. из Ульяновска и Шадринска на УралЗИС вместе с оборудованием главного сборочного конвейера и ряда других цехов были переведены 214 инженерно-технических работников и 48 человек младшего обслуживающего персонала.⁴ В отличие от рабочих и ИТР количество служащих на протяжении исследуемого периода росло медленно, а в 1944 г. их количество сократилось до 248 чел., что ниже показателя 1942 г., когда было запущено производство. Для этой категории работников предприятия был характерен постоянный недокомплект. В отчете завода это положение объясняется низкой (в сравнении с рабочими) заработной платой, а также более тяжелыми бытовыми условиями (сниженные нормы снабжения продуктами питания, потребительскими товарами и прочее).⁵

Кроме основного производства завода УралЗИС – производство запчастей, комплектующих, автомобилей на предприятии существовало подсобное хозяйство. Огромное производство завода, обустройство предприятия, заготовка топлива, обслуживание транспортной инфраструктуры (железнодорожная ветка, автохозяйство завода) требовало значительных трудозатрат. Для этой цели в штате предприятия существовала непромышленная группа рабочих. По мере развития основного производства предприятия увеличивалась деятельность вспомогательных служб, вместе с ней рос и среднесписочный

¹ Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО) Ф. Р-1640. Оп. 1. Д. 13. Л. 6.

² ОГАЧО Ф. Р-1640. Оп. 1. Д. 13. Л. 11.

³ ОГАЧО Ф. Р-1640. Оп. 1. Д. 13. Л. 11.

⁴ ОГАЧО Ф. Р-1640. Оп. 1. Д. 37. Л. 165.

⁵ ОГАЧО Ф. Р-1640. Оп. 1. Д. 37. Л. 166.

состав непромышленной группы рабочих. В 1942 г. их насчитывалось 464 чел., в 1943 г. – 909 чел., в 1944 г. – 997 чел., в 1945 г. – 1225 чел.¹

Таблица 1

Среднесписочный состав рабочих основного производства завода УралЗИС в 1942–1945 гг.*

Категории сотрудников предприятия	1942	1943	1944	1945
Рабочие	2674	4157	4297	5258
Инженерно-технические работники	739	973	1187	1255
Служащие	260	271	248	298
Младший обслуживающий персонал	86	90	138	145
Ученики	0	170	73	36
Итого	3759	5661	5943	6992

*Составлено по: ОГАЧО Ф. Р-1640. Оп. 1. Д. 37. Л. 165; ОГАЧО Ф. Р-1640. Оп. 1. Д. 46. Л. 149.

Представленные в таблице 1 данные показывают, что завод постоянно наращивал количество сотрудников. Однако, немаловажным аспектом рассматриваемой темы, является вопрос об источниках комплектования кадров и причинах выбытия рабочих с завода. Для этого обратимся к данным за 1944 г. – время, когда на заводе было налажено полноценное производство автомобилей, а также 1945 г., показатели которого охватывают не только военное время (См. Табл. 2). Приведенные данные свидетельствуют о том, что основными источниками пополнения рабочей силы был перевод сотрудников с других предприятий (29,3%), мобилизация рабочих (24,0%) и сотрудников направленных из РККА (20,8%). Привлечение заводом рабочей силы без прямого участия государства имела, куда меньшие масштабы. Работники предприятия, принятые на условиях вольного найма составляли 18,2% от общего количества сотрудников завода, а вновь поступившие выпускники рабочих училищ и школ ФЗО 7,7%. Коренным образом меняется ситуация в 1945 г., когда основными источниками пополнения кадров становится вольный найм (33,0%), а также выпускники учебных заведений (29,5%). Новым явлением стало возвращение на предприятие ранее дезертировавших рабочих.

Отметим, что поступление рабочего на завод, отнюдь не гарантировало его закрепление на новом месте. На предприятии наблюдалось колоссальная текучесть кадров. (См. Табл. 3). Подсчеты показывают, что только в 1944 г. выбывшие с завода рабочие составляли 38,1% от среднесписочного состава сотрудников предприятия, или 68,7% от вновь принятых работников завода. Основными причинами выбытия рабочих с завода были увольнение работников по причине инвалидности (37,3%), а также самовольный уход с предприятия (34,6%), который квалифицировался законодательством как дезертирство. Причины такого положения, очевидны: не дооборудованные рабочие места, тяжелые условия труда, острый дефицит жилых помещений, проблемы со снабжением продовольственными и потребительскими товарами².

Не следует думать, что «бегство кадров» с автомобильного завода было чем-то необычным для промышленности. Подобное положение дел было характерно и для других промышленных предприятий Урала. По подсчетам А.А. Антуфьева, в 1941–1945 гг. с промышленных предприятий региона ежегодно «сбегало» не менее 100–150 тыс. чел. Это при том, что в целях закрепления кадров в ведущих отраслях индустрии Президиум Верховного Совета СССР 26 декабря 1941 г. принял указ «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий». Согласно этому указу самовольно ушедшие приравнивались к дезертирам и подвергались наказанию в виде тюремного заключения на срок от пяти до восьми лет [1, с. 262].

¹ ОГАЧО Ф. Р-1640. Оп. 1. Д. 46. Л. 149–150.

² ОГАЧО Ф. Р-1640. Оп. 1. Д. 37. Л. 118–183; ОГАЧО Ф. Р-1640. Оп. 1. Д. 46. Л. 176–179; 272–272 об.

Таблица 2

Распределение рабочих и служащих, пришедших на УралЗИС в 1944–1945 гг., по источникам комплектования (человек, %)**

Источники комплектования	1944		1945	
	человек	%	человек	%
Работники, направленные из РККА	684	20,8	84	5,3
Выпускники рабочих училищ и школ ФЗО	253	7,7	463	29,5
Рабочие, переведенные с других заводов	963	29,3	121	7,7
Рабочие, направленные по трудовой мобилизации	791	24,0	293	18,7
Принято по вольному найму	600	18,2	519	33,0
Возвратилось дезертиров	0	0,0	91	5,8
Итого	3291	100,0	1571	100,0

**Составлено по: ОГАЧО Ф. Р-1640. Оп. 1. Д. 46. Л. 155.

В 1945 г. доля рабочих ушедших с завода хоть и снизилась, но по-прежнему оставалась высокой и составляла 18,9% от среднесписочного количества сотрудников предприятия (См. Табл. 3). Изменилась структура причин ухода. Сократился удельный вес работников выбывших по причине инвалидности (до 29,9%), а также количество дезертировавших работников (до 25,8%). Увеличился удельный вес сотрудников покинувших завод для получения образования (6,1%) и по семейным обстоятельствам (18,8%).

Рассмотрим данные о том, откуда поступали работники на завод. Для этого обратимся к отчетным данным на начало 1945 г. Из общего количества работников предприятия на 1 января 1945 г. доля коренных жителей Миасского района Челябинской области составляла 18,4%, сотрудников эвакуированных из Москвы – 24,3%, направленных из РККА – 19,3%, рабочие мобилизованные из прочих местностей СССР составляли 38,0% работников завода.¹ Представленные цифры свидетельствуют о том, что в количественном отношении подавляющую долю работников УралЗИС составляли трудовые ресурсы, мобилизованные государством. Тем не менее, главным трудовым ресурсом предприятия, позволяющим ему решать сложные производственные вопросы, по-прежнему являлись «старые кадры», прибывшие в Миасс из Москвы.

Таблица 3

Распределение работников, ушедших с УралЗИС в 1944–1945 гг., по причинам выбытия (человек, %)**

Причины выбытия	1944		1945	
	человек	%	человек	%
По семейным обстоятельствам	162	7,2	249	18,8
Инвалидность	844	37,3	395	29,9
Дезертировало	782	34,6	341	25,8
Направление на обучение	71	3,1	80	6,1
Прочие причины	403	17,8	256	19,4
Всего	2262	100	1321	100

Составлено по: ОГАЧО Ф. Р-1640. Оп. 1. Д. 46. Л. 155.

Мы рассмотрели количественную сторону кадрового обеспечения предприятия. Однако следует учитывать, что далеко не каждый вновь принятый на завод рабочий обладал

¹ ОГАЧО Ф. Р-1640. Оп. 1. Д. 37. Л. 166.

необходимыми навыками и достаточным уровнем подготовки. Поэтому, преодоление «кадрового голода» на заводе осуществлялось не только путем увеличения количества принятых работников, но и за счет обучения рабочих непосредственно на производстве, а также организацией технических курсов повышения квалификации. Работа по техническому обучению возникла на заводе с момента его пуска в 1942 г. Обучение проводилось непосредственно в заводских цехах. В качестве преподавателей привлекались ИТР, мастера и квалифицированные рабочие, прибывшие с московского автозавода. В 1942 г. на производстве было подготовлено 2544 чел. Эта работа была продолжена и в последующие годы: в 1943 г. подготовлено 1877 чел., а в 1944 г. – 2122 чел. Обучение кадров и повышение их квалификации осуществлялось в стахановских школах, на целевых курсах и в техникуме. В 1943 г. таким способом было подготовлено 1405 чел., в 1944 г. – 2775 чел.¹

К 1944 г. на заводе имелась развитая сеть курсов по различным специальностям. На предприятии действовали курсы мастеров производства, наладчиков, водителей автомобилей, курсы повышения квалификации технологов, конструкторов, чертежников, счетоводов. Кроме сети курсов при заводе функционировало ремесленное училище № 26, школа фабрично-заводского обучения (ФЗО) № 9, автомеханический техникум с вечерним отделением на территории завода. Воспитанники перечисленных учебных заведений проходили практику на оборудовании предприятия и по окончании курса обучения пополняли заводские кадры. Только в 1944 г. завод принял 435 выпускников ремесленного училища и школы ФЗО, а также 40 выпускников автомеханического техникума г. Миасса².

В 1945 г. количество рабочих заново подготовленных в ходе производственного обучения заметно сокращается. Это связано с тем, что к этому времени завод полностью освоил цикл производства: выпускал автомобили и изготавливал к ним запасные части, а, следовательно, обладал необходимыми для этого трудовыми ресурсами. Поэтому, общее количество сотрудников вновь прошедших обучение составило 2160 чел. Из них рабочим специальностям было обучено лишь 479 чел. Окончание Великой Отечественной войны, назревшая необходимость модернизации производства требовали повышения квалификации не только рабочих принятых недавно, но и переобучения старых кадров. Среди общего количества работников предприятия прошедших обучение, значительно выросла доля рабочих повысивших квалификацию. Это показатель достиг значительного уровня – 78% (1681 чел.)³.

Масштабная деятельность предприятия по обучению кадров, которая реализовывалась в рамках образовательной политики советского государства по подготовке технических кадров, была своевременна и эффективна. В сложнейших условиях военного времени завод решал не только текущие проблемы, но и действовал на перспективу. Если посмотреть на возраст сотрудников вновь организованного завода, то его коллектив можно назвать молодым. По данным на 1944 г. работники до 16 лет составляли 2,6% от всего трудового коллектива, рабочие от 16 до 25 лет – 36,6%, от 25 до 35 лет – 29,2%, а работники от 35 лет и более – 31,6%.⁴ Для полноты описания состава трудового коллектива завода приведем данные о соотношении полов. По данным на 1945 г. основную часть трудового коллектива завода составляли мужчины, их доля составляла 62%, а женщин 38%.⁵

Подведем итоги. Рассмотренные данные позволяют сделать вывод о том, что, несмотря на тяжелейшие условия военного времени, при крайне ограниченных материальных ресурсах советскому государству удалось сохранить трудовые ресурсы и производственные мощности одного из крупнейших автомобильных предприятий страны. В результате эвакуации Московского автомобильного завода им. И.В. Сталина было организовано технологически сложное производство в тыловых районах страны. Сотрудники

¹ ОГАЧО Ф. Р-1640. Оп. 1. Д. 75. Л. 10.

² ОГАЧО Ф. Р-1640. Оп. 1. Д. 37. Л. 167–168.

³ ОГАЧО Ф. Р-1640. Оп. 1. Д. 46. Л. 155.

⁴ ОГАЧО Ф. Р-1640. Оп. 1. Д. 37. Л. Л. 166.

⁵ ОГАЧО Ф. Р-1640. Оп. 1. Д. 46. Л. 151.

предприятия, а также эвакуированное вместе с ними оборудование заложили основу для дальнейшего развития автомобилестроения в Поволжье и на Урале. Материалы о кадровом составе УралЗИС свидетельствуют, что активно используемая государством мобилизационная система комплектования кадров, а также действовавшая в стране система профессионального обучения позволяли преодолевать кадровый дефицит на стратегически важных предприятиях промышленности. Вместе с тем, нельзя не отметить, что эвакуация людей, имевшая несомненный положительный эффект, была сопряжена с тяжелейшими условиями труда и как следствие высоким уровнем травматизма, а также крайне сложными жилищными условиями, трудностями снабжения продуктами питания и потребительскими товарами.

© Пьянков С.А. Текст. 2017

Список источников

1. Антуфьев А. А. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург: УрО РАН, 1992. 336 с.
2. Корман В. М. Уральский автомобильный завод // Автомобильный завод «Урал»: энциклопедия / редкол. В.М. Корман и др. Челябинск: Каменный пояс, 2009. С. 393–394.
3. Корнилов Г. Е. Эвакуация населения на Урал в годы Великой Отечественной войны // Уральский исторический вестник. 2015. № 4(49). С. 112–121.
4. Манин А. В. Уральский автомобильный: Страницы истории ордена Октябрьской революции и ордена Трудового Красного Знамени автомобильного завода имени 60-летия СССР. Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1987. 191 с.
5. Потемкина М. Н. Эвакуация в годы Великой Отечественной войны на Урал. Люди и судьбы. Магнитогорск: Магнитогорский государственный университет, 2002. 265 с.
6. Шугуров Л. М. Автомобили России и СССР. Ч. 1. М.: ИЛБИ, 1993. 256 с.

Информация об авторе:

Пьянков Степан Александрович (Россия, Екатеринбург) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора экономической истории Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (620990, Россия, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16. kliostefan@mail.ru)

P'yankov S.A.

STAFF OF THE URAL AUTOMOBILE INDUSTRY: LABOR RESOURCES OF URALZIS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

The article is devoted to the analysis of the staff capacity of the Ural Automobile Plant named after I.V. Stalin (UralZIS), established during the Great Patriotic War on the basis of the resources of the ZIS automobile plant evacuated from Moscow. Based on the archived data, the evacuation of the enterprise and its personnel is shown. The number of employees on the plant, the skill level of the workers, the sources of replenishment of the plant with labor resources, the age and sex distribution of workers is presented. As well as the ways of improving the skills of workers at the enterprise in wartime conditions.

Key words: labor resources, workers, UralZIS, Miass, Ural Automobile Plant, ZIS, history of the automotive industry.

Information about the author

P'yankov Stepan Aleksandrovich (Russia, Ekaterinburg) – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of economic history department, Institute of history and archaeology of the Ural branch of the Russian academy of sciences (620990, Russia, Ekaterinburg, S. Kovalevskoy st., 16. kliostefan@mail.ru)

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ В 1990–2000-х гг.

В статье анализируется в динамике система показателей, характеризующих демографический потенциал края. Все процессы рассмотрены в сравнении с аналогичными по России в целом, трактуются на основе теории демографической модернизации и конкретизирующей ее концепции второго демографического перехода.

Ключевые слова: демографический потенциал региона, естественный прирост, миграция.

Объектом рассмотрения в данной работе является демографический потенциал Красноярского края – самого крупного по числу жителей субъекта Сибирского федерального округа, а предметом – характер и результаты изменений его основных компонентов за последнюю четверть века. Актуальность этого исследования в том, что оно позволит: 1) на примере крупнейшего региона уточнить характер развития базовой – демографической – сферы России и лучше понять суть происходящего в ней; 2) углубить представление об особенностях очередного этапа российской модернизации; 3) яснее увидеть истоки и состояние современных социально-демографических проблем. Кроме того, изучение разнообразия демографической ситуации в регионах дает надежду на получение новых эмпирических данных для совершенствования теоретико-методологической базы демографических исследований. Рассмотрение объекта на региональном уровне актуализируется также тем, что реализация программ демографического развития России отнесена, главным образом, к компетенции регионов. А это требует знаний особенностей развития каждого из них

В литературе нет общепризнанного понятия «демографического потенциала». Предлагаемая работа основана на определении его сущности, данном А.Г. Вишневым с соавторами [5, с. 32], которое разделяют и другие исследователи [6, с. 105–106]. Они считают, что демографический потенциал страны/территории – это, в первом приближении, число ее жителей. Он характеризуется численностью населения, его возрастной структурой, воспроизводством (рождаемостью, смертностью), величиной ожидаемой продолжительности жизни, размерами миграционного прироста. Демографический потенциал представляет собой возможность количественного и качественного изменения населения в результате взаимодействия естественного и механического движений. «Скорость» и результаты изменений зависят от многих факторов, начиная с исходных количественных и качественных характеристик населения.

Для оценки демографического потенциала Красноярского края необходимо:

- охарактеризовать динамику численности населения края, его возрастной структуры;
- проанализировать процессы естественного движения, тип и режим воспроизводства новых поколений;
- понять характер семейно-брачных отношений – главного фактора воспроизводства;
- определить роль миграции как источника формирования населения;
- выявить формы проявления общих закономерностей и особенности развития населения в сибирских условиях;

Данная работа базируется на итогах всеобщих переписей населения 1989, 2002 и 2010 гг., микропереписи 2015 г., материалах текущей демографической статистики.

Судя по источникам, основные тенденции развития демографического потенциала края в постсоветское время были теми же, что и России в целом. Но все процессы у сибиряков имели специфику, которая отражалась в количественных характеристиках, часто значительно отличавшихся от среднероссийских. При вступлении в постсоветскую эпоху население края представляло собой популяцию в фазе незавершенного демографического

перехода. Черты традиционного общества (ранняя всеобщая брачность, массовое рождение детей в молодом возрасте, очень высокая смертность) сочетались с явлениями (нерегистрируемые браки, высокая внебрачная рождаемость и др.), которые свидетельствовали о переходе красноярцев от традиций и стандартов к личной свободе в демографическом поведении.

В 1990-х гг. ускорилась модернизация демографической сферы края по западному образцу. Не только в городе, но и в деревне четко обозначились основные признаки второго демографического перехода, хотя общественные условия (в широком плане) были далеки от тех, которыми отличались страны Запада, где впервые в 1970-х гг. был обнаружен этот переход. У сибиряков он был вызван фундаментальными сдвигами в их жизненном цикле, трансформацией всей системы ценностей и норм, в том числе социально-демографических.

Развитие второго демографического перехода определило характер изменения демографического потенциала края, всех его параметров, начиная с численности.

Численность населения. Малая численность населения, несоизмеримость ее с территорией, всегда являлась острой проблемой в крае. В досоветские и советские времена она решалась с помощью мощной миграции и более высокого, чем в Европейской России, естественного прироста. Благодаря им число красноярцев постоянно росло. Но с 1993 г. население края, как и России в целом, стало сокращаться из-за депопуляции и миграционного оттока. И если в городских поселениях в 2010 г. возобновился его рост, благодаря чему со следующего года стала расти и общая численность жителей края, то сельское население продолжает сокращаться и нет оснований ожидать хотя бы его стабилизации.

На 1 января 2017 г. численность населения края составила 2866,5 тыс. чел., что на 297,7 тыс. (на 9,4%) меньше, чем в конце 1991 г. С того времени число горожан уменьшилось на 5,3%, сельчан – на 20,8% против 3,2% в России [1]. Масштабы людских потерь различались по районам края. Но они наблюдались практически везде, и были болезненными, так как еще больше увеличилось несоответствие между немногочисленным населением и огромными территориями, нуждающимися в освоении.

Пропорции между городским и сельским населением заметно изменились. В конце 1991 г. доля сельских жителей в крае была такой же, как в РСФСР (соответственно 26,3 и 26,2%). Но за четверть века она снизилась до 23,0 % против 25,7% в РФ, поскольку темпы сокращения численности сельчан в крае были в 6,5 раз выше, чем в стране [1].

Компоненты изменений демографического потенциала. Динамику численности населения, как обычно, определяли естественный и миграционный прирост (убыль). Но их качество изменилось. Вклад каждого в формирование населения на разных этапах истории края различался, иногда принципиально. Решающую роль чаще играл механический прирост. Но его размеры и удельный вес снижались со временем. В конце 1980-х гг. он стал отрицательным и оставался таковым до 2011 г. (табл. 1).

Таблица 1

Компоненты изменения общей численности населения Красноярского края (чел.) [1]

Годы	Численность населения на 1 января	Изменения за год			Численность населения на 31 декабря
		общий прирост	в том числе		
			естественный прирост	миграционный прирост	
1992	3164219	-3625	969	-4594	3160594
1993	3160594	-21130	-10622	-10508	3139464
2003	2961871	-29966	-13840	-16126	2931905
2011	2829105	9291	1324	7967	2838396
2015	2858773	7717	4964	2753	2866490

Несколько лет миграционный отток населения перекрывался естественным приростом, но с 1993 г. он стал тоже отрицательным. До 2003 г. потери от него

превосходили, иногда в разы, механическую убыль, а затем более крупными стали механические потери. Первые положительные сдвиги в динамике численности населения края проявились в 2009–2010 гг. (сократились потери от того и другого), а с 2011 г. начался ее устойчивый рост за счет обоих компонентов.

Причины снижения миграционного прироста до отрицательной величины – мощный отток населения из Сибири после распада СССР. За 1992–2010 гг. край лишился из-за миграции более 150,6 тыс. чел. Механический прирост в 2011–2015 гг., теперь снова замедлившийся, составил 16,8 тыс. и компенсировал чуть более десятой части оттока [1].

Роль миграции в динамике численности красноярцев в современный период не сопоставима с советскими десятилетиями. После 1991 г. отмечается значительное снижение числа как прибывших в край, так и выбывших. Но влияние миграции на население многогранно. Так, она тормозит рост рождаемости, которая мешает переездам. В крае все еще очень высок удельный вес «неместных уроженцев». В 2015 г. он составлял 48,9% против 42,5% в РФ. Половина их (23,4%) переселилась до 1991 г., вторая переезжала в постсоветское время примерно равными по годам «порциями» [2]. Продолжается, как в советское время, чрезмерный отток из деревни молодых женщин, а с ними уходит ее демографический потенциал. Часть его перемещается в красноярские города, а деревня, как прежде, выступает их демографическим «донором», другая часть теряется с оттоком людей за пределы края.

Второй источник формирования населения – естественный прирост – в крае отличается тем, что он перешел в фазу открытой депопуляции в 1993 г., на год позже, чем в России в целом, и стал снова положительным на три года раньше, с конца 2009 г. Появление отрицательного естественного прироста в крае, как и в целом в стране, – следствие господства в течение трех последних советских десятилетий низкой рождаемости и высокой смертности. Воспроизводство населения в красноярских городах стало суженным в середине 1960-х гг., но особая «молодость» возрастной структуры их жителей маскировала ситуацию и позволяла приросту оставаться положительным даже на уровне выше среднероссийского. Положение «спасали» также жители деревни, до начала 1990-х гг. сохранявшие расширенное воспроизводство. Но за два десятилетия общекраевой нетто-коэффициент все же опустился ниже единицы. В 1990 г. он составил 0,889 и продолжал снижаться, достигнув 0,544 в 1999 г. После этого начался его медленный рост, приостановившийся в последнее время [1].

Рождаемость. Первой причиной долговременного сохранения отрицательного естественного прироста населения в крае, как и в России в целом, считается спад рождаемости. Он хорошо прослеживается по динамике ее суммарного коэффициента (СКР) (табл. 2). Его величина упала в крае с 2,349 в 1987 г. до 1,530 в 1992 г. Теперь он мог обеспечить воспроизводство населения не более чем на 70%, с учетом того, что простое замещение поколений возможно с СКР, равным 2,1–2,2 живорождений в среднем на одну женщину. Все 1990-е гг. СКР сокращался и опустился до 1,168 в 1999 г. Затем он снова начал расти, но к 2015 г. поднялся лишь до 1,837. Этот показатель очень различается в городах и селах края. СКР сельского населения в 2009 г. вернулся к уровню простого воспроизводства (2,197), и его размеры (2,908 в 2014 г.) уже несколько лет обеспечивают расширенное замещение поколений в деревне. Но, составляя менее четверти населения, сельские жители не могут исправить общую ситуацию в крае. Ее определяют горожане. Их СКР в 2014 г. составлял лишь 1,610 [1].

Таблица 2

Основные показатели воспроизводства населения Красноярского края в 1991 и 2015 гг. [1,3]

Годы	На 1000 чел. число		Суммарный коэффициент рождаемости	Ожидаемая продолжительность жизни, лет		Коэффициент младенческой и смертности	Возрастной состав, %*	
	рождения	смертей		муж.	жен.		0-15 лет	60 и более

1991	13,0	9,8	1,735	62,5	73,5	21,2	27, 2	11,3
2015	14,4	12,7	1,837	64,0	75,3	6,2	19, 1	18,0

* По переписи 1989 г. и на 1 янв. 2016 г.

Репродуктивный процесс в крае перестроился по канонам второго демографического перехода. Материнство «стареет», рождаемость выросла во всех возрастах старше 25 лет и резко сократилась в младших и т.д. Но больше детей у современных матерей не стало. Эффективность реализации демографического потенциала слишком низка.

Смертность - второй компонент естественного прироста населения – внесла особенно большой вклад в снижение его до отрицательных величин. Ее уровень в крае в последние советские десятилетия значительно превышал среднероссийский во всех группах населения. Особенно высоким он был в деревнях, намного выше, чем в городах. В 1980-х гг. величина общего коэффициента смертности (ОКС) у красноярцев колебалась в пределах 9,3–9,5‰ [1].

Очередные изменения смертности в крае, как в РСФСР в целом, начались во второй пол. 1980-х гг. В динамике ее уровня выделяются несколько этапов: повышение в 1988–1994 гг. до 14,9‰, небольшое снижение в 1995–1997 гг., новый рост с 1998 по 2005 гг., когда она достигла максимума (15,8‰), превысив уровень 1987 г. почти вдвое. С 2006 г. ситуация улучшается. Отмечается снижение общих коэффициентов смертности и стабилизация их на уровне 12,7‰ в 2013–2015 гг. Но показатель остается слишком высоким, особенно в деревне. В 2005 г. ОКС составлял 14,3‰ в городах и 20,7‰ в деревнях, в 2013–2015 гг. – соответственно 11,8 и 15,6–15,8‰ [1]. Это различие частично определяется более «старым» возрастом сельчан. Но главные причины лежат в иной плоскости.

Самое крупное достижение в демографической сфере края – резкое снижение младенческой смертности, значительно превышавшей среднероссийский уровень в советский период. В 1991 г. она составляла 21,2‰ против 17,8‰ в РСФСР. Таким ее уровень оставался, с небольшими изменениями, до конца десятилетия. А в 1999 г. он «подскочил» до 24,6‰. Перелом наступил в 2002 г., когда коэффициент (КМС) упал до 16,6‰. Все последующие годы продолжалось его снижение. В 2008 г. впервые в истории края смертность младенцев опустилась ниже 10 промилле – до 9,7‰, в 2014 г. она составила 8,3, в 2015 г. – 6,2‰. Однако этот успех достигнут в основном в городах. А сельские жители, обделенные всем, что касается жизни и смерти, «проигрывают» и в этом. В 2015 г. младенческая смертность составляла у них 11,1‰ против 4,8‰ у горожан [1].

Положительные изменения в смертности, в основном в младенческой, сказались на продолжительности жизни красноярцев – базовой характеристике демографического потенциала. В течение десятилетий показатели ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) и у мужчин, и у женщин в крае были хуже, чем в среднем в России: жизнь была короче, образовалась слишком большая разница между полами, между горожанами и сельчанами. Например, в 1990–1991 гг. ОПЖ в России составляла 69,0 года, а в крае – 67,7. «Век» российских мужчин был равен 63,5, а в крае – 62,2 года, женщин – соответственно 74,3 и 73,2 года. В городах красноярцы жили в среднем по 68,2 года, в деревнях – 66,0 лет ¹

Ситуация мало изменилась до настоящего времени, хотя после 1991 г. показатель ОПЖ претерпел значительную эволюцию. Сначала он «обрушился» к 1994 г. до 61,1 года, в т.ч. до 54,8 года у мужчин и 68,8 года у женщин. Затем начался его неустойчивый медленный рост, который идет до сих пор. В 2009 г. показатель вернулся к уровню начала 1990-х гг. (67,65 года), а в 2015-м – к 1987 г. и составил 69,7 года, в т.ч. 64,0 года у мужчин и 75,3 у женщин. В итоге за рассматриваемую четверть века продолжительность жизни в крае выросла на 2 года, в т.ч. у мужчин – на 1,8, у женщин – на 2,1. Важно отметить не только

¹ Численность, состав и движение населения в Российской Федерации. М., Респ. инф-изд. центр, 1992. С.393,398

малый рост показателя, но и сохранение большой разницы его между полами – 11,3 года, и между городом и деревней. В начале 1990-х гг. она составляла 2,2 года, теперь – 4,4. В 2015 г. ОПЖ горожан составляла 70,7, а сельчан – 66,3 года [1].

Возрастная структура. Третий фактор, определяющий демографический потенциал населения – его возрастная структура. Красноярцы до конца советского периода были «моложе» среднестатистических россиян. Их молодость обуславливалась, с одной стороны, гибелью до срока большей части старших поколений в катаклизмах XX в., с другой, обилием молодых переселенцев и более высокой рождаемостью в крае. Как всякое модернизирующееся население, красноярцы «старели», но оставались моложе среднестатистических россиян. Их «молодость» подтверждается распределением по трем крупным возрастным группам (табл. 2). По переписи 1989 г., лица старше 60 лет составляли в населении края 11,3%, дети в возрасте 0–15 лет – 27,2%, а в РСФСР – соответственно 15,3 и 24,5% [3, с. 20, 305].

В постсоветские десятилетия процесс старения красноярцев ускорился и шел примерно одинаковыми темпами, причем быстрее, чем россиян в целом, из-за миграции – край чаще покидали молодые люди. В результате «разница» между краевыми и общероссийскими возрастными показателями почти стерлась. Средний возраст красноярцев в 2015 г. составил 39,5, россиян – 40,6 года.

Воспроизводственные возможности возрастной структуры красноярцев ухудшились. К началу 2016 г. доля лиц в возрасте 60 лет и старше поднялась до 18,0%, а детей – снизилась до 19,1% (в России – соответственно до 20,3 и 18,0%). Это соотношение показывает, что потенциал демографического роста, накопленный в возрастной структуре населения, в крае почти исчерпан, как и в России. Естественный прирост теперь непосредственно зависит лишь от возрастных интенсивностей рождаемости и смертности, причем решающая роль отводится рождаемости.

Перспективы. Характер демографического развития в рассматриваемый период не дает надежд на значительный прирост числа рождений в обозримой перспективе. Во-первых, сокращается, как повсюду в России, число потенциальных матерей. На смену жившим в крае в начале 2016 г. 250,6 тыс. женщин в возрасте 25–34 года приходят 154,4 тыс. 15–24-летних девушек – на 40% меньше [1]. Во-вторых, и это главное, процесс сдерживается развитием второго демографического перехода. За четверть века во всех возрастах упрочилась установка на малодетность. Согласно микропереписи 2015 г., по три и более ребенка родили лишь 4,5% женщин края в возрасте 25–29 лет и 10,6% 30–34-летних. При этом никогда не рожали детей 17,2% 30–34-летних женщин и треть (32,9%) 25–29-летних [2]. За этими цифрами просматривается признак распространения у сибиряков добровольной бездетности, как на Западе.

Данные микропереписи об «ожидаемых детях» подтверждают, что у большинства красноярцев исчезла потребность в среднетности. Лишь 12,9% 25–29-летних женщин ожидают иметь (с уже рожденными) троих и более детей. Среди 30–34-летних таких 17,1%, а не половина, как нужно для расширенного воспроизводства. Еще «скромнее» планы у молодых поколений. Среди 20–24-летних девушек троих и более детей ожидают иметь лишь 9,2%, среди 18–19-летних – 7,5%. В крае появились сторонники позиции child-free. Не собираются «заводить» детей 28,7% девушек 18–19-летнего возраста и 16,6% 20–24-летних. Еще радикальнее настроены мужчины. Без детей намерены прожить 45,3% парней 18–19-летнего возраста, треть (31,8%) 20–24-летних, 17,6% в группе 25–29-летних и 12,7% лиц от 30 до 45 лет [2].

Изменения в институте брачности тоже ухудшили возможности демографического потенциала. Браки перестали быть всеобщими и очень ранними, какими оставались до конца советского периода. В 2015 г. в них состояли только 61,0% красноярцев в возрасте 16 лет и старше – 68,4% мужчин и 55,1% женщин [2]. Брачность резко «постарела», соответственно сократился репродуктивный период. «Под венец» не торопятся даже в деревне. В 1989 г. в красноярских селах были замужем 32,0% 18-летних девушек и 46,6% 19-летних [4, с. 68], а в

2015 г. – лишь 16,0% сельчанок 18–19-ти лет. В целом же в крае в браках состояли 45,0% 20–24-летних женщин, 68,8% 25–29-летних, 73,2% 30–34-летних [2]. Таким образом, огромная часть женщин лучших репродуктивных возрастов исключена из детородного процесса. В последнее время постарение браков еще ускорилося из-за общего старения населения и, главное, изменения матримониальных планов людей. Среди заключавших в 2015 г. браки невест лишь 0,7% были моложе 20 лет, 31,6% находились в 20–24-летнем возрасте, 45,6% – в 25–34-летнем, остальным (22,1%) исполнилось 35 лет и более. Женихи были еще старше [1].

«Постарение» браков не способствует их укреплению. Они слабеют, чаще заканчиваются разводами и тем самым подрываются возможности развития демографического потенциала. К 2015 г. доля разведенных в населении края выросла до 8,1% среди мужчин и 13,5% среди женщин. Ситуацию усугубил рост удельного веса вдовцов (до 4,1%) и вдов (до 19,1%) [2].

Особенностью края является широкое распространение фактических браков, в которых рождается меньше детей, чем в «законных». По их удельному весу красноярцы давно лидируют в России. Причем в деревнях их больше, чем в городах. Согласно микропереписи 2015 г., они составляют в общей массе брачных союзов в России 12,5%, а в крае – 17,0, в том числе 15,5% в городе и 20,2% в деревне [2].

Следствием либерализации брачных отношений является развитие «внебрачной» рождаемости, эффективность которой уступает рождаемости в «законных» браках. Край в советский период отличался высоким удельным весом «внебрачных» детей. В 1991 г. они составляли среди новорожденных 20,6%. В постсоветское время их доля стала расти быстрее и в 2005 г. достигла 36,7%, в том числе 33,4% в городах и 46,3% в деревнях. За последнее десятилетие таких рождений стало меньше, но не намного. В 2015 г. они составляли 26,9%: в городе – 23,7, в деревне – 38,3% [1].

Итак, демографический потенциал Красноярского края после 1991 г. формировался в условиях суженного воспроизводства населения, ухудшения демографических возможностей его возрастной структуры. Депопуляция и миграция вызывали количественные потери и снижали его качество. Все составляющие потенциала понесли в разной степени ущерб. Внутри края наблюдается большая дифференциация его состояния. Городской потенциал контрастирует с сельским, совершенно не известным. Общество и, похоже, даже ответственные лица, недостаточно информированы о развивающихся в нем тенденциях.

Результаты развития демографического потенциала края трудно оценить высоко. В основном произошло возвращение ряда базовых показателей к исходному уровню начала 1990-х гг. Положительные тенденции в воспроизводстве населения в последнем десятилетии наблюдались дольше, чем прогнозировалось. Лишь с лета 2015 г. стало отмечаться торможение положительных трендов в естественном движении населения. Осенью число умерших превысило число рожденных. Но по итогам 2015 г. естественный прирост остался в крае положительным и составил 1,5‰. Отрицательное значение он приобрел в 2016 г.

Современная ситуация в крае не позволяет надеяться на укрепление демографического потенциала традиционными средствами – за счет естественного прироста или привлечения в нужном количестве мигрантов. Обществу и государству важно осознать новизну ситуации и искать совершенно новые пути и стимулы его роста. Но пока новые демографические вызовы глубоко не осознаны и остаются без ответа.

© Славина Л.Н. Текст. 2017

Список источников

1. Официальная статистика: Красноярский край: население: Комплексная информация [Электронный ресурс] URL: http://krasstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krasstat/ru
2. Итоги микропереписи населения 2015 г. [Электронный ресурс] URL: http://www.gks.ru/tree_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis

3. Возрастной состав населения РСФСР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М.: 1990. 140 с.
4. Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. по Красноярскому краю. Красноярск, б.и., 1990. 243 с.
5. Вишневский А.Г., Васин С.А., Зайончковская Ж.А. Демографический и трудовой потенциал населения России // Путь в XXI век (стратегические проблемы и перспективы российской экономики) / Под ред. Д.С. Львова. М.: Экономика, 1999. 181 с.
6. Фаузер В.В. Оценка демографического и трудового потенциалов Республики Коми // Известия Коми научного центра УРО РАН, 2010. Вып. 1. С. 105–111.

Slavina L.N.

DEMOGRAPHIC POTENTIAL OF THE KRASNOYARSK REGION IN 1990–2000s

The article analyzes in dynamics the system of indicators characterizing the demographic potential of the region. All processes are considered in comparison with similar ones in Russia as a whole, are interpreted on the basis of the theory of demographic modernization and concretising the concept of the second demographic transition.

Key words: demographic potentials of a region, natural growth, migration

Information about the author

Lyudmila N.Slavina, Russia, Krasnoyarsk Doctor of Historical Sciences, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev, 89, Ady Lebedevoy Str., Krasnoyarsk, 660049, Russia, e-mail: 200146@mail.ru

УДК 314.18

С.А. Сукнёва

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ АРКТИЧЕСКОГО РЕГИОНА РОССИИ

Статья посвящена вопросам сохранения и развития демографического потенциала воспроизводства населения российской Арктики. Дано обоснование структуры и основных компонентов демографического потенциала. За период с 2000 по 2015 гг. проанализированы изменения основных характеристик демографического потенциала восьми арктических субъектов России, территория которых полностью или частично входит в арктическую зону.

Ключевые слова: Арктика, население, демографический потенциал, рождаемость, ожидаемая продолжительность жизни, миграция

Создание благоприятных условий для жизнедеятельности населения и развития производства с учетом долгосрочных экономических планов страны становится одним из важных приоритетов экономической политики России в Арктике. При этом, по мнению специалистов, важно, чтобы государственная парадигма строилась на отношении к Северу как к уникальному региону проживания населения, которое в экстремальных условиях создает значительную долю валового национального продукта, обеспечивает геостратегическое присутствие России на Севере и в Арктике, и заслуживает качества жизни, соответствующего самым высоким стандартам [1].

Качество жизни населения обычно представляется как оценка совокупности условий физического, умственного и социального благополучия, включая их субъективное восприятие отдельным индивидуумом, отдельной группой, населением какой-либо территории [2]. Качество жизни определяется многообразным комплексом характеристик развитости

человека, социальных групп и общества в целом, а также условий их жизнедеятельности. Одним из основополагающих компонентов качества жизни, наряду с качеством внешней среды выступает качество общества, которое характеризует численность и качество населения (здоровье, образование, развитие гражданского самосознания и др.) [3]. При рассмотрении вопросов качества населения с позиции взаимосвязи воспроизводства населения и общественного воспроизводства в целом выделяют три взаимосвязанных и взаимообусловленных компоненты: воспроизводственный потенциал населения (способность к самовоспроизводству), деятельностный потенциал населения (способность к социальной, в том числе трудовой деятельности) и система социального управления воспроизводством населения (способность управления) [4]. Воспроизводственный потенциал населения определяет его способность к возобновлению поколений. Качественные аспекты жизнедеятельности людей проявляются в характеристиках образа жизни. В контексте социально-экономического анализа качество населения можно рассматривать как некий потенциал, внутренние возможности свободного развития, реализации имеющихся способностей. Значимыми качественными характеристиками населения выступают показатели здоровья (физического, психического, социального), профессионально-образовательных способностей (интеллектуального потенциала), и социокультурной активности (культурно-нравственные факторы) [5].

Качество населения, как совокупность свойств, характеризующих его воспроизводство в системе социальных и природных отношений, неотделимо от жизнедеятельности людей, проживающих на определенной территории [6]. Оно характеризует способность населения реагировать на сложившиеся природные, технические, экономические, социокультурные условия и приспосабливать их к своим потребностям через демографическое поведение. При этом свойства народонаселения приобретают форму наблюдаемых и количественно измеряемых качественных характеристик (рождаемость и смертность, брачность и разводимость, образовательный и квалификационный уровень, и др.), которые могут развиваться как в рамках стабильного типа воспроизводства населения, так и приводить к его изменению. От того, какие изменения происходят в воспроизводстве населения, во многом зависит устойчивость социально-экономического развития региона. Как справедливо отмечают авторы статьи [7, с. 134] «ухудшение основных демографических показателей ставит значительные ограничения достаточности человеческих ресурсов для дальнейшего устойчивого развития всей российской Арктики».

Развитие населения определяется региональными особенностями формирования его демографического потенциала. Основные группы факторов, формирующих демографический потенциал, обусловлены характером протекания демографических процессов. Прежде всего, это численность и структура населения по различным демографическим признакам. В то же время важно отметить, что происходящие демографические процессы зависят не только от численности и распределения населения по полу, возрасту, состоянию в браке и продолжительности проживания в одном месте, но также и особенностей поведения населения при принятии решения о миграции, рождении ребенка, вступлении в брак, сохранению здоровья. Наряду с численностью населения и его возрастной структурой демографическое поведение выступает важным фактором формирования демографического потенциала. В процессе смены поколений происходит возобновление численности и структуры населения, а также изменение стандартов и норм демографического поведения [8]. Эти процессы имеют свои региональные особенности, и от того как способность к возобновлению поколений реализуется в действительности, во многом зависит от демографического поведения населения данного региона. На наш взгляд, можно выделить следующие основные группы факторов, определяющие формирование демографического потенциала – численность населения, структура по различным демографическим признакам и демографическое поведение (рис. 1).

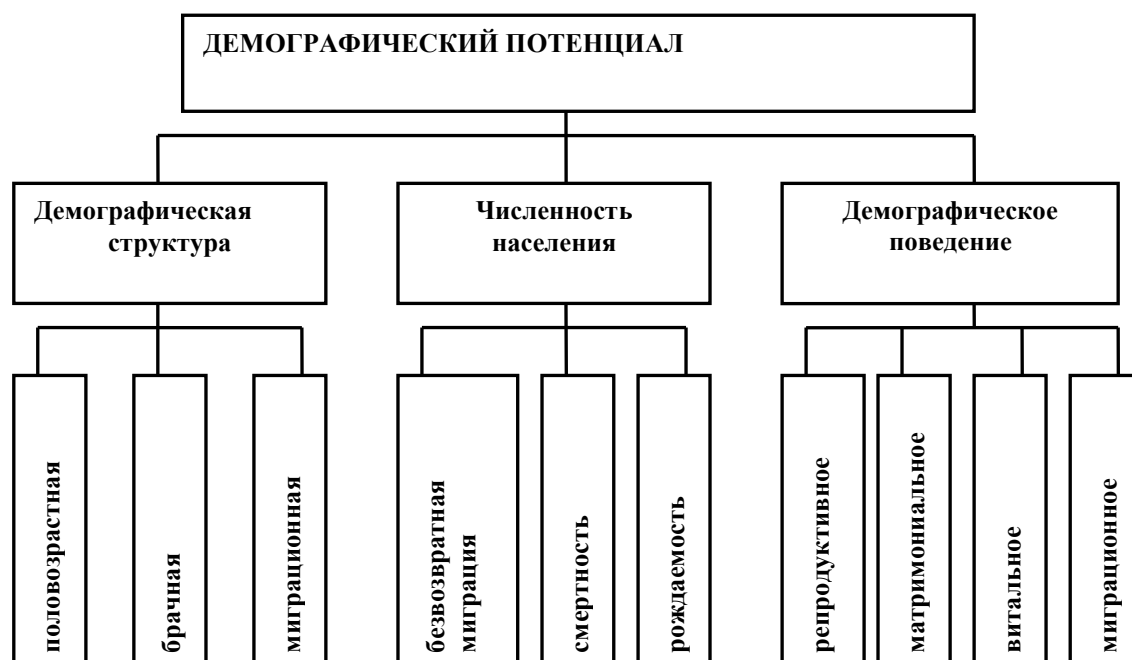

Рис. Схема формирования демографического потенциала региона

Демографическая специфика Арктики определяется низкой плотностью малочисленного населения и чрезвычайно неравномерным размещением на огромной территории. Причинами чего являются особенности освоения и заселения арктических регионов страны, а также значительная неоднородность социально-экономической среды. Немаловажны также структурные особенности и этническое своеобразие населения, которое сформировалось под влиянием миграции и высокой рождаемости при сохранении традиционной модели демографического поведения коренных народов, населяющих эти территории. Именно в национальных автономных округах самые высокие уровни рождаемости населения, что подтверждается показателями суммарного коэффициента (табл. 1).

Таблица 1

Динамика суммарного коэффициента рождаемости населения¹

Регионы	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2013г.	2014 г.	2015 г.
Российская Федерация	1,20	1,29	1,57	1,71	1,75	1,78
Мурманская область	1,14	1,25	1,49	1,62	1,65	1,71
Архангельская область	1,21	1,36	1,63	1,80	1,84	1,85
Республика Коми	1,22	1,36	1,63	1,96	2,01	2,00
Ненецкий АО	1,77	1,81	2,11	2,31	2,42	2,58
Ямало-Ненецкий АО	1,38	1,57	1,79	2,09	2,19	2,19
Красноярский край	1,20	1,30	1,61	1,78	1,81	1,84
Республика Саха (Якутия)	1,77	1,73	2,00	2,17	2,25	2,19
Чукотский АО	1,58	1,91	1,89	1,91	2,04	2,10

Более двух детей в среднем на одну женщину репродуктивного возраста приходится в Ненецком, Ямало-Ненецком, Чукотском автономных округах, республиках Саха (Якутия) и Коми. Показатели рождаемости в этих регионах заметно превышают среднероссийский уровень. Отмечается повсеместный рост среднего числа рождений после 2005 г. Смертность

¹ Здесь и далее составлено по: Единая межведомственная информационно-статистическая система. URL: <https://fedstat.ru/indicator> (дата обращения: 03.05.2017).

населения Арктики отличается более высоким уровнем у мужчин трудоспособного возраста и от внешних причин [9]. Именно данный факт является причиной отставания продолжительности жизни населения Арктики от среднероссийских показателей (табл. 2).

Таблица 2

Ожидаемая продолжительность жизни населения, число лет

Регионы	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2014 г.	2015 г.	прирост за 2000-2015 гг.
Ямало-Ненецкий АО	66,7	67,6	70,1	71,9	71,7	5,0
Российская Федерация	65,3	65,4	68,9	70,9	71,4	6,1
Мурманская область	64,5	63,8	68,4	70,0	70,2	5,7
Архангельская область	62,8	63	67,9	70,2	70,7	7,9
Республика Коми	63,5	62,1	66,9	69,1	69,4	5,9
Республика Саха (Якутия)	63,7	64,7	66,8	69,8	70,3	6,6
Красноярский край	62,5	63,0	67,6	69,2	69,7	7,2
Ненецкий АО	60,6	63,0	64,9	70,7	71,0	10,4
Чукотский АО	60,2	58,5	57,5	62,3	64,2	4,0

Снижение смертности положительно сказалось на повышении ожидаемой продолжительности жизни во всех рассматриваемых территориях. В Ямало-Ненецком АО продолжительность жизни немного выше среднероссийского значения на протяжении последних 15 лет, что вероятно связано с высокой долей молодого населения, данный факт подтверждается также и высоким уровнем рождаемости. Самая низкая ожидаемая продолжительность жизни в Чукотском АО. По данным 2015 г. она составила 64,2 года, здесь отмечается также и самый низкий прирост рассматриваемого показателя за последние 15 лет – лишь 4 года.

Анализируя демографические процессы в Арктике, помимо рождаемости и смертности необходимо особо выделить безвозвратную миграцию, играющую значимую роль в изменении численности и состава населения. В регионах с интенсивным миграционным обменом, к которым относятся северные и арктические территории России, роль миграции в формировании населения в отдельные периоды времени становится определяющей по сравнению с естественным приростом. В период активного хозяйственного освоения Севера и Арктики (60–80-е гг. XX века) формирование населения в значительной мере определялось миграционным притоком. В начале 1990-х гг. изменения социально-экономических и политических условий в стране повлекли за собой массовый отток населения, следствием которого явилось значительное ухудшение количественных и качественных характеристик населения региона [9]. Миграционная убыль характерна для всех рассматриваемых территорий, при этом миграция стала основной, но не единственной, причиной сокращения населения Арктики. Высокий уровень смертности населения, особенно мужчин трудоспособного возраста, вместе с низкими показателями рождаемости стали причиной естественной убыли населения Архангельской, Мурманской областей (табл. 4). В Ямало-Ненецком АО, Республике Саха (Якутия), Ненецком АО, Чукотском АО регистрируется стабильный естественный прирост в результате сохранения высокого уровня рождаемости населения.

Таблица 3

Динамика коэффициентов естественного и миграционного прироста (убыли), на 1000 жителей

Регионы	2000 г.	2010 г.	2014 г.
---------	---------	---------	---------

	ЕП(У)	МП(У)	ЕП(У)	МП(У)	ЕП(У)	МП(У)
Российская Федерация	-6,6	2,5	-1,7	1,9	0,2	1,9
Мурманская область	-3,0	-16,5	-0,2	-6,9	0,4	-6,5
Архангельская область	-7,5	-7,9	-2,0	-8,2	-0,6	-6,5
Республика Коми	-3,5	-10,8	2,2	-13,9	1,9	-10,7
Ненецкий АО	0,3	-6,2	4,7	-5,0	7,7	0,1
Красноярский край	-5,5	-1,6	0,1	-1,5	1,8	0,3
Ямало-Ненецкий АО	6,1	-2,2	10,3	-8,8	11,8	-11,2
Республика Саха (Якутия)	4,0	-9,2	7,0	-7,1	9,2	-7,0
Чукотский АО	1,9	-70,4	0,9	-17,4	2,6	-3,0

Проблемы демографического развития арктической зоны России заключаются в негативных изменениях динамики численности населения, что связано с трансформациями системы расселения населения, изменением вклада естественного и миграционного приростов (убыли) в формирование населения. В результате значительного сокращения населения в Арктике с начала 1990-х гг. в Чукотском автономном округе сохранилась лишь третья часть жителей. Население Мурманской и Архангельской областей, Республики Коми уменьшилось почти на треть. В Республике Саха (Якутия) сокращение составило 14%. Рост населения отмечается лишь в Ямало-Ненецком АО (табл. 4).

Таблица 4

Динамика численности населения, тыс. чел.

Регионы	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2016 г.	2016/ 1990
Российская Федерация, млн. чел.	147,7	148,5	146,9	143,8	142,8	146,5	0,99
Мурманская область	1191,5	1066,9	941,1	856,9	799,8	762,2	0,64
Архангельская область	1575,5	1498,2	1390,3	1299,2	1237,5	1174,1	0,75
Республика Коми	1248,9	1156,8	1057,9	982,9	912,0	856,8	0,69
Ненецкий АО	52,0	44,5	41,2	41,9	42,1	43,8	0,84
Ямало-Ненецкий АО	489,2	478,0	496,3	514,6	524,1	534,1	1,09
Красноярский край	3155,9	3113,8	3022,1	2901,9	2832,9	2866,5	0,91
Республика Саха (Якутия)	1111,5	1037,2	962,5	953,2	958,3	959,7	0,86
Чукотский АО	162,1	95,8	61,6	51,8	51,2	50,2	0,31

Анализ демографического потенциала арктических регионов России выявил особенности демографической динамики, состоящей в резком сокращении численности постоянного населения. Установлено, что миграция явилась не единственной причиной уменьшения населения, для региона характерна также естественная убыль, определяемая превышением смертности над рождаемостью. Ввиду высокой инерционности демографических процессов для укрепления демографического потенциала первоочередной задачей становится сглаживание сложившихся негативных тенденций. Перспективы демографического развития арктических территорий будут зависеть от стабилизационных мер, предпринимаемых правительством страны и региональными властями в области социальной политики и экономики. Решение демографических проблем возможно только во взаимосвязи с общей экономической политикой и позитивным изменением социально-экономической ситуации. Приоритетным объектом действий на ближайшие годы должны стать решение проблемы снижения смертности и увеличения продолжительности активной здоровой жизни населения, сокращение миграционного оттока населения, укрепление института семьи и повышение рождаемости в браке. Улучшение социально-экономических условий и

повышение качества жизни населения будет способствовать укреплению демографического потенциала воспроизводства населения Арктики.

© Сукнева С.А. Текст. 2017

Благодарность

Статья подготовлена в рамках выполнения Государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации (проект № АААА-А17-117030310029-1) и при финансовой поддержке РФФИ (проект № 17-02-00446).

Список источников

1. Север и Арктика в пространственном развитии России: научно-аналитический доклад. Москва-Апатиты-Сыктывкар: Изд-во КНЦ РАН, 2010. 213 с.
2. Полкова Т. В. Демографический потенциал как составляющая качества жизни // Экономика региона. 2014. № 3. С. 118–130.
3. Бобков В.Н. Теоретические и методологические вопросы определения качества и уровня жизни населения и их оценивание в Дальневосточном федеральном округе России // Уровень жизни населения регионов России. 2013. №1. С. 4–10.
4. Медков В.М. Качество населения: сущность, содержание, критерии // Народонаселение. Современное состояние научного знания. М.: Изд-во МГУ, 1991. С. 60–61.
5. Римашевская Н.М. Проблемы развития человеческого потенциала. Народонаселение. 2007. № 1. С. 5–9.
6. Саградов А.А. Теория и методы изучения качества населения. М.: Гуманитарный фонд, 1995. 240 с.
7. Ревич Б.А., Харьковская Т.Л., Кваша Е.А. и др. Социально-демографические ограничения устойчивого развития Мурманской области // Проблемы прогнозирования. 2014. № 2 (143). С. 127–135.
8. Сукнёва С.А. Демографический потенциал воспроизводства населения северного региона. Новосибирск: Наука, 2010. 168 с.
9. Сукнёва С.А. Арктическая зона Северо-Востока России: проблемы демографического развития // Региональная экономика: теория и практика. 2013. № 25 (304). С. 13–16.

Информация об авторе

Сукнёва Светлана Александровна (Россия, г. Якутск) – доктор экономических наук, главный научный сотрудник, Научно-исследовательский институт региональной экономики Севера, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова (677000, г. Якутск, пр. Ленина, 1; e-mail: sa.sukneva@s-vfu.ru)

Sukneva S.A.

DEMOGRAPHIC POTENTIAL OF THE POPULATION REPRODUCTION IN THE ARCTIC REGION OF RUSSIA

The article discusses the issues of saving and development of demographic potential of the population in the Russian Arctic. The structure and main components of the demographic potential are presented. A change in the basic characteristics of the demographic potential of the eight Arctic regions of Russia whose territory is totally or partially included in the Arctic zone are analyzed for the period 2000 to 2015.

Key words: Arctic, population, demographic potential, fertility, life expectancy, migration

Information about the author

Svetlana A. Sukneva (Russia, Yakutsk) – Doctor of Economic Sciences, Chief researcher, Scientific Research Institute of Regional Economy of the North, North-Eastern Federal University

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРИМОРСКОЙ ЗОНЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ

Рассматриваются особенности демографического потенциала приморской зоны европейской части России, регионы которой разделены на северную и южную субзоны. Анализируются плотность населения, демографические коэффициенты, уровень урбанизации, определяющие специфику демографического потенциала, как отдельных приморских регионов, так и всей зоны в целом.

Ключевые слова: приморские регионы, европейская часть России, демографический потенциал, плотность населения, воспроизводство населения, приморская зона

Из 85 субъектов Российской Федерации 23 имеют прямой выход к морю, из которых 14 – расположены в европейской части страны. Приморские регионы европейской части России территориально могут быть объединены в две подзоны – северную (площадью 1015,7 тыс. км²) и южную (376,58 тыс. км²). В состав северной приморской подзоны входят регионы, омываемые Балтийским, Баренцевым и Белым морями – это Санкт-Петербург и Ленинградская область, Калининградская, Мурманская области, Архангельская область с Ненецким автономным округом. Из регионов Юга России к акватории Черного и Азовского морей выходят Краснодарский край, Ростовская область, Республика Крым и Севастополь, а к Каспийскому морю – Астраханская область, Республика Дагестан и Калмыкия [3, с. 14, 16].

В приморских регионах Европейской части страны проживает 25,6 млн. чел., т.е. 17,6% населения России. Однако прослеживается существенная пространственная дифференциация в распределении демографического потенциала: выделяются три региона с численностью жителей более 4 млн. чел. в каждом из них (Краснодарский край – 5,5 млн. чел., Санкт-Петербург – 5,2 млн. чел. и Ростовская область – 4,3 млн. чел.) и в то же время имеются малочисленные регионы – Ненецкий автономный округ (44 тыс. чел.), Республика Калмыкия (279 тыс. чел.), Республика Карелия (630 млн. чел.), Мурманская область (762 млн. чел.). В целом, в северной, Балто-Баренц-Арктической, подзоне проживает 11,7 млн. чел. (около 10% населения европейской части России), а в Черноморско-Каспийской подзоне – 16,4 млн. чел. (около 15% жителей Европейской России) [1; 3].

Анализ распределения численности населения приморских регионов Европейской России по двум пространственным подзонам указывает на несоответствие их демографического потенциала площади территории, что отражается в диспропорциях заселенности. Их можно оценить через показатель плотности населения, как индикатор пространственной концентрации населения. Ее величина колеблется в пределах приморских регионов европейской части страны от менее 1 чел. на 1 км² в Ненецком автономном округе до 73 чел. на 1 км² в Республике Крым и Краснодарском крае (табл. 1). В целом южная – Черноморско-Каспийская подзона более интенсивно заселена (средняя плотность населения в ее пределах – 43 чел. на 1 км²) в сравнении как со средним показателем по всей европейской части страны, так и северной – Балто-Баренц-Арктической подзоной (7 чел. на 1 км²).

Анализ средней плотности населения по отдельным приморским субъектам Европейской России позволяет их разделить на 4 группы:

- густозаселенные регионы (с плотностью населения свыше 60 чел. на 1 км²) – Республика Крым, Краснодарский край, Калининградская область;
- регионы со значительным уровнем плотности населения (40–60 чел. на 1 км²) – Республика Дагестан, Ростовская область;
- регионы с плотностью населения ниже среднего уровня по европейской части страны (от 20 до 30 чел. на 1 км²) – Ленинградская и Астраханская области;
- слабозаселенные регионы (с плотностью населения менее 8 чел. на 1 км² т.е. ниже средней плотности населения по Российской Федерации) – Республика Карелия, Архангельская область, Республика Калмыкия, Мурманская область.

Таблица 1

Количественные параметры системы расселения приморских регионов
Европейской России [1].

Регион	Площадь территории, тыс. км ²	Численность населения на 01.01.2005 г., тыс. чел.	Численность населения на 01.01.2016 г., тыс. чел.	Темп прироста численности населения, 2016 г. к 2005 г, %	Плотность населения, чел. на км ²
Балто-Баренц-Арктическая подзона					
Республика Карелия	180,5	676	630	-6,8	3,5
Архангельская область	589,9	1282	1174	-8,4	2,0
в том числе:					
Ненецкий АО	176,8	42	44	4,5	0,2
Архангельская область без АО	413,1	1240	1130	-8,9	2,7
Калининградская область	15,1	936	976	4,3	64,7
Ленинградская область	83,9	1685	1779	5,6	21,2
Мурманская область	144,9	839	762	-9,2	5,3
г. Санкт-Петербург	1,4	4713	5226	10,9	...
Черноморско-Каспийская подзона					
Республика Калмыкия	74,7	294	279	-5,2	3,7
Краснодарский край	75,5	5127	5514	7,5	73,0
Астраханская область	49	1003	1019	1,6	20,8
Ростовская область	101	4332	4236	-2,2	41,9
Республика Дагестан	50,3	2693	3016	12,0	60,0
Республика Крым	26,1	1994	1907	-4,4	73,1
г. Севастополь	0,9	379	416	10,0	462,6

Динамика численности населения в приморских регионах Европейской России имеет разнонаправленный характер, но в целом за период 2005–2016 гг. по всей совокупности рассматриваемых регионов отмечается прирост числа жителей (на 3,2%). В северных приморских регионах (прирост за 2005–2016 гг. – 2,7%) данная положительная тенденция обеспечена прежде всего ростом численности населения в регионах Балтийской побережья, где все три субъекта демонстрируют существенное увеличение числа жителей (на 8,8% в совокупности) исключительно за счет иммиграции. Мигрантов притягивает сюда более высокий уровень и качество жизни общества, связанные с производственной активностью и повышенным уровнем оплаты труда. В составе регионов Баренц-Беломорской зоны только в Ненецком автономном округе отмечается прирост числа жителей (увеличение на 4,5%), в то время как в других субъектах наблюдается устойчивая депопуляция (табл. 1, 2). Из приморских регионов юга европейской части страны увеличение численности населения отмечено во всех субъектах, кроме Республики Калмыкия (снижение на 5,2%), Ростовской области (на 2,2%) и Республики Крым (на 4,4%). Во всех остальных регионах Черноморско-Каспийской зоны отмечен положительный прирост численности населения, который в Республике Дагестан (12%), Краснодарском крае (7,5%) и в Астраханской области (1,6%) обусловлен не только миграционным притоком, но и улучшением демографической ситуации вследствие положительного естественного прироста населения, в отличие от Севастополя, где прирост числа жителей (на 10% за 2005–2016 гг.) связан исключительно с миграцией [2].

Таблица 2

Показатели демографического развития приморских регионов
Европейской России, 2015 г., % [1]

Регион	Общий коэффициент рождаемости	Общий коэффициент смертности	Общий коэффициент естественного прироста	Общий коэффициент миграционного прироста
Балто-Баренц-Арктическая подзона				
Республика Карелия	12,2	15,3	-3,1	-12
Архангельская область	12,4	13,5	-1,1	-68
в том числе:				
Ненецкий АО	17,6	9,2	8,4	23
Архангельская область без АО	12,2	13,6	-1,4	-72
Калининградская область	12,7	13,2	-0,5	82
Ленинградская область	9	14	-5	68
Мурманская область	11,9	11,6	0,3	-57
г. Санкт-Петербург	13,6	11,9	1,7	49
Черноморско-Каспийская подзона				
Республика Калмыкия	13,6	9,8	3,8	-103
Краснодарский край	13,5	13	0,5	105
Астраханская область	14,5	12,3	2,2	-49
Ростовская область	12,1	13,9	-1,8	4
Республика Дагестан	18,3	5,4	12,9	-45
Республика Крым	12,6	15,3	-2,7	86
г. Севастополь	13,5	14,9	-1,4	439

Тенденция роста рождаемости и снижения уровня смертности, характерная для населения страны, проявляется и в приморских регионах Европейской России. Однако, если темпы снижения смертности здесь более значительны вследствие успехов демографической политики в последнее десятилетие, то динамика рождаемости – более инертна и характеризуется менее значительными темпами роста [3]. В итоге, до настоящего времени не во всех рассматриваемых приморских регионах удалось преодолеть суженный тип воспроизводства населения – из 14 регионов по состоянию на 2015 г. естественный прирост населения отмечается только в пяти из них (преимущественно это регионы Черноморско-Каспийской мегазоны – Ненецкий АО, Санкт-Петербург, Астраханская область, Республика Калмыкия и Дагестан), а простой тип воспроизводства населения (в пределах от +1‰ до -1‰) – еще в четырех регионах – Краснодарском крае, Калининградской, Мурманской и Ростовской областях (табл. 2).

Миграционная ситуация в приморских регионах европейской части страны также неравнозначна (табл. 2). Наиболее притягательными для иммигрантов являются Калининградская область, Санкт-Петербург с Ленинградской областью и Краснодарский край – именно в них отмечается миграционный прирост населения, преимущественно связанный с более высоким уровнем качества жизни и более широкими возможностями трудоустройства на рынке труда; в то время как в остальных приморских регионах наблюдается миграционный отток населения и отрицательное сальдо миграции (табл. 2). Традиционно миграционно привлекательным регионом является Крым, который на протяжении многих десятилетий притягивает не только временных, но и постоянных переселенцев благоприятным климатом и большими возможностями приложения рабочей силы (особенно в курортный период). После воссоединения с Российской Федерации, взрывной рост числа мигрантов стал характерен и для Севастополя – если в 2013 г. сальдо миграции составляло 3,2 тыс. чел, то в 2014 г. – 13,6 тыс. чел., а в 2015 г. – 17,9 тыс. чел., что существенно компенсировало естественную убыль населения и привело к росту числа жителей за два года на 32 тыс. чел., т.е. на 8% [4].

Воспроизводство населения и миграции являются двумя главными факторами, определяющими специфику возрастной структуры населения в приморских регионах европейской части страны. В большинстве из них наблюдается развитая демографическая старость (коэффициент старения свыше 20%) и половина из 14 регионов имеет долю населения старше трудоспособного возраста выше средней по стране (более 23,5%) [1]. Это Санкт-Петербург и Ленинградская область, Карелия, Астраханская, Калининградская, Ростовская области, Краснодарский край. На противоположном «полюсе» возрастной структуры населения находится Дагестан, который в силу высокой рождаемости характеризуется наиболее молодым населением – более ¼ населения здесь составляют лица младше трудоспособного возраста, а коэффициент старения населения – 11% [1; 3].

Рассматриваемые приморские регионы неоднородны и по соотношению городского и сельского населения. По данному индикатору их можно типологизировать на следующие группы:

- 1) высокоурбанизированные регионы – кроме Санкт-Петербурга и Севастополя таковым является Мурманская область (92,7%);
- 2) регионы с уровнем урбанизации выше среднего по стране (74,2%) – Архангельская (76,7) и Калининградская (77%) области, Республика Карелия (79,2%);
- 3) регионы с уровнем урбанизации ниже среднероссийского – Ненецкий автономный округ (70,8%), Ростовская (67,8%), Астраханская (66,7%) и Ленинградская (64,9%) области;
- 4) слабоурбанизированные регионы (с долей городского населения около 50% жителей) – Краснодарский край (53,9%), Республика Крым (50,8%);
- 5) руральные регионы – с преобладанием сельского населения – Республика Калмыкия (доля сельских жителей 54,2%) и Республика Дагестан (55%) [1; 3].

Сельская периферия приморской зоны Европейской России испытывает существенную и затянувшуюся депопуляцию в рамках всех рассматриваемых регионов. Помимо естественной убыли для нее также характерен и миграционный отток населения, что еще более усугубляет демографическую ситуацию. К примеру, в Архангельской области за период 1989–2015 гг. численность сельского населения области уменьшилась более чем на треть; в Карелии за межпереписной период 2002–2010 гг. – на 26,6%, а за 2010–2015 гг. – еще на 8,6%. Депопуляционная тенденция прекратила свое проявление и сглажена приростом сельских жителей только в трех субъектах приморской зоны рассматриваемого региона [2; 4]:

1) в Ленинградской области, где численность сельского населения области увеличивается, а темпы его прироста опережают аналогичный показатель для горожан: за период 2002–2010 гг. численность сельского населения увеличилась на 5,2%, за 2010–2015 гг. – на 6,7% в сравнении с 1,7% для городского населения в каждом из двух периодов. В основном, крупные сельские населённые пункты здесь располагаются в окрестностях Санкт-Петербурга и являются центрами загородного проживания и дачными поселками, привлекательными для жизни на протяжении всего года, в том числе, и для мигрантов.

2) в Республике Дагестана, где традиционный естественный прирост населения вместе с притоком мигрантов с гор, а также вынужденных переселенцев из-за пределов республики способствует росту концентрации численности населения в приморской части республики.

3) в приморской зоне Краснодарского края, где с 2012 г., вследствие улучшения демографической ситуации население перешло к простому воспроизводству населения и на протяжении последних лет демонстрирует этот положительный тренд, способствующий укреплению демографического потенциала. Причем, наибольший вклад в выход из демографического кризиса вносят краевая столица, города и районы приморской зоны, где наблюдается значительно более высокий естественный прирост (от 1 до 4,8‰), в сравнении с другими муниципальными образованиями и особенно сельскими районами. Благодаря широкой сети качественных дорог и более высокому уровню автомобилизации, межпоселенческие взаимосвязи между сельской местностью и городами в Краснодарском крае весьма высоки и беспрепятственны, что способствует привлекательности этих районов для иммигрантов. Выгодное географическое положение края, в том числе и рекреационная его компонента, способствует интенсификации иммиграционного прироста, который еще более усиливает демографический потенциал сельской местности [2].

Таким образом, главенствующим фактором, определяющим динамику демографического потенциала приморских регионов Европейской России, является воспроизводство населения. Сохранение в ряде северных приморских регионов европейской части страны естественной убыли не позволяет им выйти из суженного типа воспроизводства, что отражается продолжающимся сокращением численности населения. Так, к примеру, начавшийся с 1991 г. демографический кризис снизил численность населения Мурманской области к 2015 г. на 1/3, Архангельской области – на 25%, Республики Карелия – более чем на 20% [4]. Южные приморские регионы отличаются более позитивной демографической ситуацией. Для них характерны пониженная естественная убыль, а в некоторых – и естественный прирост, более ранний переход от суженного к простому или расширенному типам воспроизводства, приток мигрантов, обеспечивающий положительное сальдо миграции (таблица 2).

Для северных приморских регионов в силу природно-климатических особенностей характерны общая слабая заселенность территории при преобладании городского населения и городских поселений в структуре расселения, и как следствие, высокий уровень урбанизации. Из рассмотренной совокупности приморских регионов Юга России, наименьшим демографическим потенциалом обладает Республика Калмыкия (279 тыс. чел. на 01.01.2016 г.), в то время как в других приморских субъектах этой зоны проживает свыше миллиона человек в каждом (кроме Севастополя). Высокая концентрация населения в южных регионах при менее значительной территории, в сравнении с северными

приморскими регионами европейской части страны, определяет значительную плотность в них, которая в разы превышает среднероссийскую величину (табл. 1). В противоположность им, северные приморские регионы характеризуется двумя главными чертами – слабозаселенностью и малолюдностью, что в сочетании с сохраняющимися естественной и миграционной убылью населения существенно ослабляет их демографический потенциал.

© Сухинин С.А. Текст. 2017

Список источников

1. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: стат. сб. М.: Росстат., 2016. 1326 с.
2. Социально-экономическое развитие приморских территорий Европейской части России: факторы, тренды, модели / под ред. А.Г. Дружинина. Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2016. 236 с.
3. Сухинин С.А. «Приморский фасад» Европейской России // География в школе. 2017. № 1. С. 14–23.
4. Трансграничное кластерообразование в приморских зонах европейской части России: факторы, модели, экономические и экистические эффекты / отв. ред. А.Г. Дружинин. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального ун-та, 2017. 421 с.

Информация об авторе

Сухинин Сергей Александрович (Россия, г. Ростов-на-Дону) – кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Экономическая теория и предпринимательство», Донской государственный технический университет (344022, г. Ростов-на-Дону, ул. Социалистическая, 162; e-mail: suhmax@mail.ru)

Sukhinin S.A.

DEMOGRAPHIC POTENTIAL OF THE COASTAL ZONE OF EUROPEAN RUSSIA

Discusses the features of the demographic potential of the coastal zone of the European part of Russia, are considered the regions which are divided into Northern and Southern subzones. Analyzed the parameters that determine the specificity of the demographic potential in regions of the coastal zone of the European part of Russia – population density, demographic coefficients, level of urbanization.

Keywords: coastal regions, European part of Russia, demographic potential, population density, population reproduction, seaside area.

Information about the author

Sukhinin Sergey A. (Russia, Rostov-on-don) – Ph. D (pedagogical sciences), Associate Professor of Department «Economic theory and entrepreneurship», Don State Technical University (344022, Rostov-on-Don, Socialist Str., 162; e-mail: suhmax@mail.ru)

УДК 314.3

М.Ю. Тараканов

РОЖДАЕМОСТЬ В ГОРОДЕ НИЖНИЙ ТАГИЛ В 2000-х ГОДАХ

В статье анализируется динамика рождаемости в городе Нижний Тагил в 2000–2009 гг.; перечисляются факторы, способствовавшие и препятствовавшие ее повышению; рассматриваются изменения удельного веса первых, вторых и последующих детей по

очередности рождения среди новорожденных.

Ключевые слова: городское население, Нижний Тагил, рождаемость.

В начале 1990-х гг. население Нижнего Тагила, как и страны в целом, столкнулось с депопуляцией, которая приобрела затяжной характер. Смертность превысила рождаемость, что привело к естественной убыли населения, сократившей его численность за 1990–1999 гг. на 26635 человек¹.

В 2000-х гг. отрицательный естественный прирост сохранился, но размеры его постепенно уменьшались. Если в 2000 г. в городе умерло на 3703 человека больше, чем родилось, то в 2005 г. – на 2607 человек, а в 2009 г. – на 1133 человека (см. табл. 1). Коэффициент естественной убыли населения за десятилетие сократился более чем в три раза (с -9,5 до -3,1‰).

Таблица 1

Естественное движение населения г. Н. Тагил в 2000–2009 гг., человек*

Год	Родилось	Умерло	Естественный прирост
2000	3038	6741	-3703
2001	3425	6484	-3059
2002	3687	6858	-3171
2003	3972	6891	-2919
2004	3988	6737	-2749
2005	3762	6369	-2607
2006	3716	5679	-1963
2007	3836	5426	-1590
2008	4233	5544	-1311
2009	4572	5705	-1133

*Составлено и рассчитано по: НТГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 835. Л. 67; Д. 910. Л. 57; Д. 1061. Л. 58.

Свой вклад в улучшение демографической ситуации в городе внесли как рождаемость, так и смертность – два основных демографических процесса, определяющих размеры естественного прироста (убыли) населения (см. рис.). Однако более существенным изменениям в 2000-х гг. в Нижнем Тагиле подвергся уровень рождаемости. На протяжении большей части десятилетия, за исключением 2005–2006 гг., ее общий коэффициент поступательно повышался. За 2000–2009 гг. он вырос с 7,8 до 12,4‰ (на 59%), немного превысив даже уровень 1989 г. Число рождений за аналогичный период увеличилось на 50,5%.

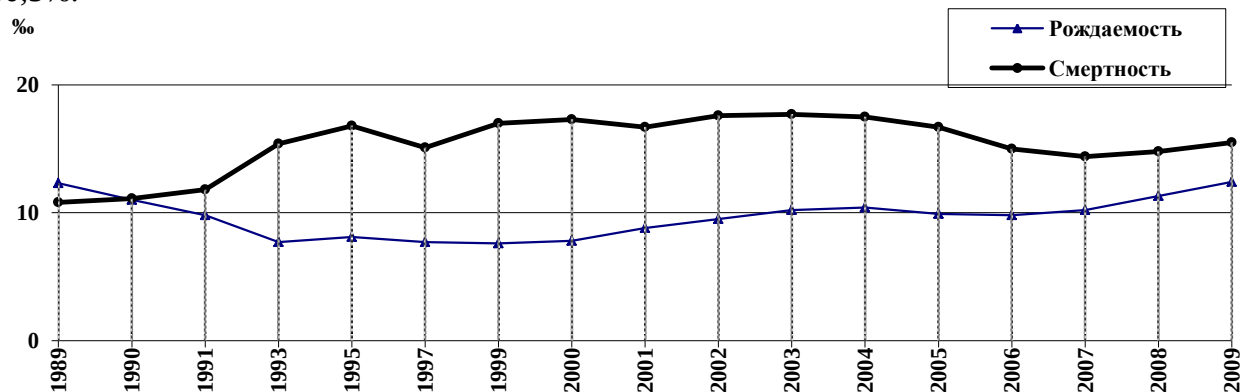

Рис. Динамика рождаемости и смертности населения г. Нижний Тагил в 1989–2009 гг., ‰.

¹ Рассчитано по: Нижнетагильский городской исторический архив (далее – НТГИА). Ф. 128. Оп. 1. Д. 566. Л. 85; Д. 708. Л. 48; Д. 765. Л. 54; Д. 835. Л. 67.

Составлено и рассчитано по: Демографический ежегодник СССР. 1990: стат. ежегодник. – М.: Росстат, 1990. – С. 21; Российский статистический ежегодник. 2001: стат. сб. – М.: Госкомстат России, 2001. – С. 99; Российский статистический ежегодник. 2008: стат. сб. – М.: Б.и., 2008. – С. 96; НТГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 566. Л. 85; Д. 708. Л. 48; Д. 765. Л. 54; Д. 835. Л. 67; Д. 910. Л. 58; Д. 938. Л. 33; Д. 1061. Л. 58.

В первой половине 2000-х гг. росту рождаемости способствовали стабилизация экономической ситуации в стране, что позволило реализовать отложенный репродуктивный потенциал, а также благоприятные сдвиги в половозрастной структуре населения, прежде всего, увеличение в его составе удельного веса женщин фертильного возраста (см. табл. 2).

Таблица 2

Динамика численности женщин фертильного возраста в г. Нижний Тагил в 1999–2007 гг.*

Показатель	Год							
	1999	2000	2001	2002	2004	2005	2006	2007
Численность женщин в возрасте 15–49 лет	112009	115000	108000	114500	113753	115361	112200	108600
Удельный вес женщин в возрасте 15–49 лет	28,3	29,5	27,4	29,6	29,9	30,4	29,7	28,9

* Составлено по: [3].

Из данных, приведенных в таблице 2, видно, что доля женщин в возрасте 15–49 лет в составе тагильчан за 1999–2005 г. выросла с 28,3 до 30,4%, а их численность увеличилась на 3352 человека.

Во второй половине 2000-х гг. доля женщин фертильного возраста начала сокращаться, однако новым фактором, положительно сказавшимся на рождаемости, стало осуществление с 2007 г. ряда мероприятий демографической политики, направленных на ее повышение. В частности, были существенно увеличены пособия по уходу за ребенком до 1,5 года (с 700 до 1500–6000 руб.), введены пособия по уходу за ребенком для неработающих женщин (1500 руб. при рождении первого ребенка, 3000 руб. при рождении второго и следующих). Пособие работающим женщинам впервые стало привязанным к зарплате – 40% зарплаты на момент ухода в отпуск по беременности и родам, но не ниже, чем неработающим матерям [2, с. 131–132]. С целью стимулирования появления в семьях россиян вторых и последующих детей с 1 января 2007 г. начала осуществляться федеральная программа «Материнский капитал», предусматривающая выплату денежных средств за рождение (усыновление) второго, третьего или последующего ребенка, имеющего российское гражданство.

Анализ сведений о родившихся в Нижнем Тагиле в 1998–2008 гг. по очередности рождения (см. табл. 3) показывает, что введение материнского капитала более заметно сказалось на рождении в городе не вторых, а третьих детей. Доля вторых детей среди новорожденных и так стабильно увеличивалась, начиная с 2002 г., параллельно со снижением доли первых. Удельный же вес третьих детей в 2002–2006 гг. колебался в диапазоне от 4,6 до 5,2%, а в последующие годы продемонстрировал рост: в 2007 г. – до 6,5%, в 2008 г. – до 7,5%. Абсолютное число рождений третьих детей увеличилось к 2008 г., по сравнению с 2006 г., на 75,3%.

Таблица 3

Сведения о родившихся по очередности рождения в г. Нижний Тагил в 1998–2008 гг., %*

Ребенок по счету	Год								
	1998	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008

Первый	66,4	70,0	64,9	65,7	64,2	63,2	62,7	57,8	56,4
Второй	25,4	24,3	28,3	28,1	29,1	29,9	30,4	33,5	33,9
Третий	5,9	4,0	4,8	4,6	5,0	5,2	5,0	6,5	7,5
Четвертый	1,5	1,1	1,2	0,9	1,0	1,0	1,3	1,4	1,5
Пятый и более	0,8	0,6	0,8	0,7	0,7	0,7	0,6	0,8	0,7
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100

* Составлено по: НТГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 883. Л. 28; Д. 998. Л. 34; Д. 1060. Л. 33.

Небольшой рост продемонстрировала и доля четвертых детей. К 2008 г. она увеличилась до 1,5%, вернувшись к уровню 1998 г. Если в 2006 г. из общего числа новорожденных к четвертым относились 50 младенцев, то в 2008 г. – 67. Удельный вес пятых детей и далее в 1998–2008 гг. оставался достаточно стабильным (0,6–0,8%).

Увеличение доли в составе новорожденных третьих и четвертых детей способствовало росту в Нижнем Тагиле численности многодетных семей (см. табл. 4). За 2005–2009 гг. она выросла на 47,1%. Еще значительно увеличилось число детей в многодетных семьях – на 55,3%.

Таблица 4

Динамика численности многодетных семей в г. Нижний Тагил в 2005–2009 гг.

Показатель	Год				
	2005	2006	2007	2008	2009
Количество многодетных семей	688	782	803	875	1012
Число детей в многодетных семьях	2114	2452	2843	2823	3284

* Составлено по: [1, с. 92].

Значительное влияние на рождаемость в 2000-х гг. оказывали и изменения в брачно-семейных отношениях. Корреляционный анализ динамики общих коэффициентов по Пирсону показывает, что наиболее существенным воздействием брачности на рождаемость было в 2000–2006 гг. ($r = 0,75$ – прямая сильная связь; $p = 0,01$ – доверительная вероятность 99%), а разводимости – в 2001–2007 гг. ($r = -0,87$ – обратная сильная связь; $p = 0,01$).

Из этого следует, что рост рождаемости в 2000–2004 гг. в значительной степени был детерминирован увеличением брачности (с временным лагом в один год) и снижением с 2002 г. разводимости (см. табл. 5). Кроме того, в 2002–2005 гг. наблюдалось кратковременное повышение стабильности тагильских семей – соотношение браков и разводов в городе изменялось в сторону увеличения первых. В 2001 г. в Нижнем Тагиле в расчете на 100 браков приходилось 96,3 развода, в 2003 г. – 62,7, а в 2005 г. – 51 развод. Повышение прочности браков увеличивало вероятность рождения в семьях тагильчан вторых и последующих детей.

Таблица 5

Брачность и разводимость в г. Нижний Тагил в 1999–2009 гг.*

Год	Брачность, %	Разводимость, %	Индекс разводимости
1999	6,0	4,2	0,694
2000	6,3	4,7	0,753
2001	7,5	7,3	0,963
2002	7,5	6,1	0,802
2003	7,8	4,9	0,627
2004	7,5	4,2	0,566
2005	8,2	4,2	0,510
2006	8,5	4,4	0,513
2007	9,4	5,0	0,532
2008	9,1	5,2	0,566
2009	8,8	5,0	0,569

*Составлено и рассчитано по: Российский статистический ежегодник. – 2001. – С. 99; Российский статистический ежегодник. 2008. – С. 96; НТГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 835. Л. 68; Д. 910. Л. 58; Д. 938. Л. 34; Д. 1061. Л. 59.

С 2006 г. негативные тенденции в брачно-семейных отношениях стали усиливаться. Начался рост индекса разводимости, чему способствовало как увеличение общего коэффициента разводимости, так и с 2008 г. – снижение брачности. Однако на рождаемости это практически не сказалось, так как в конце 2000-х гг., после введения материнского капитала, влияние брачности и разводимости на данный демографический процесс было минимальным.

Кроме факторов, позитивно влиявших на рождаемость в 2000-х гг., были и отрицательные. Одним из них, серьезно сдерживающим рост рождаемости, являлась широкая практика прерывания беременности. На 100 рождений в 2008 г. в Нижнем Тагиле пришлось 107 аборт, а в 2009 г. – 111, то есть более половины всех беременностей закончились искусственным прерыванием. Между тем аборт имеет целый ряд последствий, в том числе ранние и поздние осложнения, которые часто ведут к бесплодию.

Нередким явлением в 2000-х гг. были аборты у несовершеннолетних жительниц города. Даже после снижения их количества в 2007-2009 гг. в 1,5 раза, по сравнению с 2006 г., в 2009 г. было зарегистрировано 3 аборта у детей в возрасте до 14 лет, 110 абортов у подростков 15-17 лет (в 2008 г. – 155 абортов). Из общего количества подростков, обратившихся в медицинские учреждения для прерывания беременности, 18% уже имели в анамнезе беременность, то есть были повторно беременными [1, с. 25–26].

Сами тагильчане в ходе социологического опроса, проведенного в 2000-х гг., среди причин, препятствующих реализации репродуктивной функции семьи после проблем материального обеспечения, улучшения жилищных условий указали проблемы, связанные со здоровьем первого ребенка или супругов [5, с. 2]. Серьезность последних подтверждают статистические данные. Так, например, в 2009 г. 2819 беременных женщин имели заболевания, которые осложнили течение беременности, причем 30% – это анемия, 30% составили гестозы, 32% – заболевания мочеполовой системы. Отмечались также болезни щитовидной железы, сахарный диабет, болезни органов кровообращения. Наблюдалось увеличение оперативной активности в службе родовспоможения. На долю операций кесарева сечения приходилось 21,7% от общего количества проведенных родов в стационаре. Удельный вес нормальных родов составлял только около 19% [1, с. 25].

Подводя итог, следует отметить, что несмотря на позитивные изменения в уровне рождаемости и увеличение доли в составе новорожденных вторых, третьих и четвертых детей, демографическая ситуация в Нижнем Тагиле в 2000-х гг. оставалась неблагоприятной. Смертность, как и в 1990-х гг., превышала рождаемость, а число родившихся детей на одну женщину фертильного возраста составляло 1,5, что не обеспечивало даже простого воспроизводства населения города [4, с. 2]. Сохранявшаяся установка большей части молодых тагильчан на малодетную семью не позволила радикально переломить ситуацию. Только третья часть семей с одним ребенком собиралась рожать второго [3]. Проблемы естественной убыли и суженного воспроизводства населения в прошлом десятилетии так и не были решены, остаются они нерешенными в Нижнем Тагиле и в настоящее время.

© Тараканов М. Ю. Текст. 2017

Список источников

1. Доклад «О положении семьи и детей в городе Нижний Тагил» по итогам 2009 года. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ntagil.org/upload/iblock/a71/1665.rtf>.
2. Елизаров В. Стимулирование рождаемости и поддержка семей с детьми в современной России // Рождаемость и планирование семьи в России: История и перспективы: сб. статей / под ред. И.А. Троицкой, А.А. Авдеева. – М., 2011. – С. 123–151.

3. Комплексная программа демографического развития города Нижний Тагил на период до 2015 года «Тагильская семья». [Электронный ресурс]. URL: <http://arhiv.ural-region.net/bsverd/positey/watchkkpfz7/index.htm>.

4. Постановление главы г. Нижний Тагил от 22.08.2007 № 970 «О концепции улучшения демографической ситуации в городе Нижний Тагил до 2015 года» [Электронный ресурс]. URL: <http://ekb4.info/prawo1/postanovlenie17/page2.htm>.

5. Решение Нижнетагильской городской Думы от 27.04.2004 №7 «О муниципальной целевой программе «Семья города Нижний Тагил (2004-2007 гг.)»» [Электронный ресурс]. URL: <http://arhiv.ural-region.net/bsverd/positrd/watchokxfk5/spag2.htm>.

Информация об авторе

Тараканов Максим Юрьевич (Россия, Нижний Тагил) – кандидат исторических наук, доцент кафедры общенаучных дисциплин, Филиал ФГБОУ ВПО «Уральский государственный университет путей сообщения» в г. Нижний Тагил (622013, Свердловская область, г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, 4; e-mail: katar.mik@rambler.ru)

Tarakanov M.Yu.

BIRTH RATE IN THE CITY OF NIZHNY TAGIL IN THE 2000S

The article analyzes the dynamics of the birth rate in the city of Nizhny Tagil in 2000–2009; it enumerates the factors that contributed to and prevented its increase. It deals with the changes in the relative proportion of the first, second and subsequent children according to the order of birth among newborns.

Keywords: urban population, Nizhny Tagil, birth rate

Information about the author

Tarakanov Maxim Yuryevich (Russia, Nizhny Tagil) – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Chair of General Scientific Disciplines, Nizhny Tagil Branch of Ural State University of Railway Transport (4, Krasnogvardeyskaya St., Nizhny Tagil, Sverdlovsk region, 622013, Russia; e-mail: katar.mik@rambler.ru).

УДК 93/94

С.Н. Уваров

ЭТНИЧЕСКИЙ ФАКТОР УРБАНИЗАЦИИ В УДМУРТИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Анализируется увеличение доли городского населения у русских, удмуртов, татар, украинцев и марийцев Удмуртии в 1959–1989 гг. Неопубликованные архивные данные о распределении горожан по месту рождения, полу и национальности позволили установить направления пополнения этнических групп городского населения.

Ключевые слова: этнодемографические процессы, урбанизация, население, национальный состав, Удмуртия.

Во второй половине XX века в нашей стране резко активизировались урбанизационные процессы. Однако различные национальности участвовали в них неравномерно. Соответственно, изучение этнической урбанизации является актуальной задачей для отечественной исторической науки. При относительно хорошо изученных урбанизационных процессах у различных народов в России в целом (см. напр.: [2; 4; 9]) в регионах они исследованы в меньшей степени (см. напр.: [1; 8]). Рассмотрим увеличение доли городского населения у русских, удмуртов, татар, украинцев и марийцев Удмуртии,

которые в сумме составляли абсолютное большинство жителей республики. Несмотря на ряд работ [5; 7; 11] этническая урбанизация в Удмуртии по-прежнему недостаточно изучена.

В конце 1950-х гг. Удмуртская АССР представляла собой регион, в котором большая часть населения проживала в сельской местности (55,6 %). Этнический состав населения Удмуртии был достаточно пестрым, насчитывающим не менее 70 национальностей. Самыми многочисленными в республике являлись русские, удмурты, татары, украинцы и марийцы, которые в сумме, по переписи 1959 г., составили 98,8 % населения. Большинство населения относилось к русским (56,8 %), удмуртов было чуть больше трети (35,6 %), на третьем месте находились татары (5,4 %). Доли украинцев (0,6 %) и марийцев (0,5 %) были примерно равны (рис. 1).

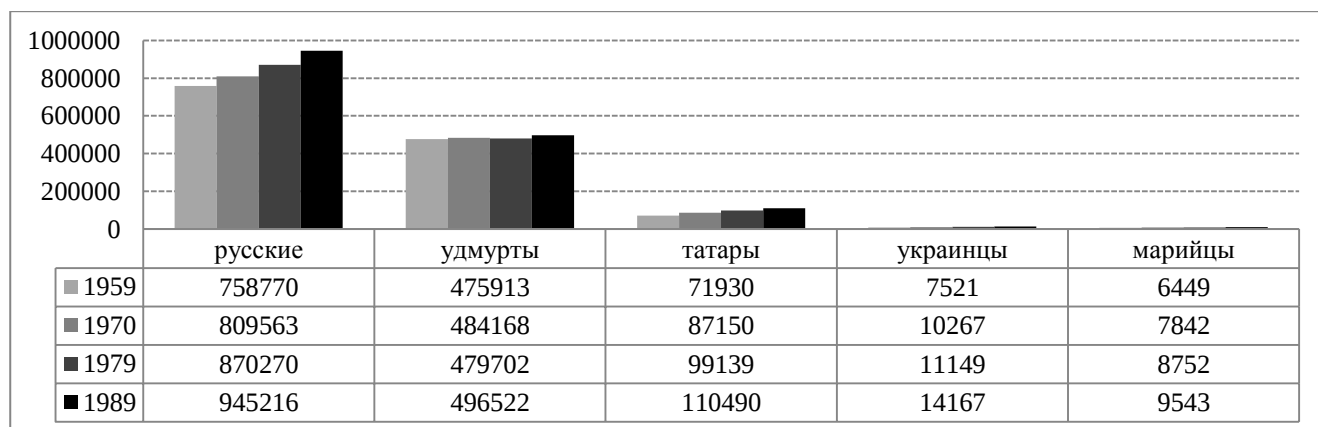

Рис.1. Национальный состав населения Удмуртской АССР, чел. (Сост. по: Перепись населения Российской Империи, СССР, 15 новых независимых государств [Электронный ресурс]. URL: <http://demoscope.ru/weekly/ssp/census.php>]

Еще до Великой Отечественной войны началось превращение Удмуртии в крупный оборонно-промышленный край, но во время нее этот процесс значительно ускорился. В послевоенный период важнейшими отраслями промышленности остались машиностроение и металлообработка. Предприятия республики стали выпускать новую продукцию: бумагоделательные машины, легковые автомобили и т.д. Была освоена добыча нефти. Однако основой развития экономики республики оставался военно-промышленный комплекс. По темпам роста промышленного производства Удмуртия значительно опережала Советский Союз.

Поскольку для наращивания выпуска промышленной продукции требовался значительный приток рабочей силы, в послевоенный период быстро росло городское население. Одним из основных источников пополнения явилась сельская местность. Численность крестьянства республики с 1959 по 1989 гг. сокращалась быстрее, чем в целом по стране или в России. За эти 30 лет сельское население Удмуртской АССР сократилось на 257,1 тыс. чел. [7, с. 47].

Доля горожан Удмуртии в этот период увеличивалась темпами, также превышающими общесоюзные. Если в 1950 г. среднегодовая численность рабочих и служащих в Удмуртии составила, по подсчетам автора, 255 тыс., то в 1960 г. она выросла до 376 тыс., в 1970 г. – до 524 тыс. и до 652 тыс. в 1980 г.¹ Как видим, наибольшее увеличение произошло в 1960-е гг. (на 148 тыс. чел.). Не случайно именно в 1960-е гг. здесь произошел урбанизационный переход, и Удмуртия относилась к регионам, где он был средним по времени [3, с. 64, 65].

¹ Народное хозяйство РСФСР в 1960 году: стат. ежегодник. – М.: Госстатиздат, 1961. – С. 400; Народное хозяйство РСФСР в 1990 году: стат. ежегодник. – М.: Республиканский информационно-издательский центр, 1991. – С. 112; Народное хозяйство РСФСР за 60 лет: стат. ежегодник. – М.: Статистика, 1977. – С. 210; Народное хозяйство Удмуртской АССР в одиннадцатой пятилетке: стат. сборник. – Устинов: Удмуртия, 1986. – С. 9.

На рис. 2 показано изменение доли городского населения по каждой из пяти рассматриваемых национальностей. Из них самой урбанизированной этнической группой являлись украинцы, удельный вес горожан у которых увеличился еще на 13,9 %. На втором месте находились татары как по степени урбанизированности, так и по темпам роста (18,6 %). Доля городского населения у русских выросла еще сильнее – на 22,7 %. У этих трех этнических групп наиболее существенный рост произошел с 1959 по 1970 гг. Затем он был более плавным, более того, у украинцев в 1979–1989 гг. он был даже отрицательным.

У восточно-финских национальностей траектории были почти прямыми. У них же особенно сильно выросла доля горожан: у удмуртов она увеличилась на 26,2 %, у марийцев – на 27,0 %. Тем не менее к концу рассматриваемого периода и те, и другие оставались преимущественно сельскими этническими группами.

Неопубликованные материалы переписи 1989 г. позволяют установить направления, по которым шло пополнение различных этнических групп городского населения Удмуртии. В таблице 1 приводится распределение населения городов Удмуртской АССР по переписи 1989 г. по месту рождения, полу и национальности. Кроме непосредственно автохтонного населения, т.е. родившегося в Удмуртии, в ней указаны семь регионов, откуда больше всего переехало в города республики на постоянное место жительства. То, что в списке оказались все соседние регионы, вполне объяснимо. Помимо этого, в Удмуртию прибыло много жителей Украины, Свердловской области и Казахстана.

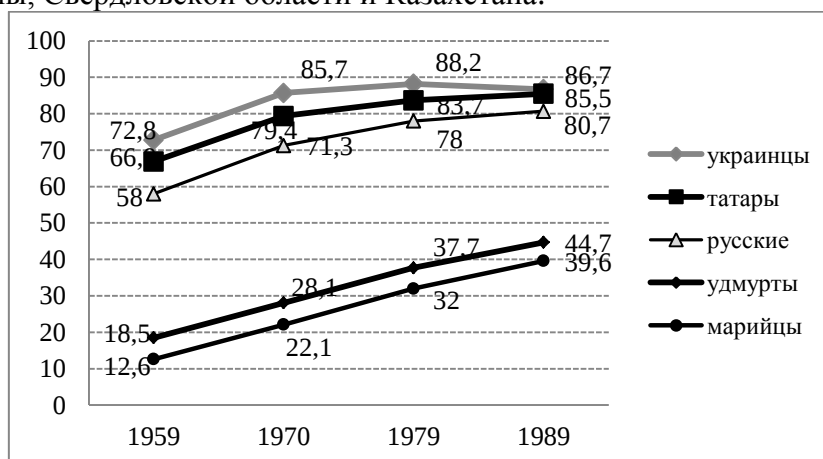

Рис. 2. Динамика доли городского населения в национальном составе населения Удмуртской АССР, % (Сост. по: Перепись населения Российской Империи, СССР, 15 новых независимых государств [Электронный ресурс]. URL: <http://demoscope.ru/weekly/ssp/census.php>)

Таблица 1

Распределение городского населения Удмуртской АССР по переписи 1989 г. по месту рождения, полу и национальности, чел.*

Место рождения	Всего	Русские	Удмурты	Татары (включая крымских)	Украин-цы	Марий-цы	Другие националь-ности
Все городское население							
Все население	1119773	762766	221865	94455	12285	3777	24625
Удмуртская АССР	874225	597788	212325	52862	3430	1898	5922
Татарская АССР	52144	17709	2107	31279	72	453	524
Кировская обл.	26960	24681	931	978	64	224	82
Пермская обл.	22399	19333	981	1298	114	29	644
Башкирская АССР	13189	4941	1328	2999	125	728	3068
Украинская ССР	11984	4018	195	156	6222	3	1390
Свердловская обл.	9389	8216	356	509	93	32	183
Казахская ССР	7008	4550	577	381	411	23	1066
Городское население (мужчины)							
Все население	517458	351884	99263	43842	6577	1707	14185

Удмуртская АССР	405174	278659	95135	25891	1687	907	2895
Татарская АССР	21577	7122	845	13139	25	190	256
Кировская обл.	10557	9574	414	412	31	86	40
Пермская обл.	9350	7950	446	601	53	10	290
Башкирская АССР	5640	2077	549	1363	60	307	1284
Украинская ССР	6572	2065	85	86	3621	2	713
Свердловская обл.	4082	3549	153	230	47	22	81
Казахская ССР	3712	2228	288	191	210	9	786
Городское население (женщины)							
Все население	602315	410882	122602	50613	5708	2070	10440
Удмуртская АССР	469051	319129	117190	26971	1743	991	3027
Татарская АССР	30567	10587	1262	18140	47	263	268
Кировская обл.	16403	15107	517	566	33	138	42
Пермская обл.	13049	11383	535	697	61	19	354
Башкирская АССР	7549	2864	779	1636	65	421	1784
Украинская ССР	5412	1953	110	70	2601	1	677
Свердловская обл.	5307	4667	203	279	46	10	102
Казахская ССР	3296	2322	289	190	201	14	280

*Сост. по: Центральный государственный архив Удмуртской Республики. Ф. Р-845. Оп. 5. Д. 1096. Л. 29–53.

Из всего городского населения Удмуртской АССР, проживавшего на момент переписи 1989 г. на территории республики, 78,1 % было коренным. Самой автохтонной этнической группой республики являлись удмурты. Последняя в истории Всесоюзная перепись населения показала, что из всех городских представителей титульной национальности, живших в Удмуртии на момент ее проведения, 95,7 % родилось на территории республики, и лишь 9,5 тыс. удмуртов прибыло из-за ее пределов.

Что касается городских русских, то доля родившихся в Удмуртии (78,4 %) была практически равна общереспубликанской. Около 165 тыс. русских прибыло из других регионов, больше всего – из Кировской области. Существенно прибавили благодаря мигрантам татары. К 1989 г. 55,9 % представителей этой национальности родилось в республике, соответственно, из-за пределов (в основном Татарстана) прибыло 44,1 % (41,6 тыс. чел.). Городские марийцы ровно наполовину состояли не из коренных жителей. Интересно, что большая часть марийских мигрантов родилась не в Марийской АССР, а в Башкирской АССР, и затем оказалась в Удмуртии. Правда, как уже было отмечено выше, представители этой национальности проживали в основном в сельской местности.

Сильнее всего из рассматриваемых народов прибавили в численности в результате миграции городские украинцы: из 12,3 тыс. родилось в Удмуртии только 3,4 тыс. чел. Объясняется данный факт тем, что значительное число украинцев прибыло в республику еще во время эвакуации в годы Великой Отечественной войны, а затем некоторая часть осталась жить и работать в Удмуртии. По трудовой мобилизации после войны сюда стали приезжать и новые рабочие силы. Наиболее мощные волны миграции украинцев пришлось на 1960–1980-е гг., когда в Удмуртию по системе распределения приезжали уроженцы Украины [10, с. 70–71].

Материалы переписи 1989 г. также позволяют установить предыдущее место жительства мигрантов, правда, только у русских и удмуртов. Так, из 342,7 тыс. городских русских, сменивших до переписи место постоянного жительства, 192,3 тыс. (56,1 %) указали, что прибыли из сельской местности. В то же самое время из 135,6 тыс. городских удмуртов-мигрантов сельское происхождение имели 112,0 тыс. чел. (82,6 %) [6, с. 172].

В гендерном отношении заметный перевес был на стороне женщин. В целом их доля в городском населении в 1989 г. равнялась 53,8 %. Выше среднего она была у русских (53,9 %), удмуртов (55,3 %), марийцев (54,8 %). У татар она была чуть ниже (53,6 %).

Единственными, у кого удельный вес мужчин (53,5 %) превосходил женский (46,5 %), были украинцы.

Таким образом, за 1959–1989 гг. доля городского населения Удмуртии значительно выросла. «Лидерами» роста были марийцы и удмурты. Объясняется это изначально низким уровнем урбанизированности у них. Меньшими темпами вырос удельный вес горожан у русских, при этом в абсолютных цифрах они дали наибольшую прибавку городскому населению Удмуртии. Доля горожан у татар выросла еще в меньшей степени, а у украинцев – меньше всего, но и те, и другие уже к началу рассматриваемого периода были самыми урбанизированными национальностями.

© Уваров С.Н. Текст. 2017

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ. Проект «Исследование этнодемографического развития Удмуртии в XX – начале XXI века в целях сохранения полиэтнического многообразия и этнополитической стабильности» № 16–11–18005.

Список источников

1. Киекбаев М.Д. Башкиры в городах Башкортостана: история и современность (опыт историко-этнографического и этносоциологического исследования). – Уфа: Изд-во ДП «НУР-Полиграфиздат», 1998. – 212 с.
2. Козлов В.И. Национальности СССР. Этнодемографический обзор. – М.: Финансы и статистика, 1982. – 303 с.
3. Мазур Л.Н. Российская деревня в условиях урбанизации: региональное измерение (вторая половина XIX–XX в.). – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. – 472 с.
4. Сенявский А.С. Урбанизация и этнодемографические процессы в России в XX веке. – Сыктывкар: Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2005. – 32 с.
5. Сумачева М.В. Этнические процессы на Урале во второй половине XX века. – Екатеринбург: ГОУ ВПО «Российский государственный профессионально-педагогический университет», 2009. – 257 с.
6. Уваров С.Н. Этническая миграция в Удмуртии в 1970–1980-е годы: историко-статистический анализ // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. – 2017. – № 1. – С. 160–179.
7. Удмурты: историко-этнографические очерки / науч. ред. В.В. Пименов. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1993. – 392 с.
8. Уставщикова С.В. Этнические аспекты урбанизации Саратовской области // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Науки о Земле. – 2014. – Т. 14. – № 2. – С. 30–33.
9. Черкасов А.А. Этнические аспекты урбанизации в России. – Ставрополь: ФОК-ЮГ, 2016. – 240 с.
10. Черниенко Д.А. Украинцы Удмуртии: история малой этнической группы // Историко-культурное наследие славянских народов Камско-Вятского региона: Научный альманах / общ. ред. А.Е. Загребин; ред. кол.: В.С. Воронцов, Р.Н. Касимов, Д.А. Черниенко (отв. ред.). – Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2015. – С. 66–76.
11. Шкляев Г.К. Особенности формирования городского населения Удмуртской АССР // Современное городское население Удмуртии (образ жизни и этнические процессы): сб. статей / отв. ред. Л.С. Христолюбова. – Устинов: НИИ при Совете Министров Удмуртской АССР, 1986. – С. 6–29.

Информация об авторе

Уваров Сергей Николаевич (Россия, Ижевск) – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой, ФГБОУ ВО «Ижевская государственная сельскохозяйственная академия» (426069, Россия, г. Ижевск, ул. Студенческая, д. 11; e-mail: sergey.uvarov@mail.ru)

Uvarov S.N.

THE ETHNIC FACTOR OF URBANIZATION IN UDMURTIA IN THE SECOND HALF OF THE XX CENTURY

The increase in the share of urban population among Russians, Udmurts, Tatars, Ukrainians and Mari of Udmurtia in 1959-1989 is analyzed. Unpublished archival data on the distribution of citizens by place of birth, sex and nationality made it possible to determine the direction of replenishment of ethnic groups in the urban population.

Keywords: ethno-demographic processes, urbanization, population, national composition, Udmurtia.

Information about the author

Uvarov Sergey Nikolaevich (Russia, Izhevsk) – candidate of historical Sciences, head of the Department, Izhevsk state agricultural Academy (426069, Russia, Izhevsk, Studencheskaya St., 11; e-mail: sergey.uvarov@mail.ru).

УДК 314.7(470.55/.57): 947.084.8

А.В. Федорова, Е.Г. Богданова

МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье характеризуется влияние миграционных процессов военного времени – мобилизации и эвакуации – на изменение демографической ситуации в Южноуральском регионе. Раскрываются масштабы и этапы механического движения, ставшего определяющим фактором деформации естественного прироста населения.

Ключевые слова: миграция, механическое движение, мобилизация, эвакуация, реэвакуация.

Сложная демографическая ситуация в нашей стране в значительной степени является следствием событий прошлых лет. Практические потребности современного российского общества, в котором обострение демографической ситуации приняло характер глубокого кризиса, выдвигают задачу ретроспективного анализа народонаселения. Корни сегодняшнего сложного положения в демографической сфере необходимо искать не только в современных тенденциях, но и в событиях прошлого. Их изучение позволяет по крупицам выявить исторический опыт, свидетельствующий о настоятельной необходимости активизировать политику в области народонаселения.

Великая Отечественная война нарушила демографический баланс, характерный для мирного времени. Стремительный рост смертности и снижение рождаемости, обусловленные резким ухудшением необходимых для нормальной жизнедеятельности человека условий, повлекли за собой резкое сокращение населения. Непосильный труд, хронический голод, а также болезни и отсутствие элементарной медицинской помощи вызвали повсеместную гибель десятков и сотен тысяч людей в тыловых районах Советского Союза. Главной тенденцией динамики численности населения стало его существенное сокращение. Численность населения является важнейшей результирующей основных показателей воспроизводства, т. е. естественного и миграционного, или механического движения людей. Война как масштабное социальное явление привела к сдвигам в инфраструктуре народонаселения. Его количество в тыловых районах, в том числе на

Южном Урале, зависело от действия нескольких факторов: массовой мобилизации мужского контингента в армию; притока эвакуированных; перемещения части сельских жителей в города для работы в промышленности, на транспорте и стройках; депопуляции, превышения числа умерших над числом родившихся; реэвакуации, развернувшейся в конце войны, и других. Трагические события начального периода Великой Отечественной войны привели в движение массы народа, породив различные формы миграции. С первых военных дней развернулась массовая мобилизация мужчин в РККА. Из сферы производства изъяли значительную часть наиболее трудоспособных, что потребовало изыскания новых рабочих ресурсов. Решалась сложнейшая проблема их перераспределения между армией и народным хозяйством. По данным штабов фронтов, в 1941 г. потери в месяц составляли около 400 тыс. чел., почти столько же призывали на военную службу из Чкаловской области.

Ярко характеризует напряженную ситуацию с обеспечением военными кадрами фронта сопоставление данных переписи 1939 г. с общим количеством мобилизованных. Накануне войны лица мужского пола в возрасте от 15 до 49 лет в Чкаловской области составляли 377046 чел., в Челябинской – 652968 чел. [2, с. 180, 232]. На 10 сентября 1942 г. из Чкаловской области уже отправили на фронт 236664 чел., или 58% всех призванных в годы войны. Даже с учетом всех дополнительных обстоятельств (наличие инвалидов и больных, негодных к строевой, увеличение населения в индустриальных районах, в том числе за счет эвакуированных, уход на фронт добровольцев старше призывного возраста и др.) ясно, что из региона фактически полностью убыло мужское население трудоспособного и детородного возраста. Это создало ряд социально-экономических и демографических проблем, среди которых основными стали острый дефицит рабочих рук и снижение рождаемости.

Мобилизационные процессы в тыловых районах страны компенсировались массовой эвакуацией населения с Запада. На Восток перебазировались тысячи предприятий и миллионы людей. Выгодное стратегическое и географическое положение региона, расположенного в глубоком тылу, наряду с имеющимся экономическим потенциалом обусловили превращение Южного Урала в важнейший оборонный центр страны в годы войны: сюда перемещались предприятия и жители прифронтовых районов, в том числе из Москвы и Ленинграда.

Южный Урал принял 650,8 тыс. эвакуированных (данные на апрель 1942 г.). В Челябинскую область из прифронтовой полосы во второй половине 1941 – начале 1942 гг. поступило 200 предприятий и 428 тыс. чел. Удельный вес вновь прибывших среди всего населения Челябинской и Чкаловской областей на конец 1941 г. составил 11,9%. Полные данные о количестве эвакуированных определить невозможно, потому что их учет велся неудовлетворительно и нерегулярно. Население Челябинской области на 20 марта 1942 г. за счет эвакуированных достигло 3,6 млн чел.

Из общего их количества 438 тыс. чел. неорганизованно прибыло 226 тыс. чел., с предприятиями и учреждениями – 168 тыс. чел., детей – 34 тыс. чел. Подавляющее большинство эвакоконтингента расселялось в городах и областном центре, что отличало Челябинскую область от других южноуральских территорий. Эшелоны с эвакуированными стали поступать в Чкаловскую область в начале июля 1941 г. На 16 июля уже насчитывалось 28 463 чел., которые распределялись по всей области, но преимущественно по сельским районам. К 20 января 1942 г. было принято: всего – 220 917 чел., сельскими эвакопунктами – 136 543 чел., или 61,8%, городскими – 84 374 чел. Эта особенность отличала аграрную Чкаловскую область, хотя доля прибывших по плану эвакуации в городах постепенно увеличивалась. Так, на 1 апреля 1943 г. всего разместили 237 644 чел., в сельскохозяйственной зоне – 135 816 (57%), в городах – 101 828 чел. На 20 сентября 1941 г. в Чкалове находилось свыше 20 тыс. эвакуированных, к лету 1942 г. цифра достигла 75 тыс. чел. Почти на 45 тыс. чел. выросло население г. Орска. По Уралу в целом 56,4% эвакуированного населения устроили в городах и рабочих поселках, остальных – в сельской местности. Индустриально развитая Челябинская область сохраняла данные пропорции. На

ее территории в конце 1941 г. на селе проживало 42,8% эвакуированных, 1942-го г. – 37,5%, 1943-го г. – 19,6% [5, с. 69]. Всего в городах и рабочих поселках РСФСР расселили 43,5% эвакуированных, в селах – 56,5% [3, с. 282].

Вышеприведенные данные позволяют утверждать, что за счет эвакуированных в первые годы войны на Южном Урале смогли почти полностью компенсировать убыль населения по военной и трудовой мобилизации. Приток в южноуральские города граждан из прифронтовой полосы и местных сел оказался столь значительным, что нейтрализовал отток мужчин в армию и отрицательный естественный прирост, обеспечил увеличение числа городских жителей. Однако с конца 1943 г. и до окончания войны в связи с реэвакуацией и возвращением людей на прежнее место жительства механическая убыль населения обусловила сокращение его численности в городах и особенно в сельских районах. Процесс эвакуации только количественно восполнил сокращение лиц мужского пола, а качественный состав прибывших повысил число женщин, детей и стариков в регионе. Основная масса ребят прибывала с детскими учреждениями; к февралю 1942 г. в Челябинской области разместилось 143 детдома (18238 детей), 128 интернатов (13 277 воспитанников). Справка Чкаловского областного отдела народного образования «О состоянии детских учреждений на 6 января 1942 г.» сообщала, что всего в область по эвакуации отправлено: детских учреждений – 87, в них детей – 8 575 чел. [1, с. 112].

Эвакуация шла в разных направлениях часто пересекающимися и встречными потоками. Между двумя ее основными этапами проводилась и частичная реэвакуация. В течение марта – мая 1942 г. из региона на прежнее место жительства вернулось 22,5% от всего количества эвакуированных [3, с. 281]. Прибывшее население рассматривало места размещения в тыловых регионах только как временное прибежище и постоянно находилось в движении или готовности к нему. С лета 1943 г. начинается постоянный отток эвакуированного населения в освобожденные от фашистов районы. Реэвакуация проводилась в организованном порядке под контролем партийных и советских органов. Разрешение на отъезд в первую очередь получали люди наименее ценные для производства – инвалиды, матери с малолетними детьми, работники низкой квалификации. Выезд квалифицированным кадрам разрешался только после подбора им замены, что касалось, прежде всего, рабочих оборонных предприятий, медиков и учителей. Почти все эвакуанное население, проживавшее на Южном Урале, вернулось в освобожденные районы страны в 1943 – 1947 гг. в результате организованной реэвакуации. В 1948 г. на постоянное жительство в Чкаловской, Курганской и Челябинской областях осталось 11 156 эвакуированных.

Подводя итоги по основным факторам механического движения населения, оказавшим значительное влияние на демографическую ситуацию в Южноуральском регионе в годы Великой Отечественной войны, следует отметить, что они коренным образом отличались по характеру, целям, темпам и объемам от миграций мирного времени. Война привела к вынужденному передвижению огромной массы людей всех возрастов и категорий, деформировав демографическую структуру тыла. Миграционные процессы стали определяющими факторами, от которых зависела численность населения, его половозрастная структура. Разрывались родственные связи, увеличивалась физическая и психологическая нагрузка, ухудшались бытовые условия жизни, что привело к снижению брачности, сокращению рождаемости и повышению смертности. Таким образом, механическое движение населения оказывало огромное влияние на естественное.

© Федорова А.В., Богданова Е.Г. Текст. 2017

Список источников

1.Абрамова Ю. П. Документы архивного фонда об эвакуации детских учреждений // Южный Урал в годы Великой Отечественной войны: регион. науч.-практ. конф., посвящ. 55-летию Победы / отв. ред. Л.И. Футорянский. – Оренбург: ИПК «Юж. Урал», 2000. – С. 112 – 115.

2. Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион: сб. материалов / сост. В.П. Мотревич. – Екатеринбург: Изд-во Гуманит. ун-та, 2002. – 372 с.
3. Зорина Р.Ф. Социальное положение эвакуированного населения в годы Великой Отечественной войны (по материалам Урала) // Тыл – фронту: материалы междунар. конф., посвящ. 60-летию Великой Победы, 20 – 21 апреля 2005 г. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2005. – С. 280 – 285.
4. Кирсанов Р.Г. Решение социальных проблем в годы Великой Отечественной войны (на примере Урала) // Южный Урал в годы Великой Отечественной войны: регион. науч.-практ. конф., посвящ. 55-летию Победы / отв. ред. Л.И. Футорянский. – Оренбург: ИПК «Юж. Урал», 2000. – С. 68 – 70.
5. Корнилов Г. Е. Миграция сельского населения Уральского региона в годы войны // Отечественная история. – 1993. – № 3. – С. 69 – 70.
6. Корнилов Г.Е. Эвакуация гражданского населения СССР в годы Великой Отечественной войны: дискуссия о количестве размещенных в восточных районах РСФСР// Демографические процессы на постсоветском пространстве: сб. материалов VI Уральского демографического форума с международным участием. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2015. – С. 66-71.

Информация об авторах

Федорова Алла Владимировна (Россия, Оренбург) – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории Отечества, Оренбургский государственный аграрный университет (460795, г. Оренбург, ул. Челюскинцев, 18, e-mail: istogau@yandex.ru).

Богданова Елена Григорьевна (Россия, Оренбург) – кандидат исторических наук, заведующая военно-историческим отделом, Оренбургский губернаторский историко-краеведческий музей (460000, г. Оренбург, ул. Советская 28; e-mail: elenka932@rambler.ru).

Fyodorova A.V., Bogdanova E. G.

MIGRANT MOVEMENT OF THE POPULATION IN THE SOUTH URAL DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

In the article the influence of the main migrant processes in the war period – mobilization and evacuation – on the changes of demographic situation in the real South-Ural region are characterized. Comparison and analyses of concrete data give the scale, main features and halting places of enforced mechanical movement of people during the war years, that became the determining factor of deformation of natural increase of population in the South Ural.

Keywords: migration, mechanic movement, mobilization, evacuation, reevacuation.

1. Fyodorova Alla Vladimirovna (Russia, Orenburg) – doctor of historical sciences, professor, Head of the Department of the History of the Motherland of the Orenburg State Agrarian University (460795, Orenburg, Chelyuskintsev Str., 18; e-mail: istogau@yandex.ru).

2. Bogdanova Elena Grigorievna (Russia, Orenburg) – candidate of historical sciences, Head of the Military History Department of the Orenburg gubernatorial historical museum (460000, Orenburg, Sovetskaya Str., 28; e-mail: elenka932@rambler.ru).

УДК 94(470)

И.И. Чернышева

УЧАЩИЕСЯ ШКОЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ: СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

В статье анализируется состав обучающихся в школах рабочей молодежи Свердловской области в послевоенные годы. Выявлены две тенденции: увеличение в составе учащихся количества подростков и рост числа взрослых учащихся. Показаны трудности организации обучения работавших учащихся, которые приводили к прекращению учебы.

Ключевые слова: учащиеся школы рабочей молодежи, возрастной состав, условия обучения.

Повседневная жизнь после окончания долгих военных лет не стала легче. Режим труда на предприятиях и в учреждениях достаточно долго не изменялся. Перестройка народного хозяйства и общественной жизни на мирные условия завершилась в основном в 1946 г. В июне 1945 г. начался переход на 8-часовой рабочий день, постепенно отменялись обязательные во время войны сверхурочные работы (от 1 до 3 часов в сутки). Это отразилось на заработной плате, поскольку сверхурочные работы оплачивались в полуторном размере. Резьвакуация населения привела к нехватке квалифицированных работников. С победой возвращались тысячи солдат, многие из которых не имели достаточного уровня образования. Кроме того, в годы войны многие юноши и подростки школьного возраста не могли сочетать учебу с работой и потому оставались вне образования. На повестку дня вновь вышел вопрос обучения взрослого населения. Эта проблема была общесоюзной, но в промышленно развитых регионах она становилась первоочередной. Получение образования взрослыми людьми возможно было только без отрыва от производства.

С июля 1943 г. по всей стране начали действовать школы для подростков, которые постановлением Совнаркома СССР от 30 апреля 1944 г. были переименованы в школы рабочей молодежи (ШРМ), а в сельской местности с сентября 1944 г. организовывались школы сельской молодежи (ШСМ). Согласно «Положению о школах рабочей молодежи» создавались два типа школ: семилетняя школа рабочей молодежи в составе V, VI, VII классов и средняя в составе VIII, IX, X классов. Школы открывались по решению областных, краевых исполнительных комитетов Советов депутатов трудящихся. Из этого положения следовало, что руководители промышленных предприятий должны были обеспечивать ШРМ помещениями, оборудованием, отоплением и освещением в течение учебного года, вместе с органами народного образования создавать для учащихся необходимые условия для посещения школ. Учебный год по продолжительности оставался 48 учебных недель при 9 учебных часах в неделю (3 дня по 3 часа). Учебный год длился с 1 сентября по 1 августа [1, с. 210–211]. Ситуация тогда требовала открытия по стране как можно больше классов с I по IV во всех школах РСФСР. Открытие таких классов способствовало решению проблемы обучения неграмотных и малограмотных. С 1944/45 учебного года при школах открывались подготовительные группы для молодежи, не имевшей начального образования. С 1953 г. вместо подготовительных групп создавались при семилетних школах начальные классы с трехгодичным сроком обучения [3, с. 13]. Постановлением СНК СССР от 8 июля 1944 г. организовывались школы сельской молодежи, имеющие целью дать ей образование в объеме начального и семилетнего. ШСМ были начальными (I–IV классы) и семилетними (I–VII классы). Обучение проводилось без отрыва от сельскохозяйственных работ. В местностях, где число подлежащих обучению незначительно, открывались вечерние классы при существующих школах. В вечерние школы принимались молодежь и подростки с 14-летнего возраста.

В Законе о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства (1946–1950 гг.) была определена задача создать повсеместно ШРМ и ШСМ, с тем чтобы дать возможность всем желающим повышать свое общее образование без отрыва от производства. В целях усиления руководства образованием постановлением СНК СССР от 11 февраля 1946 г. в наркоматах союзных республик организовывались управления школ рабочей и сельской молодежи, в областных, краевых отделах народного образования и в наркоматах автономных республик – сектора школ рабочей и сельской молодежи, в городских и районных отделах народного образования вводилась должность инспектора по

этим школам [2, с. 40; 6, с.77–78]. Наркомпросы союзных республик обязаны были обеспечивать повседневное руководство школами, укомплектовать их квалифицированными педагогическими кадрами, снабдить учебниками, учебными пособиями и письменными принадлежностями. Таким образом, заново создавалась система управления образованием взрослых, практически полностью повторяющая довоенную.

Исходя из трудной послевоенной обстановки правительство вводило ряд льгот для учащихся с целью поддержки и стимулирования к обучению. Распоряжение СНК СССР от 21 июня 1945 г. установило для работающих на производстве и обучающихся в ШРМ на период выпускных экзаменов дополнительный отпуск с сохранением заработной платы в 20 рабочих дней для X классов и 15 – для VII классов; учащиеся остальных классов освобождались в дни испытаний от работы с зачетом этих дней при предоставлении им очередных отпусков [5, с. 47].

Приказом Министерства просвещения РСФСР от 6 марта 1946 г. «О мерах по улучшению школ рабочей и сельской молодежи» учащимся ШРМ была установлена дополнительная выдача в дни занятий 100 грамм хлеба, 300 г крупы и овощей и 20 г сахара. В ШРМ и ШСМ устанавливалось бесплатное обучение, в то время как за обучение в старших классах общеобразовательных школ взималась плата [4, с. 6].

На Урале подсистема образования взрослых получила широкое распространение. Так, число ШРМ в Свердловской области выросло с 112 на начало 1943/44 учеб. года до 127 в 1945/46 учеб. году (на 13,4 %), а к началу 1950/51 учеб. года их стало 165 (рост на 47,3 %). Количество учащихся росло еще большими темпами: за 1943–1945 гг. рост составил 34,2 % (15,8 тыс. до 21,2 тыс.), а к началу 1950/51 учеб. года (42,3 тыс.) – 167,7 % (т.е. в 2,7 раза). Увеличивалось и количество СШМ: с 1945/46 учеб. года. до 1950/51 учеб. года с 99 до 233 (в 2,4 раза), а число учеников – с 1,2 тыс. до 5,5 тыс. (в 4,6 раза) [7, с. 141].

Кто учился в этих школах? Сведения о возрастном составе возможно реконструировать по годовым отчетам ШРМ Свердловской области (см. табл.).

Таблица 1

Возрастной состав обучавшихся в школах рабочей молодежи
Свердловской области в 1949–1950 гг.*

Учебный год	Возраст учащихся				Количество учащихся
	До 14 лет	От 14 до 15 лет	16–22 лет	22 лет и старше	
1949/50	435	2803	14864	3287	21389
1950/51	435	2776	16505	3867	23583

*Составлено по: Государственный архив Свердловской области. Ф. Р-233. Оп. 3. Д. 158. Л. 106; Оп. 5. Д. 53. Л. 2; Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 61. Оп. 12. Д. 118. Л. 11.

Из представленных данных видно, что возрастной состав обучающихся в школах варьировался от 14 до 30 лет. Основную группу составляли учащиеся в возрасте 16–22 года, т.е. родившиеся в 1933–1927 гг., они не призывались в армию в годы войны, часть из них от 18 до 22 лет отслужили в армии уже после войны. Получение семилетнего образования оказалось отложенным. Эта группа оказалась самой многочисленной среди учащихся ШРМ, ее удельный вес составлял примерно 70 %. Послужили в армии, или возможность учебы в школе пришлось на военные годы, у учеников ШРМ в возрастной группе 22 лет и старше. Учащиеся этой возрастной группы составляли 15,4–16,4 %. 12–13,1 % учащихся были в возрасте от 14 до 15 лет. В ШРМ учились и подростки до 14-летнего возраста (1,8–2,0 %). Возрастной состав учащихся ШРМ был в основном молодежным.

В этом возрасте сочетать работу на предприятиях с учебой было сложно. Оканчивавшим ШРМ предоставлялись все права, предусмотренные для учащихся семилетних и средних школ всеобща. Отсюда объем знаний для ШРМ должен был быть одинаковым. Поэтому в ШРМ и ШСМ были приняты программы массовых школ, но режим

учебных занятий, внутренний распорядок школы, учебный план были иными. Учебный план строился в них из расчета продолжительности учебного года в 48 рабочих недель (без зимних и летних каникул), 18 недельных часов (9 часов классных занятий и 9 часов консультационных). При меньшем количестве учебных часов, чем в детской школе, учащимся ШРМ нужно было усвоить ту же программу.

Повышение образовательного уровня подростков и взрослых осуществлялось под жестким административным нажимом руководства предприятий и контролем органов местной власти. В школу таким образом попадали совсем не желавшие учиться, имевшие длительный перерыв в учебе и серьезные пробелы в знаниях, утратившие навыки самостоятельной работы. Не все усваивали учебную программу, совмещая обучение в школе с основным местом работы.

Осложнялся процесс обучения учащихся в ШРМ Свердловской области и таким фактором, как сменность занятий, сильно влиявшая на посещаемость школы. Установленная в военное и послевоенное время односменность занятий в школах при трехсменной работе на предприятиях не давала возможности рабочей молодежи регулярно посещать школу. Имеющиеся данные по 96 ШРМ показывают, что в 1945/46 учеб. году по области только 27 школ работали в две смены, остальные – 69 школ (из-за отсутствия помещений и учительских кадров) работали в одну смену (поздно вечером). Подобная ситуация сохранялась еще и в 1949/50 учеб. году. Из 113 ШРМ 54 школы работали только в третью смену, так как они располагались в зданиях школ всеобщего обучения, но уже 59 школ имели собственные здания и проводили занятия в две смены (утреннюю и вечернюю). Ситуация менялась в лучшую сторону. Увеличение количества ШРМ, располагавшихся в собственных зданиях и проводивших занятия в две смены, способствовало сохранению контингента учащихся школы, уменьшало количество покидавших школу из-за несовпадения графика работы и обучения. Наличие собственного здания школы способствовало проведению воспитательных мероприятий и увеличению часов консультаций по предметам. Наличие собственного школьного здания решало проблему установления учебного режима работы как в утренние и дневные часы, так и в вечерние.

Еще одна проблема послевоенного времени, являвшаяся причиной оставления учебы, состояла в том, что для учащихся ШРМ, занятых на работе, не создавались надлежащие условия для посещения занятий. Часто их отрывали от учебы на длительный срок: работа на лесозаготовках, на сельскохозяйственных работах, да и сверхурочная работа на производстве. Оставление учебы было связано с весьма неудовлетворительной для того времени материальной базой школ. Многие предприятия не обеспечивали ШРМ благоустроенными помещениями, оборудованием, освещением и отоплением. Помещения, предоставляемые промышленными предприятиями для ШРМ, не всегда отвечали своему назначению. Так, ШРМ № 1 в г. Молотове при заводе № 172 с контингентом 860 человек размещалось в тесном холодном здании. Ученики сидели по 4–5 человек на двухместной парте [5, с. 50].

Таким образом, демографический портрет учащихся школ рабочей и сельской молодежи оказывал влияние на адаптивные возможности обучения, которые необходимо было осуществлять с учетом особенностей состава учащихся и внешних факторов (условия труда, улучшение материального положения, режим учебы). В развитии ШРМ и ШСМ в послевоенные годы отчетливо сформировались две тенденции, проявившиеся в полярности состава обучавшихся: 1) резкое увеличение количества подростков 14–15 лет; 2) возросшее количество взрослых от 22 до 30 лет, стремившихся получить среднее образование.

© Чернышева И.И. Текст. 2017

Список источников

1. Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании: сборник документов за 1917–1947 гг. – Вып. 1. – М.; Л., 1947. – 302 с.
2. Сборник руководящих материалов. – М.: Учпедгиз, 1947. – 152 с.

3. Сборник руководящих материалов по обучению молодежи и взрослых. Школы рабочей и сельской молодежи, заочные школы и специальные школы взрослых. – М.: Учпедгиз, 1957. – 269 с.
4. Сборник приказов и инструкций Министерства просвещения РСФСР. 1946. № 6.
5. Народное образование. – 1946. – № 7.
6. Народное образование. – 1947. – № 4.
7. Народное хозяйство Свердловской области и города Свердловска: стат. сб. – Свердловск: Госстатиздат, 1956. – 160 с.

Информация об авторе

Чернышева Инна Ивановна (Россия, г. Лесной Свердловской области) – аспирант, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (620990, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16; e-mail: inna_milena@mail.ru)

Chernysheva I. I.

STUDENTS OF SCHOOL OF WORKERS AND RURAL YOUTH IN SVERDLOVSK REGION IN POSTVODENNYE YEARS: SOCIO-DEMOGRAPHIC PORTRAIT

The article analyzes the composition of the working young people of the Sverdlovsk Region studying in schools. Two trends in the composition of students have been identified: an increase in the number of adolescents and an increase in adult learners. The difficulties of organizing the training of working students, which led to the termination of studies, are shown.

Keywords: students of the school of working youth, age structure, training conditions

Information about the author

Chernysheva Inna Ivanovna (Russia, Sverdlovsk region, Lesnoy) – graduate student, Institute of History and Archaeology of the Urals Branch of the Russian Academy of Sciences (16, Kovalevskoj St., 620990, Ekaterinburg, Russia; e-mail: inna_milena@mail.ru).

УДК 930.2+314(47.84)

Н.В. Чернышева

РЕЭВАКУАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ ИЗ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена изучению реэвакуации населения из Кировской области в годы Великой Отечественной войны. Автор определяет основные группы реэвакуированного населения, направления, механизмы и масштабы реэвакуации.

Ключевые слова: реэвакуация населения, миграции, Кировская область, Великая Отечественная война.

Реэвакуацию населения можно определить как тип добровольно-вынужденных миграций. Среди историков в последние десятилетия все популярнее становится рассмотрение реэвакуационных процессов в 1941–1948 гг. Главным образом они представлены региональными исследованиями [4–5, 7, 9–10, 12]. В ряде из них содержится глубокий анализ данных процессов. Основываясь на них и собственных исследованиях, дадим характеристику возврата эвакуированного в Кировскую область населения.

Прежде чем определить, что есть реэвакуация применительно к периоду войны, необходимо обратиться к процессу, ей предшествующему, – эвакуации, т. е. комплексу мероприятий по организованному вывозу населения, предприятий, учреждений и других

материальных и нематериальных ценностей, находящихся под угрозой военного нападения и оккупации.

Кроме того, важно четко определить категории людей, участвовавших в эвакуации и реэвакуации. Это необходимо не только для более точного количественного учета, но и для понимания специфики половозрастного и социального состава. Наиболее полное определение, на наш взгляд, дает М.Н. Потемкина: «Под эвакуацией следует понимать граждан, переехавших на новые места жительства с целью личной безопасности или в силу государственной необходимости из районов, находящихся под угрозой оккупации врагом» [5, с. 56]. Поэтому к категории «эвакуированные» нельзя отнести демобилизованных из Красной Армии и ВМФ, кадровый состав вывезенных в тыл военных учреждений, а также депортированные народы [1, с. 101].

Следовательно, реэвакуация – процесс вывоза эвакуированного населения, а также материальных и нематериальных ценностей, в районы прежнего местонахождения.

С.О. Козурман, рассматривая формы реэвакуации населения из Саратовской области, выделяет 2 группы реэвакуированного населения:

1) население, подлежащее плановой реэвакуации (под контролем государства): сотрудники государственных учреждений, реэвакуированные жители, дети, сотрудники учреждений науки и культуры и пр.;

2) население, подлежащее внеплановой реэвакуации (контроль государства значительно слабее): самостоятельно реэвакуированные (главным образом жители сельской местности) и незаконно реэвакуированные (дезертиры) – нарушители действующих правовых норм (главным образом трудового законодательства) [2, с. 119]. Внеплановая реэвакуация имела массовый характер, в том числе по причине отсутствия четкого механизма, препятствовавшего выезду.

Используя классификацию Л.И. Снегиревой, можно выделить следующие направления реэвакуации: реэвакуация партийных, советских и комсомольских кадров; реэвакуация специалистов народного хозяйства; массовая реэвакуация населения; частная реэвакуация.

Реэвакуация осуществлялась по планам, которые устанавливали отправку населения с определенных станций в конкретные регионы страны. Зимой 1943 г. началась разработка единого долгосрочного плана восстановительных работ, включавшего механизмы реэвакуации. В феврале 1943 г. при Госплане СССР было образовано Управление по восстановлению хозяйства в освобожденных районах, в составе которого действовал отдел по реэвакуации. В августе 1943 г. создан Комитет по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации, при СНК СССР. При наркоматах создавались специальные комиссии по восстановлению подведомственных объектов и реэвакуации людей и материальных ценностей.

Общим возвращением людей продолжал заниматься Отдел по хозяйственному устройству эвакуированного населения при СНК РСФСР. С 14 августа 1945 г. он был преобразован в Главное переселенческое управление при СНК РСФСР, в составе которого действовал отдел по реэвакуации и репатриации (до 1950 г.).

При этом Отдел по хозяйственному устройству эвакуированного населения должен был организовать весь процесс переселения, начиная с определения времени, места и количества реэвакуированных и заканчивая выдачей рейсовых карточек, а также обеспечением питанием и медицинским обслуживанием выезжающих в пути [6, с. 190]. Реэвакуация осуществлялась с учетом опыта, накопленного в результате эвакуации, и была обусловлена политическими и экономическими причинами.

Реэвакуированные получали полный расчет на производстве и специальный пропуск в паспортном отделе НКВД до того места, куда выезжали. Выезжающим выплачивалось единовременное денежное пособие в размере 1200 руб., оплачивались стоимость проезда, перевоз багажа до 100 кг и командировочные по 25 руб. в сутки за время пребывания в пути. После трех месяцев работы на освобожденной земле они могли перевести свои семьи к

новому месту жительства. До этого времени за членами семей отъезжающих сохранялись все их права на жилье, работу, льготы и т. д. [11, с. 231].

Меры социальной поддержки дифференцировались в зависимости от категории населения, подлежащего реэвакуации. Не вдаваясь в подробное рассмотрение, тезисно их можно определить так:

1) руководящие работники и специалисты получали денежное пособие и другие материальные льготы в соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 23 ноября 1931 г. «О компенсациях и гарантиях при переводе и направлении на работу в другую местность» (единовременное пособие, командировочные расходы). Оплачивался также проезд и провоз багажа;

2) колхозники получали расчет за заработанные трудовни, разрешалось взять до 50 кг ручной клади, сухой паек и мыло, оплачивался проезд;

3) возвращающиеся в частном порядке также имели право на денежное пособие и материальные льготы, но в меньшем объеме; оплачиваемый проезд и рейсовые карточки [8, с. 23].

К 1 января 1942 г. в Кировскую область были эвакуированы 231572 чел., 53% проживали в сельской местности. В среднем каждый десятый житель области носил статус «эвакуированного».

Реэвакуация существенно отличалась по объему, срокам и длительности охватываемого периода от эвакуации и зависела во многом от положения на фронтах войны. После разгрома немцев под Москвой в декабре 1941 г. начинается частичная реэвакуация. В связи с неудачной для советских войск летней кампанией 1942 г. реэвакуация была приостановлена. К 20 августа 1942 г. в Кировской области проживали 177,8 тыс. эвакуированных¹. Так завершился первый этап реэвакуации.

Одновременно развернулся второй этап эвакуации (лето – осень 1942 г.), вызванный наступлением гитлеровцев на юге страны. По своим размерам эвакуация была меньше. Перемещению подверглись жители юго-восточных областей и Северного Кавказа, всего около 1 млн чел. В результате к 1 января 1943 г. в Кировской области находились 197,2 тыс. эвакуированных, из них 115,7 тыс. в сельской местности.

Летом 1943 г. был проведен переучет эвакуированного населения. Со второй половины 1943 г. отмечается второй этап реэвакуации, связанный с освобождением оккупированных территорий². В соответствии с периодизацией М.Н. Потемкиной второй этап реэвакуации проходил с зимы 1943/44 г. по май 1945 г., т. е. в условиях военного времени, носил организованный и массовый характер [5, с. 309]. За 1943 г. из РСФСР реэвакуировалось в освобожденные районы около 1 млн чел., а к концу 1945 г. всего было вывезено более 4,5 млн чел. [3, с. 69]. К 1 января 1944 г. в Кировской области проживало 144,5 тыс. эвакуированных, из них на селе – 86,7 тыс. чел.³ Жители сельской местности были привязаны к уборке урожая и другим сельхозработам, что определяло сезонный характер миграций.

Зимой 1943 г. 1160 чел. в организованном порядке были отправлены из Кировской области в Карело-Финскую ССР⁴. Жители Ленинградской и Калининской областей были

¹ Государственный архив социально-политической истории Кировской области (ГАСПИ КО). Ф. П-1291. Оп. 1. Д. 16. Л. 104.

² Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации» от 21 августа 1943 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК: в 14 т. – Т. 6. 1941–1954 гг. – 8-е изд., доп. и испр. / под общ. ред. П.Н. Федосеева и К.У. Черненко. – М., 1971. – С. 465; Решение СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по восстановлению МТС и колхозов в районах, освобожденных от немецко-фашистских оккупантов» от 23 января 1943 г. // Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам: сб. док.: в 4 т. – Т. 2. 1929–1945 гг. – М., 1957. – С. 746–750; Решение СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О компенсации при возвращении работников из эвакуации к месту прежней работы» от 16 августа 1944 г. // Указатель важнейших решений партии и правительства во время Великой Отечественной войны / сост. Е.Н. Морозова, Ю.К. Стрижков. – Вып. 2. – М., 1980. – С. 250.

³ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф.1562. Оп. 20. Д. 479. Л. 3.

⁴ Государственный архив Кировской области (далее – ГАКО). Ф. Р-2169. Оп. 1. Д. 811. Л. 8.

резвакуированы в августе 1944 г. в количестве 29892 чел. и 2793 чел. соответственно¹. В сельской местности за 1944–1945 гг. число эвакуированных сократилось на 1/3. На 1 января 1945 г. в сельской местности Кировской области проживали 31528 эвакуированных жителей².

Эти сведения подтверждают данные механического учета населения. В 1944–1945 гг. преобладающая часть выбывшего населения отправлялась в Северный и Северо-Западный регионы (Ленинградская область, Карело-Финская ССР) – 15,4% (в 5 раз больше, чем в 1943 г.), Западный (со второй половины 1944 г. страны Прибалтики и Белорусская ССР) – 3,9% (отток по-прежнему оставался незначительным, хотя и вырос в 38 раз), Центральный (Курская, Московская области) – более 50%, Южный (Украинская ССР) – туда отправлялась примерно 1/5 часть выезжающих, Юго-Восточный (Куйбышевская, Сталинградская области) – 3,8% – регионы страны.

Кировскую область покидали лица трудоспособного возраста: основу составляли мужчины, отправленные на фронт (в среднем 55–60%).³ В 1944–1945 гг. количество выбывающих мужчин сократилось в 2 раза по сравнению с 1939 г. Доля нетрудоспособных среди уезжающих в первые годы войны значительно снизилась (5–7%), с 1943 г. увеличение последовало в результате организованной резэвакуации детских учреждений (10–14%). Сходные тенденции характерны для миграционной подвижности женщин. В 1944 г. наблюдался рост числа выбывающих женщин разных возрастов.

Резэвакуация продолжалась и в послевоенный период вплоть до 1948 г. (третий этап резэвакуации). Некоторые эвакуированные добровольно оставались на территории вселения, теряя статус «эвакуированное население». Послевоенные процессы резэвакуации населения из Кировской области требуют более тщательного изучения.

Следовательно, давая оценку процессам эвакуации и резэвакуации, необходимо отметить, что при отправке эшелонов учитывались территориальное положение региона и его инфраструктура. Государство стремилось проводить эвакуационно-резэвакуационные мероприятия в организованном порядке, стараясь не допустить стихийности, которая могла усугубить существовавшие проблемы (голод, эпидемии, беспризорность детей и т. д.) и породить новые.

Процессы эвакуации и резэвакуации оказали значительное влияние на демографическую ситуацию в Кировской области. Прибывшее население временно компенсировало мобилизованных на фронт, а также несколько изменило половозрастную структуру. Кроме того, процессы обусловили резкую интенсивность миграции в отдельные периоды войны.

© Чернышева Н.В. Текст. 2017

Благодарность

Публикация подготовлена в рамках выполнения гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук, номер проекта МК-6607.2016.6.

Список источников

1. Афанасьева Ю.Л. Процессы перемещения гражданского населения в период Великой Отечественной войны (на примере Курской области): дис. ... канд. ист. наук. – Курск, 2002. – 209 с.
2. Козурман С.О. Формы резэвакуации населения из Саратовской области в годы Великой Отечественной войны // Известия Саратовского государственного университета. Серия: История, международные отношения. – 2011. – Т. 11. – № 1. – С. 113–120.

¹ ГАКО.Ф. Р-2169. Оп. 1. Д. 883. Л. 12, 38–39, 40–41.

² ГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 2. Д. 1681. Л. 24–24 об.

³ Подсчитано по: ГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 2. Д. 465. Л. 14; Д. 863. Л. 12–12 об.; Д. 1227. Л. 7–7 об.; Д. 1275. Л. 4–4 об.

3. Корнилов Г.Е. Миграция сельского населения Уральского региона в годы войны // Отечественная история. – 1993. – № 3. – С. 67–82.
4. Потемкина М.Н. Эвакуанаселение в уральском тылу: опыт выживания // Отечественная история. – 2005. – № 2. – С. 86–97.
5. Потемкина М.Н. Эвакуационно-реэвакуационные процессы и эвакуанаселение на Урале в 1941–1948 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. – Екатеринбург, 2004. – 466 с.
6. Родионов Н.А. Реэвакуация советских и иностранных граждан из Удмуртской АССР в 1943–1948 гг. // Новые исследования по истории Удмуртии: сб. статей / отв. ред. А.В. Яковлев. – Ижевск, 1991. – С. 186–205.
7. Русских (Чернышева) Н.В. Социально-демографические процессы в Кировской области в годы Великой Отечественной войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ижевск, 2010. – 25 с.
8. Снегирева Л.И., Сафонова Т.А. Реэвакуация гражданского населения из Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Вестник ТГПУ. Гуманитарные науки. – 2004. – Вып. 4 (41). – С. 22–30.
9. Снегирева Л.И. Реэвакуация детей и детских учреждений из Западно-Сибирского региона (1942–1945 годы) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2016. – Т. 15. – № 8. – С. 157–159.
10. Снегирева Л.И. Реэвакуация из Западной Сибири в освобожденные районы специалистов сельского хозяйства (1943–1945 гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 2–6 (62). – С. 206–209.
11. Снегирева Л.И. Реэвакуация сельхозтехники и кадров из Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны // Проблемы истории Второй мировой и Великой Отечественной войны и современность: материалы всерос. науч.-практ. конф., посв. 63-й годовщине Победы СССР в Великой Отечественной войне. – Томск, 2009. – С. 220–241.
12. Уваров С.Н. Миграция сельского населения Удмуртии в годы Великой Отечественной войны // Вестник Пермского университета. – 2014. – Вып. 3 (26). – С. 156–163.

Информация об авторе

Чернышева Наталья Викторовна (Россия, Киров) – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет» (610000, г. Киров, ул. Московская, д. 36; e-mail: natiche84@mail.ru)

Chernysheva N.V.

RETURN OF EVACUEES FROM THE KIROV REGION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

The article is devoted to the study of return of evacuees from the Kirov region during the Great Patriotic War. The author defines the main groups of the return of evacuees population, the directions, mechanisms and scales of return of evacuees. The publication was prepared in the framework of the Russian President's grant for state support of young Russian scholars – Candidates of Sciences, project Number: MK-6607.2016.6.

Keywords: return of evacuees, migration, Kirov region, the Great Patriotic War

Information about the author

Chernysheva Natalia (Russia, Kirov) – candidate of historical sciences, associate professor of the department of national history FSBEI HE Vyatka State University (610000, Kirov, Moskovskaya St., House 36; e-mail: natiche84@mail.ru).

2. ИНСТИТУТ РОДИТЕЛЬСТВА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Ms. Malebogo Patience Matshane

A VIEW FROM THE SOUTH

The article presents the main ideas of report of Ms. Malebogo Patience Matshane, First Secretary, Immigration and Civic Affairs, Embassy of the Republic of South Africa, in the Russian Federation

Key words: parenthood, teenagers, child abuse, Republic of South Africa, social development

On behalf of the People and the Government of the Republic of South Africa, I wish to express a sincere gratitude to the organizers of this forum for the opportunity to share the South African experience on the protection of children and to make a presentation on the **Formation of the Institution of Responsible Parenthood in the Modern World**. I also wish to convey my Ambassador's apologies for not being with us today. Her Excellency, Ambassador Sibanda-Thusi, could not attend the Forum due to prior commitments.

The Bill of Rights of the South African Constitution specifically states that "every child has the right to be protected from maltreatment, neglect, abuse or degradation". South Africa has also drafted legislation to protect children, which is based on the United Convention of the Rights of the Child and the African Charter on the Rights and Welfare of the Child.

Protections are further reinforced through the Children's Act, which emphasizes the State's role in the provision of social services to strengthen the capacity of families and communities at large to care for and protect children. In this regard, the South African Government has availed a basket of services, such as the monthly financial grant, to make sure that every child receives care and protection.

In addition, various legislation has been enacted to further protect children in difficult situations. For instance, the Child Justice Act establishes a separate criminal justice system for children in conflict with the law. The Sexual Offences and Related Matters Amendment Act include a wide range of crimes that commonly occur against Children. While the Prevention and Combating of Trafficking in Persons Act deals with the global phenomena of child trafficking.

Protecting children from violence, exploitation and abuse is not only a basic right, but also an obligation clearly set out in Article 28 of the South African Constitution. The aim of child protection is to ensure the safety, wellbeing, care and protection of children through an integrated multi-disciplinary approach. Despite the best efforts of the South African Government and civil society to protect children from child abuse, through the country's progressive child protection laws, policies and programmes, many children still remain vulnerable. Thus, reducing high levels of violence against children is one of the top priorities of the South African government.

To raise awareness of the rights of children, the South African Government, on annual basis marks the national Child Protection Week. This campaign was established in 1997 and this year marks the 20th year since its establishment. The campaign aims to mobilize all sectors of society to care for and protect children. Child Protection week also allows us to shine a spotlight on children's issues; highlight successes and identify the gaps on what still needs to be done.

The campaign is led by the Minister of Social Development; however it is incumbent to all South Africans to play a role in protecting children and creating a safe and secure environment for all children. The Government urges everyone to wear the Green Ribbon during the Child Protection week to show support for the promotion of the rights, care and protection of children. The Green Ribbon was adopted by the National Child Protection Committee in 2004.

- The green refers to life and growth

- By wearing the Green Ribbon it shows that one cares and supports Child Protection Week.
- The Green Ribbon lets victims and survivors know that we are united in their support
- It also emphasizes the importance of partnerships to tackle child abuse, neglect and exploitation.

This year, the Child Protection Week was held from 28 May 2017 to 04 June 2017. On Sunday the 28th May, our Government led by the Department of Social Development which is the custodian of the Children's Act - launched this year's Child Protection Week under the theme: "Let us all protect Children to Move South Africa Forward"

In ensuring that indeed the South African society is also playing the responsible role in the development of children, our government has partnered with one of our mobile phone network providers – Cell C to advance the girl child in South Africa. In this regard, programmes such as Take the Girl Child to Work, the Girl Bursary Fund, the Girl Child Alumni and the Girl Institute of Mentorship have been established to inspire the Girl Child to achieve beyond the ordinary. Furthermore, institutions such as the Child Welfare South Africa also play a role in protecting children from abuse. Toll-free line for Child South Africa to report mal-treatment of children has also contributed significantly in protecting children.

It is therefore our hope that this presentation will inspire us to improve cooperation not only between South Africa and the Russian Federation in strengthening support to traditional family values, motherhood, fatherhood, childhood, development of industrial and human resources potential etc., but it will also increase interaction for the realization of the Formation of the Institution of Responsible Parenthood globally in the Modern World

I would therefore conclude by saying that it is more than possible to form an institution for this very important purpose. Let us therefore all exercise Responsible parenthood and protect Children to move this Modern World Forward.

Information about the authors

Ms. Malebogo Patience Matshane, First Secretary, Immigration and Civic Affairs, Embassy of the Republic of South Africa, in the Russian Federation

УДК/ББК 316.35.62-058.833: 364-42/ 60.561.51+60.561.7

Д.Г. Быкова

ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА РЕПРОДУКТИВНО-ТРУДОВОЙ ПЕНСИИ КАК АЛЬТЕРНАТИВЫ АЛИМЕНТАМ НА СОДЕРЖАНИЕ РОДИТЕЛЕЙ

Законодательством предусмотрена обязанность по содержанию нетрудоспособных родителей – одна из исторически сложившихся функций семьи, исполнение которой первоначально обеспечивалось социальными нормами. В статье институт репродуктивно-трудовых пенсий рассматривается как альтернатива алиментам на содержание родителей.

Ключевые слова: Репродуктивно-трудовая пенсия, родительский труд, институт, пенсия, содержание родителей, алименты, учет результатов родительского труда.

Одна из общих трактовок причин формирования институтов связана с наличием фактора неопределенности в большинстве сфер человеческой деятельности и институты, устанавливая нормы и правила взаимодействия, удовлетворяют такую потребность, как уменьшение неопределенности, а также ряд других потребностей [4, с.25]. «Семья – или, точнее, группа, объединенная кровным родством, - чрезвычайно важный институт в традиционных обществах прежде всего потому, что она защищает своих членов от неопределенности» [2, с.413], – пишет Г. С. Беккер. Такой уже сформировавшийся социальный институт, как институт семьи, традиционно удовлетворяет не только эту

потребность, но и, в первую очередь, потребность в воспроизводстве рода и воспитании детей. Именно семья обеспечивает сохранение и трансляцию ценностных ориентиров в следующем поколении.

Вкладывая ресурсы в человеческий капитал детей, родители ограничивают свое текущее потребление и накопления. В последующем поддержка престарелых родителей в большинстве обществ обеспечивается, по Г.С. Беккеру, социальными «нормами» [2, с.448]. При этом юридические гарантии не всегда существуют, поэтому, если эти социальные «нормы» не работают, с точки зрения экономического подхода, к человеческому поведению и теории рационального выбора родителям выгоднее меньше вкладывать в человеческий капитал детей, сберегая себе «на старость» [2, с.444].

В современном государстве нарушение социальных «норм» компенсируется созданием систем социального и пенсионного обеспечения. Вместе с тем, в условиях ограниченных ресурсов государство также встает перед выбором между снижением нагрузки на трудоспособное население и увеличением инвестиций в человеческий капитал или обеспечением достойного вознаграждения людям, вышедшим на пенсию, за их многолетний профессиональный труд. По исследованиям американских ученых, в частности Н. Фольбр, в США уровень бедности среди семей с детьми значительно превышает этот же показатель среди бездетных пожилых людей [12, с. 12]. Несмотря на то, что государственная поддержка воспитания детей в виде оплачиваемого отпуска и пособий увеличивается с течением времени, она все равно покрывает лишь небольшую долю расходов на их содержание.

В современной России помимо развитой системы социального и пенсионного обеспечения действуют нормы права, обязывающие детей содержать своих нетрудоспособных нуждающихся в помощи родителей. Забота о нетрудоспособных родителях – одна из восьми конституционных обязанностей [5]. Исполнение данной обязанности регулируется Семейным кодексом РФ, в котором статьей 87 предусматривается выплата детьми алиментов на нетрудоспособных нуждающихся в помощи родителей в качестве средства обеспечения её исполнения [9]. При этом статьей 157 Уголовного Кодекса РФ предусмотрено наказание вплоть до лишения свободы до одного года за неуплату совершеннолетними трудоспособными детьми средств на содержание нетрудоспособных родителей [11]. Совокупность этих норм права гарантирует родителям после наступления нетрудоспособности, в частности после выхода на пенсию, содержание со стороны несовершеннолетних детей.

На данном примере прослеживается взаимосвязь института семьи и правового института административного взыскания, определяющего порядок взыскания алиментов в случае, если дети отказываются от своих алиментных обязательств. Следует отметить, что родители в большей степени ориентируются на то, что дети будут следовать так называемым социальным «нормам». Однако в последнее время в СМИ активно обсуждается тема выплаты алиментов на содержание родителей, которые все чаще обращаются в судебные инстанции, чтобы гарантированно компенсировать ресурсы, вложенные в человеческий капитал детей. В отличие от данных, связанных с выплатой алиментов на содержание детей, Федеральной службой государственной статистики сведения о выплате средств в пользу нетрудоспособных родителей не собираются, статистические данные отсутствуют. Однако информация из открытых источников в сети Интернет позволяет сделать некоторые выводы относительно того, что данная проблема становится все более актуальной. В течение пяти месяцев (с 10.11.2016 по 17.03.2017) судами различных инстанций в разных субъектах Российской Федерации было вынесено 44 судебных решения по статье 87 Семейного кодекса РФ «Обязанности совершеннолетних детей по содержанию родителей» [8]. Это означает, что в течение этого периода судами принимались решения по вопросу алиментов на содержание родителей каждые 2-3 рабочих дня.

Вместе с тем, действующим законодательством предусмотрен ограниченный перечень условий, при наличии которых дети могут не оплачивать содержание родителей-пенсионеров. Фактически указанный перечень условий сводится к неисполнению родителем

своих обязанностей по воспитанию и содержанию ребенка, лишение или ограничение его родительских прав. Однако, по данным Федеральной службы государственной статистики за 2015 г., к большей части детей это условие не относится (доля детей, в отношении которых родители лишены или ограничены в родительских правах, составляет 13,8 и 32,3 на 10000 детей соответственно¹). При этом отсутствие доходов у ребенка не является основанием для не назначения алиментов, в таком случае алименты на содержание родителей исчисляются исходя из уровня средней заработной платы по стране.

Существующий механизм, с одной стороны, уменьшает неопределенность для родителей и четко определяет минимальный размер выплат со стороны детей, компенсирующих их родительский «альтруизм» [12, с. 79-80]. С другой стороны, нетрудоспособность родителей может быть связана не только с возрастом, но и с состоянием их здоровья – в этом случае даже при наличии такого желания родители не всегда смогут обратиться в суд за получением алиментов. Одновременно возрастает неопределенность для детей – родитель, не участвовавший в воспитании и содержании ребенка, но не лишенный родительских прав, при достижении нетрудоспособного возраста имеет право подать на алименты, и ребенок, начиная с 18 лет, вынужден будет их платить, даже если не имеет никакого дохода. Кроме того, отказ от своевременной выплаты алиментов предполагает начисление недоимки и увеличение, тем самым, суммы задолженности.

Нами предлагается иной, связанный с результатами и более организованный с экономической точки зрения, механизм компенсации затрат родителей на осуществление родительского труда при достижении ими пенсионного возраста – формирование института репродуктивно-трудовых пенсий. При конструировании данного института должны учитываться его следующие основные характеристики, которые традиционно используются при анализе институтов [10, с.21]:

1. Адресатами институциональных норм выступают родители. Именно на их поведение и выбор в пользу повышения качества результатов родительского труда должно быть направлено институциональное воздействие. Дети, в свою очередь, ограничиваются в выборе в пользу возможности не оказывать помощь своим пожилым родителям, если благодаря их воспитанию был сформирован качественный человеческий капитал.

2. Регулирующее воздействие требует от родителей выбора в пользу установки на осознанное родительство и позволяет им получать дополнительное вознаграждение за качественные результаты своего родительского труда.

3. Объектом регулируемых действий являются результаты родительского труда, которые могут характеризоваться двумя основными группами показателей – медицинских и социальных. К группе медицинских показателей относятся те, которые характеризуют физическое и психическое здоровье как элемент человеческого капитала, а к группе социальных – показатели, связанные с полученным образованием и приобретенными знаниями, умениями и навыками в ходе социальной жизнедеятельности.

4. В каждом конкретном субъекте Российской Федерации институциональные нормы должны будут выполняться в существующих социально-экономических условиях. При этом для подавляющего большинства регионов характерна ситуация дефицита бюджета Пенсионного фонда, что свидетельствует, в первую очередь, о проблемах именно демографического плана и острой необходимости в увеличении численности населения в трудоспособном возрасте [3, с.131].

5. Санкцией – неблагоприятным последствием за нарушение институциональных норм – будет отсутствие дополнительной пенсии у родителей.

Институт репродуктивно-трудовых пенсий перспективно, на наш взгляд, формировать на пересечении институциональных норм институтов дополнительных пенсий и

¹ Семейная политика детствосбережения. URL: Федеральная служба государственной статистики. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/motherhood/# (дата обращения 21.04.2017)

родительства. Первый из них может выступать для формируемого института в качестве базового. С правовой точки зрения, дополнительные пенсии предусмотрены пенсионным законодательством [7] и применяются на практике: в 2014 г. объем отчислений дополнительных взносов в пенсионную систему составил 9,8 млрд руб [6]. Частично, преимущественно нормативно, эта практика институционализована, однако об «опривычивании» практики добровольных дополнительных отчислений на пенсию говорить преждевременно. На сегодняшний день это в большей степени элемент системы негосударственного пенсионного обеспечения.

Действительно, первоначально, в качестве пилотного проекта, институт репродуктивно-трудовых пенсий может реализовываться в рамках системы негосударственного пенсионного обеспечения, однако в дальнейшем целесообразно его интеграция в систему обязательного пенсионного страхования.

Отдельные институциональные компоненты института родительства послужат основой для организационной составляющей института репродуктивно-трудовых пенсий. Общество и государство, как потребители результатов родительского труда, устанавливают ожидаемый базовый уровень требований к институту родительства, задавая тем самым своеобразный «стандарт качества» человеческого капитала. Организационная составляющая института репродуктивно-трудовых пенсий – учет результатов родительского труда на всех его стадиях по разработанным группам показателей [1, с.2]. По завершении пятой (школьной) или шестой (профессиональной подготовки) стадий родительского труда вычисляется итоговый показатель результата родительского труда и передается в Пенсионный фонд РФ. Включение результатов родительского труда в пенсионную систему предполагает установление соответствия между итоговым показателем результата родительского труда и процентом отчисления от заработной платы ребенка на дополнительную пенсию родителя.

Организационно предлагаемый нами механизм предусматривает частичное перераспределение до 3 % от 16 % отчислений в систему обязательного пенсионного страхования на дополнительные пенсии родителей. В данном случае основную финансовую нагрузку будет нести работник. Однако в долгосрочной перспективе она будет скорректирована за счет дополнительных отчислений его детей, если результат родительского труда работника также окажется высоким. Такой вариант механизма учета результатов родительского труда в пенсионной системе РФ представлен на рисунке 1 [3, с. 120].

Возвращаясь к потребности в снижении неопределенности, можно говорить о том, что институт репродуктивно-трудовых пенсий – это эволюционная форма института алиментов на содержание нетрудоспособных нуждающихся в помощи родителей, поскольку он является более определенным – как для детей, так и для родителей. С одной стороны, дети понимают, что при достижении родителем пенсионного возраста они будут обязаны отчислять фиксированный процент своей заработной платы в счет дополнительной пенсии родителя. С другой стороны – для родителей отпадает необходимость обращаться в судебные органы и они гарантированно получают поддержку от ребенка. Вместе с тем, дополнительный доход родителя возникает только при высоком качестве результата его родительского труда, при формировании качественного человеческого капитала ребенка, тем самым повышается осознанность родителей. Развитие, а не просто рождение ребенка, то есть достижение качественного результата родительского труда, невозможно без установки на осознанное родительство. Формирование осознанного отношения к родительству выступает условием повышения качества родительского труда. На наш взгляд, поэтапное последовательное конструирование института репродуктивно-трудовых пенсий имеет множество положительных последствий, является хорошей альтернативой алиментам на содержание родителей и будет всесторонне содействовать совершенствованию института родительства: родители получают дополнительное вознаграждение только при формировании качественного человеческого капитала. Институт репродуктивно-трудовых

пенсий может стать неким интегральным институтом, который позволит ввести в большей степени социальный институт родительства в экономическую плоскость таким образом, чтобы он присутствовал в экономической подсистеме нашего общества .

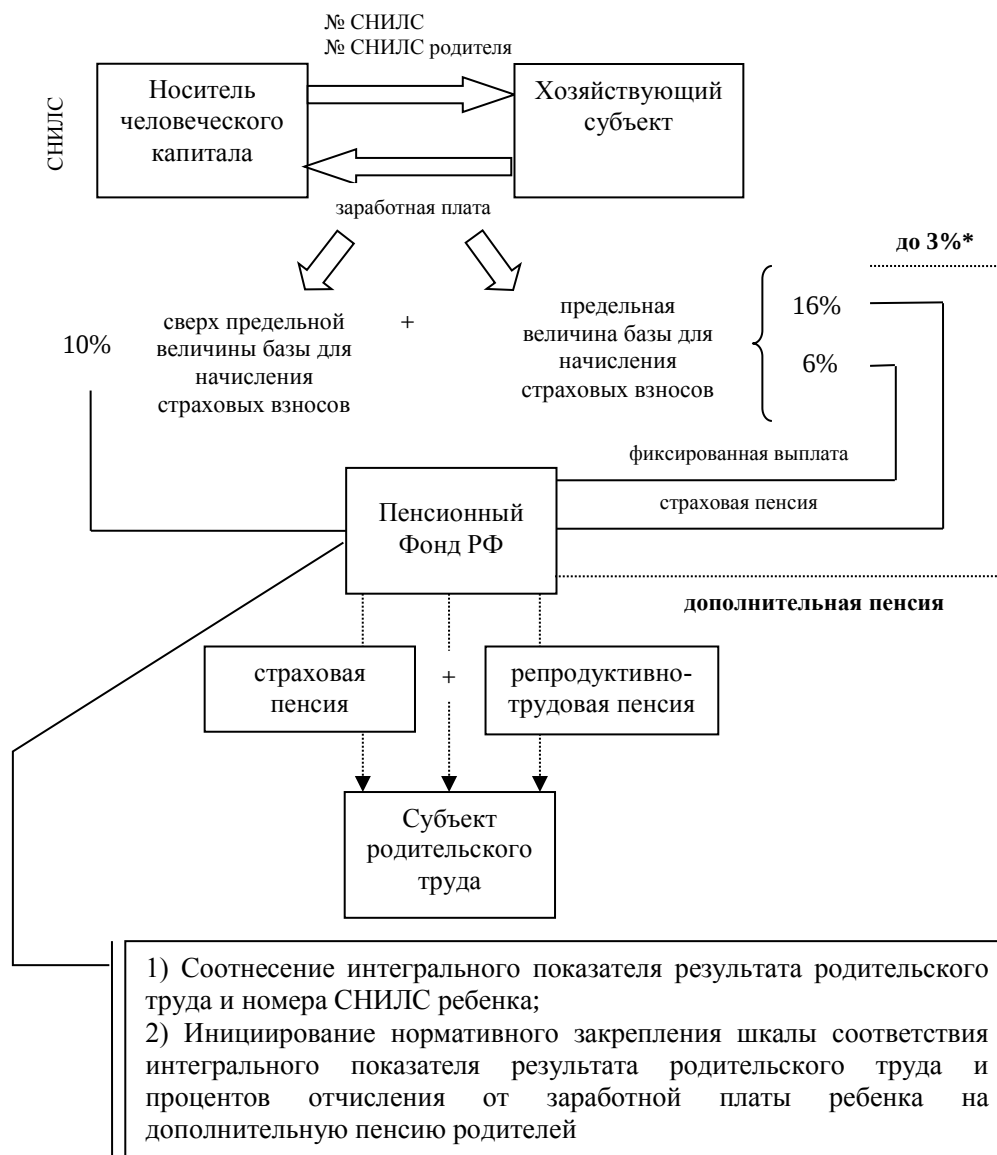

Рис. Один из вариантов механизма учета результатов родительского труда в пенсионной системе РФ

© Быкова Д.Г. Текст. 2017.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект «Интеграция результатов родительского труда в пенсионную систему РФ» № 16-32-00020).

Список источников

1. Багирова А. П., Быкова Д. Г. Оценка результатов родительского труда: методические принципы и система показателей / А. П. Багирова, Д. Г. Быкова // Экономический анализ: теория и практика. – 2015. – № 27 (426). – С. 2-13

2. Беккер Г. С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории: пер. с англ. / Сост., науч. ред. послесл. Р. И. Капелюшников; предисл. М.И. Левин. – М. : ГУ ВШЭ, 2003. – 672 с.
3. Быкова Д. Г. Развитие пенсионной системы РФ на основе учета результатов родительского труда: дис...канд. экон. наук: 08.00.05 / Быкова Дарья Георгиевна. – Екатеринбург, 2016. – 199 с
4. Институциональная экономика: учебное пособие / под общ. ред. Г. Н. Макаровой, В. А. Рудякова. – Иркутск: БГУЭП, 2014. – 316 с.
5. Конституция Российской Федерации. Принята народным голосованием 12 декабря 1993 г.
6. Об исполнении бюджета Пенсионного фонда Российской Федерации за 2014 год: Федеральный закон Рос. Федерации № 279-ФЗ от 05 октября 2015 г. // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»
7. О дополнительных страховых взносах на накопительную пенсию и государственной поддержке формирования пенсионных накоплений: Федеральный закон Рос. Федерации № 56-ФЗ от 30 апреля 2008 г. // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»
8. РосПравосудие. URL: Примеры практики - судебные решения по статье 87 СК РФ. https://rospravosudie.com/law/Статья_87_СК_РФ (дата обращения: 21.04.2017)
9. Семейный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон Рос. Федерации № 223-ФЗ от 2 декабря 1995 г. // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»
10. Теория и методы анализа публичной политики: учебное пособие для вузов / под ред. Я. Ю. Старцева. – Екатеринбург: Урал. Ин-т управления РАНХиГС, 2014. – 264 с.
11. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон Рос. Федерации № 63-ФЗ от 13 июня 1996 г. // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»
12. Folbre N. Valuing Children: Rethinking the economics of the family / N. Folbre. – HARVARD UNIVERSITY PRESS, Cambridge, Massachusetts, and London, England, 2008. – 235 p.

Информация об авторе

Быкова Дарья Георгиевна (Российская Федерация, Екатеринбург) – к.э.н., помощник депутата, Екатеринбургская городская Дума, (620014, г. Екатеринбург, пр. Ленина, д. 24а, каб. 407, bykovadarya91@gmail.com).

Bykova D. G.

FORMATION OF INSTITUTE OF REPRODUCTIVE LABOR PENSION AS ALTERNATIVE TO ALIMENTS ON SUPPORT FOR PARENTS

Disabled parents support established by law is one of the historically formed family's functions, which implementation was originally provided by social norms. The paper considers the institution of reproductive labor pensions as an alternative to aliments on support for parents.

Keywords: Reproductive labor pension, parental labor, institution, pension, support for parents, aliments, assessment the parental labor.

Information about the author

Bykova Daria Georgievna (Russian Federation, Yekaterinburg) – Ph.D in Economics, assistant of local councilor, Yekaterinburg city Duma (24a Lenina Ave., Apt. 407, Yekaterinburg, 620014, bykovadarya91@gmail.com)

ТРУДОВОЙ ХАРАКТЕР РОДИТЕЛЬСТВА В ПРЕДСТАВЛЕНИИ НАСТОЯЩИХ И БУДУЩИХ РОДИТЕЛЕЙ

В статье представлены результаты сравнительного анализа исследований, касающихся восприятия родительства в качестве труда. Результаты показали, что большинство респондентов считают, что родительство - это труд, однако для женщин такое восприятие более однозначно, чем для мужчин.

Ключевые слова: родительский труд, родительство, качественные исследования, количественный опрос.

Несмотря на обилие работ, посвященных регулированию демографических процессов как в России, так и в других странах мира, у ученых до сих пор нет единого мнения на этот счет. Например, ученые-демографы невысоко оценивают эффективность мер материального стимулирования рождаемости, введенных в РФ в течение последних лет [1]. Также современные исследования показывают, что даже при наличии естественного потенциала рождений и необходимых материальных условий, рождаемость остается ограниченной репродуктивным поведением населения [6]. Несмотря на то, что результаты родительского и репродуктивного поведения населения измеримы методами количественных исследований, само репродуктивное поведение есть явление во многом субъективное, обусловленное рядом социокультурных факторов, трудно описываемых с помощью исключительно количественных показателей. Сегодняшний тренд в изучении репродуктивного поведения населения состоит в использовании для этих целей одновременно стратегий количественного и качественного анализа – т. н. mixed methods [9].

Традиционно для изучения репродуктивного поведения широко использовались количественные методы исследования [2, 3]. Качественные исследования репродуктивного поведения освещают его медико-демографические, социально-экономические, гендерные, культурно-ценностные аспекты [4, 8].

Среди научных направлений, с помощью которых представляется возможным изучать репродуктивное и – шире – родительское поведение – есть концепция родительского труда. Согласно ей, родительский труд характеризуется как процесс реализации родительства и родительских функций посредством конкретной целенаправленной деятельности, регламентированной сложившимися институциональными нормами, спецификой мотивационной структуры субъектов родительского труда и особенностями объекта родительского труда [7, с. 33]. С научной точки зрения родительство обладает всеми признаками трудовой деятельности, такими, как созидательный характер, целенаправленность, легитимность, энергозатратность и общественная полезность [5]. Однако само восприятие родительства как трудовой деятельности в обыденном сознании неоднозначно.

В рамках изучения отношения к родительскому труду мы сопоставили результаты двух исследований по данному вопросу – количественного и качественного. Первое исследование выявляло отношение молодых людей – будущих родителей к родительскому труду. Был использован анкетный опрос, N=400. Возраст респондентов варьировался от 19 до 35 лет, но все они были бездетными. Репродуктивные планы респондентов были распределены по времени следующим образом: 5 % опрошенных (в основном из тех, кто состоит в официальном браке) планируют рождение ребенка в ближайший год, 18 % респондентов - через 2-3 года, чуть более половины опрошенных (51 %) планируют стать родителями через 5 лет, еще 15 % - через 10 лет. Только 3 % опрошенных заявили, что никогда не планируют стать родителями, еще 8 % затруднились с ответом.

Второе исследование было направлено на изучение характера родительского труда у действующих родителей, реализующих свой труд на разных стадиях этого вида труда. Информация собиралась методом глубинного интервью (N = 6). Возраст опрошенных варьировался от 30 до 50 лет.

Целью сопоставительного анализа данных двух исследований было выявление разницы между представлениями молодежи о родительстве как о родительском труде и мнением по этому поводу опытных родителей.

Анализ ответов студентов университета-будущих родителей показал, что их подавляющее большинство считает родительство трудом – об этом нам сказали 90,4 % опрошенных. В то же время, мы обнаружили существенные различия в ответах юношей и девушек на этот вопрос (рис. 1).

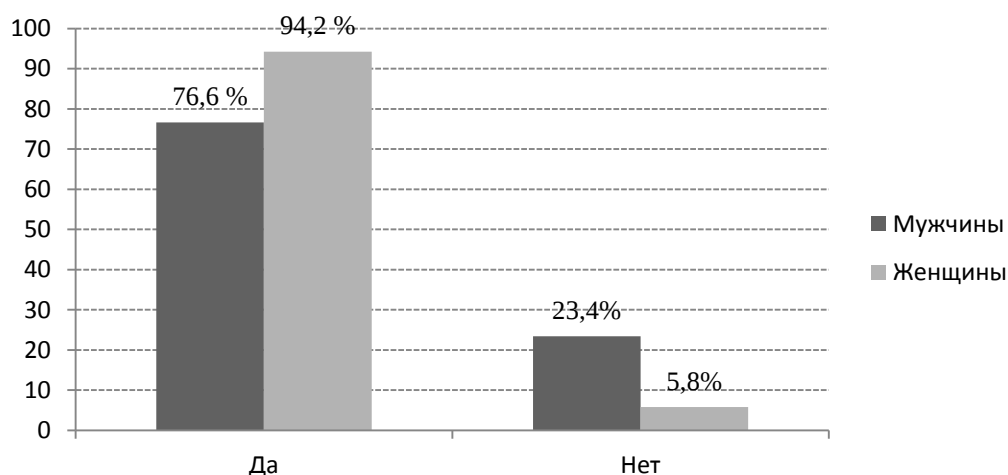

Рис. Распределение ответов респондентов по полу на вопрос: «Как Вы считаете – родительство – это труд или нет?», %

Критерий хи-квадрат выявил, что ответ на этот вопрос и пол респондентов связаны между собой. Практически все из опрошенных женщин считают родительство трудом, в то время как мужчины не так единогласны в своих оценках. Возможно, это связано с особенностями гендерного воспитания – девочки с детства вовлечены в большее количество игровых и социальных практик ухода за детьми, поэтому имеют более детальное представление о «технологиях» этого ухода.

Сравнивая полученные результаты с данными глубинных интервью, различие в восприятии родительского труда мужчинами и женщинами становится еще заметнее. Так, на вопрос «Считаете ли Вы родительство трудом?» женщины ответили однозначно утвердительно:

Жен., 34 года, дошкольная стадия родительского труда: «Конечно, является! Трудом по созданию и воспитанию нового поколения».

Жен., 43 года, младшая школьная стадия родительского труда: «Конечно, является!».

Жен., 32 года, младенческая стадия родительского труда: «Однозначно да».

Мужчины при ответе на тот же вопрос занимали противоположную позицию, причем даже несколько воинствующую. Помимо этого, сложным для восприятия с этической точки зрения для них являлось какое-либо экономическое выражение как результатов родительского труда, так и инвестиций в ребенка. Поэтому наша попытка приравнять родительство к трудовой деятельности во многом звучала как оскорбление в лучших чувствах:

Муж., 46 лет, школьная подростковая стадия родительского труда: «Нет, я не считаю, что родительство – это труд. Может быть и тяжело, но потом, когда со

временем смотришь на это, понимаешь, что это вообще – счастье, самые лучшие дни в жизни».

Муж., 31 год, перинатальная стадия родительского труда: «Нет. Труд это общественно-полезная деятельность, детей мы рожаем для себя, а не для общества. С тем же успехом можно утверждать, что секс – это труд. Человек эгоист, и он рождает детей в жалком стремлении к собственному бессмертию, а не ради общества».

Соответственно, на уточняющие вопросы о характере и сложностях родительского труда более детально могли ответить только женщины:

Жен., 34 года, дошкольная стадия родительского труда: «Это и рутина, и творчество. Рутину в бытовых вопросах, однако превращающуюся в творчество, когда делаешь это все вместе с ребенком, помогая ему познавать мир. Конечно, это физический труд первые годы, когда носишь его на руках. Эмоциональный тоже – воспитание, поддержка, успокаивать и обучать принимать себя и мир. Большие, наверное, это эмоциональное творчество»

Именно женщины отмечали основные «трудовые» признаки родительства, такие как физические и временные затраты:

Жен., 43 года, младшая школьная стадия родительского труда: «Ну содержательно... вот даже элементарно накормить ребенка, убрать за ребенком, погулять с ребенком. Это больше что-то физическое. И время нужно на это».

Впрочем, дальнейший ход глубинного интервью частично подтвердил гипотезу о причинах столь различного восприятия родительства как трудовой деятельности у мужчин и женщин. Дело в том, что рутинный физический уход за ребенком в российских семьях традиционно ложится на плечи женщин. Мужчины больше принимают участие в «духовной», творческой и эмоциональной составляющей родительского труда. Возможно, именно поэтому им сложно осознавать родительство как труд, для них это в большей степени выражение взаимоотношений и любви, а от неприятных «физических» трудовых его аспектов они избавлены. Это подтверждают ответы респондентов на вопрос: «Оцените, пожалуйста, уровень сложности родительского труда» (для сравнения приводим ответы женщины и мужчины):

Жен., 34 года, дошкольная стадия родительского труда: «Мама должна знать и уметь все! Приходится решать любые возникающие вопросы. Сразу узнаешь о всех болезнях и как их лечить, о поликлиниках, лекарствах, диагнозах и прочем. Сразу узнаешь о пособиях, учреждениях, медицинских и прочих, где встать на учет, куда подать и какие документы. Узнаешь все магазины в округе, где что купить, как что приготовить, куда ребенка отдать в какую секцию, садик, школу. С ним изучаешь мир – как решить задачу, как приготовить еду, как одеться... Сложно ли создать нового человека? Думаю, это одна из высших степеней сложности, если этот труд делать, а не оставить рост ребенка на самотек».

Муж., 31 год, перинатальная стадия родительского труда: «Мне не сложно, так как у меня любящая семья и любящая женщина, которые мне помогают».

По результатам сравнения двух исследований – количественного опроса будущих родителей и качественного исследования мнений настоящих родителей, были получены следующие выводы.

Подавляющее большинство респондентов считают родительство трудом. При этом доля женщин, разделяющих это мнение, несколько выше, чем доля мужчин. Такая разница в восприятии связана, на наш взгляд, с дифференциацией функций родительства в семье. Девушки с детства готовятся к тому, что по естественным (беременность, роды, грудное вскармливание) и социальным (традиционное распределение ролей в семье) причинам большая часть забот по уходу за ребенком окажется на них. Поэтому они лучше осведомлены о сложностях и тонкостях родительства, и с большей уверенностью относят деятельность по «созданию нового поколения» к трудовой. Мужчины воспринимают родительство скорее с точки зрения эмоций и взаимоотношений, поэтому применение к данным понятиям экономических категорий ими воспринимается не столь однозначно. Это

означает, что оценка трудовой сущности родительства связана с социально-демографическими характеристиками респондентов [10], хотя структуру этих взаимосвязей еще предстоит уточнить.

© Ворошилова А.И., Багирова А.П. Текст. 2017

Благодарность

Статья подготовлена в рамках НИР «Формирование концепции перспективного развития жилых микрорайонов муниципального образования «город Екатеринбург» до 2035 года» (муниципальный контракт № 15/2016-2 от 17 ноября 2016 г.)

Список источников

1. Авдеев В. М., Захаров С. В. Микроперепись - 2015 ставит под сомнение результативность мер по стимулированию рождаемости // Демоскоп Weekly, 2017. № 711-712. С. 1-25.
2. Антонов А. И., Грудина Т. Н. Снижение социальных установок на число детей в российской семье (по данным социологодемографических исследований «Москва-1976», «Россия-2000» и «Россия-2014») // Экономические стратегии, 2015. Т. 17. № 5-6 (130-131). С. 80-87.
3. Архангельский В. Н. Использование статистической и социологической информации при оценке результативности демографической политики в отношении рождаемости // Инновационное развитие экономики России: региональное разнообразие Сборник статей по материалам Шестой международной научной конференции, 2013. С. 777-784.
4. Бекбаулиева Г. Н. медико-демографические, социально-экономические и гендерные аспекты в репродуктивном поведении женщин Приаралья // Естественные и технические науки, 2007. № 5 (31). С. 162-164.
5. Ильшев А. М., Багирова А. П. Введение в репродуктивистику. Становление науки о воспроизводстве человека. М. : Финансы и статистика, 2009. 304 с.
6. Латышева А. И., Лоскутникова Н. А. Воспроизводство населения и кадровый потенциал региона. Экономический аспект // Научно-методический электронный журнал «Концепт», 2016. Т. 17. С. 543–547.
7. Родительский труд: условия реализации, мотивы и результаты: монография / А. П. Багирова, Д. Г. Быкова, А. И. Ворошилова, Э. В. Ильвес, О. М. Шубат / под общ. ред. проф. А. П. Багировой ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федерал. ун-т. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. 171 с.
8. Шестаков К. А. Роль аксиологического фактора в управлении репродуктивным поведением // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика, 2008. № 3. С. 73-75.
9. Creswell J., Plano Clark V. Designing and Conducting Mixed Methods Research. Thousand Oaks, Calif: SAGE Publications, 2011. 488 p.
10. Dribe M., Oris M., Pozzi L. Socioeconomic status and fertility before, during, and after the demographic transition: an introduction // Demographic Research, 2014. № 31. Pp. 161-182. doi:10.4054/DemRes.2014.31.7.

Информация об авторах

1. Ворошилова Анжелика Игоревна (Россия, Екатеринбург) – ассистент кафедры Социологии и социальных технологий управления Института государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19, a.i.voroshilova@urfu.ru).
2. Багирова Анна Петровна (Россия, Екатеринбург) – профессор кафедры Социологии и социальных технологий управления Института государственного управления и

предпринимательства Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19, a.p.bagirova@urfu.ru).

Voroshilova A. I., Bagirova A. P.

LABOUR CHARACTER OF PARENTHOOD IN PERCEPTION OF PRESENT AND FUTURE PARENTS

The article presents the results of a comparative analysis of researches related to the perception of parenthood as labor. The results showed that the majority of respondents believe that parenting is a labour, but for women this perception is more unambiguous than for men.

Key words: parental labor, parenthood, qualitative research, quantitative survey.

Information about authors

1. Voroshilova Anzhelika Igorevna (Russia, Ekaterinburg) - Assistant of the Department of Sociology and Social Technologies of the Institute of Public Administration and Entrepreneurship of the Ural Federal University (620002, Yekaterinburg, Mira st., 19, a.i.voroshilova@urfu.ru).

2. Bagirova Anna Petrovna (Russia, Ekaterinburg) – Professor of the Department of Sociology and Social Technologies of the Institute of Public Administration and Entrepreneurship of the Ural Federal University (620002, Yekaterinburg, Mira st., 19, a.p.bagirova@urfu.ru).

УДК: 314.6

Т.Н. Грудина

ЦЕННЫЕ ОРИЕНТАЦИИ И УСТАНОВКИ МНОГОДЕТНЫХ РОДИТЕЛЕЙ: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В данной статье осуществляется анализ ценностных ориентаций и мотивационных особенностей поведения многодетных родителей на примере социолого-демографических исследований, проведенных по данной проблематике кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Ключевые слова: многодетные родители, семья, многодетность, ценностные ориентации, демографический потенциал.

Количество детей в семье определяет демографический потенциал регионов и страны в целом. По-прежнему среднестатистической российской семьей является семья с двумя родителями, состоящими в браке, и одним ребенком (67 % среди всех семей с детьми). По данным переписи населения 2010 года, в России доля многодетных в общем числе домохозяйств (включая домохозяйства из одного человека) составила 3,1%. По сравнению с переписью 2002 года уровень многодетности несколько увеличился – с 2,6 до 3,1%, а в сопоставлении с 1989 годом сократился в 1,5 раза – с 4,6 до 3,1%. Согласно официальным данным, в начале 2017 г. количество многодетных семей составило 1566 тыс. [9], увеличившись по сравнению с 2010 г. (1250 тыс).

Демографическая ситуация в России в настоящее время имеет неоднозначное проявление. Так, на протяжении нескольких лет отмечена положительная динамика основных демографических показателей: коэффициенты рождаемости увеличиваются, смертности – снижаются, в ряде регионов нашей страны наблюдается прирост численности населения. Вместе с тем, по оценке ведущих демографов, происходящие положительные изменения – ненадолго, и в скором времени демографическая ситуация резко ухудшится [1, 8].

В конце 1990-х годов упадок семейного образа жизни продемонстрировал, что обзаведение семьей с несколькими детьми выпадает из самого понятия жизненного благополучия. Рождение детей стало рассматриваться в качестве «помехи» счастью и

жизненному успеху, достижению приемлемого уровня благополучия. Причем, по данным ряда социолого-демографических исследований, обесценивание родительства и снижение ценности детей заставляет любые условия жизни считать недостаточными даже для воспитания второго ребенка [1, 2, 3, 8]. Потому в сложившейся ситуации необходимо изменение системы ценностей современного общества, переориентация на семейно-детный образ жизни большинства населения, где нормой и эталоном успешного общественного развития станет не преуспевающий индивид, а крепкая многодетная семья.

Многодетность в современных условиях, вне всякого сомнения, феномен противоречивый, в отношении существующих норм и ценностей воспринимается как аномальное явление. Многодетные семьи своим существованием и функционированием противостоят всем внешним и внутренним препятствиям к достижению фамилистических целей. Поэтому важно при исследовании жизненных ориентаций и установок современных многодетных родителей выяснить, каким образом изменяются в общей иерархии потребностей экзистенциальные потребности в семье и детях

Для рассмотрения ценностно-смысловых диспозиций и установок современных многодетных родителей обратимся к социолого-демографическим исследованиям по данной проблематике.

Данные Всероссийского опроса многодетных матерей, проведенного кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ в 2008 г., показали, что среди семей с тремя и более детьми самыми распространенными трудностями (см. таблицу) стали следующие: воспитание и образование детей; финансовые условия; жилищные проблемы; жизненные обстоятельства (обеспечение быта, уход за детьми); здоровье; недостаток свободного времени; усталость; межличностные взаимоотношения в семье и распределение внимания всем членам семьи; бюрократические барьеры и т.д.

Таблица

Самое трудное и утомительное в многодетном родительстве по мнению многодетных матерей, % опрошенных

Варианты суждений	%
Финансовые затруднения	28
Жизненные обстоятельства	16
Бюрократические барьеры	6
Забота о здоровье	7
Жилищные проблемы	11
Недостаток времени	11
Усталость	9
Неприятие со стороны государства	8
Неприятие со стороны общества	8
Внимание членам семьи	15
Образование детей	6
Воспитание детей	15
Отсутствие помощи	3
Другое	3
Всего респондентов, чел.	760

Многодетным семьям в настоящее время помимо материальной помощи в значительной степени не хватает моральной поддержки. «Но был этап, как раз при переходе от двух детей к четырем, когда мне очень не хватало именно моральной поддержки – в поликлинике, на детской площадке, соседнем с домом гастрономе. Когда вопрос «ты что, опять того?» выбивал из колеи. Если бы в тот момент президент сказал всем тем людям, осуждающе пожимавшим плечами при моем появлении, что я «модная», я была бы ему благодарна... Я за агитацию больших семей, за то, чтобы сделать нас модными» [6].

Традиционно в России образ многодетной семьи не вызывал каких-либо особенных реакций со стороны общества, являясь привычной нормой семейной демографической модели. Восприятие многодетности, сложившееся в современном обществе, является неоднозначным, оно складывается из многих составляющих – качества жизни, благосостояния, получаемого детьми образования, психологического климата семьи, самореализации и карьерных достижений всех членов многодетной семьи, детей и родителей.

По результатам исследования репродуктивного поведения жителей г.Уфы (проведено в 2015 г.), восприятие проблем и образа жизни многодетных семей (см. рис.) различается у самих многодетных, малодетных и бездетных людей. В оценках своего положения многодетные родители более оптимистичны, чем их малодетно-бездетное окружение.

Рис. Факторы, ухудшающие положение многодетных семей, % опрошенных

Так, бездетные отмечают всего 4 из 7 предложенных причин ухудшения положения многодетных семей. Следует заметить, что категория «нехватка денег» стоит на 1 месте среди других причин у всех групп респондентов, однако отмечена 76 процентами многодетных респондентов и 100 процентами бездетных. Вторым по популярности ответом является «теснота, скученность» у малодетных (63,3%) и бездетных (100%), многодетные родители на второе место по важности поставили «невнимание чиновников». Полученные данные позволяют сделать вывод о слабой степени осведомленности общества о проблемах, свойственных многодетным семьям.

С одной стороны, образ жизни многодетных семей воспринимается как неблагополучный, связанный со всевозможными трудностями и ущемлениями, бедственным положением, нехваткой родительской любви и внимания, различными материальными лишениями (одежда, рацион питания, бытовые условия, образовательная сфера, область трудоустройства и пр.). С другой стороны – многодетность ассоциируется с уважением и любовью, со сплоченностью, взаимопомощью и доброжелательностью. Положительное отношение проявляется в основном в словесном одобрении, в уважении за труд, в положительных эмоциях [5].

Несмотря на неоднозначное отношение с стороны окружающих к многодетности семьи и роли многодетной матери, «никто из участвовавших в опросе «Образ жизни многодетной семьи в России» респонденток не винит в этом саму многодетность, никто не считает ее ошибкой или жизненным просчетом» [1]. Оказалось, что среди опрошенных матерей «хотели бы иметь детей больше, чем есть сейчас, 60,5%, при этом собираются иметь пятого-шестого и т. д. ребенка 41,9% (а уже имеют пять и более детей 21,7%) [1]. Примерно две трети многодетных родителей собираются иметь еще ребенка вне зависимости от существующих условий, поскольку в системе их ценностных ориентаций ведущими мотивами рождения последнего ребенка были желание иметь малыша, религиозные убеждения, уверенность, что детей надо иметь много, и стремление родить ребенка

определенного пола. Многодетность сегодня все же сохраняет некоторую ценностную привлекательность как по мнению самих родителей, так и со стороны общества [4].

Определенная часть многодетных родителей, наряду с трудностями от имеющихся жилищных, материальных и бытовых проблем, отмечают и другие, относящиеся к духовно-нравственной и моральной плоскости. Они беспокоятся не столько о том, чтобы одеть-обуть-накормить, но также позаботиться о достойном развитии своих детей, дать качественное образование и воспитать их добропорядочными и добрыми гражданами нашей страны, хорошими и думающими людьми: «самое трудное вырастить из детей настоящих людей», «довести каждого до ума», «дать достойное образование всем детям», «в связи с занятостью работой на производстве катастрофически не хватает времени на воспитание, совместные прогулки, поездки и т.д.», «воспитать каждого хорошим, нужным, образованным человеком, дать верное воспитание и образование в целом», «важно воспитать хорошего человека, не хватает времени на каждого ребенка, чтобы полноценное развитие было», «нехватка денег, трудно найти время каждому ребенку для общения и занятия с родителем, координация учебы и воспитания разновозрастных детей, уделить каждому время и внимание», «дорогое доп. образование, в нашей области помогают только малоимущим многодетным», «невозможность уделять детям достаточно времени и водить их на занятия, нехватка квалифицированной психологической и педагогической помощи» [7].

При рассмотрении жизненных ориентиров, значимых направлений развития в структуре ценностных ориентаций многодетных родителей выяснилось, что достижение жизненного благополучия многодетные матери соотносят прежде всего с «прочностью семьи», «с отношениями с детьми», «с супружескими взаимоотношениями» [5]. Наряду с другими ценностными ориентациями (работа, образование, благосостояние и пр.) для многодетных родителей первостепенно значимыми являются дети и семья, семейный образ жизни, реализация супружеских, материнских и отцовских обязанностей, тогда как «сокращение числа детей в семье и рождаемости объясняется не финансовыми и жилищными трудностями, а девальвацией самого семейного образа жизни, непопулярностью фамилизма как стиля поведения в обществе, антиценностью материнства и отцовства» [1].

Результаты социолого-демографических исследований показали, что большинство многодетных родителей сделали осознанный выбор в пользу многодетности и их репродуктивная жизнь определяется именно личными устремлениями, а не случившимися незапланированными обстоятельствами. Потенциал многодетных родителей необходимо укреплять и использовать для формирования и развития благополучного демографического будущего.

© Грудина Т.Н. Текст. 2017

Список источников

1. Антонов А.И. Многодетная семья в эру депопуляции //Фамилистические исследования. Т.2. Миллион мнений о семье и о себе. – М. : КДУ, 2009. – С. 357-367.
2. Антонов А.И. Социология рождаемости. – М., 1980.
3. Антонов А.И., Медков В.М. Второй ребенок (социолого-демографическое исследование). – М., 1987.
4. Вовк Е. Многодетность как ценность и практика: образы многодетных семей //Социальная реальность. – 2007. – № 3. – С. 34-35.
5. Лебедь О.Л. Образ жизни многодетных семей в России и задачи демографической политики // Фамилистические исследования. Т. II. Миллион мнений о семье и себе / науч. ред. А.И.Антонов. – М.: КДУ, 2009.

6. Отрощенко А. Мода на многодетность. Журнал «Нескучный сад» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nsad.ru/articles/moda-na-mnogodetnost> (дата обращения 15.04.2017).

7. Ответы многодетных матерей на открытый вопрос: «Что, на ваш взгляд, является самым трудным и утомительным в многодетном родительстве?» // Образ жизни многодетных семей в России и задачи демографической политики: предварительный отчет об исследовании кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ.

8. Семья, дети, жизненные ценности и установки: итоги социологического опроса населения в регионах России / Е. Н. Новоселова, А. И. Антонов, Т. Н. Грудина и др. – М.: Фонд Андрея Первозванного и Центр национальной славы, 2015. – 244 с.

9. Электронный журнал Демоскоп Weekly № 723-724 [Электронный ресурс]. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2017/0723/rossia01.php#3> (дата обращения 10.04.2017).

Информация об авторе

Грудина Татьяна Николаевна (Россия, г. Москва) – канд. социол. наук, научный сотрудник социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, кафедра социологии семьи и демографии, e-mail: tngrudina@gmail.com, 119234, Россия, Москва, Ленинские горы, МГУ, д. 1, стр. 33, социологический факультет.

Grudina T.N.

VALUE ORIENTATIONS AND ATTITUDES PARENTSWITH MANY CHILDREN: DEMOGRAPHIC POTENTIAL AND DEVELOPMENT PROSPECTS

This article analyzes the value orientations and motivational features of the behavior of parents with many children on the example of sociological and demographic studies conducted on this topic by the Department of Family Sociology and Demography of the Sociological Faculty of Moscow State University/

Keywords: family, parents with many children, large family, value orientations, demographic potential

Information about the author

Grudina Tatiana Nikolaevna – PhD in Sociology, Research Scientist of Sociological Department Lomonosov Moscow State University. University, Department of Sociology, Moscow, Russia, Lenin gory, MSU, 1.p. 33, Department of Sociology.e-mail: tngrudina@gmail.com

УДК 31/ 314.9

Г.А. Джонакова

ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЯ СТРУКТУРЫ СЕЛЬСКОЙ СЕМЬИ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

В данной статье рассмотрена тенденция изменения структуры семьи с 1989 по 2010 г. в регионах Республики Таджикистан. Выявлены особенности таджикской сельской семьи со специфическими условиями проживания, сложившимися устойчивыми традициями и нормами поведения.

Ключевые слова: семья, тенденция, структура, село, динамика, иждивенческая нагрузка, сложная семья.

Семья, по мнению Т.Ш. Шайдуллаевой, – «это малая общность людей, обладающая относительно устойчивой структурой и динамичной функцией. Тысячами нитей она

вплетена в структуру и функции других общностей. В этой сложной системе общественных отношений семья выделяется и как этническая единица нации. Именно в ней, как в первичной среде рождения и становления личности, ребенок приобщается взрослыми членами семьи к родному языку и другим ценностям национальной культуры» [1, с. 1]. Сказанное особо ярко проявляется в сельских местностях, что и послужило основным мотивом нашего исследования особенностей структуры и функций современной таджикской сельской семьи.

На современном этапе объективной потребности в возрождении национальной культуры демографический подход к семье, ее структуре и функциям может определить механизмы данного возрождения именно через эту важнейшую сферу человеческой жизнедеятельности.

Изучение функций и структуры таджикской сельской семьи на современном этапе дает возможность характеризовать тенденции ее развития, способствует выявлению и определению направлений долгосрочных и краткосрочных программ социально-экономического, культурно-духовного развития республики.

В демографическом энциклопедическом словаре семейной структуре дается такое определение: «семейная структура – это структура, отражающая распределение населения по его положению в отношении к институту брака и семьи. Под структурой семьи понимается вся совокупность отношений между ее членами, включая помимо отношений родства систему духовных, нравственных отношений, в том числе отношений власти, авторитета и т.д. Выделяют авторитарную структуру и в связи с этим авторитарные семьи, которые характеризуются жестким подчинением жены мужу и, как правило, строгой дисциплиной во взаимоотношениях родителей и детей. Демократичные семьи основаны на распределении ролей в соответствии не с традициями, а с личностными качествами и способностями супругов, на равном участии каждого из них в принятии решений, добровольном распределении обязанностей в воспитании детей, на сознании, а не принуждении. Важную роль в современных брачно-семейных отношениях играют правовые отношения, регламентирующие закрепленные в юридических нормах взаимные права и обязанности супругов, родителей и детей друг другу» [2, с. 396].

Изменениям в социально-демографических функциях семьи, как и всякому развивающемуся общественному явлению, свойственны определенные противоречия развития – недостаточная подготовленность молодежи к браку и семейной жизни, неустойчивость части семей, особенно молодых, чрезмерная нагрузка, которую несут работающие матери, воспитывающие детей. Рост потребностей и, в частности, повышение требований, предъявляемых родителями к условиям воспитания и содержания детей, побуждает некоторые семьи ограничиваться меньшим числом детей, чем хотелось бы иметь. Все это может иногда приводить к неблагоприятным социальным и демографическим эффектам. Именно поэтому принята широкая программа социальных мероприятий, направленных на укрепление семьи, в Концепции государственной семейно-демографической политики. Выполнение этой программы обеспечит необходимые социальные предпосылки для рационализации воспроизводства населения в интересах как каждой семьи, так и всего общества. [3, с. 199].

Современный сельский социум характеризуется изменчивостью социально-экономических процессов, развитием множества форм собственности, существенными преобразованиями в сфере властных отношений и структур.

Тенденции его формирования можно рассматривать как результат глубокой социально-экономической трансформации современного общества. Многие последствия данных изменений в совокупности с аграрными реформами в стране наложили существенный отпечаток на село. С одной стороны, произошел масштабный переворот и преобразование механизмов и регуляторов, формировавших социальную жизнь села, существенно трансформировался характер социального взаимодействия сельчан. С другой стороны, изменению подверглась сама природа основных компонентов среды – групп,

общностей, контактов между ними и, в первую очередь, семьи как социального института и малой социальной группы.

Сельская семья определяется специфическими условиями проживания, сложившимися устойчивыми традициями и нормами поведения. В ней происходят изменения, которые в настоящее время присущи любой семье в обществе. Именно в семье закладываются духовные и моральные качества, взаимное доверие, которые впоследствии определяют готовность к формированию отношений доверия и сотрудничества за пределами узкого семейного круга.

Сведения о числе и структуре семей можно получить из переписи населения. В исследовании структуры семьи важное значение имеет анализ размера семей по числу проживающих в них. Рассмотрим число и размер семей в Таджикистане за 1989, 2000 и 2010 гг. (см. таблицу1). Из приведенных данных можно проследить следующую картину: в 1989 г. из 799 тыс. семей доля семей, состоящих из 2 человек, составила 11,1 %, из 3 человек – 11,3 %, из 4 человек – 14,3 %, из 5 человек – 12,8 %, из 6 и более человек – 50,1 %. А средний размер семьи 1989 г. составил 6,1 человека.

Таблица 1

Число и размер семей РТ в 1989, 2000 в 2010 годах, %[4, с. 45]

Количественный состав семьи, чел.	1989 г.	2000 г.	2010 г.
2	11,1	5,0	3,7
3	11,3	6,8	5,9
4	14,3	11,4	11,0
5	12,8	15,6	15,9
6	50,5	16,3	17,8
7	–	13,8	13,0
8	–	10,0	9,9
9	–	6,6	6,0
10	–	14,5	16,8

Семьи с числом членов 5-9 человек в 2000 году составили 58,3% от всех семей, а в 2010 г. доля таких семей увеличилась до 61,5 %.

Тенденция снижения числа семей, в которых проживают 2-4 человека, и тенденция увеличения числа семей с составом 5-9 человек, объясняются особенностями изменения этнической структуры населения и уровнем рождаемости в семьях в эти годы.

В 2000 году из городов республики выехала основная часть населения европейской национальности, это привело к изменениям в составе населения (произошли серьезные этнические сдвиги), и поэтому доля семей с числом 2-4 человека стала низкой. В последующие годы города Таджикистана заполнялись приезжими из сел, что способствовало увеличению доли семей с большим числом членов.

Доля семей, в составе которых 2-7 человек, среди сельских семей в 1989 году постепенно увеличилась и составила 63,6%, а в 2000г. – 68,9%. Этот рост в 1989 и 2000 годы в составе семьи происходил по мере роста их стажа, а влиянию планирования семьи подвержены молодые семьи.

Показателями степени развития общества, его производительных сил и экономических отношений являются тип семьи и ее устройство.

Из эволюции человеческих общностей, в рамках которых вели свое существование люди, можно проследить следующую картину развития: первобытное стадо, община, род, большие многопоколенные семьи, парные полные семьи, моногамные семьи, неполные семьи, жизнь без семьи. Каждой из этих общностей людей соответствовал определенный уровень развития человеческого общества.

В связи с этим необходимо держать в поле зрения тенденции изменения типологии семей, что важно для «разработки мер социальной и демографической политики в области семьи» [5, с. 14].

В современной статистике Республики Таджикистан выделяются следующие типы семей (см. таблицу 2). Из данных таблицы видно, что за 2000-2010 годы и в целом по стране, и в отдельных ее регионах наблюдается уменьшение доли семей «с одной брачной парой с детьми и без детей» и «с одной брачной парой с детьми и без детей, с одним из родителей супругов». Эти типы семей обычно относят к простым (нуклеарным) семьям.

В соответствии с общемировой практикой должна быть обратная тенденция: по мере развития общества, экономики, культуры и т.п. доля простых семей должна увеличиваться.

Семьи третьего и четвертого типа можно назвать сложными (большими многопоколенными), и доля их увеличивается. Семьи 5-8 типа называют неполными семьями и их доля уменьшается. Основные факторы уменьшения размеров семей – сокращение числа детей в семьях, дробление сложных семей на простые и, таким образом, упрощение семейной структуры населения.

Таблица 2

Распределение семей по типам за 2000 и 2010 годы [6, с. 316, с. 44]

Типы семей	Всего Таджикистан		г. Душанбе		Хатлонская область		Согдийская область		Горно-Бадахшанская автономная область		Районы республиканского подчинения	
	2000	2010	2000	2010	2000	2010	2000	2010	2000	2010	2000	2010
1. С одной брачной парой с детьми	58,2	57,9	53,7	35,6	55,7	46,0	62,1	43,4	49,2	43,7	58,9	45,9
2. С одной брачной парой с детьми и без детей, с одним из родителей супругов	1,7	3,6	1,0	1,7	2,2	2,8	1,3	5,4	3,5	4,6	1,7	3,2
3. С одной брачной парой с детьми и без детей, с одним из родителей супругов (или без него), с другими родственниками	9,1	10,4	8,6	11,6	9,2	11,1	9,2	9,1	15,3	16,8	8,5	9,9
4. С двумя и более брачными парами с детьми и без детей с одним из родителей супругов (или без него), с другими родственниками	18,6	16,7	9,3	6,6	22,6	16,2	17,0	20,1	21,0	18,2	20,1	18,0
5. Матери (отцы) с детьми	5,0	5,0	9,5	8,8	4,7	4,8	4,4	4,1	2,8	4,1	4,7	4,6

6. Матери (отцы) с детьми, с одним из родителей матери(отца)	0,00	0,03	0,4	0,00	0,1	0,04	0,1	0,02	0,2	0,04	0,1	0,03
7. Отцы с детьми	1,7	0,5	3,1	1,0	1,6	0,00	1,2	0,5	1,5	0,8	1,7	0,4
8. Отцы с детьми, с одним из родителей отца или матери	0,2	0,01	0,2	0,00	0,3	0,01	0,1	0,00	0,5	0,02	0,3	0,01
Прочие семьи	5,3	10,0	14,2	23,2	3,6	9,6	4,6	7,1	6,0	8,1	4,0	7,9

Важной характеристикой структуры семьи является число занятых ее членов. Этот вопрос имеет особую актуальность как в плане теории, так и практики. Из данных, представленных в таблице 3, видно, что в Республике Таджикистан в 2010 году семьи, имеющие 1 иждивенца, составляют 31,1%, а в сельской местности – 30,1%; имеющие 2 иждивенцев – 13,3%, а в сельской местности – 11,5%; имеющие 3 иждивенцев – 5,8%, а в сельской местности – 5,0%; имеющие 4 иждивенцев – 2,6%, а в сельской местности – 2,0%; имеющие 5 и более иждивенцев – 1,8%, а в сельской местности – 1,4%; доля семей, в которых нет иждивенцев, составляет 45,4%, а в сельской местности 50,0%. Это свидетельствует о росте числа семей с занятостью членов.

Таблица 3

Распределение семей по числу занятых и числу иждивенцев в Республике Таджикистан за 2010 г., чел. [7, с. 162]

Тип семьи по ее занятости членов	Число семей	Семьи, в которых имеются иждивенцы					Семьи, в которых нет иждивенцев
		1 чел.	2 чел.	3 чел.	4 чел.	5 чел. и более	
Все семьи	1197187	372814	159078	69098	30702	21483	544012
Семьи, в которых имеются занятые члены семьи	1075320	339916	137474	59189	24503	16480	497758
из них семьи, где заняты: 1 человек	317315	123820	50937	26628	10270	6519	99141
2 человека	360992	93177	45424	16470	7150	4688	194083
3 человека	151657	51431	19415	8681	3816	2826	65488
4 человека	103660	31108	10665	3935	1861	1403	54688
5 и более человек	141696	40380	11033	3475	1406	1044	84358
Семьи, в которых нет занятых	121867	32898	21604	9909	6199	5003	46254
Сельское население							
Все семьи	810510	244711	94734	37214	16043	11585	406223
Семьи, в которых имеются занятые члены семьи	765143	233690	86875	33749	14081	9729	387019
из них семьи, где заняты: 1 человек	157618	59823	24649	12358	4987	3368	52433
2 человека	268807	67940	29835	9787	4145	2837	154263
3 человека	119062	41440	14069	5808	2498	1827	53420
4 человека	88701	26999	8526	2916	1321	935	48004
5 и более человек	130955	37488	9796	2880	1130	762	78899
Семьи, в которых	45367	11021	7859	3465	1962	1856	19204

нет занятых							
-------------	--	--	--	--	--	--	--

Следует отметить, что в сельских семьях на одного занятого приходится больше незанятых. Это отражает более высокую нагрузку на работающих членов семьи села. Однако здесь часть незанятых членов семьи, в том числе дети, участвуют в личном подсобном хозяйстве. Производственная деятельность людей в новых условиях приводит к новому обогащению содержания труда, сближению умственного и физического, к повышению, а в последующем слиянию социальных слоев населения. Эта тенденция должна распространяться и на семью.

В заключение нашей работы можно сделать следующие выводы. Под структурой (составом) населения обычно понимают распределение индивидов по тем или иным выделенным по различным основаниям типологическим группам, например: распределение населения на жителей городов и сельской местности, на мужчин и женщин, на состоящих и не состоящих в браке, на неграмотных и грамотных, на имеющих тот или иной уровень образования, на экономически активных и иждивенцев, на принадлежащих к той или иной социальной, этнической группе.

Семейная структура по полу, возрасту, брачности непосредственно входят в предмет демографии и играет важную роль в анализе факторов, оказывающих то или иное воздействие в демографических процессах.

Изменилась средняя величина семьи в сельской местности: в 2010 г. она составила 6,0 человек, но она незначительна по сравнению с 1989г. – 6,1 человек, что свидетельствует о том, что на селе сохраняется высокий уровень рождаемости.

В 1990-х годах выезд семей европейской национальности, имеющих малое количество детей и живущих в простых семьях, уменьшило число и долю этих семей в стране.

Из-за особенностей национальных традиций и обычаев коренного населения жить в многопоколенных семьях увеличилось число и доля сложных семей. Этому также способствовали недостаток жилья и его дороговизна в последние годы.

В Таджикистане доля семей с отцом или матерью с детьми (неполные семьи) после развода уменьшаются, это объясняется тем, что они сразу создают новые семьи.

В Республике Таджикистан динамика типов и состава семей связана с уровнем развития общества, обычаями и традициями и существенно отличается от общемировых показателей.

© Джонакова Г.А. Текст. 2017

Список источников

1. Шайдуллаева Т.Ж. Структура и функции современной киргизской сельской семьи: автореф. дис. ...канд. социол. наук. – Алма-Ата, 1992. – 19 с.
2. Демографический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1985.
3. Исламов С.И., Исламов Ф. Анализ состояния семей Республики Таджикистан за 1979-2000 годы // Вестник Таджикского Национального Университета. – Душанбе: «Сино», 2012. – № 2/8 (100).
4. Перепись населения Республики Таджикистан за 2000 г.; Перепись населения Республики Таджикистан за 2010 г.
5. Исламов С.И. Структура и динамика семей Республики Таджикистан: материалы международной конференции «Функции семьи в переходный период к рыночной экономике». – Душанбе, 2011.
6. Население Республики Таджикистан по итогам Всеобщей переписи населения за 2000 г. – Т. III.
7. Перепись населения и жилищного фонда Республики Таджикистан за 2010 г.

Информация об авторе

Джонакова Гулжахон Абдулманоновна (Республика Таджикистан, Душанбе) – старший научный сотрудник, Институт экономики и демографии АН РТ (Республика Таджикистан, 734024, г. Душанбе, ул. Айни, 44; e-mail: guljahon07@mail.ru).

Dzhonakova G. A.

TENDENCIES OF CHANGE OF STRUCTURE OF THE RURAL FAMILY IN TO THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

This article reviewed tendency of change of structure of a family in Tajikistan from 1989 to 2010 by regions. Features of the Tajik rural family with specific conditions of living, formed sustainable traditions, norms of behavior are revealed.

Keywords: family, tendency, structure, village, dynamics, dependant loading, difficult family.

Information about the author

Dzhonakova Gulzhahon Abdulmanonovna (Republic of Tajikistan, Dushanbe) – a senior researcher at the Institute of Economics and Demography of AS RT (Republic of Tajikistan, 734024, Dushanbe, Ayni street #44; e-mail: guljahon07@mail.ru).

УДК 314.154.3

А.В. Зуева, М.А. Фельдман

МАТЕРИАЛЫ УРАЛЬСКОГО ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ФОРУМА КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ

Статья посвящена анализу материалов проведенных в Екатеринбурге Уральских демографических форумов с точки зрения выявления комплексности и эффективности, проводимой в стране семейной политики. Выявлен спектр факторов, влияющих на сохранение феномена низкой рождаемости. Особый аспект статьи – рассмотрение прогнозных результатов проводимой семейной политики.

Ключевые слова: семейная политика, семьи с детьми, рождаемость, демографический прогноз.

Каждый из семи проведенных в Екатеринбурге Уральских демографических форумов (в 2011-2016 гг.) становился значимым событием в силу удачного сочетания высокого уровня научных сообщений ученых академических институтов, вузов, специалистов и представителей органов власти, отвечающих за социальную сферу. Тем не менее, седьмой Уральский демографический форум, проведенный в 2016 г., имеет свою особую ценность и специфику. Это связано с подведением итогов целого ряда программ и проектов как за пятилетний (2010-2015 гг.), так и за более длительный период.

Характерным примером можно считать статью В.В. Елизарова [3, с. 12-18]: автор проанализировал итоги экономической поддержки семей с детьми за длительный период – 1996 – 2016 гг., т.е. с момента утверждения «Основных направлений государственной семейной политики», предусматривавших «дальнейшее развитие системы семейных пособий, охватывающей поддержкой все семьи с детьми; поэтапное увеличение доли расходов на семейные пособия, включая пособия по беременности и родам и по уходу за детьми в возрасте до полутора лет, в валовом внутреннем продукте до 2,2 %».

В.В. Елизаров пришел к выводу о низкой эффективности экономической поддержки семей с детьми в первом десятилетии указанного этапа (1996-2006 гг.). Причины такого явления были вызваны, в первую очередь, существенным сокращением доли расходов в ВВП

России на семейные и материнские пособия с 2 % в 1991 г. (что было близко к средневропейскому показателю в 2- 4 %) до 0,2 % в 2006 г. [3, с.12-13], т.е. на порядок!

Однако внимательное прочтение статьи В.В. Елизарова позволяет выявить и такой негативный фактор, как *отсутствие комплексности в проводимых мероприятиях по поддержке молодых семей и женщин*. Автором зафиксирован перелом в демографической политике вообще и системе мер поддержки семей с детьми в частности. Перелом произошел после Президентского послания Федеральному Собранию 2006 г. В Послании-2006 были предложены конкретные (и отметим – комплексные) меры поддержки молодых семей и женщин, призванные обеспечить стимулирование рождения хотя бы второго ребенка: увеличение размеров пособия по уходу за ребенком до 1,5 года, введение компенсации затрат на детское дошкольное воспитание, увеличение стоимости родовых сертификатов, материнский капитал. В 2007 г. были существенно увеличены пособия по уходу за ребенком до 1,5 года (с 700 до 1500–6000 руб.), впервые введены пособия по уходу за ребенком для неработающих женщин (1500 руб. при рождении первого ребенка, 3000 руб. при рождении второго и следующих). Работающим женщинам пособие впервые установлено в долях к зарплате – 40% зарплаты на момент ухода в отпуск по беременности и родам, но не менее, чем неработающим матерям. Была установлена и максимальная величина пособия – не более 6000 руб.

Позитивный эффект предпринятых инструментов очевиден, подчеркивает Елизаров: только за последние пять лет количество вторых рождений у нас увеличилось на 45%, а третьих и последующих – на 62% [3, с. 13]. Если сравнить указанные показатели с индикатором роста рождаемости – 13 %, то очевидно, что из инструментов регулирования семейной политики наибольший эффект связан с материнским капиталом.

Критические тона характерны для доклада И.В. Шмаровой и О.М. Шубата, отметивших, что за период между Всероссийскими переписями населения 2002 и 2010 гг. произошло уменьшение на 17,2% числа домохозяйств с детьми младше 18 лет [7, с. 329]. Приведенная статистика свидетельствует: активные меры по стимулированию рождаемости, начавшиеся в 2006 г., не смогли переломить отрицательный эффект проводимой политики в предшествующий период.

Даже наблюдающийся в последние года рост рождаемости и естественный прирост населения, вероятно, пойдут на спад [7, с. 329], так как, во-первых, сейчас наблюдается снижение численности женщин в детородном возрасте – прежде всего в активном детородном возрасте от 20 до 29 лет, во-вторых, как предполагают некоторые учёные, в стране началось снижение суммарного коэффициента рождаемости (точнее станет известно после опубликования данных по СКР за 2016 год), и, наконец, в-третьих, наблюдаются последствия экономического кризиса (отложенный эффект того спада, который происходил в позапрошлом году), резюмируя мнение демографов, отмечает заведующий лабораторией мониторинга рисков социально-политической дестабилизации Высшей школы экономики Андрей Коротаев [2].

Версия скорого окончания подъёма рождаемости (в том числе из-за уменьшения численности женщин репродуктивного возраста) уже на протяжении нескольких лет выдвигается многими исследователями, но И.В. Шмарова и О.М. Шубат, определяя сроки этого процесса, пишут еще и о том, что все предпринятые меры в области семейной политики не смогут в конце концов бесконечно приносить положительный эффект и к 2024 году естественная убыль населения не сможет нивелироваться миграционным приростом, в результате чего численность населения страны начнет уменьшаться [7, с. 330].

По мнению В.Н. Архангельского, наблюдающиеся на сегодняшний день результаты проводимой семейной политики не будут долгосрочными и в скором будущем суммарный коэффициент рождаемости (СКР) начнет снижаться до уровня 1,58–1,62 в 2020 г. [1, с. 38] (при текущем значении 1,78), а в 2036–2050 гг. будет на уровне 1,51–1,56. Таким образом, скорое снижение суммарного коэффициента рождаемости снова не позволит России

приблизиться к уровню простого воспроизводства населения, для которого необходим СКР, равный 2,15.

По прогнозу В.Н. Архангельского, одной из причин снижения рождаемости в ближайшие годы станет откладывание рождения детей на более поздний период, и, следовательно, постарение возрастной модели рождаемости. Например, прогнозируемый средний возраст матери при рождении детей у женщин 1970 г. р., которые в большинстве своем уже вышли из детородного периода, может составлять примерно 25,4 года, у женщин 1985 г. р. – 28,1– 28,3 года (это как раз та группа, которая сейчас повышает уровень рождаемости), а у женщин 2035 г. р. – 32,5–32,7 года [1, с. 37]. Существенное прогнозируемое постарение возрастной модели рождаемости говорит о еще меньшем рождении детей в ближайшие 20–30 лет. Стоит отметить, что факт откладывания рождения детей снижает достоверность планирования.

Отдельным блоком на VII демографическом форуме можно выделить статьи о причинах и закономерностях эволюции массива многодетных семей в России. Все они утверждают примерно одно и то же: повышение или понижение уровня рождаемости в первую очередь зависит не только от уровня доходов семей, но и от изменений в уровне социального неравенства между группами населения. Это означает, что действующие программы по повышению рождаемости не будут эффективны до тех пор, пока не изменится огромный разрыв, существующий между низшим и высшим классами в стране.

Например, Д.Г. Ягафарова отмечает, что «рождаемость связана не с уровнем развития экономики в целом, а скорее с дифференциацией населения по уровню дохода» [8, с. 337], а сам по себе уровень доходов семьи не является определяющим фактором рождения следующих детей. Хотя тут же автор отмечает следующую закономерность: у низшего слоя населения рождается гораздо больше детей, чем у высшего, а конкретно, если обратиться к статистике, разница в 2 раза (доля многодетных среди них 21,8% против 11,4%, соответственно [8, с. 338]). Как видно, тезис Ягафаровой нуждается в более развернутом обосновании.

В статье А.В. Носковой «Воспроизводство и качество жизни населения: гуманистический поворот в социолого-демографических исследованиях» прослеживается мысль о том, что при почти двукратном разрыве между доходами многодетных семей и среднестатистических «с каждым следующим ребенком уровень дохода на члена семьи снижается не менее чем на четверть» [4, с. 218]. А.В. Носкова приводит расчеты, основанные на статистике 1990-х гг. Тогда изменение уровня рождаемости и смертности на 85-90% зависело от неравенства различных социальных групп населения.

Как показывают исследования, опубликованные в трудах VI демографического форума, по прошествии двадцати с лишним лет эта зависимость до сих пор наблюдается, подтверждая, что проводимые меры по повышению рождаемости не смогли переломить отрицательный эффект социальной политики в предшествующий период.

Напрашивается вывод: проводимая социальная политика на данный момент способна воздействовать не на решающие факторы изменения демографических установок (феномен социального неравенства семей с различным числом детей и перспективу дальнейшего увеличения разрыва с рождением следующих), но лишь на побочные (скорее даже частные) факторы, что и вызывает кратковременный эффект.

Выделим еще один принципиальный вывод исследований, опубликованных в трудах Демографического форума: «уровень жизни семей с различным материальным положением не связан с затратами на воспитание и содержание детей» [8, с. 338]. Семьи, родившие еще одного ребенка, просто заменяют дорогие продукты в своей потребительской корзине на более дешевые аналоги, но в сумме доля затрат на воспитание детей остается прежней.

Многодетные семьи «выживают» за счет того, что не только уровень их расходов, но и уровень запросов гораздо ниже, чем у одно-двухдетных семей. Многодетным семьям для нормальной жизни достаточно 40701 руб. в месяц, в то время как семьи с одним ребенком считают достаточной для нормальной жизни сумму в 51657 руб. [8, с. 339]. Поэтому,

совершенствуя демографическую политику, стоит учитывать, что мотивировать семью, например, на рождение второго ребенка будет гораздо труднее, чем на рождение третьего: оценивая будущее уменьшение уровня доходов, семья будет вынуждена пожертвовать многими запросами.

Исходя из этого, резонным будет замечание о необходимости акцентировать семейную политику на выравнивание возможностей семейных расходов через систему социальных стандартов.

Особый интерес вызывают статьи на материале Свердловской области. В качестве примера приведем работу авторов во главе с известным социологом Б.С. Павловым «Семья и семейная жизнь в сознании и жизненных планах студенток уральских вузов». Авторами было проведено анкетирование 450 студенток УрФУ, в ходе которого выяснилось, что иметь многодетную семью хотят лишь 25% опрошенных, в то время как иметь двоих детей в своей будущей семье хотят 65% опрошенных [5, с. 303]. Это подтверждает тот факт, что результаты проводимой политики, направленной на рождение хотя бы второго ребенка, заметны и очевидны. Но стране для воспроизводства населения необходимы многодетные семьи, поэтому теперь необходимо переориентировать реализацию политики на рождение хотя бы третьего ребенка. Об этом же пишут И.В. Шмарова и О.М. Шубат, перечисляя особенности форм и видов социальной поддержки семей с детьми в УрФО [7, с. 333]. Кроме ориентации проводимых мер на рождение преимущественно второго ребенка авторы упоминают также такие особенности, как поддержка семьи с ребенком до достижения им полутора лет и преимущественно денежная форма поддержки.

Думается, эти особенности можно распространить на большинство регионов Российской Федерации, даже с учетом того, что российские семьи нуждаются в новых формах и видах поддержки, например, приведенная вышеупомянутыми авторами информационная, педагогическая работа с населением по укреплению базовых семейных ценностей.

О важности информационной деятельности свидетельствует такой факт. В 2016 г. в Свердловской области на территории Березовского городского округа был проведен социологический опрос [6, с. 314], в результате которого выяснилось, что к такому виду социальной поддержки семей с детьми, как материнский капитал, молодые семьи относятся зачастую скептически. Больше четверти опрошенных (26,9%) считают, что материнский капитал вообще не поможет улучшить жилищные условия (именно это направление расходования средств оказалось самым востребованным). Больше половины опрошенных (69,2%) считают, что если материнский капитал и позволит улучшить жилищные условия молодых семей, то только частично.

В заключение хотелось бы сказать, что многими исследователями уже на протяжении многих лет высказываются предложения по реформированию семейной политики, предлагаются конкретные инструменты повышения эффективности предпринимаемых мер.

Несмотря на то, что приводимые уже несколько лет цифры стабильного роста рождаемости и естественного прироста населения указывают на эффективность проводимой семейной политики, уральские ученые в своих прогнозах предупреждают о скором приближении нового демографического спада. Настало время на уровне высших органов законодательной и исполнительной проанализировать научные труды ведущих ученых страны в области семейной политики, в том числе отличающиеся высоким научным уровнем, материалы Уральских демографических форумов и принять принципиально новые меры по стимулированию рождаемости в стране, нацеленные на введение социальных семейных стандартов, смягчающих очевидное неравенство «основных ячеек общества». Для этого потребуются объединение усилий государственных, общественных организаций, партий и движений, а также населения, по выработке научно выверенных общенациональных подходов, направленных на укрепление социального престижа семьи и ценностей семейного воспитания детей

Список источников

1. Архангельский В.Н. Рождаемость в реальных поколениях – возможность оценить прошлое и заглянуть в будущее // VII Уральский демографический форум. Динамика и инерционность воспроизводства и замещения поколений в России и СНГ. – Екатеринбург, 2016. – Т.1. Социология и история воспроизводства населения России. – С. 24-38.
2. Башкатова А. Материнский капитал больше не выход из ситуации // Независимая газета. – 2017. – 7 марта.
3. Елизаров В.В. Экономическая поддержка семей с детьми в социально-демографической политике России: федеральные и региональные меры // VII Уральский демографический форум. Динамика и инерционность воспроизводства и замещения поколений в России и СНГ. – Екатеринбург, 2016. – Т.1. Социология и история воспроизводства населения России. – С. 12-18.
4. Носкова А.В. Воспроизводство и качество жизни населения: гуманистический поворот в социолого-демографических исследованиях // VII Уральский демографический форум. Динамика и инерционность воспроизводства и замещения поколений в России и СНГ. – Екатеринбург, 2016. – Т.1. Социология и история воспроизводства населения России. – С. 217-223.
5. Павлова В.И., Павлов Б.С., Сарайкин Д.А., Степанова А.Ю. Семья и семейная жизнь в сознании и жизненных планах студенток уральских вузов // VII Уральский демографический форум. Динамика и инерционность воспроизводства и замещения поколений в России и СНГ. Екатеринбург, 2016. – Т.1. Социология и история воспроизводства населения России. – С. 299-306.
6. Черкасова В.Ю., Маслова М.С. Повышение доступности жилья в рамках реализации государственной программы «Обеспечение жильем молодых семей» (на примере Березовского городского округа) // VII Уральский демографический форум. Динамика и инерционность воспроизводства и замещения поколений в России и СНГ. – Екатеринбург, 2016. – Т.1. Социология и история воспроизводства населения России. – С. 311-318.
7. Шмарова И.В., Шубат О.М. Государственная поддержка семей с детьми в Уральском федеральном округе: опыт критического анализа // VII Уральский демографический форум. Динамика и инерционность воспроизводства и замещения поколений в России и СНГ. – Екатеринбург, 2016. – Т.1. Социология и история воспроизводства населения России. – С. 329-334.
8. Ягафарова Д.Г. Уровень детности и материальное благосостояние // VII Уральский демографический форум. Динамика и инерционность воспроизводства и замещения поколений в России и СНГ. – Екатеринбург, 2016. – Т.1. Социология и история воспроизводства населения России. – С. 337-341.

Информация об авторах

1. Зуева Александра Владимировна (Россия, Екатеринбург) – магистрант факультета государственного и муниципального управления Уральского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66, e-mail: zueva.a.v@yandex.ru)
2. Фельдман Михаил Аркадьевич (Россия, Екатеринбург) – доктор исторических наук, профессор кафедры государственного управления и политических технологий Уральского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (620144, г.Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66, e-mail: feldman-mih@yandex.ru)

THE MATERIALS OF THE URAL DEMOGRAPHIC FORUMS A SOURCE OF STUDY FOR FAMILY POLICY IN RUSSIA

The article is devoted to analysis of materials held at the Ural demographic forums, in terms of identification the complexity and effectiveness of the national family policy. A range of factors influencing the preservation of the phenomenon of low fertility is revealed. The particular aspect of the article is consideration different forecasts in the family policy.

Keywords: family policy, families with children, fertility, demographic projections.

Information about the authors

1. Feldman Mikhail Arkadievich (Russian Federation, Yekaterinburg) – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Chair of public administration and political technologies, the Ural Institute – a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration (66 8 March St., Yekaterinburg, 620144, Russia; e-mail: feldman-mih@yandex.ru).

2. Zueva Alexandra Vladimirovna (Russian Federation, Yekaterinburg) – master of the faculty of state and municipal management, the group GMU-121, the Ural Institute – a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration (66 8 March St., Yekaterinburg, 620144, Russia; e-mail: zueva.a.v@yandex.ru).

УДК 331.5; 316.4

Э.В. Ильвес

ПРЕКАРИЗАЦИЯ ЗАНЯТОСТИ МОЛОДЕЖИ КАК ФАКТОР «УСИЛЕННОЙ ПРЕКАРИЗАЦИИ» РОДИТЕЛЬСКОГО ТРУДА

Молодежь подвергается риску прекаризации в связи с проблемами занятости, риску снижения рождаемости и нереализации родительского труда. В статье рассматривается феномен «усиленной прекаризации», вследствие которого прекаризация занятости молодежи усиливает прекаризацию родительского труда.

Ключевые слова: молодежь, занятость, прекаризация, родительский труд, человеческий капитал.

Прекаризация занятости молодежи является важной мировой проблемой, касается она и стран Европейско-Азиатского экономического сотрудничества. Молодежь подвергается наибольшему риску прекаризации в силу разных причин, но все они связаны с проблемами занятости. Эти причины таковы:

1. Безработица среди молодых.

Уровень безработицы среди молодежи в мире растет: он достиг 13,6% в 2016 году (с 12,9 % в 2015 году) и составил 71 млн чел. По данным Международной организации труда, в 2017 году этот уровень не снизится [3].

Тенденции молодежной безработицы в большинстве стран ЕАЭС схожи с общемировыми. В 2016 году уровень безработицы среди молодежи в этой группе государств колебался в пределах 5-18 %. В Армении, например, он достиг даже 39% [2].

2. «Работающие бедные» среди молодых.

Другая важная и тревожная тенденция – это рост числа так называемых «работающих бедных» среди молодых людей. Молодые работают и при этом остаются в категории малоимущих. 156 миллионов молодых людей в мире – это 37,7% работающей молодежи – сегодня живут в условиях крайней нищеты (то есть менее чем на 1,90 долл. на

душу населения в день) или в умеренной бедности (т.е. между 1,90 и 3,10 долл.). Среди взрослых работников этот показатель составляет 26% [3].

Схожие тенденции наблюдаются и в странах ЕАЭС. Например, одна из основных проблем в сфере занятости в Казахстане – то, что большинство молодых людей работает в неформальном секторе. Молодому человеку найти работу несложно, однако качество рабочих мест и уровень оплаты за труд остаются низкими.

3. Готовность к миграции среди молодых.

Молодые люди, испытывающие недостаток стабильной занятости и оплаты труда, мечтают уехать за границу в поисках достойного заработка. В 2015 году в мире доля молодых людей в возрасте от 15 до 20 лет, готовых навсегда уехать в другую страну, составила 20%. Есть регионы, где этот показатель достигает 38% [3].

Среди множества *факторов, влияющих на рост прекаризации занятости среди молодежи*, важными являются следующие:

- общая экономическая ситуация в мире, низкие темпы роста мировой экономики, ужесточение мировых финансовых условий;
- политическая неопределенность в мире, протекционизм в мировой торговле;
- отсутствие практических навыков, необходимых на имеющихся рабочих местах вследствие «затеоретизированности» обучения, недостаток навыков сотрудничества, коммуникации, критического мышления и творчества;
- недостаточная информированность молодежи об особенностях современного рынка труда, невозможность выбора реалистичных путей развития собственной карьеры;
- отсутствие опыта с точки зрения работодателя;
- отсутствие контрактных рабочих мест, подходящих для навыков начального уровня.

Как *следствие этих факторов*, молодые люди сталкиваются с трудностями при получении работы. Молодых часто увольняют первыми, что еще больше осложняет их жизнь, препятствует накоплению собственного опыта. В конечном итоге многие молодые люди сталкиваются с длительными периодами безработицы или неполной занятостью, последствиями которых *являются сокращение дохода на протяжении всей жизни, увеличение риска будущих периодов безработицы и вероятности нестабильной занятости, а также ухудшение здоровья и снижение уровня общего благополучия.*

Исследование Prince's Trust приводит доказательства долгосрочных потерь заработной платы и занятости вследствие безработицы среди молодежи. Каждые 3 месяца безработицы в возрасте 22 лет приводит к дополнительным 1,3 месяца безработицы в возрасте между 28 и 33 годами. Лица, которые были безработными 26 месяцев в возрасте до 22 лет, обычно получают на 1400-1650 долл. меньше, чем их сверстники в возрасте 26 лет, и на 1050-1150 долл. меньше, чем молодежь в возрасте 30 лет. Исследование показывает, что мужчины, которые испытывают год безработицы в возрасте до 23 лет, будут зарабатывать на 23% меньше, чем их сверстники 10 лет спустя, и на 16% меньше – 20 лет спустя [6].

Исследования Всемирного банка свидетельствуют о том, что молодые, испытывавшие трудности при поиске работы в начале трудового пути, на протяжении всей жизни показывают низкую устойчивость и способность выживать на рынке труда [5].

При этом проблема прекаризации молодых не исчерпывается только безработицей. Молодые люди зачастую испытывают на себе все признаки прекаризации труда: отсутствие стабильной занятости, отсутствие гарантий и защищенности, отсутствие профессиональной самоидентификации, сужение, а часто отсутствие гражданских, политических и экономических прав [1, с. 185]. Общество должно беспокоить то, что наиболее важные последствия прекаризации среди молодежи выходят за пределы рынка труда и занятости. Те, кто испытывает прекаризацию в молодости, подвергаются повышенному риску ухудшения питания, здоровья, риску снижения рождаемости и нереализации родительского труда.

Родительский труд – это сознательная, целесообразная деятельность субъектов труда, с помощью которой они формируют количественные и качественные характеристики человеческого капитала детей, удовлетворяя в процессе этого труда как общественные, так и

личные потребности. Объектом родительского труда является личность и ее характеристики, а предметом (продуктом) – человеческий капитал [1, с. 184]. Несмотря на то, что субъект родительского труда может быть выделен на разных уровнях – личностном (родители), групповом (семья), общественном (социальные институты) – рождение детей, формирование и развитие будущего человеческого капитала невозможно без участия молодых людей.

Изучая прекаризацию родительского труда, мы сталкиваемся с феноменом «усиленной прекаризации»: прекаризация занятости молодежи влияет на реализацию родительского труда, еще более усиливая прекаризацию родительского труда как такового (непрестижная, недооцененная работа: родительский труд не включен в экономику России, оплата результатов родительского труда отсутствует). Здесь наши наблюдения согласуются с выводами С. Паугама, который, исследуя прекаризацию как новый социально-экономический феномен, вводит понятие «двойная прекаризация» [4].

«Усиленная прекаризация» может проявляться в разных формах. Проанализируем это, используя типологию форм прекаризации М. Риччеры [2] (таблица).

Таким образом, мы видим, что прекаризация молодежи оказывает влияние на реализацию родительского труда, на индивидуальные результаты жизни молодых и, в конечном счете, на демографическое развитие отдельных стран. Включение политики занятости молодежи в комплексные стратегии развития стран имеет основополагающее значение для всестороннего и устойчивого развития современного общества.

Таблица 1

Проявление «усиленной прекаризации» в родительском труде

Форма прекаризации	Проявления «усиленной прекаризации» в родительском труде
<i>Экономическая прекаризация</i>	Трудности с поиском и частота смены работы, атипичная и нерегулярная занятость, неадекватность заработной платы, бедность приводят к тому, что многие молодые люди не спешат завести семью, предпочитают брачные союзы без детей, проявляют дефицит внимания к детям, их здоровью, образованию и развитию
<i>Профессиональная прекаризация</i>	Трудности собственного карьерного развития, отсутствие профессионального роста приводят к снижению уровня участия в инициативах рынка труда, утрате влияния на профессиональную ориентацию собственных детей, их развитие и профессионализацию, на обеспечение включенности будущих молодых работников в производство и корпоративную среду
<i>Социальная прекаризация</i>	Сложность самоидентификации в обществе, амбивалентность социальных ролей, расширение маргинальных групп и неопределенность соотношения молодых людей с социальными группами, отсутствие социальной мобильности приводят к изменениям в оценке значимости семьи и осознанного родительства, утрате ответственности за качество человеческого капитала ребенка
<i>Экзистенциальная прекаризация</i>	Утрата смысла жизни, способности сформулировать планы на будущее приводят к росту сомнений в возможностях создать семью, иметь здоровых детей, дать детям качественное образование и достойный уровень жизни

Чтобы обеспечить молодым людям возможности достойного трудоустройства необходимо:

– инвестировать в качественное образование и практико-ориентированное обучение, дающее навыки, востребованные на рынке труда;

- обеспечивать молодежи доступ к социальной защите и основным услугам при любом трудовом договоре;
- создавать равные социально-экономические условия для всех, чтобы каждый целеустремленный молодой человек мог продуктивно трудиться.

Чтобы снизить уровень прекаризации родительского труда и обратить внимание на важность формирования и развития будущего человеческого капитала детей, необходимо включить родительский труд в экономику и перейти к его непосредственной оплате.

© Ильвес Э.В. Текст. 2017

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект «Интеграция результатов родительского труда в пенсионную систему РФ», № 16-32-00020/17-ОГОН).

Список источников

1. Багирова А. П., Ильвес Э.В. Родительский труд как прекаризованная занятость // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий: материалы Междунар. науч.-практ. конф.: в 2-х т. Екатеринбург, 23-24 апреля 2015 г. – Т. 1. – Екатеринбург : Изд-во Урал.ун-та, 2015. – С. 184-187.
2. Риччери М. Социальная прекаризация и устойчивое развитие: размышления на тему опасных противоречий // Уровень жизни населения регионов России. – 2015. – № 1(195). – С. 3-37.
3. World Employment Social Outlook 2016: Trends for Youth. [Electronic resource]. Mode of access: <http://www.ilo.org/global/research/global-reports/youth/2016/lang--en/index.htm>
4. Paugam S. Die Herausforderung der organischen Solidarität durch die Prekarisierung von Arbeit und Beschäftigung // Prekarität, Abstieg, Ausgrenzung. Die soziale Frage am Beginn des 21. Jahrhunderts / R. Castel, K. Dorre (Hg.). Frankfurt a. – M.; New York, 2009. – S. 175–196.
5. The World Bank. [Electronic resource]. Mode of access: <http://data.worldbank.org/indicator/SL.UEM.1524.ZS?locations=MY>
6. The Prince's Trust [Electronic resource]. Mode of access: <https://www.princes-trust.org.uk/>

Информация об авторе

Ильвес Эдгар Владиславович (Россия, Екатеринбург) – аспирант кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» (г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: edgar.ilves@urfu.ru).

Ilves E.V.

PRECARITY OF YOUTH EMPLOYMENT AS A FACTOR OF «STRENGTHENED PRECARITY» OF PARENTAL LABOUR

Youth is affected by risk in connection with problems of employment, risk of fertility decline and unrealisation of parental labour. The article is about “strengthened precarity” phenomenon, which leads to increase of employment precarity and parental labour precarity.

Keywords: youth, employment, precarity, parental labour, human capital

Information about the author

Ilves Edgar V. (Russia, Yekaterinburg) – Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Russia, Yekaterinburg, Mira st., 19; e-mail: edgar.ilves@urfu.ru)

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Встречающиеся в научной литературе определения демографической политики не отражают сути этого феномена. В статье проводится анализ различных трактовок понятия «демографическая политика». Авторы высказали не только критические замечания, но и сформулировали определение, которое, по их мнению, снимает высказанную критику.

Ключевые слова: демографическая политика, институт семьи, демографическая ситуация, демографический кризис, концепция демографической политики.

В научной литературе демографическая политика определяется по-разному. Давая более или менее четкую формулировку, авторы чаще всего исходят из определения предмета науки демографии и представляют демографическую политику как «часть социально-экономической политики; демографическая политика может быть государственной или региональной. Основным содержанием Д. п. является регулирующее воздействие на народонаселение страны» [2].

Более пространное определение дают Л.Л. Рыбаковский и О.Д. Захарова: «Политика демографическая – составная часть социальной политики государства. В соответствии с ней осуществляется управление социальными процессами. Это управление в демографической сфере в общем виде может быть представлено как воздействие общества на демографические процессы с целью изменения их тенденции в оптимальном направлении» [5].

В.П. Максаковский в своем очерке «Демографическая политика» дает толкование этого феномена, близкое к выше представленному: «... это целенаправленная деятельность государственных органов и иных социальных институтов в сфере регулирования воспроизводства населения, призванная сохранить или изменить тенденции динамики его численности и структуры» [1].

В самом общем и распространенном виде, благодаря интернет-ресурсам Википедия и Студопедия, демографическая политика определяется как «комплекс экономических, административных, пропагандистских мероприятий, с помощью которых государство влияет на рождаемость в желаемом для себя направлении. ... Историческая цель демографической политики государства – достижение демографического оптимума» [10] или: «Демографическая политика – это комплекс мер, принимаемых государственными институтами и общественными организациями, которые направлены на изменение существующей демографической ситуации» [7]. На еще довольно популярном сайте фигурирует следующая формулировка: «Демографическая политика – система специальных мер, предпринимаемых государством для увеличения или снижения темпов естественного прироста населения. ... В широком смысле демографическая политика – это политика в области народонаселения» [6].

Представленные выше формулировки такой значимой обществоведческой категории, как «демографическая политика», имеют, на наш взгляд, существенный недостаток, связанный с неточностью определения целей этого вида политической деятельности и сферы жизни общества. Например, последнее из определений демографической политики «в широком смысле слова» вообще не указывает ее целей, а только обозначает объект политического регулирования – народонаселение. Такой же недостаток присущ определению, зафиксированному в энциклопедическом словаре по политологии [2].

В определении демографической политики Википедия опирается на авторитетные научные источники, поэтому трактовка этой категории близка позиции Л.Л. Рыбаковского и О.Д. Захаровой, изложенной в соответствующей статье Энциклопедического

социологического словаря [5]. Уважаемые авторы целью демографической политики указывают «изменение тенденции демографических процессов в оптимальном направлении». Но, исходя из простых логических рассуждений, «изменение» – это процесс, он не может быть конечной целью активности политического субъекта. В данном высказывании есть указание на «направление» изменений, которое позиционируется как «оптимальное». Критерии оптимального состояния не раскрываются. Как говорится, дьявол кроется в деталях...

В других трактовках демографической политики в понимании «оптимальности» воздействия государства на народонаселение авторы связывают с различными вариантами управленческой активности: «сохранить или изменить тенденции динамики его численности и структуры», «влиять на рождаемость в желаемом для себя направлении», «система специальных мер для увеличения или снижения темпов естественного прироста населения» и т.п. Зачем руководству государства или региона проявлять какую-то активность, чтобы стимулировать население на рождение большего числа детей? Или зачем предпринимать, наоборот, усилия, чтобы у населения рождалось меньше детей? Что в данных случаях «оптимизируется»? Раскрывая содержание категории «демографическая политика», следует избавляться от обтекаемых формулировок и более точно фиксировать смысл ее целей.

Кроме того, вызывает сомнение и соотнесенность демографической политики как части политики социальной. Инструменты воздействия субъекта политики на демографические процессы могут быть взяты из арсенала экономической, культурной, образовательной, военной и других видов политики. Ее условно можно отнести к разделу внутренней политики государства, так как для обеспечения «оптимального протекания» демографических процессов часто требуются необходимые внешние условия, обеспечение которых находится в ведении внешней политики государства. На этом основании можно утверждать, что демографическая политика – самостоятельный аспект и специфический раздел политической жизни государства.

При анализе имеющихся многочисленных определений демографической политики возникает еще один вопрос: почему меры влияния на демографические процессы носят временный характер? Почему «оптимальное состояние» столь изменчиво? Почему, например, необходимо то замедлять, то стимулировать ускорение роста численности населения в стране? С чем же соотносятся количественные и качественные параметры народонаселения в государстве? Конечно же, с возможностями производственно-экономического комплекса обеспечить занятость, то есть обеспечить источником дохода трудоспособное население, обеспечить конкурентоспособность государства на международной арене. В связи с тем, что рыночное хозяйство развивается стихийно, оно слабо поддается регулированию, поэтому периодически возникает «нехватка рабочих рук» или, наоборот, возникают большие группы «лишних людей». Следовательно, целью демографической политики является «подгонка» демографических процессов и важнейших параметров структуры народонаселения к потребностям хозяйственно-экономического комплекса страны. Вот что, собственно, кроется в понимании «оптимального направления» демографических процессов в результате принимаемых мер со стороны государства.

В итоге этого небольшого анализа различных трактовок понятия «демографическая политика» позволим себе высказать не только критические замечания, но и сформулировать определение, которое, на наш взгляд, снимает высказанную критику. Демографическая политика – один из аспектов внутренней политики государства, выраженный в системе мер, воздействующих на демографические процессы, с целью приведения количественных и качественных параметров структуры народонаселения в соответствие с потребностями хозяйственно-экономического комплекса страны и вызовами геополитических условий.

Начиная с 1992 года, после распада СССР, демографические процессы в России протекали на фоне новых экономических и политических условий. Коренной слом советского строя государства и социалистического уклада экономики и формирование новой системы политических и экономических отношений, основанных на либеральной идеологии,

вызвали глубокий экономический и духовный кризис в российском обществе. Это отразилось самым негативным образом на демографической ситуации в стране.

Во-первых, резко снизилась финансовая база для проведения активной социальной политики государства и правительств субъектов Российской Федерации по поддержке семей во всех ее направлениях – от единовременной помощи при рождении ребенка до ежемесячных выплат пособий малоимущим и многодетным семьям на содержание и воспитание детей и другие виды социальных пособий.

Во-вторых, произошло резкое падение уровня материальной обеспеченности семей. Многие семьи лишились собственной экономической базы в виде постоянного источника дохода – заработной платы. На многих предприятиях в тот период времени изменилась форма собственности, при этом новые собственники, пользуясь несовершенством законодательной системы регулирования трудовых отношений, по много месяцев не выплачивали заработную плату своему персоналу. Большое количество предприятий прекратило свое существование в силу разных причин, что дало толчок росту уровня безработицы. Множество семей в условиях резкого обнищания отложило рождение не только последующих детей, но и первого ребенка. Был отмечен скачок показателей абортот практически во всех регионах нашей страны.

В-третьих, 90-е годы характеризуются значительным усилением неконтролируемых миграционных потоков. Распад Союза республик дал импульс эмиграции и иммиграции со странами, как тогда стали говорить, «ближнего и дальнего зарубежья», а глубокий и затяжной экономический и финансовый кризис стимулировал не только эмиграцию, но и миграцию населения внутри страны в поисках заработка: из региона в регион, из малых городов – в крупные и в столицу, из деревень – в города, а также и обратный процесс: из городов – в деревню. Явление рурализации – усиления роли деревни в жизни общества – наблюдалось в России в тот период времени. Многие семьи в городах выживали за счет того, что стали вести по возможности подсобное хозяйство, а многие сельские жители в условиях развала колхозов и совхозов переходили на ведение натурального хозяйства.

Миграция, в свою очередь, породила массу проблем, которые и в настоящее время требуют особого внимания руководства страны и регионов и ждут своего решения: девиантное поведение мигрантов и повышенный уровень преступности, правовое регулирование миграционных потоков, их распределение по территории нашей страны, проблемы культурной и языковой адаптации мигрантов в принимающем социуме, проблемы экономической интеграции и конкуренции мигрантов на рынке труда с работниками из состава коренного населения, и многое другое.

В-четвертых, экономический кризис 90-х годов прошлого века в нашей стране породил хроническое недофинансирование социальной инфраструктуры. Не получали зарплату и выходили на забастовки учителя, врачи, работники учреждений науки и культуры, а материальные объекты инфраструктуры постепенно приходили в упадок. На демографическую ситуацию непосредственное влияние оказало, прежде всего, ухудшение состояния медицинской сферы. Именно снижение качества системы медобслуживания населения внесло свой вклад в рост показателей смертности как среди взрослого населения, так и младенческой смертности.

В-пятых, важнейшим фактором, оказавшим влияние на демографические процессы в России в 90-е годы, был духовный кризис, или экзистенциальный кризис. Смена общественно-экономических формаций в нашей стране на индивидуальном уровне переживалась как психологическая травма, как глубоко переживаемый кризис личности, связанный с переоценкой общественных и индивидуальных жизненных ценностей. Для многих людей это стало фатальным событием. Отмечался рост показателей алкоголизма, наркомании и суицидов. Таким образом часть населения отреагировала на глубокие общественные преобразования и смену общественных ценностных ориентиров.

Обозначенные выше общественные процессы привели к тому, что впервые в истории нашей страны численность населения стала убывать примерно на один миллион человек в

год в условиях мирного времени, то есть в условиях, когда государство не вело военных действий с внешним врагом. И тем не менее уровень смертности населения страны превысил уровень рождаемости, и этот показатель стал нарастать из года в год. Это демографическое явление в нашей стране получило название «русский крест»[4].

Общая картина демографической ситуации в России в начале XXI века в целом была довольно мрачной: резкое снижение уровня рождаемости в сочетании со сверхсмертностью населения, процесс постоянного и значительного сокращения численности населения, который «не перекрывался» иммиграцией, сокращение численности когорт детей и молодежи в структуре населения. «Демографическая яма», «русский крест», «демографический кризис» – наиболее часто употребляемые термины для характеристики того положения внутри страны.

Несмотря на территориальные потери в результате развала СССР, Россия тем не менее остается самым большим по территории государством на планете. Плотность населения очень маленькая по сравнению с плотностью населения государств Западной Европы или многих экономически развитых стран Азии. Демографические процессы, ведущие к сокращению численности и плотности населения, представляют угрозу национальной безопасности и могут привести к демографической катастрофе и коллапсу государства [3].

Для того чтобы противостоять угрозам безопасности и обеспечить выход страны из демографического кризиса, государство в начале века положило начало новому этапу демографической политики, который нашел свое отражение в документе «Концепция демографического развития Российской Федерации на период до 2015 года» [8]. Демографическая политика государства корректировалась, что находило свое отражение в соответствующих указах и постановлениях. В настоящее время цели, принципы, задачи и основные направления демографической политики России фиксирует другой документ – «Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» [9] (далее – Концепция). В Концепции особо подчеркнута тесная связь успеха в достижении целей демографической политики с успешной реализацией широкого круга вопросов социально-экономического развития государства.

Представлены следующие принципы, положенные в основу современного курса государственной демографической политики:

- « – комплексность решения демографических задач – мероприятия в этой сфере должны охватывать направления демографического развития (смертность, рождаемость и миграцию) в их взаимосвязи;

- концентрация на приоритетах – выбор по каждому направлению демографического развития наиболее проблемных вопросов и применение эффективных механизмов их решения;

- своевременное реагирование на демографические тенденции в текущий период;

- учет региональных особенностей демографического развития и дифференцированный подход к разработке и реализации региональных демографических программ;

- взаимодействие органов государственной власти с институтами гражданского общества;

- координация действий законодательных и исполнительных органов государственной власти на федеральном, региональном и муниципальном уровнях».

Исходя из демографической ситуации, сложившейся в стране на момент разработки Концепции, которая констатируется в одном из ее разделов, до 2025 года предполагается решить следующие задачи:

- сокращение смертности населения не менее чем в 1,6 раза, а материнской и младенческой – не менее чем в 2 раза;

- сохранение и укрепление здоровья населения, создание условий и формирование мотивации для ведения здорового образа жизни, а также увеличение продолжительности активной жизни;
- повышение уровня рождаемости за счет рождения в семьях второго и последующих детей;
- укрепление института семьи, возрождение и сохранение духовно-нравственных традиций семейных отношений;
- привлечение мигрантов в соответствии с потребностями демографического и социально-экономического развития.

Пути решения этих непростых задач нашли свое выражение в комплексе различных предполагаемых к реализации мероприятий и программ.

В Концепции следующим образом формулируется предназначение государственной демографической политики: «Демографическая политика Российской Федерации направлена на увеличение продолжительности жизни населения, сокращение уровня смертности, рост рождаемости, регулирование внутренней и внешней миграции, сохранение и укрепление здоровья населения и улучшение на этой основе демографической ситуации в стране». Чем вызвана необходимость принятия Концепции и постановка такой общей цели? Этот документ описывает важнейшие демографические тенденции и констатирует, что такое положение крайне неблагоприятно для государства. «Развитие ситуации по данному сценарию, помимо демографических потерь, неблагоприятно скажется на основных показателях социально-экономического развития страны, прежде всего на темпе роста валового внутреннего продукта и обеспеченности трудовыми ресурсами, потребует структурных и качественных изменений в системе оказания медицинской и социальной помощи с учетом увеличения доли граждан старшего возраста». Как видно из текста, хозяйственно-экономический комплекс «задает тон» в осуществлении регулирующего воздействия на демографические процессы.

© Копцева О.А., Журавлева Е.К. Текст. 2017

Список источников

1. Максаковский В.П. Демографическая политика [Электронный ресурс]. URL: <http://geo.1september.ru/article.php?ID=200103706> (дата обращения 19.04.17).
2. Политология: Энциклопедический словарь / общ.ред. и сост.: Ю.И.Аверьянов. – М.: Изд-во Моск.коммерч. ун-та. 1993. – С.91.
3. Семейная политика: демографический кризис и общественная безопасность: сб. статей по материалам международной научно-практической конференции / под ред.О.А. Копцевой. – Магнитогорск: МаГУ, 2004.
4. Халтурина Д. А., Коротаев А. В.Русский крест: Факторы, механизмы и пути преодоления демографического кризиса в России. – М.: КомКнига, Едиториал УРСС, 2006.
5. Энциклопедический социологический словарь /под общ.ред. Г.В.Осипова. – М., 1995. – С. 562.
6. <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/74009> (дата обращения 17.04.2017).
7. http://studopedia.ru/1_74317_demograficheskaya-politika.html (дата обращения 17.04.2017).
8. <http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/konceptiya/konceptiya.php> (дата обращения 18.04.2017).
9. <http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/konceptiya/konceptiya25.html> (дата обращения 18.04.2017).
10. https://ru.wikipedia.org/wiki/Демографическая_политика (дата обращения 17.04.2017).

Информация об авторах

1. Копцева Ольга Алексеевна (Россия, Магнитогорск), кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры экономики, управления и права, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Магнитогорский филиал (455000, Челябинская обл., г.Магнитогорск, ул.Казакова,11; e-mail: ucheba@mgn.ranepa.ru; e-mail: olgakopseva@mgn.ru)

2. Журавлёва Елена Константиновна (Россия, Москва) научный сотрудник лаборатории проблем социальной демографии, Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН (117218, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 32; e-mail: 777.74@mail.ru)

Koptseva O.A., Zhuravleva E.K.

TO DEFINITION OF POPULATION POLICY

The definitions of population policy which are Found in scientific literature do not capture the essence of this phenomenon. In article the analysis of various interpretations of the concept "population policy" is pursued. Authors stated not only critical remarks, but also formulated definition which, in their opinion, removes the stated criticism.

Keywords: population policy, institute of a family, demographic situation, demographic crisis, Concept of population policy.

Information about the authors

1. Koptseva Olga Alekseevna (Russia, Magnitogorsk), candidate of philosophical sciences, associate professor, associate professor of economy, management and right, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Magnitogorsk branch (455000, Chelyabinsk Region, Magnitogorsk, Kazakov St., 11; e-mail: ucheba@mgn.ranepa.ru).

2. Zhuravleva Elena Konstantinovna (Russia, Moscow) researcher of social demography problems laboratory, Institute of socio-economic problems of population, Russian Academy of Sciences (117218, Moscow, Nakhimovsky prospect, 32; e-mail: 777.74@mail.ru)

УДК: 37.06. 09

И.С. Огоновская

СЕМЬЯ КАК БАЗОВАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ШКОЛЫ И РОДИТЕЛЕЙ

Автор статьи определяет семью в качестве одной из базовых национальных ценностей, рассматривает проблему девальвации института семьи, объясняет причины снижения авторитета семьи и школы в 1990-е гг., предлагает пути расширения взаимодействия участников образовательных отношений.

Ключевые слова: базовые национальные ценности, взаимодействие, групповая общность, девальвация института семьи, участники образовательных отношений, права ребенка, родители, семья, школа.

Семья и школа (в широком смысле этого слова) являются социальными институтами, осуществляющими подготовку человека к взрослой жизни, в которой ему необходимы знания, хорошая профессия, умения коммуникации, самостоятельность, чувство ответственности за себя, близких людей и в конечном итоге за судьбу страны, в которой ему жить. Семья входит в перечень базовых национальных ценностей (наряду с патриотизмом,

гражданственностью, трудом и творчеством, литературой и искусством, наукой и др.), предложенных авторами Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России, заявленной в качестве методологической основы ФГОС второго поколения для общего образования. Под понятием «базовые национальные ценности» подразумеваются «основные моральные ценности, приоритетные нравственные установки, существующие в культурных, семейных, социально-исторических, религиозных традициях многонационального народа Российской Федерации, передаваемые от поколения к поколению и обеспечивающие успешное развитие страны в современных условиях» [4, с. 8].

Понятие «семья» определяется по-разному: совокупность близких родственников, живущих вместе [3, с. 173]; родители с детьми и другие близкие родственники, живущие вместе [12, с. 154]; круг лиц, связанных личными неимущественными и имущественными правами и обязанностями, вытекающими из брака, родства, усыновления или иной формы принятия детей в семью [2, с. 553]; основанная на браке или кровном родстве малая группа, члены которой связаны общностью быта, взаимной моральной ответственностью и взаимопомощью [9, с. 257]. Вместе с тем во всех этих определениях есть общее начало: совместное общежитие родственников, у которых есть права и обязанности в отношении друг друга.

С юридической точки зрения это зафиксировано в ряде нормативно-правовых документов. Так по Конституции РФ правом и обязанностью родителей является забота о детях, их воспитание (ст. 38, п. 2), а обязанностью трудоспособных детей, достигших 18 лет, – забота о нетрудоспособных родителях (с. 38, п. 3). Одновременно с этим в Конституции РФ зафиксирована такая обязанность родителей или лиц, их заменяющих, как обеспечение получения детьми основного общего образования (ст. 43, п. 4). В Семейном кодексе РФ (ст. 63, п. 1) указано: «Родители имеют право и обязаны воспитывать своих детей. Родители несут ответственность за воспитание и развитие своих детей. Они обязаны заботиться о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии своих детей. Родители имеют преимущественное право на обучение и воспитание своих детей перед всеми другими лицами». По закону «Об образовании в Российской Федерации» (2012) родители (законные представители) включены в число участников образовательных отношений наряду с несовершеннолетними обучающимися, педагогическими работниками и их представителями, организациями, осуществляющими образовательную деятельность (ст. 2) [10, с. 8].

Понятие «школа» также имеет множество определений: всякое положение человека, где он волей-неволей приобретает находчивость, опытность и знание [3, с. 638]; учебно-воспитательное учреждение, осуществляющее подготовку к взрослой жизни путем развития личности; социальный институт, осуществляющий процесс образования в рамках определенных целей, ценностей, субкультур и самоопределения людей [7, с. 653]; социальный институт, задача которого – всесторонне подготовить человека к взрослой жизни (осознанному выбору рода профессиональных занятий, успешной самореализации в конкретной сфере деятельности); образовательное учреждение, дополняющее стихийную, естественную, в частности семейную, социализацию [9, с. 319]; образовательная организация, осуществляющая образование – единый целенаправленный процесс воспитания и обучения в интересах человека, семьи, общества и государства, предполагающий интеллектуальное, духовно-нравственное, творческое, физическое и (или) профессиональное развитие человека, удовлетворение его образовательных потребностей и интересов [10, с. 4]. На основании данных определений также можно выделить общее: школа дает знания, воспитывает, социализирует, развивает личность, то есть у школы также есть обязанности по отношению к ребенку. К указанным документам можно добавить Профессиональный стандарт педагога, утвержденный приказом Министерства труда России от 18 октября 2013 г. за № 544н. Этот документ предполагает в части должностных обязанностей в воспитательной работе умения педагогов создавать в учебных группах (классе, кружке, секции и т.п.) детско-взрослые общности учащихся, их родителей и педагогов, поддерживать конструктивные

воспитательные усилия родителей (лиц, их заменяющих) учащихся, привлекать семью к решению вопросов воспитания ребенка [13, с. 98, 99].

На основе приведенных определений, документов и собственного жизненного и педагогического опыта мы можем выделить общие черты семьи и школы:

<i>Семья</i>	<i>Школа</i>
Объединяет людей на основе кровнородственной общности	Объединяет людей на основе социальной общности
Стабильный коллектив	Условно стабильный коллектив
Разновозрастный коллектив	Разновозрастный коллектив
Дает первичные представления о мире.	Дает расширенные представления о мире.
Передает опыт через общение детей со взрослыми членами семьи, братьями и сестрами.	Передает опыт на основе общения с педагогами, одноклассниками, однокашниками.
Обучает (говорить, ходить, писать, считать).	Обучает (различным предметам, дающим общую картину мира).
Воспитывает, духовно обогащает.	Воспитывает, духовно обогащает.
Социализирует, готовит к будущей жизни, обучает социальным ролям (сын, дочь, внук, муж, жена, отец, мать и др.).	Социализирует, готовит к будущей жизни, обучает социальным ролям (ученик, труженик, исполнитель, член коллектива, подчиненный, лидер и др.).
Формирует характер	Закаляет характер
Учит коммуникации в малых группах.	Учит коммуникации в больших группах.
Заботится о здоровье ребенка.	Заботится о здоровье детей.
Удовлетворяет эмоционально (любовь, уважение, признание, эмпатия и др.).	Удовлетворяет эмоционально (симпатия, эмпатия, любовь, дружба, уважение и др.).
Отвечает за будущее ребенка.	Отвечает за будущее ребенка.
Осуществляет первичный социальный контроль	Осуществляет социальный контроль

Очевидно, что школа как социальный институт в определенной мере похожа на семью (по крайней мере, в ее российской традиции), из чего следует, что этим социальным институтам необходимо взаимодействовать при решении задач в отношении обучения и воспитания ребенка. Взаимодействие, согласно определению С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, – это взаимная поддержка, а поддержка – помощь, содействие [8, с. 75, 525]. При этом, по нашему глубокому убеждению, школа всеми возможными средствами должна формировать уважительное отношение обучающихся к семье, семейной жизни, а родители – такое же уважительное отношение к школе, педагогам и другим работникам образовательных учреждений, традициям образовательного учреждения и т.д.

Вместе с тем существует ряд проблем, которые в настоящее время серьезно осложняют процесс взаимодействия семьи и школы и зачастую сводят на нет усилия обеих сторон. Сложности взаимодействия названных социальных институтов связаны, по нашему мнению, с целым рядом факторов-следствий российских реалий 1990-х гг., в результате которых произошли социальная дифференциация общества, переоценка, разрушение и отторжение прежних социальных ценностей (от коллективизма – к индивидуализму и эгоцентризму, от альтруизма к эгоизму, от ответственности к безответственности, от долженствования – ко «мне все должны»); советская система воспитания стала характеризоваться в большинстве случаев как однозначно негативная (как отражение тоталитарной идеологии, как огосударствление практики воспитания, приведшей к ослаблению традиций семейного воспитания); доминантой образования стали права ребенка в ущерб правам других субъектов образовательного процесса (прежде всего – учителей); значительно снизился авторитет педагогической профессии, в которую пришло много случайных людей, не набравших нужные баллы в престижные вузы или живущих рядом со

зданием педагогического университета; изменился статус самого учителя, который должен «обслуживать» – оказывать услуги детям и родителям; и т.д.

Одновременно с этим произошла девальвация института семьи, выраженная в разрушении нравственных представлений о браке и семье, иерархии традиционных семейных взаимоотношений, нежелании многих родителей заниматься воспитанием детей, активном противостоянии взрослым со стороны подростков и молодежи, падении престижа материнства, вопиющей неграмотности родителей в вопросах воспитания детей, росте алкоголизма, наркомании, преступности, бродяжничества среди детей и т.п.

В конечном итоге в 2000-е гг. вошли родители, считающие, что им «все обязаны» и у их детей есть прежде всего права. С другой стороны, в школе остались «старые советские» учителя, не желающие быть «обслугой», и появились новые педагоги из числа тех, кто считает педагогическую профессию «вынужденной повинностью». Следствием столкновения мнений, интересов, притязаний, характеров участников образовательных отношений стали бесконечные жалобы родителей на администрацию, учителей, других детей и т.д., и в качестве ответа – негативное отношение к ним педагогов. Очень часто те и другие прибегают к такой стратегии психологической защиты, как агрессия, которая выражается в обвинении других во всех своих бедах (школа / родители виноваты); нападении, оправдании собственной агрессии возвышенным мотивом (я добиваюсь справедливости); приписывании своих недостатков другой стороне (вы не можете справиться с воспитанием моего /вашего ребенка; вы учите / воспитываете не так); унижении, деликатном хамстве (вы ничего не можете сделать, так как не умеете, неспособны...), оскорбительном тоне и даже насильственных действиях (на просторах Интернета представлено немало случаев избиения педагогов родителями).

Вместе с тем «детская болезнь левизны» проходит, и представители взрослого мира начинают понимать, что без взаимных усилий школы и родителей им не решить стоящие перед ними задачи. В этой связи возможно использование потенциала нескольких направлений деятельности.

В рамках школьных предметов (литература, обществознание, мировая художественная культура) можно рассматривать семью как культурно-исторический феномен (функции семьи, исторические типы семьи, роль семьи в развитии личности, семейные традиции и обычаи, семейные ценности, воспитание детей, общение в семье, семейные конфликты). С позиции права дети должны познакомиться с семейными правоотношениями, правами и обязанностями супругов, родителей и детей, условиями брака и его расторжения, нормативно-правовыми документами в области семейного права и др. [11, с. 24, 25]. Углубленное знакомство детей с проблемами семейных взаимоотношений возможно в рамках элективных курсов «Семейное право», «Этика семейной жизни», «Права и обязанности членов семьи» и др.

Второй путь решения поставленных задач – внеурочная деятельность, система дополнительного образования. К примеру, детям будет интересно и полезно посмотреть и обсудить в рамках школьного киноклуба фильмы, в которых поставлены проблемы взаимоотношений в семье и школьном коллективе, проблемы взаимной ответственности членов семьи и школьного класса. В рекомендованном Министерством культуры списке фильмов для просмотра школьниками (2013 г.) данная тематика так или иначе затрагивается в фильмах «Вам и не снилось...» (И. Фрэнк, 1980), «Морозко» (А. Роу, 1964), «Золушка» (Н. Кошерева, 1947), «Сто дней после детства» (С. Соловьев, 1975), «Чучело» (Р. Быков, 1983), «Школьный вальс» (П. Любимов, 1977) и др.

Третий путь – выстраивание конструктивных отношений родителей и педагогов. На протяжении всех лет обучения в школе ребенок находится между двумя «воспитывающими силами»: родителями и педагогами. За девять или одиннадцать лет обучения формируется не только детский, но и взрослый, родительский, коллектив, представляющий собой групповую общность. Признаками такой общности, по мнению социолога Г.Е. Зборовского, являются: устойчивость и определенные пространственно-временные границы существования, четко

выраженная однородность (гомогенность), способность ее членов выполнять совместно различные виды деятельности, преследуя при этом общие цели и задачи [6, с. 242, 243]. В нашем случае задачей всех родителей в классе, школе является создание благоприятной обстановки для обучения их детей, для чего требуются значительные совместные усилия педагогического коллектива, классного руководителя и самих родителей.

Со стороны школы родителям могут быть предложены следующие пути взаимодействия: 1) *правовое просвещение* (знакомство с основными нормативно-правовыми, программными, концептуальными документами, касающимися детей; организация встреч с юристами, представителями правоохранительных органов, органов опеки и т.п.); 2) *психолого-педагогическое просвещение* (индивидуальная консультативная поддержка родителей по актуальным проблемам взаимоотношений с ребенком, остро возникающим вопросам семейного воспитания; ученические папки для родителей, в которых собираются сведения о проблемах, с которыми сталкиваются школьники – из опыта США [5, с. 127]; привлечение родителей к определению перспектив развития ребенка и соответственно к разработке программы действий, обеспечивающих их достижение; участие родителей в анализе достижений ребенка, его трудностей и проблем; создание службы доверия «учитель – родитель»; обсуждение актуальных и значимых для родителей проблем в форме круглых столов, дискуссий, встреч с психологами, социологами, конфликтологами и др.); 3) *включение родителей в жизнь образовательного учреждения и классного коллектива* (получение информации о делах в школе и классе; посещение учебных занятий, организация и проведение праздников, спортивных мероприятий, благотворительных акций, субботников, экскурсий; участие в органах школьного самоуправления, родительских собраниях, в выработке норм и правил школьной жизни, дежурстве в школе; руководство кружками по интересам; участие в профориентационной работе; 4) *внимание к родителям со стороны школы* (поощрение, поддержка, пропаганда успехов родителей в воспитании детей и т.д.). В последнем случае можно применить совет Ш. Амонашвили: «Пишите письма родителям с положительной оценкой поступка ребенка, по поводу достижения успеха в учении, по любому значительному поводу, достойному одобрения» [1, с. 285].

Все изложенное выше важно и актуально, однако самый главный путь воспитания отношения к семье как к базовой национальной ценности – это взаимоотношения внутри самой семьи, ведь, как писал в свое время В.А. Сухомлинский, «главный смысл и цель семейной жизни – воспитание детей. Главная школа воспитания детей – это взаимоотношения мужа и жены, отца и матери». *Личный пример родителей, прежде всего*, способствует формированию у школьников духовно-нравственных качеств и активной жизненной позиции, мировоззренческих ориентиров, позитивного отношения к труду, уважительного отношения к членам семьи, рода, окружающим людям.

© Огоновская И.С. Текст. 2017

Список источников

1. Амонашвили Ш. Гуманная педагогика. Актуальные вопросы обучения родному языку и развития личности. Книга II. – М.: Амрита, 2011. – 304 с.
2. Барихин А.Б. Большой юридический энциклопедический словарь. – М.: Книжный мир, 2002. – 720 с.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – Т. 4. – М.: Изд-во «Русский язык», 2002. – 688 с.
4. Данилюк А.Я., Кондаков А.М., Тишков В.А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. – М.: Просвещение, 2010. – 24 с.
5. Джурицкий А.Н. Развитие образования в современном мире: учеб. пособие. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1999. – 200 с.
6. Зборовский Г.Е. Общая социология: учебник для вузов. – 3-е изд., испр. и доп. – Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2003. – 720 с.

7. Новейший социологический словарь / сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. – М.: Книжный Дом, 2010. – 1312 с.
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская АН.; Российский фонд культуры. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: АЗЪ, 1994. – 928 с.
9. Педагогический энциклопедический словарь / гл. ред. Б.М. Бим-Бад; рекол.: М.М. Безруких, В.А. Болотов, Л.С. Глебова и др. – 3-е изд., стереотип. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2009. – 528 с.
10. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» (№ 273-ФЗ от 29.12.2012). – М.: УЦ «Перспектива», 2013. – 224 с.
11. Фундаментальное ядро содержания общего образования / под ред. В.В. Козлова, А.М. Кондакова. – М.: Просвещение, 2009. – 48 с.
12. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. – 8-е изд., стереотип. – Т. 2. – М.: Рус.яз. – Медиа, 2007. – 559 с.
13. Ямбург Е.А. Что принесет учителю новый профессиональный стандарт педагога? – М.: Просвещение, 2014. – 175 с.

Информация об авторе

Огоновская Изабелла Станиславовна (Россия, Екатеринбург) – канд. ист. наук, доцент кафедры гуманитарного образования, СУНЦ (Специализированный учебно-научный центр), Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, ул. Д. Зверева, 30; e-mail: izabella-irro@mail.ru).

Ogonovskaya I.S.

FAMILY AS A BASIC NATIONAL VALUE IN THE CONDITIONS OF MODERN RUSSIA: TO THE PROBLEM OF INTERACTION OF SCHOOL AND PARENTS

The author of the article defines the family as one of the basic national values, examines the problem of the devaluation of the family institution, explains the reasons for the decline of the authority of the family and school in the 1990s, and suggests ways to broaden the interaction of participants in educational relations.

Key words: basic national values, interaction, group generality, devaluation of the family institution, participants in educational relations, rights of the child, parents family, school.

Information about the author

Ogonovskaya Isabella Stanislavovna (Russia, Ekaterinburg) – Cand. East. Sci., Associate Professor of the Department of Humanitarian Education, SUNC (Specialized Educational and Scientific Center), Ural Federal University named after the first President of Russia BN. Yeltsin (Ekaterinburg, D. Zvereva St., 30; e-mail: izabella-irro@mail.ru).

УДК 378:316.356.2(045)

Е.И. Михалёва

ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ КУРС, НАПРАВЛЕННЫЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ У БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО РАБОТЕ С МОЛОДЁЖЬЮ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПРИЁМАХ ФОРМИРОВАНИЯ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ.

В статье идёт речь о необходимости включения в процесс обучения студентов – магистрантов практико-ориентированного курса, направленного на формирование у

будущих специалистов по работе с молодёжью знаний об основных тенденциях современного брака, представлений об основных приёмах, методах, психологических основах работы с тренинговой группой по формированию семейных ценностей молодёжи.

Ключевые слова: магистранты, практико-ориентированный курс, формирование семейных ценностей молодёжи.

Необходимость создания в городе Ижевске школы подготовки молодёжи и молодых супружеских пар к семейной жизни обусловлена, по мнению специалистов, острой необходимостью подготовки подрастающего поколения к качественной семейной жизни, определяющей как психическое здоровье, так и физическое здоровье личности. На данный момент, существующие школы работают в рамках реализуемого общественной организацией «Центр поддержки женских инициатив «Теплый дом» социального проекта - «Формирование семейных ценностей - профилактика разводов в молодых семьях», получившего грант Президента РФ в соответствии с Распоряжением Президента РФ от 05.04.2016 г. № 68-рп. В городе Ижевске созданы площадки для старших школьников, для студентов (в Удмуртском государственном университете (Институт социальных коммуникаций), для молодых семей, для работающей молодёжи и молодёжи, оказавшейся в трудной жизненной ситуации.

Общественная организация «Теплый дом» совместно с представительством НОК «Российская семья» в г. Ижевске и Институт социальных коммуникаций УдГУ в рамках реализации социально – значимого проекта «Формирование семейных ценностей - профилактика разводов в молодых семьях» начали реализацию образовательного проекта и работу с тренинговой группой, целью которой, с одной стороны, является формирования понимания у молодёжи значимости семьи как важнейшего социального института, а с другой - повышение компетентности будущих специалистов по работе с молодёжью в вопросах брака и семьи, в вопросах организации правильного функционирования и разрешения конфликтов в семьях, в вопросах освоения психологических, экономических и правовых аспектов супружества.

Работа осуществляется со студентами 3 – 4 курсов направления подготовки «Организация работы с молодёжью» и магистрантами направления подготовки «Организация и управление молодёжными общественными объединениями».

В ходе реализации образовательного проекта будущими специалистами по работе с молодёжью, в частности, выявляются особенности влияния на построение отношений форм поведения личности, шаблоны мышления и привычки в поведении, приобретенные в родительской семье и используемые во взрослой жизни, часто являющиеся не эффективными. Обсуждаются вопросы психологического взросления и его влияния на создание семьи, вопросы необходимости повышения социальной зрелости для создания семьи, ролевых ожиданий и представлений в паре. Серьёзный вопрос, обсуждаемый в ходе занятий – повышение осознанности и ответственности в создании семьи, определение необходимости наличия общих целей для создания гармоничной функциональной семьи, выявление критериев готовности человека к созданию своей семьи (личная ответственность и финансовая независимость и др.), определение конструктивных и деструктивных форм организации власти в семье. Студентам даются правила и технологии ведения супружеских переговоров, при сохранении личной жизни и личного пространства в семейной жизни, чему предшествует создание семейных правил, ценностей и ритуалов для построения гармоничной, функциональной семьи, правила эффективной организации воспитания детей в семье и др.

Реализация данного образовательного проекта позволила сделать вывод, что существует необходимость включения в процесс обучения студентов – магистрантов практико-ориентированного курса, направленного на формирование у будущих специалистов по работе с молодёжью знаний об основных тенденциях современного брака, представлений об основных приёмах, методах, психологических основах работы с тренинговой группой по формированию семейных ценностей молодёжи. Была предложена

следующая формулировка курса - «Технологии формирования семейных ценностей в деятельности специалиста по работе с молодёжью».

Курс вошел в вариативную часть профессионального (дисциплины по выбору) цикла ОП по направлению подготовки 39.04.03.01 «Организация и управление молодёжными общественными объединениями» квалификация выпускника магистр и был составлен в соответствии с требованиями Федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального обучения. Изучение курса предполагает связи с традиционными областями исследований общественных и естественных наук (истории, социологии, психологии и др.), а также следующими дисциплинами: «Педагогика и методика преподавания», «Педагогическая психология», «Социокультурные процессы в молодёжной среде», «Социально-демографические проблемы молодёжи» и др.

Программа курса построена на сочетании теоретико-методологического и практического материалов (в виде семинарских занятий, участия в моделировании тренинговой работы и т.д.) и соблюдении принципа рассмотрения материала от уровня обобщения до конкретизации методик.

В курсе выделено несколько тем: Особенности и теории семейных систем; Альтернативный подход к формированию семейных ценностей в молодёжной среде: реализация социально-значимого проекта общественной организацией «Теплый дом» и НОК «Российская семья» г. Ижевска; Практика проведения работы с тренинговой группой по формированию семейных ценностей – профилактике разводов в молодых семьях. Курс имеет практическую часть в виде семинарских занятий по указанным выше разделам дисциплины.

В ходе изучения материала решаются следующие задачи:

Знать: основные тенденции современного брака (системный подход); основные приёмы работы с тренинговой группой по формированию семейных ценностей.

Уметь: анализировать, формулировать проблемы и тенденции современного брака; пользоваться знаниями о приёмах работы с тренинговой группой по формированию семейных ценностей.

Владеть: навыками последовательного анализа основных проблем и тенденций современного брака; приёмами работы с тренинговой группой по формированию семейных ценностей.

Методологически при проведении занятий по дисциплине и организации самостоятельной работы студентов - магистрантов направления подготовки 39.04.03.01 «Организация и управление молодёжными общественными объединениями» используются как традиционные методы сообщающего обучения, предполагающие передачу информации в готовом виде, формирования учебных умений в процессе лекционных и семинарских занятий, так и интерактивные методы обучения, предполагающие включенность в процесс познания всех обучающихся группы без исключения.

Логика построения курса основывается на том, что область профессиональной деятельности магистров по работе с молодёжью, включает в себя решение комплексных задач по реализации молодёжной политики, а объектами профессиональной деятельности являются, в целом, социокультурные процессы в молодёжной среде, свойства и состояния молодёжи, так и их проявления в различных областях социальной деятельности и взаимодействия на уровне индивида, группы, сообщества, в частности.

Итак, можно утверждать, что введение в учебный процесс курса «Технологии формирования семейных ценностей в деятельности специалиста по работе с молодёжью» обеспечивают повышение качества формирования профессиональных компетенций студентов - магистрантов направления подготовки «Организация и управление молодёжными общественными объединениями». Будущие специалисты сферы государственной молодёжной политики приобретают навыки профессиональной деятельности, которые основываются на понимании значимости основных тенденций современного брака, представлений об основных приёмах, методах, психологических основах работы с тренинговой группой по формированию семейных ценностей молодёжи,

что в свою очередь определяет профессиональную подготовку и компетенцию специалиста по работе с молодёжью.

© Михалева Е.И. Текст. 2017

Информация об авторе

Михалёва Елена Ивановна (Россия, Ижевск) – кандидат педагогических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет» Институт социальных коммуникаций (Удмуртия, 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, кор. 4; mihlen75@mail.ru).

Mikhaleva E.I.

PRACTICE – ORIENTED COURSE DIRECTED ON FORMATION IDEAS ABOUT THE PSYCHOLOGICAL METODOS OF THE FAMILY VALUES FORMATION OF THE RISING GENERETION FOR FUTURE SPESIALISTS ON WORK WITH YOUTH

The article is about necessity of inclusion of the practice – oriented course to the educative process of master students. The course focuses on formation of knowledge about the main trends of modern marriage, ideas about the main techniques, methods of psychological bases of work with training group on the formation of youth family values of future specialists on work with youth.

Keywords: master students, practice – oriented course, formation of youth family values.

Information about the authors

Mikhaleva Elena (Russia, Izhevsk) – Candidate of pedagogic sciences, docent, lecturer, Udmurt State University Institute of Social Communications (1, Universitetskaya St., bld. 4, 426034, Izhevsk, Russia; mihlen75@mail.ru)

УДК 316.362.1-055.52-055.62:159.9

В.Е. Павлова

ИНСТИТУТ РОДИТЕЛЬСТВА: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОТЦОВСТВА И МАТЕРИНСТВА

В статье рассматривается психологическая культура отцовства и материнства как особая форма культуры родительского поведения, которая может быть положена в основу согласования моделей родительства обоих супругов.

Ключевые слова: институт родительства, отцовство, материнство, семья, родительское поведение.

Мать чувствует себя счастливой, когда счастливы ее дети. Свое представление о будущей семье молодой человек выражает в словах: «Я хочу любить свою жену и своих детей». В ситуации развода, наоборот, страдают все: мать, отец, ребенок; и каждый из них переживает это по-своему. Сколько же туманного, сложного и многоаспектного скрывается в этом простом и обыденном слове «семья»?!

Семья представляет собой разноплановый социально-психологический и социокультурный феномен, привлекающий пристальное внимание представителей различных областей научного знания на протяжении всей истории развития человеческого общества. Исследование семьи имеет свою давнюю историю и разворачивается в культурно-историческом, философском, культурологическом, социологическом, психологическом контекстах.

В современном мире институт родительства, семьи претерпевает существенные изменения, обусловленные различными факторами. Глобализация и технологизация экономических и социокультурных условий жизни общества, активное вовлечение в этот процесс женщин ведет к переоценке родительских ролей и родительского поведения. В современном обществе наметилась тенденция построения частной жизни между мужчиной и женщиной в так называемых «гражданских браках», в которых женщина воспринимает себя «замужней», а мужчина свободным от брачных уз.

Появление в общественном сознании феномена «сильной женщины» ломает социокультурные стереотипы маскулинности – фемининности, вследствие чего и порождает образ «безвольного» мужчины, который не в силах обеспечить финансовое благополучие семьи. Еще М. Мид в своих антропологических исследованиях заметила, что фемининность – маскулинность, обусловленные непосредственной биологической природой человека, во многом отражают и образ жизни различных обществ [4, с. 42].

Низкий уровень культуры семейных взаимоотношений ведет сначала к рассогласованному взаимодействию супругов в разных сферах семейной жизни, а затем и к риску распада семьи.

Печальна и статистика разводов, в том числе и в российском обществе. По статистическим данным, в последнем десятилетии распадается каждая вторая российская семья и, что особенно настораживает, преимущественно молодые браки. В житейской психологии людей становится часто употребляемой шуточная фраза «Они женятся, чтобы развестись».

Совокупность обозначенных факторов неизбежно расширяет вариативность отцовского и материнского поведения и ведет к трансформации института родительства. В исследовании Т.А. Гурко наиболее полно представлен весь спектр отцовства и материнства в современных условиях жизни российского общества: появление семей с «эпизодическими», или «гостевыми», или «воскресными» родителями, возложивших функции по воспитанию ребенка на другого родителя или, например, на бабушек. Это – рост числа сводных семей, и соответственно, отчимов и мачех; расширение практики усыновления (удочерения) детей, в том числе не родственниками, увеличение числа родителей, лишенных родительских прав, а также количества приемных семей [2, с. 56].

Безусловно, подобные трансформации отцовства и материнства приводят к переоценке главной родительской ценности – ребенка, заботы о его воспитании и обучении, формировании самостоятельной и ответственной личности. Очевиден тот факт, что в современной семье нормой становится излишне ранняя псевдосамостоятельность ребенка, когда, начиная с раннего детства, между ребенком и взрослым оказываются компьютерные и цифровые технологии, заменяющие на последующих возрастных этапах реальный мир виртуальным, вытесняя из детства игровую деятельность, активное общение, взаимодействие и времяпровождение ребенка с родителями. Наряду с дошкольными учреждениями образования стало модным посещать всевозможные платные Центры детского развития. С одной стороны, обучение и воспитание в детском саду, а затем, как «вторая или вечерняя смена» – Центр развития, несомненно, более быстрыми темпами продвигают ребенка в его развитии. Но здесь возникает вопрос: «Не эксплуатируем ли мы хоть и гибкую, но нежную психику ребенка; не перекладываем ли мы, родители, в очередной раз свои непосредственные обязанности по семейному воспитанию детей на социальные институты?».

Эти и многие другие вопросы, касающиеся становления и развития семьи, супружеских отношений, семейного воспитания актуализируют проблему психологической культуры отцовства и материнства, высокий уровень развития которой может являться фактором успешного родительства в современных условиях развития российского общества.

Анализ исследований родительства указывает на многоаспектность и недостаточную изученность феномена «культура родительства». Как справедливо замечают российские исследователи, в частности, А.А. Крячко, феномен родительской культуры – это не только

зеркало народа, его самобытности, ценностей, обычаев и традиций, понимания обществом конкретной эпохи, личности, человеческих взаимоотношений, но также и отражение будущего этого народа [3].

В последние годы активизируется научный поиск по изучению психологической и педагогической культуры родителя. Так, в исследовании А.В. Гумницкой выявлено, что психологическая культура родителей подростков имеет тендерные различия, позитивно влияет на детско-родительские отношения и формирование таких личностных качеств детей, как позитивная самооценка и самоуважение; определено содержание психологической культуры отца и психологической культуры матери [1, с. 128].

С позиций системного и феноменологического подходов Р.В. Овчаровой разработана психологическая концепция родительства [5, с. 77]. Выделенные в данной концепции основные этапы формирования родительства могут быть успешно реализованы при создании педагогических условий развития психологической культуры отцовства и материнства в различных социальных институтах учреждений образования.

Таким образом, психологическая культура отцовства и материнства – это особая культура родительского поведения и семейных взаимоотношений: супружеских, детско-родительских, которая может быть положена в основу согласования моделей родительства обоих супругов.

© Павлова В.Е. Текст. 2017

Список источников

1. Гумницкая А.В. Психологическая культура в детско-родительских отношениях: дис. ... канд. психол. наук. – СПб., 2016. – 193 с.
2. Гурко Т.А. Брак и родительство в России. – М.: Институт социологии РАН, 2016. – 325 с.
3. Крячко А.А. Стратегии развития родительской культуры на пороге третьего тысячелетия: поиск оптимального подхода [Электронный ресурс]. URL: http://www.rojdestvo.ru/data/publish_pedag/publish_ped08.shtml
4. Мид М. Культура и мир детства. – М., 1988. – 134 с.
5. Овчарова Р.В. Психология родительства: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М: Академия, 2017. – 368 с.

Информация об авторе

Павлова Виктория Евгеньевна (РФ, Уфа) – студентка Уфимского государственного нефтяного технического университета института экономики и сервиса (Уфа, ул.Чернышевского 145, кв. 807, 450017).

Pavlova V.E

INSTITUTE OF PARTICIPATION: PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF PATERNITY AND MATERNITY

The article considers the psychological culture of fatherhood and motherhood, as a special form of culture of parental behavior, which can be the basis for the harmonization of the models of parenting both spouses.

Kew words: Institute parenthood, fatherhood, motherhood, family, parental behavior.

Information about the autor

Victoria Pavlova E. (Russia, Ufa) – a student of the Ufa state oil technical University, Institute of Economics and service (Ufa, 145 Chernyshevsky str., room 807, 450017).

НОВЫЙ ЭТАП СОКРАЩЕНИЯ РОЖДАЕМОСТИ: АНАЛИЗ, ПРИЧИНЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье анализируется падение рождаемости в регионе (Республике Башкортостан) в 2016 г., рассматриваются факторы, влияющие на уровень рождаемости. Исследованы приоритеты демографической политики в отношении рождаемости и пути их реализации.

Ключевые слова: факторы рождаемости, репродуктивное поведение населения, потребность в детях, демографическая политика.

При анализе данных Росстата по естественным показателям за 2016 год стало вполне очевидным, что в большинстве российских регионов наметился тренд на резкое падение рождаемости. В 1990-х гг. существенное влияние на демографические процессы, как и на все остальные сферы жизни российского населения, оказали социально-экономические особенности трансформационной российской экономики. В указанный период негативные изменения в социально-экономическом развитии страны привели к снижению уровня и качества жизни основной массы населения, к разрушению имевшейся системы традиционных семейных ценностей. Здравое оценивая социально-экономическую ситуацию, семьи стали сдерживать реализацию собственных репродуктивных намерений, сомневаясь в своих возможностях воспитать ребенка в условиях социально-экономического кризиса. Специфика репродуктивного поведения населения в условиях кризиса и система мер демографической политики в отношении рождаемости, ориентированной в направлении более полной реализации репродуктивного потенциала российских семей, ранее исследована нами в монографии «Особенности репродуктивного поведения населения в условиях трансформационной российской экономики» [8]. В заключительных положениях данного научной работы было отмечено, что при создании экономических условий, обеспечивающих достойный уровень жизни, россияне будут иметь более высокие репродуктивные установки, и что только грамотные меры демографической политики, согласованные с такими важными сферами социальной политики, как политика в сфере доходов и оплаты труда, образования, жилищного строительства, здравоохранения, занятости, культурной политики, молодежной, семейной, политики социальной защиты населения и т. д., способны снизить вероятность возникновения критической ситуации в воспроизводстве населения. К сожалению, в настоящее время мы наблюдаем ухудшение демографической ситуации.

В конце 2016 г. и в начале 2017 г., в соответствии с данными статистики по естественным показателям, стало очевидным, что в Республике Башкортостан, как и в большинстве российских регионов, наблюдается сокращение рождаемости. Казалось бы, новые меры материальной поддержки материнства и детства, действующие с января 2007 г., оказали стимулирующее воздействие и рождаемость стала повышаться. В чем же причины негативных тенденций в демографии по итогам 2016 года? Наибольшую тревогу вызывает снижение рождаемости, и именно этот процесс воспроизводства населения как демографическая проблема привлекает сегодня к себе огромное внимание.

В начале 2017 г. в СМИ самым обсуждаемым вопросом стала проблема падения рождаемости. На различных совещаниях подчеркивалось, что и без того низкий уровень рождаемости, не обеспечивающий простого воспроизводства населения, вновь начал существенно снижаться. Так, если в 2014 г. общий коэффициент рождаемости (ОКР) в Республике Башкортостан составил 14,8‰, в 2015 г. – 14,5‰, то в 2016 г. он опустился до 13,7‰, что на 5,5% меньше, чем в 2015 году. По данным Башстата, за январь-март 2017 г. ОКР составил 12,1‰, снизившись по сравнению с аналогичным периодом 2016 г. на 9,7 процентов.

Для ответа на вопросы, насколько неожиданным стало падение рождаемости и каковы ее перспективы, проанализируем, как в этот период складывались факторы рождаемости и репродуктивного поведения.

Как известно, фактический уровень рождаемости на той или иной территории и в тот или иной период времени и его динамика складываются под воздействием двух основных типов факторов: факторов демографической структуры (прежде всего – численности женщин в репродуктивном возрасте) и факторов репродуктивного поведения, т.е. тех решений, которые люди сами выбирают в отношении рождения детей.

После беспрецедентного сокращения рождаемости в середине 1990-х и начале 2000-х гг., с 2006 г. в Башкортостане началось ее повышение. В этот период в активном репродуктивном возрасте находились многочисленные поколения женщин, рожденных в середине 1980-х годов. Эти поколения постепенно выходят из репродуктивного возраста. Сокращение численности женщин репродуктивного возраста явление не внезапное. В таблице представлено фактическое и прогнозное снижение численности женщин репродуктивного возраста Республики Башкортостан относительно 2010 года¹.

Таблица

Снижение численности женщин репродуктивного возраста в Республике Башкортостан по отношению к 2010 г., факт и прогноз, чел.

Год		15-19 лет	20-24 лет	25-29 лет	30-34 лет	35-39 лет	40-44 лет	45-49 лет	15-49 лет
Факт	2013	-23635	-34950	8878	5898	2187	-8834	-26975	-77431
	2015	-31409	-60620	8843	14750	4795	-10235	-40028	-113904
	2016	-34053	-71391	4967	18608	6821	-10116	-43690	-128854
Прогноз	2013	-23694	-35474	8208	6074	2275	-8520	-26824	-77955
	2014	-26091	-49019	8015	10644	3949	-9587	-33967	-96056
	2015	-29921	-60662	6985	14176	5147	-9431	-39463	-113169
	2016	-32273	-71357	2950	17203	7298	-9252	-42660	-128091
	2017	-33623	-79032	-5126	20911	8879	-8344	-45355	-141690
	2018	-32441	-85719	-15725	24044	11125	-7592	-45899	-152207
	2019	-31458	-89172	-27284	22931	15162	-6079	-46524	-162424
	2020	-28685	-94434	-37017	21421	18067	-5023	-46050	-171721
	2025	-13663	-98234	-62219	-17378	21112	6515	-42451	-206318
	2030	1980	-87650	-53302	-38782	-16090	8027	-33150	-218967

Как видно из данных таблицы, численность женщин в возрасте 15-49 лет на начало 2013 г. по сравнению с 2010 г. должна была, по прогнозу, сократиться на 77955 человек, по факту – уменьшилась на 77431 чел., аналогично на начало 2016 г.: прогнозировалось уменьшение на 128091, в реальности снижение на 128854 женщины, т.е. прогнозные цифры практически совпали с фактическими. Мы видим, что согласно прогнозу Росстата в Башкортостане численность женщин в репродуктивном возрасте 15-49 лет будет ежегодно сокращаться и к 2030 г. данная категория уменьшится почти на 220,0 тыс. женщин.

В 2014 г. наибольшее число рождений приходилось на возрастные группы 25-29 лет (возрастной коэффициент рождаемости составил 129,0‰), 20-24 года (97,9‰), 30-34 года (89,9‰). В возрасте 20-24 года отрицательные темпы прироста женщин, и до 2030 г. их численность значительно сократится. В возрасте 25-29 лет, на который приходится наибольшее число рождений, численность женщин также снижается, и прогнозируется усиление данной тенденции. Численность женщин в возрастной группе 30-34 года, занимающей в 2014 г. третье место по количеству рождений, наоборот, пока увеличивается и начнет сокращаться с 2022 г., а особенно сильно с 2024 г., когда в данный возраст будет вступать малочисленное поколение 1990-1994 гг. рождения. На четвертом месте по числу

¹ В 2010 г. в Башкортостане впервые с 1995 г. общий коэффициент рождаемости поднялся до значения 14,0‰, вырос и суммарный коэффициент рождаемости.

рождений – возрастная группа женщин 35-39 лет, в которой отрицательные темпы прироста прогнозируются с 2029 года. Женщины в возрасте 18-19 лет на пятой позиции по рождаемости, и отрицательные темпы прироста данной возрастной группы относительно 2010 г. идут с 2011 г. и, по прогнозу, максимальными будут в 2022-2024 гг., с 2025 г. темпы сокращения замедлятся, так как в 2025 г. возраста 18-19 лет достигнут родившиеся в 2006-2007 гг., когда рождаемость стала расти.

Таким образом, исходя из анализа возрастной структуры и численности женщин в репродуктивном возрасте мы можем отметить, что падение рождаемости было ожидаемым, и российские демографы об этом предупреждали. Демографическая структура, как один из факторов уровня рождаемости, представляет собой условие, которое сегодня нельзя изменить.

Далее проанализируем, какое влияние в рамках государственной демографической политики оказывалось на второй фактор – репродуктивное поведение. И если демографическая структура населения сложилась и мы не можем ее изменить, то именно репродуктивное поведение выступает активным фактором, на который можно и нужно воздействовать со стороны государства.

В Концепции демографической политики Республики Башкортостан на период до 2025 года [5] определены приоритеты и основные направления демографической политики в области стимулирования рождаемости и укрепления семьи. В соответствии с указанной Концепцией была разработана Программа по улучшению демографической ситуации в Республике Башкортостан на 2008–2010 годы [6], основными целями которой являлись охрана здоровья матери и рождение здоровых детей, улучшение репродуктивного здоровья населения; повышение престижа института семьи. Для решения поставленных целей были определены задачи в плане улучшения условий жизнедеятельности семьи; укрепления семейно-брачных отношений; сохранения и улучшения репродуктивного здоровья населения, снижения младенческой и материнской смертности; совершенствования оказания специализированной помощи беременным женщинам и детям; обеспечения государственной поддержки семей с детьми; пропаганды духовно-нравственных и семейных ценностей.

Как же решались две задачи демографической политики, призванные повлиять на репродуктивное поведение населения с целью повышения уровня рождаемости: создание благоприятных условий жизни семьям для рождения и воспитания желаемого числа детей и формирование потребности семей в нескольких детях?

Социально-экономические трудности оказывают понижающее воздействие на рождаемость, поскольку происходит рост безработицы, снижаются доходы населения, сокращается финансирование на социальные выплаты, на здравоохранение, ухудшается уровень и качество жизни населения, появляется неуверенность в завтрашнем дне.

Уровень безработицы, по официальным данным [2], в 2016 г. в Республике Башкортостан составил 5,8 процента. Высокий уровень безработицы отмечается в возрастных группах 20-24 лет (9,0%), 25-29 лет (8,0%), 30-34 года (8,0%) [1], т.е. в наиболее благоприятном репродуктивном возрасте. Ситуация на республиканском рынке труда в целом соответствует среднероссийским тенденциям, а по оценке экспертов, реальный уровень безработицы в России вдвое выше официальных данных Росстата. В Башкортостане есть предпосылки к возникновению массовой безработицы [3]: ликвидируются организации, многие крупные предприятия сокращают работников или работают в режиме неполной занятости, уменьшают заработные платы, сворачивают социальные программы. В таких условиях происходит снижение реальных располагаемых доходов населения и ухудшение его материального положения. По результатам регулярного обследования бюджетов домохозяйств, проведенного в Башкортостане в 2016 г. [7], население отметило резкое ухудшение своего материального положения – четверть опрошенных можно отнести к категории «бедных». Общественная палата Башкортостана на основании собственного опроса пришла к выводу, что финансовое положение жителей республики значительно ухудшилось: 38,3% респондентов оценивают свое материальное положение как крайне

затруднительное. Для рождения и воспитания детей требуются денежные средства, поэтому если семья испытывает материальные трудности и при условии, что родительство осознанное и ответственное, то она вряд ли решится на деторождение, так как рождение каждого ребенка сокращает доход семьи и увеличивает расходы.

Большинство детей рождается в официально зарегистрированных брачных союзах, т.е. в семье. В августе 2015 г. утверждена Концепция семейной политики Республики Башкортостан на период до 2025 года, одной из основных задач которой является повышение ценности семейного образа жизни, сохранение духовно-нравственных традиций в семейных отношениях и семейном воспитании. Решение данной задачи предполагает меры, направленные на развитие семейных традиций, укрепление семейных ценностей и роли семьи в обществе и государстве; на пропаганду ценностей семьи с детьми и ответственного отцовства, материнства, на формирование позитивных образов отца и матери, на создание дополнительных образовательных программ подготовки молодежи к созданию семьи и семейным отношениям на основе позитивных семейных ценностей; на формирование ответственного отношения молодежи к браку и семье, старшему поколению, репродуктивному здоровью и образу жизни; на проведение семейных праздников, фестивалей и конкурсов на постоянной основе; на развитие мер стимулирования полных благополучных многодетных семей через организацию различных форм поощрения.

В 2015 г. на 1000 браков в Башкортостане пришлось 511 разводов. Процесс трансформации семьи в республике имеет как общие черты, характерные в целом для России и западных стран, так и свои специфические черты, связанные с историческими особенностями ее социально-экономического развития, со своеобразием в демографической, этнической структурах и иными условиями нашего региона. Негативные тенденции в брачно-семейных отношениях нарастают, свидетельствуя о том, что предложенные в Концепции семейной политики пути решения задачи по повышению ценности семейного образа жизни, сохранению духовно-нравственных традиций в семьях и семейному воспитанию не имеют практической реализации.

Как федеральные, так и региональные СМИ всех видов изобилуют публикациями антисемейной, антидетской, антигуманной направленности. Так, например, газета «Комсомольская правда», изначально созданная для освещения деятельности комсомола, молодежи, ее трудового, патриотического, культурного воспитания, научно-публицистического просвещения, сегодня практически все внимание уделяет освещению событий в других странах, светской хронике, жизни знаменитостей, происшествиям, различным домыслам, рекламе. Если в публикации речь идет о семье, то, как правило, обсуждаются интимные подробности семейной жизни, супружеская неверность, раздел детей и имущества; если о детях – то это либо проблемы детей-сирот, приемных детей, либо их гибель от внешних причин, в том числе от самоубийств и убийств собственными родителями, либо о жестокости по отношению к детям; если о родительстве – то это о матерях и отцах с асоциальным поведением, о неисполнении родительских обязанностей; если об образовании – то о низком качестве российского образования, о некомпетентности школьных учителей и вузовских преподавателей-взяточниках и т.д. Сможет ли такая информация сформировать положительное отношение к семье и детям?

Как известно, одним из резервов улучшения демографических показателей выступает поддержание репродуктивного здоровья населения. К сожалению, в Башкортостане отмечается рост гинекологических заболеваний, существенно увеличивается число семей, которые в результате как женского, так и мужского бесплодия нуждаются во вспомогательных репродуктивных технологиях.

Основная причина женского бесплодия – аборты, число которых в последние годы значительно сократилось, но, тем не менее, их уровень остается высоким, что можно объяснить значительным уровнем сексуальной свободы и современной практикой планирования рождения детей в семье, напрямую связанных с изменением системы ценностей и структуры потребностей. Как в России в целом, так и в Республике

Башкортостан нет стратегии контрацептивного поведения. Причины абортов кроются не только в сложных социальных и экономических условиях, но и в качестве государственного управления и практически полном отсутствии массового информационно-пропагандистского воздействия, которое могло бы выработать негативное отношение к абортам. Мужское бесплодие связано с увеличением частоты инфекционно-воспалительных заболеваний, влиянием вредных факторов окружающей среды, урбанизацией, широким и бесконтрольным применением лекарственных средств, увеличением распространенности аномалий развития половых органов и многими другими факторами. Таким образом, большое количество бесплодных браков становится не только медицинской, но и социально-демографической проблемой.

Коэффициент младенческой смертности в Башкортостане снизился в период с 2006 по 2016 гг. с 10,9 до 6,0‰. Согласно данным, представленным в Программе Республики Башкортостан «Развитие здравоохранения», среди основных причин младенческой смертности выделяются следующие: низкая диагностика внутрибольничных и внутриутробных инфекций среди новорожденных; высокий процент врожденных аномалий; внешние причины (случайное удушение и повреждения с неопределенными намерениями). Особое внимание следует обратить на то, что в малых городах и сельских районах республики показатели здоровья новорожденных детей хуже, чем в больших городах. В некоторых сельских районах в последние годы не было ни одного случая младенческой смертности, а в других, наоборот, этот показатель превышает среднее значение по республике.

В Башкортостане государственная поддержка семей с детьми оказывается в виде общих федеральных и дополнительных региональных выплат. В 2016 г. был приостановлен действующий порядок индексации выплат семьям с детьми, т.е. государство стало экономить на текущих детских выплатах. В современных кризисных условиях из соображений экономии предлагается адресный подход с учетом нуждаемости семей с детьми. На наш взгляд, система социальной поддержки семей с детьми должна развиваться в направлении усиления адресности предоставляемых мер и использования критериев нуждаемости и, вероятно, необходима разработка государственных мер помощи семьям с детьми в неденежной форме, поскольку нередко получаемые семьей «детские» деньги не доходят до детей и используются не по назначению.

В марте 2017 г. Глава Республики Башкортостан подписал указ «О дополнительных мерах по улучшению демографической ситуации» [4], согласно которому в целях поддержки молодых семей и повышения рождаемости в регионе устанавливается единовременная социальная выплата при рождении первого ребенка в размере 300 тыс. рублей на улучшение жилищных условий. Условия получения: признание семьи нуждающейся в жилом помещении; возраст каждого из супругов на момент рождения ребенка не превышает 35 лет; первый ребенок в такой семье рожден в период с 1 января 2017 г. по 31 декабря 2018 г.; семья должна иметь доходы, достаточные для приобретения (строительства) жилья либо для получения ипотечного кредита.

Нет сомнений, что любые меры стимулирования рождаемости важны и необходимы. Но, во-первых, с точки зрения концепций рождаемости и исследований репродуктивного поведения стимулировать надо рождение не первого ребенка, а второго и третьего. Первенцы, как правило, рождаются независимо от материальных и жилищных условий семьи, а вот рождение второго и последующих детей уже сдерживается материальными трудностями и отсутствием нормальных жилищных условий. Во-вторых, для стабилизации показателей рождаемости и их увеличения надо материально стимулировать не рождение, а рождение и воспитание и одновременно формировать потребность в детях, которая выступает одним из основных двигателей в динамике рождаемости.

В целом социальная, экономическая и политическая стабильность в стране, в регионах несравнимо эффективнее, чем материальное стимулирование рождаемости.

В заключение отметим, что если бы разработанные приоритеты демографической политики в отношении рождаемости реализовывались в полной мере, обновлялись с учетом демографических закономерностей, данных научных исследований, прогнозов и перспектив рождаемости, проводился качественный и регулярный мониторинг демографической ситуации, если бы в целом государственная демографическая политика исходила из комплексности и научного подхода, то нам не пришлось бы столкнуться с таким существенным снижением рождаемости в 2016 г. и с принятием в 2017 г. поспешных, поверхностных мер по повышению рождаемости, которые не учитывают самого главного – сокращение рождаемости является результатом принятия новых форм репродуктивного поведения, характеризующихся преднамеренными действиями супругов по ограничению деторождения после того, как в семье появилось определенное количество детей, и что снижение рождаемости – закономерный процесс, который определяется конкретными социально-экономическими условиями общества.

© Скрябина Я.А. Текст. 2017

Список источников

1. Безработица в Республике Башкортостан: пресс-выпуск №7-1-13/5 от 09.06.2016 г. [Электронный ресурс]. URL.: http://bashstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/bashstat/resources/20864c004d146b84b3a2f74fc772e0bb/pressbezrabot_2016.pdf
2. Итоги деятельности в 2016 году и задачи на 2017 год / Министерство труда и социальной защиты населения Республики Башкортостан. – Уфа, 2017. – С. 74.
3. К концу года безработных в Башкортостане может стать больше на 9 тысяч [Электронный ресурс]. URL.: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2328117>
4. О дополнительных мерах по улучшению демографической ситуации в Республике Башкортостан : Указ Главы Республики Башкортостан от 09.03.2017 г. № УГ-32 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Об утверждении Концепции демографической политики Республики Башкортостан на период до 2025 года : Указ Президента Респ. Башкортостан от 14 июля 2008 г. № УП-333 // Ведомости Гос. Собрания – Курултая, Президента и Правительства Респ. Башкортостан. – 2008. – № 15. – Ст. 900.
6. Об утверждении Программы по улучшению демографической ситуации в Республике Башкортостан на 2008-2010 годы : Указ Президента Республики Башкортостан от 25.12.2008 г. № УП-746 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Росстат заявил о «бедности» четверти населения Башкирии [Электронный ресурс]. URL.: <http://ufa.rbc.ru/ufa/05/05/2017/590c2a599a79474613e01c92>
8. Скрябина Я. А. Особенности репродуктивного поведения населения в условиях трансформационной российской экономики. – Уфа : БАГСУ, 2012. – 284 с.

Информация об авторе

Скрябина Яна Альбертовна (Россия, Уфа) – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории и социально-экономической политики Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан (450008, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 40. Тел. (347) 272-74-48, e-mail: skryana67@mail.ru)

Skryabina Ya.A.

A NEW PHASE OF FERTILITY DECLINE: ANALYSIS, REASONS, PROSPECTS

The article analyzes the drop in the birth rate in the region in 2016, examines the factors influencing the level of fertility. We investigated the priorities of the demographic policy of birth rate and ways to implement them

Key words: factors of fertility, reproductive behavior of the population, necessity in kids, demographic policy.

Information about the author

Skryabina Yana Albertovna (Russia, Ufa city, Candidate of Economic Sciences, associate Professor of economic theory and socio-economic policy, Bashkir academy of public administration and management under the Head of Republic Bashkortostan (450008, Ufa city, Zaki Validi str., 40. tel. (347) 272-86-64; e-mail: skryana67@mail.ru).

УДК: 314.06

С.Э. Сурина, А.П. Багирова

НАЛИЧИЕ ДЕТЕЙ КАК ФАКТОР РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

В статье приводятся результаты исследования результативности научной деятельности преподавателей высшей школы, имеющих и не имеющих детей до 14 лет. Анализ проведен по наукометрическим показателям. Выявлена более высокая результативность деятельности преподавателей, имеющих детей до 14 лет.

Ключевые слова: результативность, исследовательская деятельность, преподаватели, наукометрические показатели, родительский труд, профессиональный труд.

Родительский труд – это тот вид трудовой деятельности, который его субъект реализует, как правило, в сочетании с профессиональным трудом. Стратегии этого сочетания могут быть разными (параллельное, последовательное и смешанные формы) [1]. Совмещение профессионального и родительского труда может быть исследовано с точки зрения влияния, которое оказывает каждый из них друг на друга, поиска возможностей их оптимального совмещения и организации, значимости каждого из этих видов труда для субъекта этого труда и т.д.

Предметом нашего анализа выступает совмещение академического и родительского труда у преподавателей высшей школы. Академический и родительский труд имеют ряд характеристик, практически или полностью совпадающих. Это, например, характер труда, пронизывающий другие виды деятельности, значимость результата для общества, овладевающий, нескончаемый характер вовлеченности в трудовую деятельность, отсроченность результата труда во времени и другие [2]. Перечисленные признаки говорят об определенной степени сходства академического и родительского труда. Следовательно, их можно анализировать вместе, применяя в чем-то схожие методики изучения.

Отметим, что в последнее время в структуре академического труда увеличивается доля исследовательской составляющей. Для роста научного потенциала университеты вводят различные меры стимулирования результатов трудовой деятельности сотрудников. К таким мерам, например, относятся различные разрабатываемые университетами программы стимулирования НПП, а также эффективный контракт, степень выполнения которого измеряется различными наукометрическими показателями. К таким показателям, как правило, относится количество публикаций, отраженных в РИНЦ (за тот или иной период), число цитирований, индекс Хирша, публикации в базах международного научного цитирования Web of Science, Scopus и другие.

Целью нашего анализа было выявление взаимосвязи между результативностью исследовательского академического труда преподавателей (отражаемой наукометрическими показателями) и реализацией родительского труда. В поле нашего внимания попали только самые сложные стадии родительского труда, когда возраст детей не превышает 14 лет. Для анализа было выбрано одно из подразделений Уральского федерального университета. Из всех преподавателей мы сделали отбор и сформировали две группы: 1) преподаватели,

имеющие детей в возрасте до 14 лет; 2) преподаватели, не имеющие детей в возрасте до 14 лет, при этом сами находящиеся в возрасте не старше предельного возраста членов первой группы.

Исследование проводилось по четырем основным наукометрическим показателям, связанным с публикационной активностью и цитируемостью научных статей ученых в российской (РИНЦ) и зарубежных (Web of Science, Scopus) базах научного цитирования. В первой группе оказалось 24 преподавателя в возрасте от 30 до 53 лет, во второй группе – 27 преподавателей в возрасте от 27 до 53 лет. Среди всех преподавателей ученую степень имеют почти 73%, из них 84% кандидатов наук и 16% докторов наук. Причем 67% докторов, 48% кандидатов наук и 29% преподавателей без ученой степени имеют детей в возрасте до 14 лет. Небольшая численность групп предопределила необходимость использования для сравнительного анализа непараметрических критериев.

С помощью критерия Манна-Уитни мы обнаружили значимые различия в группах преподавателей, имеющих и не имеющих детей в возрасте до 14 лет, по двум показателям, взятым из российской базы научного цитирования: число цитирований и индекс Хирша. Сравнительный анализ показал, что в первой группе эти показатели значимо выше, чем во второй. Описательная статистика, рассчитанная по обеим группам, обнаружила, что такие показатели, как максимальное, среднее и медианные числа цитирований у преподавателей первой группы (преподаватели с детьми до 14 лет) очевидно выше таких же показателей второй группы; в процентах это превышение составляет 25, 200, 105 %%% соответственно. По индексу Хирша аналогичные показатели первой группы преподавателей также превышают показатели второй группы на 29, 54 и 25 %%% соответственно. Показатели описательной статистики двух групп преподавателей для наглядности изображены на рис. 1 и 2.

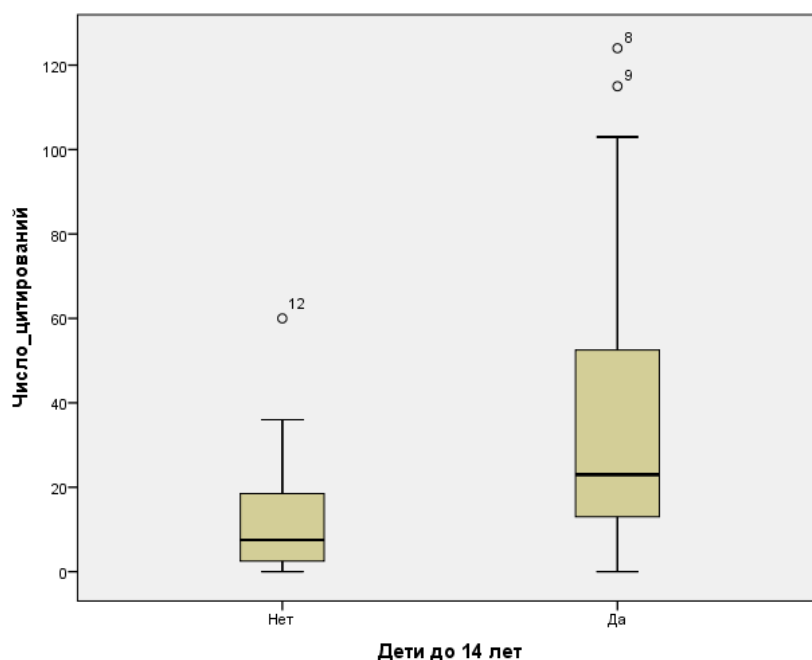

Рисунок 1. Ящичковые диаграммы по переменной «Число цитирований в РИНЦ»

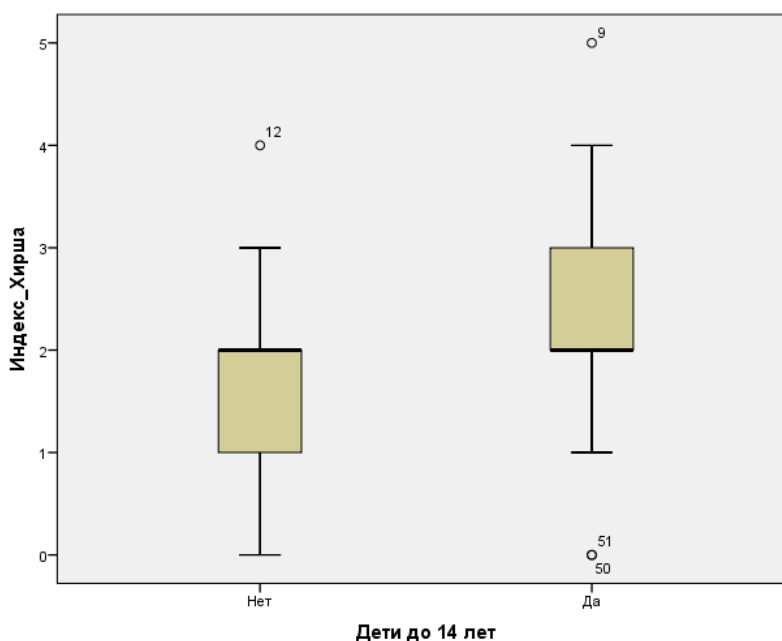

Рисунок 2. Ящичковые диаграммы по переменной «Индекс Хирша»

Анализ ящичковых диаграмм, представленных на рис. 1, показывает, что медианное значение числа цитирований у преподавателей второй группы равно 10, а первой – 30. Следовательно, преподаватели, имеющие детей до 14 лет, - более результативные в научном плане, нежели преподаватели, не имеющие таких детей. На рисунке видно, что распределение в обеих группах по числу цитирований далеко от нормального. При этом в группе преподавателей, имеющих детей, наблюдается существенно больший разброс значений анализируемого показателя, чем в группе неимеющих детей. Большинство преподавателей в обеих группах оказались в группе низких значений показателя.

Индекс Хирша, исследованный с помощью ящичковой диаграммы (рис. 2), показывает, что медианное значение этого показателя у преподавателей, имеющих и не имеющих детей до 14 лет, одинаково и равно 2. Однако, у преподавателей второй группы минимальное значение индекса равно 0, тогда как у первой группы преподавателей оно равно 1. Порог с высоким значением индекса тоже различен, эффективность преподавателей первой группы выше и составляет 4 единицы. В распределении индекса Хирша в группе преподавателей, имеющих детей до 14 лет, наблюдается положительная, правосторонняя асимметрия, в то время как во второй группе эта асимметрия становится отрицательной и левосторонней.

Реализованные статистические процедуры позволяют заключить, что результативность преподавателей, не имеющих детей в возрасте до 14 лет, более низкая, чем преподавателей, имеющих детей в возрасте до 14 лет. Это может объясняться более сильной внутренней мотивацией сотрудников с детьми, которая заставляет преподавателей стремиться улучшить свое материальное обеспечение, чтобы содержать, развивать, учить своего ребенка, удовлетворять свои и его потребности. Кроме того, возможная причина кроется в том, что активные люди проявляют свою активность в разных сферах жизнедеятельности – родительском труде, профессиональном труде, хобби, и т.д. В этом случае появление детей и необходимость заниматься их развитием не выглядит обузой, а, наоборот, дает возможность самореализовать себя в новой сфере, достигнув результатов и в ней. Наконец, еще одной возможной причиной обнаруженной дифференциации может быть то, что преподаватели, имеющие детей до 14 лет, эффективно распределяют свое время, что влияет на плодотворность рабочего дня в целом. Действительно, дети в возрасте до 14 лет требуют внимания, сил и времени больше, поэтому эффективное распределение времени для преподавателей с детьми очень важно для высокой продуктивности профессиональной работы в целом.

Список источников

1. Илышев А.М., Лаврентьева И.В. Стратегия включения репродуктивного труда в экономику России. – М.: Финансы и кредит, 2005. – 368 с.
2. Багирова А.П., Сурина С.Э. Преподаватели высшей школы как объект исследования проблем академического материнства: первые результаты анализ. В кн: Проблемы моделирования социальных процессов: Россия и страны АТР : материалы Второй всерос. научно-практич. конф. с междунар. участием, Владивосток, 7 – 8 декабря 2016 г. / [отв. ред. И.Г. Кузина] – Владивосток : Дальневост. федерал. ун-т, 2016. С. 38–39.

Информация об авторах

1. Сурина Снежана Эдуардовна (Россия, Екатеринбург) – магистрант, УрФУ (г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 13 «Б», s.e.surina@urfu.ru).
2. Багирова Анна Петровна (Россия, Екатеринбург) – д.э.н., к.с.н., профессор, УрФУ (г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 13 «Б», a.p.bagirova@urfu.ru).

Surina S.E., Bagirova A.P.

AVAILABILITY OF CHILDREN AS A FACTOR OF PERFORMANCE OF RESEARCH ACTIVITY OF UNIVERSITY PROFESSORS

The article presents the results of research on the effectiveness of scientific activity of teachers of higher education, who have not reached the age of 14 years. The analysis was carried out using scientific metric indicators. The higher effectiveness of the teachers' work is revealed, there are children under 14 years old.

Keywords: efficiency, research activity, teachers, scientometric indicators, parental labor, professional work.

Information about authors

Surina Snezhana Eduardovna (Russia, Yekaterinburg) - master student, UrFU (Ekaterinburg, Lenin Ave., 13 «B», s.e.surina@urfu.ru).

Bagirova Anna Petrovna (Russia, Yekaterinburg) - Doctor of Economic Sciences, Ph.D., Professor, UrFU (Ekaterinburg, Lenin Ave., 13 «B», a.p.bagirova@urfu.ru).

УДК: 314.06

Г.В.Талалаева, С.А. Воложенин, Д.В. Яшин

ТАЙМ-МЕНЕДЖМЕНТ КАК ФАКТОР РЕПРОДУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ И ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА

С позиций демографической безопасности составлен сценарий ожидаемого репродуктивного поведения студентов, рожденных в 2000-е годы. Респонденты планируют простой тип воспроизводства, отложенное родительство (на 7 и более лет); около трети характеризуются замедленной скоростью индивидуального времени.

Ключевые слова: демографическая безопасность, индивидуальное время, репродуктивное поведение

Вступление в репродуктивный период поколения, рожденного в лихие 90-е годы, когда был зарегистрирован «русский крест» и наблюдалось существенное снижение рождаемости, создает предпосылки для перехода демографических показателей России на нисходящую фазу очередной волны демографического процесса. В этих условиях в среднесрочной перспективе пополнение рабочей силы регионов страны и поддержание их человеческого потенциала на конкурентоспособном уровне закономерно связывается с

активизацией миграционных процессов. Решая тактические задачи пополнения рынка труда, открытая миграционная политика в стратегическом плане может сформировать новую демографическую угрозу, а именно: формирование гибридной нации с выводом ее из-под контроля существующих институтов власти и дестабилизацией социально-экономической ситуации в регионах. Для эффективного менеджмента территориями в обозначенных обстоятельствах важно оценить характер ожидаемого репродуктивного поведения коренных жителей территорий, принимающих основной поток трудовых мигрантов. Соотнося между собой важность решения тактических и стратегических задач по обеспечению демографической безопасности региона, мы сочли необходимым измерить скорость биосоциального времени респондентов, предполагая, что этот показатель может иметь различные значения как внутри группы при однократных замерах, так и меняться со временем в зависимости от фазы экономических циклов развития региона.

Возможность нелинейного течения времени у лиц стрессированных общностей, относительность биосоциального времени в переходные стадии развития экономики показаны в психофизиологических и демографических исследованиях.

Примером таких исследований является работа [1], выполненная на примере жителей Свердловской области на рубеже 2000-х гг. В ней показано, что под влиянием военного стресса у мужчин 50-70-х гг. рождения, а также у рожденных в 80-е гг. во время реформ периода перестройки, регистрируется ускорение биологического времени и раннее старение в сравнении со средними популяционными значениями с достоверным превышением биологического возраста выше стандарта, рассчитанного для данной возрастной когорты.

Описанные клинические наблюдения подтверждаются экспериментальными данными украинских геронтологов [2], которые показали, что экологический стресс приводит к модификации биологического времени стрессированной особи, обнаруживая при этом половые различия в эффектах влияния на продолжительность жизни и репродуктивные возможности стрессированных сообществ. У самок экологический стресс приводил к увеличению скорости биологического времени и повышению биологического возраста; у самцов вызвал разнонаправленные (бифуркационные) модификации (ускорение или замедление) в зависимости от режима неблагоприятных факторов.

Косвенным доказательством нелинейности и гетерогенности биологического времени в стрессированных общностях являются исследования зарубежных специалистов в области экономической демографии, которые с помощью классификационных систем VALS2 и ACORN установили наличие определенных взаимоотношений между индивидуальной скоростью восприятия социально-экономических инноваций и рядом показателей, значимых с точки зрения демографической безопасности; в частности, таких как лояльность государственной власти, уровень потребления социальных благ, качество жизни, реализуемые модели брачного и репродуктивного поведения [3].

Однако в доступной нам литературе мы не нашли исследований, посвященных стратификации ожидаемых моделей репродуктивного поведения современной студенческой молодежи в зависимости от скорости их индивидуального биосоциального времени. Данный факт побудил нас провести пилотное исследование в названном направлении. При этом мы сочли необходимым принять во внимание, что изменение скорости индивидуального времени может провоцироваться не только объективным наличием во внешней среде неблагоприятного экологического фактора, но и субъективным восприятием текущей ситуации как угрожающей и стрессогенной [4].

Соединение в едином исследовании социологического и психофизиологического тестирования, на наш взгляд, целесообразно с точки зрения уточнения степени гетерохронности обследованных респондентов и определения доли респондентов, способных и неспособных эффективно ускорить свои репродуктивные планы под влиянием мероприятий демографической политики социального и экономического характера. При постановке этого вопроса мы исходили из того положения, что институт материнского капитала не всегда приводит к качественному повышению человеческого капитала

промышленного региона, хотя и увеличивает число рождений в территории. Нельзя исключить, что рождением второго ребенка на введение в практику материнского капитала в первую очередь откликаются те семейные пары, биосоциальное время которых замедлено по сравнению со средними региональными значениями данного показателя. Однако, сформулированное предположение в настоящее время носит характер гипотезы и нуждается в дополнительной аргументации.

Осуществляя поиск адекватного дизайна научно-исследовательской работы, направленной на решение указанной задачи, мы провели пилотный социологический опрос среди двух групп студентов уральских вузов. Первую группу респондентов составили курсанты и слушатели Уральского института ГПС МЧС России, факультета пожарной и техносферной безопасности (платной и бюджетной форм обучения); вторую – бакалавры и магистранты Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, обучающиеся по направлению подготовки «Государственное и муниципальное управление».

Методика исследования включала специально разработанную анкету, в которой в формате открытых вопросов респонденты отражали свой взгляд на планируемое ими репродуктивное и миграционное поведение, перечисляли в порядке личной значимости факторы, способные повлиять на реализацию намеченных ими планов.

Социологический блок исследования был дополнен психофизиологическим блоком. В режиме онлайн была осуществлена оценка текущего функционального состояния респондентов по тесту САН (самочувствие, активность, настроение) и измерена продолжительность индивидуальной минуты, отражающая эффективность адаптивных реакций и их направленность во времени (с преимущественной ориентации на прошлые и/или будущие события) [5, 6].

Установлено, что лица, обучающиеся в ведомственном вузе (Уральском институте ГПС МЧС России), декларируют более однотипные модели репродуктивного поведения, чем студенты федерального университета. Из всех опрошенных респондентов ведомственного вуза лишь один утверждал, что намерен иметь семерых детей; остальные выразили желание иметь двух детей. В ответах студентов университета количество желаемых детей варьировало от одного до трех; при этом число респондентов, высказавшихся в пользу одного ребенка и трех детей, было незначительно и суммарно составило менее четверти опрошенных (23,4 %).

Анализ совокупности ответов позволяет утверждать, что поколение сегодняшних студентов уральских вузов, рожденных на рубеже XX-XXI веков, выбрало для себя сценарий двухдетной семьи, что позволяет прогнозировать сохранение простого типа воспроизводства среди инженерной и управленческой элиты Урала в среднесрочной перспективе.

Достаточно однородные ответы на вопрос о планируемом сценарии родительского поведения может указывать на две прямо противоположные гипотезы. Первая заключается в том, что опрошенные являются однородной группой по генетически присущим им стратегиям воспроизводства и поэтому демонстрируют однотипные ответы. Вторая гипотеза состоит в том, что групповое сознание респондентов, сформированное под влиянием мощной и однонаправленной пропаганды двухдетной семьи, представляет собой результат эффективной демографической политики, которая нивелирует биосоциальное разнообразие программ репродуктивного поведения, генетически заложенного на популяционном уровне.

Принятие как первой, так и второй точки зрения может упростить ситуацию и привести к ошибочному суждению об отсутствии объективной необходимости дифференцировать демографическую политику в регионе в соответствии с реальными биосоциальными репродуктивными резервами уральской молодежи. Недоучет сложности причин, приводящих к неэффективной реализации демографического поведения молодежи, особенно ее репродуктивного поведения, чреват возникновением новых демографических угроз в регионе. Именно поэтому важно не только составить реестр декларируемых моделей

ожидаемого репродуктивного поведения молодежи, но и количественно измерить его индивидуальные и групповые биосоциальные резервы.

На наш взгляд, количественно измерить резервы биосоциальной адаптации и внутренних резервов, которые могут быть использованы для реализации репродуктивных устремлений, позволяет тест САН. Результаты проведенного нами тестирования показали, что у большинства респондентов (72,8 %) уровень самочувствия, активности и настроения находится в пределах средних значений. У части опрошенных (18,6 %) зарегистрированы низкие значения теста САН. Полученные данные свидетельствуют об ограниченных резервах биосоциальной адаптации у большинства опрошенных, что вызывает сомнения в успешной возможности реализации ими дополнительной нагрузки по организации многодетной семьи и осуществлению в полной мере всех забот по самостоятельному выполнению ответственного родительства.

Результаты измерения скорости биосоциального времени респондентов, выполненные с помощью определения продолжительности индивидуальной минуты, свидетельствовали о наличии среди респондентов трех качественно разных функциональных типов: с нормальным, замедленным и ускоренным течением биосоциального времени.

Доля респондентов, имеющих значения индивидуальной минуты, равные ее астрономическому эквиваленту, составила 39,2 %.

Примечательно, что среди гражданских лиц, обучающихся в ведомственном вузе, этот показатель был ниже и равнялся 25,0 %, что являлось минимальными значениями в сравнении как с курсантами данного вуза, так и с гражданскими студентами Уральского федерального университета.

Наибольшие значения (45,9 %) этот показатель достигал в группе курсантов, находящихся на казарменном положении и проходящих обучение в режиме текущих нагрузок без интенсивных профессиональных тренировок.

Укорочение величины индивидуальной минуты и, следовательно, ускорение биологического старения отмечено у 32,7 % респондентов. Данный феномен реже встречался среди курсантов, находящихся на казарменном положении без интенсивных специальных тренировок (25,3 %), и чаще – среди гражданских студентов (60,0%).

Приведенные факты позволяют сформулировать два важных вывода, имеющих значение для оптимизации демографической политики в регионе:

1) студенческая молодежь Урала является неоднородной общностью по эффективности биосоциальной адаптации, индивидуальной скорости биологического времени и, следовательно, готовности к ответственному родительству;

2) доля лиц с ускоренным процессом старения колеблется от 25,3 до 60,0 % опрошенных и варьирует в зависимости от социального статуса респондентов (выбранной профессии, формы обучения и организации быта).

Заключение: полученные данные расценены нами как хронобиологическая неоднородность респондентов и дают основания для совершенствования демографической политики в регионе, в том числе для разработки адресной и персонифицированной поддержки студенческой семьи при осуществлении ею ответственного родительства.

© Талалаева Г.В., Воложенин С.А., Яшин Д.В. Текст. 2017

Список источников

1. Звездина Е.М., Ключкина Ю.Е., Берсенева В.Ю. Биологический возраст жителей горных территорий (на примере Среднего Урала) // Биота горных территорий : история и современное состояние: Материалы конференции молодых ученых, 15-19 апреля 2002 г.; ИЭРиЖ УрО РАН. – Екатеринбург: Издательство Академкнига, 2002. – С. 68-70.

2. Кошель Н.М., Вайсерман А.М., Савинова В.А., Войтенко В.П. Температурные модификации радиационного эффекта // Биологические эффекты малых доз радиации и радиоактивное загрязнение среды: Тезисы докладов международной конференции

(Сыктывкар, Республика Коми, Россия, 20-24 марта 2001 г.). – Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН, 2001. – С. 17-18.

3. Саградов А.А. Экономическая демография: учеб.пособие. – М.: ИНФРА-М, 2005. – 256 с.

4. Головаха Е.И., Кроник А.А. Психологическое время личности. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Смысл, 2008. – 267 с.

5. Определение индивидуальной минуты [Электронный ресурс]. URL: <https://medn.ru/statyi/diagnostika/opredelenie-individualnoy-minutyi.html> (дата обращения: 07.05.2017).

6. Свищева И.А., Олемпиева Е.В., Ходарев Н.В. Индивидуальная минута как скрининг-метод в оценке реабилитации лиц опасных профессий // Здоровье и образование в XX веке. 2012. Т.14. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://m.cyberleninka.ru/article/n/individualnaya-minuta-kak-skrining-metod-v-otsenke-reabilitatsii-lits-opasnyh-professiy> (дата обращения: 07.05.2017).

Информация об авторах

1. Талалаева Галина Владленовна (Россия, Екатеринбург) – доктор медицинских наук, профессор, ФГБОУ ВО «Уральский институт ГПС МЧС России» (620062, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 22; e-mail: gvatalal@mail.ru).

2. Воложенин Сергей Анатольевич (Россия, Екатеринбург) – курсант 3-го курса факультета техносферной безопасности, ФГБОУ ВО «Уральский институт ГПС МЧС России» (620062, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 22; e-mail: gvatalal@mail.ru).

3. Яшин Денис Владимирович (Россия, Екатеринбург) – курсант 3-го курса факультета техносферной безопасности, ФГБОУ ВО «Уральский институт ГПС МЧС России» (620062, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 22; e-mail: gvatalal@mail.ru).

Talalaeva G.V., Volozhenin S.A., Yashin D.V.

TIME-MANAGEMENT AS A FACTOR OF REPRODUCTIVE BEHAVIOR OF YOUTH AND DEMOGRAPHIC SECURITY OF THE REGION

From the perspective of demographic security, a scenario of the expected reproductive behavior of students born in the 2000s was compiled. Respondents plan a simple type of reproduction, deferred parenthood (for 7 or more years); About a third are characterized by a slowed down rate of individual time.

Keywords: demographic security, individual time, reproductive behavior.

Information about the authors

1. Talalaeva G.V. (Russia, Ekaterinburg) – Doctor of Medicine, Professor at the Life Safety Departmentprofessor, Ural Institute of State Fire Service of EMERCOM of Russia, e-mail: gvatalal@mail.ru.

2. Volozhenin S.A. (Russia, Ekaterinburg) – cadet, Technospheric Security Department, Ural Institute of State Fire Service of EMERCOM of Russia, gvatalal@mail.ru

3. Yashin D.V. (Russia, Ekaterinburg,) – cadet, Technospheric Security Department, Ural Institute of State Fire Service of EMERCOM of Russia, e-mail: gvatalal@mail.ru

ВЛИЯНИЕ ДИСТАНЦИОННОЙ ЗАНЯТОСТИ ЖЕНЩИН НА РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА РОДИТЕЛЬСТВА

В статье представлены результаты пилотного социологического исследования (г. Екатеринбург, апрель 2017 г.). Цель исследования – выявление степени влияния распространения дистанционной женской занятости на институт родительства, на репродуктивное поведение женщин. Актуальность проблемы подтверждена.

Ключевые слова: институт родительства; репродуктивное поведение; дистанционная занятость; женская занятость.

Современное общество находится в кризисном состоянии в различных плоскостях, в том числе в сфере брачных, семейных и родительских отношений. По данным статистики, суммарный коэффициент рождаемости в расчете на одну женщину за последние годы имеет тенденцию к росту (1,691 в 2012 г.; 1,777 в 2015 г.) [1], однако возможность перехода российского общества с суженного типа воспроизводства населения на расширенный – вопрос отдаленной перспективы. Исследователи отмечают усиление автономности, независимости развития и функционирования институтов брака, семьи и родительства [2]. Рост разводимости, гражданских, гостевых браков, бессемейных родителей свидетельствует о формировании новых социальных установок, норм поведения. Ряд исследователей считает, что родительство сегодня можно рассматривать как отдельный социальный институт [3]. Изучение его функций и структуры, а также факторов, определяющих особенности его функционирования, позволит по-новому осмыслить политику в области рождаемости, оценить эффективность существующих инструментов формирования установок на многодетность, усилить адресность социальных программ в области поддержки материнства.

В классической теории рынка труда женщины традиционно выделяются в качестве социально незащищенной категории субъектов, в отношении которых следует применять особые административные регламенты, программы в области поддержки занятости. По мнению работодателей, что подтверждается результатами многих исследований, действительно, конкурентоспособность женского труда значительно ниже мужского. Работодатели объясняют свои предпочтения в выборе мужчин – кандидатов на свободные вакансии более низкой производительностью труда у женщин: тем, что женщины менее мужчин замотивированы на достижение высоких результатов в своей работе, на самореализацию в трудовой деятельности в связи с наличием у большинства из них других жизненных приоритетов, направленных на семью и воспитание детей. Однако современный рынок труда становится все более гибким, появляются нестандартные формы занятости, такие как: дистанционная занятость (выполнение трудовой функции дома, обмен информацией, отчетность по Интернету); самозанятость в сфере производства на дому потребительских товаров класса «хендмэй», реализация этой продукции через социальные сети (новая форма самозанятости); фриланс и другие.

Перечисленные формы занятости весьма гармонично сочетаются с рождением и воспитанием детей. Женщина с малолетними детьми, работающая дома дистанционно, имеет возможность самостоятельно регулировать график работы и время занятости, приобрести финансовую самостоятельность. По нашей рабочей гипотезе, дальнейшее распространение дистанционной занятости может отразиться на функционировании института родительства и привести к следующим последствиям: сохранение тенденции роста неполных семей (мать – дети); женщины чаще будут принимать решение о материнстве независимо от наличия семейных и брачных отношений; увеличение рождаемости. Представленная гипотеза нуждается в проверке. Посмотрим на данные официальной статистики (табл. 1).

Уровень занятости и безработицы женщин, имеющих детей
дошкольного возраста (0-6 лет), % [1]

2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015*	2016	Темп роста 2016/2009
Уровень занятости								
62,8	63,3	63,6	65,1	63,7	64,0	64,0	64,9	103,3
Уровень безработицы								
8,4	7,8	7,5	6,6	6,4	5,8	6,4	6,9	82,1

* Начиная с 2015 г. данные приведены с учетом сведений по Республике Крым и г. Севастополь.

За семилетний период прослеживается следующая тенденция. Уровень занятости в группе женщин, имеющих детей дошкольного возраста, вырос на 3,3%. Отметим, что 2016 и 2009 годы относятся к кризисным периодам российской экономики, когда общий уровень безработицы был высок. Одновременно с ростом занятости отмечается значительное снижение уровня безработицы среди женщин с малолетними детьми – на 17,9%. Какие факторы оказали влияние на представленные тренды, однозначно сложно сказать, возможно, в том числе повлияло распространение дистанционной занятости женщин. В нашем исследовании мы поставили цель подтвердить или опровергнуть наличие влияния развития дистанционных форм занятости на институт родительства, а точнее, на мотивацию женщин к деторождению.

В качестве основного метода исследования выбран анкетный опрос. Объектом исследования и генеральной совокупностью являются женщины детородного возраста. На первом этапе исследования автором разработан и апробирован социологический инструмент (анкета). Пилотное исследование проводилось в Екатеринбурге в апреле 2017 года. Совокупность респондентов сформирована случайным образом. Сложившаяся в муниципальном образовании возрастная структура женщин, структура по количеству имеющих детей и состоянию в браке не выдерживались, так как в качестве задач пилотного опроса было поставлено: получение предварительных данных о целесообразности дальнейших исследований и планирование его следующих этапов; апробация анкеты (проверка ее качества); определение размера и структуры выборки в будущем исследовании.

Опрошено 80 женщин детородного возраста (от 18 до 45 лет). Респондентам предлагалось оценить ясность, понятность вопросов с целью дальнейшей корректировки анкеты. Структура респондентов пилотного исследования представлена на рисунках 1 и 2.

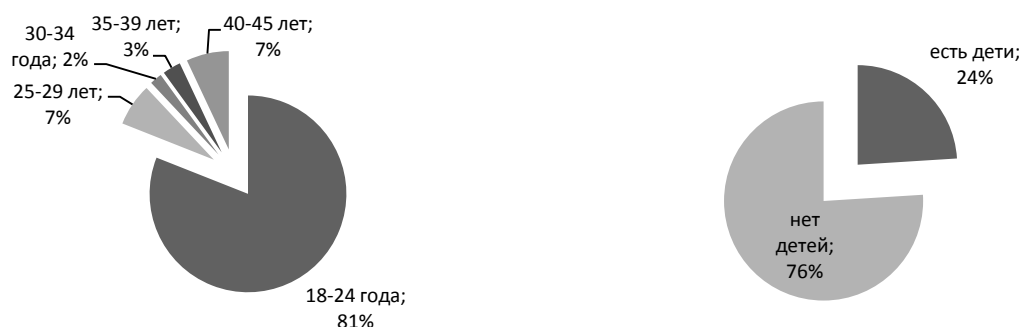

Рис. 1. Структура респондентов по возрасту и наличию детей, %

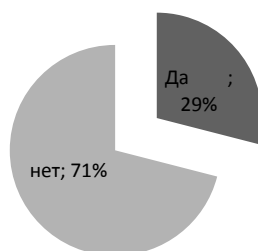

Рис. 2. Структура респондентов, ответивших на вопрос «Вы замужем?»

Преобладание не состоящих в браке связано с тем, что опрошены в основном женщины от 18 до 24 лет, в настоящее время возрастной период вступления в брак изменился и сдвинулся в более старшие возрастные группы, отмечается переход на европейскую модель семейного поведения.

В группе женщин, имеющих детей, доля женщин с детьми дошкольного возраста составила 57%, из них по одному ребенку – у 71% опрошенных, остальные имеют двоих детей. При ответе на вопрос «Кто глава в Вашей семье?» женщины-мамы указывали себя только в том случае, если они незамужем (21% от числа женщин, имеющих детей). Замужние женщины-мамы традиционно главой семьи называли мужа – 64% , оставшиеся 36% указали, что все решения в семье принимаются совместно, себя главой семьи никто не считает.

Распределение ответов респондентов на вопрос о наличии и форме занятости приведено в таблице 2.

Таблица 2

Структура ответов респондентов на вопрос об их занятости, %

Варианты ответов	Всего	В том числе в группе женщин	
		имеющих детей	бездетных
Домохозяйка	12	50	0
Работаю (полная занятость)	56	36	62
Работаю (частичная занятость, неполный рабочий день)	19	7	22
Не работаю	14	7	16
Итого	100	100	100

Представленные результаты выявили влияние на принятие женщиной решения работать (не работать) ее семейного положения и наличия детей. На прямой вопрос «Зависит ли Ваше решение работать от наличия детей?» около трети респонденток ответили утвердительно. Более половины женщин, имеющих детей, в настоящее время не работают, 7 % заняты неполный день. Бездетные женщины в основном незамужем и заняты полный рабочий день, хотя и среди них уровень малозанятости достаточно высок (22%). Из числа работающих женщин, имеющих детей, 17% работают дистанционно, уровень дистанционной занятости в группе бездетных женщин составил примерно такое же значение.

Интересные результаты получились при обработке ответов на вопрос «Хотели бы Вы совмещать воспитание детей и домашние дела с работой?» (табл. 3).

Таблица 3

Структура ответов на вопрос о желании совмещать работу с трудом по воспитанию детей, %

Варианты ответов	Всего	В том числе в группе женщин:	
		имеющих детей	бездетных
Да	53	71	47
Нет	24	14	27

Затрудняюсь с ответом	24	14	27
Итого	100	100	100

Бездетные женщины, в основном работающие, в меньшей степени предпочли бы работать при наличии детей, чем женщины, уже их имеющие. Часть женщин-матерей скорее всего не удовлетворена в полной мере своей жизненной ситуацией, так как выявлена значительная разница между желанием работать и фактическим уровнем занятости в данной группе респондентов. Хотят работать 71%, а фактически заняты – 43%. Именно этим женщинам, скорее всего, будет интересно предложение в сфере дистанционной занятости, однако требуемыми компетенциями для выполнения дистанционной работы обладают не все «мамочки».

В ходе пилотного опроса был задан достаточно традиционный вопрос, который имеет целью выяснение репродуктивных намерений населения, количества желаемых детей (числа детей, которое женщина предпочла бы иметь, исходя из собственных склонностей, без учета конкретных жизненных обстоятельств). Результаты ответов представлены в таблице 4.

Таблица 4

Желаемое число детей, структура ответов респондентов, %

Варианты ответов	Всего	В том числе в группе женщин:	
		имеющих детей	бездетных
Не хочу иметь детей	2	-	2
Один	2	-	2
Два	64	57	67
Три	22	21	22
Больше трех	2	-	2
Затрудняюсь ответить	8	22	4
Итого	100	100	100

Полученные данные коррелируются с опубликованными результатами исследований Всероссийского центра изучения общественного мнения, которые проводились в период с 1991 по 2000 годы [4]. Можно сделать вывод о стабильности репродуктивных намерений российских женщин.

В пилотном проекте женщинам задавался вопрос: «При каких условиях Вы бы хотели иметь трех детей (возможно больше)?». Структура ответов представлена в таблице 5).

Таблица 5

Субъективные условия формирования многодетной модели репродуктивного поведения, %

Варианты ответов	Всего	В том числе в группе женщин:	
		имеющих детей	бездетных
Ни при каких	27	29	27
При условии наличия мужа-кормильца (быть домохозяйкой)	42	21	49
При наличии возможности неполной занятости у работодателя	10	7	11
При наличии возможности работать дома (дистанционно)	14	21	11
Затрудняюсь ответить	7	21	2
Итого	100	100	100

Больше трети опрошенных женщин не готовы стать многодетными матерями ни при каких условиях. Однако 42% допускают возможность создания многодетной семьи, если ее будет содержать муж, а они приобретут статус домохозяйки. В группе женщин, имеющих детей, представления о семейной жизни более реалистичны, на мужа-кормильца рассчитывают в 2 раза меньше женщин по сравнению с бездетными дамами, не состоящими

в браке. Состоявшиеся матери в основном рассчитывают на себя и в качестве условий возможной многодетности отмечают нестандартную занятость: неполную занятость у работодателя (7%) или дистанционную занятость (21%). Отметим, что дистанционную занятость, как условие рождение трех (возможно более) детей, женщины с детьми выбрали в 2 раза чаще, чем бездетные. Наша гипотеза о возможном влиянии распространения дистанционной занятости на изменение института родительства подтвердилась.

Влияние социально-экономических факторов на институт родительства, в частности, наличие возможности совмещать работу и воспитание детей, подтверждено ответами на вопрос «При каких условиях Вы бы родили ребенка без поддержки мужа (отца ребенка)?», который задавался женщинам, не состоящим в браке и не имеющим детей (табл. 6).

Таблица 6

Субъективные условия готовности родить ребенка без вступления в брак, поддержки мужа (отца ребенка)

Варианты ответов	Структура ответов женщин, не состоящих в браке, не имеющих детей, %
Ни при каких	39
Если это произойдет случайно	12
Если после 35 лет я буду еще незамужем	14
Если у меня будет возможность в отпуске по уходу за ребенком работать дома (дистанционно)	20
Другие	4
Затрудняюсь ответить	10
Итого	100

20% женщин указали в качестве условий принятия решения о самостоятельном воспитании ребенка, не состоя в семейных, брачных отношениях с мужчиной, – «возможность в отпуске по уходу за ребенком работать дома дистанционно».

Таким образом, пилотный проект подтвердил актуальность дальнейшего продолжения исследований в области выявления характера и степени влияния распространения дистанционной занятости среди женщин на институт родительства, на изменение репродуктивного поведения женщин. Практическая ценность дальнейшей разработки темы может заключаться в разработке механизмов стимулирования рождаемости, адресных государственных социально-экономических программ в области поддержки материнства путем содействия женской дистанционной занятости.

© Тонких Н.В. Текст. 2017

Список источников

1. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/motherhood/#, свободный
2. Вагнер А. Прекаризация и атипичная занятость женщин и мужчин в Германии и Европе [Электронный ресурс]. URL: <http://www.library.fes.de/pdf-files/bueros/ukraine/10924.pdf>, свободный
3. Шрайбер А.Н. Социальные факторы родительской деятельности в муниципальных образованиях Алтайского края // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. – 2014. – № 3 (113). – С. 175-180.
4. Бодрова В. Сколько детей хотят иметь россияне? // ДемоскопWeekle. № 81-82. 23 сентября – 6 октября 2002 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2002/081/tema01.php>, свободный

Информация об авторе

Тонких Наталья Владимировна (Россия, Екатеринбург) – кандидат экономических наук, доцент, ФБГОУ ВО «Уральский государственный экономический университет» (620219, г. Екатеринбург, ул.8-е Марта, 62; e-mail:nvvorob1@mail.ru); старший научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН (620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail:nvvorob1@mail.ru).

Tonkikh N.V.

INFLUENCE OF REMOTE EMPLOYMENT OF WOMEN ON DEVELOPMENT OF INSTITUTE OF A RODITELSTVO

Results of pilot sociological research (Yekaterinburg, April, 2017) are presented in article. A research objective – identification of extent of influence of distribution of remote female employment on institute of a roditelstvo, on reproductive behavior of women. Relevance of a problem is confirmed.

Keywords: institute of a roditelstvo; reproductive behavior; remote employment; female employment.

Information about the author

Tonkikh Natalia (Russia, Yekaterinburg) – candidate of Science, associate professor of Labour Economics and Personal Management Department, Ural State University of Economics (62, 8th of March Str., 620219, Yekaterinburg, Russia; e-mail:nvvorob1@mail.ru); senior research associate of Institute of Economics Ural Branch of Russian Academy of Sciences (620014, Russia, Yekaterinburg, Moskovskaya St., 29; e-mail:nvvorob1@mail.ru)

УДК 316.3, 316.35.

Л.В. Шелуханова

ДЕТИ КАК ИНВЕСТИЦИОННЫЙ АКТИВ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СЕМЬИ (В ТЕРМИНАХ КОНЦЕПЦИИ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА)

В данной статье интерес автора направлен на рассмотрение инвестиций родителей в детей в терминах концепции социального капитала. Автор обращается к теории социального капитала с целью всестороннего анализа данных инвестиций. Здесь предлагается рассмотреть инвестиции в детей как передачу им ресурсов социального капитала семьи, анализируется значение социального капитала в жизни детей.

Ключевые слова: инвестиции, социальный капитал, инвестиционный актив, инвестиционные практики.

Анализируя социально-экономическую и политическую трансформацию российского общества необходимо отметить, что российская семья вошла на путь, который ведет ее к необходимости изменять и усиливать свои многофункциональные стратегии по воспитанию и социализации детей. Современная функция ответственных родителей обязывает их подготавливать детей к школе и к самостоятельной жизни в обществе, тем самым формируя для них предпосылки успешного старта. Здесь процесс социализации сопряжен с использованием определенных ресурсов семьи.

В новых конкурентно ориентированных условиях жизнедеятельности семейная социализация ребенка должна способствовать формированию у него личностных качеств, повышающих его жизнестойкость в борьбе за обладание ресурсами общества. Так, ребенку необходимо овладеть соответствующими знаниями и навыками, рациональному взаимодействию с окружающими людьми.

Американский экономист, лауреат нобелевской премии предложил рассматривать детей как инвестиционный актив. Ученый объяснял это тем, что дети могут помогать родителям в старости, замещая собой пенсионную систему.

Инвестиционный вклад родителей в детей – это долгосрочные практики, которые начинаются с первых лет жизни ребенка и продолжаются до полного профессионального становления.

Родители, выступающие субъектом инвестиционного процесса, являются активными инвесторами семейного капитала в детей. Семья мобилизует различные ресурсы: репродуктивные, выражающиеся в формировании здоровья будущих поколений, финансовые, интеллектуальные, культурно-этнические и др., с целью развития способностей, потребностей, обеспечения детей наиболее высоким социальным статусом в будущем. Отметим, что не только финансы вкладывают родители в своего ребенка, наряду с ними духовно-нравственное воспитание личности должно входить в одну из главных задач в реализации проекта инвестиционных вложений в ребенка. Родителям необходимо делать акцент на духовную ориентацию ребенка, ведь именно в семье закладывается не только первооснова финансового, но и психологического благополучия.

Особенностью личностно-развивающих ресурсов как инвестиционных практик является родительское принятие, понимание, любовь, доверие, прощение, контроль, воспитание, защита и т.д. Отметим, что в отличие от социально-экономических ресурсов, они являются потенциально неисчерпаемыми. Детско-родительские отношения как ничто другое способствуют созданию эффективного механизма воспроизводства семейных ресурсов. Во многом это обусловлено тем, что семейные эталоны, включая правила и установки, передаются из поколения в поколение напрямую, посредством наблюдения детьми за выстраиванием родителями семейных взаимодействий [8].

В нашей работе, с целью анализа многообразных форм инвестирования в детей обратимся к концепции социального капитала.

Термин «капитал» изначально был заимствован из экономики. Согласно определению из экономического словаря, капитал – это мера, степень обеспеченности людей жизненными благами, средствами существования [7].

«Капитал – та, часть богатства страны, которая употребляется в производство и состоит из пищи, одежды, инструментов, сырых материалов, машин и пр., необходимых, чтобы привести в движение труд» [6].

Идея социального капитала была заложена в работах А.Де Токвиля, Э. Дюркгейма, М. Вебера.

Наиболее известными авторами, разрабатывающими концепцию социального капитала являются П. Бурдье, Дж. Коулман, П. Сорокин.

П. Бурдье выделяет три вида капитала: экономический (обладание материальными благами), культурный (образовательный и культурный уровень) и социальный, которые объясняют структуру и функционирование социального мира [1,60].

Экономический капитал обладает стопроцентной денежной ликвидностью и применяется для институционализации в форме образования; социальный капитал состоит из социальных «связей» и используется для институционализации в форме высокого социального статуса [1].

Социальный капитал автор детерминирует как «определенную сумму ресурсов, фактических и виртуальных, которые накапливаются у индивида или группы, благодаря наличию устойчивой сети более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания» [1]. Автор определяет социальный капитал как совокупность актуальных или потенциальных ресурсов, связанных с наличием крепких сетей связей, более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания [2].

Также, в своих работах П. Бурдье выделяет четвертый вид капитала – символический – это капитал в любой его форме, предполагающий влияние хабитуса как социально

сконструированной когнитивной способности. По мнению автора, существует взаимосвязь между социальным и символическим видом капитала. Ученый отмечает, что социальный капитал так поддан логике знания и признания, что всегда действует как символический капитал. В свою очередь, “символический капитал – это кредит, но только в самом широком значении слова, т. е. своего рода аванс, задаток, ссуда, которые одна лишь вера всей группы может предоставить давшему ей материально-символические гарантии, легко понять, что демонстрация символического капитала (всегда весьма дорогостоящая в экономическом плане) составляет, вероятно повсеместно, один из механизмов, благодаря которым капитал идет к капиталу”.

Три указанные формы капитала влияют на условия существования человека, эти условия “обоснованы общим объемом капитала [volume global du capital], понимаемым как совокупность ресурсов и власти, которыми можно реально воспользоваться: экономический капитал, культурный капитал, социальный капитал. Так, различные классы (и группы внутри класса) выстраиваются от тех, кто лучше всего обеспечен одновременно экономическим и культурным капиталом, к тем, кто более всего обделен в этих двух отношениях» [2].

П. Бурдье одним из первых сформулировал понятие социальный капитал. Социальный капитал – это ресурсы, основанные на отношениях родственных и в группе членства. Именно данный вид капитала дает возможность для преимущества, выгоды всех участников группы и является основой групповых солидарностей [3].

Автор отдавал предпочтение рассмотрению именно социального капитала, нежели иных форма капитала. Это обусловлено тем, что только через него субъекты могут получать доступ к различным ресурсам, таким как экономические и культурные. Автор указывает на то, что социальный капитал может быть применен для приобретения неравенства при помощи доступа к занятию более высокого места в иерархии через использование социальных связей. Этот момент представляет для нас наибольший интерес и является наиболее значимым, так как определяет конвертацию разных форм капиталов. По мнению автора, переход экономического капитала в социальный предполагает затраты, такие как, например, внимание, времени. В данном случае, с позиции социального обмена, это является весомым вложением, в результате которого будет получена прибыль.

При рассмотрении культурного капитала можно проанализировать подобную ситуацию. Так, наличие культурного капитала попадает в зависимость от времени, потраченного на его приобретение. В рамках семьи не только полнота и объем культурного капитала, но и время, затраченное на его приобретение.

Важнейший социальный процесс - внутрисемейная передача культурного капитала, а также то обстоятельство, что способности или талант индивида – это результат инвестиций времени и культурного капитала. «Социальная польза от образования, измеряемая на основе роста валового национального продукта» [3] - это типично функционалистское определение функций образования, игнорирующее вклад системы образования в воспроизводство социальной структуры посредством санкционирования передачи по наследству культурного капитала. Качество первоначального культурного капитала, вложенного в ученика семьей, а также выполняющего вспомогательную функцию социального капитала, передаваемого по наследству, определяют качество образования [3].

Культурный капитал включает в себя языковую и культурную компетенции. Они представляют собой результат чтения книг, посещения музеев, театров, освоения манеры речи и межличностного общения. Родители из обеспеченных семей, как главные инвесторы семейного капитала, способны использовать свои социально-экономические ресурсы для того, чтобы обеспечить детей хорошим образованием, которое впоследствии поможет им занять престижные рабочие места.

Способности и талант, по мнению П. Бурдье, не являются врожденными, так как представляют собой результат внутрисемейной передачи культурного потенциала. Суть обозначенной зависимости заключается в том, что именно в семье создается та культурная

среда, которая либо содействует, либо препятствует развитию разнообразных способностей, которые вознаграждаются в образовательной системе.

Автор выражает мысль о том, что социальный капитал с одной стороны требует для своего формирования инвестиций, с другой – приносит отдачу. Так, отдача от социального капитала вполне материальна и выражается во власти, «которую дает обладание различными видами капитала», а она «обратно переводится в присвоенное физическое пространство в форме пространственного распределения владения и доступности дефицитных благ и услуг, частных или общественных». Далее Бурдые показывает механизм действия социального капитала, проявляющийся в том, что «демонстрация символического капитала (всегда весьма дорогостоящая в экономическом плане) составляет, вероятно повсеместно, один из механизмов, благодаря которым капитал идет к капиталу».

Социальный капитал - это «агрегация действительных или потенциальных ресурсов, связанных с включением в прочные сетевые или более-менее институционализированные отношения взаимных обязательств или признаний» [1,66-72].

Индивид в течение жизни накапливает капитал в форме определенных ресурсов: «Выгода, которая аккумулируется благодаря членству в группе, является базисом возможностей солидарности» [1]. Вышесказанное свидетельствует о том, что роль социальных связей состоит в том, чтобы предоставить индивидам доступ к ресурсам и определить качество данных ресурсов.

Следующим представителем, внесшим значительный вклад в развитие социального капитала является Джеймс Коулман. Согласно определению автора «социальный капитал» представлен потенциалом взаимного доверия и взаимопомощи, формируемый в межличностных отношениях.

Автор подчеркивает роль социального капитала в семье и обществе. В своих работах теоретик разделяет капитал семьи на три основных компонента: финансовый, человеческий и социальный. Каждая семья обладает определенным набором ресурсов семейного капитала, которые в свою очередь должны инвестироваться в детей. Количество же имеющихся у семьи ресурсов будет влиять на качество будущего капитала ребенка.

Семейный капитал представляется в виде совокупности разного вида ресурсов, передающихся от родителей к ребенку: экономический капитал – доходы, человеческий капитал – образование родителей, социальный капитал – плотность внутренних и внешних социальных сетей [9,236-245]. Более высокая успеваемость ребенка напрямую зависит от высоты человеческого капитала родителей. Социальный и культурный капитал семьи также являются положительными факторами в образовательных возможностях ребенка [4,64-69].

Дж. Коулман в своих трудах раскрывает механизмы накопления и воспроизводства человеческого капитала внутри семьи и приходит к выводу о том, что высокий образовательный уровень людей способствует созданию самовоспроизводящейся атмосферы доверия, отдача от которой растет с ростом среднего образовательного уровня индивида. Здесь социальный капитал семьи определяется как отношения между детьми и родителями [5,122-139].

Следующим ресурсом социального капитала является внимание, которое родитель уделяет своему ребенку, а также физическое присутствие родителя. При условии физического дефицита, нарушается взаимосвязь, и исчезают структурные элементы в социальном капитале семьи.

Г. Беккер рассматривал человеческий капитал как совокупность навыков, знаний и умений человека. Формулируя подход к человеческому поведению, он обосновывает продуктивность инвестиций в человеческий капитал; рассматривает проблематику инвестиций в человека, с одной стороны, и отдачи от использования человеческого ресурса, с другой [10].

Тезисы способствуют актуализации роли ресурсов социального капитала семьи, а также определению того, что именно ранняя стадия передачи и формирования ресурсов во многом определяет результаты дальнейшей трансляции. Семья наделяет человека особыми

духовными, психологическими, интеллектуальными и физическими характеристиками, только они способствуют овладению специальными знаниями и навыками индивидом в будущем.

Концепция Г.Беккера раскрывает значимость собственных ресурсов родителей, их готовность и способность к инвестициям в детей, их временные и финансовые активы. «Поскольку родители должны сокращать собственное потребление (включая свободное время), чтобы увеличить время и ресурсы, которые они тратят на уход за детьми, на их образование, подготовку и здоровье, то даже альтруистичным родителям приходится сталкиваться с дилеммой и выбирать между собственным потреблением и человеческим капиталом детей» [10].

Теоретическое положение Г. Беккера позволяет раскрыть личные ресурсы родителей, такие как осознание значимости, мотивацию и готовность обеспечить ребенка образованием. Раскрывая данную идею, следует отметить, что родительские инвестиции в будущий капитал самого ребенка находятся в зависимости от многих факторов.

Ф. Хабирсон высказывает мысль о том, что формирование человеческого капитала «связано с инвестициями в человека и его развитием в качестве созидательного и производительного ресурса» [11,223].

Итак, инвестиции в детей можно рассматривать в виде передачи определенных ресурсов социального капитала семьи. Инвестирование ресурсов семейного капитала от родителей к детям способствует доступности для ребенка человеческого капитала взрослых.

Таким образом, современным родителям с целью формирования успешной личности своего ребенка необходимо использовать различные ресурсы семьи и успешно мобилизовать их в детей. Только суммируя свои социально-экономические, культурные и личностно-развивающие ресурсы родители могут рассчитывать на то, что их ребенок, как инвестиционный проект, принесет прибыль в будущем.

Каждая семья уникальна набором ресурсов, с одной стороны, с другой – имеет наиболее дефицитные ресурсы.

Так, по результатам авторского исследования, проведенного в 2014-2015 годах среди представителей неполных отцовских семей мы выяснили, что большинство отцов имеют собственные занятия и увлечения, но они не передают их ребенку. Наблюдается дефицит физического капитала, так каждый второй отец указывает, что он не имеет свободного от работы времени, которое отец может посвятить хобби своего ребенка, совместным прогулкам, выездам на природу, совместному прослушиванию музыки, чтению книг, просмотру телевизора, личным интересам ребенка. Это является крайне негативным моментом, так как дефицит физического капитала влечёт за собой много отрицательных последствий, например, безнадзорность, безконтрольность, девиантное и делинквентное поведение подростка.

Далее, нами были разработаны и систематизированы виды ресурсов социального капитала семьи и причины недостаточного инвестирования ресурсов семейного капитала.

Ресурсы социального капитала семьи:

1.Экономические – материальное положение родителей, качество жилищных условий, количество сбережений семьи, количество долгов семьи, частота и характер пользования платными услугами, отсутствие критических материальных ситуаций, уровень личного дохода в месяц, наличие льгот, пособий.

2.Интеллектуальные – уровень образования родителей, возможности и способности к анализу происходящих процессов, творческий ресурс родителей.

3. Социальные – степень приобщения ребенка к труду, стимулирование ребенка, приобщение ребенка к социальным нормам, стандартам поведения, приобщение ребенка к семейным традициям и ценностям.

4. Физические – общение родителя с ребенком, отсутствие командировок, свободное от работы время, совместный отдых, помощь со стороны родственников, частота

стимулирования и мотивации к достижениям, выраженная в похвале за определенные успехи, поощрения, контроль со стороны родителей.

Причины недостаточного инвестирования ресурсов семейного капитала:

- 1) Низкое материальное положение семьи.
- 2) Низкие показатели физического присутствия родителя, частые командировки.
- 3) Отсутствие межличностного общения между родителем и ребенком.
- 4) Отсутствие контроля со стороны родителя.
- 5) Отсутствие стимулирования ребенка.
- 6) Отсутствие примера мужского либо женского ролевого поведения.
- 7) Недостаточная помощь со стороны государства.
- 8) Чрезмерный автократический, либо снисходительный стиль воспитания .

Каждая семья обладает уникальным набором ресурсов и использует их в разной мере. Замерить объем нематериальных ресурсов наиболее сложно. Кроме того, существуют латентные ресурсы, дающие синергетический эффект от их инвестирования в детей в совокупности с явными ресурсами.

© Шелуханова Л.В.

Список источников

- 1.Бурдые П. Формы капитала / П. Бурдые / пер. с англ. М.С. Добряковой // Экономическая социология. – 2005. – Т. 6. - №3.
- 2.Бурдые, П. Формы капитала / П. Бурдые // Экономическая социология. – 2002. - № 5. – С. 65.
- 3.Бурдые П. Различение: социальная критика суждения// перевод Кирчик О.И. Экономическая социология, №3. Т6. - 2008.
- 4.Ильдарханова Ч.И. Методологические альтернативы исследования образовательного капитала семьи // Знание. Понимание. Умение. №3, 2012. С. 64-69.
- 5.Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий / Дж.Коулман // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С.122-139.
6. Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения // Антология экономической классики. В. Пети, А.Сит, Д.Рикардо. М.: МП «Эконов», «Ключ», 1993. -С. 450.Durkheim, E. (1893), The Division of Labor in Society, The Free Press. New York, 1984.
7. Современный экономический словарь / Б.А. Райзберг и др.; Под общ. ред. Б.А. Райзберга. - 6-е изд., перераб. и доп. - М.: НИЦ ИНФРА-М, 2014. - 512 с.
- 8.Ткаченко И.В. Личностно-развивающий ресурс семьи: онтология и феноменология (автореф. дисс. ... докт. психол. наук) - Сочи, 2009.
9. Шафиков М.Т. Потенциал: сущность и структура // социально-гуманитарные знания. 2002. № 1. С.236-245.
10. Becker G. Human Capital. A theoretical and empirical analysis. N.Y., 1964.
11. Harbison F.H. The Strategy of Human Resources Development in Modernizing Economics. — New York, London, 1971.P.223.

Информация об авторе

Шелуханова Людмила Валерьевна (Россия, Республика Татарстан, Казань) – научный сотрудник Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан (Россия, Республика Татарстан, Казань, ул. Левобулачная, 36 а; e-mail: gailj_07bk.ru).

Shelukhanova L.V.

CHILDREN AS AN INVESTMENT ACT OF THE CONTEMPORARY RUSSIAN FAMILY (IN THE TERMS OF THE SOCIAL CAPITAL CONCEPT)

In this article, the author's interest is directed to consideration of parents' investments in children in terms of the concept of social capital. The author turns to the theory of social capital

with a view to a comprehensive analysis of these investments. Here it is proposed to consider investing in children as the transfer of resources to the social capital of the family, the importance of social capital in children's lives is analyzed.

Key words: investments, social capital, investment asset, investment practices.

Information about the author

Sheluhanova Lyudmila (Russia, Republic of Tatarstan, Kazan) – Researcher Center for Family and Demography of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Tatarstan, Kazan, Levobulachnaya st, 36 and; e-mail: gailj_07bk.ru).

УДК: 314.3:314.6

И.В. Шмарова

ИНСТИТУТ РОДИТЕЛЬСТВА И ЕГО ОСОБЕННОСТИ В УРАЛЬСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ

В статье представлены результаты анализа показателей, характеризующих институт родительства в Уральском федеральном округе. Изучение этих показателей, с одной стороны, позволило выявить особенности института родительства в УрФО, с другой стороны – обозначить пути совершенствования мер демографической политики с целью дальнейшего эффективного демографического развития Уральского федерального округа.

Ключевые слова: репродуктивное поведение, рождаемость, демографическое развитие, институт родительства, Уральский федеральный округ.

Начиная с 2000-х годов в Уральском федеральном округе происходят положительные изменения показателей, характеризующих популяционную динамику округа. В период с 2000 по 2015 гг. общий коэффициент естественного прироста населения увеличился на 7,5 промилле по сравнению с 2000 годом и достиг значения 2,3 промилле. Значение коэффициента естественного прироста и его изменение обусловлено увеличением рождаемости в УрФО в исследуемый период (общий коэффициент рождаемости в 2015 году достиг значения 14,8 промилле, демонстрируя увеличение в 1,6 раза по сравнению с 2000 годом), а также снижением показателя смертности населения (общий коэффициент смертности в 2015 г. сократился на 13,2% по сравнению с 2000 годом)¹.

На благоприятное изменение показателей рождаемости, с одной стороны, оказало влияние воздействие структурного фактора – вступления в репродуктивный возраст многочисленного поколения, рожденного в 1980-1986 гг. С другой стороны, стабилизация социально-экономической ситуации в стране (по сравнению с кризисом 90-х годов) и поддержка родительства со стороны государства также привели к изменениям в календаре рождений – реализации рождений, отложенных когортами женщин более старших репродуктивных возрастов [1, с.183].

Однако, несмотря на положительные сдвиги популяционной динамики в течение анализируемого периода, существуют предпосылки, не позволяющие говорить о решении проблем, связанных с демографическим развитием Уральского федерального округа. Во-первых, не был достигнут целевой показатель естественного прироста, утвержденный в Стратегии социально-экономического развития Уральского федерального округа на период до 2020 года по выбранному в качестве приоритетного инновационному сценарию развития

¹Рассчитано по данным Федеральной службы государственной статистики о социально-экономических показателях регионов России [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156

региона¹. Во-вторых, согласно данным, опубликованным Федеральной службой государственной статистики, в Уральском федеральном округе прогнозируется смена тенденции роста численности населения младше трудоспособного возраста и снижение этих показателей как в высоком, так и в низком вариантах прогноза (рис.1).

Следовательно, особую актуальность приобретает изучение не только количественных показателей рождаемости и интенсивности их изменения, но и анализ качественных аспектов, характеризующих отношение населения к рождению и уходу за детьми, их воспитанию и обучению, т.е. отношение населения к ответственному родительству. Одновременно, начиная с 2000-х годов, современные российские демографы все чаще поднимают вопрос о существовании кризиса института семьи и родительства и связанными с ним проблемами снижения ценности семьи, появления феномена «социальное сиротство», насилия в семье и т.д. [2, с.135]. При этом к ключевым показателям, позволяющим отследить проявления кризиса семьи, авторы относят снижение количества регистрируемых браков, увеличение числа разводов, увеличение числа неполных семей, широкое распространение аборт, рост числа внебрачных рождений и др. [3, с. 91].

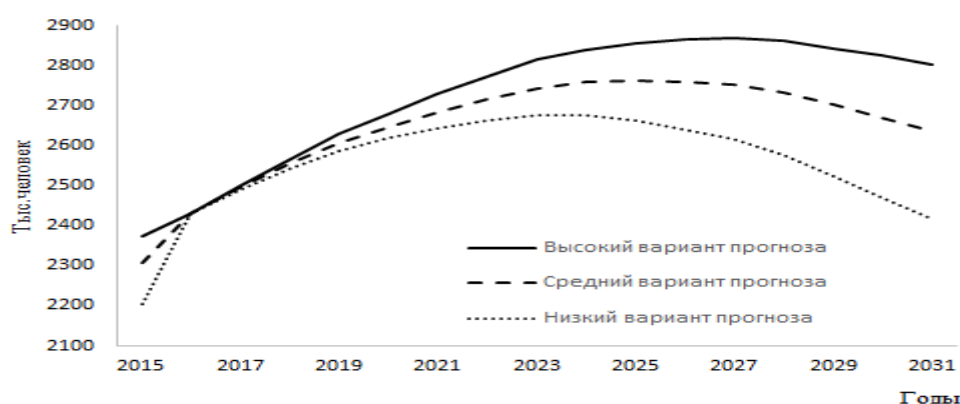

Рис.1. Перспективная динамика количества лиц моложе трудоспособного возраста в Уральском федеральном округе по данным демографического прогноза Росстата², тыс. чел.

Таблица 1

Динамика изменения коэффициента неустойчивости браков в Уральском федеральном округе³

Показатель	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Ежегодное изменение коэффициента неустойчивости браков	-	11,82	9,98	-10,58	-11,37	-17,17	1,91	-1,76
Изменение коэффициента неустойчивости браков по отношению к 2000 г.	1,0	11,82	22,98	9,97	-2,53	-19,27	-17,73	-19,18
	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Ежегодное изменение коэффициента	10,18	-3,23	-11,77	-2,76	5,88	-2,62	10,38	-7,80

¹Распоряжение Правительства Российской Федерации от 6 октября 2011 г. № 1757-р «Стратегия социально-экономического развития Уральского федерального округа на период до 2020 года» [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2011/10/17/ural-site-dok.html>

²Демографический прогноз Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://fedstat.ru/indicator/36727>

³Рассчитано по данным Федеральной службы государственной статистики о числе браков и разводов в УрФО [Электронный ресурс]. URL: <https://fedstat.ru/organizations/>

неустойчивости браков								
Изменение коэффициента неустойчивости браков по отношению к 2000 г.	-10,95	-13,83	-23,97	-26,08	-21,73	-23,78	-15,87	-22,43

Анализ показателей, характеризующих как изменения в институте семьи, так и степень отношения к рождению и воспитанию детей в Уральском федеральном округе, позволил выявить следующие их особенности.

1. Изучение показателей, характеризующих отношение населения к браку, позволяет говорить о том, что в Уральском федеральном округе наблюдаются схожие с общероссийскими тенденции изменения показателей количества браков и разводов (рис. 2).

Выявлена положительная динамика изменения количества зарегистрированных браков (на 1000 человек населения). Одновременно, после увеличения количества разводов (на 1000 человек населения), наблюдаемого в 2002 году, ситуация также стабилизируется, и начиная с 2003 года происходит снижение показателя. Как следствие, по сравнению с 2000 годом на 22,43% происходит снижение коэффициента неустойчивости браков (число разводов на 1000 браков). Одновременно исследование ежегодной динамики говорит о неустойчивости тренда в течение анализируемого промежутка времени (табл. 1).

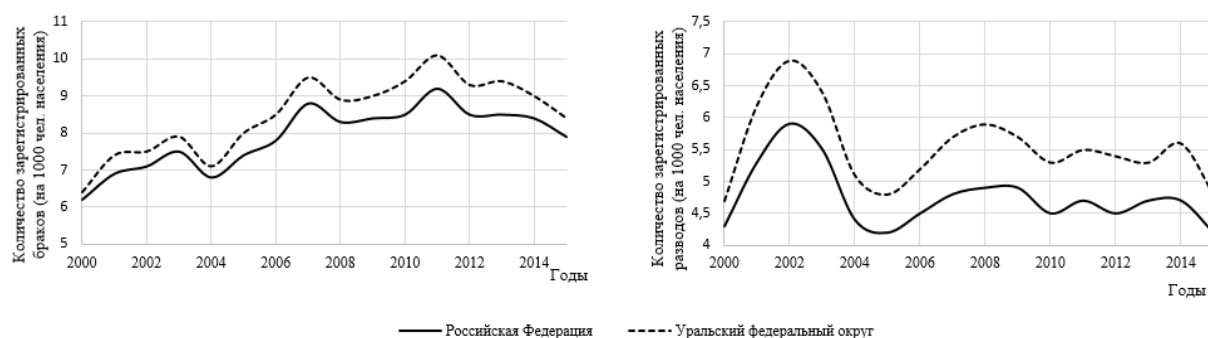

Рис.2. Изменение показателей количества зарегистрированных браков и разводов (на 1000 человек населения)¹

2. К показателям, характеризующим отношение населения региона к рождению детей, были отнесены: желаемое число детей, количество частных домохозяйств с детьми, количество аборт, доля детей, рожденных вне брака, численность подростков, оставшихся без попечения родителей. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики, в период с 2009 по 2012 гг. в России произошло увеличение показателя желаемого числа детей (на 1 женщину) по всем группам наиболее репродуктивно активного возраста (табл. 2).

Таблица 2

Желаемое число детей (на 1 женщину) наиболее репродуктивно активного возраста в Российской Федерации, значение показателя за год²

	25-29 лет		Изменение, %	30-34 лет		Изменение, %	35-39 лет		Изменение, %
	2009	2012		2009	2012		2009	2012	

¹Составлено по данным Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/

²Рассчитано по данным Федеральной службы государственной статистики о желаемом числе детей в Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/DBInet.cgi>

Женщины	1,74	2,3	32,18	1,78	2,34	31,46	1,64	2,33	42,07
Мужчины	1,98	2,3	16,16	1,9	2,38	25,26	1,94	2,38	22,68

В период между переписями населения в России на 6,13 % увеличилась доля домохозяйств с тремя и более детьми моложе 18 лет в общей численности домохозяйств с детьми. В период с 2000 по 2015 гг. на 22,7% снизилась доля детей, рожденных вне брака, по отношению к общему количеству детей. Одновременно исследование ежегодной динамики изменения этого показателя свидетельствует о нестабильности тренда: до 2007 года происходит увеличение доли детей, рожденных вне брака, и лишь начиная с 2008 года видны положительные изменения показателя.

Исследование Уральского федерального округа также свидетельствует о стабилизации ситуации в области ответственного родительства. В период с 2010 по 2015 годы на 33,4% сократилось количество аборт на 100 родов, аналогичную динамику сокращения показателя демонстрирует и показатель количества абортов на 1000 женщин. Увеличилась доля детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, которые были переданы на воспитание в семейные формы устройства (табл. 3).

Таблица 3

Изменение показателей, характеризующих отношение населения УрФО к
родительству¹

Показатель	2010 г.	2015 г.	Изменение, %
Число абортов на 1000 женщин	42	32,4	-22,9
Число абортов на 100 родов	81,2	54,1	-33,4
Доля детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, переданных на семейные формы устройства, в общей численности детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей), %	80,3	84,9	5,7

3. Одним из ключевых показателей, который будет характеризовать стремление родителей к воспитанию и обучению детей, будет показатель доли детей, посещающих дополнительное образование (развивающие занятия). По данным Федеральной службы государственной статистики, в период с 2013 по 2015 гг. наблюдается отрицательное изменение рассматриваемого показателя. Так, например, доля детей, посещающих дополнительное образование, в семьях, имеющих одного ребенка, снизилась на 16,1%, имеющих трех и более детей – на 7,7%².

На основе проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

Во-первых, в целом позитивное изменение как количественных, так и качественных аспектов, характеризующих отношение населения к рождению и уходу за детьми, с одной стороны, не подтверждает ухудшение демографической ситуации в Уральском федеральном округе, связанное с кризисом семьи и родительства, с другой стороны, характеризует эффективность мер проводимой в регионе демографической политики.

Во-вторых, существование схожих с общероссийскими тенденций демографического развития региона ставит задачу усиления мер, направленных на дальнейшее стимулирование

¹Составлено по данным Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/

²Рассчитано по данным Федеральной службы государственной статистики о семейной политике детствабережения [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/motherhood/#

рождаемости, ответственного родительства и формирование демографического потенциала УрФО. Одновременно, по нашему мнению, стоит уделять внимание не только мерам экономического (денежного) характера, но и социального, правового и духовно-идеологического.

Особое внимание необходимо уделить формированию понимания родителями важности процесса воспитания и обучения детей. Предполагается, что для улучшения ситуации в этой сфере возможно распространение практики проведения культурных и творческих мероприятий, возвышающих ценности семьи и родительства, их значимость как для индивида, так и для общества в целом.

Еще одним направлением деятельности может стать целенаправленная работа с молодежью по распространению и разъяснению информации о большей юридической защищенности матери и ребенка при официальном оформлении брака, обучению молодежи тому, как преодолевать возникающие конфликты и кризисы в семье.

Постоянный мониторинг и отслеживание причин, являющихся основаниями изменения демографических показателей в негативную сторону, позволит сформировать направления информационной и педагогической работы с населением, осуществлять более точное прогнозирование развития демографических процессов в УрФО, построить методически обоснованные программы по решению выявленных проблем

© Шмарова И.В. Текст. 2017

Список источников

1. Шишкина М.А. Влияние особенностей репродуктивного поведения населения Республики Коми на функционирование института родительства // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2015. – № 5 (41). – С. 182-197.
2. Чумичева Р.М., Грабаровская Л.В. Ответственное родительство: постановка проблемы и результаты диагностики // Проблемы современной науки и образования. – 2014. – № 12 (30). – С. 135-141.
3. Ивановская О.В. Духовный кризис семьи как один из факторов дестабилизации общества // Философия социальных коммуникаций. – 2011. – № 3. – С. 91-101.

Информация об авторах

Шмарова Ирина Викторовна (Россия, Екатеринбург) – старший преподаватель, ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина» (620002, г. Екатеринбург, ул.Мира, 19; e-mail: i.v.shmarova@urfu.ru).

Shmarova I.V.

THE INSTITUTION OF PARENTHOOD AND ITS FEATURES IN THE URAL FEDERAL DISTRICT

The article presents the results of the analysis of indicators characterizing the institution of parenthood in the Ural Federal District. The study of these indicators, on the one hand, made it possible to identify the features of the institution of parenthood in the Ural Federal District, on the other hand, to identify ways of improving demographic policy measures for the purpose of further effective demographic development of the Ural Federal District.

Keywords: reproductive behavior, fertility, demographic development, institute of parenthood, Ural Federal District

Information about the author

Irina Shmarova (Russia, Ekaterinburg) – Senior Lecturer, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia (620002, Ekaterinburg, Mira street, 19); e-mail: i.v.shmarova@urfu.ru)

РОДИТЕЛЬСКИЙ ТРУД КАК ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ КАЧЕСТВА ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ РЕСУРСОВ

Сегодня одной из важнейших тактических и стратегических проблем развития общества и экономики является задача совершенствования качества человеческих ресурсов. В статье даются понятия «человеческие ресурсы» и «качество человеческих ресурсов», рассматриваются факторы снижения качества человеческих ресурсов и обосновывается важность родительского труда при формировании качества человеческих ресурсов.

Ключевые слова: родительский труд, человеческие ресурсы, качество человеческих ресурсов.

Сегодня проблема повышения качества и количества человеческих ресурсов является актуальной как никогда, так как высокое качество населения - гарантия конкурентоспособности, стабильного развития и национальной безопасности любого государства.

Согласно определению Всемирного банка под человеческими ресурсами понимается «суммарная ценность труда, величина которого определяется в основном количеством людей, составляющих трудовые ресурсы страны и человеческого капитала, которым обладают эти люди» [1]. Отечественный исследователь А.Я. Кибанов под человеческими ресурсами понимает «главное богатство любого общества, процветание которого возможно при создании условий для воспроизводства, развития и использования этого ресурса с учетом интересов каждого человека» [2]. По мнению А.Я. Кибанова понятие человеческие ресурсы содержит в себе всю совокупность социокультурных характеристик и личностно-психологических свойств людей [2].

Качество человеческих ресурсов определяется исследователями как «степень, с которой совокупность характеристик рабочей силы... выполняет требования, выдвигаемые внутренней и внешней средой при формировании конкурентных преимуществ» [3; 4]. Также качество человеческих ресурсов понимают как «категорию, выражающаяся через конкретный набор качественных характеристик населения: здоровье, образование, культуру, представляющих собой некоторый минимум, допускающий дальнейшее расширение» [5].

Повышение качества и количества человеческих ресурсов - один из важнейших вопросов в России по нескольким причинам.

Во-первых, согласно данным Росстата и последним прогнозам демографов страна уже несколько десятилетий переживает острейший демографический кризис, что сказывается не только на количестве человеческих ресурсов, но и на их качестве. По расчетам демографов по среднему варианту естественная убыль населения в 2035 г. составит 158 тыс. человек [6].

Во-вторых, о снижении качества человеческих ресурсов свидетельствуют статистические данные ООН, Всемирного банка и других организаций по показателю «образование». По формальным признакам (образовательной структуре населения, среднему числу накопленных лет образования, численности студентов, охвату населения третичным образованием и т.д.) Россия - одна из самых высокообразованных стран в мире. Однако по факту только два университета нашей страны входят в ежегодно составляемый авторитетный рейтинг репутации мировых вузов британской газеты «Times - World Reputation Rankings», в котором доминируют вузы США и Великобритании. В частности, в 2016 году в список топ-100 мировых вошли только два российских вуза: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, занявший 30-е место и Московский физико-технический институт, занявший 91-е место [7]. Рейтинг мировых высших учебных заведений основан на следующих критериях: уровень образовательных и исследовательских программ, цитируемость научных статей преподавателей вуза, количество иностранных студентов и

специалистов и т.д. Тот факт, что только два российских вуза обозначены в сотне лидеров, показывает существование проблем в высшей школе и в системе образования страны в целом.

В-третьих, о снижении качества человеческих ресурсов свидетельствуют данные о снижении состоянии здоровья населения в России, особенно среди детей и группе людей репродуктивного возраста. По данным ФГАУ «Национальный научно-практический центр здоровья детей» Министерства здравоохранения Российской Федерации и Росстата в нашей стране каждый третий ребенок уже с периода новорожденности имеет различные болезни и отклонения в состоянии здоровья, каждый двенадцатый младенец рождается с низкой массой тела. Кроме того, серьезную озабоченность вызывает рост врожденных пороков развития. По данным официальной статистики заболеваемость детей от 0 до 14 лет значительно увеличилась. Соответствующие показатели составили в 2005 г. – 171774,8, в 2014г. – 183499,4 на 100000 детей соответствующего возраста. Еще хуже обстоит дело у детей 15 – 17 лет. Уровень заболеваемости среди этого контингента также значительно возрос (2005 г. – 111451,9, 2014г. – 141653,0 на 100000 детей соответствующего возраста). Среди детей всех возрастов увеличилось число болезней эндокринной, костно-мышечной системы и соединительной ткани, системы кровообращения, пищеварения, мочевого выделения, врождённых пороков развития, анемий, а среди лиц старшего подросткового возраста – психических расстройств. Важным показателем ухудшения состояния здоровья детей и снижения качества человеческих ресурсов является высокий уровень численности детей – инвалидов [8].

В настоящее время решением проблем, влияющих на повышение количества и качества существующих и будущих человеческих ресурсов нашей страны, занимаются исследователи из различных областей знаний: экономики, социологии, демографии, психологии, медицины и т.д. В частности, экономисты и социологи, изучая данные вопросы, пришли к выводу, что качество и количество человеческих ресурсов зависит не только от социально-экономических факторов, но и во многом от качества реализации родительского труда, под которым понимается «сознательная, целесообразная деятельность по рождению, уходу за детьми, их воспитанию и развитию, формирующая количественные и качественные характеристики человеческого капитала, удовлетворяющая в процессе этого вида труда общественные и личные потребности» [9].

Это подтверждают и статистические данные. В частности, во время Всероссийской диспансеризации 2002 г. установлено, что у детей, проживающих в полных семьях, т.е. в благополучных семьях, где с большей вероятностью реализуется качественный родительский труд, заболевания зарегистрированы в 54,6 % случаев. Значительно хуже показатели здоровья детей, воспитывающихся вне семьи: признаны здоровыми в домах ребенка только 15,2 %, в детских домах – 22,5 %, в детских домах-интернатах – 13,8 %, в социальных приютах – 64,9 % [10]. Также подтверждают довод о влиянии родительского труда на качество человеческих ресурсов и данные PISA. Результаты исследования показали, что дети, проживающие в городах в благополучных семьях, имеют более высокие результаты в процессе обучения [11].

Таким образом, в настоящее время в России наблюдается тенденция к снижению качества и количества человеческих ресурсов. Поэтому прерогативой действия правительства должно стать во-первых, развитие подсистем знаний, культуры, здравоохранения, т.е. сфер экономики, повышающих качество человеческого ресурса. Во-вторых, государство должно реализовывать социально-экономическое стимулирование родительского труда на всех его стадиях, так как данный вид труда можно назвать потенциальным фактором формирования качества и количества будущих человеческих ресурсов.

Список источников

1. Хмелева Г. А. Человеческий капитал как условие формирования инновационной экономики региона: монография. - Самара: САГМУ, 2012. - 168 с.
2. Управление персоналом: Энциклопедический словарь / Под ред. А.Я. Кибанова. - М.: ИНФРА-М, 1998. - 453 с.
3. Волгин Н. А., Одегов Ю. Г. Экономика труда. М.: Изд-во «Экзамен», 2004.
4. Одегов Ю. Г., Руденко Г. Г., Бабынина Л. С. Экономика труда: Учебник. М.: «Изд-во-Альфа-Пресс», 2007.
5. Карякина Т.Н. Социальная этнография и демография: учеб.- метод. пособие / Т. Н. Карякина ; ВолГУ, Фак. философии и социальных технологий, Каф. социальной работы и медицины. — Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2005. — 80 с.
6. [Демографический прогноз до 2035 года](http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#). URL: Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 02.05.2017).
7. World University Rankings 2016-2017. URL: https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/2017/world-ranking#!/page/0/length/25/sort_by/rank/sort_order/asc/cols/stats (дата обращения: 01.05.2017).
8. Российский статистический ежегодник - 2015 г. URL: Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_13/Main.htm (дата обращения: 02.05.2017).
9. Родительский труд: условия реализации, мотивы и результаты: монография / А.П. Багирова, Д.Г. Быкова, А.И. Ворошилова, Э.В. Ильвес, О.М. Шубат / под общ. ред. А.П. Багировой ; М-во образования и науки Рос. Федерации, урал. федерал. ун-т. - Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. - 171 с.
10. Баранов А.А., Щеплягина Л.А. [Здоровье детей России как фактор национальной безопасности](http://www.nczd.ru/node/325). URL: ФГАУ "Национальный научно-практический центр здоровья детей" Министерства здравоохранения Российской Федерации. <http://www.nczd.ru/node/325> (дата обращения: 02.05.2017).
11. Тюменева Ю.А., Кузьмина Ю.В. Читательская грамотность 15 летних школьников: значимость семейных, индивидуальных и школьных характеристик (по данным российской выборки PISA-2009) // Вопросы образования. 2011. № 3. С. 166 -191.

Информация об авторе

Шутова Наталья Викторовна (Россия, Екатеринбург) - аспирант кафедры прикладной социологии ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» (ShutovaNV@list.ru).

Shutova N.V.

PARENTAL LABOR AS A FACTOR FOR FORMING THE QUALITY OF HUMAN RESOURCES

Today, one of the most important tactical and strategic problems of the development of society and the economy is the task of improving the quality of human resources. The article gives the notion of "human resources" and "quality of human resources", considers the factors of the decline in the quality of human resources and justifies the importance of parental labor in shaping the quality of human resources.

Key words: parental labor, human resources, quality of human resources.

Information about the author

Shutova Natalia Viktorovna (Russia, Yekaterinburg) - Post-graduate student of the Department of Applied Sociology of the FGAOU VU "UrFU named after the first President of Russia BN. Yeltsin" (ShutovaNV@list.ru).

О СПЕЦИФИКЕ ФАКТОРОВ ИДЕНТИФИКАЦИИ СУБЪЕКТОВ РОДИТЕЛЬСКОГО ТРУДА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Идентификация субъекта родительского труда обусловлена целой системой факторов. В рамках настоящего исследования проводится изучение теоретических интерпретаций факторов идентификации субъектов родительского труда в научной социологической литературе, осуществляется их систематизация с последующим подразделением на три уровня: факторы макроуровня, факторы мезоуровня, факторы микроуровня.

Ключевые слова: родительский труд, идентификация, субъект родительского труда.

Родительский труд является одной из ключевых категорий социологии семьи, и в нашем понимании представляет собой целенаправленную вознаграждаемую созидательную деятельность человека, которая выполняется им с целью производства и воспроизводства человеческих ресурсов.

Говоря о субъектах родительского труда, мы имеем ввиду тех, кто занимается его непосредственным выполнением. Если быть более точным, под субъектом родительского труда мы понимаем конкретных людей или сообщества, которые занимаются непосредственной реализацией данного вида труда. Также мы можем отметить, что, хотя наиболее очевидной разновидностью таких субъектов являются родители или семья в целом, в действительности к таким субъектам могут быть отнесены и конкретные индивиды, занимающиеся родительским трудом, и государство, и все общество в целом.

Исходный вопрос о специфике факторов, влияющих на идентификацию субъекта родительского труда, можно конкретизировать. Во-первых, родительский труд представляет собой разновидность достаточно сложной и продолжительной деятельности, выполнение которой требует от субъекта серьезных и целенаправленных усилий. Во-вторых, мотивация субъекта родительского труда может быть связана со стремлением либо к реализации любви к детям, либо к воспроизводству рода, либо к выполнению общественного или личного долга, либо к изменению социального статуса, либо к получению материальной выгоды, либо к реализации собственных амбиций. Поэтому вопрос о факторах идентификации субъектов родительского труда во многом предполагает прояснение того, какие именно обстоятельства влияют на само желание человека целенаправленно заниматься родительским трудом, его мотивацию, а также степень осознанности, с которой он подходит к этому труду. Логика подсказывает нам, что подобных факторов может быть много, а отношения между ними могут обладать запутанным характером: любой человек ежедневно испытывает на себе воздействия множества различных обстоятельств, каждое из которых тем или иным образом влияет на его сознание и поведение. Ниже мы постараемся разобраться в том, какие факторы влияют на поведение субъекта родительского труда.

В социологической литературе вопрос о факторах, которые могут влиять на подобные процессы, часто разрабатываются в русле социологии семьи. Можно, в частности, сослаться на исследования Т.А. Гурко, в фокусе внимания которой находились вопросы, связанные с формированием установок на рождение детей в зависимости от объективных и субъективных факторов в обществе [3, с.35-36]. В работах Е.Н. Евдокимовой рассматривался вопрос о влиянии господствующих в обществе ценностей на отношение к рождению и воспитанию детей [4, с.13-20].

В недавнем исследовании Ж.В. Черновой раскрывался вопрос о зависимости процесса рождения и воспитания детей от социального статуса семьи и семейной политики государства [10, с.52-53].

Кроме того, нельзя не упомянуть о существовании довольно многочисленных эмпирических исследований, посвященных профильной проблематике – они проводились и Институтом социологии РАН. Результаты одно из свежих проектов представлены в аналитическом издании «О чем мечтают россияне» [6, с.167-169], и ВЦИОМ (результаты отражены в альманахе «Россия удивляет» за 2013 [9, с.28] и 2015 гг. [8, с.162-172]), и другими организациями. То есть созвучная тематика становится предметом анализа ученых довольно часто.

Сложность заключается в том, что, несмотря на очевидный и интенсивный интерес социологов к релевантной проблематике, зачастую этот интерес направлен скорее на изучение факторов, влияющих на отношение людей к рождению детей и первичным стадиям ухода за ними. Вопрос о факторах, влияющих на более продолжительный и комплексный феномен родительского труда, ставится гораздо реже и проследить в этом некую системность довольно сложно. Соответственно, большинство подобных исследований довольно подробно и досконально помогают ответить на вопрос о том, что может побуждать семью к рождению детей, но с пониманием факторов, влияющих на отношение к родительскому труду, ситуация выглядит сложнее.

При этом исследования, более точно выходящие на проблематику факторов, определяющих модальность отношения к родительскому труду, тоже существуют: мы можем, например, здесь сослаться на опыт исследований Т.М. Малевой и О.В. Синявской [5, с.70-97], А.Г. Радостевой [7, с.100-108], И.Н. Гамаюновой [2, с.247-252] и ряда других авторов. Но такие исследования проводятся реже, и какой-то системности в постановке разными авторами интересующего нас вопроса проследить не удастся. В целом, подходя к вопросу об установлении факторов идентификации субъектов родительского труда, мы сталкиваемся с относительно размытым предметным полем.

Учитывая подобные методологические затруднения, мы полагаем наиболее правильным взять за основу подход к факторам отношения к родительскому труду, предложенный А.И. Ворошиловой. Важно принимать во внимание, что в рассуждениях А.И. Ворошиловой речь шла не о факторах идентификации субъекта родительского труда, а именно о факторах отношения субъектов к родительскому труду. Тем не менее, несмотря на номинальное различие обозначенных тематик, мы все же полагаем их максимально близкими и думаем, что корректная экстраполяция логики в данном случае все же возможна. Сам же подход автора видится нам логичным и перспективным в контексте изучения родительского труда. За основу рассуждений А.И. Ворошилова берет идею о существовании трех уровней факторов, влияющих на отношение к родительскому труду: факторы макроуровня, факторы мезоуровня, факторы микроуровня [1, с.277-278]. Этот подход не только логичен, но и соотносится с тем, что мы ранее писали о самих субъектах родительского труда, также способных проявляться на тех же трех уровнях.

Факторы макроуровня представляют собой тот широкий социальный контекст, в котором существует субъект родительского труда. Такие факторы не зависят от воли человека, но оказывают вполне очевидное влияние на его быт и настроения. Любое общество создает определенную систему институтов и определяемых ими норм и правил поведения, способных оказывать принудительное воздействие на человека. Соответственно, как мы полагаем, желание субъекта заниматься родительским трудом, его мотивация и степень осознанности в отношении к такому труду во многом будут определяться именно тем широким социальным контекстом, в котором он существует. Причем такой контекст может оказывать на субъекта родительского труда как благоприятное влияние (повышая желание заниматься родительским трудом и осознанно идентифицировать это занятие как значимую для себя активность), так и негативное (наоборот, снижая желание заниматься таким трудом и/или стимулируя легкомысленное отношение к этому занятию). Мы полагаем, что существует комплекс социальных параметров, которые можно причислить к факторам макроуровня, к которым возможно отнести характер экономического развития общества,

политическую систему и политический режим, степень религиозности общества и общественное сознание.

Наряду с факторами макроуровня в предлагаемой нами аналитической схеме можно выделить и факторы мезоуровня. Эта группа факторов также обладает принудительным воздействием на потенциального или уже реального субъекта родительского труда, но их влияние имеет менее глобальный характер. На мезоуровне проявляется серия факторов, которые определяют условия подготовки субъекта к практикам реализации родительского труда. Если факторы макроуровня в первую очередь влияют на то, как люди относятся к практикам родительского труда и специфику их желания самостоятельно заниматься таким трудом, то в данном случае речь идет о других, инфраструктурных, параметрах – тех, которые создают непосредственные условия для реализации родительского труда в тех или иных социальных условиях. Причем тут важно учитывать, что факторы мезоуровня, несмотря на то, что они номинально относятся к более низкому уровню, фундаментально важны для того, чтобы факторы макроуровня могли оказывать влияние на субъекта. Потенциально возможна ситуация, когда в обществе создан и развит определенный запрос на активное занятие людей родительским трудом, но реальные возможности для этого труда созданы слабо. И точно также возможна обратная ситуация: инфраструктура для родительского труда создана, но реальный запрос на такой труд не сформирован. Именно поэтому факторы мезоуровня, на наш взгляд, имеют такую большую значимость. К ним можно отнести несколько позиций, в частности степень доступности информации о родительском труде, состояние материально-технической инфраструктуры и состояние кадровой инфраструктуры.

Наконец, помимо факторов макроуровня и факторов мезоуровня, можно выделить еще одну группу – факторы микроуровня. Данная группа факторов объединяет в себе различные аспекты индивидуальных обстоятельств и предрасположенностей, делающих субъекта более или менее предрасположенным к выполнению родительского труда и влияющих на его восприятие этого труда. Номинально эти факторы стоят на самом нижнем уровне иерархии, заложенной в предлагаемой нами системе, но роль их принципиально важна. Фактически можно говорить о том, что факторы макроуровня создают определенную моду, степень социальной желательности выполнения родительского труда, а факторы мезоуровня определяют конкретную инфраструктуру, на базе которой становится возможной реализация родительского труда. Тем не менее, ни на одном из этих уровней не решается вопрос о социально-бытовых и личностных обстоятельствах, которые непосредственно побуждают субъекта взять на себя реализацию родительского труда – данный вопрос определяется именно факторами микроуровня. Фактически можно говорить, что факторы макроуровня и факторы мезоуровня определяют специфику условий для реализации родительского труда, тогда как факторы микроуровня непосредственно определяют модальность восприятия этого труда конкретным субъектом. Здесь тоже можно выделить несколько позиций, которые включают личные и демографические характеристики субъекта, материальное положение субъекта.

Конечно, надо понимать, что предлагаемая нами система – лишь аналитический конструкт, и она вряд ли может дать всеобъемлющее и неопровержимое видение той системы факторов, которые кроются за идентификацией субъекта родительского труда. Точно также надо принимать во внимание и то, что все эти факторы работают не изолированно, а именно в условиях тесной взаимосвязи друг с другом.

Таким образом, предложенная система факторов позволяет более четко определить векторы отношений в системе родительского труда, изучить специфику самих субъектов, идентифицирующих себя с родительским трудом. Конечно, надо понимать, что предлагаемая нами система – лишь аналитический конструкт, и она вряд ли может дать всеобъемлющее и неопровержимое видение той системы факторов, которые кроются за идентификацией субъекта родительского труда. Точно также надо принимать во внимание и то, что все эти факторы работают не изолированно, а именно в условиях тесной взаимосвязи друг с другом.

Список источников

1. Ворошилова А.И. Формирование отношения к родительскому труду: факторы влияния на разных уровнях // Демографические процессы на постсоветском пространстве. Сборник материалов VI Уральского демографического форума с международным участием. Екатеринбург. 2015. С. 277-278.
2. Гамаюнова И.Н. Проблемы детско-родительского взаимодействия как условие гармонизации психологии семейных отношений // Вестник Пятигорского Государственного Лингвистического Университета. 2014. № 4. С. 247-252.
3. Гурко Т.А. Родительство: социологические аспекты. М.: Центр общечеловеческих ценностей. 2013. С. 35-36.
4. Евдокимова Е.Н. Формирование ценностного отношения к родительству: опыт эмпирического изучения // Гуманизация образования. 2012. № 5. С. 13-20.
5. Малева Т.М., Синявская О.В. Социально-экономические факторы рождаемости в России: эмпирические измерения и вызовы социальной политике // SPERO. 2006. № 5. С. 70-97.
6. О чем мечтают россияне: идеал и реальность / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. – М.: Весь мир. 2013. С. 167-169.
7. Радостева А.Г. Родительство как психологическое явление: факторы, влияющие на его формирование // Вестник Пермского Государственного Гуманитарно-Педагогического Университета. Серия 1: Психологические и педагогические науки. 2013. № 1. С. 100-108.
8. Россия удивляет 2015. – М.: Эксмо. 2016. С. 162-172.
9. Россия удивляет: статистика и социология против мифов и вымысла. М. 2013. С. 28.
10. Чернова Ж.В. Родительство в современной России: политика государства и гражданские инициативы // Мониторинг общественного мнения. 2013. № 7 (113). С. 52-53.

Информация об авторе

Черешова Светлана Васильевна, аспирант, кафедра социологии и социальных технологий управления, Институт государственного управления и предпринимательства. Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н.Ельцина, 620062 г. Екатеринбург ул. Мира 19, 8(343)3754822 s.v.chereshova@yandex.ru

Chereshova S.V.

ABOUT THE SPECIFIC FACTORS OF IDENTIFICATION OF THE PARENT OF PARENTAL WORK IN THE MODERN RUSSIAN SOCIETY

Identification of the parents of parental labor is conditioned by a whole system of factors. Within the framework of this research, the theoretical interpretations of the subjects of parent's work identification factors in the scientific sociological literature are studied, their systematization is carried out with the subsequent division into three levels: macrolevel factors, meso level factors, microlevel factors.

Key words: parental work, identification, parents of parental labor.

Information about the author

Svetlana Chereshova postgraduate student, Department of sociology and social technologies of management. The Institute of Public Administration and Entrepreneurship Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, 13b Lenina av., Yekaterinburg, Russia, 620014 8(343)3754822 s.v.chereshova@yandex.ru

3. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ БРАЧНОСТИ

УДК 159.9:61+618.177: +616.89

М.Р. Арпентьева

СОВРЕМЕННАЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ РЕПРОДУКТОЛОГИЯ

Актуальность работы связана с тем, что проблема нарушений и потерь репродуктивного здоровья становится все более насущной для граждан России. Цель исследования – проанализировать нарушения и потери здоровья населения как результат разрушений традиционных духовно-нравственных ценностей людей, совокупность социальных, психологических и психосоматических следствий деструкции нравственных отношений. Материалы и методы. Теоретический анализ проблемы включал обзор современных и зарубежных источников по проблемам психологических и нравственных компонентов репродуктивного здоровья. В качестве метода эмпирического исследования выступал контент-анализ структурированных опросов пациентов, имеющих различные нарушения репродуктивного здоровья, не имеющих детей. Результаты. Как показали данные опросов и последующих коррекционно-развивающих занятий с респондентами, репродуктивное здоровье женщин и мужчин – комплексный феномен, важную роль в формировании и развитии которого играют духовно-нравственные и социально-психологические аспекты. Они же влияют на физическое, психологическое и духовное здоровье детей, новорожденных. При наличии и гармонии выделенных выше аспектов репродуктивное здоровье долго сохраняется и быстро восстанавливается: человек правильно относится к себе и жизни, а его дети рождаются здоровыми и высоко жизнеспособными. Наличие выделенных характеристик здоровья позволяет оценить репродуктивный потенциал каждого отдельного человека, успешно осуществить психологическую помощь лицам, желающим иметь детей, а также скорректировать проблемы в развитии семьи и ребенка, до и после его рождения. Выводы. Нарушение репродуктивного здоровья связано нежеланием и неготовностью потенциальных родителей быть родителями: обеспечивающими нравственное благополучие наставниками и воспитателями, обеспечивающими психологическое благополучие друзьями и компаньонами, а также обеспечивающими материальное благополучие опекунами детей. Дети отражают неготовность и нежелание родителей повышенной заболеваемостью, травматичностью и даже смертностью: от вполне очевидных до скрытых от глаз окружающих детоцидных тенденций.

Ключевые слова: семья; брак; репродуктивное здоровье; репродуктивный потенциал; бесплодие; родительство; репродуктивное здоровье; секс; аборт; венерические заболевания; промискуитет; гражданский брак; нравственность.

Введение. Современные подходы к диагностике и лечению бесплодия и иных нарушений репродуктивного здоровья определяются, как правило, традиционными – медицинскими – методами, которые включают в себя поиск морфологической, эндокринной или инфекционной патологии, которая может нарушить репродуктивную функцию. Однако, в некоторых случаях причины бесплодия и иных нарушений репродуктивного процесса и функций не явны. Поэтому необходимы интегративное изучение и комплексная терапия нарушений репродуктивного здоровья предполагает анализ и трансформацию психологического статуса супружеской пары, а также анализ и трансформацию социальных условий их жизнедеятельности, в том числе духовно-нравственных ориентаций общества и пары.

Методы исследования. Предпринят теоретический анализ современных работ в сфере исследования психологических и нравственных основ репродуктивного здоровья и его нарушений. На основе анализа отечественных и зарубежных исследований, посвященных изучению психологических и нравственных проблем у лиц, имеющих и не имеющих репродуктивных нарушений, делаются выводы о психологических и нравственных факторах репродуктивного здоровья и репродуктивных нарушений.

Результаты исследования. Хотя в современной психологии и медицине существует достаточно большое количество работ, отмечающих взаимное влияние психической и социальной сфер на сферу репродуктивного здоровья человека, в отечественной науке и, тем более, практике эта проблема во многом игнорируется, а в зарубежной – сводится к проблемам личностного, реже – межличностного развития [1; 2, с.38-39; 3, с. 5-7]. Вместе с тем, несмотря на то, что традиционная медицина не уделяет значительного внимания нравственным и психологическим факторам исцеления нарушений репродуктивного здоровья и поддержания здоровья, в клинической психологии, социально-медицинских исследованиях, а также нетрадиционной медицине, этим факторам отводится весьма много места [4; 5]. Относительно широко изучен вопрос о влиянии психологических травм у одного или обоих партнеров, внутренних барьеров и социально-психологической дезадаптации личности, ряда иных факторов, лежащих в основе сексуальных и репродуктивных нарушений психогенного происхождения. Однако, почти не раскрыто влияние психологических и нравственных взаимоотношений супругов / партнеров, а также духовно-нравственных отношений супругов к себе и миру. Хотя в современной семейной психологии и психотерапии накоплен значительный опыт в сфере профилактики и коррекции сексуальных нарушений, взаимосвязь между нарушениями отношений пары к себе и миру и нарушений сексуального и репродуктивного здоровья, явно не выделяется [6; 7; 8; 9 и др.]. Аналогична и ситуация в психологии в целом: изучение репродуктивного здоровья и сексуальных отношений, их гармонии и дисгармонии, остается весьма мало изученным: исследователи с трудом усматривают перспективы психологических исследований сексуальных отношений и репродуктивного здоровья, с одной стороны, полагая, что данный предмет находится в «ведении» медицины, а, с другой, стороны, с самого начала своего развития связывая психологическое и нравственное благополучие с удовлетворением инстинктов жизни, сексуальностью.

В сексологии психологические и нравственные аспекты сексуального и репродуктивного благополучия (здоровья) рассматриваются чаще всего «наряду» с собственно физиологическими, не подвергаясь развернутому целенаправленному изучению: даже такие многолетние лонгитюдные исследования, как исследования W.H.Masters, V.E. Johnson., не сформулировали четких выводов о роли нравственных и психологических аспектов сексуальных отношений (сексуальность человека является междисциплинарной проблемой, освещаемой различными научными дисциплинами медицинской, психологической, биологической и социальной направленности. В большинстве этих исследований внимание специалистов сконцентрировано на патологических аспектах сексуального взаимодействия как индивидуального, так и парного характера [6; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 16; 16; 17; др.]. Полученные в этих и других исследованиях результаты хотя и позволяют науке продвинуться в понимании механизмов формирования сексуальных и родительских, репродуктивных нарушений, часто игнорируют вопросы репродуктивного и сексуального здоровья.

Одна из распространенных моделей нарушений репродуктивного здоровья представлена в работе Х.В. Бежиной, которая отмечает, что опыт бесплодия как ситуация невозможности беременности является для женщины и мужчины травмирующим событием. Беременность и ребенок очень важны для супругов, имеющих опыт бесплодия, но негативный опыт препятствует полноценному освоению материнской и отцовской роли, формируя амбивалентное ее принятие [18, с.113-114]. Практики и теоретики много внимания уделяют личностным особенностям людей с нарушениями репродуктивного здоровья. Они

полагают, что для людей с нарушениями репродуктивной функции в отличие от здоровых свойственны общая инфантильность, которая проявляется в незрелости личностной сферы; искаженная или незрелая полоролевая идентификация; неадекватные формы реагирования на стрессовые ситуации и неустойчивость; повышенный уровень тревожности и агрессия разной направленности; осложненные и деструктивные отношения с другими людьми, в первую очередь с близкими [19, с. 58-60; 20; 21, с. 102-204; 22]. И. Карголь пишет, то «Опыт бесплодия имеет два компонента: хронический стресс и опыт потери.... Горе часто следует за диагнозом, что бесплодие неизлечимо. Потеря возможности родить ребенка реальна. Бесплодные женщины остро переживают потерю потенциальных детей, связанных с ними событий и генетических связей. Женщины, так описывают свое горе: «Многие люди не понимают, что бесплодие очень походит на гибель ребенка. Вы горюете о ребенке, который не был зачат в этом месяце, и обо всех младенцах, которых Вы никогда не будете иметь» [23, с. 207-208, 24, с. 31]. В данном случае, при всей очевидности страданий потенциальных родителей, нельзя не отметить потребительски-пассивный настрой. «Гнев, стресс, депрессия, тревога, вина и другие расстройства настроения не только провоцируются, но и усиливаются бесплодием» [25, р.353]. У бесплодных людей «страдает самооценка, снижается чувство удовлетворенностью жизнью, более отчетливо проявляются проблемы в сексуальной жизни. Выявлены также тенденция к самообвинению, что повышает риск развития депрессии, а также стремление к изоляции, избеганию общения» [25, р.354].

М.Г. Рябова отмечает, что «В перинатальной психологии принято выделять две группы женщин (А и Б), имеющих разные особенности репродуктивного статуса [26; 25]. В группу А входят женщины, имеющие нарушение репродуктивной функции до беременности в основном гормонального происхождения, бесплодие или трудности зачатия, угрозу прерывания беременности и невынашивания, нарушение внутриутробного развития ребенка с минимальным риском для здоровья женщины». Им свойственны психологическая неустойчивость, склонность к перепадам настроения; болезненное отношение к и взрывы переживаний; склонность к формированию сверхценных идей, в т.ч. беременности и репродуктивной функции; усиление маскулинных качеств и ослабление/отвержение женственности, снижение социальной адаптации, отсутствие гибкости во взаимодействии; конфликтные отношения с родителями – идеализации и недифференцированность отношений; неудовлетворенность собой и гордыня и др. «В группу Б входят женщины, имеющие гинекологические заболевания соматического характера и негинекологические соматические проблемы, влияющие на успешность репродуктивной функции и одновременно угрожающие здоровью женщины». Для этой группы также характерны психологическая неустойчивость, склонность к депрессиям и раздражительность; подверженность стрессам; зависимость от окружающих, поиск помощи; гипертрофия женственности; симбиотические отношения с родителями и неуверенность в себе, чувство вины; некритичность по отношению к другим; сверхответственность; повышенная ценность ребенка, «бегство в болезнь» и аутоагрессия, риск суицида [25, с.192]. Р. Pepperell, во многом разделяя ее позицию, выделяет 1) женщин, у которых сопротивление беременности является довольно поверхностным, и бесплодие может прекратиться самопроизвольно под влиянием энтузиазма во время обследования и на ранних этапах лечения; 2) женщины с устойчивой «блокадой» зачатия, которая возникает в результате внешней стрессовой ситуации, ощущаемой как неблагоприятной для материнства (например, «карьерное» бесплодие): изменение условий жизни могут способствовать возникновению беременности; 3) бесплодие возникло в результате глубокого и длительного психосоматического напряжения, связанного с наличием психогенных стрессов в процессе воспитания: например, сильный страх перед беременностью, при котором бесплодие возникает как психологическая защита, конфликт между сознательным желанием забеременеть и неосознанным отказом от беременности и материнства, – им нужно помочь освободиться от своих страхов [20]. «Для многих больных характерна переоценка себя, перфекционизм, подчёркивание своей исключительности и индивидуальности. Суждения по типу: «всё или ничего»; «чёрное или белое», нежелание и

неумение видеть жизнь во всей многогранности с полутонами, сложностями и противоречиями», – отмечают Б.Г. Ермошенко с коллегами [28; 29, с.112,]. Неудачи и неприятности приводят к крайностям в способах реагирования. Декларируя, что рождение ребёнка является наиболее актуальной проблемой, пациенты имеют иные приоритеты: нежелание «ворошить прошлое», связанное с неприятными психотравмирующими моментами, со случаями ошибочного или недостойного поведения, фиксация на неполноценности из-за невозможности осуществить родительскую функцию, невротическая ограниченность бытия в целом. «Для многих лиц и пар способность зачать и родить ребенка – самый важный критерий женственности и мужественности; продолжение рода является основным смыслом их жизни» [26, с.9]. понятно, что такая «принудительность» разрушает любовь, подменяя ее ведущей к эскалациям конфликтов, разводам и болезням привязанностью, возникновением и развитием созависимостей и иных дисфункциональных взаимоотношений.

Таким образом, особую значимость приобретают аспекты, связанные с межличностными отношениями, семейной парой в целом. Поэтому Т.В. Шахворостова и другие исследователи отмечают влияние на репродуктивные нарушения семейно-родовых сценариев, а также необходимость целенаправленной психологической работы с клиентами /пациентами, в том числе, в процессе применения вспомогательных репродуктивных технологий,. Эта работа должна быть ориентирована на коррекцию семейно-родовых сценариев, например, по методикам Э. Берна, Б. Хеллингера, С. Минухина, М.С. Палазолли и т.д. [30, с.280].

По мнению Е.С. Дьячковой «Возможны три варианта реакции супругов на нарушения репродуктивного здоровья: индифферентная, сближение и отчуждение» «если семейная система гармоничная, то ситуация репродуктивных нарушений семьи спланирует супругов и легче проходит разрешение проблемы, а если дисгармоничная, то ситуация становится кризисной, приводит к негативным последствиям в указанных сферах жизни и деятельности семьи» [31, с. 200, 205; 32, с.17-20; 33, с. 97-98; 34, с.105-106]. К.А. Богдан полагает, что причиной психического инфантилизма пары является внутренний конфликт одного или обоих супругов в психологическом принятии пола, а также семейные конфликты, перенесённые в детстве [36, с.21 – 22; 35, с.99-100]. Эти конфликты ответственны за такие нарушения как перверсии, включая настойчивые мастурбации. По мнению С. Нопеу страхи родителей перед мастурбацией и сексуальностью могут принимать и такую форму: повредив себя, я никогда не смогу иметь ребенка» [37]. L.W. Сох объясняет «необъяснимое» бесплодие конфликтным детством, неудачными взаимоотношениями в семье, боязни беременности и материнства, страха перед родами и послеродовыми психозами, противоречием между стремлением к профессиональной деятельности и материнством [38, р. 2]. S. Fenty выдвинул идею о том, что женщина, забеременев, «вспоминает» и воспроизводит на органическом уровне свое состояние как плода, а на психологическом — состояние своей матери / родителей [39]: начало развития будущего отношения родителей и к ребенку закладывается внутриутробно на основе первичных конфликтов родителей с плодом и продолжается в младенчестве. Во время беременности у женщины и мужчины актуализируется этот опыт, который влияет на содержание их собственного материнства и отцовства.

Б.М. Емалетдинов полагает, что причинами безбрачия, разводов и неуспешности браков в целом и репродуктивных нарушений в частности является нарушение или несформированность способности к настоящей любви, ее построению, развитию, сохранению: влюблённость как эгоистическая (незрелая) любовь формирует и формируется зависимостью от желаний: социальная независимость женщин и мужчин часто ведет к отчуждению и потере взаимопонимания, измены и промискуитет сочетаются с патологическое ревностью и собственничеством, несовместимость духовно-нравственных ценностей и десакрализация брака и любви перерастают в использование семьи, детей и т.д. в средство подтверждения полноценности и успеха. Безбрачие во многом связано в физической и нравственной «инвалидностью», переоценкой значимости индивидуальной

свободы и независимости, непомерными требованиями к партнёрам, потребительской жизненной позицией и зависимостями, другими отклонениями личности, нарушениями сексуальной и репродуктивной сфер. Важнейшие потребности человека как живого существа связаны с нуждами выживания и размножения – потребности в безопасности и комфорта, потребности человека как социального и духовного существа – в контроле/власти и подчинении, в аффилиации/любви и принадлежности группе, а также в уединении, автономности, и признании и самореализации. Потребность в аффилиации – в психологической связи с другими людьми, взаимном принятии – во многом противоположна потребностям в одиночестве и власти. У здорового человека эти потребности сбалансированы, у человека с нарушениями репродуктивного и иных компонентов здоровья – нарушены. Неудовлетворённость, в том числе полное блокирование потребностей, вызывает переживания отчужденности, фрустрацию [40, с. 24-26].

Однако, поддержка со стороны близких смягчает интенсивность и последствия стресса, уменьшает отчуждённость и одиночество, повышает удовлетворенность браком, собой и миром, готовность к родительству и психологическое состояние в целом, а «Высокий уровень взаимопонимания между партнерами помогает парам успешно совладать с последствиями бесплодия. В некоторых случаях бесплодные семьи чувствуют большую близость, любовь, и поддержку по отношению друг к другу» [41; 42; 43, р. 138; 44, с. 17], то не только помогает им справляться со стрессом бездетности, но и выходить из него с победой.

Хотя в большинстве цивилизованных стран давно произошла «контрацептивная революция», вытеснившая аборт из методов регулирования деторождения, аборт как практика внутрисемейного регулирования деторождения во многих странах СНГ сохраняет свое значение до сих пор. Она же служит причиной бесплодия и иных нарушений репродуктивного здоровья. По мнению И.Ф. Юнды [45], добровольная бездетность, которая достигается путем искусственного прерывания беременности, становится невольной из-за развивающихся хронических воспалительных заболеваний, спаечных процессов, приводящих к обструктивному бесплодию: из фактора регулирования рождаемости аборт может превратиться в причину снижения репродуктивного потенциала, плодовитости. Е.С. Дьячкова отмечает, то «В зависимости от того, кто из супругов является инфертильным, выделяют мужское бесплодие, женское бесплодие, бесплодие, обусловленное нарушениями репродуктивного здоровья обоих супругов, бесплодие неясного генеза, при котором генитальная патология не обнаруживается ни у одного из супругов» [31, с.199-200]. Помимо основных типов бесплодия : 1) бесплодие, обусловленное патологией репродуктивных органов; 2) эндокринное бесплодие, связанное с расстройствами в деятельности системы желез внутренней секреции; 3) обусловленное преимущественно анатомическими нарушениями в области репродуктивных органов; 4) иммунологическое, вызываемое явлениями сенсибилизации организма, В.А. Крутова и Б.Г. Ермошенко выделяют 5) проблему « мнимой инфертильности» или добровольной бездетности [29, с. 11-112; 46, с.98-102; 47, с. 13-15; 48, с. 15 – 16; 49, с.4-5; 50, с.39-42]. Медицина, хотя и полагает аборт «безнравственным, вредным для здоровья методом регулирования рождаемости», использует аборт в собственных целях, исподволь пропагандируя и сам аборт («по медицинским показаниям»), и отношение человека к себе и ребенку как к телам. Аналогичным образом дело состоит в рекламе промискуитета: «секс для здоровья» с подачи тех же врачей практикуют значительное число людей во всем мире, не задумываясь не о психологических, ни о физических, ни о – тем более – нравственных последствиях сделанного. Еще одна сфера медицинского бизнеса – «замещающая гормональная терапия» в период менопаузы: с одной стороны, сроки наступления менопаузы и ее симптоматика становятся все более ранними и выраженными, в том числе у мужчин, а с другой, – полностью игнорируется психологический и нравственный контекст наступления менопаузы, отсутствуют исследования случаев и сообществ, в которых данный «всеобщий» феномен не возникает.

Обсуждение результатов исследования. Нарушения репродуктивного здоровья очевидным образом связаны с интенсивным распространением «сексуальной революции», в том числе проникновением в повседневную жизнь людей идеологии «свободных отношений», «здорового секса», формирование в процессе воспитания потребительских ориентаций в выборе партнеров / супругов. Негативно сказываются на психологическом и нравственном состоянии человека потребительское отношение к окружающим людям в целом, неуважение к родителям и другим членам семьи, роду, отказ и осмеяние достижений и традиций предыдущих поколений, негативное отношение к пожилым, инвалидам, всем слабым и страдающим людям, стремление только к собственному благополучию и усилению влияния на мир за счет ресурсов других людей (так называемый «социальный каннибализм»). Эти процессы усугубляет активный распад общественных движений и систем общественной поддержки человека, прекаризация труда и отказ государства от львиной части своих обязательств в сфере образования, здравоохранения, правоохраны, в том числе в сфере защиты и гармонизации прав и обязанностей населения.

Все это наносит удар по способности человека понимать себя и мир, рефлексировать и управлять навязываемыми обществом и воспитанием желаниями, координируя их с истинными, исходящими из сущности человека как биологического, социального и духовного существа нуждами, соотносить их с внешней и внутренней реальностью. Население начинает и продолжает чувствовать себя ненужным, незащищенным и неспособным влиять на собственную жизнь и жизнь окружающих, в полной мере защитить свою жизнь и жизнь детей и, тем более, взять на себя обязательства в отношении воспитания и содержания детей, жизнь которых, вероятнее всего, будет наполнена страданиями и дисгармониями, нравственными деформациями и бессмыслицей, как и жизнь родителей. Лишь небольшая часть людей способна справиться и разобраться в ситуации самостоятельно: исследование психологических и нравственных особенностей и проблем людей с нарушениями репродуктивного здоровья и без нарушений, а также основанная на результатах исследований направленная психологическая и духовная помощь людям, имеющим проблем в сфере репродуктивного здоровья – настоятельная необходимость.

Очевидно, что воспроизводство, репродукция населения – процесс сложный и многофакторный. Этот процесс намного сложнее, чем процесс воспроизводства у животных и растений: человек – не только и не столько биологическое, сколько социальное и духовное существо. Взаимодействия, взаимные трансформации, взаимные дополнения и конфликты «телесного» и «психосоциального» бытия человека образуют повседневную ткань его жизни: выборы, которые совершает человек, – это, весьма часто, выборы которые состоят в выстраивании и пристраивании иерархии «телесного» и «духовного», «индивидуального» и «социального» бытия. Если выбор осуществлен «правильно», то гармония «тела» и «души» не нарушается, укрепляется, восстанавливается. Если нет – то дисгармонии и нарушения прогрессируют, приводя к различным «ресоматизациям», возникновению и укреплению психосоматических нарушений, если превозносятся или целенаправленно угнетаются, игнорируются интересы «тела», инстинктов (дисбаланса инстинктов жизни, размножения и смерти, разрушения; а также инстинктов благополучия, комфорта и развития, распространения), а также нарушений психических, связанных в своей основе с превознесением интересов «духа» (десакрализации, неуважения и отчаяния, недовольства собой и миром, перфекционизма, совершенствования и самоудовлетворенности, страха изменений). Большая часть возникающих дисгармоний явно или неявно проявляет себя в нарушениях репродуктивного здоровья человека и, напротив, гармонизация телесного и духовного бытия приводит к восстановлению и укреплению здоровья.

Выводы. Таким образом, психологические и нравственные аспекты проблемы нарушений репродуктивного здоровья, их профилактики, диагностики и коррекции, остаются во многом нераскрытыми, недооцененными. В целом, психологические и нравственные аспекты репродуктивного здоровья женщин и мужчин – одна из наименее изученных тем как в психологических, так и в медицинских сферах исследований.

Список источников

1. Арпентьева М.Р., Рожкова Н.Г. Жизненные перспективы замещающих семей и их сопровождение в центрах социальной поддержки // Профессиональная библиотека работника социальной службы. – М.: ООО Изд-во «Социальное обслуживание»; 2014. – № 6. – 256с.
2. Колесников Дм. Б., Ермоленко Кр.С., Соловьева А.В. Психическое состояние женщин с бесплодием в старшем репродуктивном возрасте // Клиническая медицина. – 2013. – №6. – С.38-41.
3. Макаричева Э.В., Менделевич В.Д. Психический инфантилизм и необъяснимое бесплодие // Социальная и клиническая психиатрия. – 1996. – №3. – С. 29-33.
4. Виилма Л. Начало мужское и женское. – Екатеринбург: У-Фактория; 2007. – 256с
5. Ефимкина Р. Как дела? Еще не родила! – М.: Класс; 2014. – 288с.
6. Берг-Кросс Л. Терапия супружеских пар. М: Изд-во Института психотерапии; 2004 - 528с..
7. Кемпер И. Практика сексуальной психотерапии. Т. 1-2. М.: «Прогресс: Культура»; 1994. – 380с.
8. Маданес К. Стратегическая семейная терапия. – М.: Класс; 1999. – 272с.
9. Kaplan H.S. Sexual Desire Disorders: Dysfunctional Regulation of Sexual Motivation. – N.Y.: Routledge; 1995. – 352p.
10. Бутовская М.Л. Стратегии сексуального поведения человека // Химия и жизнь. – 2003. – №7-8. – С.22-29.
11. Доморацкий В.А. Медицинская сексология и психотерапия сексуальных расстройств. – М.: Академический проект; Культура; 2009. – 470с.
12. Крукс Р., Баур К. Сексуальность. – М.: Прайм-Еврознак, 2005. – 480с.
13. Лебедев А.В. Особенности течения беременности и родов у женщин с экстракорпоральным оплодотворением: автореф. дис.....канд. мед. наук. – Минск: Белорусский гос. мед. университет; 2013. – 22с.
14. Шарфф Д.Э. Сексуальные отношения: секс и семья с точки зрения теории объектных отношений. – М.: Когито-Центр; 2008. – 304с.
15. Giles J. The Nature of Sexual Desire. – Maryland: University Press; 2008. – 228p.
16. Masters W.H., Johnson V.E. Human sexual inadequacy. N.Y.: Ishi Press; 2010: 482p.
17. Masters W.H., Johnson V.E. Human sexual response. – N.Y.: Ishi Press; 2010. – 384p
18. Бежина Хр. В. Опыт бесплодия как фактор трансформации психологической структуры социальной идентичности беременной женщины // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2011. – №2. – С.112-117.
19. Маркова М.В. Феномен бесплодия супружеской пары с позиции медицинской психологии // Всесвіт соціальної психіатрії, медичної психології та психосоматичної медицини. – 1993. – № 1 (1). – С. 57-62, 1993. – №2(2). – С. 4-13.
20. Пепперелл Р.Дж., Хадсон Б., Вуд К. Бесплодный брак. М.: Медицина; 1986. – 280с.
21. Филиппова Г.Г. Нарушение репродуктивной функции и ее связь с нарушениями в формировании материнской сферы // Перинатальная психология и психология репродуктивной сферы. – 2010. – № 1. – С.101-119
22. Филиппова Г.Г. Психология материнства. – Москва: Изд-во Ин-та психотерапии; 2002. – 240с.

23. Карголь И. В. Изучение проблемы воздействия стресса бесплодия на семью в зарубежной психологии // Научные ведомости БелГУ. Серия: Гуманитарные науки. – 2012. – № 12 (131). – Р. 205-209.
24. Infertility: Perspectives from Stress and Coping Research / Dunkel-Schetter Ch., Lobel M., eds. – New York: Plenum Press; 1991. – 240p.
25. Anderson K. M., Sharpe M., Rattray A., Irvine D. S. Distress and concerns in couples referred to a specialist infertility clinic // Journal of Psychosomatic Research. – 2003. – №54(4). – Р.353 – 355.
26. Апресян С. В., Абашидзе А. А., Аракелян В. Ф. Медико-психологические аспекты бесплодия // Акушерство, гинекология и репродукция. – 2013. – № 1. – С. 8-10.
27. Рябова М. Г. Индивидуально-психологические особенности женщин с различными типами нарушения репродуктивной функции // Вестник ТГУ. – 2013. – № 9 (125). – С. 190-198.
28. Ермошенко Б. Г., Крутова В. А. Роль психологических факторов при бесплодии (обзор литературы) // Успехи современного естествознания. – 2005. – №8. – С.17-20.
29. Ермошенко Б. Г., Крутова В. А., Фоменко Г. Ю. Психологические аспекты репродуктивного поведения инфертильных женщин в ракурсе экзистенциальной проблематики // Успехи современного естествознания. – 2007. – № 11. – С.111-113.
30. Шахворостова Т.В. Психолого-акмеологические факторы эффективного сохранения репродуктивного здоровья женщин // [Мир науки, культуры, образования](#). 2015. – №3 (52). – С. 277-280.
31. Дьячкова Е.С. Психологические особенности семей с нарушениями репродуктивного здоровья // Вестник ТГУ. – 2013. – № 9 (125). – С. 199-207.
32. Кришталь Е.В., Маркова М.В. Бесплодие супружеской пары в аспекте медицинской психологии // Медицинская психология. – 2008. – №3. – С. 17-22.
33. Лосева Н.В., Ярославцева И.В. Особенности психологического консультирования женщин с нарушением репродуктивной функции // Бюллетень ВСНЦ СО РАМН. – 2014. – № 4. – С. 96-99.
34. Федина Л. П. Исследование индивидуально-психологических особенностей бесплодных супружеских пар, вступивших в протоколы экстракорпорального оплодотворения // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Педагогика и психология. – 2011. – № 1. – С. 103-108.
35. Богдан К.А. Психологические проблемы, сопровождающие проблему бесплодия и возможности оказания психологической помощи в процессе его лечения методом ЭКО // Перинатальная психология и медицина, психосоматические расстройства в акушерстве, гинекологии, педиатрии и терапии: сборник материалов Всероссийской конференции. Иваново, 2001. – Иваново: ИГУ; 2001. – С. 98 – 101.
36. Макаричева Э.В., Менделевич В.Д. Психический инфантилизм и необъяснимое бесплодие // Социальная и клиническая психиатрия. – 1996. – №3. – С. 29-33.
37. Хорни К. Невротическая личность нашего времени. – С.-Пб.: Питер; 1997. – 496с.
38. Cox L.W. Infertility: a comprehensive programme // British. J. Obstet. Gynaecol.. 1975;. – № 82(1). – Р. 2-12.
39. Фанти С. Микropsихоанализ. – М.: Центр психологии и психотерапии; 1997. – 400с.
40. Емалетдинов Б. М. Проблемы безбрачия и распада семей // Российский гуманитарный журнал. – 2013. – № 1. – С. 21-48.
41. Захарова Е.И. Развитие личности в ходе освоения родительской позиции // Культурно-историческая психология. – 2008. -№2. – С. 24-29.
42. Abbey A., Andrews F. M., Halman L. J. Provision and receipt of social support and disregard: What is their impact on the marital life quality of infertile and fertile couples? // Journal of Personality and Social Psychology. – 1995. – №68(3). – Р. 455 – 469.

43. Carroll J. S., Robinson W. D., Marshall E. S., Callister L. C., Olsen S. F., Dyches T. T., et al. The family crucibles of illness, disability, death, and other losses // *Strengthening our families* / Dollahite D. C. (Ed.). - 2000. - P. 278 – 292.
44. Infertility: Perspectives from Stress and Coping Research / Dunkel-Schetter Ch., Lobel M., eds. - New York: Plenum Press; 1991. - 240p.
45. Юнда И.Ф. Бесплодие в супружестве. - Киев: Здоровье; 1990. - 462с.
46. Захарова Е.И., Якупова В.А. Внутренняя материнская позиция женщин, беременность которых наступила с помощью ЭКО // *Национальный психологический журнал*. - 2015 - № 1 (17). - С. 96-104.
47. Корнеева И.Е. Эффективность лечения бесплодия в амбулаторных условиях // *Акушерство и гинекология*. - 2002. - №1. - С. 13 – 17.
48. Крутова В. А., Ермошенко Б. Г. Причины женского бесплодия // *Успехи современного естествознания*. - 2005. - №11. - С. 16-19.
49. Мачанские О. В. Пути улучшения результатов лечения трубно-перитонеального бесплодия: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. - М., Моск. обл. НИИ акушерства и гинекологии; 2001. - 20с.
50. Щеплев П. А., Аполихин О. И. Мужское бесплодие. Обсуждение консенсуса. // *Вестник репродуктологии*. - 2010. - №3-4. - С. 37-44.

Информация об авторе

Арпентьева Мариям Равильевна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии развития и образования, Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского, 248023, г. Калуга, Россия, ул. Разина. д. 22/48, 1 корпус, 809 ауд., тел.: +79533134816, e-mail: mariam_rav@mail.ru

Arpentieva M.R.

MODERN PSYCHOLOGICAL SCIENCE OF REPRODUCTION

The relevance of the work stems from the fact that the problem of violation and loss of reproductive health is becoming increasingly urgent for citizens of Russia. The purpose of the study is to analyze violations and loss of health of the population as a result of the destruction of traditional moral values, a set of social, psychological and psychosomatic consequences of the destruction of moral relations. Materials and methods. Theoretical analysis of the problem included a review of modern and foreign sources on the psychological and moral components of reproductive health. As a method of empirical research was the content analysis of structured interviews with patients with various disorders of reproductive health, not having children. Results. As shown by the survey data and subsequent correction and developing lessons with the respondents, reproductive health of women and men is a complex phenomenon, an important role in the formation and development of which play spiritual, moral and socio-psychological aspects. They affect physical, psychological and spiritual health of children, newborns. In the presence and harmony are highlighted above aspects of reproductive health has long maintained and quickly restored: the man correctly relates to self and life, and his children are born healthy and highly viable. The presence of selected health characteristics allows us to estimate the reproductive potential of each individual, to successfully carry out psychological assistance to persons wishing to have children, as well as to correct problems in the development of family and child before and after birth. Conclusions. Reproductive health is associated with unwillingness and reluctance of potential parents to be parents: to ensure the moral well-being of mentors and educators, providing psychological well-being friends and companions, and provide material well-being guardians of the children. Children reflect the reluctance and unwillingness of parents increased morbidity, trauma and even deaths from the obvious to the hidden from the eyes of others children-killing trends.

Keywords: family; marriage; reproductive health; reproductive potential; infertility; parenting; reproductive health; sex; abortion; venereal disease; promiscuity; marriage; morality.

Information about the author

Arpentieva Mariam Ravilievna, grand doctor (Grand PhD) of psychological Sciences, associate professor, professor and senior researcher of the department of development and education psychology, Tsiolkovskiy Kaluga state University, 248023, Kaluga, Razina str., 22/48, 1 build., 809 aud., tel. +7 (4842)503031, +79533134816, e-mail: mariam_rav@mail.ru

УДК: 378.014.61(575.1)

Ф.А. Акрамова

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОЧНОСТИ СЕМЬИ: СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ

Формирование семейно – брачных отношений и семейной структуры населения в целом происходит на здоровой основе, на эти процессы оказывают влияние сложившиеся традиции и в то же время новые общемировые процессы, касающиеся семьи и брака. В статье раскрыты социально-психологические аспекты семьи, семейные отношения и семейные ценности на примере проведенного исследования в семьях Узбекистана и предложены рекомендации по укреплению семьи.

Ключевые слова: семья, полная семья, неполная семья, прочность семьи, семейные отношения, семейные ценности.

Семья - ячейка (малая социальная группа) общества, важнейшая форма организации личного быта, основанная на супружеском союзе и родственных связях, т.е. отношениях между мужем и женой, родителями и детьми, братьями и сестрами, и другими родственниками, живущими вместе и ведущими общее хозяйство на основе единого семейного бюджета. Жизнь семьи характеризуется материальными и духовными процессами [1, с. 23]. Семья подразделяется по типу на полные, неполные, нуклеарные, бездетные, многодетные, молодые, и.т.д. Характерный для той или иной семьи более или менее устойчивый эмоциональный настрой принято называть психологическим климатом (синоним - психологическая атмосфера). Он является следствием семейной коммуникации, то есть возникает в результате совокупности настроения членов семьи, их душевных переживаний и волнений, отношения друг к другу, к другим людям, к работе, к окружающим событиям. [1, с. 23].

Многие исследователи выделяют два типа психологического климата семьи: благоприятный и неблагоприятный. Многолетние наблюдения показывают, что довольно значительной части семей присущ противоречивый психологический климат.

Исходной основой благоприятного психологического климата является супружеская совместимость, в первую очередь такой ее компонент, как общность идейно - нравственных взглядов мужа и жены. Для благоприятного психологического климата характерны следующие признаки: сплоченность, возможность всестороннего развития личности каждого ее члена, высокая доброжелательная требовательность членов семьи друг к другу, чувство защищенности и эмоциональной удовлетворенности, гордость за принадлежность к своей семье, принципиальность, ответственность. [1, с. 25].

В семье с благоприятным психологическим климатом каждый ее член относится к остальным с любовью, уважением и доверием, к родителям - еще и с почитанием, к более слабому - с готовностью помочь в любую минуту.

Важный показатель благоприятного психологического климата семьи — стремление ее членов проводить свободное время в домашнем кругу, беседовать на интересные всех темы, вместе выполнять домашнюю работу, подчеркивать достоинства и добрые дела каждого, преподносить друг другу приятные сюрпризы, вместе путешествовать. [2, с. 9].

Неблагоприятный психологический климат семьи ведет к депрессиям, ссорам, психической напряженности, дефициту в положительных эмоциях. Если члены семьи не стремятся изменить такое положение к лучшему, то само существование семьи становится проблематичным.

Жизнь в семье невозможна без общения в ней, общения между мужем и женой, между родителями и детьми в процессе повседневных отношений. Общение в семье представляет собой отношение членов семьи друг к другу и их взаимодействие, обмен информацией между ними, их духовный контакт. Спектр общения в семье может быть очень разнообразным. Помимо бесед о работе, домашнем хозяйстве, здоровье, жизни друзей и знакомых оно включает в себя обсуждение вопросов, связанных с воспитанием детей, искусством, политикой, и так далее. [2, с. 19].

Удовлетворённость супругов общением зависит от степени совместимости их взглядов, ценностей. Не вызывает сомнения тот факт, что нервозность, неуравновешенность, замкнутость и другие отрицательные черты характера являются плохими спутниками семейного общения.

Социологические исследования показывают, что при нормальных взаимоотношениях в семье супруги обычно всегда делятся между собой своими огорчениями и получают при этом морально психологическую поддержку, чего не скажешь про неблагополучные семьи.

Однако не бывает идеального общения в семье, т.е. общения, состоящего только из согласия. Супружеские отношения неизбежно проходят через противоречия: ссоры, конфликты, и так далее. В этих случаях очень важно понять супругам позицию друг друга, поставить себя на его место.

В семейном общении очень важны нравственные принципы, главным из которых является - уважение другого, его «я». Нередко, после трудного трудового дня супруги стремятся сорвать своё плохое настроение на близких, дать выход накопившейся озлобленности. Они начинают ворчать, упрекать, делать замечания, кричать. В результате такой разрядки человек может получить временное облегчение, хотя последствия могут оказаться тяжёлыми. Одних начинают мучить угрызения совести за собственную неправоту и несдержанность. Других - обида за несправедливые обвинения и упрёки. В результате это способствует разрушению семьи.

Иногда полезно делать компромиссы, т.е. идти на уступки друг другу. Также очень важно уметь признавать свои ошибки, как право других ошибаться. Очень важно почаще делиться своими мыслями, не скупиться на похвалу, добрые слова.

Не сложившиеся отношения между мужем и женой ведут к плохим последствиям. Психологами установлено, что существует связь между супружескими конфликтами и нервно психическими расстройствами. Отсутствие взаимопонимания в семье приводит к подавленности, отчуждённости, к ухудшению психологического и физического состояния, значительному понижению работоспособности человека. Неумение общаться способно разрушить семью. Основными компонентами культуры общения являются сопереживание, терпимость, уступчивость, доброжелательность. Особая способность к общению - умение признать ценность другого, даже при несовпадении позиций. Только таким образом можно достичь гармонии в семейной жизни. [1, с. 23].

В семье, кроме взрослых, в неполноценном общении нуждаются также и дети. Общение является одним из основных факторов формирования личности ребёнка. Потребность в общении появляется у младенца с самого рождения. Уже в возрасте 2-х месяцев при виде матери его лицо озаряется улыбкой.

Общение родителей с детьми имеет огромное значение для их полноценного развития. Доказано, что дети, лишённые возможности общаться с родителями, характеризуются низким уровнем саморегуляции поведения, обладают повышенной чувствительностью к обращению к ним взрослого, испытывают трудности в общении со сверстниками.

Во многих семьях в большинстве своём дети чаще общаются с матерью, чем с отцом. Беседы же с отцом имеют кратковременный характер. У некоторых детей вообще отсутствуют доверительные отношения как с отцом, так и с матерью. Чаще всего это бывает в семьях, где не установились близкие духовные контакты как между супругами, так и между родителями и детьми. В таких семьях главной является воля одного из супругов, а взаимоотношения с другими членами семьи основывается на приказах, подчинении, оскорблениях. Это оказывает отрицательное влияние на формирование у детей способности к полноценному общению.

Таким образом, на родителях лежит ответственность за воспитание у детей способности к человеческому общению, т.к. именно в семье дети усваивают характер общения. Кроме того, от умения супругов общаться во многом зависит и нравственно-психологическое благополучие всех членов семьи.

Каждой семье присущ определенный уровень духовности. Чем выше этот уровень, тем больше оснований для семьи быть сплоченной, развивать способности и интересы, удовлетворять культурные потребности своих членов, успешно воспитывать детей, жить богатой нравственной и эмоционально-эстетической жизнью. К духовным ценностям семьи следует, прежде всего, отнести ее идейно- нравственные устои, коллективистские отношения, психологический климат, общение внутри семьи и с окружающим миром, контакты со средствами массовой информации, литературой и искусством, эстетику быта, воспитательный потенциал, интеллектуальные устремления. [1, с. 23].

Единство гражданственности и устойчивых нравственных отношении оказывает сильное всестороннее воздействие на каждого члена семьи, особенно на детей. Подлинная духовная близость детей с родителями и старшими - это такие отношения, при которых взрослый отдает ребенку самые сокровенные богатства своей души, отдает бескорыстно, не требуя ничего взамен, а ребенок, впитывая все лучшее, в свою очередь, обогащает взрослого целебной чистотой своих эмоций, открывает ему бесхитростные тайники своей души. Именно добрые внутрисемейные отношения оказывают положительное влияние на всестороннее формирование личности.

Семейные традиции - это обычные принятые в семье нормы, манеры поведения, обычаи и взгляды, которые передаются из поколения в поколение. Семейные традиции и ритуалы являются, с одной стороны, одним из важных признаков здоровой (по определению В.Сатир) или функциональной (по определению Э. Г.Эйдемиллера и других исследователей) семьи, а, с другой стороны, наличие семейных традиций является одним из важнейших механизмов передачи следующим поколениям семьи законов внутрисемейного взаимодействия: распределения ролей во всех сферах семейной жизни, правил внутрисемейного общения, в том числе способов разрешения конфликтов и преодоления возникающих проблем. [3, с. 10], [4, с. 5].. Семейные традиции и обряды основываются на общественных, религиозных и исторических традициях и обрядах, но творчески преобразуются и дополняются собственными, поэтому они уникальны для каждой семьи.

Семья в Узбекистане является одной из важнейших жизненных ценностей. Воспроизводство населения, воспитание подрастающего поколения, формирование образа жизни, поддержание исторически сложившихся традиций и обычаев в основном происходит в семьях. 2017 год в Узбекистане был объявлен «Годом общения с народом и интересов человека». В Принятой Государственной Программе в честь этого года было предусмотрено непосредственное общение с населением и изучение социально-духовного климата семьи. Республиканским научно-практическим центром «Семья» был составлен опросник для изучения социально-психологических аспектов семьи. Опросник состоял из 38 вопросов, в котором учтены все актуальные стороны семьи, семейных отношений, благополучного климата семьи. Результаты исследований показывают, что в Узбекистане формирование семейно – брачных отношений и семейной структуры населения в целом происходит на здоровой основе, на эти процессы оказывают влияние сложившиеся традиции и в то же время новые общемировые процессы, касающиеся семьи и брака.

Таблица 1.

Состояние по типу семей (в процентах, %)

Тип семьи:	полная	неполная	другой тип
%	88,0	7,0	5,0

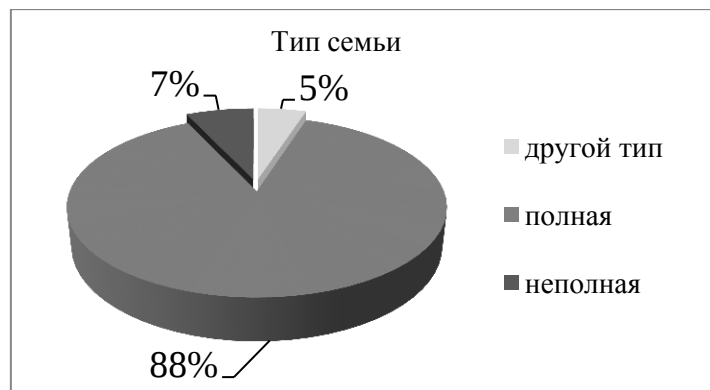

Рис.1. Структура семей в Узбекистане

Как видно, из таблицы и диаграммы были изучены 378 семей. В основном семьи относятся к категории полных семей, где в основном вместе живут родители со своими детьми. Этот факт обеспечит психологический комфорт в семье.

Таблица 2.

Занятость родителей в изученных семьях (в процентах, %)

Занятость	Другой ответ		работает		не работает	
	отец	мать	отец	мать	отец	мать
%	8,0	10,0	70,0	74,0	22,0	16,0

Как видно из таблицы 2 и диаграммы в изученных семьях родители в основном заняты своей работой, деятельностью. Но, тем не менее не малая часть, т.е. в совокупности 22 процента отцов и 16 процента матерей относятся к неработающей категории. Этот факт в свою очередь требует глубокого анализа психологического климата семей и дальнейшего анализа последствий влияния климата семей на стабильность, прочность семейно-брачных отношений.

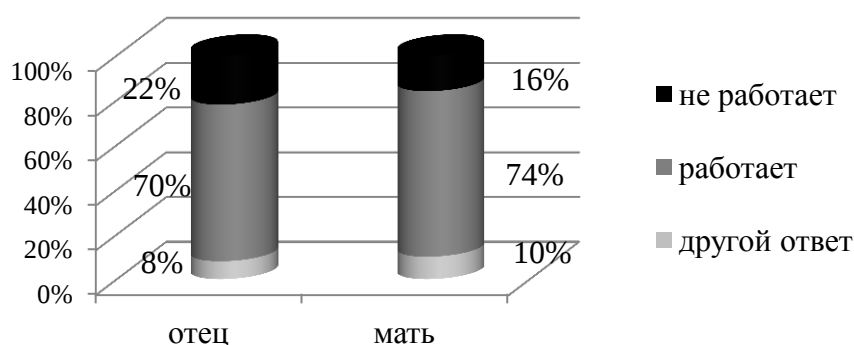

Рис.2. Структура занятости семей в Узбекистане

Общеизвестно, каждая семья в зависимости от своей этнической принадлежности имеет семейные ценности. В нашем исследовании мы поставили цель изучить отношение респондентов к семейным ценностям. Результат показан в таблице 3.

Таблица 3.

Отношение респондентов к основным семейным ценностям (в процентах, %)

Семейные ценности:	Другой ответ	Уважение старших	Празднование семейных традиций	Высокий статус мужчины в семье	Совместное проживание невестки со свекровью
%	4,0	53,0	10,0	30,0	2,0

Как видно из таблицы, в рейтинге семейных ценностей большая часть респондентов отметили «уважение старших», на втором месте: «высокий статус мужчины в семье», далее «празднование семейных традиций». Такое отношение основательно доказывает социальные и этнопсихологические особенности узбекских семей.

Результаты исследований позволяют определить следующие основные рекомендации:

1. Стабильность семьи и сама семья как основная первичная ячейка общества требует изучения и влияния *социально-психологических аспектов прочности семьи*.
2. Изучив, анализируя все факторы влияния на стабильность семьи с учетом типа семей, занятости членов семьи можно построить семейные отношения, которые в свою очередь в дальнейшем повлияют на климат семьи и на психологию личности члена этой семьи.
3. Так как семья состоит из множества аспектов её стабильности, этнические особенности и семейные ценности должны служить для блага прочности семей.
4. В связи с этим необходимо неотложно научить молодежь к ответственному отношению семье и т.д.

© Акрамова Ф.А. Текст. 2017

Список источников

1. Williams Brian Marriages, Families & Intimate Relationships. — Boston, MA: Pearson, 2005. — ISBN 0-205-36674-0
2. Шнейдер Л. Б. Функционально-Ролевая структура семейных отношений // *Психология семейных отношений. Курс лекций*. — М.: Апрель-Пресс, Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. — С. 132-133. — 512 с. — ISBN 5-04-005780-6
3. ↑ Сатир В. Как строить себя и свою семью. М., 1992, С. 11
4. ↑ Антонова Л. И., Цветкова Н. А. Роль семейных традиций и ритуалов в представлениях старших школьников о семье//Современные гуманитарные исследования, № 1, 2000

Информация об авторе

Акрамова Феруза Акмаловна (г. Ташкент, Республика Узбекистан) – к.пс.н., доцент, ведущий специалист Республиканского научно-практического Центра «Оила» (Семья), (100017, г. Ташкент, ул. Мустакиллик, 5. e-mail: akramova_feruza@mail.ru
Тел: (998 71) 239 46 27; (998 71) 239 10 34. Сот.: +998911360527

Akmalovna A. F.

SOCIO-PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF THE STRENGTH OF THE FAMILY: FAMILY RELATIONS AND FAMILY VALUES

The formation of family - marriage relations and the family structure of the population as a whole takes place on a healthy basis, these processes are influenced by established traditions and at the same time by new global processes relating to family and marriage. The article reveals the socio-psychological aspects of the family, family relations and family values on the example of the study carried out in the families of Uzbekistan and offers recommendations for strengthening the family.

Key words: family, full family, incomplete family, family strength, family relations, family values.

Information about the author

Akramova Feruza Akmalovna (Tashkent, Uzbekistan) - Doctor of Economics, Academician of Labor and Business Academy, Head of department of Demography Centre of the family of Republik of Uzbekistan (Mustakillik str, 5, Tashkent, 100017 Uzbekistan) e-mail: akramova_feruza@mail.ru . Тел: (998 71) 239 46 27; (998 71) 239 10 34. mobile.: +998911360527

УДК: 314.02

Ш.Г. Акрамова, Н.Н. Юлдашев

СЕМЬЯ В УЗБЕКИСТАНЕ: ПЕРЕХОД ОТ МНОГОДЕТНОЙ К СРЕДНЕДЕТНОЙ СЕМЬЕ

В статье анализируются такие демографические процессы как рождаемость, брачность, разводимость за период 1991-2015 годы с точки зрения их влияния на изменение размера семьи.

Ключевые слова: семья, брачность, разводимость, рождаемость, репродуктивная установка.

Семья является одним из самых важнейших институтов любого общества и государства. Научные исследования о факторах влияющих на развитие семьи, количество и состояние различных социальных в ней групп являются актуальными в современных условиях углубления глобализационных процессов в мире. Так как именно институт семьи играет ведущую роль в изменении демографических процессов любого государства.

В Узбекистане огромное внимание уделяется укреплению и защите семьи как со стороны общества так и государства. С первых дней независимости укрепление здоровья матери и ребенка, воспитание здорового и гармонично развитого поколения, повышение благополучия семьи, усиление заботы о молодых семьях являются приоритетными направлениями социально-экономического развития страны. Исходя из этого данная статья посвящена оценки влияния демографических процессов на изменение количественных показателей и размер семьи. Проанализировано влияние таких показателей как рождаемость, смертность, естественный прирост, брачность и разводимость, младенческая и материнская смертность. Влияние социально-экономических факторов в статье не учитывается.

На глобальном уровне 1994 год был провозглашен Ассамблеей Объединенных Наций Международным Годом Семьи под лозунгом: “Семья: Ресурсы и Ответственность в меняющемся мире”. Но нужно отметить что Концепция семьи принятая ООН не дает универсального определения семьи, так как считает, что оно может различаться в различных аспектах во всех государствах и обществах [6, с. 46].

Большинство демографических исследований определяют семью как основанная на браке или кровном родстве объединение людей, связанных общностью быта и взаимной ответственностью[3, с. 743, 1, с.5.]

Семья как важнейшая ячейка общества находящая в постоянном движении и развитии должна характеризоваться следующими неотъемлемыми признаками:

- союз мужчины и женщины (согласно 16-й статье Всемирной декларации по правам человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.);
- добровольность во вступление в брак;
- совместное проживание супругов;
- ведение общего домашнего хозяйства;
- вступление в брачные отношения с соблюдением процедуры общественного признания в виде государственной регистрации брака и/или соответствующего религиозного обряда;
- стремлением к рождению, социализации и воспитанию детей;
- нерасторжимостью брака — изначальными обоюдными намерениями супругов пожизненно быть вместе, несмотря на любые жизненные трудности [2].

Но нужно отметить что на современном этапе развития происходит значительные изменения в формах браках. Трансформация института семьи, снижение ценности семьи однозначно имеет свои последствия. Но это является вопросом отдельного исследования.

В научной литературе семья по различным признакам (структуре, форме брака) подразделяется на различные типы:

1. По форме брака:

- полигамия- форма брака, при которой допускается наличие двух и более брачных партнеров для одного супруга;
- моногамия – один мужчина одновременно может быть женатым только на одной женщине.

2. По структуре родственных связей:

- простая (нуклеарная) семья – совместное проживание родителей и их несовершеннолетних детей;
- сложная (расширенная) семья – совместное проживание двух или более поколений.

Также существуют формы и виды семей в зависимости от критерия семейной власти, местожительства супругов и др.

Важнейшими функциями семьи всегда было рождение и воспитание детей. Условно по количеству членов семьи можно выделить следующие виды:

- маленькая – состоящая из 2-4 человек;
- средняя – 5-6 человек;
- большая – 7 и более человек.

Как такового конкретного такого деления не существует, так как это во многих степени зависит от социально-демографических, этно-религиозных и других особенностей общества.

Общеглобальные тенденции изменения размера семьи нашли свое отражение и в Узбекистане. За годы независимости в Узбекистане произошло уменьшение размеров семей. По данным переписи населения 1989 года значительную долю составляли большие и сложные семьи – 41,1% в сельской местности и 18,1% в городской, средние семьи – 30,9% и 24,9%, простые (маленькие) семьи 28,0% и 57% соответственно. За годы независимости прослеживается последовательное сокращение среднего размера семей. При анализе изменения числа детей в узбекистанских семьях целесообразно рассмотреть ряд демографических процессов происходящих в стране (рис 1.).

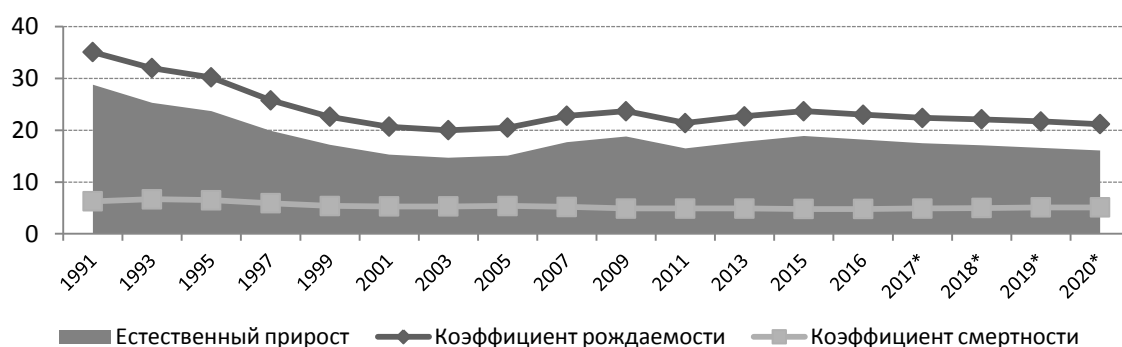

Рис. 1. Коэффициенты естественного прироста населения Узбекистана (на 1000 человек).

Источник: данные Государственного комитета по статистике РУз.

*- прогнозные показатели рассчитаны авторами на основе прогноза когортно компонентным методом (метод передвижки возрастов).

По данным Государственного Комитета по статистике РУз в течении 1991-2015 гг. уровень рождаемости снизился с 35,1‰ до 23 ‰, то есть примерно в 1,5 раза. Нужно отметить, что тенденция снижения имеет волнообразный характер. Если до 2005 года коэффициент рождаемости снижался почти одинаковым темпом и самый низкий показатель отмечался в 2003 году, то с 2005 года наблюдается хоть и скачкообразная но тенденция роста данного показателя. Наиболее заметное сокращение рождаемости наблюдается в сельской местности. Общий коэффициент рождаемости на селе снизился с 39,8‰ в 1991 г. до 26,2 ‰ в 2015. Прогнозные показатели показывают что, начиная уже с текущего года рождаемость будет постепенно снижаться. Это в первую очередь объясняется поло-возрастной структурой населения.

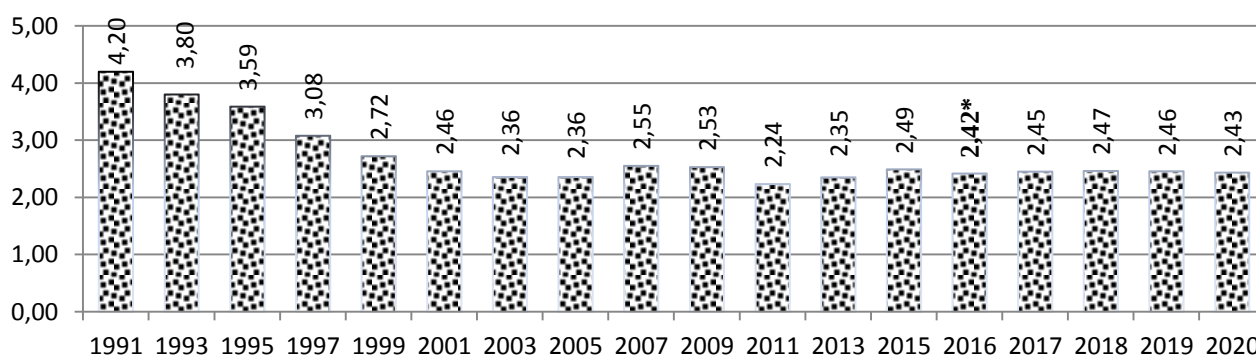

Рисунок 2. Изменение суммарного коэффициента рождаемости в Узбекистане за годы независимости

Источник: данные Государственного комитета по статистике РУз.

*- прогнозные показатели за 2016-2020 гг. рассчитаны авторами.

Суммарный коэффициент рождаемости является показателем который дает возможность наиболее точно оценить уровень рождаемости и соответственно размер семьи в обществе. Суммарный коэффициент рождаемости –характеризует среднее число рождений у одной женщины в гипотетическом поколении на протяжении всей ее жизни при условии сохранения неизменными возрастных показателей рождаемости [3, с.819]. Коэффициент выше 4 означает высокий уровень рождаемости, а ниже 2,15 подразумевает низкий уровень рождаемости. Статистические данные (рис.2) показывают что, в Узбекистане с учетом мировых тенденций рождаемости, сформировался можно сказать оптимальный уровень рождаемости. В настоящее время каждая узбекистанская семья имеет в среднем на 2 ребенка меньше чем четверть века назад. В составе новорожденных доля по счету четвертых и более детей снизился почти в двое по сравнению даже 2000г. По расчетам, к настоящему времени

средний размер семьи снизился до 4,9 человека[4, с.24]. Отечественные демографы утверждают что, в ближайшей перспективе суммарный коэффициент рождаемости не снизится, и будет продолжать обеспечивать умеренно расширенное воспроизводство населения. С учетом того что, последняя перепись населения проводилась 1989 году для более точного выявления изменений в современной семейной структуре необходимо провести перепись населения, что в свою очередь внесет много ясности в происходящие демографические процессы.

Наряду с рождаемостью существует ряд показателей которые хоть и не прямо, но косвенно влияют на процессы воспроизводства населения и формирования семьи. Осуществляемые в годы независимости в республике реформы системы социальной защиты населения и молодых семей, здравоохранения, создание достойных условий для бытия и труда, ведения здорового образа жизни населения оказывает особое влияние на формирование здоровой и счастливой семьи. В результате успешно осуществляемой политике нацеленной на улучшение здоровья матери и ребенка за годы независимости уровень младенческой и материнской смертности сократился в более чем в три раза. Так если в 1991 г. показатель материнской смертности составлял 65,3 то 2015 году он достиг 18,9. Уровень младенческой смертности сократился с 35,5 до 11,4 соответственно. Что в свою очередь свидетельствует о качественном росте населения.

Наблюдается существенное изменение в репродуктивных намерениях населения на оптимальное число детей в семье. Большинство семей ориентированы на 2-3 детей, в отличии 5-6 детей в конце 80-х годов [5, с.22].

Показатели брачности и разводимости оказывают непосредственное влияние на размер семьи, так как семья основывается на браке. Не смотря на то, что в Узбекистане ценность семьи с древних веков имеет огромное значение общемировые тенденции имеет свое влияние. Брачность и разводимость имеют свое место в течении демографических процессов. Тенденция изменения абсолютного количества браков в течении последних 25 лет имеет волнообразный характер. Самого высокого абсолютного значения было достигнуто в 2013 году было заключено более 300 тыс. браков. Нужно отметить что Узбекистан отличается достаточно высокой прочностью семейно-брачных узов. Уровень разводов составляет менее одного промилли, что является одним из самых низких показателей в мире. Но несмотря на то что уровень разводимости сокращался в течении всего рассматриваемого периода, в последние годы наблюдается небольшой рост. Что в свое время повысило внимание и озабоченность со стороны общественности и правительства. Так как наряду с тем, что уровень брачности и разводимости определяет демографическую ситуацию, высокий уровень разводов имеет социально-экономические последствия для общества.

Таблица 1.

Возрастной состав вступивших в брак

Возрастные группы	Мужчины		Женщины	
	1991	2015	1991	2015
до 18	0,2	1,2	8,6	1,8
18-19	4,0		34,1	21,3
20-24	68,9	41,2	44,5	56,9
25-29	18,0	44,1	7,3	13
30 и больше	8,9	13,5	5,5	7,0
Итого	100	100	100	100

Источник: данные Государственного комитета по статистике РУз.

На фоне мировых тенденций заметные перемены наблюдаются в среднем возрасте и возрастных группах вступления в брак (таб.1.). За период 2000-2015 средний возраст вступления в брак поднялся у мужчин с 24,2 до 25,9 лет, у женщин с 21,4 до 22,5 лет.

Существенно сократилось число женщин вступающих в брак до 18 лет и возросло число мужчин создающих семью после 25 и 30 лет.

Следует отметить, что за годы независимости в результате демографических и социально-экономических изменений институт семьи также был подвергнут изменениям. В настоящее время узбекистанская семья – это средняя семья с тремя детьми. В целях дальнейшего повышения благосостояния семьи, улучшения условий для полной реализации репродуктивных установок, трудового и социального потенциала, целесообразно продолжать меры по поддержки молодых семей, женщин и детей.

© Акрамова Ш.Г., Юлдашев Н.Н.

Список источников

1. Бўриева М.Р. “Ўзбекистонда оила демографияси”. Т.: “Университет”. 1997. С.182.
2. Декларация «Московского демографического саммита: Семья и будущее человечества». 4 июля 2011 г. <http://www.patriarchia.ru/db/text/1554221.html>
3. Демографическая энциклопедия. / Редкол.: Ткаченко А.А., Аношкин А.В., М.Б.Денисенко и др. – М.: “Издательство “Энциклопедия”. 2016. – 944 с.
4. Семья и семейные отношения в современном Узбекистане. Ташкент, 2012. 104 с.
5. Убайдуллаева Р.А. Семья в Узбекистане. Монография Т.: 2012.
6. Человеческое развитие: глоссарий основных терминов и определений/ на Английском, Узбекском и Русском языках, 1-ое издание, ПРООН, 2014. -148 с.

Информация об авторах

1. Акрамова Шахноза Ганишеровна (Ташкент, Узбекистан) – старший научный сотрудник, Научно исследовательский центр «Научные основы и проблемы развития экономики Узбекистана» при Ташкентском государственном экономическом университете (100003, г.Ташкент, ул.Ислама Каримова, 49 ; e- mail : shahnoza-tiu@mail.ru).

2. Юлдашев Нурбек Нормурадович (Ташкент, Узбекистан) – младший научный сотрудник, Научно исследовательский центр «Научные основы и проблемы развития экономики Узбекистана» при Ташкентском государственном экономическом университете (100003, г.Ташкент, ул. Ислама Каримова, 49 ; e- mail : yuldashev-nurbek@list.ru).

Akramova Sh. G., Yuldashev N. N.

FAMILY IN UZBEKISTAN: TRANSITION FROM THE LARGE TO THE MEDIUM-SIZE FAMILY

The article analyzes such demographic processes as fertility, marriage, divorce for the period 1991-2015 from the point of view of their influence on the change in the family size.

Keywords: family, marriage, divorce, fertility, reproductive attitudes.

Information about the authors

1. Akramova Shakhnoza Ganisherovna (Tashkent, Uzbekistan) – Senior Researcher, Research Center “Scientific bases and problems of the development of the economy of Uzbekistan” under the Tashkent state university of economics (49, Islam Karimov, Tashkent, 100003, Uzbekistan; e-mail: shahnoza-tiu@mail.ru).

2. Yuldashev Nurbek Normurodovich – Junior Researcher, Research Center “Scientific bases and problems of the development of the economy of Uzbekistan” under the Tashkent state university of economics (49, Islam Karimov, Tashkent, 100003, Uzbekistan; e-mail: yuldashev-nurbek@list.ru).

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ БРАЧНОСТИ В МОНОГОРОДЕ

В статье представлены результаты социологического исследования брачности в моногороде. Проанализированы места знакомства супругов, длительность добрачных отношений, мотивы и возраст вступления в брак, важная форма организации брака, отношение родителей, ценности брака и др.

Ключевые слова: брачность, семья, моногород, мотивы и возраст вступления в брак, гражданский брак, ценности брака.

Характер демографических процессов страны является результатом социально-демографического развития территорий. В последнее время становятся актуальны социально-демографические исследования, преимущественно федерального значения, изучение же ситуации в конкретном регионе страны недостаточно развито. Предположительно, это связано с низким финансированием социально-демографических проектов в субъектах РФ, с невостребованностью изучения и улучшения показателей народонаселения, со спецификой региона и этноса. В условиях бурно развивающейся промышленности проблемы социально-демографического развития отодвигаются на второй план, что соответственно сказывается и на общем состоянии региона, и конкретной семьи.

С данной целью было проведено исследование в октябре 2015 года на территории Челябинской области в городах Магнитогорск и Карталы. Выборочную совокупность (N=768) составили семейные жители моногородов старше 18 лет, выборка случайная. В выборочной совокупности женщины составили 67,4% респондентов, мужчины – 32,2% и 0,4% – не указавшие пол.

Магнитогорск – крупный новопромышленный, сравнительно молодой и относительно благополучный город в Челябинской области РФ. В наши дни Магнитка является одним из крупнейших мировых центров чёрной металлургии. Он вырос из небольшого рабочего поселка, расположенного на восточном склоне Уральских гор у подножия горы Магнитной. Рабочий поселок возник в 1929 году в связи с началом строительства будущего гиганта металлургии – Магнитогорского металлургического комбината, который сейчас является градообразующим предприятием. Магнитогорск официально входит в перечень моногородов, включенный в соответствии с критериями Минэкономразвития России [2]. Второй город исследования – Карталы, считающийся крупным узлом железнодорожного транспорта. Город связан железными дорогами с Челябинском, Магнитогорском, Орском и Астаной. На нем функционирует железнодорожный пункт пропуска через границу, обслуживающий граждан всех стран мира. Карталы неофициально можно считать моногородом, так как железная дорога выступает как градообразующее предприятие, что соответствует признакам моногорода, предложенным специалистами Экспертного института (г. Москва) [1]:

- наличие в городе одного или нескольких однотипных предприятий, относящихся к одной отрасли, или обслуживающих один узкий сегмент отраслевого рынка, притом, что остальные предприятия города обслуживают только внутренние нужды города или проживающих в нем людей;

- наличие в городе цепочки технологически связанных предприятий, работающих на один конечный рынок, кроме предприятий, обслуживающих внутренние нужды города;

- значительная зависимость доходной части бюджета города от деятельности одного (или нескольких) крупных предприятий;

- низкая диверсификация сфер занятости населения города (однородный профессиональный состав);

– значительная удаленность города от других, более крупных населенных пунктов (что снижает возможности мобильности жителей), при наличии в городе первых двух признаков или отсутствие развитой инфраструктуры, обеспечивающей связь города с внешним миром (дороги автомобильные и железные, телефонная сеть и т.д.).

Основным социально-демографическим показателем формирования семьи моногорода является уровень брачности. Данный термин трактуется как процесс образования супружеских пар [3, с. 290]. Описывая общие вопросы брачности, можно сказать, что начало 2000-х годов считалось кризисным временем. Население переживало последствия общественных преобразований, адаптацию к новым экономическим и социальным условиям. Все это сказывалось на семейно-брачной сфере. Люди приспосабливались к новой ситуации, находили свое место в новых экономических и социальных отношениях, менялась и атмосфера личной и семейной жизни, происходило восстановление ее пространства, что и отразилось в некоторой стабилизации брачной активности населения. Далее показатели заключаемых браков приобрели более плавный характер с активным повышением брачности в моногородах. Абсолютное число браков за год не может объективно характеризовать уровень брачности, так как зависит от общей численности населения. Данный показатель непостоянен и подвержен разным воздействиям, например, таким как экономическая нестабильность на предприятиях, агитация и популярность свободных отношений, приметы и сказания о «високосном годе» и др.

Анализ брачности моногорода показывает качественные изменения моногородских семей.

Таблица 1.

Место знакомства супругов

Формулировка вопроса и варианты ответов <i>Место вашего знакомства с супругом (супругой)?</i>	Все опрошенные Челябинская обл.		Все опрошенные г. Магнитогорск		Все опрошенные г. Карталы	
	Чел./ Ответов	%	Чел./ Ответов	%	Чел./ Ответов	%
Транспорт	39	5,1	25	4,4	14	7,1
Учреждение досуга	82	10,7	59	10,4	23	11,6
На совместной работе	80	10,4	57	10,0	23	11,6
На совместной учебе	78	10,2	66	11,6	12	6,1
Служба знакомств	12	1,6	12	2,1	0	0,0
В гостях	200	26,0	153	26,8	47	23,7
Интернет	38	4,9	24	4,2	14	7,1
Спортивное заведение	12	1,6	9	1,6	3	1,5
На улице	99	12,9	61	10,7	38	19,2
Другое	112	14,6	88	15,4	24	12,1
Не ответили	16	2,1	16	2,8	0	0,0
Всего	768	100,0	570	100,0	198	100,0

По исследованию (таб.1) больше всего респондентов (26%) познакомились в гостях. Улица, выполняя функцию знакомства, является вторым в списке, причем, чем провинциальнее город, тем данный инструмент знакомства популярнее, показывая выше уровень доверительности у молодежи. Так 10,7% в г. Магнитогорске против 19,2% в г. Карталы. Следующим значимым местом выступает учреждение досуга – 10,7%. Меньше всего браков образовалось благодаря службам знакомств и абсолютную неэффективность этого метода в г. Карталы.

Таблица 2.

Длительность добрачных отношений

Формулировка вопроса и варианты ответов	Все опрошенные Челябинская обл.	Все опрошенные г. Магнитогорск	Все опрошенные г. Карталы
---	------------------------------------	-----------------------------------	------------------------------

<i>Сколько длились Ваши добрачные отношения?</i>	Чел./ Ответов	%	Чел./ Ответов	%	Чел./ Ответов	%
Несколько месяцев	198	25,8	143	25,1	55	27,8
Около года	137	17,8	108	18,9	29	14,6
1-1,5 года	92	12,0	62	10,9	30	15,2
Около 2-х лет	109	14,2	89	15,6	20	10,1
Около 3-х лет	69	9,0	55	9,6	14	7,1
Около 4-х лет	48	6,3	35	6,1	13	6,6
Больше 5 лет	74	9,6	47	8,2	27	13,6
Не ответили	41	5,3	31	5,4	10	5,1
Всего	768	100,0	570	100,0	198	100,0

Примерно четверть опрошенных (таб. 2) заключили браки после нескольких месяцев знакомства (25,8%). Около 1 года встречались прежде, чем жениться – 17,8% респондентов. Интересна популярность максимального значения срока добрачных отношений (больше пяти лет), так например и в г. Карталы он составил 13,6%.

Таблица 3.

Мотивы вступления в брак

Формулировка вопроса и варианты ответов <i>Вспомните, какие были мотивы для вступления в брак?</i>	Все опрошенные Челябинская обл.		Все опрошенные г. Магнитогорск		Все опрошенные г. Карталы	
	Чел./ Ответов	%	Чел./ Ответов	%	Чел./ Ответов	%
Любовь	533	69,4	405	71,1	128	64,6
Улучшение материального состояния	33	4,3	30	5,3	3	1,5
Беременность	102	13,3	72	12,6	30	15,2
Любопытство	19	2,5	13	2,3	6	3,0
Независимость от родительской семьи	95	12,4	86	15,1	9	4,5
Сексуальная потребность	47	6,1	46	8,1	1	0,5
Потребность в общении	50	6,5	34	6,0	16	8,1
Другое	77	10,0	43	7,5	34	17,2
Не ответили	24	3,1	20	3,5	4	2,0
Всего	980	127,6	749	131,4	231	116,7

Главный мотив для вступления в брак в моногородах (таб. 3) выступает «Любовь» – около 70%. Второй по важности мотив – «Беременность», благодаря которой у 13,3% респондентов образовались семьи. Следующий по популярности обозначился мотив «Независимость от родительской семьи», его выбрали 12,4% человек.

Таблица 4.

Возраст мужчин, оптимальный для вступления в брак

Формулировка вопроса и варианты ответов <i>В каком возрасте, на Ваш взгляд, лучше вступать в брак мужчинам?</i>	Все опрошенные Челябинская обл.		Все опрошенные г. Магнитогорск		Все опрошенные г. Карталы	
	Чел./ Ответов	%	Чел./ Ответов	%	Чел./ Ответов	%
До 20-ти лет	15	2,0	11	1,9	4	2,0
21-24 года	225	29,3	167	29,3	58	29,3
25-29 лет	427	55,6	327	57,4	100	50,5
30 и старше	89	11,6	61	10,7	28	14,1
Не ответили	12	1,6	4	0,7	8	4,0

Всего	768	100,0	570	100,0	198	100,0
-------	-----	-------	-----	-------	-----	-------

Таблица 5.

Возраст женщин, оптимальный для вступления в брак

Формулировка вопроса и варианты ответов <i>В каком возрасте, на Ваш взгляд, лучше вступать в брак женщинам?</i>	Все опрошенные Челябинская обл.		Все опрошенные г. Магнитогорск		Все опрошенные г. Карталы	
	Чел./ Ответов	%	Чел./ Ответов	%	Чел./ Ответов	%
До 20-ти лет	70	9,1	54	9,5	16	8,1
21-24 года	473	61,6	354	62,1	119	60,1
25-29 лет	148	19,3	108	18,9	40	20,2
30 и старше	23	3,0	20	3,5	3	1,5
Не ответили	54	7,0	34	6,0	20	10,1
Всего	768	100,0	570	100,0	198	100,0

Возраст мужчин (таб. 4) от 25 до 29 лет является самым оптимальным для вступления в брак (55,6%), в отличие от женщин, которым «рекомендуется» выходить замуж от 21 до 24 лет (61,6%) (таб. 5).

Таблица 6.

Первостепенная и наиболее значимая форма организации брака

Формулировка вопроса и варианты ответов <i>Какую форму организации брака вы считаете первостепенной и наиболее значимой?</i>	Все опрошенные Челябинская обл.		Все опрошенные г. Магнитогорск		Все опрошенные г. Карталы	
	Чел./ Ответов	%	Чел./ Ответов	%	Чел./ Ответов	%
Регистрация в ЗАГСе	546	71,1	393	68,9	153	77,3
Венчание в церкви, обряды в мечете и др.	96	12,5	86	15,1	10	5,1
Гражданский брак	73	9,5	55	9,6	18	9,1
Затрудняюсь ответить	27	3,5	17	3,0	10	5,1
Другое	16	2,1	13	2,3	3	1,5
Не ответили	10	1,3	6	1,1	4	2,0
Всего	768	100,0	570	100,0	198	100,0

Официально зарегистрированные отношения являются наиболее предпочтительнее у жителей моногородов и составляет 71,1% (таб. 6). Такая форма организации брака как венчание в церкви (обряды в мечете и др.) приоритетнее, чем гражданский брак, так 12,5% против 9,5%. Причем, в г. Магнитогорске ответ «Венчание в церкви, обряды в мечете и др.» выбрали больше респондентов – 15,1%, что говорит о разнорелигиозности города, наличии церквей, храмов и мечетей, о вовлеченности населения в религию, в отличие от города Карталы.

Таблица 7.

Одобряемость родителями официально зарегистрированных отношений

Формулировка вопроса и варианты ответов <i>Важно ли было для Ваших родителей, чтобы Ваш брак был зарегистрирован в ЗАГСе?</i>	Все опрошенные Челябинская обл.		Все опрошенные г. Магнитогорск		Все опрошенные г. Карталы	
	Чел./ Ответов	%	Чел./ Ответов	%	Чел./ Ответов	%
Да	541	70,4	397	69,6	144	72,7

Нет	87	11,3	54	9,5	33	16,7
Безразлично	57	7,4	50	8,8	7	3,5
Затрудняюсь ответить	77	10,0	63	11,1	14	7,1
Не ответили	6	0,8	6	1,1	0	0,0
Всего	768	100,0	570	100,0	198	100,0

Несмотря на нуклеарность института семьи, распространенность и неосуждаемость обществом гражданских браков (сожительств), по-прежнему сохраняется важность одобрения родителями зарегистрированных браков и 70,4% респондентов подтвердили это (таб. 7).

Таблица 8.

Ценности в браке

Формулировка вопроса и варианты ответов <i>Вступив в брак, что получает человек, по Вашему мнению?</i>	Все опрошенные Челябинская обл.		Все опрошенные г. Магнитогорск		Все опрошенные г. Карталы	
	Чел./ Ответов	%	Чел./ Ответов	%	Чел./ Ответов	%
Счастье, любовь, заботу и др.	596	77,6	433	76,0	163	82,3
Независимость от родителей	106	13,8	80	14,0	26	13,1
Моральное удовлетворение	125	16,3	102	17,9	23	11,6
Продолжение рода	353	46,0	279	48,9	74	37,4
Физиологическое удовлетворение	68	8,9	57	10,0	11	5,6
Материальную стабильность	154	20,1	130	22,8	24	12,1
Ничего	29	3,8	25	4,4	4	2,0
Проблемы	72	9,4	52	9,1	20	10,1
Затрудняюсь ответить	26	3,4	16	2,8	10	5,1
Другое	22	2,9	18	3,2	4	2,0
Не ответили	6	0,8	6	1,1	0	0,0
Всего	1557	202,7	1198	210,2	359	181,3

Большинство респондентов (77,6%) считают, что в браке люди получают счастье, любовь и заботу (таб.8). Но при этом жители «не забывают» и об основном призвании семьи – продолжении рода, показатель которого составил 46%. Респонденты отметили также, что семья дает материальную стабильность – 20,1%. Все это говорит о высоком благополучии и эмоциональном равновесии семей моногородов.

В данном исследовании также актуализировалась проблема независимости семей. Так мотив для вступления в брак «Независимость от родительской семьи», выбравший 12,4% респондентов (таб. 3) и такая ценность брака как «Независимость от родителей» (13,8%) (таб.8) получились популярными. Таким образом, можно предположить, что современные семьи стремятся быть самостоятельными и руководствоваться только своими ресурсами, принципами и др.

© Альбрехт О.А., Тараданов А.А. Текст. 2017

Список источников

1. Аналитический доклад «Союз инвесторов. Регион и город. Монопрофильные города и градообразующие предприятия» [Электронный ресурс]. Метод доступа: http://www.unioninvest.ru/city_mong.html (дата обращения: 13.10.2015)

2. Распоряжение Правительства РФ от 29.07.2014 N 1398-р (ред. от 13.05.2016) «Об утверждении перечня монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации

(моногородов)» [Электронный ресурс]. Метод доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 07.05.2017)

3. Тезаурус социологии: темат. слов.-справ. / под ред. Ж.Т. Тощенко. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. – 487 с.

Информация об авторах

1. Альбрехт Ольга Александровна, Россия, г. Магнитогorsk, специалист по УМР ИДПО МГТУ «Горизонт», ФГБОУ ВО «Магнитогorskский государственный технический университет им. Г.И. Носова», olga_albre@mail.ru

2. Тараданов Александр Ардалионович, Россия, г. Челябинск, доктор социологических наук, профессор кафедры социальной работы и социологии, ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет», taradanov@csu.ru

Albrecht O.A., Taradanov A.A.

SOCIOLOGICAL ASPECTS OF MARRIAGE MONOTOWN

The article presents the results of a sociological study of marriage families, monotowns. Analyzes the place of meeting of the spouses, the duration of premarital relationships, motives and age at marriage, an important form of organization of marriage, the attitude of parents, importance of marriage.

Keywords: marriages, family, monotown, the motives and the age of marriage, civil marriage, importance of marriage.

Information about the authors

1. Albrecht Olga Alexandrovna, Russia, Magnitogorsk, specialist at UMR IDPO MSTU «Horizon», Nosov Magnitogorsk State Technical University, olga_albre@mail.ru

2. Taradanov Alexander Ardalionovich, Russia, Chelyabinsk, doctor of sociological Sciences, professor of the department of social work and sociology, Chelyabinsk state University, taradanov@csu.ru

УДК 316.3

П.А. Амбарова

ОБРАЗОВАНИЕ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ КАК СТРАТЕГИЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ ТЕМПОРАЛЬНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ ВОЗРАСТНОЙ ОБЩНОСТИ

Рассматриваются возрастные студенты и их мотивы преодоления противоречий между биологическим, психологическим и социальным возрастом посредством продолжения обучения в университете. Показаны темпоральные особенности возрастных студентов, социальные функции высшего образования по регулированию их темпоральных противоречий.

Ключевые слова: студенчество, возрастная группа, стратегии преодоления темпоральных противоречий, биологический, психологический и социальный возраст, высшее образование.

Один из трендов развития образовательных систем в современном обществе – это их ориентация на включение представителей различных возрастных групп, в том числе и «серебряного возраста». В европейских странах действуют образовательные программы для пожилых людей. Они многообразны по форме, длительности, задачам, технологиям. Эти программы базируются как на формальном, так неформальном образовании, а также самообразовании. Широк спектр организаций, занимающихся образованием представителей

старших возрастных групп – от центров социальной защиты до организаций дополнительного и высшего образования.

В фокус нашего исследования были включены образовательные практики для пожилых людей, реализующиеся в формальной системе высшего образования различных стран. Мы привыкли видеть среди студентов университетов почти исключительно молодых людей – от 17 до 25, максимум – до 30 лет. Однако ситуация в вузах сегодня меняется, и появление среди студентов представителей старших возрастных групп перестает быть нонсенсом. В своем исследовании мы не акцентировали внимание на педагогических подходах или методах организации обучения пожилых людей. Особенностью нашего исследовательского подхода являлось изучение включенности представителей «серебряного возраста» в практики высшего образования как стратегии преодоления их темпоральных противоречий.

Объектом исследования стала социальная группа возрастных студентов (старше 50 лет), обучающихся в университетах разных стран. Предметом исследования является мотив преодоления противоречий между биологическим, психологическим и социальным возрастом посредством продолжения обучения в университете. Задачи статьи – показать темпоральные особенности и противоречия возрастных студентов, их место в структуре студенчества, социальные функции высшего образования по регулированию темпоральных противоречий рассматриваемой группы. В исследовании использовались два метода: 1) анализ материалов интервью со студентами «серебряного возраста», размещенных в СМИ и интернет-сайтах, 2) анализ образовательных практик различных университетов, работающих с возрастными студентами. Дополнительным методом стали полуструктурированные интервью, проведенные автором с представителями «серебряного возраста». Они позволили выявить отношение этой возрастной группы к стратегии преодоления возрастных противоречий посредством продолжения образования.

Практика включения в систему высшего образования старших возрастных групп была начата еще в 1960-е гг., когда в 1962 г. в Нью-Йорке был открыт Институт образования пенсионеров. В 1973 г. во Франции по инициативе Пьера Велласа был открыт Университет третьего возраста. В 1983 г. в Великобритании было основано «Общество третьего возраста», в состав которого вошли 266 университетов из Англии, Уэльса, Шотландии и Северной Ирландии. Опыт внедрения образования для людей старшего возраста стал достаточно быстро распространяться во многих странах мира, в том числе и в России [см.: 1].

На базе высших учебных заведений стали появляться различные организационные формы обучения: институты и факультеты повышения квалификации, центры непрерывного образования, народные университеты, обучающие курсы *elderhostel* (в формате учебного отпуска). Все они возникали и развивались в рамках двух моделей – интегративной и сегрегационной. Первая предполагает инклюзию старших возрастных групп через формирование гетерогенных по составу студенческих групп либо через создание специализированных подразделений в составе вуза. Вторая реализуется через создание автономных образовательных организаций для пожилых людей.

В основе создания и распространения такой формы высшего образования лежит множество причин. Среди них – социально-экономические: увеличение пенсионного возраста во многих странах и, соответственно, необходимость обновления профессиональных знаний и умений, т.е. интеллектуального и профессионального капитала людей «третьего возраста», по-прежнему включенных в рыночную экономику. Другой причиной служит гуманизация общественных отношений и искоренение эйджизма. В связи с этим общество стремится развить культуру «успешного старения», разрушая стереотип необучаемости пожилых людей, повышая через образование уровень их социальной, экономической, психологической адаптивности и активности.

Перечисленные причины являются внешними, исходящими от социального окружения, общества. Еще одной причиной, связанной с экзистенциальными проблемами и потребностями самих пожилых людей, служит непрекращающийся поиск способов снятия

дисхроноза – противоречий между их биологическим, психологическим и социальным возрастом. Именно на эту причину мы обратили внимание в нашем исследовании.

Дисхроноз представляет собой расхождение скорости и ритмов биологического, психологического и социального возраста человека. В традиционном обществе проблема дисхроноза не стояла так остро, хотя и фиксировалась художественным сознанием в произведениях с сюжетом о Докторе Фаусте. Для людей общества модерна и постмодерна проблема дисхроноза является чрезвычайно актуальной. Повышение качества жизни людей, изобретение медицинских технологий омоложения и продления жизни создают объективные основания для увеличения продолжительности жизни и периода физической активности человека. Однако динамика психологического и социального возраста не всегда совпадает с этой тенденцией.

Проведенные нами интервью показывают, какие способы снятия дисхроноза «изобретают» наши современники. Это весь спектр медицинских методов – от приема новых лекарственных препаратов из серии «эликсиров молодости» до пластических операций. Это использование различных традиционных духовных практик, например, йоги. Некоторые прибегают к таким стратегиям, как поздние браки и браки с молодыми партнерами, и даже позднее деторождение. Между тем, наши информанты указали, что выбрали иную стратегию преодоления дисхроноза – это продолжение обучения в высших учебных заведениях.

Если мы рассматриваем интегративную модель образования, то возрастные студенты включаются в обучение, как правило, на второй и третьей ступени высшего образования, т.е. поступают в магистратуру или аспирантуру [см.: 2]. Вместе с тем определенную часть из них привлекает и бакалавриат как второе высшее образование. Отметим, что во многих странах верхнего ограничения по возрасту нет. Исключение составляют восточные государства (Китай, Япония), в которых установлена граница в 25 лет для поступления на бакалавриат. Опыт показывает, что единственным ограничением могут стать отсутствие стипендий для студентов старше 30 лет и проблемы с выдачей виз для иностранных возрастных студентов. Но эти ограничения скорее призрачные, чем реальные. В России закон «Об образовании в РФ» не устанавливает возрастных ограничений, хотя некоторые вузы самостоятельно ограничивают возраст поступающих 50 годами.

В структуре мотивов получения высшего образования (второго, магистратуры, аспирантуры) можно выделить особый тип ориентаций – *стремление к сохранению/продлению молодости* и связанных с этим возрастом таких свойств, как активность, профессиональная востребованность, поиск новых способов самореализации, сохранение интеллектуальной и физической «формы».

Для некоторых возрастных студентов поступление в вуз носит компенсаторный характер. Выход на пенсию, потеря близких (мужа или жены), отдаление детей исключают из структуры их образа жизни многие виды деятельности. Увеличивается свободное время и возникает некий темпоральный вакуум, который необходимо чем-то заполнить, чтобы восстановить привычный для среднего возраста темп и ритм жизни. Именно такую роль в жизни 77-летнего Александра Трусова сыграло поступление на факультет журналистики Томского государственного университета: *«...жена моя умерла десять лет назад. Тогда лекарством от тоски стали домашнее хозяйство, огород, книги и работа. Но и этого не хватило. Возрастная бессонница стала еще одним стимулом начать жизнь заново и получить статус "самый старый студент России"»*.

Компенсаторный эффект высшего образования проявляется также в том случае, когда человеку просто не хватило времени на определенном этапе жизни удовлетворить свои образовательные потребности. Некоторым помешали внешние события (военные конфликты, семейные драмы, воля родителей и др.), кому-то – непонимание важности высшего образования. Так, например, американка Nola Ochs впервые поступила в колледж в 1972 г., после смерти своего мужа, но реально смогла закончить учебу со степенью бакалавра только в 2007 г. в возрасте 95 лет, а в 2010 г. в возрасте 98 лет она окончила магистратуру. Случай с Nola Ochs – яркий пример компенсаторной функции. Ее личная жизнь складывалась нелегко:

она воспитывала четверых детей, рано потеряла мужа, работала на ферме. Да и в пожилом возрасте ей удалось получить высшее образование только тогда, когда она оставила свою ферму и свою семью и перебралась в университетский кампус. Многочисленные попытки Nola учиться, предпринимаемые ею неоднократно в течение всей ее жизни, свидетельствуют о ярко выраженной мотивации на получение высшего образования.

Компенсаторная функция высшего образования имеет национальную специфику и ярко проявляется в группе «молодых» возрастных российских студентов (около 50 лет). Представителями этой группы студентов в основном являются «жертвы 1990-х гг.». Это особое поколение россиян, которые в кризисные для страны 1990-е гг. отказались от учебы в вузах ради выживания и заработка. Им сейчас как раз около 50 лет, и многие из них поступили в университеты для «латания образовательных дыр». Среди них есть те, кто обладает опытом руководителя или является собственником бизнеса. Определенная часть из них уже имеет одно высшее образование. Сейчас же они стремятся получить второе высшее образование: выбирают такие направления, как «менеджмент и управление» (24 %), «бухгалтерский учет, финансы», «экономика» (22 %), «психология» (10 %), «юриспруденция» (5 %) [3]. Это очень значимая группа возрастных студентов, ориентация на которых дает дополнительный импульс развитию системы высшего образования в России.

Каждому возрасту присущ свой комплекс темпоральных противоречий между биологическим, психологическим и социальным возрастом. Если молодым студентам присуще стремление завышать свой возраст, то возрастным студентам, напротив, – стремление уменьшать его. Наблюдаемые признаки старения вызывают у них внутренний протест, потому что входят в противоречие с «молодой душой», т.е. психологической и социальной идентификацией с молодой возрастной общностью. Именно эта потребность возрастных студентов реализуется в том случае, если они обучаются в смешанных группах, вместе с молодыми студентами. То, что пожилым людям нравится учиться вместе с молодежью – факт, который отметили практически все информанты:

«Мне кажется, что я нравлюсь молодежи, с которой учусь, а мне нравится учиться с ними», – отмечала Nola Ochs, которая училась, кстати, в одной группе со своей 21-летней внучкой.

«Мои внуки мной восхищаются», – говорит Simone Bouquerel (65 лет, Университет г. Тулузы, Франция).

«Я себя чувствую сейчас намного лучше, чем 10 лет назад», – говорит France Doudot, (69 лет, Университет г. Тулузы, Франция).

Для возрастных студентов характерно стремление остановить быстро «убегающее» биологическое время. С точки зрения психологов, второе высшее образование в зрелом возрасте уже не повышает уровень знаний, но является показателем того, что человек просто не хочет взрослеть, как бы оттягивает момент своего взросления и истинного становления.

Одним из ярких представителей российской общности возрастных студентов является Марк Гольдман, который в 72 года поступил на очное отделение Высшей школы экономики (в 2004 г.). Отрывок из его интервью – доказательство того типа мотивации к обучению, о котором мы пишем: *«Я в Москве по театрам и концертам ходить не буду. Учеба, спорт и, конечно, английский. У меня четкая задача – освоить все новейшие западные исследования в политологии. Для этого мне придется переводить с английского массу журнальных статей. Но я к этому ритму готов...»*. В своем поведении информант демонстрирует постоянное преодоление возрастных барьеров: *«...по жизненной и общественной активности Марк Гольдман вообще мало кому уступит: во многие процессы вникает, в форумах, семинарах, конференциях участвует. По улице Марк Соломонович не ходит, а бежит. И вообще, наверное, по физическим показателям пятерых молодых может заткнуть за пояс. В Москву он повез свои любимые гантели, три эспандера, с которыми занимается каждый день»*.

Наше исследование показало, что возрастные студенты в большей мере удовлетворены жизнью, активны, имеют более высокие показатели интеллектуального и социально-психологического здоровья, чем их сверстники, не включенные в

образовательные практики. Современные исследования биологов доказывают позитивное влияние образования на организм человека. Британские ученые измерили длину теломер ДНК более чем у 400 мужчин и женщин в возрасте от 53 до 75 лет с разным уровнем образования и выяснили, что независимо от пола у людей с высшим образованием длина теломер существенно больше, чем у тех, чей уровень образования ниже. Следовательно, клетки и ткани людей, закончивших вуз, менее подвержены процессам старения [4].

Таким образом, мы видим, что любые образовательные практики, в которые включаются возрастные студенты (традиционное очное или заочное обучение, университеты третьего возраста и др.) являются эффективным способом преодоления их темпоральных противоречий. Высшее образование в этом случае выполняет ряд важных функций. Среди них выделим *адаптационную*, которая обеспечивает в определенной степени конкурентоспособность старших возрастных общностей, и *ауксологическую*. Последняя заключается в том, что тормозит физическое старение, атрофию интеллектуальной функции у возрастных студентов.

Следует особо отметить *функцию межпоколенческой интеграции*. Благодаря ей образование (особенно в гетерогенных студенческих группах) способствует установлению взаимодействия между различными возрастными группами и выведению старших возрастных общностей из социальной изоляции. Одно из наших интервью с молодыми студентами Уральского федерального университета показало, что студенческая молодежь вовсе не возражает против присутствия в их группах возрастных студентов: *«Это даже интересно, учиться с опытными людьми, знающими жизнь не по книжкам и учебникам, как мы. Они даже могли бы быть старостами в наших группах»*. В общем-то, те же самые оценки, связанные с позитивным восприятием студентами «серебряного возраста», мы фиксируем в материалах, размещенных в сети Интернет. Вот, например, описание ситуации общения в культурном центре университета Тулузы: *«...культурный центр университета открыт и для молодых, и для возрастных студентов. Вот оживленно разговаривают студент Dominique (23 года) и Jacques Ferrand (73 года), бывший инженер, они обсуждают детали нанесения японской идеограммы на шелк, работой этой занят Жак, а Доминик живо интересуется деталями. Здесь люди называют друг друга по имени, здесь царит семейная атмосфера. "Я встретил здесь множество друзей, – говорит Жак. – После занятий мы, все вместе, и старые, и молодые, проводим некоторое время в ближайшем кафе, за чашечкой кофе"»*.

Эти приведенные высказывания показывают, насколько эффективно реализуется концепция межпоколенческого обучения, акцентирующая важность совместного обучения в группах людей разных возрастов, а также концепция биографического обучения, в основе которого лежит использование личного и профессионального опыта.

Проведенное исследование позволяет рассматривать студентов «серебряного возраста» как специфическую темпоральную группу. Они имеют схожие темпоральные проблемы и противоречия, которые тесно связаны с образовательными установками, интересами, моделями поведения. Негативные стереотипные представления о зрелом и, особенно, старшем возрасте, бытующие в некоторых обществах, усиливают темпоральный дисхроноз (рассогласование) биологического, психологического и социального времени человека. В связи с этим и возникает потребность в стратегиях преодоления дисхроноза. При этом очевидно, что возраст выступает как социальный фактор, тесно сопряженный с образованием. С одной стороны, возраст является барьером для получения высшего образования людьми «серебряного возраста». С другой стороны, в мире формируется позитивная тенденция преодоления этого барьера и использования образования как способа замедления старения.

Обобщение опыта обучения в высших учебных заведениях *older students* свидетельствует об успешности образовательных стратегий преодоления дисхроноза. Эффективными являются как интеграционная, так и сегрегационная модели. Однако для снятия межгенерационных противоречий и разрушения возрастных стереотипов

преимуществами обладает интеграционная модель. На наш взгляд, этот вывод очень важен для России, поскольку образовательные практики для людей старшего возраста в нашей стране развиваются в основном вне университетов и с использованием сегрегационной модели. Трансляция опыта организации образования для людей «серебряного возраста» в университетах могла бы способствовать успешной экономической и социально-психологической адаптации российских пенсионеров. Кроме того, это послужило бы импульсом развития самой системы высшего образования в России и ее переходу к большей гибкости и нелинейности.

© Амбарова П.А. Текст. 2017

Благодарность

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 16-06-00014 «Время социальной общности: методология и методы исследования стратегий разрешения темпоральных противоречий».

Список источников

1. Высоцкая И.В. Становление и развитие университета третьего возраста в Германии: дис. ... канд. пед. наук. Волгоград, 2015. 238 с.
2. Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. «Взросление» студенчества как феномен меняющегося высшего образования // Высшее образование в России. 2017. № 4. С. 38–49.
3. Морозова Т. Лучше поздно: как учатся студенты в возрасте 45+. [Электронный ресурс]. URL: <http://mr7.ru/articles/107763/> (дата обращения 12.01.2017).
4. Steptoe A., Hamer M., Butcher L. et al. Educational attainment but not measures of current socioeconomic circumstances are associated with leukocyte telomere length in healthy older men and women // Brain Behavior and Immunity. 2011. Vol. 25, no. 7. Pp. 1292–1298.

Информация об авторе

Амбарова Полина Анатольевна (Россия, Екатеринбург) – доктор социологических наук, доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19, borges75@mail.ru).

Ambarova P.A.

EDUCATION FOR ADULTS AS A STRATEGY FOR OVERCOMING THE TEMPORAL CONTRADICTIONS OF AGE GROUP

Older students and their motives for overcoming the contradictions between biological, psychological and social age are considered through continuing education at the university. Temporal features of older students, social functions of higher education in regulating their temporal contradictions are shown.

Keywords: students, age group, strategies for overcoming temporal contradictions, biological, psychological and social age, higher education.

Информация об авторе

Ambarova Polina Anatoljevna (Russian, Yekaterinburg) – Doctor of Sociology, Associate Professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, (Yekaterinburg, Mira St., 19, Russia, 620002, borges75@mail.ru).

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ НЕУСТОЙЧИВОСТИ БРАКОВ В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ)

Предложена типология районов по характеру и интенсивности темпов прироста числа разводов в Якутии. Выявлено несовпадение как направлений процесса, так и масштабов этого явления. Представлен анализ результатов опроса студентов, выявивший, что развод не воспринимается молодежью как жизненная драма.

Ключевые слова: Развод, типологические признаки, опрос, студенческая молодежь, Якутия.

Сохраняющийся интерес к вопросам брачно-семейных отношений вызван тем, что рождение, уход, воспитание ребенка в браке является основой формирования личности, создания образа семьи у ребенка, правильно ориентированных установок на роль матери, отца в будущем. Сложно сформировать идеальный образ семьи в условиях неустойчивых отношений супругов, затянувшегося конфликта родителей [3; 4; 6]. На первый взгляд процесс разводимости характеризуется большой инерционностью и однообразием, особенно в северных регионах [5]. Однако в Республике Саха (Якутия) наблюдается усиление неустойчивости браков в каждом новом поколении [2, с. 37-42], что не может не беспокоить специалистов. Углубление этой неблагоприятной тенденции в первую очередь характерно для сельских районов, в которых до 70-х годов прошлого столетия регистрировались единичные случаи разводов.

Статья посвящена анализу территориальных особенностей процесса разводимости в республике. В 2000 г. было зарегистрировано 4073 разводов. В последующем до 2011 г. наблюдались практически ежегодные колебания то в сторону роста, то в сторону снижения (табл. 1). В целом же за период 2000-2015 гг. максимальное число разводов было зарегистрировано в 2011 г. (4764). Относительно новой тенденцией рассматриваемого периода является рост разводимости сельского населения (в 1,8 раз), в то время как для городского населения был характерен обратный процесс (снижение на 10,5%).

Таблица 1.

Динамика темпов ежегодного прироста (убыли) числа расторгнутых браков, 2000-2015 гг.

Годы	Республика	Город	Село	Годы	Республика	Город	Село
2001/2000	19,2	19,7	15,5	2009/2008	2,9	2,7	3,8
2002/2001	-1,3	-2,0	4,6	2010/2009	-4,2	-4,2	-7,5
2003/2002	-2,0	-1,6	-4,2	2011/2010	6,7	-4,4	92,5
2004/2003	-17,4	-16,7	-23,1	2012/2011	-9,4	-9,7	-8,4
2005/2004	-5,2	-7,2	10,8	2013/2012	7,3	5,5	13,8
2006/2005	9,3	9,8	5,8	2014/2013	-3,1	-4,3	1,1
2007/2006	4,5	3,8	8,8	2015/2014	-9,0	-5,9	-18,6
2008/2007	7,8	9,0	-0,4	2015/2000	0,3	-10,5	79,4

Однако снижение абсолютного числа разводов горожан не сопровождалось столь же видимым сокращением удельного веса расторгнутых браков, приходящихся на городских жителей. На их долю за 2000-2010 гг. приходилось 87-89%, а за 2012-2015 гг. – 78,3% разводов, зарегистрированных по республике.

С целью выявления территориальной дифференциации процесса разводимости населения в качестве типобразующих признаков приняты характер и интенсивность темпов прироста числа разводов в районах Республики Саха (Якутия). Типология районов представлена в таблице 2, из которой, прежде всего, следует несовпадение направлений рассматриваемого процесса для городских и сельских жителей даже в пределах одного

административного района. Так, обнаруживаем, что число разводов городского населения Абыйского района не претерпело заметных колебаний, в то время как разводимость сельского населения этого же района существенно увеличилась. Весьма сглаженная динамика числа разводов характерна также для городского населения Алданского, Нерюнгринского промышленных районов и городского округа «Якутск». А браки сельских жителей перечисленных районов характеризовались наибольшей неустойчивостью.

Таблица 2.

Группировка районов Республики Саха (Якутия) по динамике числа разводов за 2012-2015 годы

		Районы, в которых число разводов сельского населения				
		увеличилось существенно	увеличилось несущественно	без изменений	уменьшилось несущественно	уменьшилось существенно
Районы, в которых число разводов городского населения	увеличилось существенно					Среднеколымский Хангаласский
	увеличилось несущественно				Верхоянский	
	без изменений	Абыйский Алданский Якутск Нерюнгри	Мирнинский	Оймяконский Мегино-Кангаласский Усть-Янский	Олекминский	Верхнеколымский Аллаиховский Кобяйский
	уменьшилось несущественно	Нижнеколымский		Ленский	Нюрбинский Томпонский	Вилуйский
	уменьшилось существенно					Усть-Майский Булунский
	городское население отсутствует	Анабарский Момский Жиганский Эвено-Бытантайский	Горный Сунтарский	Амгинский Верхневилюйский Намский Таттинский Усть-Алданский Чурапчинский		Оленекский

Из представленной типологии также видно, что однонаправленная тенденция как для городского, так и сельского населения в части сохранения заключенных браков характерна лишь для шести районов. Итак, даже за столь короткий промежуток времени отмечаются высокие перепады числа разводов именно в районах преимущественного проживания сельского населения.

Для оценки процесса разводимости недостаточно оперировать только статистическими данными. Важным источником информации служат социолого-демографические обследования [1, с. 80], направленные на выяснение мотивов, причин

рассматриваемого явления. В нашем исследовании акцент сделан на выявлении мнений молодежи, основанных на материалах опроса студентов Якутского финансово-экономического колледжа ($n = 165$, проведено в марте-апреле 2017 г.). Представлялось, что при всей открытости информационного пространства, внедрении либеральных воззрений на брак и семью, традиции заключения и сохранения брака найдут отражение во мнениях студенческой молодежи.

Краткий социально-демографический портрет опрошенных студентов выглядит следующим образом. 64,2% респондентов – это девушки. Наибольшая доля приходится на 18-летних (36,0%), 30,5% – на 17-летних. В выборке также в достаточной мере представлены 16-летние (15,9%), 19-летние (9,1%). Среди опрошенных 46,1% родились в сельской местности, 41,8% – в городе и, к сожалению, 12,1% респондентов не указали место своего рождения. Один из важных характеристик выборки – полнота состава родительской семьи, которое определялось по брачному статусу родителей. Всего у 43,6% студентов родители живут в первом браке, родили их в этом браке. 84,8% выборки составили якуты.

По мнению абсолютного большинства респондентов (84,8%), устойчивости брачного союза будет способствовать отправное условие заключения брачного союза – «брак по любви». Каждый десятый опрошенный считает, что брак будет прочным, если он заключен «по расчету». Некоторые респонденты полагают важным вступать в брак по совету родителей, других взрослых родственников. Подобное распределение наблюдается вне зависимости от брачного статуса родителей, характерно не только для уроженцев села, но и города. Такого мнения придерживаются не только 17-18-летние, но и студенты старшего возраста. В противном случае, видимо, возможны конфликты, различающиеся по длительности, глубине, охвату членов семьи.

Распределение мнений респондентов по основным причинам семейных конфликтов в зависимости от брачного статуса их родителя(ей) представлено в табл. 3. Основной дестабилизирующий момент они видят в изменах, ревности кого-либо из супругов. Важно отметить, что при обдумывании ответов на данный вопрос, студенты выступали как эксперты взаимоотношений своих же родителей. На втором месте по частоте упоминаний стоит пьянство кого-либо из родителей (супругов). Довольно часто причиной конфликтов являются несовместимость характеров супругов или же материальные трудности.

Таблица 3.

Распределение наиболее часто упоминаемых причин конфликтов в семье в зависимости от брачного статуса родителей

Причина конфликтов	Брачный статус родителя (ей)				В среднем по выборке
	разведенные	один (оба) в повторном браке	состоят в первом браке	не состоит в браке	
измены, ревность	38,7	40,0	39,3	36,1	38,8
пьянство	31,2	30,0	38,7	41,7	36,7
материальные трудности	9,7	10,0	8,9	13,9	9,7
несовместимость характеров	20,4	20,0	13,1	8,3	14,8
	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

В целом подобная оценка причин конфликтов между родителями (супругами) характерна для юношей и девушек, для выходцев из села или города не зависимо от их национальной принадлежности.

В анкетном опросе выяснялось отношение респондентов к разводу как способу решения семейных проблем. Методом перекрестного запроса были получены варианты ответов. В целом по выборке на первое место вышел вариант – «не лучший, но допустимый выход», но обнаруживается различие ответов в зависимости от социально-демографических

характеристик респондентов (табл. 4). Так, наиболее активными сторонниками развода, как наилучшего выхода, если семейная жизнь у супругов не сложилась, выступили русские девушки, чьи матери никогда не состояли в браке.

Таблица 4.

Распределение ответов на вопрос: «Если семейная жизнь у супругов не сложилась, то развод это...», (% от числа ответивших)

Варианты ответа	Брачный статус родителя (ей)				В среднем по группе
	разведенные	один (оба) в повторном браке	состоят в первом браке	не состоит в браке	
якут					
1	22,6	0,0	25,6	28,6	24,3
2	45,2	80,0	40,2	42,9	44,3
3	29,0	20,0	30,5	28,6	28,6
4	3,2	0,0	2,4	0,0	2,1
5	0,0	0,0	1,2	0,0	0,7
русский					
1	33,3		33,3	100,0	40,0
2	33,3		33,3		30,0
3	33,3		33,3		30,0
коренная малочисленная народность Севера					
1			50,0		28,6
2	66,7		50,0		57,1
3	33,3				14,3

Примечание: Варианты ответа: 1 – наилучший выход; 2 – не лучший, но допустимый выход; 3 – выход приемлемый лишь в крайних случаях; 4 – недопустимый выход; 5 – затруднились в ответе

В отличие от них, респонденты, у которых родители сохранили брак или официально развелись, придерживаются некоторого паритета. Лишь в выборе отдельных якутов присутствует вариант «недопустимый выход». Отсюда можно заключить, что развод молодежью не воспринимается как жизненная драма, что может быть проявлением юношеского максимализма, следствием отсутствия жизненного опыта. Однако сам факт распространения подобного мнения тревожен с точки зрения устойчивости брака в будущем, когда молодежь создаст семью. А на фоне неизменного роста разводов в Республике Саха (Якутия) выявленное отношение к браку со стороны молодого поколения также не может являться обнадеживающим симптомом для перспектив брака как неотъемлемой формы организации личной жизни взрослого населения.

© Барашкова А.С., Стручкова Е.С.

Благодарность

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 17-02-00446).

Список источников

1. Архангельский В.Н., Зверева Н.В. Теоретические основы мониторинга региональной социально-демографической политики. М.: МАКС Пресс, 2009.
2. Барашкова А.С. Северная семья: демографический и социально-экономический аспекты. – Новосибирск: Наука, 2009.
3. Барашкова А.С., Сукнёва С.А. Конфликтогенные факторы брачного поведения населения Якутии // Регион: экономика и социология. 2011, №4. С. 116-132.
4. Гукова Е.Г. Социологический анализ устойчивости семьи в современной России // Домохозяйство, семья и семейная политика / Под ред. В.В. Елизарова, Н.В. Зверевой. М.: Диалог-МГУ, 1997. С. 120-131.

5. Попова Л.А., Барашкова А.С. Развитие брачно-семейных отношений в северных регионах России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014, № 4 (34). С. 130-147.

6. Синельников А.Б. Развод как домашняя революция. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=20&idArt=1579.

Информация об авторах

1. Барашкова Анастасия Спиридоновна – Российская Федерация, г. Якутск, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, НИИ региональной экономики Севера Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, 677000, проспект Ленина 1, каб. 708, служ. тел 8 (4112) 496 738, asbarashkova52@mail.ru.

2. Стручкова Екатерина Спиридоновна – Российская Федерация, г. Якутск, б/с, преподаватель, Якутский финансово-экономический колледж им. И.И. Фадеева, 677013, улица Ойунского 24, каб. 202, служ. тел 8 (4112) 35-05-53, struchkovae@inbox.ru

Barashkova A.S., Struchkova E.S.

TERRITORIAL DIFFERENTIATION OF THE MARRIAGE INSTABILITY IN THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA) *

A typology of regions is proposed according to the character and intensity of increasing number of divorces in Yakutia. The discrepancy between directions of the process and the scales of this phenomenon was revealed. An analysis of the results of a student survey is presented, revealing that divorce is not perceived by youth as a life drama.

Keywords: Divorce, typological characteristics, survey, student youth, Yakutia.

Information about authors

1. Barashkova Anastasia Spiridonovna - Russian Federation, Yakutsk, candidate of economic sciences, leading research fellow, Scientific-Research Institute of the Regional Economy of the North of the M.K. Ammosov North-Eastern Federal University. 677000, Lenin avenue, 1, room 708, phone 8 (4112) 496 738, Email: asbarashkova52@mail.ru.

2. Struchkova Ekaterina Spiridonovna - Russian Federation, Yakutsk, lecturer, Yakut Financial and Economic College of I.I. Fadeev 677013, st. Oiunskii, 24, room 202, phone 8 (4112) 35-05-53, struchkovae@inbox.ru

УДК: 301

В.В. Бахарев, Н.С. Данакин

МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ УСЛОВИЙ АКТИВИЗАЦИИ РЕПРОДУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДОЙ СЕМЬИ

В статье представлена детерминационная модель формирования условий активизации репродуктивного поведения молодых российских семей как желаемый образ исследуемого процесса, включающая структурно-функциональные компоненты: нормативный, организационно-технологический, операционно-процедурный и инструментальный.

Ключевые слова: молодая семья, активизация репродуктивного поведения

Активизация репродуктивного поведения молодых семей предполагает знание и учет действующих на него факторов: усиление действия одних факторов, нейтрализация других и

ограничение действия третьих. Для этого будет полезной разработка детерминационной модели репродуктивного поведения молодых семей. В основе этой модели как желаемого образа исследуемого процесса лежат четыре компонента: нормативный, организационно-технологический, операционно-процедурный и инструментальный. В данной статье акцентируется внимание на двух компонентах – нормативном и инструментальном.

Нормативный компонент включает комплекс соответствующих принципов как основных и исходных требований, а именно, принципы целеориентированной активности, приоритетности общечеловеческих и семейных ценностей, превентивной репродуктивной активности, комплексности, координации, системности, поступательности (поэтапности), дифференцированного подхода, сотрудничества, деятельностный, ситуационности, программно-целевой, контроля, социальной защиты.

Одним из исходных принципов в процессе формирования необходимых условий активизации репродуктивного поведения молодой семьи, по нашему мнению, является *принцип целеориентированной активности*. Соблюдение этого принципа обеспечивает: а) целостность данного процесса, б) его поступательность, в) оптимальный темп процесса. Заметим в этой связи, что существует три типа закрепления социокультурных условий: неформальный (естественный), формальный (официальный) и смешанный. Естественное закрепление означает, что оно осуществляется без участия легитимной власти. Основную роль в этом процессе играет общественное мнение. Формальное закрепление осуществляется легитимным путем с помощью законов или директив, исходящих от органов власти. Смешанное закрепление означает комбинирование первых двух типов. На практике преобладает смешанный тип.

Принцип приоритетности общечеловеческих и семейных ценностей. Содержание и результаты сексуального и репродуктивного поведения молодой семьи, во многом, зависят от господствующих в культуре ценностей, норм сексуального и репродуктивного поведения, репродуктивных установок и т. д. Во взаимосвязи культуры и репродуктивного поведения происходит их взаимное влияние друг на друга. В процессе сексуального и репродуктивного поведения обнаруживается огромная разница между тем, как воспринимаются одни и те же ценности молодыми людьми разных культур. В большом числе разнообразных восприятий можно выделить группу таких, которые совпадают и по характеру оценок, и по содержанию – они получили название универсальных или общечеловеческих. Их универсальный характер объясняется тем, что основные черты таких ценностей базируются на социальной природе человека и на всеобщих свойствах социального и семейного взаимодействия.

Принцип превентивной репродуктивной активности. Социальные и культурные условия должны формироваться таким образом, чтобы предупредить нежелательные ситуации, отклонения в сексуальном и пассивности в репродуктивном поведении. Это – во-первых. Во-вторых, опережающие профилактические воздействия на репродуктивные действия молодых семей используются не только для предупреждения нежелательных ситуаций, но и с целью «подготовки почвы» для рождения детей в будущем.

Принцип комплексности. Данный принцип означает, прежде всего, интеграцию рациональных подходов к формированию условий для активизации репродуктивного поведения молодой семьи. Он требует учета деятельности всех субъектов, причастных к этому процессу: государства, общества и бизнес-сообщества при формировании соответствующего «социального заказа», определении целей и норм репродуктивного поведения; учета всех значимых условий и факторов, целенаправленного использования этих факторов. Практическое обеспечение комплексного подхода к формированию условий активизации репродуктивного поведения молодых супругов предполагает координацию усилий и четкое взаимодействие всех организаций и их структурных подразделений, так или иначе связанных с этим процессом.

Принцип координации реализован, в частности, в таких структурах как координационные комиссии при администрациях регионов и муниципальных образований (антинаркотическая, антиалкогольная, региональной социально-демографической политики

и др.). Эти комиссии координируют ресурсы системы межведомственного взаимодействия, деятельность всех ее субъектов, выполняют функции информационного обслуживания всей структуры системы, осуществляют обработку информационных потоков. В соответствии с разработанной этими комиссиями концепцией развития межведомственного взаимодействия принцип координации предусматривает: согласованность взаимодействия органов и учреждений, отвечающих за различные меры противодействия распространению бездетности, малодетности, алкоголизма, наркомании, лудомании и других негативных явлений в рамках своей компетенции (органы и учреждения образования, культуры, здравоохранения, по делам молодежи, социальной защиты населения, правоохранные органы и др.); согласованность на профессиональном уровне специалистов различных профилей: педагогов, социальных работников, медицинских психологов, врачей-наркологов, социальных педагогов, работников культуры, работников органов ЗАГС, сотрудников правоохранных органов и др.); согласованность в системе субъектов профилактики – органов и учреждений на областном и местном уровнях, а также специально уполномоченных органов, отвечающих за взаимодействие и координацию при проведении различных мероприятий по профилактике пассивного репродуктивного поведения молодых семей в русле целостной программы комплексной профилактики.

Следующий – *принцип системности* – требует разработки и реализации системы профилактических мер, воздействий. Построение такой системы предусматривает: во-первых, выявление возможного набора необходимых и достаточных профилактических действий, направленных не только непосредственно на предупреждение пассивного репродуктивного поведения молодых супругов, но и профилактику таких негативных явлений, как алкоголизм, наркомания, лудомания и т. д. среди молодых семей; во-вторых, определение причинных и структурно-функциональных взаимосвязей между предлагаемыми профилактическими действиями, с одной стороны, и их возможным эффектом, с другой стороны; в-третьих, закрепление профилактических действий за субъектами социальной профилактики с определением круга их прав и ответственности; в-четвертых, создание органа, отвечающего за координацию профилактических действий, направленных на формирование позитивных репродуктивных установок и активизацию репродуктивного поведения молодых семей; в-пятых, разработка и введение критериев эффективности профилактических действий; в-шестых, осуществление контроля за своевременностью, исправностью и эффективностью действий по формированию условий активизации репродуктивного поведения молодых семей.

Принцип системности ориентирует также на проведение системного анализа индивидуальных, личностных, медицинских и социально-психологических факторов, обуславливающих пассивное репродуктивное поведение молодых супругов и других социальных отклонений, с учетом которых должна строиться и осуществляться профилактическая работа по предупреждению этих отклонений.

Успех формирования условий для активизации репродуктивного поведения молодых семей и других профилактических воздействий обусловлен во многом их поступательностью. *Принцип поступательности (поэтапности)* соединяет, с одной стороны, постоянство и преемственность условий формирования для активизации репродуктивного поведения и осуществления профилактических действий, с другой стороны, обновление и развитие этих действий.

Формирование условий активизации репродуктивного поведения строится также на принципе *дифференцированного подхода*, который требует учета социально-типологических и личностных особенностей молодежи задолго до того, как образуются семейные пары. Принцип дифференцированного подхода определяется нами как дифференциация целей, задач, средств и планируемых результатов репродуктивного поведения молодых семей.

Принцип сотрудничества предусматривает: всесторонний обмен интересующей информацией между каждым субъектом профилактики; совместное определение и принятие

адекватных (социальных, медицинских или правовых) индивидуально-профилактических мер и мер экономической помощи в отношении молодых семей.

Успешное формирование условий профилактики пассивного репродуктивного поведения и других социальных отклонений молодых супругов основано также на *деятельностном принципе*, который требует включения молодых семей в разнообразные сферы общественно-полезной, спортивно-оздоровительной, социокультурной деятельности.

Еще один важный принцип формирования условий активизации репродуктивного поведения и профилактики социальных отклонений, влияющих на репродуктивное поведение молодых супругов – *принцип ситуационности*. Этот принцип требует выявления, идентификации и учета типовых ситуаций и проектирования на этой основе соответствующих профилактических воздействий.

В практике формирования условий активизации репродуктивного поведения молодых семей активно используется *программно-целевой принцип*. В большинстве регионов, к примеру, разработаны и введены в действие десятки целевых программ, прямо или косвенно направленных на формирование позитивных репродуктивных установок и активизацию репродуктивного поведения молодых семей.

Принцип контроля требующий, прежде всего, учета носителей реальных и потенциальных социальных девиаций, влияющих на репродуктивное поведение молодых семей, оперативное принятие соответствующих мер и применение адекватных санкций.

О востребованности *принципа социальной защиты* свидетельствует, в частности, тот факт, что четверть опрошенных респондентов (по данным проведенного нами социологического исследования в Белгородской и Ульяновской областях) – 24,26% считает необходимым взять под жесткий контроль каналы информации, распространяющие культ силы, половую свободу, идеи бездетности и малодетности, курения, употребления алкоголя, наркотиков и другие аспекты отклоняющегося поведения. Безусловно, «львиная доля» такой пропаганды приходится на средства массовой информации, кино, печатную продукцию. На региональных уровнях перекрыть эти каналы целиком вряд ли возможно. Однако, очевидно, что в данном отношении не срабатывают правовые и административные меры. Поэтому имеет смысл для активизации подобной работы социально-правовым комиссиям взять решение данной задачи на себя. На всех уровнях: от областного до районного необходимо определить: направления и формы деятельности средств массовой информации, а также формы превентивной пропагандистской и воспитательной работы.

Кроме того, шаги общества, по мнению респондентов, должны быть направлены, прежде всего, на обеспечение молодых семей нормальными жилищными условиями, поддержание их родительских намерений ощутимыми выплатами до и после родов и т. д.

Имеется несколько способов формирования условий активизации репродуктивного поведения молодых семей.

Исходным и основным из них является *нормативное воздействие*. Вся социальная профилактика и формирование условий активизации репродуктивного поведения привязаны, так или иначе, к определенным социальным нормам, необходимости и реальной возможности их выполнения. Успешное нормативное воздействие на молодую семью возможно в том случае, если, во-первых, супруги знают о нормах; во-вторых, могут их выполнять; в-третьих, желают их выполнять. С первым из этих условий связано правило идентификации норм репродуктивного поведения. Элементы социальной регламентации (нормы, поведенческие эталоны, идеалы) должны быть выражены так, чтобы легко устанавливалось соответствие или несоответствие им реальных действий и поступков молодых супругов.

Нормативное воздействие осуществляется несколькими и, чаще всего, взаимно дополняющими методами [1, С. 127]. *Метод формализации норм* означает их письменную или устную фиксацию с целью устранения неопределенности выражаемых ими требований, расхождений в их восприятии. *Метод локализации норм* означает их «привязывание» к особенностям конкретной молодой семьи и условиям их жизни. То, что является нормой в

обычных условиях, перестает быть таковой в экстремальной ситуации. Этот метод ориентирует на более точный учет и использование локальных, ситуационных ресурсов. *Метод индивидуализации* норм ведет еще дальше. Он предполагает их дифференциацию с учетом личностных особенностей и ресурсов молодых супругов.

Введение социальных норм и, как следствие, уменьшение социальной неопределенности (во многих случаях – и социальной напряженности) в молодой семье – это еще только полдела. Важно добиться того, чтобы молодые супруги знали об этих нормах. На это направлено непосредственно *информационно-просветительское воздействие* как один из способов формирования условий активизации репродуктивного поведения молодых семей.

Данные авторского исследования свидетельствуют о невысоком уровне правового и морального сознания молодых семей. Только 43,5% опрошенных молодых супругов Белгородской и Ульяновской областей четко представляют себе, что надо и чего не надо делать. Основные усилия пропаганды должны быть сосредоточены, по нашему мнению, на следующих направлениях: демонстрация стабильности нормы, ее необходимости и неотвратимости ее применения; более широкое распространение нормативной информации справочного характера среди молодежи, в том числе среди молодых семей; обеспечение конкуренции информационных воздействий (информация, распространяемая средствами правовой и нравственной пропаганды, должна уменьшать, а еще лучше полностью нейтрализовать нежелательное воздействие сведений, полученных о праве, морали из случайных источников – от сверстников, из интернета, в молодежном ночном клубе и т. п.).

Знание норм репродуктивного поведения и других норм семейной жизни очень важно, но это еще не все. Не менее важно, чтобы молодые супруги были настроены на соблюдение этих норм. С формированием такого настроя связано *оценочно-стимулирующее воздействие*.

Если относиться к молодому человеку как к сексуально распушенному, хулигану и потенциальному преступнику, то он рано или поздно оправдает такие ожидания, если только не возьмется доказать обратное. Человек склонен поступать в соответствии с создаваемой им репутацией – в этом суть закономерности оценочной детерминации, учет которой имеет принципиально важное значение для формирования условий активизации репродуктивного поведения и социальной профилактики в целом [6, С. 54]. Оценочно-стимулирующее воздействие – это не единственный способ побуждения молодых супругов к выполнению социальных норм. Важную роль играет также конвенциональное воздействие.

Конвенциональное воздействие основано на выполнении молодыми супругами своих обещаний, обязательств, клятв. Структура конвенционального взаимодействия включает две группы отношений, связанных с критериями: «как даются обещания» и «как воспринимаются и принимаются обещания». В соответствии с первым критерием выделяются пять типов конвенционального отношения: активно-беспечное, активно-ответственное, умеренное, осторожное, отчужденное (отстраненное); в соответствии со вторым критерием – четыре типа конвенционально-договорного отношения: беспечно-доверительное, умеренно-доверительное, настороженно-доверительное, негативное.

Коммуникативное воздействие основано на известных эффектах межличностной коммуникации – коммуникативном включении, коммуникативной адаптации, коммуникативной изоляции, коммуникативном усилении, коммуникативной «мобилизации» и т. д. Коммуникация играет важную роль в детерминации поведения молодых супругов, в частности, отклонений в сексуальном и репродуктивном поведении. Молодые супруги, как и молодежь в целом склонны к подражанию, поэтому одна из задач формирования условий активизации репродуктивного поведения – их направленное ориентирование на положительные образцы подражания.

Групповое воздействие. Наиболее сильное воздействие на молодых супругов может оказать и оказывает референтная (эталонная) семейная группа или, как еще говорят, группа «значимых других». Референтная группа важна не в смысле ее реального существования. Ее

может не быть совсем. Важно, что определенные нормы сексуального, репродуктивного или какого-либо иного вида поведения, предписываемые этой семейной группой, становятся ориентиром для индивида, воспринимаются как эталоны, которым он следует в жизни.

С групповым воздействием связан феномен конформизма. Само слово «конформизм» имеет в обычном языке совершенно определенное значение и означает «приспособленчество». В социально- психологической литературе чаще говорят не о конформизме, а о конформности или конформном поведении, имея в виду психологическую характеристику позиции индивида относительно позиции группы, принятие или отвержение им определенного стандарта, мнения, свойственного группе, меру подчинения индивида групповому давлению. В работах последних лет часто употребляется термин «социальное влияние» [9].

Компаративное воздействие. Жизнь человека немыслима без постоянных сравнений. Мы обычно не обращаем на это внимания, как, впрочем, и на любое другое явление, ставшее для нас привычным. Но суть дела от этого не меняется. Сравнение не просто познавательное средство – операция сопоставления, соизмерения. Оно является непременным «слагаемым» сознания, самочувствия, поведения людей. Каждый из нас решает в течение всей своей жизни вопрос: «Кто я?» Поиски себя – это непрерывные сравнения прошлого с настоящим, настоящего с будущим, реальных достижений с замыслами... и, конечно же, себя с другими людьми и с самим собой. «Я не один год думал, – писал В. Сухомлинский, – в чем выражается наиболее ярко результат воспитания? Когда я имею моральное право сказать: мои усилия принесли плоды? Жизнь убедила: первый и наиболее ощутимый результат воспитания выражается в том, что человек стал думать о самом себе, задумался над вопросом, что во мне хорошего и что плохого? Самые изощренные методы и приемы воспитания останутся пустыми, если они не приведут к тому, чтобы человек не посмотрел на самого себя, не задумался над собственной судьбой» [8, С. 261].

Компаративное воздействие осуществляется посредством методов а) явного сравнения, б) косвенного сравнения, в) публичного сравнения, г) конкурсно-состязательного сравнения, д) компаративной дифференциации, е) направленного подражания, ж) личного примера. Важно также соблюдение правил а) сравнимости результатов деятельности агентов компаративных отношений, б) максимально возможной дифференциации критериев (предметов) компаративных отношений [5, С. 201-213].

Разновидностью компаративного воздействия является состязательное (соревновательное) воздействие, которое проявляется в ориентированности на то, чтобы делать (поступать и т. п.): 1) лучше других, 2) не лучше других, 3) не хуже других, 4) как все, 5) отлично от других, 6) назло другим [9].

Еще один важный способ формирования условий активизации репродуктивного поведения и осуществления социальной профилактики влияющего на репродуктивные установки отклоняющегося поведения молодых супругов – *прожективное воздействие*, т. е. воздействие посредством привлекательных личностных, профессиональных, семейных перспектив. Для характеристики данного способа социального воздействия уместно будет привести слова А.С. Макаренко о важности личностных программ, прожективных линий в жизни человека. «Программа имеет великое значение в жизни человека. Даже самый ничтожный человечек, если видит перед собой не простое пространство земли с холмами, болотами и кочками, а пусть самую скромную перспективу – дорожки или дороги с поворотами, мостиками, посадками и столбиками, – начинает и себя расходовать по определенным этапикам, веселее смотреть вперед, и сама природа в его глазах кажется более упорядоченной: то – левая сторона, то – правая, то – ближе к дороге, а то – длиннее». Нужно сознательно рассчитывать «на великое значение высокой перспективы, даже такой, в которой нет ни одного пряника, нет ни одного грамма сахара» [7, С. 515].

Деятельностное воздействие – это благотворное воздействие на молодую семью посредством организации и стимулирования ее общественно-полезной деятельности.

Социальная профилактика отклоняющегося поведения молодежи, в том числе семейной, не исключает и *административно-правового воздействия*.

© Бахарев В.В., Данакин Н.С. Текст. 2017

Список источников

1. Андрияшина, О.Е. Нормативное регулирование организационного поведения / О.Е. Андрияшина // Теоретическая и прикладная социальная технология: сб. науч. статей. Вып. 1. – Белгород: Изд. центр «Логия», 2003. – С. 125-131.
2. Бахарев, В.В. Репродуктивное поведение молодой семьи: социологический анализ / В.В. Бахарев, А.В. Поймалов. – Димитровград: Филиал УлГУ, 2010. – 156 с.
3. Бахарев, В.В. Репродуктивное поведение молодой российской семьи в начале XXI века: состояние, проблемы, перспективы / В.В. Бахарев, И.Н. Будкова А.В. Поймалов. – М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2010. – 162 с.
4. Бахарев, В.В. Социальная регуляция: концептуальные подходы, стратификация и механизм состязательных отношений / В.В. Бахарев, С.В. Хашаева; под ред. Н.С. Данакина. – Белгород: Изд-во БГТУ им. В.Г. Шухова, 2011. – 164 с.
5. Данакин, Н.С. Компаративный механизм социальной регуляции / Н.С. Данакин, С.Н. Питка – Белгород: Логия, 2003. – 276 с.
6. Данакин, Н.С. Управленческая оценка как объект социологического исследования / Н.С. Данакин, М.С. Сухинов – Белгород: Логия, 2003. – 180 с.
7. Макаренко, А.С. Педагогическая поэма / А.С. Макаренко. – М.: ИТРК, 2003. – 718 с.
8. Сухомлинский, В.А. О воспитании / В.А. Сухомлинский. – М.: Мысль, 1998. – 272 с.
9. Тернер, Дж. Социальное влияние / Дж. Тернер. – СПб.: Питер, 2003г.
10. Хашаева, С.В. Сравнительный анализ состязательных ориентаций и мотивов / С.В. Хашаева // Социальные инновации: Теория и практика: сб. науч. работ. Вып. 2. – Белгород: Логия, 2005. – С. 132-137.

Информация об авторах

1. Бахарев Виктор Владимирович, РФ, г. Белгород, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и управления, Белгородский государственный технологический университет (Россия, 308012, г. Белгород, ул. Костюкова 46, БГТУ им. В. Г. Шухова; rector@intbel.ru)
2. Данакин Николай Семенович, РФ, г. Белгород, доктор социологических наук, директор института синергетики при БГТУ, профессор кафедры социологии и управления, Белгородский государственный технологический университет (Россия, 308012, г. Белгород, ул. Костюкова 46, БГТУ им. В. Г. Шухова; rector@intbel.ru)

Bakharev V.V., Danakin N.S.

MODEL OF FORMATION OF ACTIVATION CONDITIONS OF REPRODUCTIVE BEHAVIOR IN YOUNG FAMILY.

The article presents a determinative model of the formation of activation conditions of reproductive behavior in young Russian families as a desired image of the investigating process, that includes such structural and functional components as: regulatory, organizational and technological, operational and procedural and also instrumental.

Key words: young family, activation of reproductive behavior.

Information about authors

1. Bakharev Victor Vladimirovich, RF, Belgorod, Doctor of Sociology, Professor of the Department of Sociology and Management, Belgorod State Technological University (Russia, 308012, Belgorod, 46, Kostyukova St., BSTU named after VG Shukhov; rector@intbel.ru)

2. Danakin Nikolay Semenovich, RF, Belgorod, Doctor of Sociology, Director of the Institute of Synergetics at BSTU, Professor of the Department of Sociology and Management, Belgorod State Technological University (Russia, 308012, Belgorod, 46, Kostyukova St., BSTU named after V.G. Shukhova, rector@intbel.ru)

УДК: 94. 314.4/5

А.В. Бобицкий

ИНВАЛИДНОСТЬ И БРАК В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРВОЙ ВСЕОБЩЕЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 1897 ГОДА¹

Статья посвящена проблеме семейного положения слепых от рождения, ослепших, глухонемых, немых и душевнобольных людей на основании результатов Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Исследование проводилось на основе данных о населении трех губерний: Волынской, Вятской и Пермской.

Ключевые слова: перепись 1897 г., брачность, инвалидность, население российской провинции, Пермская губерния.

Актуальность работы связана с растущим интересом историков, социологов, демографов и представителей других наук к исследованию социальной истории регионов и к положению малочисленных групп населения. В связи с этим научный интерес представляют результаты Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., которые позволяют исследовать проблему вступления в брак людей с ограниченными возможностями, в частности: слепых от рождения, ослепших, глухонемых, немых и душевнобольных людей. В материалах переписи они были названы «лицами, одержимыми физическими недостатками», а сведения о них были оформлены в виде трех таблиц. В рамках заявленной темы значение имеет таблица «Распределение лиц, одержимых физическими недостатками по возрастным группам», которая содержит информацию о количестве лиц, состоявших в браке, их поле, месте проживания и примерном возрасте.

В статье проанализированы данные, относящиеся к населению Волынской, Вятской и Пермской губерний. Эти три губернии были выбраны из-за сопоставимой численности населения (около трех миллионов человек) и в связи с тем, что одна из них находилась на окраине Российской империи, последнее обстоятельство позволило выявить региональную специфику проблемы. В ходе исследования было решено несколько задач. Установлена численность и доля лиц с ограниченными возможностями среди всего населения губерний и место их проживания. На примере сведений об отдельных группах инвалидов проанализирована взаимосвязь между полом, характером инвалидности, местом проживания и семейным положением.

Следует отметить, что тема инвалидности в России в конце XIX века остается слабоизученной. В современной историографии данная проблема, как правило, затрагивается лишь в исследованиях деятельности благотворительных организаций, местного самоуправления и государства в сфере медицинской и социальной помощи [1,2,3].

Численность инвалидов и их размещение

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ, грант 16-18-10105.

В Волынской губернии люди с ограниченными возможностями составляли около 0,34% от всего населения, в Вятской губернии примерно 0,6%, а в Пермской губернии примерно 0,5%. Абсолютные значения продемонстрированы в таблице 1.

Таблица 1

Население губерний в 1897 г.

Губерния	Всего жителей	Инвалидов
Волынская	2989482	10181
Вятская	3030831	17896
Пермская	2994302	14851

В конце XIX в. большая часть населения Российской империи (в т.ч. инвалиды) проживала в сельской местности. В Волынской губернии на момент переписи горожане составляли около 8% населения [5, с.4-5], в Вятской около 3,2% [4, с. 4-5], а в Пермской губернии около 6% [6, с. 4-5]. При этом в городах и в сельской округе соотношение групп инвалидов было разным. Так, например, в городах Пермской и Вятской губерний душевнобольные составляли более 50% от числа всех лиц с ограниченными возможностями, а в уездах менее 20%. Безусловно, это было связано с разной степенью доступности медицинской помощи, разным уровне диагностики, наличием или отсутствием условий для стационарного лечения, с образом жизни жителей, их представлениями о заболеваниях, методах лечения и т.д.

Инвалидность и вероятность вступления в брак

В результатах Переписи 1897 г. сведения о семейном положении можно получить из таблиц о «распределении населения по физическим недостаткам и возрастным группам» [4, с. 150; 5, с. 140; 6, с. 160]. Однако в этих таблицах нет информации о холостых, разведенных и вдовствующих. В таблицах есть лишь столбец «в том числе состоящих в браке». Тем не менее, имеющиеся данные позволяют сделать несколько выводов.

Вероятность вступления в брак во многом была связана с характером инвалидности и полом человека. Например, реже всех в брак вступали глухонемые женщины. Похожая ситуация была среди немых женщин. При этом для глухонемых и немых мужчин вступление в брак не было такой серьезной проблемой (см. таблицы 2 и 3).

Таблица 2

Глухонемые мужчины и женщины в браке

Губернии		Пол	
		% м. в браке	% ж. в браке
Волынская	Города	17	7
	Уезды	21	5
Вятская	Города	29	8
	Уезды	26	3
Пермская	Города	22	3
	Уезды	28	4

Таблица 3

Немые мужчины и женщины в браке

Губернии		Пол	
		% м. в браке	% ж. в браке
Волынская	Города	26	9
	Уезды	17	6
Вятская	Города	27	0
	Уезды	20	6
Пермская	Города	25	13
	Уезды	25	6

Еще одним фактором, влиявшим на брачность инвалидов, было место жительства. Причём речь может идти не только о различиях между условиями города и села, но и о региональных особенностях. В связи с этим интерес представляют сведения о состоявших в браке душевнобольных. В Вятской и Пермской губерниях среди душевнобольных горожан процент состоявших в браке был в несколько раз больше, чем процент душевнобольных состоявших в браке в уездах. Однако в Волынской губернии эти показатели были примерно равными (см. таблицу 4). Возможно, в данном случае мы имеем дело с простой опечаткой, но могут быть и другие объяснения.

Таблица 4

Душевнобольные в браке		
Губернии	% в браке (города)	% в браке (уезды)
Волынская	18,3	16,9
Вятская	35,9	11,4
Пермская	40,8	12

В данных переписи заметно и то, что среди некоторых групп инвалидов процент состоявших в браке мог быть даже выше показателя всей совокупности населения. Так, ослепшие мужчины, жившие в уездах, состояли в браке чаще, чем все уездные мужчины в целом (см. таблицу 5), нечто похожее было и в городах.

Таблица 5

Процент женатых мужчин в 1897 г.			
Губернии		% м. в браке (среди ослепших)	% м. в браке (среди всего населения)
Волынская	Города	59	36
	Уезды	46	37
Вятская	Города	39	40
	Уезды	45	41
Пермская	Города	50	45
	Уезды	47	44

Однако в данном случае многое может объяснить возраст ослепших мужчин. На диаграмме 1 видно, что большую часть ослепших составляли люди старше 50 лет [3, с. 160]. Другими словами, многие мужчины могли ослепнуть спустя годы после вступления в брак.

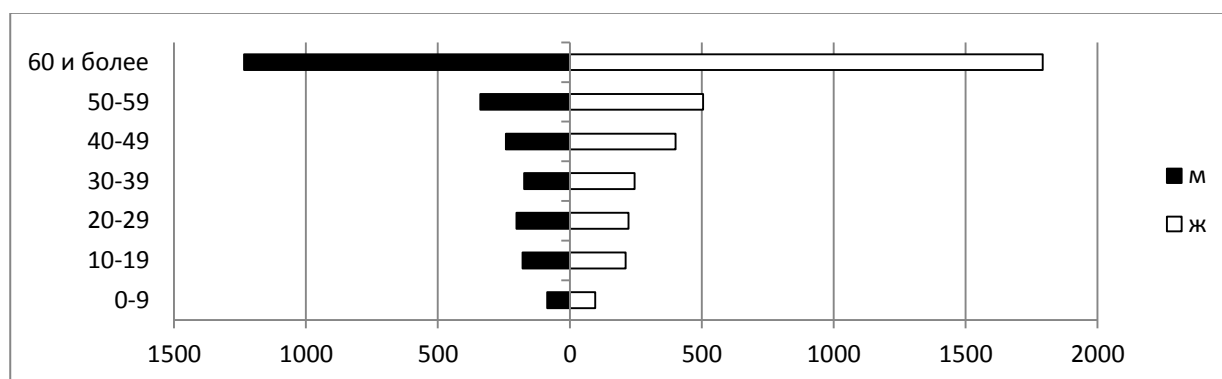

Рис.1 Половозрастная структура ослепшего населения Пермской губернии

Вероятно, вступлением в брак до возникновения тяжелых проблем со здоровьем можно объяснить и то, что в городах Пермской губернии среди душевнобольных мужчин было больше людей, состоявших в браке, чем среди всей совокупности мужского населения. Таким образом, сам формат переписи, предполагавший срез информации на 9 февраля 1897 года, требует по-разному анализировать данные о лицах с врожденными заболеваниями и приобретенными. Кроме того, проблемой являются сами категории, которые использовались для записи сведений о людях с ограниченными возможностями. Эти категории размыты, они указывают на потерю человеком определённой функции (например, зрения), но не указывают на причину ее утраты, характер заболевания и т.д. А в случае с душевнобольными не ясно и то, какую именно функцию потерял человек.

Подводя итог, следует сказать, что результаты переписи 1897 года это сложный источник, требующий от исследователя внимания к целой группе характеристик населения даже при изучении самой узкой темы. Тем не менее, данный источник обладает высоким информационным потенциалом, позволяющий установить численность и место проживания лиц с ограниченными возможностями. Кроме того, он дает ответить на целый ряд вопросов о взаимосвязи таких характеристик как пол, возраст, семейное положение, место жительства и т.д.

В данном исследовании было установлено, что представители всех групп «лиц, одержимых физическими недостатками», которые были указаны в результатах переписи 1897 г., состояли в браке. Но доля состоявших в браке не была одинаковой во всех группах. На примере сразу трех губерний было продемонстрировано, что реже всего вступали в брак глухонемые девушки, в лучшем случае это делала каждая десятая, при этом мужчины вступали в брак заметно чаще. Глухонемые не были единственной группой с низким процентом браков, но именно в их случае прослеживается четкая связь между полом, заболеванием и семейным положением. Было отмечено и то, что в некоторых случаях люди со схожими проблемами со здоровьем, демонстрировали разные показатели брачности в зависимости от места проживания. Это демонстрируют данные о душевнобольных в Вятской и Пермской губерниях. В то же время такая связь не видна в случае Волынской губернии. Кроме того, было предложено интерпретировать данные о высоком проценте браков (в сравнении с показателем для всего населения) как иллюстрацию того, что часть населения сталкивалась с тяжелыми проблемами со здоровьем уже после вступления в брак.

© Бобицкий А.В. Текст. 2017

Список источников

1. Морозова И.И. Проблема слепоты и слепых в Российском обществе в середине XIX – начале XX вв. // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2009. № 9 (72). С. 50-55.
2. Морозова И.И. Формирование системы оказания медицинской и социальной помощи лицам, страдающим глазными заболеваниями в конце XIX в. – начале XX в. (на примере Томской губернии) // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2010. № 10. С. 16-20.
3. Нурова О.Г. Люди с ограниченными возможностями в культурном пространстве Среднего Поволжья (XIX в.) // Теория и практика общественного развития. 2015. №18. С. 279-281.
4. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. X. Вятская губерния / под ред. Н. А. Тройницкого ; Изд. центр. стат. комитета М-ва внутр. дел. СПб. : Слово, 1904. 267 с.
5. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. VIII. Волынская губерния / под ред. Н. А. Тройницкого ; Изд. центр. стат. комитета М-ва внутр. дел. СПб. : Слово, 1904. 281 с.

6. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. XXXI. Пермская губерния / под ред. Н. А. Тройницкого ; Изд. центр. стат. комитета М-ва внутр. дел. СПб. : Слово, 1904. 301 с.

Информация об авторе

Бобицкий Александр Владимирович – магистрант второго года обучения департамента “Исторический факультет” УрФУ им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Ленина проспект, 51. hist@urfu.ru)

Bobitsky A.V.

MARRIAGES OF THE DISABLED IN THE RESULTS OF THE RUSSIAN IMPERIAL CENSUS OF 1897: THE CASE OF VOLYN, VYATKA AND PERM PROVINCES

The article is devoted to the problem of marriages of the blind from birth, blinded, deaf, mute and mentally disabled on the basis of the Russian Imperial Census of 1897. The study was based on data on three provinces comparable in population size.

Key words: Census of 1897, Nuptiality, Disability, Morbidity

Information about the author

Bobitsky Alexander – Graduate student of the Department of History (Ural Federal University, Lenina Ave. 51, Ekaterinburg 620083, Russia. E-mail: hist@urfu.ru)

УДК 316.614.5

Н.Н. Васягина, И.В. Ельцова

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБРАЗА ОТЦА

В статье осуществлен анализ культурно-исторических трансформаций образа отца. Авторы приходят к выводу, что будучи интегративным отражением отцовства, как явления, характерного для конкретной культурно-исторической реальности, и регулятором поведения субъектов, образ отца накладывает отпечаток на реализацию отцовских функций, определяет социологические и психологические аспекты брачности и задает вектор демографическим процессам.

Ключевые слова: образ отца, отцовство, архетип отца, отцовские функции, демографические процессы

За последние десятилетия современное российское общество претерпело значительные изменения, связанные с процессами модернизации мировой цивилизации и модификацией основных общественных институтов, задающих новые стандарты жизни человека, которые, преломляясь через уникальность культурного своеобразия российской ментальности, оказывают существенное влияние на мировосприятие отдельного человека, и общества в целом, задают психологический сценарий развертывания демографических феноменов, в том числе феноменологии отцовства.

По утверждению И.С. Кона, отцовство в большей мере является социально обусловленным феноменом, нежели материнство, а потому его специфический стиль зависит от множества социокультурных условий и изменяется от культуры к культуре [8]. Подтверждение обозначенная позиция находит в широком классе исследований, показывающих, что образ отца, как многоуровневая динамическая подсистема психики, изменяется в зависимости от эпохи, социально-политической, экономической и культурной ситуаций в обществе (Н.Н. Васягина, Т. П. Гаврилова, Дж. Кэрнея, Р. Ларосса, Л. Маркса, С. Менсона, М.Мид, И. Остроуха, Р. Палковитца, Л. Плантина, Дж. Плека, А. И. Подольский, А.

М. Прихожан, Н. Радина, А. Ротундо, Э.Фромм и др.). В соответствии с этим, любые изменения в обществе способствуют формированию «нового» образа отца, изменяя его содержательные характеристики. Не претендуя на всестороннее освещение заявленной проблемы, в настоящей статье мы проследим за культурно-историческими трансформациями содержания образа отца.

Впервые образ Отца аккумулировал социальный опыт жизни первобытных людей. Власть праотца над соплеменниками была абсолютной, дети его боялись, подражали ему и одновременно за покорностью скрывали ненависть, зависть и восхищение [5]. Эти и другие особенности образа Отца нашли отражение в разнообразной мифологии. Так, боги восточнославянского пантеона (Ярила, Перун, Белобог и Чернобог, Велес и др.) символизируют влияние природных сил на человека и покровительствуют различным сферам жизни (земледелие, ремесла, военное дело и т. д. Особое место отводится здесь богу Солнца - Даждбог, олицетворяющему мужское начало и мужскую основу мироустройства. В мифах об Олимпийских богах Зевс ассоциируется с абсолютной властью и сферой разума, Посейдон – с царством эмоций, Аполлон отображает законодательную сферу отцовской власти, Гермес выступает в качестве посредника между отцовской волей и ее исполнением в обществе, Арес воплощает агрессию.

В патриархальной культуре закрепляется архетип Отца, символизирующий авторитет и власть, который воплощается в образах Царя и Мудрого Старца. Например, в сказках иллюстрируется более высокое социальное положение мужа по сравнению с женой. Дети также подвластны воле отца, который проявляет ее в виде советов и поучений. Отец, который учит сына добру, жизни в согласии – часто встречающийся персонаж в сказках. Так проявляется воспитательная функция архетипа Мудрого Старца, задачей которого является концентрация представлений о прошлых событиях, моделирование настоящего и будущего и передача знаний молодому поколению [10].

Возникновение христианства предлагает понимание божественной семьи (Бог-Отец, Бог-Сын и Дева Мария) и Святого семейства (Иосиф-Обручник, Иисус и Дева Мария). В Божественной семье доминирует Бог-Отец, он высится над Сыном и Богородицей и является скорее невидимой силой, правящей семьей издали, не имея конкретного облика. В модели Святого семейства Образ Отца-кормильца воплощен в Иосифе-Обручнике – земном муже Девы Марии. Иосиф несет ответственность за семью, однако доминирует в семье сын Иисус. В образе Иосифа воплощено христианское отношение к ребенку не как к своей собственности, а как к богоданному существу. Поскольку ребенок является даром Божиим, то Отец-воспитатель испытывает уважение и почтение к ребенку. Иосиф реализует мужскую любовь к ребенку, которая является более твердой и последовательной, теплой и сердечной, чем природная и непоследовательная любовь матери. Ребенок дан Богом Иосифу на хранение, это дар Божий, посему у Иосифа-Обручника нет права распоряжаться его душой, телом и судьбой, он обязан создать предпосылки для выполнения ребенком миссии земной жизни, обеспечить ему душевный комфорт [9].

Идеальная христианская семья строится на основе принципа власти: совмещения ответственности и доминирования. Главенствует тот, кто несет большую долю ответственности. Психологическая близость служит вторым параметром отношений, компенсирующим вектор доминирования-ответственности. Муж как глава семьи обязан нести груз ответственности, жена смиренно занимает второе место. Неудивительно, что архетип Царя наделен важнейшими функциями: поддержанием стабильности и обеспечением развития подвластных ему территорий и структур (семьи, организаций и государства). Ценностью данного архетипа считается зрелая и ответственная любовь с целью удовлетворить потребности тех, кто признает его главенство [1].

В традиционной российской семье вплоть до конца XIX века культивируется образ отца - работника, сохраняющего власть и осуществляющего контроль над домочадцами. Так, мужчины косили, пахали, разгружали телеги, ездили в лес за дровами, плотничали, кололи дрова, досматривали лошадей, а также продавали свою продукцию и почти всегда покупали

все необходимое для хозяйства. Домашней работой, воспитанием и обучением детей предписывалось заниматься женщине. Отец как глава семьи был обособлен от Матери и ребенка, а главными обязанностями детей были абсолютное послушание, любовь к родителям, забота о них в старости. Отец управляет домашним хозяйством, сам активно участвуя в хозяйственной деятельности; контролирует работу, выполняемую домочадцами; берет на себя тяжелые физические, «мужские» виды деятельности в быту; сохраняет и укрепляет имущество семьи. Он сохраняет и поддерживает символический капитал семьи и рода, осуществляет контроль над домочадцами, основанный на безусловном авторитете, и участвует от имени семьи в деятельности институтов публичной сферы. Именно Отец ответственен перед государством за выполнение семейных обязательств [10].

Активное вовлечение женщин в экономическую сферу с начала XX века нивелирует значение Отца как необходимого компонента в материальном обеспечении семьи, однако экономическая культура общества продолжает опираться на авторитет Отца и знания Мудрого Старца, отдавая предпочтение таким традиционным мужским характеристикам, как предприимчивость, активность, открытость к инновациям. Эмоциональная близость Отца с детьми часто остается символической, а их реальные взаимоотношения большей частью осуществляются при посредничестве Матери [6].

Наметившаяся трансформация образа Отца, получила развитие в советский период: советский мужчина верен социалистическим идеям, борется за строительство коммунизма, ставит государственные и партийные интересы выше личных интересов, поддерживает труженицу-мать и экономически обеспечивает семью [2]. Таким образом, социальную желательность приобретают качества, отражающие участие мужчины в производственной сфере и общественно-политической жизни, в то время как семейная жизнь отодвигается на второй план. Образ Отца актуализируется лишь там, где есть элементы авторитарности, однако он все реже определяется через мужскую идентичность. Любой человек (мужчина и женщина), облеченный властью, проявляет по отношению к остальным качества отцовского архетипа. Достижение гендерного равенства в различных областях жизни становится одним из главных приоритетов государственной политики. Изменение понимания роли отца порождает проблемы взаимоотношений отцов и детей [8]. Сложившаяся социокультурная ситуация привела к девальвации института отцовства, ослаблению роли отца в семье, обесцениванию его участия в жизни ребёнка, и отрицанию его необходимости для полноценного развития потомства [12].

Тенденции, раскрывающие низкий статус образа отца в сравнении с образом матери, закрепляются в произведениях народного творчества, искусстве и литературе. В качестве примера достаточно привести отечественные мультфильмы, снятые по произведениям авторов разных времён и стран, где сплошь и рядом «растёт безотцовщина». Сюжет зачастую несет в себе негативный (отстранённый, безучастный, безвольный, инфантильный) образ отца». В качестве примера, можно привести известные мультфильмы «Малыш и Карлсон», «Простаквашино», «Морозко» (где отец увозит свою дочь в лес по наставлению жены), «Красная шапочка» (отсутствие отца, а волк, как мужское воплощение - эгоистичен, коварен, хитер) и так далее [3]. Отец – это мрачный алкаш на картине Маковского «Не пушу», неласковый и эгоистичный судья в повести Короленко «Дети подземелья», суровый и резкий губернатор в рассказе Станюковича «Побег» и др. [1].

В постсоветский период, наряду с переосмыслением общечеловеческих ценностей, происходит переосмысление проблематики отцовства. С одной стороны наметились попытки возрождения изначальной сущности отцовства, возвращения к его архетипическим истокам, с другой с другой – усилились тенденции обусловленные ролевыми конфликтами мужчины: для одних роль отца несовместима с профессиональным ростом и ролью «свободного» мужчины, для других сложности взаимоотношений с собственными родителями и связанная с этим безответственность являются препятствием для выполнения отцовской роли [1]. В такой ситуации архетип Отца, являющийся воплощением порядка, социального воспитания и мужской защиты, вступает в конфронтацию с реальным положением дел, а потому образ отца

приобретает амбивалентное содержание, что воплощается в противоречивых, амбивалентных, а порой и в деструктивных (девиантных) моделях отцовства[6].

Так, согласно исследованиям Р. В. Манерова, проблемы, связанные с девиантным отцовством, являются весьма острыми и актуальными в наше время. Он перечисляет следующие формы отклоняющегося отцовского поведения, часто сочетающиеся и дополняющие друг друга: уход из семьи, отказ от совместной жизни с супругой (подругой) и своим (часто еще не родившимся) ребенком; проявление насилия по отношению к своему ребенку; безразличное отношение к нему. Причины отклоняющегося отцовского поведения, по мнению автора, обусловлены большим количеством сложновзаимодействующих факторов, таких как культурные, социальные и семейные особенности и ценности, особенности взаимоотношений со своим отцом, модель отцовства в родительской семье, несформированность матрицы отцовского отношения, личностные особенности современных отцов (эгоцентризм, инфантильность, сексуальная неразборчивость) [11].

Анализируя результаты современных исследований, посвященных изучению образа отца, мы приходим к выводу, о неоднородности, многообразии закрепленных в сознании россиян образов отца, которые содержат как положительные, так и отрицательные характеристики. Например, в исследовании И.О. Шевченко выявлены противоречия в содержательной наполненности образов «современный отец» и «мой отец». При описании «современных отцов» респонденты наделяли последних преимущественно негативными характеристиками: «они не участвуют в воспитании детей», «бесхозяйственные», «безразличные и отстраненные по отношению к ребенку». Кардинально противоположные характеристики наполняют образ «мой отец»: «ответственный», «решительный», «хозяйственный», «добрый», «заботливый», «понимающий». Автор считает, что противоречие вызвано стереотипами, бытующими в современном обществе, о том, что в мире все больше материнских семей, а отцы совершенно не участвуют в жизни детей; в полной же семье обязанности по воспитанию отцом перекладываются на мать [13].

Не менее интересными являются данные, полученные в других исследованиях. Так, Е.О. Ковалева, изучая образ идеального отца, обнаружила, что идеальный отец определяется как уверенный в себе лидер, несущий ответственность за семью, заботящийся о ней. Однако если данные характеристики принимает на себя женщина, образ отца остается неопределенным [7]. С. В. Липпо отмечает, что образ отца, символизируя авторитет, для детей обоих полов определяется через успешность отца, его социальный статус и является одной из ключевых характеристик, обуславливающих стремление к самоактуализации у детей. При этом если для девочек образ отца является проекцией будущих отношений с мужем, то мальчики напрямую идентифицируют себя со своими отцами, а достижения отцов становятся основой для самоуважения [9].

Таким образом, в современном российском обществе явно обнаруживаются полярные тенденции, иллюстрирующие неоднородность, противоречивость и многоаспектность репрезентации образа отца. Смещение акцентов в его образе от «вершины власти» к маргинализации, нивелированию мужских обязанностей и делегированию их женщине, к безответственности и инфантилизму, прочно закрепившихся в образе отца, эти характеристики соседствуют с указанием на расширение диапазона отцовских ролей, утверждением их активной позиции в воспитании детей, утверждению новой модели отцовства.

Подводя итоги рассмотрения культурно-исторических трансформаций образа отца, мы приходим к выводу о его особом статусе: важность образа отца для каждого человека и общества в целом, позволяют говорить о нем как о категории, заслуживающей исследовательского внимания и претендующей на изучение как самостоятельной проблемы. Будучи интегративным отражением отцовства как явления, характерного для конкретной культурно-исторической реальности, и регулятором поведения субъектов, образ отца накладывает отпечаток на реализацию отцовских функций, определяет социологические и психологические аспекты брачности и задает вектор демографическим процессам.

Список источников

1. Борисенко Ю. В. Психология отцовства / Ю. В. Борисенко. М.; Обнинск : «ИГ-СОЦИН», 2007г. - 56 с.
2. Васягина Н.Н. Семейное воспитание и условия его эффективности /Н.Н. Васягина// Актуальные проблемы психологии образования коллективная монография. Екатеринбург, 2015. С. 194-212.
3. Денисенко И. Образ отца или «отец не считается». Мужской взгляд. postila.ru/Picture/46978429
4. Евсеенкова Ю. В., Портнова А. Г. Отцовство как структурно-динамический феномен // Сиб. псих-я сегодня : сб. науч. тр. Кемерово : Кузбассвуиздат, 2003. Вып. 2. 259 с.
5. Зойя Луиджи. Отец: Исторический, психологический и культурологический анализ. Пер. с англ. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. — 280 с.
6. Звонарева А. Е. Идеально-нормативный образ отца в процессе конструирования советских отцовских практик: автореф. диссертации на соиск. кандидата социологических наук: 22.00.04 / А. Е. Звонарева. Нижний Новгород, 2011.
7. Ковалёва Е.О. Образ идеального отца: особенности представлений у юношей// Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 1.; URL: <https://scienceeducation.ru/ru/article/view?id> (дата обращения: 22.03.2017).
8. Кон И. Мужчина в меняющемся мире: лекция / И. С. Кон / Интернетпроект «ПОЛИТ.РУ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://polit.ru/article/2006/12/29/kon/>. – Дата доступа: 10.03.2017.
9. Липпо С. В. Образ отца как фактор самоактуализации личности: автореф. на соиск. ученой степени кандидата психологических наук: 19.00.01 / С. В. Липпо. СПб., 2006.
10. Мид М. Отцовство у человека – социальное изобретение / М. Мид // Культура и мир детства : Избранные произведения. М., 1988. С. 308–321.
11. Манеров Р.В. Психологическая диагностика отцовства как проявления личностно-смысловой сферы мужчины // Справочник практического психолога. Психодиагностика / под ред. С.Т. Посоховой. СПб., 2005.
12. Пастухова М.В. Развитие отцовства: норма и девиация // Культура и образование (электронный науч.-практ. ж-л). – 2013. – № 1 (1). – 13 с.
13. Шевченко И.О. Представления россиян об отцах и отцовстве // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2015. № 7 (126). С. 144–153.

Информация об авторах

1. Васягина Наталия Николаевна (Россия, г. Екатеринбург) – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии образования ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет» (620017 Свердловская область, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26. E-mail: vasyagina_n@mail.ru);
2. Ельцова Ирина Владимировна (Россия, г. Екатеринбург) – аспирант кафедры психологии образования ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет» (620017 Свердловская область, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26. E-mail: eltsova_74@mail.ru).

Vasyagina N.N., Yeltsova I.V.

CULTURAL AND HISTORICAL TRANSFORMATIONS OF THE IMAGE OF THE FATHER

The article analyzes the cultural and historical transformations of the father's image. The authors come to the conclusion that being an integrative reflection of paternity as a phenomenon characteristic of a specific cultural and historical reality and regulator of the behavior of subjects,

the image of the father imposes an imprint on the realization of paternal functions, determines the sociological and psychological aspects of marriage and sets the vector to demographic processes.
языке

Key words: father's image, fatherhood, father's archetype, father's functions, demographic processes

Information about authors

1. Vasyagina Natalia Nikolaevna (Russia, Yekaterinburg) - Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Psychology of Education, FGBOU VO "Ural State Pedagogical University" (620017 Sverdlovsk Region, Yekaterinburg, Cosmonauts Avenue, 26. E-mail: vasyagina_n@mail.ru);

2. Yeltsova Irina Vladimirovna (Russia, Yekaterinburg) - postgraduate student of the Department of Psychology of Education of the Federal State Educational Establishment of Higher Education of the Ural State Pedagogical University (620017 Sverdlovsk Region, Yekaterinburg, Cosmonauts Ave., 26. E-mail: eltsova_74@mail.ru). Информация об авторах на английском языке

УДК: 314.018/38(045)

А.Ю. Денисов

РЕПРОДУКТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НАСЕЛЕНИЯ: ПОДХОДЫ И МЕТОДИКИ ОЦЕНКИ

Анализ литературы показывает, что существует два подхода к оценке репродуктивного потенциала: биологический и социологический. Для обществ, которые завершили демографический переход, принципиальное значение имеет второй подход. В большинстве случаев он реализуется посредством приравнивания репродуктивного потенциала к уровню репродуктивных установок. Однако в статье показаны ограничения, которые не позволяют отождествлять эти понятия и делают определение репродуктивного потенциала самостоятельной научной проблемой, а не апробированной научной методикой.

Ключевые слова: Рождаемость, потенциал, репродуктивный потенциал, методология, валидность

Постановка проблемы. Первым ученым, о котором достоверно известно, что он дал научное определение и в дальнейшем использовал в своих работах термин «репродуктивный потенциал», стал американский биолог Р. Чапмен (R. Chapman). Так, в своей классической работе «Экология животных» он определил репродуктивный потенциал как максимально возможный уровень увеличения рождаемости в условиях отсутствия смертности [4, с.114]. Предложенный понятийный аппарат был соотнесен Р. Чапменом с развитым понятийным и статистическим аппаратом демографии на основе работ А. Лотке (A. Lotka) [4, с.195].

В дальнейшем термин «репродуктивный потенциал» получил относительно широкое распространение в демографии, биологии и экологии. Анализ демографической литературы позволяет выделить общий и частный аспект определений понятия. Во всех работах практически неизменно репродуктивный потенциал интерпретируется как *максимально возможный при определенных условиях уровень рождаемости*. Однако можно выделить две различные интерпретации того, что считать максимально возможным, которые можно условно назвать биологической и социологической. В первом случае репродуктивный потенциал интерпретируется как *биологически максимальный уровень рождаемости вида*.

Данный подход наиболее близок к изначальному смыслу, заложенному в работах Р. Чапмена. Его развитие привело к появлению хорошо известных методик: гипотетического минимума естественной рождаемости В. Борисова (далее – ГМЕР), индексов Э. Коула,

методик оценки прямых детерминант рождаемости Д. Бонгаартса. Однако применительно к постпереходным обществам данный подход лишь констатировал, что внутрисемейная регуляция рождаемости достигла уровня, когда текущие значения рождаемости стали практически несопоставимы с показателями стандартов (к примеру, гуттеритов или ГМЕР). В результате данное направление практически исчерпало свой гносеологический потенциал. Так, методические статьи в рамках данного направления за последние двадцать лет являются не более чем уточнениями модели прямых детерминант (например, [2]), однако вряд ли можно ожидать значительную ревизию апробированных и устоявшихся методов.

Во втором случае репродуктивный потенциал рассматривается как *максимально возможный уровень рождаемости в рамках конкретных социально-экономических условиях*. В отличие от биологического подхода ни в одной из работ не удалось обнаружить приемлемого теоретического и методологического обоснования данного понятия. Несмотря на его относительно частое применение, практически всегда оно используется как само собой разумеющееся. Однако, как будет показано далее, за кажущейся очевидностью скрывается целый ряд проблем, которые не позволяют считать, что социологический подход предоставляет исследователю приемлемый инструмент оценки репродуктивного потенциала.

Методические проблемы оценки репродуктивного потенциала. Социологическая интерпретация репродуктивного потенциала предполагает, что в условиях, когда право планирования семьи полностью делегировано на внутрисемейный индивидуальный уровень, основным источником получения информации о потенциале может быть исключительно мнение респондента. В результате основным методом сбора информации о репродуктивных предпочтениях на данный момент являются массовые опросы респондентов. Впервые подобная практика была реализована в исследованиях института Гэллага (США) с 1936 года [11, с.70] и в дальнейшем получила широкое распространение по всему миру. Полученные оценки репродуктивных предпочтений часто интерпретируются как предельное значение уровня рождаемости населения. Однако против подобной практики можно высказать ряд возражений, значительная часть из которых была резюмирована в статье Д. Бонгаартса «Измерение желаемой рождаемости» [3]. В данной статье мы приведем лишь основные из них.

Первая проблема состоит в том, что в популяции некоторая доля женщин неизбежно инфертильна. Так, при расчете ГМЕР В. Борисов соответствующую величину рассматривал как константу равную 6,0% [12, с.53]. Данный уровень в большей степени обусловлен биологическими причинами. В то же время инфертильность по социальным причинам может быть значительно выше. Так, к примеру, доля бездетных американских женщин в поколении 1935 года рождения составила 6,1%, а в поколении 1970 года – уже 12,7% [9]. При этом важно, что весь репродуктивный период последнего поколения (1985-2015 годы) реализовывался проект General Social Society. Анализ данных проекта позволяет утверждать, что в данном поколении идеальная рождаемость не опускалась ниже 2,3 ребенка, а доля женщин с идеальным количеством детей равных нулю составила менее 2,0% [8]. Есть много стран, где данный показатель еще выше. Так, в Испании доля бездетных женщин когорты 1970 года рождения составила 18,7%, в Японии – 27,3%. Таким образом, величина действительного репродуктивного потенциала общества может оказаться существенно переоценена.

Вторая проблема известна как эффект рационализации (ex-post rationalization problem). Так, по усредненным данным для 20 стран в рамках исследования проекта World Fertility Study около 7,0% женщин заявили, что хотели рождение последнего ребенка, однако количество фактически рожденных детей было выше декларируемого уровня желаемой рождаемости [5, с.35]. Соответствующая доля является минимальной оценкой эффекта рационализации для данных выборок, так как можно обоснованно предположить, что механизм рационализации мог в некоторых случаях сказаться и на желаемом количестве деторождений. В таком случае величину смещения оценить затруднительно. Данный эффект также может привести к искусственному увеличению значения репродуктивного потенциала.

Третья проблема связана с тем, что респонденты могут воздержаться от ответа или дать неметрический ответ. Есть примеры современных исследований, в которых доля таких решений респондента достигает 20,0% от величины выборки, что связано с существенным риском смещенной оценки. Подобное смещение стало причиной неоднократного значительного занижения уровня репродуктивных предпочтений жителей Австрии и Германии [7, с.408]. При этом в данных исследованиях объем выборки был значительным, а значит ремонт выборки не всегда дает корректные результаты. В обоих случаях фактор может способствовать уменьшению оценки репродуктивного потенциала.

Четвертой проблемой является проблема внутрисемейного совпадения предпочтений. В ряде исследований показано, что репродуктивные предпочтения мужчин и женщин примерно одинаковы. Однако в связи с тем, что ответы респондентов негомогенны, неизбежно появление домохозяйств с несовпадающими представлениями. Достаточно сложно определить, как этот факт влияет на репродуктивное поведение. Исходя из немногочисленных публикаций на эту тему можно утверждать, что несовпадение мнений в семьях, в которых один из родителей ориентирован на многодетность, а второй на малодетность, на уровне поведения будет ориентировать домохозяйство на минимальную норму деторождений (например, [10]). Таким образом, данный фактор должен завышать оценку потенциала.

Существующие методики по корректировке указанных предпочтений. В отечественной литературе не удалось встретить публикаций по алгоритмам корректировок соответствующих смещений. В западной литературе интерес к данной проблематике также не был комплексным и на данный момент не существует приемлемых методик, учитывающих указанные проблемы в полном объеме. В наибольшей степени отработаны способы устранения эффекта рационализации и неметрических ответов.

Основным способом минимизации эффекта рационализации и неметрических ответов стала формулировка вопросов, не предполагающих метрическую оценку, а именно вопросов о последующей и предшествующей ожидаемой рождаемости. Как отмечает Дж. Бонгаартс, если респондент отвечает, что он хотел бы иметь еще одного ребенка, то с высокой вероятностью он желал и предыдущего [3, с.494].

Одним из предложенных методов решения данных проблем стало моделирование репродуктивного потенциала на основе полученных ответов с учетом распределения фактических деторождений в группе опрошенных. Изначально первые модели давали весьма неточную оценку величины репродуктивного потенциала, не позволяя корректно описать даже модельные данные [6, с.320]. Решение с приемлемым обоснованием и должной эмпирической верификацией было впервые представлено Э. Ноором (E. Nour) в статье 1983 года «Оценка распределения желаемого размера семьи в условной когорте» [6].

Модель Э. Ноора основана на математической модели стационарного населения и предполагает трехэтапные вычисления. Более детальное рассмотрение вычислений может стать предметом самостоятельной статьи. Достаточно лишь отметить, что в зависимости от распределения числа фактически рожденных детей по очередности деторождений и ответов по каждой очередности рождений оценка репродуктивного потенциала может значительно отличаться от оценки величины репродуктивных установок. При этом по некоторому опыту расчетов можно утверждать, что данный критерий является достаточно консервативным и, как правило, дает более низкие результаты в сравнение с оценкой репродуктивных установок. Данное направление моделирования получило некоторое развитие в дальнейшем, однако результаты более усовершенствованных моделей примерно сопоставимы.

Альтернативным способом оценки репродуктивного потенциала стало конструирование суммарных коэффициентов желаемой рождаемости. Изначально данная проблема стала актуальной при исследовании рождаемости переходных стран в рамках проектов WFS и DHS, после того как было установлено, что в большинстве подобных стран желаемая рождаемость ниже фактической. Наиболее комплексное решение было предложено в работе Дж. Бонгаартса «Измерение желаемой рождаемости» [3]. Методика

предусматривает расчет двух компонентов суммарного коэффициента рождаемости: компоненты коэффициента, которая формируется женщинами, родившими ребенка и желающими дополнительное деторождение, и компоненты коэффициента, которая формируется женщинами, желавшими последнее деторождение, но более не желающими дополнительных деторождений. Формат статьи не позволяет детально изложить основные положения подхода Дж. Бонгаартса, однако следует отметить, что модель предполагает, к примеру, расчет таких поправочных коэффициентов как доля женщин, которые никогда не достигнут желаемого размера семьи; доля женщин, добровольно отказавшихся от деторождения; корректировку на изменения возрастов вступления в брак и средний интервал между деторождениями.

Предложенный Дж. Бонгаартсом подход, несмотря на то, что ориентирован на оценку фактического суммарного коэффициента желаемой рождаемости, полностью основан на оценке репродуктивных предпочтений и, как отмечается исследователями, полученное значение может быть выше фактического суммарного коэффициента рождаемости [1, с.4]. Однако, по нашему мнению, использование его в качестве оценки репродуктивного потенциала требует небольшой корректировки.

В литературе можно найти и другие методики. Так, в статье И. Бхушан (I. Bhushan) и К. Хилла (K. Hill), предложен подход, который можно было бы назвать суммарным коэффициентом ожидаемой рождаемости (авторы назвали данную метрику prospective desired total fertility rate) [1]. Авторы развивают идеи Дж. Бонгаартса. Ее важным отличием является то, что метрика ориентирована прежде всего на получение оценки репродуктивных предпочтений с высокой предсказательной способностью периодом до года. Однако характер методики позволяет осуществлять корректировку ожидаемой рождаемости вплоть до конца репродуктивного периода. Соответствующие расчеты также могут рассматриваться как более точный метод оценки репродуктивного потенциала.

В завершение обзора основных методических подходов к определению величины репродуктивного потенциала целесообразно в табличном виде обобщить и сопоставить их возможность по учету основных факторов, которые могут исказить оценку репродуктивного потенциала на основе ответов респондентов (таблица 1.1).

Таблица 1

Возможность основных методик по учету факторов смещения оценки репродуктивного потенциала на основе ответов респондентов [1; 3; 6]

Факторы смещения оценки репродуктивного потенциала на основе ответов респондентов	Эффект фактора*	Типы методик		
		Желаемый размер семьи	Математическое моделирование (например, модель Ноора)	Суммарный коэффициент желаемой (ожидаемой) рождаемости
Рационализация	+	Не учтен	Учтен частично	Учтен
Инфертильность	+	Не учтен	Учтен частично	Учтен
Неколичественные оценки	–	Не учтен	Учтен	Учтен
Различные предпочтения членов домохозяйства	+	Не учтен	Не учтен	Не учтен

* – фактор «+»завышает / «-»занижает значение оценки репродуктивного потенциала;

Как следует из таблицы, ни одна из методик не является универсальной. Более того, методики математического моделирования и построения суммарных коэффициентов обладают несколькими недостатками, которые значительно ограничивают их использование.

Во-первых, подобные методики весьма требовательны к объему выборочной совокупности. Так, для репрезентативного представления подхода, предложенного И. Бхушан и К. Хиллом, только расчет возрастных коэффициентов ожидаемой рождаемости для одной

возрастной группы потребует около 400 респондентов. Потому для расчета всего коэффициента только по скошенной выборки по пятилетним интервалам должно быть опрошено около 2 400 респондентов. В результате репрезентативность большинства традиционных опросных исследований недостаточна для уверенного использования полученных данных в качестве исходных для подобных моделей.

Во-вторых, такие методики требовательны к конкретным формулировкам вопросов. Однако данные вопросы в полном объеме в рамках крупных международных проектов использовались прежде всего в проектах WFS и DHS. В свою очередь данные проекты ориентированы на исследование переходных стран, что делает практически невозможным приемлемую апробацию и дальнейшее совершенствование для постпереходных стран.

В-третьих, представленные методики значительно более трудоемки в расчетах. Также следует отметить, что хотя проблема определения репродуктивного потенциала представляется актуальной, сложно найти работы с четкой постановкой данного вопроса. К примеру, методики суммарного коэффициента желаемой рождаемости изначально были адаптированы под оценку возможного снижения рождаемости переходных стран. Некоторым исключением являются модели, подобные модели Э. Ноора, которые изначально были ориентированы на решение конкретного перечня проблем при оценке репродуктивных установок. Однако предложенные решения охватывают не все указанные проблемы.

В этой связи неудивительным является дальнейшее широкое использование в качестве первичных оценок репродуктивного потенциала величин выявленных репродуктивных установок. Однако не следует забывать о том, что это различные понятия и если по поводу репродуктивных установок существует определенный исследовательский консенсус о методике его исследования, то репродуктивный потенциал – понятие многообещающее, но проблемное, без четкого методического наполнения.

В завершение хотелось бы отметить, что четыре указанных эффекта смещения скорее всего должны суммарно снизить величину репродуктивного потенциала общества на несколько десятых, относительно величины репродуктивных установок. В связи с этим можно предположить, что страны, у которых репродуктивные установки находятся в интервале 2,0-2,2 ребенка на одну женщину в действительности обладают репродуктивным потенциалом *ниже уровня простого воспроизводства поколений*, а декларируемые репродуктивные установки недостижимы в полном объеме ни при каких обстоятельствах.

Резюме. Понятие репродуктивный потенциал предложено в рамках биологии, однако для постпереходных обществ биологическая интерпретация обладает малым практическим значением. Наибольшее количество исследований ориентировано на определение репродуктивного потенциала таких обществ на основе оценки уровня репродуктивных предпочтений населения. Однако существует множество ограничений, которые не позволяют рассматривать эти понятия как взаимоднозначные. В демографии предложен ряд методик по корректировке оценок репродуктивных предпочтений с целью более точного отражения уровня репродуктивного потенциала. Тем не менее данные методики сами обладают рядом недостатков, которые ограничивают их массовое использование. Потому следует констатировать, что на данный момент не существует приемлемых методик оценки репродуктивного потенциала. Исходя из наличных данных можно предположить, что репродуктивный потенциал, при прочих равных, всегда на несколько десятых ниже уровня репродуктивных предпочтений. Потому общества с репродуктивными предпочтениями на уровне 2,0-2,2 ребенка на одну женщину в действительности обладают репродуктивным потенциалом *ниже уровня простого воспроизводства поколений*.

Список источников

1. Bhushan, I. The Measurements and Interpretation of Desired Fertility [Electronic resource] / I. Bhushan, K. Hill. // Johns Hopkins Population Center. – 1995. – Mode of access: <https://goo.gl/yMkEfM>. – Date of access: 01.05.2017.
2. Bongaarts, J. Modeling the fertility impact of the proximate determinants: Time for a tune-up / J. Bongaarts // Demographic Research. – 2015. – Vol. 33, № 19. – P. 535–560.
3. Bongaarts, J. The Measurement of Wanted Fertility / J. Bongaarts // Population and Development Review. – 1990. – Vol. 16, № 3. – P. 487–506.
4. Chapman, R. N. Animal ecology : with special reference to insects / R. N. Chapman. – New York and London : McGraw-Hill Book Company, Inc., 1931. – X, 464 p.
5. Lightbourne, R. E. Desired Number of Births and Prospects for Fertility Decline in 40 Countries / R. E. Lightbourne // International Family Planning Perspectives. – 1985. – Vol. 11, № 2. – P. 34-39.
6. Nour, E. On the Estimation of the Distribution of Desired Family Size for a Synthetic Cohort / E. Nour // Population Studies. – 1983. – Vol. 37, № 2. – P. 315-322.
7. Sobotka, T. Two Is Best? The Persistence of a Two-Child Family Ideal in Europe / T. Sobotka, É. Beaujouan // Population and Development Review. – 2014. – Vol. 40, №3. – P. 391-419.
8. The General Social Survey. GSS Data Explorer [Electronic resource] : A project of NORC at the University of Chicago. – Mode of access: <https://gssdataexplorer.norc.org/>. – Date of access: 01.05.2017.
9. The Human Fertility Database [Electronic resource] : A joint project of the Max Planck Institute for Demographic Research and the Vienna Institute of Demography (VID). – Mode of access: <http://www.humanfertility.org/>. – Date of access: 06.24.2016.
10. Thomson, E. Fertility Desires and Fertility: Hers, His, and Thiers / E. Thomson, E. McDonald, L. Bumpass // Demography. – 1990. – Vol. 27, № 4. – P. 579-588.
11. Белова, В. А. Статистика мнений в изучении рождаемости / В. А. Белова, Л. Е. Дарский. – М.: Статистика, 1972. – 144 с.
12. Борисов, В. А. Перспективы рождаемости / В. А. Борисов. – М.: Статистика, 1976 – 248 с.

Информация об авторе

Денисов Артур Юрьевич (Беларусь, г. Минск) – старший научный сотрудник государственного учреждения «Белорусский институт системного анализа и информационного сопровождения научно-технической сферы» (пр. Победителей 7, 220004, г. Минск, Республика Беларусь), denisovartur@gmail.com.

Denisov A.Y.

REPRODUCTIVE POTENTIAL: APPROACHES AND METHODS OF EVALUATION

Analysis of the literature shows that there are two approaches to assessing reproductive potential: biological and sociological. For societies that have completed the demographic transition, the second approach is of fundamental importance. In most cases, it is realized by equating the reproductive potential to the level of reproductive attitudes. However, the article shows the limitations that do not allow us to identify these concepts and make the problem of determining potential an independent scientific problem, rather than an approved scientific method.

Keywords: Fertility, potential, reproductive potential, methodology, validity

Information about the author

Denisov Artur Yuryevich (Belarus, Minsk) is a senior researcher at the state institution "The Belarusian Institute of System Analysis and Information Support of Scientific and Technical Sphere" (Pobediteley av. 7, 220004, Minsk, Belarus), denisovartur@gmail.com.

О НЕКОТОРЫХ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОБЩНОСТЕЙ МЕГАПОЛИСА

Образовательные общности рассматриваются как один из основных элементов населения мегаполиса. Внимание уделяется социально-демографическим характеристикам научно-педагогических работников и студенчества вузов г. Екатеринбурга. Показано, что мегаполис создает социально-культурное пространство для развития образовательных общностей и, вместе с тем, воздвигает определенные барьеры на этом пути.

Ключевые слова: образовательные общности, мегаполис, социально-демографические характеристики.

Актуальность изучаемой проблемы вызвана рядом соображений. Во-первых, образовательные общности в структуре населения мегаполиса составляют в количественном отношении его заметную часть. Она статистически значима, поскольку измеряется сотнями тысяч человек. Во-вторых, роль и значение этих общностей невозможно переоценить. Они в той или иной мере охватывают представителей всех групп горожан. В-третьих, образовательные общности тесно взаимодействуют с остальными общностями, слоями и группами городского населения. В-четвертых, они оказывают глубокое влияние практически на все стороны жизни мегаполиса.

Под образовательными общностями мы понимаем определенные совокупности (взаимосвязи) людей, которые характеризуются: доминантой образовательной деятельности в их образе жизни, обуславливающей сходство целей, задач, интересов; относительной однородностью (гомогенностью) состава; наличием внутренней структуры, определенных возрастных параметров; устойчивостью, стабильностью существования во времени и пространстве; способностью к взаимодействию с другими, в первую очередь образовательными, социальными общностями [1, с. 86].

Будем относить к этим общностям, прежде всего тех, кто непосредственно включен в жизнедеятельность подсистем дошкольного, школьного и профессионального (среднего и высшего) образования. Это, с одной стороны, воспитанники дошкольных образовательных организаций, школьники, студенты средних профессиональных и высших учебных заведений. С другой стороны, в соответствии с принципом парности социальных общностей, к образовательным общностям мы относим педагогических работников дошкольных образовательных организаций, учителей школ и преподавателей профессиональных учебных заведений (колледжей, вузов).

Вместе с тем, мы предлагаем расширить понятие образовательных общностей, особенно в связи с фиксируемыми тенденциями перехода к обществу знания. С этих позиций к представителям образовательных общностей мы будем относить также тех лиц, в образе жизни которых значительную (если не доминантную) роль играет самообразование. В условиях перехода к обществу знания, в котором создание, потребление, распространение знания становится базовым видом деятельности для подавляющего большинства населения, эта разновидность образования становится не просто распространенной, но еще и требующей увеличения затрат времени и интеллектуальных усилий. Наконец, численный состав образовательных общностей растет за счет категорий занятого населения, связанных с регулярным повышением квалификации, прохождением различных семинаров и форм обучения с отрывом и без отрыва от производства и т.д.

Таким образом, при рассмотрении состава образовательных общностей мегаполиса в целом возникают достаточные основания для вывода о том, что эти общности «покрывают» подавляющее большинство его населения.

Далее мы остановимся лишь на некоторых количественных и качественных характеристиках социально-демографического портрета тех образовательных общностей, которые непосредственно включены в образовательный процесс. Это дошкольники и педагогические работники детских садов, школьники и учителя, студенты и преподаватели средних профессиональных и высших образовательных организаций, менеджеры и учебно-вспомогательный персонал, родители. Развитие мегаполиса зависит от ключевых характеристик этих образовательных общностей.

Объектом исследования выступили образовательные общности Екатеринбурга – одного из ведущих российских мегаполисов. Предметом исследования стали отдельные социально-демографические показатели этих общностей. Цель исследования заключалась в выявлении некоторых характеристик социально-демографического портрета образовательных общностей Екатеринбурга и демонстрации их специфики.

Эмпирической базой статьи послужили результаты анализа статистических данных, касающихся системы образования России и Екатеринбурга за 2014–2016 гг. Для выявления значения отдельных социально-демографических характеристик образовательных общностей Екатеринбурга использовались материалы социологических исследований, проведенных под руководством автора в 2016 – 2017 гг. в этом российском мегаполисе.

Чтобы представить себе количественные показатели перечисленных образовательных общностей и их удельный вес в общей массе жителей мегаполиса, приведем некоторые конкретные данные. В городе с населением 1,5 млн. жителей статистика фиксирует свыше 76 тыс. воспитанников дошкольных образовательных организаций и педагогических работников в них, 141 тыс. школьников и учителей, чуть больше 75 тыс. студентов учебных заведений среднего профессионального образования и их преподавателей, почти 150 тыс. студентов вузов и профессорско-преподавательских работников в них. В системе дополнительного образования обучалось свыше 35 тыс. учащихся. Отметим, что в представленных цифрах учтены данные, касающиеся образовательных организаций всех форм и видов. В совокупности это порядка 440 тыс. человек, что составляет почти 30 % от численности населения мегаполиса [рассчитано нами по: 4, с. 28–38]. Примерно такое же (или близкое к нему) соотношение существует в иных мегаполисах страны – Нижнем Новгороде, Казани, Новосибирске и др.

Самые массовые образовательные общности среди обучающихся в Екатеринбурге – это школьники (134 тыс. учеников), студенты вузов (около 140 тыс. человек), среди педагогов – представители научно-педагогического сообщества (около 10 тыс.), школьные учителя (свыше 7 тыс.).

Не будем забывать и о том, что, помимо названных образовательных общностей, существуют иные, прямо или косвенно с ними связанные. Среди них – в первую очередь родители (а также бабушки и дедушки) обучающихся детей, численность которых в Екатеринбурге зашкаливает за 300 тыс. Суммируя с предшествующей цифрой, получаем половину населения мегаполиса. Отсюда не трудно понять и место, занимаемое в жизни города образовательными общностями, и их роль в его социальном пространстве и инфраструктуре, и то внимание, которое необходимо им уделять в деятельности управленческих структур и властей мегаполиса.

Исследование показало, что образовательные общности в структуре населения Екатеринбурга стабильно занимают большую долю. Есть причины говорить о возможностях ее дальнейшего увеличения за счет оттока молодежи из средних городов Свердловской области и Уральского федерального округа. Вместе с тем, наблюдаются нелинейные колебания численности различных образовательных общностей. Они вызваны ситуацией социальной и экономической неопределенности, а также государственной политикой в сфере образования, направленной на поддержку среднего профессионального образования и сокращение высшего образования [2, с. 403].

Выявлено противоречие между ростом численности учащихся школ и сокращением численности учительства. Первый процесс вызван демографическими изменениями:

увеличением рождаемости и приростом детей дошкольного и школьного возраста за счет детей-мигрантов. Второй процесс обусловлен сокращением расходов на образование [2, с. 405].

Исследование показало высокий уровень динамики возрастных характеристик представителей образовательных общностей. Эти тенденции проявляются в старении преподавателей учебных заведений, а также «взрослении» студенчества, особенно той его части, которая учится в магистратуре [3, с. 40]. Зафиксирована еще одна социально-демографическая тенденция – увеличение гетерогенности студентов колледжей и вузов в зависимости от места их жительства до поступления в учебное заведение. Причинами этой тенденции являются: интернационализация высшего образования, агрессивная маркетинговая политика вузов и колледжей Екатеринбурга, направленная на привлечение абитуриентов из других регионов.

Поскольку речь зашла о социально-демографических характеристиках образовательных общностей студентов и педагогов в вузах г. Екатеринбурга, приведем результаты осуществленного в 2017 г. научным коллективом УрФУ под руководством автора эмпирического исследования «Формирование нелинейной модели российского высшего образования в регионе в условиях экономической и социальной неопределенности». Был проведен анкетный опрос преподавателей (N=332) и студентов (N=900) вузов г. Екатеринбурга по пропорциональной выборке, в которой были учтены их основные типы, направления подготовки, отраслевая структура, географическая диспозиция.

Соотношение между мужской и женской частью у преподавателей колебалось в границах от 40 до 60 % (в зависимости от вуза). Соотношение по возрасту у преподавателей оказалось следующим: до 30 лет – 15,7 %, от 31 до 40 лет – 36,3 %, от 41 до 55 лет – 31,3 %, свыше 55 лет – 16,7 %; по научно-педагогическому стажу: менее 5 лет – 11,2 %, 5–10 лет – 21,1 %, 11–20 лет – 36,2 %, более 20 лет – 31,5 %. Соотнеся группы по возрасту и стажу, нетрудно установить смещение преподавателей по обоим показателям в сторону последних (старших) двух групп. Таким образом, данные показывают совсем немолодой состав преподавателей вузов мегаполиса и тем самым подтверждают существующую в стране тенденцию старения педагогических кадров высшей школы.

Значительный интерес представляют и иные социально-демографические характеристики научно-педагогического сообщества г. Екатеринбурга. Имеют семью 65 % респондентов (не имеют 35 %), детей – 70 % (не имеют 30 %). Обладают ученой степенью кандидата и доктора наук 72,3 %. Инженерно-технические дисциплины преподают 32,5 %, естественно-научные – 28,5 %, гуманитарные – 17,3 %, социально-экономические – 21,7 %.

Что касается студенчества, то здесь необходимо привести следующие социально-демографические характеристики этой социальной общности. Соотношение между мужской и женской частью у студентов колебалось в границах от 36,5 до 63,5 % (в зависимости от вуза). На бюджетной форме обучения находилось чуть менее 70 % ее представителей, на контрактной – соответственно чуть более 30 %. Инженерно-техническое направление подготовки было характерным для 30,9 % студентов, естественно-научное – для 22,7 %, гуманитарное – для 22,7 %, социально-экономическое – для 23,6 %. 80 % студентов обучалось в рамках бакалавриата, 20 % – магистратуры и специалитета.

Полученные результаты позволяют рассматривать образовательные общности как ресурс развития мегаполиса, всех сфер его общественной жизни. Кроме того, эти общности трактуются как специфический объект городского управления, требующий учета во всех видах государственного и муниципального управления. Из сказанного вытекает, что мегаполисы представляются особым социокультурным пространством, в которое образовательные общности могут быть органично вписаны, превратившись в «градообразующий» – в социальном смысле слова – фактор.

Мегаполис выступает сегодня одной из наиболее значимых социально-пространственных сред для развития образовательных общностей. Конечно, он сосредотачивает в себе весь комплекс противоречий, которые касаются жизни и успешного

функционирования образовательных общностей. Вместе с тем, он же располагает и ресурсами, возможностями и опытом для их разрешения. Мегаполис является мощным образовательным пространством, включающим ряд структур для самореализации каждой образовательной общности. При этом ресурсы и возможности связаны не только со сферой образования, но выходят далеко за ее пределы – в области искусства, культуры, физической культуры и спорта, любительских занятий, общественной деятельности, гражданской активности и др.

Главное состоит в том, чтобы обеспечить взаимодействие массовых образовательных общностей соответствующей инфраструктурой, потенциалом науки, культуры и управления. При этом в условиях мегаполиса усиливается социальная неопределенность функционирования и развития образовательных общностей и их нелинейная динамика. Сами же общности способствуют нелинейному развитию образования благодаря своей многоструктурности, многовекторности, чрезвычайной динамичности.

Нелинейная модель развития образования означает достижение высокого уровня идентификации образовательных общностей, их сплоченности, установления качественно иных связей и отношений с другими общностями (образовательными, возрастными, профессиональными, этническими и т.д.). Применительно к образовательным общностям она означает также неожиданные и непредсказуемые смены их ценностных ориентаций, выборы новых путей социального поведения, слабо объяснимые (на первый взгляд) изменения траекторий и стратегий развития, социальной мобильности, переходов в другие социальные общности.

В связи с этим приобретает особый интерес понятие социальной прочности образовательных общностей. Оно, как нам представляется, должно базироваться на понятии их демографической прочности. Демографическая прочность образовательных общностей – это их устойчивость, стабильность в количественном, поколенческом, поло-возрастном отношениях. В этом плане не может не вызвать беспокойства наметившееся в последние годы заметное сокращение численного состава таких образовательных общностей, как учительство и педагоги высшей школы – вследствие ухудшения условий их профессиональной деятельности и в целом той ошибочной социальной политики в сфере образования, которую осуществляют властные структуры страны.

Что касается социальной прочности образовательных общностей, то под ней автор понимает их способность адаптироваться к резким и неожиданным изменениям, стремление к сохранению человеческого капитала, потенциала развития, прочных связей с другими участниками образовательного процесса, позитивное мировосприятие, духовную стойкость, в конечном счете, готовность противостоять жизненным трудностям.

Между тем, запасы этой социальной прочности у многих образовательных общностей (либо значительной части их членов) заметно истощены, а главное, не имеют очевидных источников восполнения. Отсюда и наша оценка состояния образовательных общностей в мегаполисе как кризисного. Суть этого кризиса заключается, с одной стороны, в неподготовленности образовательных общностей (на уровне сознания и поведения) к новым реалиям, что приводит к различным деформациям в самих общностях; с другой стороны – в неготовности общества, государства, мегаполиса к решению основных проблем образовательных общностей.

Говоря об образовательных общностях, взаимодействующих между собой в процессе обучения и воспитания в мегаполисе, отметим, что они консолидируют «человеческий фактор» и определяющий его человеческий капитал, т.е. то главное, чем обусловлено существование системы образования, конкретных образовательных организаций и органов управления ею. Образование вне образовательных общностей обезличено, оно превращается в суммативную, механическую систему, состоящую из образовательных организаций, материально-технической среды, нормативно-правовых документов и механизмов, связывающих эти элементы, управления образованием.

Мегаполис как особый тип поселения способен существенно влиять на перемены, происходящие с образовательными общностями, и быть катализатором их нелинейных динамических изменений. Он предоставляет им большой и вариативный по вектору выбор различных траекторий поведения, учебных заведений под их осуществление, перспектив трудоустройства, действий прожективного характера. При этом сам выбор может быть достаточно противоречивым по своей направленности.

Среди наиболее значимых факторов, оказывающих на образовательные общности негативное воздействие, следует назвать экономический кризис и его проявления в виде уменьшения объема финансирования на образование, сокращения численности научно-педагогических кадров, дестабилизации рынка труда, скрытой и явной безработицы. Другим, не менее значимым фактором, усиливающим состояние социальной неопределенности российского образования, выступает волнообразность демографических процессов. Они влекут за собой нелинейное изменение количественных, структурных и содержательных характеристик образовательных общностей.

Вследствие снижения уровня жизни, усиления социального неравенства, отсутствия достаточных социальных гарантий трудоустройства, достойной оплаты труда, доступа к качественному образованию ухудшается самочувствие, усиливаются страхи и тревоги образовательных общностей. Их жизненные стратегии и траектории развития, детерминированные преимущественно давлением внешних обстоятельств, становятся нелинейными, непоследовательными, хаотичными. Это, в свою очередь, затрудняет планирование и прогнозирование будущего российского образования, делает его источником социальных конфликтов, социальных рисков и для государства, и для общества, и для самих образовательных общностей.

Динамика образовательных общностей оказывается сложно регулируемой и зависит от ряда обстоятельств, связанных не только с развитием общества и системы образования в нем, но изменениями, происходящими в сфере городской жизни и городского пространства. Динамично развивающийся мегаполис усиливает динамику образовательных общностей. Наоборот, слабо развивающийся мегаполис, не демонстрирующий явных признаков динамики, оказывает негативное влияние на перспективы развития образовательных общностей, поиск их нелинейного развития.

© Зборовский Г.Е. Текст.2017

Благодарность

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 16-03-00051 «Нелинейная динамика образовательных общностей в мегаполисе в условиях социальной неопределенности».

Список источников

1. Зборовский Г.Е. Нелинейная динамика образовательных общностей в мегаполисе как объект социологического исследования // Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». 2016. № 4. С. 86–92.
2. Зборовский Г.Е. Образовательные общности в зеркале темпоральных противоречий // Актуальные проблемы социологии культуры, образования, молодежи и управления: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Екатеринбург, 24–25 февраля 2016 г.). Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2016. С. 402–409.
3. Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. «Взросление» студенчества как феномен меняющегося высшего образования // Высшее образование в России. 2017. № 4. С. 38–49.
4. Итоги социально-экономического развития муниципального образования «город Екатеринбург» в 2015 г. Екатеринбург, 2016.

Информация об авторе

Зборовский Гарольд Ефимович (Россия, Екатеринбург) – доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19, garoldzborovsky@gmail.com).

Zborovsky G.E.

ABOUT SOME SOCIO-DEMOGRAPHIC CHARACTERISTICS OF EDUCATIONAL COMMUNITIES OF MEGALOPOLIS

Educational communities are considered as one of the main elements of the population of the megalopolis. Attention is paid to the socio-demographic characteristics of scientific and pedagogical workers and students of universities in Ekaterinburg. It is shown that the megalopolis creates a socio-cultural space for the development of educational communities and, at the same time, erects certain barriers along this path.

Keywords: educational communities, megalopolis, socio-demographic characteristics.

Информация об авторе

Zborovsky Garold Yefimovich (Russian, Yekaterinburg) – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Honored Scientist of the Russian Federation (Yekaterinburg, Mira St., 19, Russia, 620002, garoldzborovsky@gmail.com).

УДК: 314.

А.Г.Злотников, А.А. Злотников

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННЫХ СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ В БЕЛАРУСИ

Анализируется состояние семейно-брачных отношений в Республике Беларусь и влияние финансовой реформы на изменения в демографических процессах Беларуси 2017 года. Излагаются результаты социологических исследований, выполненных в рамках демографического мониторинга, характеризующих тенденции в изменениях семейно-брачных ценностей.

Ключевые слова. Демографические процессы, социальный институт брака, семейно-брачные отношения, семейные ценности.

В законодательство о пенсионном обеспечении Республики Беларусь с начала 2016 года были внесены существенные изменения. Во-первых, вместо категории «трудовой стаж» основой для назначения трудовой пенсии стал «страховой стаж». В этом изменении главными стали финансовые интересы – поступление страховых взносов в государственный фонд социальной защиты населения. При этом за три года резко вырос и показатель страхового стажа, который учитывается при назначении трудовой пенсии. До 2014 года он составлял 5 лет, с первого января 2014 года – 10 лет, через год – уже 15 лет, а с начала 2017 года он уже составляет 16 лет. Далее эта планка ежегодно будет повышаться на 6 месяцев – до 20 лет. Во-вторых, изменениями отменен учет в стаже при назначении трудовой пенсии периода нахождения в «декретном» отпуске матерям по рождению детей; время нахождения на больничном, что больше всего касается матерей. Кроме того, перестали учитываться в стаже срочная служба в вооруженных силах, а также учеба в профтехучилищах, техникумах (колледжах) и вузах. Это в Беларуси называется «Финансовая диета: реформы

государственного бюджета Беларуси». И, в-третьих, в системе этой «диеты» предлагается перспективе сократить с трех до двух лет оплачиваемый «декретный» отпуск.

Нами в ходе выполнения научной темы «Формирование социальных ценностей современной белорусской семьи» по государственной программе научных исследований «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» на 2016-2020 гг. было проведено социологическое исследование в рамках демографического мониторинга. Респондентам был задан блок вопросов об их отношении к ряду предлагаемых и введенных мер: сокращению до 2 лет оплачиваемого «декретного» отпуска; отмены учета периода нахождения в «декретном» отпуске в стаже при назначении трудовой пенсии; назначении большего размера пенсии женщинам в зависимости от числа родивших и воспитавших ими детей; увеличении срока выхода на пенсию женщинам, не родивших детей. В частности, ответы респонденток на вопрос об их отношении к тому, чтобы «не учитывать периода нахождения в «декретном» отпуске в стаж при назначении пенсии» выявили их отрицательное отношение: 85,9% (квалифицированное большинство) не поддержали это изменение. И даже незамужние и не имеющие детей респондентки оценили негативно эти изменения – 76,5% (также квалифицированное большинство), которые противоречат Кодексу Республики Беларусь о браке и семье, что воспитание детей и ведение домашнего хозяйства является общественно-полезным трудом.

Отметим, что в своих публикациях введенные с начала 2016 года изменения в пенсионное законодательство мы подвергли критике, считая, что они могут негативно сказаться на репродуктивном поведении женщин [3; 4; 5]. Мы предполагали, что по законам экстранальности социальных явлений и процессов такая финансовая политика отразится на демографических процессах в худшую сторону. И как оказалось позже – были правы. В конце апреля 2017 года эти изменения 2016 года были отменены. Их отмена была вызвана тем, что в рождаемости по итогам сначала двух месяцев, а затем и первого квартала 2017 года в целом в Беларуси резко сократилась рождаемость. За январь-февраль 2017 года в сравнении с соответствующим периодом 2016 года количество родившихся уменьшилось на 2128 младенца. А за три месяца демографические потери возросли до 3876 чел. И с каждым месяцем рождаемость все больше уменьшается: если потери средней рождаемости за первые два месяца 2017 года составили 1014 младенцев, то уже за три месяца средний показатель потерь рождаемости вырос до 1292 ребенка.

Происходят и изменения в отношениях «родители–дети». Хотя конфликт отцов и детей наметился еще несколько столетий назад, что, к примеру, отражено в классической повести И.С. Тургенева «Отцы и дети», но современность в результате демографических изменений эти отношения обострила, чему «способствовала» и западная модель прав человека. В демографическом плане личный выбор индивида детей превысил родительскую роль. А с учетом снижения семейных экономических функций на смену брачного союза приходят личностные имущественные интересы, закрепляемые брачным контрактом. В результате исчезают традиции пожизненного брака («вместе до гроба»), растет число разводов. Причем, на славянском постсоветском пространстве в целом и в Беларуси, в частности, большая часть разводов происходит по инициативе женщин. На 1000 браков приходится более 400 разводов [1, с. 206, 222].

Возникла серийная, веерная моногамия, когда человек в течение жизни многократно вступает в различные формы брачных отношений. Предыдущие социологические исследования в рамках демографического мониторинга заставили нас в 2016 год расширить блок вариантов семейного положения респонденток. Так, на вопрос «Каково Ваше нынешнее семейное положение?» мы предусмотрели следующие варианты ответов: а) состою в зарегистрированном браке, б) состою в незарегистрированном браке, в) не замужем, г) разведена, д) разведена, но состою в незарегистрированном браке, е) мать-одиночка, ж) мать-одиночка, но состою в незарегистрированном браке, з) вдова, и) вдова, но состою в незарегистрированном браке. Это многократное нахождение многих респондентов в разных видах брака первая национальная перепись населения (1999 г.) по сравнению с устоявшейся

традиционной классификацией отразила вариантом «состою в незарегистрированном браке», которые были учтены в демографическом мониторинге.

С 2016 года в серии вариантов на вопрос о нынешнем семейном положении респонденток в вышеперечисленные варианты были добавлены следующие варианты: разведена, но состою в незарегистрированном браке; мать-одиночка, но состою в незарегистрированном браке; вдова, но состою в незарегистрированном браке. И ответов с такими вариантами было немало. Как немало было и тех, кто, конкретизируя свое семейное состояние, отвечая на вопрос «Какой по счету (или был) у Вас этот брак?» указал, что он был второй, третий или четвертый. Так, из тех, кто не в первый раз вступил в зарегистрированный или в незарегистрированный брак (или просто находился в сожительстве), 87,2% (в 2015 г. – 89,7%) вступили в такие брачные отношения во второй раз, 8,0% (в 2015 г. – 11,2%) – в третий и еще 4,8% (в 2015 гг. – 0,1%) – в четвертый и более раз.

Не вдаваясь в нравственные стороны оценок (как у П. Сорокина [2]), мы должны констатировать, что сам социальный институт брака, независимо зарегистрированный он или незарегистрированный, единственный или повторный все же представляет ценность и для современной молодежи. Но в современных семейно-брачных отношениях эти ценности носят индивидуалистический характер. Это подтверждают и ответы незамужних респонденток. Так, ответы респонденток, не состоящих в браке (к которым относятся не только незамужние, но и часть женщин, состоящих в незарегистрированном браке, а также матерей-одиночек) на вопрос «Если Вы встречаетесь с молодым человеком, то намерены ли Вы создать с ним семью?» распределились следующим образом: 31,4% (в 2015 г. – 33,4%) ответили утвердительно («определенно, да»), почти половина (46,6%, в 2015 г. – 44,7%) считает, что «сначала надо присмотреться». 7,9% (а в 2015 г. было – 4,6%) выбрала вариант ответа «определенно, нет», при 14,1% не ответивших на этот вопрос (в исследовании 2015 г. не ответивших на этот вопрос было 17,3%). Вероятно, последнее коррелирует с ответами этой группы респонденток на вопрос ««Если Вы встречаетесь с молодым человеком и намерены создать семью, то, что препятствует Вам сделать это?», из которых только 3,7% (в опросе 2015 г. – 4,8%) указали на нежелание молодого человека. Естественно, такая мужская позиция сказывается и на желании/нежелании молодой девушки.

Говоря о других факторах, препятствующих созданию семьи, выделяются две группы – объективные и субъективные. К объективным относятся: проблемы собственного жилья, на что указали 19,8% (в опросе 2015 г. – 27,7%) опрошенных дам, отсутствие материальных возможностей – 14,9% (в опросе 2015 г. – 17,6%), а также проблемы получения образования – 18,3% (в опросе 2015 г. – 14,1%). Но преобладают субъективные факторы, отражающие распространенную форму сожительства. Треть респонденток (36,5%, в опросе 2015 г. – 33,6%) выбрали вариант ответа «сначала надо пожить вместе, проверить свои чувства». Сожительство представляет адаптивную форму пробного брака, и не всегда завершается официальным (регистрируемый) браком. Отметим, что в ряде случаев сожительство представляет и форму гостевого нерегистрируемого брака, особенно это связано с трудовой миграцией. Социологические исследования, проведенные в 2011-2016 гг. в рамках демографического мониторинга свидетельствуют, что в каждой третьей семье имеются трудовые мигранты, работающие за пределами республики. Кроме того у каждого пятого респондента ранее имелись такие родственники. Т.е. сегодня трудовой миграции подвержена почти каждая вторая семья Беларуси. И адюльтер в отрыве от семьи представляет форму гостевого брака.

Остановимся на жилищной проблеме, которая иногда трактуется упрощенно. Отметим, что сама тенденция отдельного проживания молодых семей амбивалентна. Желание жить отдельно от родителей, конечно, получает поддержку со стороны молодоженов. Но предоставление молодым семьям отдельного жилья по льготным кредитам не привело к значительному повышению рождаемости и укреплению семейных отношений.

Кроме того, проводимое в Беларуси в середине 1990х годов льготное кредитование жилищного строительства для молодых семей породило ряд иных проблем. Это

льготирование жилищного строительства велось исходя из существующих норм – расчета количества имеющихся членов семьи, т.е. из максимума на двухкомнатную квартиру. А это в перспективе только укрепляло ориентацию на малодетную семью. Но отдельное проживание молодой семьи от своих родителей (а в крупных городах часто на большом расстоянии друг от друга) привело к отходу старшего поколения от воспитательного процесса и оказания помощи в уходе за маленькими детьми своих повзрослевших детей. А наряду с тем, что в новых районах крупных городов Беларуси, где велось жилищное строительство, развитие инфраструктуры быта (дошкольных и школьных учреждений) отставало от потребностей в них, это не способствовало росту дальнейшей рождаемости.

Были и есть и другие проблемы получения льготных кредитов – юридического характера и социологического плана по своему сущностному содержанию. Так, предоставление льготного кредита оговаривалось не только возрастом (один из супругов – моложе 30 лет), но и указывалось, что все молодожены должны быть только в первом браке. С одной стороны, это соответствовало положению Кодекса Республики Беларусь о браке и семье – укреплению семьи. Но с другой стороны, не учитывало сложившихся реальностей в современных брачных отношениях, вычеркивая значительную часть молодых людей до 30 лет, уже бывших ранее в супружестве, из претендентов на получение льготных кредитов. И в социальном плане это поддерживало тенденцию брачных союзов (жить в «незарегистрированном браке»). Не имели возможности получения кредитов и те молодожены, которые по разным причинам были прописаны в разных населенных пунктах. Но самая главная проблема в получении льготных кредитов состояла в том, что распорядитель кредитов («Беларусбанк») устанавливал местным исполнительным органам власти квоты на их выдачу. А этот распорядитель не был заинтересован в их предоставлении по льготным (т.е. низким) ставкам кредитования, а значит – ограничению получения своей прибыли. Т.е. отдельные элементы реального демографического социально-управленческого механизма приходили в противоречие со стимулированием рождаемости. Да и само улучшение жилищных условий или отдельное проживание не ведет автоматически к упрочению отношений в молодых семьях, а тем более к более активному процессу демовоспроизводства.

Более 40% респондентов (10,5% находящихся в незарегистрированном браке, 16,4% состоящих в повторных браках, а также около 15,9% «живущих вместе, чтобы проверить свои чувства») – свидетельство наличия тенденции значительного распространения нерегистрируемого сожительства. В исследовании 2015 года эти показатели были соответственно: 9,3% состояли в незарегистрированном браке, 13,6% были в повторных браках, а также около 10% жили вместе, чтобы проверить свои чувства. А если учесть, что последние 15 лет в Беларуси рос удельный вес детей, родившихся вне брака (или родившихся в этих нерегистрируемых сожительствах), то тенденция распространения нерегистрируемого сожительства налицо, что также характеризует вхождение в кризис традиционных семейных ценностей.

Так, у женщин, не состоящих в зарегистрированном браке, за 2000-2015 гг. родилось 285243 детей [1, с. 264] (по сути – без отцов), что равно по численности населения таких крупных городов Беларуси, как Бобруйск и Жлобин вместе взятых. Ежегодно в 2002-2012 гг. численность родившихся вне зарегистрированных в браке составляла более 21 тыс. чел. В последние три (2013-2015) года стало происходить снижение численности детей, родившихся вне зарегистрированных браков: в 2013 вне зарегистрированного брака родилось 19006 чел., в 2014 г. – 17679 чел. и в 2015 г. – 16463 чел. Это результат корректировки существовавшей десятилетиями государственной политики назначения пособий на родившегося ребенка. До 2013 г. матери родившие ребенка вне брака получали денежное пособие на 25% больше, чем на родившихся в зарегистрированном браке. Многие семейные пары этим пользовались: жили вместе не регистрируя брак, рожали детей и получали более высокое пособие на ребенка. Выравнивание пособий на родившихся детей, независимо от того – родился он в зарегистрированном или в не зарегистрированном браке,

сказалось и на значительном (почти на 25%) падении рождаемости вне брака. Это результат того, что государственная политика стала стимулировать не просто процесс рождаемости, а во главе репродуктивной политики были поставлены семейные ценности. В результате, если в 2005 г. процент рождаемости вне зарегистрированного брака составлял 24,5%, то в 2015 г. он стал равен 13,3%, снизившись до уровня 1995 г.

Изменения содержания семейно-брачных отношений также сопровождаются и тенденцией более позднего вступления в брак. Хотя сексуальные отношения «молодеют», но ранняя брачность уменьшается. Так, средний возраст женщины при вступлении в первый брак вырос до 25,5 лет. Если с 1980 по 2001 гг. он был равен 22,9 годам, то в 2005 г. он составил 23,5 лет, в 2010 г. – 24,4 года, а в 2015 г. – 25,5 лет. Также он рос у мужчин с 24,3 лет в 1980 г. до 27,5 лет в 2015 г. [1, с. 221]. При этом разрыв в возрасте вступления в зарегистрированный первый брак между мужчинами и женщинами растет: если в 1980 г. разница в среднем возрасте при вступлении в первый брак между мужчинами и женщинами была равна 1,4 годам, то в 2015 г. эта разница уже составила 2,0 года, т.е. этот разрыв стал более высоким.

Но при этом увеличивается доля одиночества, как сознательного, так вызванного рядом объективных процессов. И прежде всего – экономических процессов, происходящих на селе. Так, прогрессивные тенденции, происходящие в сельскохозяйственном производстве, связанные с механизацией многих трудоемких производственных процессов в демографическом плане привели к сужению масштабов занятости в сельской местности – прежде всего для женщин. Сегодня значительная часть работ в сельском хозяйстве механизирована. Там преобладает занятость мужчин – трактористы, комбайнеры, шофера, наладчики, слесари-ремонтники и др. Отсутствие возможностей занятости женщин привело к росту их миграции из села. Т.е. для функционирования института семьи в сельской местности они породили неутешительные итоги: во всех возрастных когортах доля мужчин в сельской местности, не состоящих в браке, превышает аналогичный показатель среди мужчин в городской местности. Так, по материалам национальной переписи населения 2009 г. доля мужчин в возрасте 25-29 лет, проживающих в городской местности и не состоящих в браке составляет 44,3%, в сельской местности – 47,7%. Эти показатели в возрасте 30-34 года составили соответственно 28,4% (город) и 36,3% (село), в возрасте 35-39 лет – соответственно 23,6% и 29,9%, в возрасте 40-44 года это соотношение составило – 20,4% и 28,6% и в возрасте 45-49 лет – соответственно 18,4% и 27,8%. [6, с. 126, 127]. Это свидетельство того, что изменения характера труда в сельскохозяйственном производстве отражаются на семейно-брачных отношениях в сельской местности. И прежде всего они касаются мужского населения.

Наблюдается рост доли семей с одним родителем и детьми, так называемых «осколочных» семей, точнее «осколочных» материнских семей. В 2015 г. Доля семей, расторгших брак и имевших детей составила 56,9% [1, с. 234]. А если учесть что в некоторых разведшихся семьях было более двух детей, то число общих детей, оставшихся без одного из родителей после развода, в расчете на 1000 разводов составило 741 чел. Но это один из низких таких показателей за прошедшие 35 лет. При более высоких уровнях рождаемости в прошлом при разводе таких детей было больше – на 1000 разводов в 1995 г. приходилось 962 чел. В период до 2010 года этот показатель имел тенденцию к снижению, составив за последние 35 лет самый низкий показатель – 902 чел. Но в последующие годы стал наблюдаться его рост. Число общих детей, оставшихся без одного из родителей после развода в расчете на 1000 разводов составило в 2014 г. 731 чел., а в 2015 г. – 741 чел. [1, с. 234], что является показателем доминирования «осколочных» семей.

Важнейшей тенденцией функционирования современной семьи в демографическом плане является ее малодетность. Суммарный коэффициент рождаемости (СКР) уже почти 40 лет не обеспечивает не то, что расширенное, и даже простое демоовоспроизводство. В новом тысячелетии в репродуктивный период вступило многочисленное поколение, родившееся в 1980-х гг. И потому в последние годы СКР Республики Беларусь начал расти.

Если самый низкий показатель СКР в истории Беларуси пришелся на 2003-2004 гг. (1,232-1,233), то в последние годы он существенно вырос, составив в 2012 г. – 1,620, 2013 г. – 1,668, в 2014 г. – 1,696 и в 2015 г. – 1,724 [1, с. 273]. Но хотя СКР и стал характеризоваться тенденцией роста, но эта тенденция и нынешнее состояние демографическо-репродуктивной ситуации на преодоление процесса депопуляции кардинально повлиять не сумели. Репродуктивные показатели женщин последнего десятилетия, даже с учетом и роста СКР и увеличения численности женщин самого высокого уровня репродуктивного поведения далеко от желаемой цели – обеспечения простого демографического воспроизводства. Тенденция падения СКР была зафиксирована еще в начале 1960 гг. Последний год в истории Беларуси, когда СКР обеспечивал простое воспроизводство, пришелся на 1989 г. – 2,026. В 1990 г. падение СКР стало уже ниже уровня простого демографического воспроизводства – 1,923.

Выделим еще ряд проблем функционирования института семьи, негативно сказывающихся на различных сторонах социальной жизни общества, требующие углубленного научного исследования. Это:

- увеличение масштабов нерегистрируемых браков-сожительства и численности детей в этих сожительствах;
- увеличение числа семей, где один из родителей не является кровным и воспитывает «не своего» ребенка;
- увеличение доли семей смешанного типа, где есть дети от повторного брака и от первых браков каждого из супругов;
- переход в семейно-брачных отношениях от семейных ценностей (долг, семейная ответственность, дети как ценность и гарантия благополучной старости) к ценностям индивидуалистического плана (независимость, личные достижения, в т.ч. служебная карьера);
- нарушение триады отношений «супружество – родительство – родство», проявляющееся в том, что на смену родительской семье приходит супружеская семья, где интересы пары подчинены интересам индивида.

Таким образом, в современной, особенно молодой семье, происходит ослабление механизмов семейного социокультурного опыта передачи его от поколения к поколению. Ослабляется процесс семейной социализации, происходят изменения в классических социальных позициях мужа и жены, родителей и детей. Хотя современная белорусская молодежь ценности семьи ставит на одно из ведущих мест, тем не менее в этих семейных ценностях происходят важные изменения, порожденные влиянием трансформационных процессов.

© Злотников А.Г., Злотников А.А. Текст. 2017

Список источников

1. Демографический ежегодник Республики Беларусь. Статистический сборник. – Мн.: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2016. – 442 с.
2. Злотников, А.Г. Демографические концепции российских социологов (М.Ковалевский, К. Тахтарев, П. Сорокин) на рубеже XIX-XX веков / А.Г. Злотников. – Социология (МГУ). – 2011. – № 4. – С. 25-35.
3. Злотников, А.Г. Пенсионная реформа, занятость и демографическое развитие Беларуси / А.Г. Злотников // Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ. Сб. ст. VII Уральский демографический форум с междунар. участием / отв. ред. акад. РАН А.И. Татаркин, д-р социол. наук А.И. Кузьмин. Т. 1. Социология и история воспроизводства населения России. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2016. – С. 358-364.
4. Злотников, А.Г. Социологическая экспертиза финансовых инноваций для демографического развития Беларуси (Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19-21 октября 2016 года) [Электронный ресурс]

Материалы V Всероссийского социологического конгресса / отв. ред. В.А.Мансуров – Электрон. дан. – М.: Российское общество социологов, 2016. – С. 284-293.

5. Злотников, А.Г. «Финансовая диета» как механизм депопуляционного развития Беларуси (Актуальні проблеми сьогодення у сфері фінансів, обліку та аудиту : тези доповідей інтернет-конференції 24-25 травня 2016 р. – Хмельницький : ХКТЕІ, 2016. – С. 433-439.

6. Перепись населения. 2009. Число и состав домашних хозяйств Республики Беларусь. Жилищные условия домашних хозяйств. Том V. Число и состав домашних хозяйств Республики Беларусь. – Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2011. – 705 с.

Информация об авторах

1. Злотников Анатолий Геннадьевич (Беларусь, Гомель), кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры сферы услуг и статистики Белорусского торгово-экономического университета потребительской кооперации (246029, Республика Беларусь, Гомель-29, проспект Октября 50, e-mail: zlot@tut.by).

2. Злотников Андрей Анатольевич (Беларусь, Гомель), кандидат социологических наук, доцент, заместитель декана юридического факультета, Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины (246019, Республика Беларусь, Гомель-19, ул. Советская, 104, e-mail: azoloto@tut.by).

Zlotnikov A.G., Zlotnikov A.A.

PROBLEMS OF MODERN FAMILY-MARRIAGE RELATIONS IN BELARUS

The state of family-marriage relations in the Republic of Belarus and the impact of financial reform on changes in the demographic processes of Belarus in 2017 are analyzed. The results of sociological research carried out within the framework of demographic monitoring characterizing trends in changes in marital values are described.

Keywords. Demographic processes, social institution of marriage, family and marriage relations, family values.

Information about authors

1. Zlotnikov Anatoly Gennadievich (Belarus, Gomel), PhD, Associate Professor, professor Belarusian Trade and Economics University of Consumer Cooperatives (246029, Belarus, Gomel-29, prospect October, 50, e-mail: zlot@tut.by).

2. Zlotnikov Andrej Anatolievich (Belarus, Gomel), PhD, Associate Professor, Vice-dean of Law Department Gomel State University by Fr. Skorina (246019, Belarus, Gomel-19, Sovetskaj street 104, e-mail: azoloto@tut.by).

УДК: 314.5

О.Н. Калачикова, М.А. Груздева

МАТРИМОНИАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ НАСЕЛЕНИЯ: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье представлен анализ данных мониторинга репродуктивного потенциала населения Вологодской области, осуществляемого ИСЭРТ с 2005 г. о месте и значении семьи и брака в жизни людей, роли супругов и распределении обязанностей. Обозначены демографические последствия девальвации легитимного брака.

Ключевые слова: брак, семья, роли и обязанности супругов в браке, детность, сожителство.

Современные представления и практики организации партнёрских отношений, сексуальности и деторождения трансформируются, что подтверждается исследователями, как в России, так и Европейских странах [1, 2, 3, 5, 6, 7, 8, 9]. Одной из значимых характеристик этого процесса изменений является девальвация института брака, утрата его традиционных ценностей: высокая разводимость, распространение сожителств, гостевых браков, откладывание родительства, увеличение числа людей, сознательно выбирающих бездетность, одиночество, а также приемлемость данных практик в общественном сознании. Российский демограф С. Захаров обозначил данный процесс как «тихую революцию» середины 1990-х гг., подразумевая целый ряд явлений в области репродукции: повышение возраста вступления в брак и сокращения числа ранних браков, сокращение числа незапланированных беременностей, распространение совместного проживания без регистрации отношений, увеличение доли детей, рожденных вне зарегистрированного брака [4].

Продолжающаяся трансформация супружеских отношений влияет на демографические процессы, меняет поведение людей и рамки ранее принятых социальных и культурных норм, что определяет важность мониторинга происходящих изменений с позиции не только констатации, но оценки угроз, управленческих и политических влияний. В работе в динамике рассмотрены особенности семейных отношений на примере Вологодской области. Информационной базой послужили данные социологических опросов, проводимых ФГБУН Институтом социально-экономического развития территорий РАН (далее ИСЭРТ РАН) в мониторинговом режиме, посвященных изучению репродуктивного потенциала населения. В рамках мониторинга в каждый год исследования было опрошено 1500 жителей региона репродуктивного возраста (15–49 лет), выборка квотная по территориальному, гендерному и возрастному признакам.

Главной демографической угрозой «ослабления» института брака является его связь с числом детей в семье, и, следовательно, уровнем рождаемости населения. Отношение к браку весьма существенно влияет на установки детности населения. По результатам выборочного исследования репродуктивных планов населения, проведенного Росстатом в 2012 году выявлено, что если среди состоящих не менее 3 лет в зарегистрированном первом браке не имеют детей 5-6% респондентов, то среди тех, у кого первый брак не зарегистрирован, этот показатель выше в 4 раза у женщин и в 7,3 раза у мужчин.

В подтверждение статистики опросы показывают, что жители области, отдающие предпочтение легитимному союзу, имеют более высокие значения желаемого и планируемого чисел детей (табл. 1). Та же тенденция наблюдается и при дифференциации населения по отношению к возможности воспитания ребенка вне брака. У тех, кто считает вступление в брак обязательным для воспитания ребенка, желаемое и планируемое число детей выше, чем у тех, для кого это условие не обязательно. Кроме того, отмечено, что снижается доля людей, для которых вступление в брак является обязательным условием для воспитания детей (с 56% в 2011 г., до 48% в 2017 г.). Такие установки детности и условий воспитания детей, будут переданы от родительского поколения поколению детей. Как следствие - широкое распространение незарегистрированных семейных отношений необратимо приведет к снижению рождаемости и депопуляции.

Таблица 1

Репродуктивные установки жителей области в зависимости от предпочтения формы брака и оценки его роли в воспитании детей

Вопрос и варианты ответа	Желаемое число детей					Планируемое число детей					
	Год исследования										
	2005	2008	2011	2014	2017	2005	2008	2011	2014	2017	
<i>Какому браку* Вы отдаете предпочтение?</i>											
Зарегистрированному	2,22	2,10	2,17	2,11	2,3	1,81	1,95	1,93	1,90	2,01	

браку										
Совместному проживанию без регистрации в ЗАГСе	2,04	1,75	1,77	1,76	1,66	1,58	1,63	1,61	1,56	1,49
<i>Считаете ли Вы вступление в брак обязательным условием для воспитания детей?</i>										
Да	2,23	2,10	2,19	2,11	2,36	1,77	1,96	1,94	1,86	2,03
Нет	2,04	1,87	1,98	1,94	2,08	1,70	1,67	1,80	1,74	1,75
Не думал/не думала об этом	2,06	1,75	1,86	1,84	2,04	1,74	1,70	1,68	1,72	1,75

* Формулировка вопроса учитывает тот факт, что в обществе бытует понятие «гражданский» брак, трактуемое как совместное проживание без регистрации в органах ЗАГС, что в действительности является сожительством.

Говоря о матримониальных установках, нельзя не рассмотреть место семьи и родительства в иерархии жизненных ценностей населения. По результатам опросов на протяжении всего периода исследования, «счастливая и дружная семья» остается самой распространенной среди наиболее важных жизненных ценностей (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Выберите наиболее важные для Вас жизненные ценности (не более 3)» (в % от числа опрошенных)

	Год обследования					
	2005	2007	2008	2011	2014	2017
Счастливая и дружная семья	74,3	82,6	82,0	85,1	84,0	85,5
Здоровье	64,2	65,2	72,9	67,1	68,5	76,8
Материнство/отцовство	38,4	52,0	51,8	48,7	57,1	62,7
Деньги, карьера	34,5	29,2	35,7	30,6	26,6	28,5
Любимая профессия	18,8	19,3	23,9	20,2	16,0	15,5
Образование	9,5	11,7	12,2	10,4	5,0	6,8
Общественное признание, популярность	5,0	4,2	3,6	2,7	2,1	2,6

Источник: здесь и далее, если не указано иное, данные мониторинга репродуктивного потенциала, ИСЭРТ РАН.

На втором месте находится здоровье, на третьем – родительство; далее следуют деньги, карьера, любимая профессия, образование и общественное признание, популярность. Заметно увеличение доли населения, для которого наиболее важной ценностью является родительство: в 2005 г. так считали 38% респондентов, в 2014 г. – 57%, в 2017 г. отметивших данный вариант ответа было уже 63%.

В представлениях большей части населения официально зарегистрированный брак остается предпочитаемой формой партнерских отношений (66-71% в разные годы обследования; рис. 1). В 2017 г. 11% предпочитали т.н. «гражданский брак» – совместное проживание без регистрации в органах ЗАГС, по сравнению с обследованием 2005 г. эта доля снизилась на 9,5 п.п., но на 9 п.п. увеличилась доля затруднившихся ответить. Это может говорить о трансформации социальных норм брачного поведения.

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Какому «браку» Вы отдаёте предпочтение?» (в % от числа опрошенных)

Основу брака составляют в основном любовь и взаимное уважение супругов (74 и 73% ответов соответственно; табл. 3), треть респондентов среди важных оснований брака называет финансовое благосостояние и здоровье партнеров. Несмотря на объективную значимость экономических условий создания и возможности успешного существования семьи, чувства, по мнению вологжан, остаются главной фундаментальной основой брака. Очевидно, такая «идеализация», «романтизация» семейной жизни приводит к тому, что пары часто оказываются не готовы к реалиям совместной жизни. Об этом свидетельствует статистика разводимости: каждый шестой брак заканчивается разводом.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Что, на Ваш взгляд, составляет основу брака?» (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Год обследования					
	2005	2007	2008	2011	2014	2017
Любовь	57,3	80,7	75,8	76,9	78,9	74,0
Уважение друг к другу	50,8	75,4	77,1	78,9	76,9	72,9
Финансовое состояние	23,6	37,6	47,3	38,3	36,2	28,7
Физическое и психическое здоровье партнёров	13,0	26,9	35,9	34,7	25,4	27,8
«Здоровый» расчёт	-	12,5	11,6	6,7	6,3	7,2
Хорошее положение в обществе	5,3	3,2	3,3	1,3	4,5	6,0
Религиозные убеждения	0,9	7,5	8,5	4,9	0,7	0,9
Другое	1,4	1	1,3	0,9	0,5	0,3
Затрудняюсь ответить	4,9	3,3	3,0	0,1	3,0	7,6

Проблема неустойчивости, неудовлетворенности браком часто скрыта в различиях представлений об обязанностях и ролях супругов. В целом, большинство респондентов выбирали совместную ответственность супругов за их выполнение (табл. 4). За мужчинами и они сами и женщины, безусловно, оставили исполнение работ по ремонту дома, бытовой техники и прочего, а также вынос мусора. Для женщин этот список шире и включает приготовление пищи, уборку, стирку и глажение белья, а также помощь детям в выполнении домашнего задания.

Для молодых людей, участвовавших в опросе (15-24 года) и состоящих в зарегистрированном браке, распределение обязанностей либо сильно дифференцировано по гендерному признаку, либо все обязанности выполняются стопроцентно совместно. Для первой группы браков это может быть связано с копированием традиционной модели семьи с

репликацией чёткого разграничения обязательств. Вторая группа молодых супругов стремятся «извлечь уроки» и строить свои отношения на принципах эгалитарной семьи. Стремление к равенству полов, и обоюдное признание, как мужчинами, так и женщинами необходимости общих усилий супругов по выполнению брачно-семейных дел, и в большей распространённости этих позиций у молодежи говорит о перспективности эгалитарной модели семьи.

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «Если Вы состоите в браке, укажите, как между Вами и Вашим / Вашей супругом / супругой распределяются следующие брачно-семейные обязанности: (в % от тех, кто состоит в зарегистрированном браке)»

Вариант ответа		Средне е по област и	Возраст				Пол	
			15-19 лет	20-24 лет	25-34 лет	Стар ше35 лет	Му жск ой	Же нск ий
Распределение семейного бюджета	Муж	13,0	50,0	4,5	12,6	13,5	18,0	8,3
	Жена	26,9	0,0	22,7	22,5	30,5	23,2	30,4
	Совмест но	60,1	50,0	72,7	64,9	56,0	58,9	61,3
Уход за детьми и их воспитание	Муж	4,5	0,0	21,1	5,0	3,4	3,7	5,3
	Жена	39,0	0,0	26,3	35,5	42,2	38,2	39,7
	Совмест но	56,5	100,0	52,6	59,4	54,4	58,2	54,9
Материальное обеспечение семьи	Муж	30,8	50,0	18,2	34,5	28,6	36,6	25,2
	Жена	7,2	0,0	27,3	4,6	8,2	5,5	8,8
	Совмест но	62,0	50,0	54,5	60,9	63,3	57,9	65,9
Организация семейного досуга (отдых, развлечения)	Муж	6,6	0,0	18,2	5,5	6,8	8,1	5,2
	Жена	28,9	50,0	27,3	28,9	28,9	28,2	29,6
	Совмест но	64,5	50,0	54,5	65,5	64,3	63,7	65,3
Забота о здоровье и благополучии членов семьи	Муж	5,1	0,0	9,1	4,0	5,7	7,1	3,2
	Жена	41,9	50,0	27,3	43,1	41,7	36,4	47,1
	Совмест но	53,0	50,0	63,6	52,9	52,6	56,5	49,8
Обеспечение психологического комфорта	Муж	6,7	0,0	9,1	6,8	6,6	8,9	4,7
	Жена	40,5	50,0	13,6	38,5	43,2	32,9	47,5
	Совмест но	52,8	50,0	77,3	54,8	50,1	58,2	47,8
Выполнение домашнего задания совместно с детьми	Муж	7,7	0,0	28,6	6,4	7,7	7,2	8,2
	Жена	52,0	0,0	28,6	50,5	54,4	48,1	55,6
	Совмест но	40,3	100,0	42,9	43,1	37,9	44,7	36,2
Поддержание родственных связей	Муж	3,8	0,0	4,5	4,3	3,4	4,5	3,2
	Жена	18,5	0,0	4,5	14,9	21,9	15,7	21,

								0
	Совместно	77,7	100,0	90,9	80,8	74,7	79,8	75,7
Покупка продуктов и прочих товаров	Муж	9,0	0,0	13,6	11,4	7,0	8,1	9,9
	Жена	32,7	0,0	36,4	26,8	37,0	30,3	35,0
	Совместно	58,3	100,0	50,0	61,8	55,9	61,6	55,2
Приготовление пищи	Муж	6,9	0,0	27,3	6,8	5,9	7,9	5,9
	Жена	66,6	100,0	59,1	64,3	68,5	66,7	66,5
	Совместно	26,6	0,0	13,6	28,9	25,6	25,5	27,6
Уборка	Муж	5,6	0,0	22,7	5,6	4,8	5,7	5,4
	Жена	68,2	100,0	50,0	69,1	68,3	67,1	69,3
	Совместно	26,2	0,0	27,3	25,3	26,9	27,2	25,3
Стирка и глажение белья	Муж	6,9	0,0	22,7	6,8	6,2	6,8	6,9
	Жена	81,7	100,0	72,7	82,4	81,5	81,3	82,0
	Совместно	11,5	0,0	4,5	10,8	12,3	11,8	11,1
Работы по ремонту дома, бытовой техники и прочего	Муж	75,6	50,0	68,2	75,5	76,1	77,7	73,5
	Жена	8,9	0,0	27,3	9,0	8,0	9,9	7,9
	Совместно	15,5	50,0	4,5	15,5	15,9	12,3	18,6
Вынос мусора	Муж	44,2	0,0	42,9	47,5	42,1	45,5	43,0
	Жена	14,5	50,0	23,8	13,4	14,7	13,7	15,3
	Совместно	41,3	50,0	33,3	39,1	43,2	40,8	41,8

Вместе с тем изменяются и роли супругов в семье, муж уже не считается единоличным добытчиком и главой семьи, женщины, годами добивавшиеся эмансипации и равноправия полов, перенимают эти роли (табл. 5). Так 19% респондентов считают, что женщина должна выполнять роль главы семьи, а среди женатых 55% констатируют, что в их семье жена таковой является. Так же и с материальным достатком – только 21% считают роль добытчика обязательной для женщины, а на самом деле 58% реально выполняют ее. Мужчине большинство респондентов отводят роль защитника, отца, сексуального партнера, меньше – главы семьи, добытчика, хозяина. Заметно меньшие проценты определившихся с ответами о том, какие роли должен выполнять муж, косвенно свидетельствуют о том, что роль мужчины пересматривается: если женщина достаточно определенно дополнительно к традиционным ролям наделяется ранее считавшимися чисто мужскими, то с «назначением» мужа всё не так однозначно.

Из таблиц 4, 5 видно, что в современной семье довольно высокие требования к женщине, на нее возлагается много обязанностей и ролей, зачастую которые еще некоторое

время назад были характерны только для мужского пола. Такая тенденция является высоким риском для современных семей, усугубляет ситуацию с разводимостью.

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос «Укажите, какие роли в браке, на Ваш взгляд, должны выполнять супруги и какие выполняют в реальности» (в % от числа опрошенных)

	<i>Жена должна выполнять роль....</i>	<i>Жена выполняет роль...</i>
Матери	88,1	87,8
Сексуального партнёра	81,8	81,3
Хранительницы «очага»	79,1	79,1
Хозяйки	78,4	78,9
Главы семьи	19,1	54,7
Добытчицы	20,9	58,5
Друга	57,5	59,2
Другое	1,2	2,2
	<i>Муж должен выполнять роль....</i>	<i>Муж выполняет роль...</i>
Отца	65,4	83,4
Сексуального партнёра	60,7	81,4
Защитника	62,2	76,6
Хозяина	56,9	71,8
Главы семьи	42,9	75,2
Добытчика	45,2	78,3
Друга	43,1	59,0
Другое	1,0	1,7

Исследованные тенденции демонстрируют противоречивость матримониальных установок и реально выполняемых ролей. Инерционность демографических установок привела к тому, что добившись права на «престижный мужской труд» (хотя не без гендерной дискриминации в его оплате), женщины стали нести двойную нагрузку. Сегодня мы видим, что реальное положение дел ими осознается и всё больше людей, в первую очередь молодёжи, готовы «делиться честно» в организации семейной жизни. Легитимный брак по прежнему предпочтителен для большинства, однако сожительства рутинизированы, более того, легитимизируются (взять хотя бы перепись 2010 г., регистрацию отцовства по заявительному принципу). Увеличивается доля людей, для которых для воспитания детей необязательно вступление в официальный брак. Кроме того, изменяются модели организации семейных отношений, роли и обязанности супругов и представления о необходимости их раздельного и совместно выполнения. Опуская издержки феминистического движения, приходится констатировать, что женщины успешно справляются с мужскими задачами, определяя вопрос уже не о роли, а о вкладе супругов в семейное благополучие. Молодые люди все чаще склоняются к уравниваю полов в семейных отношениях, наиболее предпочитаемой становится эгалитарная модель семьи, хотя спектр семейных обязанностей женщин все равно заметно шире, чем у мужчин.

Что касается формы партнерств, в данной ситуации видится два выхода – либо возрождать ценность легитимного брака, либо рутинизировать сожительства, чтобы снять их негативный социальный багаж. О том, что в демографической политике России курс четко не определен, свидетельствует следующее. С одной стороны, активизирован пронатальный политический ракурс. Знаковые концептуальные документы в рамках демографической политики, появившиеся на законодательном поле в период депопуляции, ориентированы на укрепление института семьи. С другой – характерно избегание понятия «брак», что свидетельствует о значительной легитимации сожительства. Вместе с тем, наличие

зарегистрированного брака не способствует, а скорее, наоборот, препятствует, например, получению материальной поддержки как малоимущей семье и т.д. Нет и единой позиции о ролях и обязанностях мужчин и женщин, «стоимости» репродуктивного труда. Определенность политического курса могла бы заметно способствовать формированию матримониальных установок населения с учётом реалий современной жизни и принципа национальной, в том числе демографической, безопасности.

© Калачикова О.Н., Груздева М.А. Текст 2017

Список источников

1. Голод С.И. Прокреация, плюральность эротического ландшафта: история и современное состояние /С.И. Голод// Социологические исследования. – 2008. – №12. – С. 82-90.
2. Данилова С.С. Одинокое материнство в общественном мнении /С.С. Данилова// Социологические исследования. – 2009. – № 5. – С. 138-141.
3. Захаров С.В. «Рождаемость в России: первый и второй демографический переход» /С.В. Захаров// Демоскоп Weekly <http://demoscope.hse.ru/zaharov>
4. Захаров С.В. Расширяющиеся границы брака /С.В. Захаров// Демоскоп Weekly. <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0237/tema02.php>
5. Кузьмина К.А. Трансформация моделей семьи и потребностей в социальной защите в условиях социально-демографических и социально-экономических перемен /К.А. Кузьмина// Журнал исследований социальной политики. – 2008. – Т. 6. – № 2. – С. 201-216.
6. Папа О.М. Сожительства как альтернатива браку /О.М. Папа// Современные исследования социальных проблем. – №2(10). – 2012. <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/2/papa.pdf>
7. Синельников А.Б. Семья и брак на Европейском фоне /А.Б. Синельников// Мониторинг общественного мнения. – 2010. – №4. – С. 53–76. [http://wciom.ru/fileadmin/Monitoring/98_1/2010_4\(98\)_5_Sinelnikov.pdf](http://wciom.ru/fileadmin/Monitoring/98_1/2010_4(98)_5_Sinelnikov.pdf)
8. Шаповалов В.Ф. Особенности российской сексуальной культуры. Семья и брак в России /В.Ф. Шаповалов// Общественные науки и современность. – 2007. – № 2. – С. 163-172.
9. Шпаковская Л.Л. Незарегистрированные союзы: брачные стратегии молодых представителей городского среднего класса /Л.Л. Шпаковская. – http://womaninrussiansociety.ru/wp-content/uploads/2013/11/2012_1_shpakovskaya.pdf

Информация об авторах

1. Калачикова Ольга Николаевна – к.э.н., зав. отделом исследования уровня и образа жизни населения ФГБУН Института социально-экономического развития территорий РАН, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56А.
2. Груздева Мария Андреевна – к.э.н., и.о. зав. лабораторией исследования проблем управления в социальной сфере ФГБУН Института социально-экономического развития территорий РАН, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56А.

Kalachikova O.N., Gruzdeva M.A.

MATRIMONIAL ATTITUDES OF THE POPULATION: SOCIOLOGICAL STUDY EXPERIENCE

The article presents an analysis of the monitoring data on the reproductive potential of the Vologda region's population, carried out by ISEDТ since 2005 aimed at identifying the place and significance of family and marriage in people's life, the roles of spouses and distribution of their responsibilities. It indicates the demographic consequences of the devaluation of legitimate marriage.

Key words: marriage, family, spouses' roles and responsibilities, parenthood, concubinage

Information about author`s

1. Kalachikova Ol'ga Nikolaevna – Candidate of Economics, Head of department of the Institute of Social and Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences, 160014, Vologda, Gorkogo Str. 56A.

2. Gruzdeva Mariya Andreevna – Candidate of Economics, Head of the laboratory of the Institute of Social and Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences, 160014, Vologda, Gorkogo Str. 56A.

УДК: 314.5

А.С.Коптяева, В.И.Гуляева

БРАЧНЫЕ УСТАНОВКИ В РОССИИ И В МИРЕ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Статья посвящена изучению брачных тенденция в России и в мире. Результаты исследования, проведенного в статье, показали, что основными брачными тенденциями являются: прагматичный подход к браку, увеличение брачного возраста, единственность брака. Авторы подчеркивают, что брачные тенденции изменяются в соответствии с изменениями в обществе.

Ключевые слова брак, брачный возраст, брачные установки, семья, брак в России.

В Законодательстве Российской Федерации нет как такового определения брака. Определение в зависимости от ситуации дается различными специалистами: юристами, философами и социологами, таким образом каждый из них дает определение браку со своей точки зрения. В данной работе рассматривается определение брака с точки зрения двух подходов: прагматического и романтического.

Согласно романтическому подходу брак – союз двух людей, предназначенных друг для друга с самого начала, основанный на уважении, долге, самопожертвовании и любви. Брак заключается для того, чтобы почувствовать счастье от глубоких отношений с другим человеком. Согласно романтическому образу браки заключаются на небесах, в таком случае супругами отрицается прагматическая часть брака (имущественные отношения и прочее). К романтическому образу брака так же можно отнести поиск принцев/принцесс, суженных, неспособность женщины решать какие-либо проблем и потакание во всем мужчине.

Согласно прагматическому подходу брак – юридически закрепленный, добровольный союз между мужчиной и женщиной, в результате которого между супругами возникают взаимные права и обязанности. По заявлению граждан органами записи актов гражданского состояния выдается акт государственной регистрации брака. Данный акт подтверждает, что теперь союз между мужчиной и женщиной получил общественное признание и защиту как удовлетворяющий определенным требованиям [2, с.11]. Таким образом, со дня государственной регистрации заключения брака в органах записи актов гражданского состояния, согласно статье 10 Семейного кодекса Российской Федерации, между супругами возникают взаимные права и обязанности, которые будут регулироваться семейным законодательством [3].

Таким образом, оформление брака необходимо только для того, чтобы упростить правовые взаимоотношения между супругами и государством. Например, наследниками первой очереди являются дети, родители и текущие супруги. В реанимацию и в места лишения свободы пускают только близких родственников и супругов. Процедура усыновления, либо удочерения детей супруга будет проще, чем для незарегистрированного партнера. Супруг может получать пенсию и другие выплаты, если с другим партнером что-то случается. В браке дети автоматически считаются детьми мужа при оформлении свидетельства о рождении, и не требуется лишних заявлений. При расторжении брака супруг

имеет возможность оставить себе детей по процедуре, регламентированной законодательством, а незарегистрированному партнеру потребуется на это больше времени.

Однако, стоит отметить, что все перечисленные выше процедуры доступны и для незарегистрированных партнеров, но процедура значительно сложнее, чем для зарегистрированных супругов.

Современная молодежь все больше относится к браку с прагматической точки зрения. Браки заключаются уже после того, как люди пожили вместе, после того как узнали друг друга и скорее не с романтической целью, а с тем, чтобы получить ипотеку или же, чтобы не оформлять опеку над ребенком. Стоит отметить, что за рубежом отношение к браку несколько иное, чем в России. За рубежом люди преимущественно вступают в брак после 25 лет, когда уже начата карьера и сделаны какие-то успехи, в России, большинство первых браков по-прежнему заключается до 25 лет. Конечно, во многом такое возрастное различие связано с длительностью образовательного процесса (за рубежом образовательный процесс длится дольше), однако, не стоит забывать и о ментальности. В западных странах считаются нормальными так называемые «поздние браки», в России же люди встречают осуждение со стороны общественности.

Любопытным, является опрос ВЦИОМ, проводимый с целью выяснить как за 25 лет изменились ценностные установки жителей России относительно того, что побуждает людей вступить в брак, какие стороны семейной жизни являются отрицательными и вообще есть ли необходимость в наше время создавать семью.

Подавляющее большинство наших соотечественников уверены – семья создается в основном для продолжения рода: в 2015 г. – 60% опрошенных, в 1989 г. так говорили 56%. По мнению 43% респондентов, люди женятся в первую очередь для того, чтобы быть рядом с человеком, готовым оказать поддержку в любой ситуации. Наблюдается ярко выраженная прагматическая направленность «брак для продолжения рода».

Четвертая часть опрошенных (23%) считает, что создание семьи – это нравственный долг каждого человека, в тоже время для 17% опрошенных брак – это просто традиция (общественное предписание). Большая часть россиян уверены, что лучше жить с супругом, чем одному (79% респондентов) [1].

В рамках исследования тенденций брачных установок в России и в мире проводился вопрос студентов Уральского Федерального Университета имени первого президента России Б.Н. Ельцина. Выборка составила 200 студентов, как россиян, так и студентов по обмену (иностранцев). Анкета составлялась на основе вопросов опроса ВЦИОМ.

Результаты опроса показали, что основной брачной тенденцией является увеличение брачного возраста. Большая часть опрошенных (73%) считают, что оптимальным для вступления в брак является возраст после 25 лет и только 3% опрошенных говорят о том, что в брак надо вступать до 20 лет.

Вторая выявленная тенденция – брак должен быть один. Подавляющее большинство студентов (56%) уверены, что брак должен заключаться один раз в жизни и поэтому необходимо удостовериться в том, что ваш партнер вам подходит, пожить вместе (47% респондентов). Также 52% респондентов положительно относятся к добрачным половым связям, однако большая часть студентов (74% опрошенных) считают, что партнер должен быть постоянным.

Третья тенденция – прагматическая основа брака. Почти все опрошенные студенты, говорят о том, что брак необходимо заключать в случае покупки совместного имущества (87%) или же в случае продолжения рода (92%). Только 12% респондентов, считают, что брак заключается в случае если «люди безумно любят друг друга и просто созданы друг для друга».

В заключении, можно сказать о том, что на сегодняшний день, брачными тенденциями являются: увеличение брачного возраста и увеличение брачного возраста, единственность брака, прагматическая основа брака. Такое положение наблюдается в России и в мире и не уместно будет говорить являются ли эти тенденции положительными или

отрицательными, так как современный мир стремительно меняется и институт брака, как ключевой институт общества меняется вместе с миром.

© Коптяева А.С., Гуляева В.И. Текст. 2017

Список источников

1. Брак в России: вчера и сегодня [Электронный ресурс] / Официальный сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения. Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115214> (дата обращения: 02.05.2017).
2. Рузакова О.А. Семейное право : учебник / О.А. Рузакова – Москва : Эксмо, 2010. – 204с.
3. Семейный кодекс Российской Федерации, от 29.12.1995 N 223-ФЗ [Электронный ресурс] // Официальный сайт компании «Гарант». – Режим доступа: <http://base.garant.ru/10105807/> (дата обращения: 02.05.2017).

Информация об авторах

1. Коптяева Анна Сергеевна – студент 3 курса бакалавр, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19, +7(343)371-56-04, E-mail: koptyaeva.anna@yandex.ru.
2. Гуляева Виктория Игоревна – студент 3 курса бакалавр, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19, +7(343)371-56-04, E-mail: viktoria.gulyaewa@yandex.ru.

Koptyaeva.A.S., Gulyaeva V.I.

MARRIAGE INSTALLATIONS IN RUSSIA AND IN THE WORLD: TRENDS AND PROSPECTS

The article is devoted to the study of marriage trend in Russia and in the world. The results of a study conducted in the article showed that the main marriage trends are: a pragmatic approach to marriage, increasing age, uniqueness of marriage. The authors emphasize that marriage trends change in accordance with changes in society.

Keywords marriage, marriage age, marital attitudes, family, marriage in Russia.

Information about authors

1. Koptyaeva Anna Sergeevna - 3rd year student of Bachelor's degree, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin ", E-mail: koptyaeva.anna@yandex.ru.
2. Gulyaeva Viktoria Igorevna - 3rd year student of Bachelor's degree, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin ", E-mail: viktoria.gulyaewa@yandex.ru.

УДК: 314.172

А. А. Лихачёва, А. В. Онипченко

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА СЕМЬИ И БРАКА

В данной статье раскрываются ключевые аспекты социально-правового регулирования института семьи и брака, рассматривается значение семьи для государства

и общества, описываются социальные и правовые меры в отношении семьи. Оценивается их необходимость и эффективность.

Ключевые слова: семья, брак, государство, демография, рынок труда, экономика, социология.

Будучи важнейшим социальным институтом, семья способна решать не только задачи отдельных индивидуумов, но и государства, такие как воспроизводство населения. Особо актуальной становится цель изучения семьи как отдельной системы, взаимодействие семьи и государства, основы семейной политики и значение семьи с демографической точки зрения, что составляет основу государственной семейной политики.

В современном мире институт семьи переживает глубокий кризис, и данная проблема не обошла стороной и Россию. Переход страны в условия качественно новых экономических отношений повлиял на структуру многих семей как малых групп. Это, в свою очередь, привело к еще большим внутригрупповым изменениям, что способствовало повышению числа конфликтов среди супругов, а, соответственно, росту разводов и снижению уровня рождаемости. Об этом свидетельствуют данные Федеральной службы государственной статистики. С 2005 по 2014 год коэффициент разводов на 1000 человек населения увеличился на 0,5, то есть с 4,2 до 4,7 [6]. Динамику снижения зарегистрированных браков и увеличения разводов можно наблюдать на графике [рис. 1].

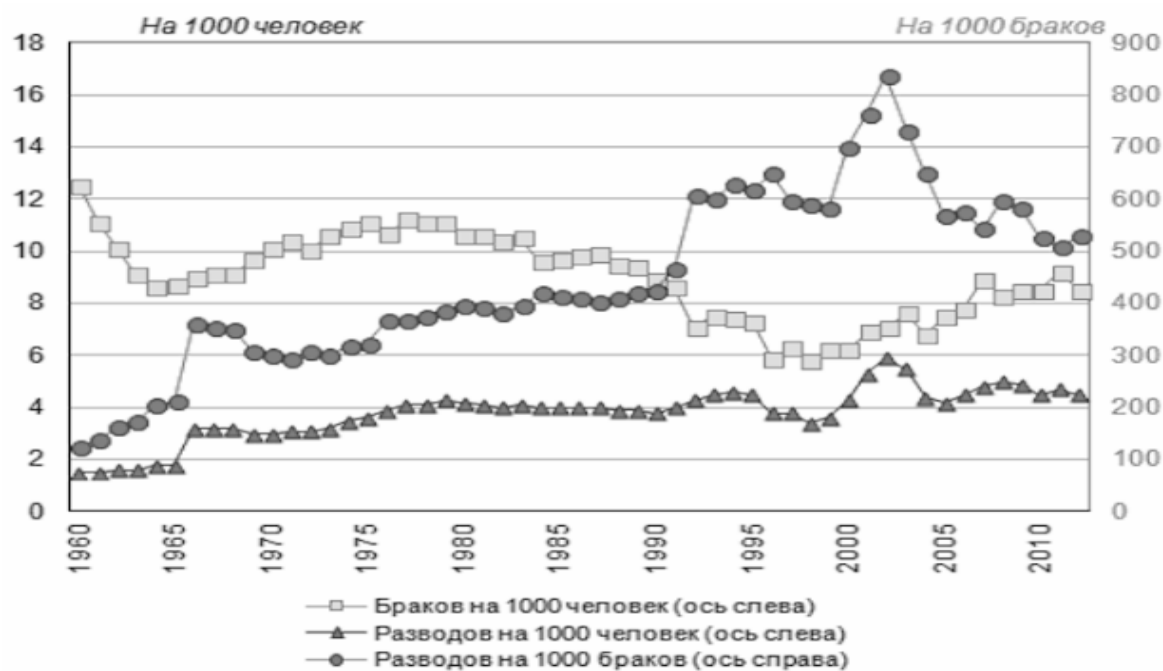

Рис. Динамика заключения и расторжения браков.

В настоящее время в обществе также происходят изменения социальных ориентаций. С качественной сменой положения института семьи связывают проблемы депопуляции, старения населения, рост смертности вместе с падением рождаемости, старение нации и падение уровня жизни людей.

Однако стоит отметить, что усложнение межличностных отношений наряду с проблемами брачности не так чрезвычайно влияют на показатели демографии как смертность и рождаемость.

В демографической литературе понятие брачности употребляется как массовый процесс формирования и распада брачных союзов. В этом широком контексте брачность включает в себя процессы разводимости и овдовения. «Брачностью называется совокупность процессов вступления в брак и прекращения браков из-за развода или смерти одного из супругов» [4, с.46]. Под брачностью также понимают «процесс образования брачных

(супружеских) пар в населении; включает вступление в первый и повторные браки. В сочетании с процессами овдовения и разводимости брак определяет воспроизводство брачной структуры населения» [3, с.109].

Приоритет семьи закреплен во многих нормативных актах. В основном все меры семейной политики направлены на преодоление данных негативных тенденций демографии и последствий глобализации. Причины этих проблем заключены не только в сложной экономической ситуации в стране, но и в падении значимости семьи в целом, уменьшении роли института брака, в переосмыслении необходимости продолжения рода. Все чаще в отношении семьи звучат призывы возвращения традиционной модели, сохранения исконных традиций. Однако с другой стороны, сейчас происходит необходимый переход от устаревшего типа семьи к новому, в соответствии с современным образом жизни. Семья постепенно перерождается, трансформируя свою форму, как делала это веками на протяжении своего существования.

Объектом государственной семейной политики является семья, она формируется на основе законов функционирования института семьи. Модернизация семьи и модернизация государственной семейной политики – это два неразделимых процесса. Это эффективный инструмент решения социально-экономических проблем общества. Однако всегда ли необходимо вмешательство государства в семейные отношения, оправдано ли влияние извне на систему, формировавшуюся столетиями и столь динамично меняющуюся?

Сложность государственного регулирования семейной политики заключается в сложности адаптации политики в отношении динамично меняющихся современных условий. Американский социолог Питер Макдональд связывает снижение рождаемости с «демографическими волнами». По его мнению, именно общественный либерализм и трансформация экономики привели к ключевым изменениям в жизни людей. Прежде всего, это гендерное равенство, которое привело к реальной возможности женщин реализовать себя вне семьи и домашнего хозяйства, что в тоже время явилось причиной роста рисков и конкуренции на рынке труда для обоих полов. [2]

Демографическая политика в основном воздействует на общество с помощью административных, экономических и воспитательных мер. Первая группа мер подразумевают установление возраста согласия на брак, минимального возраста вступления в брак, легализацию аборт. Экономические меры включают в себя материнский капитал, денежное содержание во время декретного отпуска, введение ценза на разводы. Под воспитательными мерами имеется ввиду не столько активное образование населения в сфере полового воспитания, сколько популяризация многодетности, усыновления, повышение значимости института брака и семьи.

Необходимость государственного регулирования демографической обстановки обусловлена многими факторами. Уровень рождаемости, смертности, естественного прироста имеют прямое влияние на различные социально-экономические аспекты жизни общества. К примеру, рассмотрим взаимосвязь рынка труда и демографической ситуации. Формирование рынка труда включает в себя аспекты взаимодействия экономических и демографических факторов, а потому его исследование нельзя отделить от анализа демографической ситуации в стране. Население страны представляется, с одной стороны, покупателями товаров и услуг, а с другой стороны, источником производства самих товаров и услуг. Демография является одним из аспектов социально-экономического развития, оказывает влияние на экономический рост. Для оценки воздействия динамики народонаселения необходимо учитывать не только общую численность и прирост населения, но и также половозрастную структуру, отраслевую занятость, уровень образования и профессиональной подготовки, что в целом представляет собой качество рабочей силы.

Количество детей в семье всегда связывали с экономической ситуацией в стране и ее стабильностью. На сегодняшний день именно в наиболее развитых странах рождаемость стремительно сокращается, и демографическая ситуация в России постепенно приближается западным образцам. В условиях экономической нестабильности граждане не стремятся

надолго выпадать из рабочего процесса, поэтому требования родителей к приемлемым условиям продолжения рода усложняются с каждым днем. Законодательство предоставляет отпуск по беременности и родам, а так же отпуск по уходу за ребенком до достижения им полутора либо трех лет вне половой принадлежности, но для молодой семьи данный период времени является экономически сложным. Декретные пособия многих семей часто не позволяют должным образом обеспечить свое существование, вследствие чего родители вынуждены искать либо подработку, либо работу в "теневом" секторе экономики. Стремление выйти на работу как можно скорее, дабы восстановить знания и материальную обеспеченность, приводит к уходу от вопроса рождения следующего ребенка.

С точки зрения экономики крайне низкая рождаемость в будущем приведет к острой нехватке рабочей силы, в особенности молодых квалифицированных кадров при одновременном быстром старении населения, и следовательно к повышенной нагрузке на экономически активное население. Поведение нынешних поколений проецируется на будущее.

При анализе процессов воспроизводства населения необходимо помнить, что такие социально-экономические факторы, как социальная политика государства, законодательство в сфере семейной политики, уровень жизни населения, определяют формирование того или иного типа воспроизводства населения. Немаловажно определение и формирование функций семьи не только для всего государства, но и для экономических и трудовых отношений как таковых. Экономическая функция семьи выполняется обоими родителями, если это полная семья, или одним родителем, при наличии неполной семьи. Воспроизводство рода не означает только выполнение функций деторождения в её социальном содержании. Необходимо также воспроизводство средств к жизни. Эта функция вечна, поскольку она имеет природно-биологическую основу. Именно функция воспроизводства средств оказывает непосредственное влияние на рынок труда, стимулируя и направляя потоки внутри него, заставляя функционировать двустороннюю систему обмена ресурсами и возможностями.

Понимание этой связи лежит на пути использования механизмов воздействия рынка труда на семью и семьи на рынок труда. Рычагом в налаживании связи является государство, а именно правовые механизмы.

Регулирование государством данной связи представлено как прямыми, так и косвенными методами: во-первых, активное стимулирование рождаемости в рамках государственных программ поддержки семьи, выделения материнского капитала, доступного жилья. Финансирование государства в сферу поддержки семьи не может не сказаться на уровне рождаемости, однако не менее важными являются механизмы правовой защиты родителей. Такие направления семейного законодательства как усиленная защита и льготные рабочие условия для беременных женщин; родителей, находящихся в отпуске по уходу за ребенком, родителей-одиночек прямо влияют на демографическую ситуацию в стране, создавая благоприятные условия для продолжения рода. Помимо этого данные категории населения составляют немалый процент от экономически активного населения и влияют на формирование рынка труда.

Вышеописанные диспропорции в социально-экономическом развитии ведут к еще большему усугублению проблемы острой нехватки квалифицированных трудовых ресурсов в будущем. Кадровый дефицит проявляется прежде всего в недостатке рабочих квалификации высокого уровня, а также по профессиям, связанным преимущественно с выполнением непривлекательных видов работ. Как отмечает в своей работе С. Волков, западная тенденция получения высшего образования, как один из шагов улучшения уровня жизни, в нашей стране привела к повсеместному, низкокачественному высшему образованию и заполнению рынка труда работниками невостребованных профессий. [1]

Основной проблемой трудовых ресурсов России является изменения в возрастной пирамиде страны, приводящие к старению населения, и, как следствие, к сокращению трудовых ресурсов страны. Общее изменение численности населения ожидается в основном

за счет миграционного прироста, а не за счет естественного прироста. Помимо этого вероятно повышение возраста выхода на пенсию, вследствие увеличения продолжительности жизни населения, при опережающих темпах сокращения трудоспособного населения. [6]

Рынок труда зачастую является одним из самых точных индикаторов положения населения в стране. Только лишь при мобильности, сбалансированности трудовых ресурсов возможен экономический рост. Демографический фактор в совокупности с качеством и количеством трудовых ресурсов определяют эффективность и производительность в экономике. Задача государственной власти в данном случае состоит в обеспечении положительного влияния демографических факторов на рынок труда, снижение негативных последствий экономического спада. Поддержание всей экономики страны заключено, прежде всего, в человеческих и трудовых в частности ресурсах, которыми необходимо грамотно распоряжаться и регулировать.

Современная женщина вполне осознает, что с рождением ребенка ее возможности и достижения будут пересмотрены, особенно на тех рынках труда, где отсутствует система совмещения работы и семейной жизни, но которые являются чрезвычайно прибыльными. Таким образом, экономический аспект играет значительную роль, поскольку в результате рождения детей женщина зачастую теряет возможность достойно зарабатывать.

В таких условиях женщина старается контролировать ситуацию и откладывает брак, создание семьи на более поздний срок, предпочитая иметь меньше детей, что приводит к общему падению рождаемости. Основная проблема заключается в том, что для женщины создание семьи сопряжено с большими рисками, чем для мужчины. Именно женщины подходят к вступлению в брак и рождению детей более осмотрительно, и если не чувствуют уверенности в своей способности совмещать семейную жизнь и достойно оплачиваемую должность и возможность карьерного роста, то предпочитают откладывать рождение или отказаться вовсе от детей.

Задачей государства видится обеспечение уверенности в том, что с рождением ребенка текущий уровень заработка и жизни в семье не упадет, а хотя бы сохранится на уровне. Так, например, не так давно рассматривалось предложение ввести «налог на развод» специальный федеральный сбор, притом, что не учитывалась масса негативных последствий. Столь радикальная мера вполне может привести к обратной реакции молодежи: сокращение числа браков, ввиду ощущения давления со стороны государства. Также ничего положительного не видится и в запрете бесплатных аборт, а именно исключении их из бесплатного медицинского страхования. Данный запрет приведет лишь к появлению подпольных абортариумов, созданию черного рынка оказания подобных услуг с сомнительным качеством, а значит и угрозой жизни и здоровью. Столь категоричные меры напоминают вмешательство, попытку контролировать столь уязвимую и чувствительную сферу, как семья. Вышеописанные меры пытаются вернуть семью и общество в прошлое, а не адаптировать будущее. [5]

Подразумеваемое увеличение выплат многодетным семьям, увеличение дотаций практически неосуществимо при нынешнем отсутствии требуемой для данных экономических мер инфраструктуры и необходимого объема бюджета. В стране наблюдается тенденция к коммерциализации детских садов, школ, здравоохранения, и с данным положением дел любых пособий будет мало для жизни и воспитания детей.

Под традиционной семьей понимается патриархальный тип семьи, что также не соответствует требованиям общества. Традиционная «многопоколенная» семья не отвечает ни экономическим, ни социальным тенденция современного общества, не является реакцией на эволюцию гендерных отношений. Концепция семейной политики призывает отказаться от дальнейшей естественной трансформации в пользу консервативных и довольно тоталитарных методов решения проблем.

Семья оказывает основополагающее влияние на стратегии государственной политики и социально-экономическое развитие государства. Ее роли и функции ни в коем случае нельзя умалять или игнорировать. Вместе с тем, именно семья зачастую нуждается в защите

и поддержке, но некорректными и излишними порой являются современные меры. В данном случае, государственная политика должна так же адаптироваться к тенденциям семьи, а не внедрять насильственными методами пережитки прошлого. Развитие любой сферы жизни общество должно видеться лишь на основе будущего, следуя традициям, а не стремясь нивелировать значение событий современности. Ориентироваться следует на молодое и особо подверженное влиянию поколение. Именно молодежи предстоит определить курс развития современного общества, в особенности семьи, поэтому столь остро встает проблема вмешательства государства в жизнь семьи, лишая ее своей способности трансформации и адаптации к новой среде.

© Лихачева А.А., Онипченко А.В. Текст. 2017

Список источников

1. Волков С. К вопросу о социальном делении общества РФ // Отечественные записки - №1, 2012.
2. Макдональд П. Низкая рождаемость и государство: эффективность политики // Материалы международного семинара «Низкая рождаемость в Российской Федерации: вызовы и стратегические подходы». Москва 14–15 сентября 2006 г. — UNFPA, 2006.
3. Медков В.М. Демография: Учебник. – М.: ИНФРА-М, 2008.
4. Синельников А.Б, Брак// Социальная энциклопедия. М., 2000.
5. О Концепции государственной семейной политики // Материалы интернет-интервью Информационного агентства «ГАРАНТ» с председателем Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по вопросам семьи, женщин и детей Мизулиной Еленой Борисовной. // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.garant.ru/action/interview/>
6. Федеральная служба государственной статистики // [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.gks.ru>

Информация об авторах

1. Лихачева Анастасия Александровна (Россия, Екатеринбург) – магистрант Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Институт государственного управления и предпринимательства, кафедра теории и методологии государственного и муниципального управления (620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19, site@urfu.ru)
2. Онипченко Анастасия Валерьевна (Россия, Екатеринбург) – магистрант Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Институт государственного управления и предпринимательства, кафедра теории и методологии государственного и муниципального управления (620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19, site@urfu.ru)

Likhacheva A. A, Onipchenko A. V.

COSIAL-LAW ASPECTS OF THE INSTITUTION OF FAMILY AND MARRIAGE

The article describes the key aspects of the cosial-law regulation of the institution of family and marriage, the value of the family to the state and society, researches basic methods of state regulation the family situation. It assesses necessity and effectiveness of those ways.

Key words: family, marriage, the state, demography, labor market, economics, sociology.

Information about the authors

1. Likhacheva Anastasia Alexandrovna (Russia, Ekaterinburg) - Master of the Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, the Institute of Public

Administration and Business, Department of State and Municipal Administration (620002, Ekaterinburg, Mira str., 19, site@urfu.ru)

2. Onipchenko Anastasia Valerievna (Russia, Ekaterinburg) - Master of the Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, the Institute of Public Administration and Business, Department of State and Municipal Administration (620002, Ekaterinburg, Mira str., 19, site@urfu.ru)

УДК: 316.362.1-055.52-055.62(575.1)

Х.Х. Мамадалиева

МЕЖПОКОЛЕННЫХ ТРАНСФЕРТЫ СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬИ В УЗБЕКИСТАНЕ

Благоприятные предпосылки для формирования межпоколенных трансфертов объективно складываются в современном Узбекистане. Основой для этого является, прежде всего, ускорение экономического роста. Изменения, произошедшие в социально-экономической и политической жизни республики оказали своё влияние на все сферы социальной жизни и узбекская семья встала перед необходимостью изменения своего отношения к сложившимся традициям воспитания и социализации своих детей.

Ключевые слова: межпоколенные трансферты, инвестиции в детей, семья, предпринимательство, уровень жизни, доходы, благосостояние.

Исследования экономических аспектов развития семьи, в мировой науке, в частности, в исследовании поколений, усилились. Еще на рубеже 19 – 20 веков отношения между поколениями на примере крестьянских хозяйств изучал российский экономист А.В.Чаянов. Позже (1920-е годы) немецкий социолог Карл Маннинггейм обосновал взгляд на поколение как на главное действующее лицо в эволюции социальных процессов, считая, что проблема поколений – бесценное руководство для понимания социальных и интеллектуальных движений.[1] Начиная с середины 60-х годов двадцатого века, поколения и межпоколенные трансферты стали неотъемлемой частью экономических исследований. В частности, в научный и практический оборот вошел термин «портфель инвестиций в детей». Разрабатываются методологические подходы к исследованию процессов формирования портфеля инвестиций, их целевое назначение и т.д. Исследуются особенности и основные направления формирования портфеля инвестиций в детей, а также возможное ранжирование финансовых вложений в подрастающее поколение: инвестиции в маленьких детей, трансферты взрослым детям, наследство финансовых средств и имущества родителей и т.д. Это означает, что родители при рождении ребенка могут осуществлять выбор: или вкладывать средства в человеческий капитал (инвестиции в маленьких детей), или в наследство взрослым детям. В современных условиях вопросы межпоколенных экономических отношений в семье становятся все более актуальными, охватывая экономические аспекты ответственности не только родителей по воспитанию детей, но и младших поколений перед старшими. Известный французский демограф Альфред Сови утверждал, что «желание завещать своим детям что-то большее, чем только свое имя – имущество, социальное положение, умонастроение и т.п. – остается мощной движущей силой, важным фактором, побуждающим к деятельности во всех странах» [2].

Благоприятные предпосылки для формирования межпоколенных трансфертов объективно складываются в современном Узбекистане. Основой для этого является, прежде всего, ускорение экономического роста. Кроме того, улучшилась возрастная структура населения. По данным Государственного Комитета по статистике, за годы независимого развития доля населения трудоспособного возраста поднялась с 49,2 до 61,7% [3], что свидетельствует об относительно большем числе работающего населения при сокращении доли иждивенцев. Изменения, произошедшие в социально-экономической и политической

жизни республики оказали своё влияние на все сферы социальной жизни и узбекская семья встала перед необходимостью изменения своего отношения к сложившимся традициям воспитания и социализации своих детей. Возложение на семью большей ответственности за подготовку детей к самостоятельной жизни обязывает родителей находить все новые предпосылки для успешной интеграции детей в самостоятельную жизнь. Издавна было принято, что узбекская семья полностью брала на себя обязательства растить детей, обучать, создавать для детей новую семью, т.е. женить или выдавать замуж, устраивать их жилищные условия и только после этого считалось, что родительский долг выполнен. В настоящее время не все семьи могут справиться с традиционной постановкой задачи. И требования времени кардинально изменились. Главной целью семейной социализации стала подготовка детей во взрослую жизнь, формирование у них личностных качеств, повышающих жизнестойкости молодого поколения в новых условиях, овладение соответствующими знаниями и навыками, умением взаимодействовать с окружающими людьми. Для этой цели родители должны иметь материальные сбережения, духовный потенциал, образовательный уровень, здоровый образ жизни, благоприятный климат внутрисемейных отношений, культуру общения и т. д. для развития потребностей и способностей детей. Эти и другие затраты на воспитание, вложения в детей, повышающих их «качество», способствующие возрастанию их человеческого капитала называется инвестициями в детей.

Учитывая важнейшую роль семьи в интеграции детей в общество при изменившихся условиях экономического развития исследование современных инвестиций родителей в детей и отношения общества к ним представляется актуальной задачей, которая на сегодняшний день в республике почти не изучена. Вследствии этого стоит выяснить, имеет ли семья ресурсы на долгосрочные вложения в детей и их поддержки в семейном и социально-профессиональном становлении. Учитывая то, что узбекская семья в среднем имеет по 3 ребёнка, как обременяется семейный бюджет с переходом в воспитании от 1 ребёнка к двум, к трём, а то и к четырём детям, и как это влияет на репродуктивные установки молодой семьи.

Разные поколения относились к количеству детей по разному. Старшее поколение узбекской семьи всегда придерживалось мнения, что в семье должно быть достаточно детей - кормильцев в старости. Но во все времена ведущими мотивами иметь детей являлись радость общения с ребёнком, самооценку детей. На изменения в репродуктивных установках молодых повлияло, прежде всего, повышение образованности среди женского населения республики.

При составлении «инвестиционного портфеля семьи» каждая семья понимает, что ей приходится ограничивать себя в чем-то, откладывая часть своего заработка. Поэтому очень важно определиться и иметь достойную цель семье, во что вкладывать деньги, чтобы от этого во первых получить выгоду в будущем и обязательно - моральное и психологическое удовлетворение. Большинство семей в Узбекистане готовы терпеть лишения, связанные с инвестициями в детей не только в период жизни последних в родительской семье, но и поддерживают взрослых детей в их самостоятельной жизни, это вошло в своего рода обязательство родителей, передающееся от поколения родителей к поколению детей. Но не все семьи полностью реализуют свои ресурсы и возможности и тогда новые поколения интегрируются в общество с различными стартовыми возможностями, что влияет на качество детей в целом.

По результатам социологического опроса, проведенного научно-практическим центром «Оила» (Семья) [4] в 2016 году среди учащихся, 8-9 классов общеобразовательных школ их родителей, на вопрос «Родители интересуются Вашим образованием?» из 207 111 тыс школьников 3% ответили «нет», а 19,0% школьников ответили «у родителей нет времени». Когда данный вопрос был задан родителям «Сколько времени вы тратите на воспитание и образование своего ребенка?» из 203.876 тыс. родителей 3,1% ответили, что они не занимаются детьми, 25,7% родителей ответили - иногда. Из этого следует, что определенная часть родителей заняты вопросами материального обеспечения своих детей, не

затрачиваясь на образование, отдачу своих эмоциональных и может психологических сил на воспитание, не уделяя внимания и времени ребенку, все это скажется в будущем на профессиональном и личностном уровне данных детей.

В отличие от прошлых лет, в современном Узбекистане экономическое развитие значительно опережает рост населения. Опережающий экономический рост создает возможности для повышения уровня и качества жизни семей, а также для формирования межпоколенных трансфертов. Уровень жизни семей в Узбекистане в последние годы заметно растет, что видно из материалов Обследований Центра «Оила» (Семья) и других организаций. Так, по данным обследований, проведенных Центром «Ижтимоий Фикр» [5], доля семей, считающих свое экономическое положение хорошим и очень хорошим, с 2006 по 2015 гг. увеличилась с 41,2 до 45,2%, а плохим, соответственно, снизилось с 10,5 до 2,3%. Такая динамика характерна для всех регионов республики.

В семьях Узбекистана исторически сложилась убежденность, что главным источником и гарантом благосостояния является труд. Важным фактором, влияющим на уровень жизни семей, является личная ответственность трудоспособных членов семьи. В настоящее время уровень благосостояния семей во многом зависит также от предпринимательской деятельности. Для этого в Узбекистане имеются необходимые предпосылки. Приоритетным направлением в экономической политике государства стало широкое внедрение малого и семейного бизнеса, семейных фермерских хозяйств и предпринимательства на основе семейного подряда, развитие кустарного и ремесленного производства. Это обеспечивает дополнительные возможности трудоустройства, получения дополнительных доходов, что в конечном итоге способствует улучшению экономического благосостояния семей. Вложение семейных сбережений в частный бизнес позволяет получать стабильный доход, а следовательно – и повышать уровень жизни семей. В целом для республики развитие частного и семейного предпринимательства является достаточно значимым фактором решения проблем занятости населения.

Исследования показывают, что экономика домохозяйства формируется из двух основных источников: в семье и вне семьи. Частное предпринимательство, семейный бизнес, приусадебный (земельный) участок создают внутренний доход семьи. Доходы извне формируются за счет заработной платы членов семьи, социальных пособий и других поступлений. Соблюдение баланса между доходами и расходами имеет большое значение

Однако в вопросах уровня жизни семей важную роль играет государство, которое должно создавать своим гражданам не только необходимый прирост новых рабочих мест, но и реальные условия для ведения эффективной предпринимательской деятельности, развития инфраструктуры городского и сельского хозяйства. В целях повышения благосостояния семей в республике проводится работа по обеспечению профессиональной подготовки населения, вовлечению женщин в экономические процессы, в том числе путём расширения семейного бизнеса, организационной поддержки женщин, желающих заняться предпринимательской деятельностью.

В Узбекистане результатом деятельности государства и вовлечения достаточно большого числа домохозяйств в предпринимательскую деятельность является рост благосостояния семей: «...доля доходов от предпринимательской деятельности увеличилась до 52 процентов против 47, 1 процента в 2010 году, что существенно превышает аналогичный показатель в странах СНГ» [6].

В то же время снижается экономическое расслоение семей. «Соотношение доходов 10 процентов наиболее обеспеченного населения и 10 процентов наименее обеспеченного населения- так называемый «децильный коэффициент» имеет устойчивую тенденцию к снижению и в 2015 году составило 7,7 по сравнению с 8,5 в 2010 году».

Высокие темпы экономического развития создали прочную базу для дальнейшего роста доходов семей, повышения уровня и качества жизни населения. Как известно, доходы семьи находят своё отражение в семейном бюджете, складывающемся из суммы доходов и расходов. При этом для обеспечения и сохранения экономической стабильности семьи

необходимо превышение доходов над расходами, иначе она может попасть в зону риска. В такой ситуации быстрее всего могут оказаться молодые или многодетные семьи, а также семьи пенсионеров, главным образом, одиноких. Пенсионеры имеют самостоятельный источник средств существования (пенсия), но во многих случаях недостаточный. Зачастую в узбекских семьях дети живут вместе с родителями - пенсионерами, и эти проблемы решаются внутри семьи. Отдельное проживание пенсионеров в большей мере присуще для европейской части населения. В последние годы число таких пенсионеров составляет достаточно большую величину, что является последствием миграционных процессов. Из многих русскоязычных семей взрослые дети выехали за пределы республики, а родители предпочли остаться на месте. Социальной политикой республики предусмотрен ряд мер по поддержанию одиноких пенсионеров.

В процессе обследования семей Центром «Оила» было выявлено, что в настоящее время экономическое положение семей различается, однако эти различия варьируются в пределах хорошего и среднего уровня жизни, что в целом свидетельствует о достаточной успешности проводимых в республике экономических реформ.

В настоящее время достижение эффективного взаимодействия экономических и демографических процессов в значительной мере зависит от качества населения. В условиях перехода на инновационные пути развития качественный рост населения и человеческого капитала становится не только одним из основных факторов экономического роста, но и обеспечения конкурентоспособности экономики и страны на мировых рынках.

По оценкам американского экономиста Эдварда Дениссона, улучшение качества рабочей силы обеспечило 14% прироста реального национального дохода США за 1929 – 1982 гг., что практически соизмеримо с фактором затрат капитала (19,5%).[7] Это означает, что инвестиции в человеческий капитал имеют достаточно большой эффект в обеспечении роста производительности труда и экономического роста в целом, а инвестиции в образование имеют не меньшее значение, чем инвестиции в оборудование. Такие исследования позволяют надеяться, что в предстоящие годы, с последовательным увеличением инвестиций в системы общеобразовательного и профессионального образования, а также с повышением эффективности и совершенствования работы в системах повышения квалификации научно – педагогических кадров, в предстоящие годы можно ожидать качественных сдвигов в населении и рабочей силе. В конечном итоге такие сдвиги могут обеспечивать более эффективное взаимодействие экономических и демографических процессов.

© Мамадалиева Х.Х. Текст. 2017

Список источников

1. Манхейм К. Очерки социологии знания. Цит. По: Экономика Народонаселения. Учебник. МГУ. М., Издание ИНФРА-М, 2007, с.305
2. Сови А. Общая теория населения. М., Прогресс, 1977, с.264
3. Население Узбекистана 2013. Госкомитет по статистике. Ташкент, 2013, с. 70
4. Республиканский научно-практический центр «Оила» (Семья) изучает проблемы семьи в республике, образован в 1998 г.
5. Центром «Ижтимоий Фикр» - центр по изучению общественного мнения, образован в 1998 г.
6. Каримов И. Доклад Президента Республики Узбекистан на расширенном заседании Кабинета Министров, посвященном итогам социально-экономического развития страны в 2015 году и важнейшим приоритетным направлениям экономической программы на 2016 г. Ташкент.16.01.2016.
7. Кэмпбелл Р. Макконнелл, Стенли Л.Брю. Экономикс. Том 1. М., Республика, 1982, с. 384.

Информация об авторе

Мамадалиева Х.Х.-к.э.н., руководитель Республиканского научно-практического центра «Оила»(Семья), г.Ташкент, РУз. e-mail : mhafiza@mail.ru

Mamadalieva H. H.

INTER-CHOOSSED TRANSFERS OF MODERN FAMILIES IN UZBEKISTAN

Favorable prerequisites for the formation of intergenerational transfers are objectively formed in modern Uzbekistan. The basis for this is, first of all, the acceleration of economic growth. Changes in the socio-economic and political life of the republic had an impact on all spheres of social life and the Uzbek family faced the need to change their attitude to the established traditions of the upbringing and socialization of their children.

Keywords: intergenerational transfers, investments in children, family, entrepreneurship, standard of living, income, welfare.

Information about the author

Mamadalieva Hafiza Holdarovna - PhD, director of the Republican Scientific and Practical Center "Oila" (Family). The city of Tashkent, Uzbekistan, e-mail : mhafiza@mail.ru

УДК: 365

Е.С. Никулина

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ СФЕРЫ ЖИЛОЙ НЕДВИЖИМОСТИ В МУНИЦИПАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ

Рассматривается проблема взаимосвязи реконструкции и модернизации существующего жилища в городах с социальными потребностями общества.

Жилищный кодекс РФ декларирует право граждан на достойное жилье. В настоящее время часть жилищного фонда, так называемые «хрущевки», не отвечают потребностям современного человека. В статье рассматривается возможность сноса такого жилья и предоставления «равнозначного».

В статье рассмотрены необходимость и возможность реализации проекта реновации жилищного фонда Москвы, направленной на реконструкцию жилых домов.

Ключевые слова: реконструкция, строительство, реновация, жилищный фонд, финансирование, снос, проект.

Одной из наиболее актуальных социально - экономических проблем современной России является жилищный вопрос. Известно, что большая часть населения страны, в особенности в крупных городах, испытывает потребность в улучшении жилищных условий.

Москва готовится к реализации одного из самых масштабных градостроительных проектов последних десятилетий, который кардинально улучшит условия жизни горожан. Речь идет о программе сноса пятиэтажек, которая недавно была запущена мэром Москвы Сергеем Собяниным по поручению президента России Владимира Путина

По мнению авторов инициативы, хрущевки непригодны для капитального ремонта, а потому такие дома проще снести, чем отремонтировать.

Реновация застроенных «хрущевками» столичных районов напрашивалась уже давно. Построенные в 1950-1960 годы дома не просто морально, но и физически устарели. Разошедшиеся стены, провисшие балконы, неустойчивые фундаменты - все это несет прямую угрозу жизни и здоровью горожан.

Как ранее заметил мэр Москвы Сергей Собянин, ремонтировать пятиэтажки нет никакого смысла, поскольку через некоторое количество лет состояние этих домов в силу их конструктивистских особенностей вновь будет аварийным.

Также стоит отметить, что столичные власти не собираются сносить старые "хрущевки", а затем строить на их месте жилье похожего типа. Вместо неудобного аварийного жилья москвичи получают современные комфортабельные квартиры большей площади. Соответствующая норма содержится во внесенном 10 марта в Госдуму законопроекте о сносе пятиэтажек. В пояснительной записке к нему прямо сказано, что современное жилье отличается от того, которое строилось более полувека назад, поэтому жильцы получают новые квартиры с тем же количеством комнат, но с большей площадью, более просторными кухнями и санузлами. В целом, ожидается, что новое жилье будет на 20% больше прежнего по метражу. Это добавит к рыночной стоимости квартир не менее 35%. "Вместо квартиры в ветхом, полуаварийном доме - добротная современная квартира", - сказал ранее мэр Москвы Сергей Собянин. [14].

Необходимо также подчеркнуть, что район расселения жителей сносимых пятиэтажек будет совпадать районом их проживания. Об этом прямо говорится в уже упомянутом законопроекте о сносе ветхого жилья, который предполагает предоставление новых квартир жителям снесенных пятиэтажек в том же округе, в котором они проживают. А это значит, что москвичи сохранят привычное место жизни: свою поликлинику, школу, свой детский сад, магазины, парки. По словам Сергея Собянина, за последние четыре года 92% жителей снесенных пятиэтажек получили квартиры в том же районе [10].

Немаловажным моментом в программе реновации районов пятиэтажек является то, что их жители освобождаются от необходимости вносить плату за капитальный ремонт. "Жители домов, включенных в программу реновации, платить за капремонт не будут. Ранее уплаченные взносы пойдут на строительство новых домов", - написал мэр Москвы на своей странице в социальной сети "ВКонтакте".

Что касается алгоритма реновации районов, то специалисты предварительно уже определили список мест, где будет построено новое жилье. Схема выглядит так: на предполагаемом месте строятся новые дома, после чего туда переселяют жителей сносимых пятиэтажек. Ветхое жилье сносят, после чего на его месте строятся новые дома, в которые переселяют уже жителей следующих сносимых домов. И так далее по цепочке.

При этом согласно внесенному в Госдуму законопроекту, новое жилье в собственность будет предоставляться жителям снесенных домов бесплатно. "Жители пятиэтажек будут получать новые квартиры в собственность бесплатно. Если квартира в пятиэтажке не приватизирована и право приватизации не использовано, новую квартиру можно будет получить сразу в собственность, минуя утомительную процедуру приватизации", - отметил Сергей Собянин.

По сути, вторая волна началась еще до окончания первой: по заверениям Сергея Собянина, программа сноса хрущевок, стартовавшая в 1999 году (естественно, еще при Юрии Лужкове), завершится в 2017—2018 годах — осталось снести чуть более 70 ветхих домов. За рамками программы остались пятиэтажки «несносимых» серий и часть панельных пятиэтажек, расположенных точечно, которые теперь уже очевидно попадают под снос.

Нынешний проект подразумевает переселение в три раза большего числа москвичей, чем первая программа, растянувшаяся на 18 лет. Сейчас речь идет о сносе 8 тыс. домов и о строительстве новых 25 млн кв. м жилья — как минимум.

На словах проекту сноса всех хрущевок в Москве Сергей Собянин пророчит большое светлое будущее, но на деле данный законопроект пока выглядит авантюрой. Нет ни денег, ни концепции. При этом ясно, что этот проект займет несколько десятилетий и кардинально ухудшит городскую среду за счет уплотнения застройки.

21 февраля мэр Москвы Сергей Собянин получил согласие президента на начало тотального сноса столичных пятиэтажек. Если первая волна (1999—2018 годы) касалась лишь домов так называемых сносимых серий, то новый проект делает возможным демонтаж зданий, которые еще вполне в приличном состоянии. Под снос могут пойти 8000 домов площадью 25 млн кв. м, в новые квартиры могут переехать 1,6 млн человек. Стоимость проекта оценивают в 3–6 трлн рублей. (рис. 1).

Рис. Стоимость программы реновации

События вокруг новой программы сноса пятиэтажек развивались, по российским меркам, молниеносно: уже на следующий день после встречи с президентом, который распорядился пятиэтажки сносить, мэр Москвы дал поручение разработать поправки в федеральный закон о правилах сноса жилья и переселения жильцов, подготовить корректировки городского бюджета, а также в месячный срок определиться с площадками для строительства новых домов.

Предполагается также, что будут вноситься коррективы в Земельный, Градостроительный, Жилищный кодексы [9].

Откуда возникла идея и почему она так форсируется — остается только гадать. Пикантность ситуации состоит в том, что ни Марат Хуснуллин, заместитель мэра, курирующий градостроительную политику и строительство, ни главный архитектор города Сергей Кузнецов в предварительном обсуждении проекта участия, похоже, не принимали. И даже, по всей видимости, не знали о его существовании.

Буквально за пару недель до судьбоносной встречи в верхах Хуснуллин публично заявил, что проект по сносу пятиэтажек практически нереализуем: нет стартовых площадок для строительства новых домов, часть жильцов категорически не желает переезжать из старых квартир (по оценкам экспертов, не менее 3%). Кроме того, новая волна сноса пятиэтажек потребует колоссальных ресурсов, отмечал вице-мэр.

Но на встрече с президентом Собянин заявил, что на запуск программы потребуются огромные средства и они у города есть. Москва уже подсчитала, что на первоначальном этапе может обойтись без сторонних инвесторов и выделить на реализацию программы 300 млрд рублей — по 100 млрд рублей ежегодно.

В дальнейшем, конечно, без денег инвесторов не обойтись. Как полагает глава думского комитета по жилищной политике Галина Хованская, неизвестно, как с ними город будет рассчитываться.

Эксперты, обсуждавшие тему сноса пятиэтажек сразу после озвучивания масштабных планов, были уверены, что мнение жильцов в расчет приниматься не будет. «Переселение из пятиэтажек будет носить принудительный характер, так что избежать этого никому из жильцов домов, планируемых под снос, не получится», — отмечает президент Гильдии юристов рынка недвижимости Олег Сухов. О том же говорила раньше и Галина Хованская.

Однако Сергей Собянин заверил, что после опубликования официальных списков власти проведут опросы жителей, попадающих под переселение. Понятно, что реальная активность жильцов в этом голосовании будет невысока. Соответственно, будет получен тот результат, который нужен муниципалитету и городу.

Сложившаяся нынешняя ситуация наталкивает на мысль что, переселение москвичей может быть с выгодой использовано на предстоящих выборах президента России и мэра Москвы

Как уже было упомянуто, о старте новой волны сноса пятиэтажных домов в Москве объявлено, когда еще не завершилась программа, начатая предыдущим мэром столицы Юрием Лужковым. Возможно, форсировать события мэрию вынудили приближающиеся выборы. В марте 2018 г. россиянам предстоит избирать президента страны, а в сентябре москвичам – мэра. В таких условиях экономическая составляющая проекта имеет для города меньшее значение, чем социальная, считает заведующий лабораторией Института народнохозяйственного прогнозирования РАН Кирилл Янков. На запуск программы Москва уже готова потратить 300 млрд руб.

Это федеральная программа, важная и для выборов президента: Владимир Путин традиционно набирает в Москве меньше всего голосов, это и хотят исправить, подчеркивает близкий к федеральному правительству человек. Именно президентская поддержка позволит найти те самые неординарные решения для массового сноса пятиэтажек, которых не хватало Москве раньше. Теперь у Собянина есть разрешение менять федеральные законы так, как ему нужно, говорят источники «Ведомостей»[13].

Для мэрии проект по сносу пятиэтажек пока кажется очень выгодным. Взявшись за него, Собянин решит сразу несколько задач: запустит позитивный проект накануне выборов, ликвидирует старый жилой фонд, получит свободные площадки под строительство и даже защитит бюджет, считают эксперты.

Этот проект хорошо скажется на предвыборной кампании, причем и на муниципальном, и на президентском уровне, считает политолог Дмитрий Орлов. Для целевой аудитории даже заявленные планы – однозначно позитивный фактор. Если на пост мэра выдвинется Собянин, то новая программа добавит ему 15% поддержки, а на президентских выборах она прибавит кандидату примерно 7% голосов, полагает Орлов.

Проект расселения пятиэтажного жилого фонда очень масштабный и продлится дольше срока полномочий мэра. Поэтому Собянин не только войдет в историю тем, что запустит программу, но предвыборный эффект будет. Главное – чтобы об этой программе не забыли после выборов.

Стоит заметить, что это не первое заявление на программу расселения пятиэтажек в Москве.

В августе 2016 года Сергей Левкин уже анонсировал данный проект. Глава департамента градостроительной политики обещал запустить программу, куда должны были войти 20 млн кв. м жилой недвижимости, в 2018 году. Четыре года назад об аналогичной программе говорил главный архитектор Москвы Сергей Кузнецов. Названную сейчас величину в 25 млн кв. м, которые требуются расселить, Сергей Левкин озвучил еще в 2014 году.

Однако руководитель департамента градостроительной политики столицы Сергей Левкин заявил недавно журналистам, что начать реализацию второго этапа программы сноса ветхих пятиэтажек в Москве ближайшее время практически невозможно. По его словам, во второй этап программы могли быть включены около 25 млн кв. м жилья.

Сергей Левкин считает, что новую программу ждут большие трудности: отсутствие стартовых площадок для переселения и необходимость совмещения интересов жителей, инвесторов и города, а также крайне неудовлетворительное состояние внутриквартальных инженерных сетей, которые необходимо полностью перекладывать.

Так или иначе, законопроект о реновации жилого фонда Москвы принят в первом чтении депутатами Государственной думы: «за» проголосовали 397 депутатов, один воздержался, и 4 человека высказались против. Но вопросы и замечания от профильных комитетов к документу остались, и их предстоит рассмотреть до второго чтения.

Однако вопросов к проекту закона накопилось достаточно. «Идея замечательная, а реализация отвратительная», — оценила законопроект в своем выступлении депутат от «Справедливой России» Галина Хованская. Она обратила внимание на нормы, регулирующие земельные правоотношения. По ее словам, заставляет задуматься и закупка товаров и услуг у единого поставщика.

Еще одно мнение — квартиры должны сдаваться не с черновой отделкой, а со всеми работами, выполненными «под ключ», высказался в своем докладе депутат от «Единой России» Евгений Москвичев. От лица комитета по транспорту и строительству он попросил поддержать законопроект.

Безусловно, совершенствование жилого фонда невозможно без таких программ реновации, направленных на реконструкцию жилых домов, но действительно ли государство на данный момент, по словам Собянина, владеет такими большими ресурсами для выполнения программы или же всего лишь предвыборная кампания?

© Никулина Е.С. Текст. 2017

Список источников

1. Акчурина И. Г. Планирование и прогнозирование жилищного строительства крупного города в современных условиях: автореферат дис. ... к. экономических наук: Санкт-Петербург, 2008 [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://search.rsl.ru/ru/record/01003172547>
2. Афанасьева А. Н. Государственная поддержка жилищного строительства: статья в журнале «Российское предпринимательство» №23 декабрь, 2014 [Электронный ресурс]. Режим доступа <https://bgscience.ru/lib/8751/>
3. Погорельский А. Хрущевки под снос: к чему готовиться жителям московских пятиэтажек: РБК февраль 2017 [Электронный ресурс]. Режим доступа <https://realty.rbc.ru/news/58aae05f9a79475e2af71533>
4. Щукин А. Пятиэтажкам объявлена война без правил: статья в журнале «Эксперт Урал» №16 [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://expert.ru/expert/2017/10/pyatietazhka-ob- yavlena-vojna-bez-pravil/>
5. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 N 190-ФЗ (ред. от 07.03.2017) [Электронный ресурс]. Режим доступа http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040/
6. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 N 188-ФЗ (ред. от 28.12.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) [Электронный ресурс]. Режим доступа http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51057/
7. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 N 136-ФЗ (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) [Электронный ресурс]. Режим доступа http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/
8. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://www.constitution.ru>
9. Проект Федерального Закона "О внесении изменений в Закон Российской Федерации "О статусе столицы Российской Федерации" и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления особенностей реновации жилищного фонда в столице Российской Федерации - городе федерального значения Москве" 10 марта 2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа <https://rg.ru/2017/03/10/proekt-fz-moscow-dok.html>
10. Как расселение пятиэтажек улучшит жизнь москвичей журнал «Эксперт Урал» [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://expert.ru/2017/03/22/kak-rasselenie-pyatietazhek-uluchshit-zhizn-moskvichej/> Депутаты выступили против законопроекта о реновации хрущевок: РБК, апрель 2017 [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://newizv.ru/news/society/10-04-2017/meriya-speshit-prinyat-zakon-o-renovatsii-iz-za-isterii-moskvichej>
11. Из хрущевок в «собянинки» апрель 2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://www.banki.ru/news/daytheme/?id=9586635>
12. Депутаты приступили к сносу хрущевок: апрель 2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа https://www.gazeta.ru/business/realty/2017/04/20_a_10636565.shtml#page4

13. Снос пятиэтажек как предвыборная программа Собянина: март 2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/03/06/680010-snos-pyatietazhek-kak-predvibornaya-programma>
14. В Госдуму внесли проект о реновации жилищного фонда Москвы: март 2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа <https://ria.ru/society/20170311/1489787720.html>

Информация об авторе

Никулина Елена Сергеевна, Россия, г. Екатеринбург, магистр, Уральский Федеральный Университет, Институт государственного управления и предпринимательства г. Екатеринбург, ул. Ленина д.13б

Nikulina E. S.

THE BASIC PRINCIPLES OF FORECASTING THE SPHERE OF RESIDENTIAL REAL ESTATE IN THE MUNICIPALITY

The problem of interrelation between reconstruction and modernization of the existing dwelling in cities with social needs of the society is considered.

The Housing Code of the Russian Federation declares the right of citizens to decent housing. At present, part of the housing stock, the so-called "Khrushchev", does not meet the needs of modern man. The article considers the possibility of demolition of such housing and the provision of "equivalent".

The necessity and possibility of the project of renovation of the housing stock of Moscow aimed at the reconstruction of apartment houses are considered in the article.

Key words: Reconstruction, Construction, Renovation, Housing fund, Financing, Demolition, Project

Information about the author

Nikulina Elena Sergeevna, Russia, Yekaterinburg, Master, Ural Federal University, Institute of Public Administration and Entrepreneurship Yekaterinburg, Lenina st.13b

УДК: 316.3

Б.С. Павлов, Е.И. Пронина, Л.Б. Сентюрина

КУЛЬТУРА И ДЕСТРУКЦИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ В ОБЫДЕННОМ СОЗНАНИИ УРАЛЬСКИХ СТУДЕНТОВ: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

На основе результатов ряда конкретно-социологических исследований, проведённых на Урале, в статье раскрывается роль и место института семьи в качестве основного субъекта воспроизводства и трансформации общественной жизни; определяются основные подходы к изучению культуры демографического поведения семьи. Анализируются ценностные ориентации молодых семей в сфере культуры добрачного поведения и внутрисемейных отношений.

Ключевые слова: молодая семья, культура семьи, демографическое поведение, любовь, социальные деструкции, семейная политика

Основной целью и средством процесса воспроизводства общественной жизни было и остаётся производство человеческого сообщества. Характер этого производства, его количественные и качественные показатели (в первом приближении – это качество

отдельной личности и населения в целом) определяются, если так позволительно выразиться *степенью культуры этого первичного производственного процесса* в воспроизводственной общественной жизни. При этом основным «организатором» процесса производства человека исторически традиционно остаётся первичная социальная ячейка - *семья*. Известное положение Ф.Энгельса о том, что «семья даёт нам в миниатюре картину тех же противоположностей и противоречий, в которых движется общество» [1, т. 21, с. 70], наглядно иллюстрируется теми деформациями в различных сторонах жизнедеятельности не только российских семей. Переходный исторический период, в хронологических рамках которого живёт Россия сегодня, формирует новые, доселе неизвестные (нетрадиционные) социальные качества жизнедеятельности и поведенческие проявления семейных групп, адекватные этим изменившимся условиям.

В развитии института семьи, в частности, в развитии демографической культуры семейной группы, как во времени, так и в пространстве, сочетается диалектическое *единство общего, особенного, частного и единичного*. *Общим* для всех семей мирового сообщества является выполнение основополагающей функции – детовоспроизводственной, включающей в себя отношения между поколениями, процесс их преемственности. *Особенное* проявляется в особых условиях развития семей в разных странах и регионах (*к примеру, того же Уральского региона*), на разных континентах, в различных природно-климатических зонах: это условия экономические, культурные, этнические, природно-географические, исторические и т.д. *Частное* связано с особенностями конкретных условий бытия в том или ином городе, поселении, в той или иной социальной группе (*например, семьи военнослужащих и семьи научных работников на Урале*). И, наконец, *единичное* как проявление неповторимости индивидуальной (конкретной) семьи с историей её образования и развития, психологическими складами членов семьи, их здоровьем, трудовыми биографиями, ценностными ориентациями, склонностями и т.д. [2].

Можно с уверенностью утверждать, что особую актуальность представляют аспекты поведения семейной группы, связанной с воспроизводством потомства, другими словами, её демографическим поведением, его соответствия текущим и особенно стратегическим целям и задачам оптимизации воспроизводства российского сообщества. Изучение этих процессов представляет большой научный интерес не только для исследователей этой проблемы, но и для практики. Иными словами, такой анализ создает базу для дальнейшего развития теории и практики строительства института семьи и семейных отношений и определяет теоретико-методологическую и практическую актуальность данной работы [3].

В данной статье мы остановимся, на некоторых аспектах демографического поведения молодых несемейных людей и молодых семей на Урале, как созидательных, так и деструктивных. В представленной статье использованы материалы ряда комплексных региональных исследований по проблемам уральских семей, проведённых в 2003-2016 гг. в Институте экономики УрО РАН под научным руководством и с личным участием авторов статьи, в частности:

– 2003 г. в ряде городов и поселений пяти субъектов РФ, в том числе Свердловской и Челябинской областей по проблемам демографического поведения семей опрошены 2900 молодых супругов «Семья-2003»;

– 2008 гг. - в 7-ми городах и 14 сельских поселениях Пермской, Свердловской и Челябинской областей по авторским анкетам опрошено пять категорий респондентов, в их числе : а) учащиеся средних и старших классов городских школ – 900 чел. и их родителей – 770 чел.; б) учащиеся средних и старших классов сельских школ – 540 чел.; г) молодые рабочие (в возрасте до 25 лет) с 32 городских предприятий Свердловской и Челябинской областей – 570 чел. - «Семья-Школа-2008»;

- 2010 г. опрос 630 студентов старших курсов Уральского государственного университета (УГТУ-УПИ) на технических и гуманитарных факультетах. Предмет исследования – уровень и характер причастности молодых людей к религиозной культуре - «ВУЗ-2010»;

- 2014 г. – по квотно-представительным выборкам были опрошены а) 300 подростков ряда школ города-ЗАО «Лесной» (Свердловская область) и б) 510 подростков. (из них – 300 учащихся 10-11 классов) – 8 школ Кировского района г. Екатеринбурга. Основная цель исследования – анализ процессов социализации школьной молодёжи в родительских семьях, их здоровьесберегающего поведения, формирование жизненных ценностей, ориентаций и жизненных планов - «Школа-2014»;

– 2015 г. - по квотной выборке в восьми институтах Уральского федерального университета (г. Екатеринбург) проведены опросы 450 студенток старших курсов, готовящихся стать молодыми специалистами на предприятиях и в организациях. Выяснялись их основные ценностные ориентации, профессиональные и социально-демографические жизненные планы «ВУЗ-2015»;

- 2016 г. в шести вузах Урала (гг. Екатеринбург, Тобольск, Челябинск) опрошены 1500 студентов. Основной лейтмотив проекта: а) выявление жизненных планов выпускников уральских вузов с технической и гуманитарной направленностью обучения; б) определение роли родительских семей в профессиональной социализации своих детей - «ВУЗ-2016».

Продолжающийся социально-экономический кризис в российском обществе, сегодня тесно связан с демографическим, который можно рассматривать как закономерное следствие реформ, которые не имеют, к сожалению, четкой социальной направленности. Данные социологических опросов, проведенных в крупных городах России, в том числе и наши исследования, показывают сравнительную стабильность базовых ценностных ориентаций основных социальных групп российского (в нашем случае – уральского) населения. На вопрос анкеты: «Ниже перечислены некоторые жизненные ценности, к которым может стремиться взрослый человек. Выберите пять «самых-самых» важных для Вас» («Семья-Школа-2008») – нами были получены следующие ответы респондентов из 4-х групп – см. Табл. 1.

Таблица 1

Жизненные ценности и предпочтения у различных групп населения Урала
(% от общего числа опрошенных по каждой группе):

Жизненные ценности	Группы			
	Учащиеся		Родители	Молодые рабочие
	город	село		
Хорошая семья и дети	87	88	86	91
Хорошее здоровье	68	70	80	76
Любимая работа, успешная деловая карьера	68	67	72	62
Материальное благополучие, экономическая независимость, самостоятельность	58	46	65	79
Хорошие жилищные условия	42	46	27	52
Сознание того, что приносишь пользу людям	23	25	16	11
Содержательный, интересный досуг, возможность заниматься любимыми увлечениями (хобби)	27	20	23	11
Порядочность, совесть, доброе имя	23	23	40	17
Хорошие товарищи, верные друзья	66	54	47	37
Чувство безопасности от насилия, грабежа, разбоя, воровства	21	16	22	13
Другие	1,6	1,5	2,1	0,5

Нетрудно видеть, что такие базовые жизненные ценности, как «хорошая семья и дети», «хорошее здоровье», «любимая работа», «материальное благополучие» и «хорошие жилищные условия» занимают первые пять позиций, как у подростков, так и их родителей. Небезынтересно и другое. Как показало наше исследование, иерархия жизненных ценностей юношей и девушек, молодых людей, живущих в городе и в сельской местности, практически, идентична [4].

В обыденной жизни, в общественно-политической, экономической и социологической литературе широкое употребление получил термин «культура семьи». Мы говорим о подъёме благосостояния и росте культуры российских семей, выделяем культурные и отсталые в культурном отношении семейные группы, ассоциации родственников. Однако в характеристику «культурная» или «некультурная» семья в различных случаях вкладывается обычно неодинаковое содержание. Культура выступает как особый способ социальной преемственности поколений. В отличие от биологического исследования потомками благоприобретённых предшествующими поколениями признаков, социальный опыт «генетическим кодом» от поколения к поколению не передаётся. Для сохранения и наследования этого опыта обществом создаётся особый социальный механизм, благодаря чему достигается: а) включение каждого нового поколения, и любого индивида в нём, в систему существующих общественных отношений (адаптационная функция культуры) как средство приобщения к социальному опыту, накопленному предыдущими поколениями; б) передача социального опыта, опредмеченного в определённых знаковых системах науки, искусства, морали, от одного поколения к другому (семиотическая функция); в) воспитание и формирование определённого, соответствующего интересам данного класса, типа человеческой личности (гуманистическая функция); г) социальный отбор для сохранения и распределения тех ценностей культуры, которые в наибольшей степени способствуют формированию именно такого типа личности (аксиологическая функция); д) созидание новых материальных и духовных ценностей, опредмечивающих новый социальный опыт, результаты творческой деятельности социального субъекта (эвристическая функция). Перечисленные функции семьи и её культурной деятельности органически взаимосвязаны, взаимообусловлены и представляют единую систему [5].

Успех подготовки молодых людей к семейной жизни предполагает, в первую очередь, выбор основных *параметров оптимальной модели семьи*, к строительству которой должен быть готовым и стремиться каждый взрослеющий молодой человек. В качестве таковых мы предлагаем выбрать, по крайней мере, три:

во-первых, это *обязательность* для нормального человека *семейного образа жизни*.

во-вторых, выбор *оптимального возраста вступления в брак* и образования семьи;

в-третьих, стремление к *рождению и воспитанию* в собственной семье, *как минимум, 2-3 детей*.

Выбранные нами параметры обусловлены, прежде всего, социально-биологически. Период воспроизводства собственного потомства для каждого человека должен быть «вписан» в его ограниченный природой жизненный цикл¹. При этом важно соблюсти условия, при которых процесс рождения и воспитания (*социализации*) детей, с одной стороны, наиболее благоприятно обеспечивался бы природно-валеологическими ресурсами их родителей, с другой стороны, эти условия, по возможности максимально полно, способствовали бы решению двух противоречивых обстоятельств. *Во-первых*, они позволяли бы учитывать тактические и стратегические социально-биологические интересы общества и семьи и, *во-вторых*, сложные и во многом противоречивые интересы родителей и их потомства, по крайней мере, в последующих двух поколениях.

Являясь первичной ячейкой общества, семья, в свою очередь, воздействует на его культуру. Во взаимодействии культуры общества и семьи существует прямая и обратная

¹ В настоящее время жизненный бюджет среднестатистического россиянина колеблется в пределах 65-75 лет.

связь. В условиях демократического общества семья выступает активным субъектом общественных отношений, в том числе культуры. Это проявляется не только в «механизме» принятия или непринятия семьей распространяемых обществом культурных благ и ценностей, но и, соответственно, принятием или отрицанием со стороны общества тех или иных форм и видов участия членов семьи в культуре. Диалектическую взаимосвязь компонентов культуры можно представить в этом плане как комплекс трёх её основных элементов: культура общества (общее), культура семьи (особенное), культура личности (единичное). Таким образом, можно представить культуру семьи как обусловленную общественными отношениями степень реализации во всех сторонах её деятельности сущностных сил и творческих способностей, как отдельных членов семьи, так и семейного коллектива в целом.

Репродуктивная функция является основополагающей функцией семьи. Она реализуется в процессе репродуктивного поведения этой малой социальной группы общества. Особенностью формирования и реализации *демографической культуры семьи* (в качестве синонима – культуры демографического поведения) является то, что, будучи поливариантной и многофункциональной, она не представляет собой социальную организацию или систему социальных институтов, т.е. не имеет институционального закрепления. Важно здесь подчеркнуть и другое. Многоаспектность феномена культуры демографического поведения семейной группы детерминирует и многоаспектность исследовательского поиска путей и средств облагораживания и развития этой составляющей семейной культуры.

Культура демографического поведения семьи может быть представлена как степень соответствия потребностей, интересов, мотивов, ориентаций, установок семейной группы основным потребностям общественного развития в сфере производства человека. В качестве составляющих культуры демографического поведения в процессе онтогенетического развития индивидуальной семейной группы, обеспечивающих её стабильность и выполнение основных социальных функций, можно выделить следующие:

- культура *предбрачного* поведения;
- культура воспроизводства *семейных традиций* и обычаев;¹
- культура производства и потребления материальных и духовных благ, обеспечивающих жизнедеятельность семейной группы;
- педагогическая культура родителей и старших членов семьи;
- культура взаимоотношений (сотрудничества) и преемственности поколений на уровне семейной группы;
- культура консолидации родства и воспроизводства матримониальных связей;
- культура сохранения здоровья и разумного использования жизненных сил;
- культура сексуального поведения;
- культура социального поведения членов семейной группы в общественной среде;
- культура миграционной подвижности;
- культура старения индивида и его доживания («культура смерти»);
- культура сохранения социальной памяти поколений.

Остановимся на рассмотрении некоторых аспектов формирования модели семьи в сознании молодых людей – наших современников. Прежде всего, попытаемся ответить на, поставленный выше, первый, корневой вопрос: нужно ли вообще молодому человеку создавать собственную семью? Согласимся, что практически весь спектр социально-биологических потребностей современного человека (равно как мужчины, так и женщины) можно удовлетворить и? не имея семьи, ведя холостяцкий (внесемейный) образ жизни. Общественная сфера услуг (в первую очередь, в большом городе) при желании потребителя и при наличии у него соответствующих средств, как говорится, «накормит», «напоит» и

¹ Следует учитывать, что формирование демографической культуры семьи как в фило-, так и в онтогенезе – плод долговременного воздействия традиционности и новаций.

«спать уложит». Были б деньги... Зачем молодому дополнительные хлопоты по содержанию семьи, ограничения в личной свободе, семейные ссоры, «разборки»? Такие рассуждения вовсе не из серии досужих домыслов.

Как воспринимают семейные ценности городские подростки на Урале. Обратимся к результатам опроса «Школа-2014». Ниже приведены результаты ответов 300 старшеклассников из ЗАТО Лесной на ряд вопросов, касающихся будущей семейной жизни на тот или иной вопрос (% от общего числа опрошенных - 300 чел.) - (вопрос-варианты ответов):

1. «Есть ли среди твоих друзей, товарищей такие, кто считают, что они влюблены?»	- да, есть	- 84
	- таких нет	- 3
	- не знаю	- 13
2. «Обязательно ли каждому человеку заводить свою семью, когда он повзрослеет?»	- да, обязательно	- 37
	- всё зависит от желаний самого человека	- 57
	- можно обойтись и без семьи	- 6
3. «Как ты считаешь, в каком возрасте девушкам (молодым женщинам) сегодня «пора» выходить замуж?»	- 17-18	- 4
	- 19-20	- 12
	- 21-22	- 28
	- 23-25	- 42
	- старше 25 лет	- 14
4. Как ты считаешь, в каком возрасте молодым мужчинам сегодня «пора» жениться?»	- 17-18	- 1
	- 19-20	- 6
	- 21-22	- 20
	- 23-25	- 40
	- старше 25 лет	- 33
5. «Как ты считаешь, сколько должно быть детей в «нормальной» семье?»	- один	- 10
	- двое	- 59
	- трое	- 20
	- 4 и более	- 4
	- можно прожить и без детей	- 7
6. «Хотел бы ты, чтобы у тебя была семья, как у твоих родителей?»	- да, хотел бы	- 23
	- кое-что нужно изменить	- 50
	- нет, не хотел бы	- 27

Государство не вправе навязывать семье модель матримониального поведения: женись обязательно до 20 лет и не позднее или «три ребёнка – хорошо, один – плохо». Например, говоря о желательном уровне детности, государство подтверждает, обращаясь к классической формулировке, что в «рождении новой жизни кроется общественный интерес» (В.И. Ленин), при этом одновременно высказывается готовность разделить с семьей ответственность за содержание и воспитание детей. Важно подчеркнуть, что, гарантируя минимальную социальную поддержку, государство именно разделяет с семьей ответственность, а не освобождает от нее [6].

А как представляют себе свою будущую семейную жизнь студентки одного из уральских технических вузов? В опросе «ВУЗ-2015» четыре вопроса анкеты касался выяснения образа семьи и семейной жизни в сознании девушек (молодых женщин). Ниже

представлены формулировки вопросов и полученные ответы (% от общего числа респондентов – 450 чел.)

1. «Как Вы считаете, сегодня молодые люди заключают между собой браки по любви или нет?»

- Да, женятся и выходят замуж, как правило, по обоюдной любви; - 51
- По любви одного из двух партнеров; - 29
- По другим обстоятельствам - 20

2. «Допускаете ли вы для себя вступление в брак без обоюдной любви?»

- нет, категорически - 53
- допускаю - 15
- трудно сказать - 32

3. «Как Вы относитесь к тому, что многие молодые люди вступают сегодня в брак, имея за плечами опыт сексуальной жизни?» (в числителе – ответы относительно добрачного поведения мужчин, в знаменателе - женщин)

- добрачный опыт просто необходим - 45 / 23
- в нём особой необходимости нет, но нет и ничего плохого - 34 / 39
- этого просто нельзя допускать - 14 / 27
- трудно сказать - 7 / 11

4. «Как Вы считаете, для того чтобы считаться «хорошей женой» обязательно ли современной замужней женщине самой уметь выполнять следующие домашние работы?»

Вариант «Как правило, жена-мать должна уметь и делать это сама, для своей семьи»:

- готовить вкусную еду, обеды, напитки - 99
- поддерживать чистоту, порядок в квартире - 99
- печь пироги, торты - 50
- делать на зиму заготовки (варенье, соленья и т.п.) - 41
- шить, вязать, чинить одежду - 29

Психологические исследования последних десятилетий, как в нашей стране, так и за рубежом показали, что материнские чувства, навыки не являются врожденными, биологически наследуемыми. Они *не заложены* в генетической программе поведения, а являются прижизненно сформированными социально-психологическими образованиями, всецело зависящими от социальной среды, системы культуры, системы воспитания. К сожалению, в широком общественном сознании бытует мнение о пресловутом «материнском инстинкте», который якобы автоматически проявляется у каждой женщины в тот период, когда она становится матерью. Из подобных представлений логически следует вывод, что миллионы девушек могут стать матерями стихийно, вполне «естественным» путем, что нет никакой необходимости воспитывать и готовить их к исполнению семейных и материнских обязанностей. Эти широко распространенные мнения не так безобидны, как это может показаться на первый взгляд. У человека не существует так называемого «материнского инстинкта». Материнские чувства у девочки формируются путем игры, подражания, внушения, научения, через усвоение социальных стандартов и стереотипов поведения.

Учёба в ВУЗе, как для юношей, так и, особенно, для девушек (*молодых женщин*) связана, как правило, с преодолением барьеров девиантного поведения. Для современного российского студенчества характерны как общие (*алкоголизм, наркоманию, проституция, использование ненормативной лексики, кражи и др.*), так и специфические (пропуск занятий, подлог курсовых, дипломов и т.д.) девиации. При этом, исследования показывают, что для подавляющее большинство уральских студентов (*как мужчин, так и женщин*) девиантная субкультура вузовской среды оставляет не столь желанные и приятные следы, как нравственно-этического, так и физиологического характера.

В одном из наших исследований «ВУЗ-2010» 680-ти студентам уральского технического вуза задавался вопрос: «Какие из перечисленных поступков, действий, на Ваш взгляд, являются грехом?». Полученные нами ответы представляют, наш взгляд, несомненный интерес для компетентного читателя, ибо являют серьёзный предмет для

размышлений о состоянии не только духовной культуры и морали передового, *наиболее образованного* отряда российской молодёжи - студенчества. Исследование показало, что соотносительная разница ценностных ориентаций и нравственных оценок большинства асоциальных проявлений в различных социально-демографических группах весьма незначительна. Так, «пьянство» не считают грехом 57% всех опрошенных студентов, в том числе 50% - «православные»; «употребление лёгких наркотиков» соответственно 50 / 37 %%; «употребление матерных слов» - 75 / 64 %%; «ложь в личных интересах» - 57 / 49 %%; «сокрытие доходов от налоговой инспекции» - 88 / 86 %%. Как говорится, «обмануть налоговую инспекцию сам Бог велит»..

Небезынтересны и данные ответов на этот же вопрос двух групп студентов: мужчин и женщин. «Аборт» считают грехом – 66 % мужчин-респондентов и 78 % - женщин; «Гомосексуализм» - соответственно – 64 / 41 %%; «Проституция» - 59 / 69 %%; «Измена (жене/мужу)» – 57 / 65 %%; «Пьянство» - 37 / 48 %% и т.д. Как показал этот же опрос, 73 % от общего числа опрошенных «оправдывают пропуски занятия без уважительной причины», 90 % - соответственно, не считают зазорным «пользоваться шпаргалками на экзамене» и 75 % - «списывать курсовые, дипломы из Интернета» [7]

Через семь лет постоянных «инновационных усовершенствований» системы высшего профессионального образования, в опросе «ВУЗ-2016» 1500 студентов семи уральских вузов в анкетах повторялся вопрос: «Как Вы думаете, допустимы ли в поведении студентов: а) пропускать занятия без уважительной причины; б) пользоваться шпаргалками на экзамене (зачете); в) скачивать» курсовые, дипломы из Интернета?». Ниже представлены «положительные» ответы респондентов – табл. 2

Таблица 2

Мнение уральских студентов о «допустимости» грубых нарушений учебной дисциплины и этики в процессе прохождения ими профессионального обучения (% от общего числа опрошенных в каждом вузе)

В ВУЗЕ это можно допускать:	Профессиональная направленность уральских ВУЗов						
	«технари»			«гуманитарии»		«педагоги»	
	УрФУ	УрГУПС	ЮУрГУ	ЧелГУ	ТюмГУ	УрГПУ	ЧГПУ
А. «Пропускать занятия»	57	61	53	61	52	51	58
Б. «Шпаргалить»	66	83	78	82	77	74	68
В. «Скачивать дипломы»	47	50	34	39	44	28	30

Нетрудно видеть, сколь широко и масштабно в систему профессионального образования на Урале (*впрочем, не являют здесь исключения и другие регионы России*) вошли в образовательный процесс формы учебного подлога (*обмана, подделки, фальши, лукавства*). Данные таблицы свидетельствуют не только о «всеобщности», «масштабах распространения» и соответствующей «*всеобщей терпимости*» этой «*учебно-познавательной проказы*» в вузах, которые учат молодых профессии инженеров – конструктора танков, физика-атомщика, преподавателя этики, эстетики, социологии. Имеющиеся «межвузовские различия» в приведённых данных – косвенное подтверждение определённых различий в постановке учебного процесса в различных профессорско-преподавательских коллективах.

Особые последствия следует ожидать в сфере педагогического приложения труда выпускников педагогических вузов. Представьте учителя, который в вузе осваивал «гранит науки» с помощью списывания, шпаргалок, подлогов из Интернета. Да ещё в перерывах между пропусками занятий. А после окончания ВУЗа ему вменяется «*сеять разумное,*

доброе, вечное» среди своих юных учащихся и подшефных... Результаты таких «посевов» общеизвестны и, во многом, - печальны...

Важно осознавать, что выбор молодым человеком своего социального статуса и профессии не исчерпывает всей сложности процесса социально-профессионального и тем более жизненного самоопределения. Отсюда необходимость целостного подхода к изучению этого процесса, охват различных срезов социальной структуры общества, компоненты которых являются непосредственными объектами жизненного самоопределения молодежи, составляют содержание их профессиональной социализации. Обратимся к анализу социально-психологического самочувствия уральских студенток в преддверии окончания вуза, вступления в самостоятельную трудовую жизнь.

В опросе «ВУЗ-2015» будущим молодым специалистам задавался вопрос: «Какие планы у Вас лично после окончания вуза (в течение последующих 3-5 лет)? Можно отметить несколько пунктов, наиболее важных для Вас) (% от общего числа опрошенных – 450 студенток):

- найти хорошее место работы, которое бы устраивало меня по всем позициям	- 64
- материально «крепко встать на ноги» (купить квартиру, машину, хорошо зарабатывать)	- 63
- выйти замуж	- 57
- родить ребёнка	- 46
- путешествовать по миру	- 33
- продолжить учиться, освоить другую профессию	- 20
- серьёзно заняться своим здоровьем	- 19
- уделять больше внимания своему культурному развитию (чаще ходить в театры, читать книги, слушать музыку и т.д.)	- 15
- постараться уехать работать и жить в другую страну	- 14
- сделать политическую (общественную) карьеру	- 11
- остаться жить в России, в своём городе	- 2
- уйти в науку, попытаться защитить диссертацию	- 5

Нетрудно видеть, что на среднесрочную перспективу (5-10 лет) в жизненных планах студенток доминируют две основные задачи. Первая – материально-экономическое самоутверждение, связанное с профессиональной деятельностью. И, вторая – создание «нормальной» собственной семьи, включающей рождение детей. Немаловажным будет отметить, что большинство наших респонденток уверены в реализации своих жизненных планов. На вопрос «Уверены ли Вы в осуществлении своих жизненных планов?» отметили вариант «да» - 43 % из общего числа респонденток, и вариант «скорее да, чем нет» - 56 %. Небезынтересным при этом узнать, на чём основана эта уверенность? На вопрос анкеты: «Если уверены, то, что подкрепляет, прежде всего, Вашу уверенность, на чью помощь Вы рассчитываете? Можно отметить несколько пунктов, наиболее вероятных для Вас)», были получены следующие ответы (% от общего числа опрошенных – 450 чел.):

- помощь родных, родственников	- 66
- уверенность в себе, в своих целях	- 56
- помощь друзей	- 42
- помощь знакомых, влиятельных людей	- 9
- помощь администрации вуза	- 0
- помощь преподавателей вуза	- 1
- помощь администрации области, города	- 0

Социология — при условии, что ею занимаются надлежащим образом, отмечает Э.Гидденс, «обречена в некотором отношении всегда оставаться наукой, вносящей сумятицу в умы. Она не годится для потворства предрассудкам, которые интуитивно защищают люди, не склонные к размышлению» И далее: «Сегодня мы знаем о семье несравненно больше, чем

раньше. Мы были вынуждены подвергнуть радикальной переоценке свое понимание природы нынешних семейных институтов под воздействием более систематического и адекватного проникновения в их прошлое. Изучение семьи, которое было принято считать скучнейшим занятием, оказалось одним из самых увлекательных и захватывающих предприятий» [8, с. 57]. Трудно возразить против такого утверждения.

© Павлов Б.С., Пронина Е.И., Сентюрина Л.Б.

Список источников

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд.
2. Артюхов А.Л., Павлов Б.С., Стожаров А.В. Семья северян: традиционность и новации (по материалам социологических исследований семей в городах и поселениях Российского Севера). Ин-т экономики УрО РАН. Екатеринбург-Салехард, 1999. - 208 с.
3. Павлов Б.С., Колотыгина М.А., Сиражетдинова А.А. Социальный институт семьи: проблемы воспроизводства человеческого потенциала на Урале // Вестник Уральского отделения РАН. Наука. Общество. Человек. — 2012. — № 2. — С. 22-32.
4. Павлов Б.С. Потребление и потребительство молодежи в «интерьере» бедности родительских семей (на примере Урала) // ЭКО. 2013. № 7. С. 128-138.
5. Павлов, Б.С. Воспроизводство человеческого потенциала в регионе: теоретические и методические аспекты социально-экономического анализа (на примере Урала) / Б.С. Павлов. – Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2014. – 575 с.
6. Современные проблемы образования, педагогики, социализации детей в контексте инновационных практик / Павлов Б.С., Пронина Е.И., Иванова Е.Ю., Гришаева Н.П., Сентюрина Л.Б. и др. монография / Научный редактор Б.С. Павлов. Редакторы: Иванова Е.Ю., Пронина Е.И.. Москва, 2016. – 200 с.
7. Павлов Б.С., Разикова Н.И., Подвысоцкий А.И. Верят ли в бога Уральские студенты // Дискуссия. 2012. № 8. С. 104-110.
8. Гидденс Э. Социология. - М.: Эдиториал УРСС, 1999 - 704 с.

Информация об авторах

1. Павлов Борис Сергеевич, Россия, г. Екатеринбург, д.филос.н., вед.н.с. Института экономики УрО РАН (620014, Екатеринбург, ул. Московская, 29, e-mail: pavlov_boris@mail.ru)
2. Пронина Елена Ивановна, стюн. ИСИ РАН, (620014, Екатеринбург, ул. Московская, 29, e-mail: pavlov_boris@mail.ru)
3. Сентюрина Лидия Борисовна, к.м.н., врач ГБ № 40, г Екатеринбург, ул. Московская, 29, e-mail: pavlov_boris@mail.ru)

Pavlov B.S. , Pronina E.I., Sentyurina L. B.

CULTURE AND DESTRUCTION DEMOGRAPHIC BEHAVIOR IN ORDINARY CONSCIOUSNESS URAL STUDENTS: EXPERIENCE OF THE SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Based on the results of a series of sociological studies, conducted in the Urals, the article addresses the role and place of the family as the main subject of the reproduction and transformation of social life are determined by the main approaches to the study of demographic behavior of the family culture. Examines the value orientations of young families in the area of culture premarital behavior and family relationships.

Keywords: young family, family Culture, demographic behavior of, love social destruction, family policy

Information about authors

1. Pavlov Boris Sergeevich, Russia, Yekaterinburg, doctor of philosophy.N., Veda.N. with. Institute of Economics, Ural branch, Russian Academy of Sciences (620014, Yekaterinburg, Moskovskaya St., 29, e-mail: pavlov_boris@mail.ru)

2. Pronina Elena Ivanovna, stun. ISI RAS, (620014, Yekaterinburg, Moskovskaya St., 29, e-mail: pavlov_boris@mail.ru)

3. The sentjurin Lidia Borisovna, candidate of medical Sciences, the doctor of city hospital No. 40, Ekaterinburg, Moskovskaya St., 29, e-mail: pavlov_boris@mail.ru)

УДК 378.14

Б.С. Павлов, Д.А.Сарайкин, Д.Б.Павлов

ВАЛЕОЛОГИЧЕСКОЕ САМОЧУВСТВИЕ ДЕТЕЙ В РОДИТЕЛЬСКОЙ СЕМЬЕ: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

В статье рассматриваются актуальные проблемы здоровья и физической культуры детей в родительских семьях на Урале. Анализируется роль родителей в валеологическом воспитании подростков, по мере их онтогенетического взросления. Особое место уделяется анализу самосохранительного поведения взрослеющей личности. Эмпирической базой для анализа заявленной проблемы и выводов авторам служат результаты ряда социологических опросов, проведенных ими в различных городах и сельских поселениях уральского региона.

Ключевые слова: здоровье, физическая культура, подросток, родительская семья, здоровьесбережение, Урал.

Сложный процесс формирования новых социально-экономических отношений в РФ затронул, практически, все сферы жизнедеятельности россиян (в том числе – уральцев). Особая сфера жизнеобеспечения – *здоровье населения*, совмещающая в себе интересы индивида, социальной группы (*прежде всего – семейной*) и общества в целом. Переход к рыночным отношениям во многом изменил ценностные ориентации населения относительно охраны и реабилитации здорового образа жизни. В условиях, так называемого, социалистического общества, здоровье граждан, здоровье нации рассматривалось (*по крайней мере, в идеологии*) как общественное достояние, которое можно (*и должно*) приносить в жертву общественным интересам, интересам государства. В условиях же перехода к рынку формируется отношение к здоровью, преимущественно, как к частной собственности индивида (*семьи*), с которой сам её владелец может обходиться «*как ему заблагорассудится*».

В интегрированном виде здоровье индивида отражает качественную сторону характера включенности личности в природную и социальную сферы и является важной естественной предпосылкой общей активности. Здоровье социально и по своей сущности, и по форме детерминации различных сфер жизнедеятельности. Сложные антропогенные изменения экологической ситуации, продолжающееся вооружение человека новейшими средствами воздействия на природу и самого себя, отсутствие должной социальной базы здравоохранительного движения, целенаправленного создания условий, адекватных гуманистическому образу жизни, требуют глубокой мировоззренческой переориентации общества и, прежде всего, подрастающего поколения, в отношении здоровья как важнейшей социальной ценности [1].

Онтогенетическое развитие молодого человека следует рассматривать как органическую и неотъемлемую составляющую физического, психического и репродуктивного здоровья. Очевидность взаимосвязи здоровья с трудовым, оборонным и репродуктивным потенциалом (*как индивида, так и общества в целом*) не требует

комментариев. Вместе с тем, состояние здоровья оказывает непосредственное воздействие и на интеллект, и на нравственное состояние, и на общественно-политическое поведение человека.

Постановка цели и задач воспитания *жизнеспособного и самосохраняющего поколения* – проблема, которая требует к себе пристального внимания не только родителей, но и специалистов в области социальной психологии, социологии молодежи, экологической и экономической демографии. Необходимо создать такие социально-педагогические технологии демографической политики, которые были бы способны формировать жизнеспособное и жизнестойкое поколение россиян [2].

Эмпирической базой для анализа заявленной проблемы послужили результаты трёх социологических опросов, проведенных нами в 2008 и 2017 гг. в Институте экономики УрО РАН в различных городах и поселениях субъектов РФ, входящих в Уральский федеральный округ, в частности:

– 2008 г. - в 7-ми городах и 14 сельских поселениях Пермской, Свердловской и Челябинской областей по авторским анкетам опрошено *пять категорий* респондентов: а) учащиеся средних и старших классов городских школ – 900 чел.» б) учащиеся средних и старших классов сельских школ – 540 чел.; в) родители учащихся городских школ – 770 чел.; г) в качестве экспертов - специалисты властных структур, тренеры, преподаватели физической культуры – 220 чел. - «Урал-2008».

- 2014 г. – по квотно-представительным выборкам были опрошены а) 300 подростков ряда школ города- Закрытого административно-территориального образования «Лесной» (Свердловская область) и б) 510 подростков - г. Екатеринбурга. Основная цель исследования – анализ процессов социализации школьной молодёжи в родительских семьях, их здоровье сберегающего поведения, формирование жизненных ценностей, ориентаций и планов - «Урал-2014».

- сентябрь 2016 г. - март 2017 г. в рамках «инженерной» проблематики ИЭ УрО РАН было реализовано межрегиональное исследование по проблемам профессиональной социализации инженерных кадров в уральском регионе, включавшее, в частности, опрос 500 студентов первых и четвёртых курсов трёх уральских вузах на факультетах инженерно-технической направленности, в частности: а) в Южноуральском государственном университете (ЮУрГУ - г. Челябинск) - 100 чел.; б) в Уральском государственном аграрном университете (УрГАУ - г. Екатеринбург) - 100 чел.; в) в Уральском государственном университете путей сообщения (УрГУПС, г. Екатеринбург) - 100 чел.; в) в двух институтах Уральского федерального университета (УрФУ, г. Екатеринбург) - 200 чел. - «Урал-2017».

А теперь «с цифрами в руках» перейдём к анализу некоторых аспектов заявленной нами проблемы. Подросткам в ряде уральских городов и сёл задавался вопрос: «Ниже перечислены некоторые жизненные ценности, к которым может стремиться взрослый человек. Выберите пять «самых-самых» важных для Вас». Следует подчеркнуть, что этот вопрос задавался уральским школьникам в первый раз – в 2008-ом году, второй раз – в 2014-ом году, то есть с интервалом 7 лет («Урал-2008» и «Урал-2014»). Полученные нами данные представлены в табл. 1.

Таблица 1

Мнение молодых городских и сельских подростков на Урале о наиболее предпочтительных жизненных ценностях, к которым может стремиться молодой человек, % от общего числа опрошенных по каждой группе

Жизненные ценности, к которым следует стремиться	Группы	
	«Урал-2008», город/село	«Урал-2014», Екат-г / Лесной
А. Ценности семейного образа жизни:		

хорошая семья и дети	87 / 88	н.д. / н.д. ¹
хорошие родители	н.д. / н.д.	57 / 62
хорошие жилищные условия семьи	42 / 46	40 / 49
<i>Б. Ценности здоровья и валеологического благополучия:</i>		
хорошее здоровье	68 / 70	72 / 78
чувство безопасности от насилия, воровства	н.д. / н.д.	29 / 29
<i>В. Ценности личной дееспособности и материальной обеспеченности:</i>		
любимая работа, успешная деловая карьера	68 / 67	н.д. / н.д.
материальное благополучие, экономическая независимость, самостоятельность	58 / 46	52 / 47
возможность обучения в вузе	н.д. / н.д.	68 / 69
возможность самому зарабатывать деньги	н.д. / н.д.	61 / 51
<i>Г. Ценности духовной жизни</i>		
хорошие товарищи, верные друзья	66 / 54	81 / 77
Содержательный, интересный досуг	27 / 20	47 / 44
Сознание того, что приносишь пользу людям	23 / 25	31 / 30
Порядочность, совестливость, доброе имя	23 / 23	30-33
Вера в Бога	н.д. / н.д.	21 / 13

Вот краткий комментарий к полученным данным:

Прежде всего, опрос «Урал-2008» показал, что подавляющее большинство респондентов из разных социальных групп (97-99 %) знают и выделяют те или иные факторы поведения, соответствующие здоровому образу жизни. В число наиболее существенных детерминант ЗОЖ, набравших по 60-80% голосов респондентами были включены: «Отказ от вредных привычек (алкоголь, курение, переедание)» (80-85 %), «Регулярные занятия спортом, физкультурой» (43-63 %), «Правильное питание» (52-74 %) [3].

Мы видим, что «ценность своего здоровья», наряду с «ценностью родительской семьи и хорошими родителями», «любимой работой, успешной деловой карьерой» и наличием «хороших товарищей, верных друзей» молодыми уральцами включается в число несомненных лидеров. Разница в распределении ответов у юных горожан и селян (столбец таблицы «Урал-2008») укладывается в пределы статистической погрешности. Подобную «поселенческую идентичность» в ценностных ориентациях уральской молодёжи следует связывать, прежде всего, с воздействием на молодёжь практически единого в городской и сельской местности информационно-идеологического поля создаваемого Интернетом, TV, радио и другими средствами массовой информации [4].

За прошедшие (между двумя опросами) семь лет практически не изменилась структура ценностных ориентаций молодых уральцев в сфере матримониальных отношений и материального благосостояния. Вместе с тем, несколько повысились претензии и ожидания молодых горожан в сфере духовной жизни («друзья», «досуг», «польза людям», «доброе имя»).

Аксиологический подход в исследовании человеческого состояния был предложен еще Платоном, который в своем диалоге «Законы» поместил «здоровое состояние души» (наряду с разумением, справедливостью и мужеством) в иерархию человеческих и божественных благ [5]. Доминирование тех или иных ценностей, также как и их переоценка, кризис в материальной или духовной сферах жизнедеятельности индивида, рассматриваются в качестве факторов, определяющих поддержание (сохранение) его индивидуального здоровья или негативно влияющих на его состояние [6]..

Образ жизни - одна из важнейших биосоциальных категорий, интегрирующих представления об определенном виде (типе) жизнедеятельности человека. «Здоровый образ

¹ Вставка «н.д.» обозначает, что этот пункт вопроса не был включён в анкету соответствующего опроса.

жизни» (ЗОЖ) - категория более общего понятия «образ жизни», включающая в себя оценку условий жизнедеятельности человека, уровень его культуры и гигиенических навыков, позволяющих сохранять и укреплять здоровье, предупреждать развитие его нарушений и поддерживать оптимальное качество жизнедеятельности. Нашим юным респондентам в двух уральских городах («Урал-2013») задавался вопрос: «Что в настоящее время ты делаешь регулярно для своего здоровья и физического развития? Количество ответов не ограничивается». Полученные нами ответы помещены в табл. 2:

Таблица 2

Виды и формы участия молодых уральцев спортивно-оздоровительной деятельности (% от общего числа опрошенных по каждой из четырёх групп подростков; в графе «5-6 кл.» - в числителе учащиеся г. Екатеринбурга, в знаменателе – г. Лесной; в графе «10-11 кл.» - аналогично)

Виды спортивно-оздоровительной деятельности	Группы	
	5-6 кл.	10-11 кл.
Сам, индивидуально занимаюсь:		
- в спортивной секции	21 / 54	19 / 34
- делаю физзарядку	13 / 24	20 / 31
- катаюсь на лыжах	17 / 56	18 / 37
- катаюсь на коньках	27 / 60	26 / 43
- катаюсь на мотоцикле, велосипеде	22 / 46	20 / 25
- бегом	14 / 33	12 / 27
- плаванием	9 / 24	9 / 11
- гириями, гантелями	6 / 12	12 / 21
- катаюсь на сноуборде	6 / 12	8 / 5
- хожу в тренажёрный зал	6 / 11	16 / 27
- играю в шахматы	9 / 9	6 / 12
Участвую в школьных соревнованиях	10 / 35	13 / 26
Хожу в турпоходы	7 / 29	8 / 20
В настоящее время спортом не занимаюсь, к сожалению, нет времени и условий	5 / 2	11 / 5

Приведенные в таблице цифры, дают богатую пищу компетентному и заинтересованному читателю для размышлений и соответствующих выводов. В первую очередь, они позволяют оценить (*хотя бы приблизительно*) количественные и качественные индикаторы развития спортивных занятий в различных социально-демографических группах детей и подростков, соотношение традиционных, спонтанных (*в семье, во дворе, в компании сверстников*) и общественно организованных (*школа, городские учреждения культуры и спорта*) форм занятий населения физической культурой и спортом.

Доминирование родительской семьи в формировании ценностных ориентаций в целом и, частности, в сфере приобщения молодых людей к физической культуре очевидно. «Какими видами деятельности из перечисленных ниже ты регулярно занимался с родителями в детстве?» - на этот вопрос ответы подростков из Екатеринбурга («Урал-2014») распределились так (% от общего числа опрошенных – 510 чел.)

а) занятия вне города

- ездили на озёра, на море *отдыхать* - 72
- ездили на озёра, на море *охотиться, рыбачить* - 33
- собирали в лесу грибы, ягоды - 63
- регулярно ходили в лес, «на природу» - 44

- собирали в лесу лекарственные травы	- 6
б) занятия в городе	
- катались на велосипеде, скейтборде	- 60
- играли в бадминтон, волейбол, баскетбол	- 42
- регулярно играли в футбол, хоккей	- 24
- катались на мотоцикле, машине	- 27
- регулярно делали физзарядку	- 15
- бегали кроссы	- 15

Можно утверждать, что для большинства детей и подростков на Урале, спортивные и физические занятия в рамках родительских семей носят преимущественно «развлекательно-прогулочный» характер [7]. «Задачу занятий спортом и физической культурой, массовым спортом, отмечал в одном из своих выступлений Президент РФ, - не решишь лишь за счет проведения международных спортивных форумов и увеличения даже учебных часов физкультуры в школах и вузах. Нужны новые формы работы, широкий выбор не только спортивных, но и оздоровительных занятий прежде всего для детей, хочу это подчеркнуть, для детей младшего возраста. Именно в этом возрасте, как мы знаем, на всю жизнь закладываются привычки и интересы, и нужно их сформировать [8].

О том насколько развиты потребности молодых людей на этапе профессионального обучения (возраст 18-22 года) можно судить по результатам нашего опроса «*Урал-2017*». 500 уральским студентам из 4-х вузов с технической направленностью профессионального образования задавался вопрос% «Представьте себе, что у Вас лично ежедневно «появились» 1-2 часа ничем не занятого времени. На что бы Вы «потратили» это свое свободное время?» Ответы молодых респондентов представлены в табл. 3:

Таблица 3

Прожективные предпочтения участия уральских студентов в различных формах досуговой деятельности (% от общего числа опрошенных по каждому ВУЗу)

Варианты ответов на вопрос:	ЮУрГУ	УрГУПС	УрГАУ	УрФУ
<i>Учёба, хозяйственно-бытовой путь</i>				
Дополнительные учебные занятия	31	11	7	12
Хозяйственно-бытовые дела	27	18	16	28
Дополнительная подработка	22	31	38	7
Шитьё, вязание, рукоделие, занятие своим хобби	9	12	6	28
Авиа-, авто- моделирование и конструирование	6	5	0	3
<i>Физическая культура и оздоровительные занятия</i>				
Занятия физической культурой, на спортзал	50	39	46	24
Прогулки на свежем воздухе	36	35	23	34
Прогулки по лесу, на водоёмах	24	17	9	18
Езда на мотоцикле, машине	12	23	10	7
<i>Общение с друзьями, культурно-развлекательные занятия</i>				
Общение со своими друзьями	58	47	30	53
Чтение книг, журналов	52	36	10	53
Просмотр фильмов, слушание музыки	45	39	36	30
Хожение в кино, на концерты	29	35	31	22
«Посидеть» в Интернете, «полазить» по сетям	29	21	19	12
Посещение кафе, дискотеки	14	15	16	20
Просмотр интересных телепередач	12	20	7	37

Интерпретируя полученные данные, следует осознавать, что между прожективными пожеланиями молодых людей (*ситуация «если бы, да кабы...»*) и возможным последующим реальным поведением, жёсткой связи НЕТ, да и, в принципе, не может быть... Скорее всего полученные ответы молодых респондентов следует отнести к разряду *«благих пожеланий»*, стремления «хорошо выглядеть» перед анкетёром, нежели устойчивых поведенческих установок. А, жаль...

Подведём некоторые итоги. Несмотря на то, что ценность здоровья в нормативных представлениях россиян (*как у молодых, так и у взрослых*) повысилась, она не стала фактором сознания, осталась на уровне моды. Реальное самосохранительное поведение не претерпело существенных изменений: по-прежнему достаточно много пьющих и курящих, нарушающих режим сна, отдыха и двигательной активности, не заботящихся о правильном питании и т.д. Очевидно, в формирование *моды* на здоровье не должно подменять формирование *культуры* здоровья и физической культуры личности, прежде всего.

© Павлов Б.С., Сарайкин Д.А., Павло Д.Б. Текст. 2017

Список источников

1. Павлов Б.С. Воспроизводство человеческого потенциала в регионе: теоретические и методические аспекты социально-экономического анализа (на примере Урала) / Институт экономики УрО РАН, Уральский федеральный университет имени Первого Президента России Б.Н. Ельцина. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2014. – 575 с.
2. Павлов Б.С. Семья и самосохранительное поведение молодежи // Экономика региона. 2008. № 12. С. 109-122.
4. Павлов Б.С., Бондарева Л.Н. О проблемах воспроизводства сельского населения на Урале // Аграрный вестник Урала 2013, № 12. С. 90-94.
3. Павлов Б.С. Здоровье и здоровый образ жизни: как их воспринимает население на Урале // Экономика региона. 2010. № 2. С. 71-80.
- 5.. Платон. Законы / Платон // Собр. соч.: в 4-х т. – М., – 1994. – Т. 4. С. 78.
6. Павлов, Б.С. Физическая культура – это не только физкультура / Б.С. Павлов, В.Д. Паначев // Вестник Уральского отделения РАН. Наука. Общество. Человек. – 2012. – №4. – С. 42-52
7. Павлов, Б.С. «Отцы и дети» в городской семье: общение или отчуждение / Б.С. Павлов, Н.И. Разикова // Дискуссия. – 2012. – № 10. – С. 110-119.
8. Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному собранию: [Электронный ресурс] // полный текст // Режим доступа: <http://www.b-port.com/news/item/93504.html>.

Информация об авторах

1. Павлов Борис Сергеевич, Россия, г. Екатеринбург, д.филос.н., вед.н.с. Института экономики УрО РАН (620014, Екатеринбург, ул. Московская, 29, e-mail: pavlov_boris@mail.ru)
2. Сарайкин Дмитрий Андреевич, Россия, г. Челябинск, к.б.н., Челябинский государственный педагогический университет, Екатеринбург, ул. Московская, 29, t-mail: pavlov_boris@mail.ru)
3. Павлов Денис Борисович, Россия, г. Екатеринбург, Адвокатское бюро Свердловской области "Юралс Лигал", e-mail: pavlov_boris@mail.ru)

Pavlov B.S., Saraykin D.A., Pavlov D.B.

VALEOLOGICHESKY-BEING CHILDREN IN PARENT FAMILY: EXPERIENCE OF THE SOCIOLOGICAL ANALYSIS

In article actual problems of health and physical culture of children in parental families in the Urals are considered. The role of parents in valeological education of teenagers, in process of their ontogenetichesky growing is analyzed. It is featured the analysis of self-preservation of behavior of the maturing personality. As empirical base for the analysis of the declared problem and conclusions to authors serve results of a number of the sociological surveys conducted by them in various cities and rural settlements of the Ural region.

Keywords: health, physical culture, teenager, parental family, health-saving, Ural.

Information about authors

1. Pavlov Boris Sergeevich, Russia, Yekaterinburg, doctor of philosophy.N., Vedas.N. with. Institute of Economics, Ural branch, Russian Academy of Sciences (620014, Yekaterinburg, Moskovskaya St., 29, e-mail: pavlov_boris@mail.ru)

2. Saraykin, Dmitry A., Russia, Chelyabinsk, C.b.N., Chelyabinsk state pedagogical University, Yekaterinburg, Moskovskaya St., 29, e-mail: pavlov_boris@mail.ru)

3. Pavlov Denis Ivanov, Russia, Ekaterinburg, the Law office of Sverdlovsk region "Urals legal", e-mail: pavlov_boris@mail.ru)

УДК: 314.15-053.81

Л.А.Попова

БРАЧНО-СЕМЕЙНЫЕ НАСТРОЕНИЯ МОЛОДЕЖИ

На основе результатов социологического исследования получен вывод, что в условиях активной демографической политики у современной молодежи сформировались семейно-ориентированные стандарты демографического поведения. Однако требуется дальнейшее наращивание мер демографической политики.

Ключевые слова: рождаемость, демографическая политика, молодежь, семья, брачно-семейные и репродуктивные установки

Характерная для 2013-2016 гг. стагнация уровня рождаемости населения России [8] свидетельствует об исчерпании стимулирующего воздействия современной российской просемейной демографической политики, начавшейся введением с 1 января 2007 г. федерального материнского капитала на второго ребенка и в дальнейшем усиленной региональными материнскими капиталами на третьего ребенка и другими мерами. При отсутствии нового этапа наращивания политики в области рождаемости ближайшие ее перспективы будут целиком определяться моделями демографического поведения, которые сформировались у современной молодежи в условиях действующих мероприятий.

Изучение особенностей восприятия молодежью института семьи, ее различных форм, семейных ценностей и проблем в сфере брачно-семейных отношений имеет большое значение, поскольку молодое поколение с ее системой взглядов не только отражает современное восприятие семейных ценностей в обществе, но также является основным источником семейного воспроизводства в настоящее время и в ближайшей перспективе. Однако в отечественных исследованиях этой теме уделяется не очень заметное внимание. В разное время к ней обращались психологи, философы, социологи, демографы [например, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 12, 16, 17], рассматривая как одно из направлений своих научных изысканий. Более или менее систематически вопросами отношения молодежи к семье, подготовки к семейной жизни, культуры демографического поведения молодых людей занимается уральский исследователь Б.С. Павлов с соавторами [9, 10, 11].

С целью выявления брачно-семейных установок современной молодежи, ее отношения к планированию семьи и рождению детей в конце 2015 – начале 2016 гг. нами было проведено социологическое обследование «Отношение молодежи к семье и детям».

Было опрошено 1350 человек в возрасте 15-26 лет (выборка подробно описана в [14]). В целом обследование продемонстрировало достаточно просемейные ориентации в иерархии жизненных ценностей молодежи: 83,1% опрошенных (86,6% девушек и 78,3% юношей) наиболее важной жизненной ценностью считают счастливую и дружную семью. На втором и третьем местах здоровье (свое и своих близких) (74,2%) и рождение и воспитание детей (40,4%). Лишь после этого идет достижение благополучия в материальной и жилищной сферах: деньги, материальный достаток (33,3%) и комфортное жилье и жизненные условия (31,8%). Далее, по убыванию, идут ориентации, связанные с работой, досугом и самосовершенствованием: любимая профессия (27,5%), успешная карьера (24,8%), возможность путешествовать, познавать мир (24,7%), свобода, саморазвитие, самовыражение (23,6%), друзья (18,4%), престижное образование (6,9%), общественное признание, популярность (3,3%). Юноши несколько выше девушек ставят материальный достаток, успешную карьеру и друзей. Девушки, кроме семьи, чаще отмечают здоровье и возможность путешествовать. Иными словами, часто звучащие опасения о кризисе семейных ценностей у современной молодежи выглядят не очень обоснованными. Молодежь в основном ориентирована на создание семьи, и дети занимают далеко не последнее место в иерархии ее жизненных ценностей, причем у юношей и девушек оно практически одинаковое.

Успех подготовки молодых людей к семейной жизни предполагает, в первую очередь, выбор основных параметров оптимальной модели семьи, к строительству которой должен быть готовым и должен стремиться каждый взрослеющий молодой человек [10]. Подавляющее большинство, 78,2% опрошенных, отдают предпочтение официально зарегистрированному браку. Лишь 15,7% респондентов на момент опроса предпочитают совместное проживание без регистрации в ЗАГСе. Более распространен такой выбор (свыше 20%) по понятным причинам у юношей, а также у самых молодых респондентов 15-16 лет, которые, с одной стороны, еще не особо задумывались о юридических ловушках фактического брака, с другой, оценивают этот вариант семьи чисто гипотетически, не имея в виду конкретного брачного партнера.

В то же время при ответе на вопрос «Считаете ли Вы вступление в брак обязательным условием для воспитания детей?» положительно ответили лишь немногим более половины (51,8%) опрошенных. 31,3% молодых людей считают брак необязательным для воспитания детей, 16,9% затруднились определиться между «да» и «нет». Как и в случае с фактическим браком, отрицательные ответы более характерны для юношей и респондентов самого молодого возраста. Такие матримониальные установки молодежи вызывают определенное беспокойство, требующее усиления пропаганды семейной рождаемости и роли отцов в воспитании детей.

Основу брака, по мнению опрошенных молодых людей, составляет любовь (86,4% респондентов), уважение друг к другу (72,2%), совместные интересы (40,3%) и дети (32,7%). Далее с большим отрывом идут сексуальная совместимость (18,3%), финансовое благополучие (13,9%), совместный быт (13,4%), хорошее положение в обществе (2,4%), совместные религиозные убеждения (1,4%), расчет (1,0%). Т.е. заметно преобладают романтические, «правильные» ответы, возможно, несколько идеализирующие отношения в семье, однако на стадии становления и начала реализации стандартов матримониального поведения это, скорее, благоприятный момент. Несколько более прагматичны горожане. По мере увеличения возраста респондентов роль любви, как основы брака, снижается, уступая место растущей роли уважения друг к другу. Очень высоко оценивают роль уважения в семье девушки (79,5% против 62,0% у юношей). Юноши чаще отмечают сексуальную совместимость (20,9% против 16,5% среди девушек) и, что весьма примечательно, детей (36,7% против 29,8%).

Для опрошенных молодых людей дети – это, прежде всего, радость и счастье (80,7%), наследники, продолжатели семейного дела (в целом 56,1%, но заметно чаще этот вариант отмечается юношами: 67,9% против 47,8% среди девушек) и обязательная часть семьи (54,8%). Далее, со значительным отрывом, идут варианты рационального отношения к детям:

помощь в старости (22,8%) и помощь в ведении хозяйства (14,3%). Меньше всего респондентов (2,2%) отметили, что дети – это дополнительный источник доходов, в качестве которого можно рассматривать пособия по беременности и родам, детские пособия и материнский капитал. Так же немного респондентов выбрали негативные оценки детей: помеха отдыху, личной жизни (5,9%), ухудшение материального положения семьи, дополнительная трата денег (4,4%), помеха карьере (4,0%). Заметим, что все прагматичные и негативные варианты ответов больше встречаются у юношей, хотя они и чаще девушек называют детей основой брака. Т.е. для юношей характерно более противоречивое, как следует еще не оформившееся отношение к детям, которое, по-видимому, окончательно формируется лишь в собственной семье при рождении своих детей.

В анкете «Отношение молодежи к семье и детям» была произведена довольно дробная разбивка респондентов по возрасту. Это было сделано сознательно: с целью получения возможности проследить эволюцию репродуктивных установок поколений 1994-1998 и 1989-1993 годов рождения, которые принимали участие в обследовании «Отношения между поколениями», проведенном в 2013 г. (выборка описана в [13], основные результаты по репродуктивному поведению – в [15]), в условиях отсутствия новых мер демографической политики. В 2013 г. их представители относились к возрастным группам 15-19 и 20-24 лет, в конце 2015 – начале 2016 гг. они были в возрасте 17-21 и 22-26 лет. Из новых просемейных инициатив государства к этому времени можно назвать лишь продление в декабре 2015 г. федерального материнского капитала на второго ребенка до конца 2018 г., а также ежемесячной выплаты малоимущим семьям на третьего ребенка в регионах с низкой рождаемостью до конца 2016 г., т.е., по сути, ничего нового.

Анализ основных репродуктивных установок участников обследования «Отношение молодежи к семье и детям» в сравнении с результатами исследования 2013 г. позволяет сделать следующие выводы. К началу 2016 г. ожидаемое число детей у когорт 1989-1998 годов рождения в целом уменьшилось с 2,20 до 2,13 детей. Это произошло за счет сокращения репродуктивных планов поколения 1994-1998 годов рождения с 2,22 до 2,13 детей. У представителей поколения 1989-1993 годов ожидаемое число детей, наоборот, увеличилось с 2,07 до 2,15. Идеальное число детей у поколений 1989-1998 годов сократилось с 2,44 до 2,33 детей. Тоже за счет более молодой когорты 1994-1998 годов рождения: в начале 2016 г. представители этого поколения в среднем считают, что в семье лучше всего иметь 2,32 детей (в 2013 г. – 2,53 детей). У представителей когорты 1989-1993 годов рождения оба обследования зафиксировали среднее идеальное число детей на уровне 2,41. Желаемое при всех необходимых условиях число детей в целом у когорт 1989-1998 годов рождения уменьшилось за два года с 2,57 до 2,47 детей. И тоже за счет поколения 1994-1998 годов рождения. В настоящее время представители этой когорты при наличии всех необходимых условий предпочли бы в среднем 2,43 детей в семье против 2,53 в 2013 г. У представителей поколения 1989-1993 годов желаемое число детей, наоборот, увеличилось с 2,59 до 2,67 детей.

Очевидно, взросление при отсутствии новых мер демографической политики способствовало рационализации стандартов демографического поведения когорты 1994-1998 годов рождения. А представители поколения 1989-1993 годов, став, по сути, адресатами крупномасштабных мер демографической политики федерального уровня, которые незадолго до этого были продлены на два года, имели все основания для пересмотра репродуктивных планов в сторону повышения. Как видим, и у того, и у другого поколения, которые будут определять ближайшие перспективы рождаемости, репродуктивные ожидания пока соответствуют уровню простого замещения поколений. Однако у самых молодых участников обследования, родившихся в 1999-2000 годах, которым к началу 2016 г. было по 15-16 лет, репродуктивные установки заметно ниже, чем у более старших участников опроса. Ожидаемое число детей у родившихся в 1999-2000 годах составляет 1,91 детей по сравнению с 2,13 у поколений 1989-1998 годов рождения в целом. Идеальное число детей – 2,12 против 2,33. Еще больший разрыв по желаемому при всех необходимых условиях числу детей. У

родившихся в 1999-2000 годах желаемая при благоприятных условиях детность составляет 2,19 детей против 2,47 у поколений 1989-1998 годов. Т.е. на репродуктивные установки родившихся в 1999-2000 годах существующие меры демографической политики, очевидно, не оказали никакого стимулирующего влияния.

Достаточный уровень доходов в семье по-прежнему является самым распространенным ответом на вопрос «Что необходимо Вам для рождения желаемого числа детей?». В нашем обследовании так ответили 74,1% молодых респондентов. На втором-третьем месте идут хорошие отношения с супругом (63,6%) и полная семья (57,8%). В отличие от «взрослых» обследований, в которых жилищные условия для полной реализации репродуктивных установок обычно выступают на втором месте после материальной обеспеченности, у молодежи наличие (возможность приобретения) жилья и его удовлетворительное состояние оказалось лишь на четвертом месте (34,5% опрошенных). Молодые респонденты, многие из которых живут с родителями и лично еще не сталкивались с остротой жилищного вопроса, пока не склонны придавать этому большое внимание.

Почти такое же значение, как наличие хорошего жилья, для полной реализации установок детности имеют хорошее состояние общего и репродуктивного здоровья (32,3%), возможность обеспечить детям качественное образование (в целом 31,9%, но с возрастом распространенность таких ответов снижается в два раза – до 16,1% у 24-26-летних, которые уже хорошо знают, что в настоящее время проблем с получением образования в России практически нет, было бы желание), экономическая стабильность в стране, уверенность в завтрашнем дне (27,7%, частота этого варианта, наоборот, очень заметно растет с возрастом: с 22,5% у 15-16 летних до 40,3% у 25-26-летних, экономическая активность которых в последние годы уже столкнулась с кризисными явлениями в экономике). И совсем незначительную роль для рождения желаемого числа детей, с точки зрения молодежи, играют доступность качественной медицинской помощи (10,1% респондентов), возможность посещения детьми детского сада (наличие мест, приемлемая оплата и пр.) (в целом 9,3%, к верхней возрастной границе массива роль садиков снижается до 3,2%), эффективная государственная политика по поддержке семей с детьми (в целом 7,9%, но, как и ожидалось, молодые участники опроса оценивают роль демографической политики ниже, чем респонденты старше 22 лет).

Итак, для рождения желаемого числа детей, по мнению молодежи, необходимы, прежде всего, достаточный уровень доходов, хорошие отношения с супругом и полная семья. В качестве контрольного вопроса был задан вопрос о помехах к рождению желаемого числа детей. Вполне логично, что главной помехой были названы материально-финансовые проблемы: их отметили 52,8% опрошенных молодых людей. Однако это гораздо меньше, чем в вопросе о необходимых условиях рождения желаемого числа детей, в котором достаточный уровень доходов отметили 74,1% респондентов. Иными словами, в качестве помехи к рождению детей материальный фактор играет меньшую роль, чем в качестве условия для их рождения. Т.е. чем лучше будут экономические возможности семьи – тем выше вероятность рождения желаемого числа детей, но неблагоприятные материальные обстоятельства далеко не всех заставят ограничить реализацию репродуктивных планов.

Жилищные проблемы в вопросе о помехах к рождению желаемого числа детей заняли свое традиционное второе место (39,3% респондентов). Отметивших этот вариант ответа несколько больше, чем в вопросе об условиях рождения желаемого числа детей (34,5%). Т.е. вопросы благополучия жилищных условий семьи, особенно молодой семьи, в политике государства требуют усиления внимания: это традиционная российская проблема и значимая помеха к полной реализации репродуктивных установок. Не случайно улучшение жилищных условий является бесспорно главным направлением реализации средств материнских капиталов. Моральная, психологическая неготовность семьи – среди помех к рождению желаемого числа детей на третьем месте (32,9%). Далее идут состояние здоровья супругов (28,3%), отсутствие супруга (супруги) (26,8%), нежелание супруга (супруги) иметь количество детей, желаемое респондентом (25,3%), ухудшение супружеских отношений

(24,4%), страх за будущее своих детей (22,6%). Таким образом, основные препятствия для рождения желаемого числа детей – это материальные и жилищные проблемы и проблемы, связанные со здоровьем и особенностями внутрисемейных отношений.

Немногие участники опроса видят причину вероятного ограничения детности семьи в том, что дети сами по себе могут быть помехой для родителей: для их карьеры (7,0%), для полноценной личной жизни (6,0%), для интеллектуального развития (3,2%). Чаще такие ответы встречаются у юношей и у самых молодых респондентов – по мере увеличения возраста их распространенность убывает очень заметно. Примечательно, что почти столько же (а с учетом того, что это вопрос с совместимыми альтернативами, и участникам было предложено выбрать до четырех вариантов ответов, возможно, даже больше): 13,6% молодых респондентов – отметили, что им ничего не мешает иметь желаемое число детей.

Молодежь достаточно хорошо осведомлена о способах планирования семьи. Как самыми удобными, так и самыми надежными средствами предотвращения нежелательной беременности признаются презерватив и гормональные контрацептивы. 71,7% опрошенных молодых людей наиболее удобным считают использование презервативов, 31,3% – гормональных таблеток. Еще 9,0% опрошенных отметили удобство внутриматочной спирали, 8,2% – прерванного полового акта. На остальные методы и средства приходится не более 10% ответов (вопрос с совместимыми альтернативами). Самыми надежными контрацептивами также названы вышеперечисленные средства, но с некоторым перераспределением степени надежности между ними: презервативы отметили 60,4% респондентов, противозачаточные таблетки – 34,2%, ВМС – 16,0%, прерванный половой акт – 7,0% опрошенных.

При ответе на прямой вопрос о допустимости аборта в качестве средства регулирования рождаемости более половины участников опроса (56,1%) назвали аборт совершенно недопустимым, 9,1% допускают его безусловно, 34,2% – лишь при определенных обстоятельствах. Однако в вопросе об обстоятельствах, при которых позволительно искусственное прерывание беременности, 77,0% респондентов выбрали тот или иной подсказ или вписали свой ответ в графе «Иное». Преобладают варианты «по медицинским показаниям» (51,2% ответов), «беременность в результате изнасилования» (38,4%), «слишком юный возраст будущей матери» (29,9%). По 15% ответов приходится на материальные и жилищные проблемы и нежеланную беременность: «материальные трудности в семье» – 15,6%, «отсутствие жилищных условий» – 15,3%, «незапланированный и нежеланный ребенок» – 15,1%. По 3-5% ответов приходится на такие варианты, как «по настоянию родителей, родственников», «если в семье уже есть желаемое количество детей», «по настоянию мужа». Меньше всего – 3,0% ответов – приходится на вариант «женщина не замужем». Т.е. незамужний брачный статус матери – самый малозначительный повод для прерывания случившейся беременности.

В случае беременности в незарегистрированном союзе более 80% опрошенных молодых людей (76,5% юношей и 83,6% девушек) считают предпочтительным заключение брака. Правда, 31,8% респондентов (28,2% юношей и 34,3% девушек) отметили, что жениться необходимо, только если партнеры любят друг друга. 31,2% участников опроса (29,2% юношей и 32,7% девушек) считают, что брак следует оформить в любом случае. 17,6% (19,1% юношей и 16,6% девушек) – только если беременность была запланированной.

Благополучие семейной жизни, по мнению опрошенных, прежде всего, определяется любовью, взаимопониманием и уважением супругов (93,8% респондентов), взаимопониманием родителей и детей (в целом 68,7%, девушками этот вариант отмечается заметно чаще), здоровыми, хорошо воспитанными детьми (65,8%) и общностью семейных интересов (42,6%). 15,6% опрошенных отметили также тесные родственные связи. Иными словами, семейное счастье, по мнению молодежи, более всего зависит от гармоничных внутрисемейных отношений: отношений между супругами, между поколениями, успехами в совместном воспитании детей. Далее идут высокий уровень материального благосостояния (27,9%) и наличие большой квартиры или дома (12,1%), а также широкий круг друзей

(11,5%) – все эти варианты более существенное значение имеют для юношей. Только 3,7% участников опроса отметили наличие большого количества детей в качестве индикатора благополучия семьи. Причем в городской местности процент таких ответов даже выше (4,1%), чем в сельской (2,5%), что в очередной раз подтверждает, что модели репродуктивного поведения сельского и городского населения принципиально уже не отличаются. Т.е. не следует рассчитывать даже на гипотетическую возможность возврата к многодетности в перспективе: большое число детей не ассоциируется у молодежи с благополучием семейной жизни.

Таким образом, проведенное обследование показало, что в условиях активной демографической политики у современной молодежи сформировались достаточно семейно-ориентированные стандарты демографического поведения. Однако на репродуктивные установки родившихся в 1999-2000 годах существующие мероприятия стимулирующего влияния не оказали. У родившихся в 1994-1998 годах в условиях консервации демографической политики наблюдается негативная динамика репродуктивных установок. В совокупности со стагнацией уровня рождаемости последних лет это убедительно доказывает, что необходим новый этап усиления демографической политики.

© Попова Л.А. Текст. 2017

Благодарность

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-02-00355 «Влияние федеральных и региональных мер демографической политики на репродуктивные установки населения и перспективы рождаемости»).

Список источников

1. Акьюлов Р. И. Демографические установки и ценностные ориентации молодежи в Свердловской области // Демографическое настоящее и будущее России и ее регионов: Матер. Всеросс. науч.-практ. конфер. Вып. 2. Тезисы. – М., 2012. – С. 5-11.
2. Быстров А. Н. Ценность семьи в формировании личности подростка // Научно-исследовательская и образовательная деятельность: междисциплинарный подход: Матер. межкафедр. науч. конфер. – Котлас, 2009. – С. 37-41.
3. Калачикова О. Н. Некоторые аспекты репродуктивного поведения студенческой молодежи // Высшее образование в России. – 2012. – № 3. – С. 132-136.
4. Кваша Е. А. Рождаемость у подростков в России: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.18. – М., 1996.
5. Кузьмина Л. М. Демографическое поведение молодежи и поддержка молодых семей в России: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.03. – М., 2008.
6. Михеева А. Р. Брачное и репродуктивное поведение молодых представителей коренных народов Урала и Сибири // Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ: Сб. ст. VII Уральского демографического форума с междунар. участием. Т. I. – Екатеринбург, 2016. – С. 211-217.
7. Орлова Н. Х. Тенденции автономизации сексуальных, репродуктивных и брачных практик // Рождаемость и семья в России: Матер. науч.-практ. конфер. «Демографическое развитие России в XXI веке: стратегический выбор и механизмы осуществления». Ч. 1. – М., 2006. – С. 108-117.
8. Официальный сайт Росстата [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.gks.ru/>.
9. Павлов Б. С. Семья и самосохранительное поведение молодежи // Экономика региона. – 2008. – № 12. – С. 109-122.
10. Павлов Б. С., Анисимов С.А. Матримониальное поведение уральской молодежи в преддверии марша Мендельсона // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 11. Ч. 2. / РАН. ИНИОН. – М., 2016. – С. 472-478.

11. Павлов Б. С., Бондарева Л. Н. Особенности культуры демографического поведения молодых семей на Урале // Дискуссия. – 2012. – № 6. – С. 85-93.
12. Попова Л. А. Формирование современных демографических стандартов // Проблемы региональной экономики. – 1998. – № 1-2. – С. 28-35.
13. Попова Л. А., Зорина Е. Н. Экономические и социальные аспекты старения населения в северных регионах. – Сыктывкар, 2014. – 122 с.
14. Попова Л. А., Шишкина М. А. Брачно-семейные и репродуктивные установки современной молодежи // Проблемы развития территории. – 2016. – № 5 (85). – С. 57-71.
15. Попова Л. А., Шишкина М. А., Бутрим Н. А. Трансформация репродуктивного поведения населения Республики Коми: факторы и последствия // Регион: экономика и социология. – 2015. – № 3 (87). – С. 190-212.
16. Ташлыкова Н. Ю. Мотивация брака в студенческой аудитории // Рождаемость и семья в России: Матер. науч.-практ. конфер. «Демографическое развитие России в XXI веке: стратегический выбор и механизмы осуществления». Ч. 1. – М., 2006. – С. 92-96.
17. Фаузер В. В. Мониторинг репродуктивных установок студенческой молодежи // Миграционные мосты в Евразии: Сборн. докл. и матер. IV Междун. науч.-практ. конфер. «Миграционный мост между Россией и странами Центральной Азии: актуальные вопросы социально-экономического развития и безопасности». – М., 2012. – С. 482-486.

Информация об авторе

Попова Лариса Алексеевна (Россия, Сыктывкар) – д.э.н., доцент, зам. директора по научной работе Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, 167982, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26, popova@iespn.komisc.ru

Popova L. A.

MATRIMONIAL ATTITUDES OF YOUTH

On the basis of results of sociological poll, the authors have received a conclusion that thanks to active population policy the modern youth has quite pro-family standards of demographic behavior. However further strengthening of measures of demographic policy is required.

Key words: birth rate, demographic policy, youth, family, matrimonial and reproductive intentions

Information about the author

Popova Larisa Alekseevna (Russia, Syktyvkar) – Doctor of Sciences in Economics, Deputy Director for Science of the Federal State Budgetary Institution of Science Institute for Socio-Economic & Energy problems of the North, Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, 26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, Komi Republic, 167982, popova@iespn.komisc.ru.

УДК: 316.653(575.1):366.636

Н.Х.Рахимова

УСЛОВИЯ И ФАКТОРЫ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОЧНОЙ И БЛАГОПОЛУЧНОЙ СЕМЬИ

В статье на основе проведенных социологических опросов общественного мнения, проведенных в режиме мониторинга по всей территории республики Узбекистан, рассматриваются вопросы наиболее приоритетных, утвердившихся в общественном

мнении тенденций по вопросам семьи и брака, взаимоотношений между поколениями, воспитанию детей, формированию гармонично развитого подрастающего поколения. Особое внимание уделено выявлению роли и функции семьи в жизни отдельного человека и общества в целом. Анализируются возрастные установки мужчин и женщин для создания семьи, а также условия и факторы для обеспечения прочной и благополучной семьи. Показаны качественные характеристики юношей и девушек, необходимые для создания семьи.

Ключевые слова. Семейные отношения, брак, социологический опрос, мужчины и женщины, подрастающее поколение, дети.

Источником духовных ценностей узбекского народа является традиционная этика семьи и родственных отношений, основными принципами которой всегда было почитание старших, взаимовыручка, забота о детях, уважение к женщине, матери.

Специальная 14-я глава Основного Закона Республики Узбекистан озаглавлена «Семья», а ряд статей (63–66) непосредственно посвящены семье и браку. Согласно Конституции страны семья – основная ячейка общества и она находится под защитой общества и государства. Столь серьезное отношение к семье, объясняется еще и тем, что она строится на основании абсолютной свободы выбора и равноправия двух лиц (ст.63). Дети равны перед законом независимо от происхождения и гражданского положения родителей (ст.65). [1, с.13] Эти положения также являются конституционными нормами, которые проявляются как гармоничное сочетание требования о необходимости построения семьи на основании добровольного объединения мужчины и женщины в браке и принципа равноправия, являющегося необходимым условием обеспечения прав человека.

В Конституции Республики Узбекистан определено, что родители обязаны заботиться о своих детях и воспитывать их до достижения ими совершеннолетнего возраста. [2, с.13] Вместе с тем указывается, что «совершеннолетние трудоспособные дети обязаны заботиться о своих родителях». [3, с.13]

Семья находится в постоянном движении и развитии. Формирование и развитие семьи проходит целый ряд этапов: вступление в брак, рождение детей, тенденция к нуклеаризации семей, т.е. раздельному проживанию младшего и старшего поколений, при сохранении тесных связей между ними, воспитание и образование детей, совместное проживание с взрослеющими детьми, старение родителей.

Необходимо отметить, что в жизни семей имеются и разводы, и повторные браки, и различия в продолжительности совместной жизни супругов, и бездетность, которые накладывают значительные изменения на жизненный цикл и структуру семей на взаимоотношения между членами семьи.

Центром изучения общественного мнения «Ижтимоий фикр» ежегодно проводятся в режиме мониторинга социологические опросы, которые показывают, как меняются представления узбеков об основных функциях семьи, как развиваются отношения между поколениями, какие условия и факторы содействуют в обеспечении прочной и благополучной семьи.

Семья в Узбекистане представляет собой своеобразный живой организм, основой которого, как показали результаты опроса, является любовь и уважение - более половины опрошенных на вопрос о своем отношении к супруге (супругу) указали на эти характеристики. В то же время респондентами были отмечены такие характеристики, выражающие отношения супругов, как дружба, терпение и просто привычка. Некоторая часть опрошенных высказала мнение, что это жизненная необходимость.

Результаты опроса показали, что семья для абсолютного большинства граждан Узбекистана остается социально значимым институтом, она не утрачивает своей ценности для населения страны. Граждане считают, что семья является основным звеном нашего общества и видят ее основное предназначение и социальную функцию в обеспечении и укреплении стабильности общества и государства в целом.

Как показал опрос, в общественном мнении преобладает убежденность в том, что молодых людей необходимо готовить к семейной жизни, будущему супружеству, отцовству или материнству. Абсолютное большинство узбекистанцев 89,4% на вопрос: «Необходимо ли готовить молодых людей к семейной жизни или они сами постепенно на своем практическом опыте узнают всё в свое время» ответили положительно. Мониторингом выявлен рост данного показателя на 5,7% по сравнению с опросом 2015 г. Это свидетельствует о том, что граждане осознают значение и поддерживают необходимость передачи знаний и опыта о семье и семейной жизни подрастающему поколению, молодежи, которой еще только предстоит создавать собственную семью.

В процессе проведения опроса было изучено мнение граждан о том, кто и как должен готовить молодых людей к будущей семейной жизни. По мнению 46,8% участников опроса основная роль отводится в этом вопросе родителям, которые на своем личном примере демонстрируют какой должна быть семья, передают опыт и навыки, необходимые для создания и сохранения прочной, благополучной семьи, объясняют, как должны относиться супруги друг к другу, к детям, как нужно поступать в тех или иных обстоятельствах, касающихся семейно-брачных отношений.

В целом опрос показал, что, несмотря на то, что в процессе жизни подрастающее поколение перенимает от своих родителей и старших членов семьи знания и опыт о браке и семейной жизни, усваивает определенные нормы и правила поведения, граждане считают, что при современном темпе жизни естественный механизм передачи таких знаний уже недостаточен.

Важное место участники опроса отводят образовательным учреждениям, махалле, специальным службам правовой и психологической консультации, которые призваны проводить разъяснительную работу среди юношей и девушек о значении института семьи в жизни каждого человека, общества и государства в целом, осуществлять подготовку молодежи к вступлению в брак и созданию семьи, к выполнению супружеских и родительских обязанностей, прививать им знания, навыки и умения, необходимые в семейной жизни.

Опрос общественного мнения показал, что узбекистанцы дифференцированно подходят к решению вопроса об условиях, необходимых для создания семьи. Около половины участников опроса считает, что в первую очередь необходимо обеспечить материальную независимость будущих молодоженов, молодые люди, вступающие в брак, по мнению граждан должны «твердо стоять на ногах, иметь профессию и постоянный источник дохода». Каждый третий опрошенный отметил, что для создания семьи имеет значение физическое здоровье будущих супругов и их способность к рождению здоровых детей, каждый пятый уверен, что для создания семьи необходимо иметь отдельное, постоянное жилье.

В ходе опроса было изучено мнение граждан о том, какие факторы необходимы для создания благополучной, гармоничной семьи и семейных отношений. Отвечая на вопрос: «Семьи, созданные на основе каких факторов самые прочные и благополучные», 48,3% участников опроса назвали, что самые крепкие и счастливые семьи создаются на основе взаимной любви. По мнению 35% граждан прочные семьи создаются на основе национальных обычаев и традиций. Мониторингом выявлен рост этих двух показателей в 2017 г. по сравнению с предыдущим опросом. В 2017 г. опросом выявлено снижение на 2% в 2017 г. числа граждан, которые считают, что счастливы те семьи, которые создаются на основе расчета и взаимной выгоды.

Анализируя ответы, полученные на данный вопрос от граждан, имеющих различное семейное положение, следует отметить, что среди тех, кто находится в разводе процент сторонников создания семьи на основе взаимной любви выше, чем среди тех, кто уже имеет семью, при этом среди женатых или замужних участников опроса больше тех, кто разделяет точку зрения, о необходимости создания семьи на основе традиций и обычаев.

В возрастном разрезе, следует отметить, что среди молодых людей преобладает мнение, что счастливыми являются семьи, созданные на основе взаимной любви, в то время как граждане старшего возраста чаще разделяют мнение, что благополучную семью можно создать на основе народных обычаев и традиций.

В исследовании было выявлено представление жителей страны о счастливой, гармоничной, благополучной семье. При ответе на вопрос: «В каком случае, по Вашему мнению, семью можно считать состоявшейся, удавшейся, счастливой» каждый третий респондент назвал удавшейся ту семью, в которой есть согласие, мир и взаимопонимание, а отношения между членами семьи строятся на любви и взаимоуважении. По мнению участников опроса счастливой можно считать ту семью, в которой есть дети, рождение и воспитание подрастающего поколения является важной составляющей успешности и благополучия семьи, а также семью, где достигнут материальный достаток, обеспечивающий хороший уровень жизни семьи.

Семья, является традиционно главным институтом воспитания, То, что ребенок в детские годы приобретает в семье, он сохраняет в течении всей последующей жизни. Важность семьи как института воспитания обусловлена тем, что в ней ребенок находится в течении значительной части своей жизни, и по длительности своего воздействия на личность ни один из институтов воспитания не может сравниться с семьей. В ней закладываются основы личности ребенка, и к поступлению в школу он уже более чем наполовину сформирован как личность.

Значение семьи в общественной жизни определяется такими ее основными социальными функциями, как регулирование отношений между полами и поколениями, рождение детей, передача материальных и духовных ценностей от поколения к поколению, внутрисемейное перераспределение доходов, формирование потребностей и совместное потребление материальных и культурных благ, организация и ведение домашнего хозяйства, восстановление сил и здоровья, уход за малолетними детьми, больными и престарелыми. Семья выполняет функции эмоционального и духовного общения, взаимной поддержки и сотрудничества. От нормального функционирования семьи во многом зависит личное счастье мужчин и женщин, психическое, физическое и духовное здоровье супругов и детей, удовлетворенность человека жизнью.

Как показывает мониторинг общественного мнения дети, их воспитание и образование, личностная и профессиональная реализация являются безусловной сверхценностью для узбекистанцев. По мнению абсолютного большинства граждан, воспитание детей – это, прежде всего первоочередная обязанность родителей, родительский долг.

По мнению респондентов роль государства в вопросах воспитания детей, в основном должна выражаться в создании условий, способствующих воспитанию физически здорового, интеллектуально развитого поколения, обеспечении социальной защиты семей.

Для полноценного воспитания детей, по мнению граждан наличие семьи является необходимым условием, т.к. только родительское внимание и обучение способны сделать из ребенка настоящего, полноценного человека, развитого как физически, так и интеллектуально. Основная функция семьи, как считает большинство участников опроса, заключается прежде всего в воспитании детей, которые вырастут порядочными, честными, ответственными людьми.

Кроме того, в процессе воспитания, как отмечали респонденты, для родителей очень важно суметь подготовить своих детей к будущей самостоятельной жизни, т.е. дать им хорошее образование, специальность, помочь найти им свое место в обществе

Участники опроса считают, что семейная среда оказывает сильное воздействие на личностное становление ребенка. Именно поэтому, чтобы воспитать достойных и успешных детей, родители, по мнению опрошенных, должны быть сами примером для своих детей (49,4%), а в семьях должна царить атмосфера любви, внимания и заботы друг о друге

(36,5%). В основе же отношений между родителями и детьми должны быть доверие, взаимопонимание и взаимоуважение (57,6%).

По мнению большинства участников опроса воспитанием детей должны заниматься в равной степени оба родителя (мать и отец). Причем данное мнение разделяется большинством опрошенных независимо от пола, возраста и типа поселения. По мнению респондентов, внутрисемейные проблемы, связанные с родительством, воспитанием и образованием детей должны решаться не авторитарно, а совместно, должны быть основаны на равноправном содружестве и партнерстве супругов.

В ходе опроса большинство опрошенных отвечали, что будучи родителями стремятся проводить со своими детьми как можно большее количество времени – от четырех до шести и более часов в день. Родители регулярно общаются с детьми, помогают им в учебе, посещают кино, музеи, кафе или парки. В целом, женщины проводят со своими детьми большее количество времени, чем мужчины.

Участники опроса считают недопустимым применение физического наказания по отношению к детям. Родители уверены в том, что воспитание детей должно быть основано на любви к ребенку, а основным методом воздействия является личный пример и наставления.

Большинство участников опроса считают, что хорошо понимают своих детей и находятся с ними в доверительных отношениях. Они не согласны с утверждением, что современных родителей и детей разделяют разные взгляды и жизненные установки. В семьях узбекистанцев, как показал опрос, наблюдается преемственность семейных ценностей, т.е. у старшего и молодого поколения, в целом, наблюдается совпадение по наиболее значимым ценностям и взглядам.

Как показало исследование, участники опроса считают, что родительский долг по отношению к своим детям заключается, прежде всего, в том, чтобы дать ребенку хорошее образование. Результаты опроса свидетельствуют о стремлении узбекистанцев дать образование (особенно высшее) своим детям и готовность платить за образование. Во многом это объясняется тем, что вложение в образование детей родителями рассматривается как своего рода инвестиции в будущее.

Мониторинг опросов общественного мнения показал, абсолютное большинство населения 90,7% отрицательно относятся к разводам. В числе главных причин, приводящих к распаду семьи граждане чаще всего называют неготовность молодых людей к семейной жизни, отсутствие у них достаточного жизненного опыта, неумение и/или нежелание идти на компромисс, уступать и невилировать конфликты, временные материальные трудности, несовпадение характеров и интересов у супругов.

Как показали результаты опроса, за годы независимости произошла демократизация семейных отношений узбекистанцев, появилась семья нового типа - основанная на нормах равенства мужа и жены в семье. Исследование выявило, что в таких семьях распределение ролей и обязанностей между супругами основывается на равной ответственности за укрепление семейных ценностей. Растет число респондентов, отмечающих, что в их семьях женщина вместе с мужчиной вносит вклад в семейный бюджет и принимает участие в его распределении.

Результаты опроса выявили, что в общественном мнении доминирует представление о семье как о группе людей, объединенной родственными и брачными узами и являющейся основой общества и государства. Семья, по мнению узбекистанцев, способствует дальнейшему укреплению и повышению стабильности и безопасности страны, население республики придает большое значение возрастающей роли семейных ценностей в воспитании и всестороннем развитии подрастающего поколения, граждане осознают степень ответственности семьи за будущее своих детей и общества в целом.

Благодарность

Статья подготовлена на основе результатов социологических исследований, проводимых в режиме мониторинга Центром изучения общественного мнения «Ижтимоий фикр» за 2009-2017гг. в Узбекистане.

Список источников

1. Конституция Республики Узбекистан. Т., 2012. ст. 63, 65.С.13
2. Конституция Республики Узбекистан. Т., 2012. ст. 64.С.13
3. Конституция Республики Узбекистан. Т., 2012. ст. 66.С.13

Информация об авторе

Рахимова Нигина Хайруллаевна, Республика Узбекистан, г. Ташкент, д.э.н., руководитель отдела анализа и научного обеспечения социологических исследований Центр изучения общественного мнения «Ижтимоий фикр» Узбекистан, Ташкент, площадь Мустакиллик 5/3, info@ijtimoiy-fikr.uz

Rakhimova N.K.

CONDITIONS AND FACTORS FOR ENSURING A STABLE AND PROSPEROUS FAMILY

In the article, on the basis of conducted sociological surveys of public opinion performed under the monitoring mode throughout the territory of the Republic of Uzbekistan, the issues of the highest priority in accordance with public opinion are considered, such as family and marriage, intergenerational relationships, parenting of children, and formation of a harmoniously developed younger generation. Particular attention is paid to identifying the role and function of the family in the life of individual and society as a whole. Appropriate ages of men and women for the creation of a family, as well as, the conditions and factors for ensuring a stable and prosperous family are analyzed. The qualitative characteristics of the young men and women needed to create a family are demonstrated in this paper.

Key words: Family relationships, marriage, sociological survey, men and women, younger generation, children.

Information about the author

Rakhimova Nigina Khairullaевна, Republic of Uzbekistan, Tashkent, Doctor of Economic Sciences,
Head of Department of Analysis and Scientific Support of Sociological Research at the Center for the Study of Public Opinion "Izhtimoiy Fikr", Uzbekistan, Tashkent, Mustakillik square 5/3, info@ijtimoiy-fikr.uz

УДК 316.62

А.Л. Сазонова

ЛЮБОВЬ КАК ВАЖНЕЙШИЙ КОМПОНЕНТ БРАКА

Статья посвящена анализу влияния феномена «Любовь между мужчиной и женщиной» на брачное поведение. Использовались материалы ряда социологических исследований с участием автора¹¹, а также «Левада-Центра» и «Фом».

¹¹ «Ежегодный мониторинг социальной сферы России» 2002-2009гг.; «Изменение образа жизни человека на постсоветском пространстве (1982-2008)» 2008; «Положение молодежи современного московского мегаполиса: потенциал и риски стабильного развития города» 2010; «Разработка предложений по вовлечению молодежи в спортивно- массовые мероприятия. Спортивное волонтерство и другие виды деятельности, как сдерживающий фактор роста количества молодых людей с девиантным поведением» 2011; «Молодёжь

Ключевые слова: любовь, семья, брачное поведение, ценностная детерминация.

Любовь занимает огромное место в жизни человека. Этот феномен пронизывает всю нашу жизнь, наполняя ее смыслом, заставляя ярче, острее ощущать включенность в процессы бытия, иницируя желание создавать, творить, изменять мир, делая его более счастливым. Любовь – важная составляющая внутреннего мира личности, одно из ключевых самовыражений жизни, открывающее человеку его сущность, отличную от других. Каждый человек любит по-своему, и, возможно, именно способность к любви делает человека человеком.

Способность любить это не только индивидуально-личностное свойство человека, а обязательный компонент совокупности социально значимых качеств индивида, способствующих гармоничной включенности его в систему социальных отношений с одной стороны, осуществлению активной социальной деятельности, с другой стороны.

Любовь является особым типом социальных взаимоотношений, а отношения, основанные на любви (или каким-либо образом детерминированные любовью) – суть универсальный тип взаимодействия, заполняющий значительную часть нашей жизни с детства до старости.

Любовь не просто, с необходимостью, коррелирует со смыслом жизни, а представляет собой важный компонент последнего (поиски коего – характерная черта менталитета русского человека), занимает особое место в ряду главнейших смыслов бытия личности, являясь «единственным разумным и удовлетворительным ответом на вопрос о смысле человеческого существования» (Э.Фромм), выполняя роль системно-образующего компонента.

Таким образом любовь правомерно причислять к категории «социальный конструкт» и, в этом аспекте, она, безусловно, отражает представления о базовых ценностях и «экзистенциальных благах», в которых выражены основные убеждения, принципы и жизненные цели, и стоит в одном ряду с конструктами счастья, веры, надежды, свободы, познания, труда, творчества, общения, наконец – самой жизни человека.

Любовь многолика, оставляя за скобками все многообразие ее проявления (любовь к Родине, к детям, к искусству,...) мы остановимся на такой её ипостаси как «любовь между мужчиной и женщиной», которая занимает значительное место в жизнедеятельности россиян. О чём свидетельствуют, например, данные опросов ФОМ и «Левада-Центра» в преддверии Дня Святого Валентина (февраль 2000, 2013 и 2016г.г.)¹.

Большинство россиян (76%) признается, что для них важно ощущать себя любимыми [12]; более 80% довелось в жизни испытать настоящую любовь; почти ¾ имеют любимых женщин/мужчин [13].

Исследования, в которых принимала участие автор, феномен «Любовь» исследовался в рамках системно-аксиологического подхода. Для примера возьмем данные исследования «Мониторинг социальной сферы России 2005 г.» (¾ субъектов РФ по репрезентативной выборке, n=2918).

Инструментарий включал таблицу из 23 разнопорядковых ценностей и вариант «другое» (таблица, а также методика определения рейтингов ценностей, ценностного ядра и периферии применялась нами во всех, указанных в сноске 1 исследованиях, кроме проекта «Изменение образа жизни человека на постсоветском пространстве», что даёт возможность компаративного анализа динамики ценностных систем наших соотечественников). Респондентам предлагалось определить значимость каждой из них лично для себя по пятибалльной шкале от позиции «высшая ценность» до позиции «не значима совсем». В списке ценностей была выбрана ценность «любовь между мужчиной и женщиной». С одной стороны, этот конкретный вид любви оставляет за скобками все многообразие ее проявления

Москвы: ценностные приоритеты, стратегии поведения и перспективы развития» 2013; «Молодежь Южной Осетии и России в контексте трансформационных и интеграционных процессов» 2014; «Представления московских студентов о семье» 2016

(в частности, любовь к детям, к искусству, к Родине и пр.), с другой стороны, исключается многозначность трактовки понятия «любовь», что упрощает процедуру измерения данного признака на практике и повышает достоверность полученной информации.

Мнения респондентов о значимости этой ценности были скоррелированы с их полом, возрастом, семейным положением, уровнем образования и материального благополучия, а также с вопросами блоков «Семья», «Социальное самочувствие», «Жизненные стратегии» и с их мнением о значимости других ценностей.

Полученные данные свидетельствуют об определенной обратной зависимости ценностных суждений от возраста (надо сказать, что данные наших исследований, проводимых в течении более чем 10 лет, с обязательным включением ценностного блока, а также ряда других исследований по близкой проблематике, свидетельствуют что «Любовь между мужчиной и женщиной» среди наиболее значимых ценностей зафиксирована, примерно, у 55-65% молодых россиян, у 45-55% людей среднего возраста и у 28-33% пожилых).

Еще более четкая прямая зависимость ценностного отношения к любви между мужчиной и женщиной была зафиксирована от уровня материального благополучия

Отношение к любви между мужчиной и женщиной как к высшей ценности, по нашим данным, не коррелирует значимо с признаком «уровень образования», а вот такой признак как «наличие опыта семейной жизни» оказался весьма существенным. В рамках указанного исследования, респондентов попросили выбрать из предложенного в опроснике списка (или вписать самим) 5 важнейших условий, необходимых для создания «крепкой» семьи и шкалировать их (от 1 до 5) по степени важности.

Все ответившие были разделены на 2 группы: 1. имеющие опыт семейной жизни и 2. не имеющие такового. В обеих группах «лидерами» рейтинга оказались 7 условий-ценностей (другие – «отсутствие вредных привычек», «аккуратность», «умение вести хозяйство» и т.п. были отмечены как важнейшие условия для создания крепкой семьи менее 25% респондентов) – Сексуальная удовлетворенность, Любовь между мужчиной и женщиной, Любовь к детям, Верность, Материальная обеспеченность, Собственное жилье, Психологическая совместимость.

Среди них «любовь между мужчиной и женщиной» обозначили примерно 70% в первой группе и более 80% во второй. Но её «рейтинг» оказался почти в два раза выше у второй группы – 75% против 44% у респондентов второй. Как тут не вспомнить классика: «...любовная лодка разбилась о быт».

Материальная обеспеченность, Собственное жилье, Психологическая совместимость во второй группе занимали 5, 6, и 7 места (65%, 52%, и 39%, соответственно). Зато в первой группе 1-е место среди важнейших условий-ценностей Материальную обеспеченность отметило почти 90% (1-е место рейтинга), Психологическую совместимость, вместе с Верностью – по 76% (2-е места), Собственное жилье – 65% (3-е место).

Но, объективно, показатели ведь всё равно высокие. Это свидетельствует о традиционно очень большом влиянии духовного явления «Любовь» на функционирование институтов семьи и брака в России (сохраняющемся даже в наше время). Причем классической любви, с присущим ей отсутствием сверхценности сексуальных отношений. Ещё А. Г. Харчев, на основании результатов исследований 60-х – 70-х гг., констатировал, что среди мотивов выбора супруга, факторов супружеского счастья и прочности брака женщины и мужчины на первое место ставят любовь. В социологических исследованиях стабильности брака во второй половине 70-х – начале 80-х гг. общность супружеских взглядов и интересов, чувство любви обнаруживается не только как ведущий мотив вступления в брак, но и как условие удовлетворённости супружеством (этот факт фиксировали и мы в своих исследованиях). Опросы 90-х-2000-х гг. показывают, что и в постсоветской России любовь оценивается большинством как необходимое условие для сохранения семьи.

Но рассматриваемый феномен является весомой детерминантой не только выбора «спутника жизни», оказывает влияние (а зачастую обуславливает) брачное поведение в целом (направленное на заключение брака или уклонение от него, на сохранение и упрочение брака или его расторжение и т.п.). Более того, любовь оказывается детерминантой демографического поведения, включающего в качестве подсистем не только брачное поведение но и: репродуктивное поведение, представляющее собой систему действий, направленных на рождение какого-либо числа детей или отказ от их рождения; самосохранительное поведение, цель которого – сохранение здоровья, продление жизни; миграционное поведение.

Демографическое поведение по своему характеру и содержанию является, прежде всего, поведением нравственным. Хотя оно, конечно же, детерминировано реальными социально-экономическими, социально-политическими, правовыми, культурными, бытовыми и другими условиями, представляющими в совокупности среду функционирования.

Нравственное поведение – суть образ жизни субъекта в ситуациях, характеризующихся альтернативной возможностью действия, (т.е. допускающих возможность выбора в рамках объективной необходимости). Такая возможность выбора, называемая нравственной свободой личности, предполагает, с одной стороны, его мотивацию, согласование с нравственными нормами, общественными ценностями (общества, класса, группы), с собственной совестью человека; с другой стороны – ответственностью за сделанный выбор и его последствия. Будучи одной из форм взаимодействия личности и общества, индивидуальных, групповых и общественных потребностей, интересов, ценностных ориентаций, нравственное поведение противоречиво в своей основе, а характер противоречивости определяется как противоречиями среды, так и противоречивой природой самого человека.

Как социальное отношение брак имеет преимущественно нравственно-правовую природу, поскольку мужчина и женщина выступают в нем как личности и граждане государства. Поэтому брачное поведение (и, собственно демографическое поведение вообще) есть результат взаимодействия объективных и субъективных факторов, но прежде всего – результат взаимодействия физиологических, психических и интеллектуальных характеристик индивида. От характера брачных отношений в значительной мере зависят не только количественные и качественные показатели воспроизводства населения, но и духовное состояние новых поколений. Поэтому забота о воспитании (привитии, формировании) адекватной общественным потребностям культуры брака, включающей и культуру брачного, а шире - демографического в целом, поведения, есть насущная задача общества.

В числе нравственных ценностей, имеющих большое значение для качества и стабильности брака феномен «Любовь» занимает особое место.

Еще Э. Фромм называл любовь способностью зрелой, творческой личности. Утрата или неразвитость способности любить ведет к социальной деградации личности. А социальная деградация и институт семьи и брака – несовместимые понятия. Семьянин не может быть носителем животных инстинктов. К сожалению, отечественные СМИ насаждают в российском обществе (особенно воздействуя на молодежь) то, что Б. Рассел определял как «социальную модель патологии любви». Программы подготовки подростков и молодёжи к браку и семейной жизни (целью которых должно быть просвещение в сфере брачно-семейных отношений и формирование убеждений, установок, способствующих построению успешной, стабильной семьи и соответствующего им типа брачного поведения) сплошь и рядом сводятся к подмене отношений, основанных на любви и ответственности «безопасным сексом», потребительским поведением, а иногда – обоснованием нормальности гомосексуальных отношений.

Поэтому формирование и развитие важнейшего социального свойства – любви крайне актуально как для развития личности, так и для воспроизводства общества. Общество

может и должно активно влиять на этот процесс посредством своих институтов, прежде всего, семьи, культуры, образования и др. Понятно, что целенаправленное воздействие не должно сводиться к навязыванию любви к кому-либо, чему-либо. Общество должно способствовать развитию самого свойства, качества любить; оказывать помощь в выборе, предлагать достойные развитой личности объекты любви с про- а не антиобщественными параметрами; вырабатывать критерии различения любви как высочайшего проявления личности от псевдолюбви и суррогатной любви.

Сегодня, когда ослабевают экономические связи между членами семьи, а развод становится социальной нормой, все большее значение для стабильности семьи и брака имеют отношения, которые Э. Гидденс назвал «чистыми отношениями», основанные исключительно на чувстве взаимной эмпатии, удовлетворенности семейными отношениями и т.п., в основе которых лежит любовь. Поэтому значимость социологического осмысления сущности любви как социального феномена вообще, а в ракурсе анализа брачного, а более широко – демографического поведения очевидна.

© Сазонова А.Л. Текст. 2017

Список источников

1. Ветошкин А.П. Нравственный путь развития России. Инновационное образование и экономика. 2013. № 13 (24). С. 56-60.
2. Сазонова А.Л. Вопросы методологии и методики в исследовании социального феномена «любовь» в современном обществе. Материалы Ивановских чтений. 2015. № 5. С. 174-182.
3. Сазонова А.Л. Ценность «крепкая семья» в повседневных практиках россиян. В книге: Страны БРИК в условиях глобального кризиса: потенциал и проблемы консолидации. IX Международный социальный конгресс. Материалы выступлений. Москва, 2010. С. 320-322.
4. Сазонова А.Л. Любовь как фактор демографического поведения. Мат-лы XII Межд. социального Конгресса 27 ноября 2012г. - М.: Изд-во РГСУ, 2012. С. 331-333
5. Социальные проблемы кризисного общества. Монография / Под редакцией доктора социологических наук, профессора Л. И. Михайловой. Москва, 2011.
6. Ярина Е.В. Особенности формирования ценностных ориентаций студенческой молодежи. Позиция. Философские проблемы науки и техники. 2013. № 7. С. 190-193.
7. Образ жизни в советской и постсоветской России/ Под общ. ред. А.А. Возьмителя и Г.И.Осадчей. – М.: Изд-во РГСУ, 2009.
8. Динамика социальной сферы России: реалии и перспективы: Информационно-аналитический бюллетень// Под общ. ред. Г.И. Осадчей и Л.И.Михайловой. – М.: Изд-во РГСУ, 2009
9. Ортега-и-Гассет Х. Этюды о любви. – М., 2003.
10. Фромм Э.Искусство любить.- М., «АСТ», 2014
11. Фромм Э.Иметь или быть.- М., «Прогресс», 1990
12. <http://pln-pskov.ru>
13. <http://fom.ru/TSennosti/10813>
14. http://bd.fom.ru/report/cat/val_/of010506

Информация об авторе

Сазонова Анна Львовна, РФ, Москва, канд. социолог. наук, доцент кафедры «Психология, социология, государственное и муниципальное управление» Гуманитарного института ФГБОУ ВО «Московский государственный университет путей сообщения Императора Николая II» (МИИТ), 127994, г. Москва, ул Образцова, д 9, стр. 9, E-mail: tu@miit.ru

LOVE AS AN INTEGRAL PART OF MARRIAGE

The article is devoted to analysis of the impact of the phenomenon of "love between a man and a woman" on the marriage behavior. Used materials of the sociological research with the participation of the author of "Levada-center", and "FOM".

Key words: love, family, marriage behavior, and value determination.

Information about the author

Sazonova, Anna L., Russia, Moscow, Cand. sociologist. Sciences, associate Professor of "Psychology, sociology, state and municipal control of" Humanitarian Institute of FSBEI "Moscow state transport University of Emperor Nicholas II" (MIIT), 127994, Moscow, Obraztsova str, q 9, p. 9, E-mail: tu@miit.ru

УДК: 314.5

А.Л. Синица

ПЕРВЫЙ БРАК И ЕГО ХАРАКТЕРИСТИКИ В СТРАНАХ БЫВШЕГО СССР В 1990-2015 ГОДАХ

На основе данных статистических ведомств стран бывшего СССР изучается динамика изменения среднего возраста вступления в первый брак и доли первых браков в 1990-2015 годах. За рассматриваемый период возраст вступления в первый брак в большинстве стран возрос, а доля таких браков изменилась слабо.

Ключевые слова: возраст вступления в первый брак, доля первых браков, страны бывшего СССР, дифференциация демографических процессов, региональная демография.

Тенденции в сфере брачности и разводимости оказывают большое влияние на социально-экономическое развитие общества (например, на воспроизводство населения и его уровень жизни) и вынуждают учитывать их при разработке планов развития. Однако важность этих тенденций не осознается, поскольку далеко не все статистические службы стран бывшего СССР собирают и публикуют необходимые сведения, что приводит к просчетам при разработке и реализации государственной политики. Это касается в первую очередь Туркменистана и Узбекистана, но прочие страны тоже не лишены недостатков.

Анализ брачной структуры населения по данным переписей населения свидетельствует о снижении доли состоящих в браке и увеличении долей никогда не состоявших в браке и разведенных или разошедшихся. Динамика изменения общих коэффициентов брачности и разводимости дает более противоречивую картину, но в значительной степени это связано с событиями 1990-х годов и изменением половозрастной структуры населения. Это свидетельствует о значительных переменах в общественном мнении и является негативным симптомом, хотя и объяснимым в рамках концепции второго демографического перехода и соответствующим мировым тенденциям.

Одной из самых неблагоприятных тенденций для большинства стран является постарение возрастной модели брачности, которое наблюдается на фоне увеличения среднего возраста населения и снижения ценности брака в общественном сознании. В данной статье мы рассмотрим особенности данного процесса в странах бывшего СССР, его причины и последствия, а также устойчивость этих браков.

Объект и методы исследования

Целью работы является рассмотрение динамики изменения возраста вступления в первый брак и доли первых браков среди всех браков в странах бывшего СССР в 1990-2015 годах. Это шире только Евразийского экономического союза (ЕАЭС), но более интересно,

поскольку позволяет нам рассмотреть уровень демографического развития соседних с ЕАЭС стран со схожей историей.

Выбор именно этих показателей связан с тем, что общий коэффициент брачности освобожден от влияния численности населения, но зависит от его структуры, что не позволяет нам сравнивать страны между собой. Средний возраст вступления в первый брак и доля таких браков меньше зависят от возрастной структуры населения, а больше от экономических и культурных особенностей. Выбор периода обусловлен тем, что 25 лет – длина одного поколения и достаточный период для подведения итогов развития за время независимости. В работе мы использовали данные национальных статистических ведомств, поскольку их данные более надежные по сравнению с данными международных организаций.

В отношении среднего возраста вступления в первый брак ни за один из годов у нас нет данных по России, Туркменистану и Узбекистану. В отношении доли первых браков среди всех браков ни за один год у нас нет данных по Армении, Туркменистану и Узбекистану. Для остальных стран у нас есть данные хотя бы за один год.

Какие причины обусловили описанные ниже тенденции? Динамика изменения возраста вступления в первый брак и доли первых браков среди всех браков обусловлены рядом причин. Некоторые из них являются общими для всех стран, другие свойственны лишь некоторым. К первым мы можем отнести увеличение числа сожительства у молодежи [6; 10], динамику изменения половозрастной структуры населения [3; 4], потребительское отношение к жизни [8], повышение ценности профессионального статуса и неготовность к несению ответственности [1]. Ко вторым относятся религиозная структура населения в странах Балтии (например [10]), отношение к полигамии в странах Средней Азии [7; 9; 11], отрицательное отношение к повторным бракам в странах Закавказья и Средней Азии, что снижает число фактически распавшихся союзов [2; 5; 9].

В 1990 г. средний возраст вступления в первый брак у мужчин составлял 24-27 лет (см. рис. 1 слева), а у женщин – 21-23 года (см. рис. 1 справа). Из тех стран, по которым данные есть, в отношении возраст вступления мужчин в первый брак мы можем сформировать две группы. К группе с низким возрастом (24 г.) относились Беларусь, Латвия, Литва, Таджикистан, Украина, Эстония. Минимальный возраст был в Литве (24,2 г.). К группе с высоким возрастом (25 лет и более) относились Азербайджан, Армения и Грузия. Максимальный возраст был в Грузии (27,0 г.). У женщин возраст был более однородным, но и здесь мы можем выделить две группы стран. К группе с низким возрастом (менее 23 лет) относились Армения, Беларусь, Латвия, Литва, Эстония, Таджикистан, Украина. В двух последних странах возраст вступления в первый брак был самым низким (21,5 г. и 21,8 г., соответственно). К группе с высоким возрастом (более 23 лет) относились Азербайджан и Грузия, в которой он был самым большим (23,9 г.). Наибольшими различия между средним возрастом вступления в первый брак у мужчин и женщин были в Азербайджане (3,0 г.), Армении (3,2 г.) и Грузии (3,1 г.). Средние различия отмечались в Таджикистане (2,8 г.), Украине (2,4 г.) и Эстонии (2,1 г.). Наиболее низкими они были в Беларуси (1,9 г.), Латвии (1,8 г.) и Литве (1,8 г.).

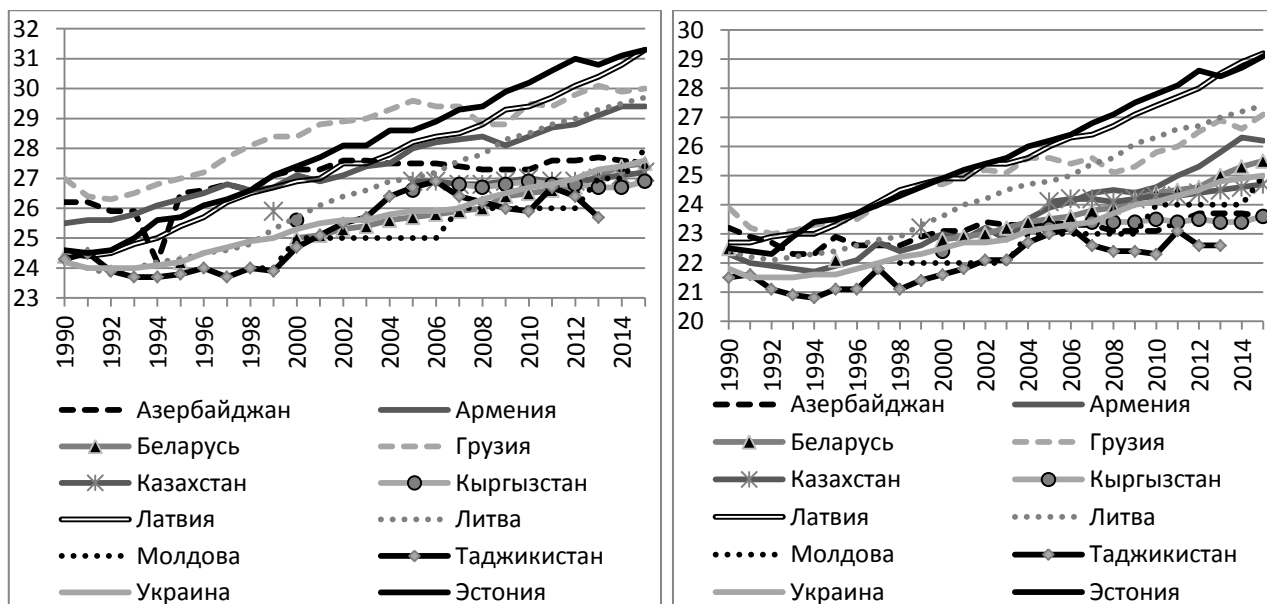

Рис. 1. Возраст вступления в первый брак у мужчин (слева) и у женщин (справа) в странах бывшего СССР в 1990-2015 годах (в годах)

За 2015 г. нам доступна информация по большему числу стран, но и здесь у мужчин мы можем выделить две группы. К группе стран с низким возрастом вступления в брак (26-28 лет) относились Азербайджан, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Украина и Таджикистан, в котором возраст вступления в брак был самым низким. К группе стран с высоким возрастом (более 29 лет) относились Армения, Грузия, Латвия, Литва и Эстония. Наиболее высоким (31,3 г.) он был в Латвии и Эстонии. В отношении среднего возраста вступления в первый брак у женщин мы тоже можем выделить две группы стран. Низкий возраст отмечался в Азербайджане, Беларуси, Казахстане, Кыргызстане, Молдове, Украине и Таджикистане, в котором средний возраст вступления в первый брак был минимальным. Высокий возраст (более 26 лет) отмечался в Армении, Грузии, Латвии, Литве и Эстонии. Наиболее высоким он был в Латвии (29,2 г.) и Эстонии (29,1 г.).

К 2015 г. разница между средними возрастами вступления в брак у мужчин и женщин возросла до 2,7 лет. Высокие (более 3 лет) различия отмечались в Армении, Кыргызстане, Молдове и, вероятно, Таджикистане. Также к этой группе стран близка Грузия (2,9 г.). Максимально разница была в Азербайджане (3,9 г.). Низкими различия были в Беларуси, Казахстане, Латвии, Литве, Украине и Эстонии. Наиболее низкими (2,1 г.) они были в Беларуси и Латвии.

Средний возраст вступления в первый брак к 2015 г. у мужчин возрос во всех странах. Мы можем выделить три группы стран. К странам с низким приростом относятся Азербайджан и Таджикистан, в которых прирост составил 1,3-1,4 г. К группе стран со средним приростом относятся Армения, Беларусь, Грузия и Украина. В них прирост составил 3-4 г. Самый высокий прирост (5-6 лет) наблюдался в странах Балтии, хотя в Литве он был несколько ниже (всего 5 лет), тогда как в Латвии и Литве он составил 6,7-6,8 лет. В отношении среднего возраста вступления в первый брак женщин мы тоже можем выделить три группы стран. Самый низкий прирост наблюдался в Азербайджане и Таджикистане, причем в Азербайджане он составил всего 0,4 г., что является минимальным значением. В Армении, Беларуси, Грузии и Украине (страны со средним приростом) он составил от трех до четырех лет. Наиболее высокий прирост отмечался в прибалтийских странах. В Литве он был ниже (5 лет), а в Латвии и Литве он был самым высоким и составлял 6,5-6,6 г.

Мы видим, что в Беларуси и Таджикистане возраст вступления в первый брак традиционно низкий, а в Армении и Грузии – высокий. В странах Балтии, Армении, Грузии, Молдове и Украине ситуация ухудшилась. Также мы можем предполагать это и в отношении Беларуси, хотя данных за все годы у нас нет. В Азербайджане ситуация, на наш взгляд,

наиболее благоприятная. В Казахстане, вероятно, тоже. Что касается Кыргызстана и Таджикистана, то сказать однозначно, что низкий возраст вступления в первый брак в них является однозначно положительным итогом, нельзя из-за целого комплекса социально-экономических проблем, которые наблюдаются в этих странах. Возможно, в них средний возраст вступления в первый брак должен быть увеличен.

За 1990 г. данные о доле первых браков среди всех браков нам доступны только по четырём странам. По Таджикистану у нас есть данные за 1991 г., а по Эстонии – за 1992 г. Доля первых браков у мужчин составляла 75-90% (см. рис 2 слева), а у женщин – 80-93% (см. рис. 2 справа). Минимальный уровень по обоим полам отмечался на Украине (75,6% у мужчин и 77,3% у женщин), хотя, скорее всего он был самым низким в Эстонии и, возможно, в других прибалтийских странах. Также низкой доля была в Беларуси и Молдове. В Грузии и Таджикистане доля первых браков по обоим полам была высокой. Различия в доле первых браков были более низкими в Беларуси (1,0 г.) и Украине (1,7 г.), а более высокими – в Грузии (3,8 г.) и Молдове (3,2 г.).

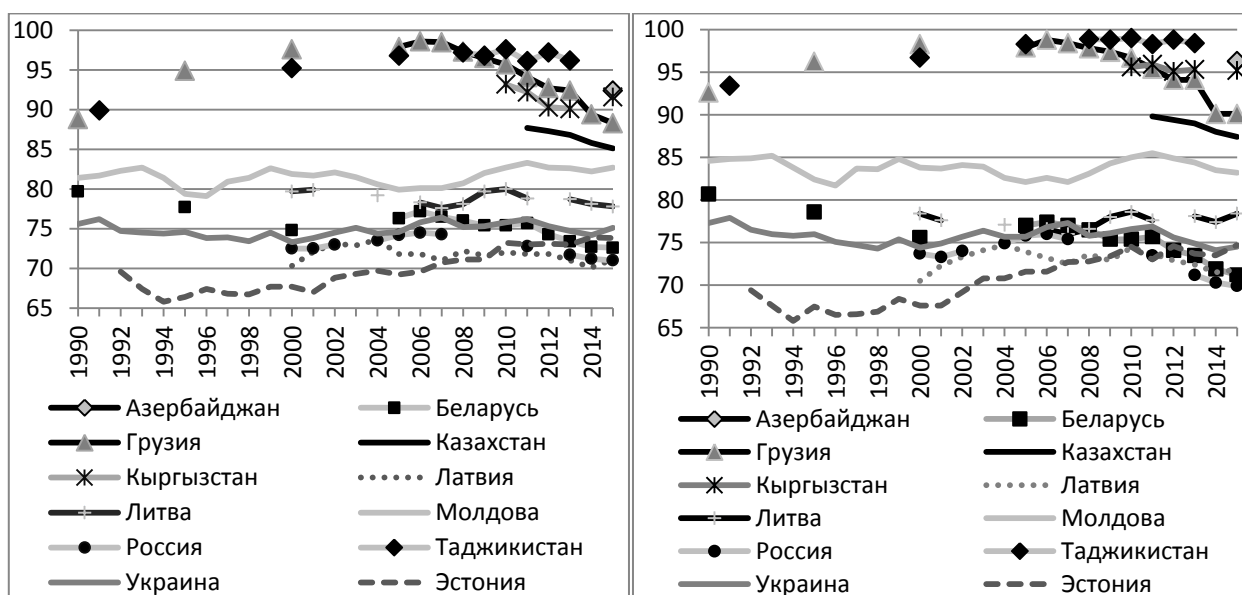

Рис. 2. Доля первых браков среди всех браков у мужчин (слева) и у женщин (справа) в странах бывшего СССР в 1990-2015 годах (в процентах)

За 2015 г. у нас есть данные по всем странам, кроме Таджикистана. В отношении мужчин мы можем выделить три группы стран. К странам с низкой долей первых браков (менее 80%) относились Беларусь, Латвия, Литва, Россия, Украина и Эстония. Наиболее низкой она была в Латвии (71,1%) и России (71,0%). К странам со средним уровнем относились Грузия, Казахстан и Молдова, хотя последнюю можно отнести и к первой группе стран. Высокая доля первых браков (более 90%) отмечалась в Азербайджане, Кыргызстане и Таджикистане. Наиболее высокой она была, скорее всего, в Таджикистане (96,2% в 2013 г.). В отношении доли первых браков у женщин мы тоже можем выделить три группы стран. Низкая доля первых браков (менее 80%) отмечалась в Беларуси, Латвии, Литве, России, Украине и Эстонии. Наиболее низкой она была в России (69,9%). К группе со средней долей относились Грузия, Казахстан и Молдова. Высокой (более 95%) доля первых браков была в Азербайджане, Кыргызстане и Таджикистане. Самой высокой она была, вероятно, в Таджикистане (98,4% в 2013 г.).

В отношении разницы между долями первых браков у женщин и мужчин ситуация в 2015 г. сильно отличалась по сравнению с 1990 г. Мы можем выделить три группы стран. В первой группе доля первых браков у женщин была ниже, чем у мужчин, то есть женщины чаще вступали в повторные браки. Вероятно, это связано с половозрастной структурой населения. К этой группе относились Беларусь, Россия и Украина. Наиболее высокой разница была в Беларуси (1,4 г.). В прочих странах доля первых браков была выше у

женщин. К группе со средними различиями (0,5-0,9 г.) относились Латвия, Литва, Молдова и Эстония. Группа с высоким различиями неоднородна. Наиболее высокими (более 3,5) они были в Азербайджане, Кыргызстане и, вероятно, в Таджикистане. Более низкими, но все же достаточно высокими они были в Грузии (1,8 г.) и Казахстане (2,3 г.).

Наибольшим снижением доли первых браков было в Беларуси (на 7,1 и 9,5 процентных пункта). В Грузии, Молдове и Украине снижение было относительно небольшим (соответственно на 0,5 и 2,5, -1,3 и 1,4, 0,5 и 2,8 процентных пункта), а в Молдове у мужчин даже наблюдался некоторый рост. Увеличение было наибольшим в Таджикистане (на 6,3 и 5,0 процентных пункта) и Эстонии (на 4,2 и 5,3 процентных пункта). Также следует отметить, что во всех странах, кроме Эстонии, у женщин доля первых браков сократилась сильнее, а возросла в меньшем объеме по сравнению с мужчинами.

В странах Средней Азии (кроме Казахстана) и Эстонии доля первых браков за рассматриваемый период увеличилась, а в Беларуси, России и на Украине – сократилась. При этом в Средней Азии (кроме Казахстана) и Азербайджане доля первых браков очень высока, а в европейских странах бывшего СССР она низкая. Грузия, Казахстан и Молдова являются промежуточными странами, но мы предполагаем, что в ближайшие годы доля первых браков в Грузии и Казахстане продолжит снижение и преодолеет уровень 80%. За последние 10 лет во всех странах доля первых браков колебалась вокруг некоторого уровня или снижалась, поэтому пример Эстонии, в которой удалось ее значительно поднять по сравнению с 1990-ми годами является очень интересным и требует отдельного подробного рассмотрения. Что касается различий в долях первых браков по полу, то в Беларуси, России и на Украине у женщин она ниже, что можно объяснить особенностями половозрастной структуры населения в этих странах.

Проведенный анализ показал, что средний возраст вступления в первый брак растет. Это обусловлено комплексом причин, имеющих как экономическую, так и социальную основу. Более того, далеко не во всех странах процесс роста возраста остановился. На этом фоне динамика изменения доли первых браков среди всех браков является более противоречивой, но в целом за период изменилась слабо. Мы считаем, что средний возраст вступления в первый брак продолжит расти. Особенно сильно он увеличится в странах Средней Азии, тогда как в странах Балтии он уже и так высокий, но продолжает увеличиваться. Доля первых браков среди всех браков в странах, в которых она высока, продолжит снижение, тогда как в странах с низкой долей она изменится слабо или немного увеличится.

© Сеница А.Л. Текст. 2017

Благодарность

Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ № 15-02-00599 «Демографическое развитие постсоветского пространства».

Список источников

1. Андрейковец Е.М. Динамика семейных устоев в современной Беларуси // Теория и практика общественного развития. 2015. № 19. С. 21-24.
2. Джураева Д.Г. Брачность населения Таджикистана // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. 2012. № 2 (18). С. 147-159.
3. Денисенко М.Б., Калмыкова Н.М., Недолужко О. Брачность и рождаемость в Киргизии // Демоскоп Weekly. № 493-494. Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0493/demoscope493.pdf>.
4. Лин Д.Г., Парахневич А.В., Предыбайло С.Д. Опыт анализа не состоящих в браке в Беларуси // Социологические исследования. 2007. № 9. С. 99-101.
5. Меладзе Г., Бадурашвили И., Капанадзе Э. Показатели брачности и разводимости в Грузии // Труды Географического общества Республики Дагестан. 2010. Т. 38. С. 77-90.

6. Слюсар Л.И. Институт брака: современные проблемы и приоритеты государственной политики // Научные труды Донецкого национального технического университета. Серия экономическая. 2011. № 2 (40). С. 226-231.
7. Тегизбекова Ж. Многоженство по нормам обычного права кыргызов // Ученые записки Худжандского государственного университета им. Академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. 2012. № 3 (31). С. 199-204.
8. Agadjanian V., Makarova E. From Soviet modernization to post-Soviet transformation: Understanding marriage and fertility dynamics in Uzbekistan // Development and Change. 2002. Vol. 34. No. 3. P. 447-473.
9. Cleuziou J. 'A second wife is not really a wife': polygyny, gender relations and economic realities in Tajikistan // Central Asia Survey. 2015. Vol. 36. No. 1. P. 76-90.
10. Katus K., Puur A., Sakkeus L. Family formation in Baltic Countries: A Transformation in the Legacy of state socialism // Journal of Baltic Studies. 2008. Vol. 39. No. 2. P. 123-156.
11. Pogrebov I.B. Prevalence and Assessment of Polygamy in Uzbekistan // Russia Social Science Review. 2006. Vol. 47. No. 6. P. 57-64.

Информация об авторе

Синица Арсений Леонидович (Россия, Москва) – к.э.н., н.с., Лаборатория экономики народонаселения и демографии, экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. Почтовый адрес: Российская Федерация, 119991, г.Москва, ГСП-1, Ленинские горы, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 3-й новый учебный корпус, Экономический факультет. E-mail: sinita@econ.msu.ru.

Sinita A.L.

FIRST MARRIAGE AND ITS CHARACTERISTICS IN THE EX-USSR COUNTRIES IN 1990-2015

On the basis of the statistical agencies of the ex-USSR countries the dynamics of the age at first marriage and the first marriages share in 1990-2015 is analyzed. During the period under consideration the age at first marriage for the most countries has increased, and the first marriages share has changed a little.

Key words: age at first marriage, first marriages share, ex-USSR countries, population processes differentiation, regional demography.

Information about the author

Sinita Arseniy Leonidovich (Russia, Moscow) – Cand. of Sci. (Econ.), Researcher, Laboratory for population economics and demography, faculty of economics, Lomonosov, Moscow State University. Russian Federation, 119991, Moscow, GSP-1, Leninskije gory, Lomonosov Moscow State University, 3rd new academic building, faculty of economics. E-mail: sinita@econ.msu.ru.

УДК: 314.5

Н. Н. Старцева

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ О СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЯХ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

В статье на основе анализа статистических данных, результатов вторичных и авторских исследований конструируется образ идеальных семейно-брачных отношений для современной молодёжи, осуществляется поиск ответа на вопрос: почему конструируемый образ не реализуется на практике, а остаётся лишь теоретической моделью?

Ключевые слова: брачность, брачные отношения, детность, молодёжь, разводимость, семья

Современная молодёжь ленива, легкомысленна и не задумывается о завтрашнем дне, она ориентирована на получение сиюминутных удовольствий и материальных выгод, которые не являются следствием тяжелого труда, её поведение основано на ценностных ориентирах: деньги, карьера, самореализация, – это самые распространённые мнения о представителях молодого поколения. Стереотипы, характеризующие молодёжь, развенчиваются или предстают в другом свете при обращении к статистической информации и данным социологических исследований. Анализируя результаты всероссийских опросов общественного мнения можно определить, что на первом месте в ценностной структуре современной молодёжи (от 18 до 30 лет) стоит «взаимопонимание, хорошие отношения в семье» (75%), на втором – «материальное благополучие, комфорт» (62%), третьем – «хорошая физическая форма и самочувствие» (30%) [6].

Таким образом, ценности молодежи достаточно традиционны (семья, достаток, здоровье) и в целом соотносятся с ценностями всего населения нашей страны, и ценностями представителей более старшего поколения россиян (семья – 64%, безопасность – 51%, достаток – 43%) [2].

В этой связи можно предположить, что семья хоть и является базовой ценностью для всех россиян, но её образ рисуется неодинаково представителями разных поколений? Однако, анализ данных социологических исследований опять фиксирует обратное.

Так, идеальная семья и для молодёжи, и для представителей средней, и старшей возрастных групп – это семья, основанная на взаимопонимании, поддержке и уважении друг к другу, пусть даже иногда и переживающая финансовые трудности (до 35 лет – 84%; 35 – 59 лет – 89%; старше 60 лет – 87%); основанная на равноправии мужа и жены (51%, 52%, 53% соответственно) и готовности их к совместному преодолению всех трудностей (78%, 76%, 79% соответственно); та, члены которой считают интересы семьи в целом важнее частных интересов отдельных её членов (67%, 70%, 78% соответственно) [4]. Следовательно, образ идеальной семьи молодёжь не определяет как-то иначе, а наделяет характеристиками идентичными тем, что фиксируют представители более старшего поколения.

Несмотря на то, что семья определяется всеми поколениями россиян как базовая ценность, и в представлениях об идеальной семье у представителей отдельных возрастных групп практически нет никаких отличий, существует иная разница – между транслируемым молодёжью образом и реализуемыми практиками брачного поведения.

Результаты проведённого нами исследования среди студентов УрГУПС второго – четвёртого курсов гуманитарных и технических направлений подготовки (N=540 человек), методом контент-анализа текстов эссе, позволили выявить некоторые представления студенческой молодёжи об идеальном типе семьи. Было определено, что идеальная семья для студентов это семья нуклеарная, полная, имеющая детей (юноши хотели бы иметь двух и более детей, девушки одного и более детей), основанная на равноправии, взаимопонимании, доверии, честности и любви между членами семьи. Но как же эти данные соотносятся с реальной статистикой брачности, разводимости и детности?

Согласно данным Росстата в 2015 году 53% браков закончились разводом [1]. По данным на 2010 год около 27,3% семей – это неполные семьи (материнские или отцовские), лишь 42,2% – семьи полные с детьми, 30,5% – супружеские пары без детей [8, с. 2]. Доля рождённых женщиной за свою жизнь – 1,75 детей. В связи с этим хотелось бы понять, почему конструируемый образ идеальной семьи и брачных отношений не реализуется на практике, а остаётся лишь теоретической моделью?

Как показал проведённый анализ ценности и цели современной молодёжи благие и ни в чём не уступают ценностям и целям представителей более старшего поколения. Однако тот образ жизни, который нередко ведёт молодёжь, не может привести к реализации этих целей и поддержанию этих ценностей в жизни. У молодого поколения всё хорошо с нормативной структурой, они знают *как должно быть* в идеале, но *как достичь* этого идеала, корректно

выстроить эту схему причинно-следственных связей, хотя бы у себя в голове, а потом уже и в конкретных действиях, – вот с этим серьёзные проблемы. Они все хотят полную семью, но не хотят трудиться на благо отношений и семьи (девушки нередко отвечают, характеризуя идеального брачного партнёра: *«он должен меня обеспечивать,.. любить,.. понимать...»*; *«должен быть хорошим отцом...»* и ни слова о том, а что же должна сама юная леди! юноши им вторят: *«она должна быть красивой, спортивной,.. стать матерью моих детей»*, а где сам рыцарь?!); они хотели бы иметь здоровых детей, но пока считают, что добрачные сексуальные отношения допустимы (лишь 16 % девушек в возрасте от 18 до 24 лет не воспринимают сексуальную свободу как руководство к действию) [7] и аборт – это нормально (каждая 10 девушка в возрасте от 15 до 24 лет прерывала беременность) [3, с. 72].

Извечный вопрос – что делать? Как «идеал» сделать реальностью?

Во-первых, познать себя (кто Я, что Мне действительно нужно?), благо для этого сегодня у нас есть целая сеть служб психологической помощи, тренинговых агентств, фактически все образовательные учреждения имеют психологов и даже целые штаты сотрудников, занимающихся подобной помощью или дающие необходимые консультации.

Во-вторых, найти реальный пример «идеала» (состоявшейся семьи, отношений супругов, состоявшейся женщины/мужчины, матери/отца), которые бы хотелось воспроизвести в своей жизни, и попытаться это сделать. С последним как раз серьёзные проблемы. Идеал в реальной жизни можно встретить достаточно редко и поэтому за эталон молодёжь берёт модель родительской семьи, которая отнюдь не идеальна (27% неполные семьи, в большинстве своём малодетные семьи, в которых не формируется модель отношений с представителями обоих полов), либо модель семейных отношений, конструируемую в сериалах и художественных фильмах, транслируемых телевидением (это чаще семьи нестабильные, находящиеся в процессе развода или только после развода – 50%, а также материнские семьи – 25%; это сексуально-романтические отношения без образования семьи и рождения детей – 30%, семьи без детей – 22,5%, с одним ребёнком – 32,5%, либо семьи с двумя и тремя детьми – по 7,5% соответственно; это семьи, в которых женщина или мужчина успешно заключают повторные вторые, третьи браки, хотя статистика говорит нам о том, что такие случаи достаточно редки, так, 50% мужчин и лишь 25% женщин после развода вновь вступают в брак, при этом удовлетворённость жизнью у переживших развод ниже, чем у тех, кто никогда не разводился, вместе с этим во втором браке выше вероятность разводов, чем в первом браке) [5]. Самые распространённые сюжеты в таких фильмах это гостевой брак, повторный брак, супружеская измена, которые не осуждаются, а сюжет построен так, что зритель испытывает симпатию и жалость по отношению к антигерою (изменившему, ушедшему из семьи и оставившему своих детей и пр.).

Если родительская семья и СМИ не дают нам эталона построения семейно-брачных отношений, то откуда взяться здоровой семье?

Молодёжь её ценности и возможности их демонстрации на уровне индивидуального поведения – это забота, в первую очередь, государства, как регулятора семейно-брачных отношений и агента задающего ценностно-нормативную систему, в рамках которой будет действовать всё общество. Государство не должно отстраняться от проблем семьи, ограничиваясь лишь экономическими мерами стимулирования рождаемости и попытками точечного поддержания особых семей и особых детей (где те самые духовные скрепы, которые на фоне идеологического разнообразия так и не были выработаны и, наверное, уже не будут выработаны). Во-вторых, формирование ценностей и демонстрация возможных путей их презентации в индивидуальном поведении – это забота родительской семьи, которая должна быть ответственна за действия членов семьи (родителей, детей), в-третьих, – системы образования, которая способна, через преемственность образовательных программ и корпус профессионалов научить подрастающее поколение критически мыслить и осуществлять рациональный выбор, выстраивать причинно-следственные связи и их отслеживание на уровне индивидуального поведения.

Список источников

1. Браки. Разводы [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 05.05.2017).
2. Главные жизненные ценности россиян [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/infografika/20110704/396207065.html> (дата обращения: 05.05.2017).
3. Демографический ежегодник России. 2015: Стат. сб./ Росстат. – М.: 2015. – 263 с.
4. Идеальная семья – 2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115768> (дата обращения: 05.05.2017).
5. Лебедь О.Л., Синельников А.Б. Образ семьи в российских художественных фильмах // Социология. – 2013. – № 1. – С. 18-36.
6. Ориентиры и ценности молодых россиян [Электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru/TSennosti/13083> (дата обращения: 05.05.2017).
7. Поколение Selfie: пять мифов о современной молодежи [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115996> (дата обращения: 05.05.2017).
8. Семьи с детьми: статистический портрет [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/rosstat/smi/prezent-2_301013.pdf (дата обращения: 05.05.2017).

Информация об авторе

Старцева Наталья Николаевна (Россия, г. Екатеринбург) – кандидат социологических наук, доцент кафедры «Управление персоналом и социология», Уральский государственный университет путей сообщения (620034, г. Екатеринбург, ул. Колмогорова, д. 66, e-mail – NStarceva@usurt.ru).

Startseva N.N.

REPRESENTATIONS OF MODERN YOUTH ABOUT FAMILY AND MARRIAGE RELATIONS: SOCIOLOGICAL DIGRESSION

The article based on the analysis of statistical data, results of secondary and author's studies the constructed image of the ideal family relations for today's youth, the search for the answer to the question: why design the way were not implemented and remains only a theoretical model?

Keywords marriages, marital relations, dynasty, young people, divorce rate, family

Information about the author

Startseva Natalia Nikolaevna (Russia, Yekaterinburg), Candidate of Sociology, Docent, The department of personnel management and sociology, Ural State University of Railway Transport (620034, Ekaterinburg, Kolmogorova str., 66, e-mail – NStarceva@usurt.ru).

УДК: 31.314.5/6

А.И. Субхонов

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЕ СЕМЬИ И ЕЕ ПРОБЛЕМЫ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Семья как ячейка общества, является очень важным элементом развития народонаселения и экономики, качества уровни жизни, воспроизводства населения и др. В трансформационный период к рыночной экономики, семья начала меняет свой облик,

адаптируясь к новым вызовам, такими как ценности семьи, экономическая роль детей, внешняя трудовая миграция населения. В связи с этим возникает необходимость исследования семьи и ее устойчивость.

Ключевые слова: семья, институт семьи, воспроизводства населения, домохозяйства, статистика.

Семья как ячейка общества играет важную роль в формировании или деградации общества и занимает центральное место в демографической науке как один из факторов воспроизводства населения. Именно поэтому развитие семьи является объектом исследования таких предметов как демография, экономика, социология, медицина, антропология и ряд других предметов.

Республика Таджикистан как страна с огромным демографическим потенциалом с большим удельным весом молодежи в общей структуре населения, которая входит в брачный рынок и в последствие формирования семьи. Поэтому становится актуальным вопрос теоретического и практического анализа развития семьи, изменения качества семья в современных условиях.

В общем, развитие семьи и адаптация ее к современным условиям является для Республики Таджикистан наиболее актуальной социально-экономической и демографической проблемой в контексте общего социально-экономического развития страны, так как от семьи зависит воспроизводства трудовых ресурсов, социализация молодого поколения, соответствующей требованиям рынка.

На протяжении последних 25 лет независимости республики – семья развивалась и развевается, и в процессе своего развития переживала глубокие изменения, которые затрагивали все стороны данного института. С одной стороны эти изменения обусловлены закономерными сдвигами в обществе впоследствии социально-экономических преобразований, внешняя трудовая миграция населения, особенно последние время женская миграция населения, изменение сознания населения, эмансипация женщин и т.д., с другой стороны – гражданская война затянувшийся политическими нестабильностями деформировали процесс модернизации семьи.

В связи с этим возникает вопрос: тот уровень развития семьи, которого в Республике Таджикистан имеется, является положительным явлением или нет? В связи с этим сомнениями в понятие слова развитие приводим несколько источников о значение слова – развитие.

В демографическом энциклопедии дано следующие, определение, которое мы можем применить относительно развития семьи. Развитие народонаселения – процесс количественных и качественных изменений в народонаселения, усложнения его связей и отношений, ведущее на определенном этапе общественно-исторического развития к переходу населения из одного качественного состояния к другому, к смене типу народонаселения.[1. с. 629]

Семья как социальное явление становится объектом исследования и обсуждения большинства гуманитарных и естественных наук, средства массовой информации, особенно в последние годы в Республике Таджикистан. Возникает масса вопросов, связанные с интенсивностью исследования и обсуждения семьи в мировом сообществе и также в республике. Может быть это связано с механизмом формирования семьи, продолжительностью и расторжением брака, рождаемостью или смертностью в семье, количеством фактических или желаемых детей, воспитанием детей, функцией семьи, жилищными вопросами семей, обеспечением достойной устойчивой работы и заработной платы и т.д. в целом целый «букет» вопросов которые требуют на наш взгляд тщательного и глубокого исследования.

Семья как ячейка воспроизводства населения играет существенную роль в демографическом развитии страны. От времени ее формирования, стабильности, от числа детей в семье зависят темпы роста населения. Тем самым семья выступает как

непосредственный объект демографической политики, поскольку социальное управление демографическими процессами невозможно, если оно не учитывает особенности современной семьи [2. с. 3].

В демографическом энциклопедическом словаре дана следующее определение, что семья – основанная на браке или кровном родстве объединение людей, связанных общностью быта и взаимной ответственности. Семья, будучи одним из важнейших элементов социальной структуры и выполняя многие социальные функции, играет ничем не заменимую роль как в общественном развитии в целом, так и в жизни каждого человека. [3. с. 743]. Из данного определение следует понимать, что такие вопросы семьи как брак может быть изучены демографами и социологами, кровное отношение и рождение детей могут быть изучен медицинскими науки и в целом можно утверждать, что семьи изучаются многими дисциплинами таких как демография, экономика, социология, медицина, история, география, этнология и др. науками, а в последние годы семья становится предметом исследования междисциплинарных наук.

В демографической науке – семья исследуется в разных ракурсах. К примеру, одним из важнейших моментов является то что семью изучают как фактор воспроизводства населения, ибо все основные демографические индикаторы - динамика рождаемости и смертности, продолжительности жизни населения зависит от количество семей в любой исследуемой стране, то есть демографическая пирамида, которая отражает половозрастной структуры населения. Дальше, от количества семей и расторгнутых браков зависят формы брака, тип семьи и многоженства и др.

Вопросы семьи, таких как брачность, разводимость, мотивы и факторы брачности и разводимости, типы и формы семьи, связь рождаемости с семьей и обратно, влияние миграции населения на брачное и матримониальное поведение были исследованы в работах таких ведущих демографов Таджикистана как – Исламова С.И., Исломова Ф.С., Касымовой М.К., Субхонова А.И. и других ученых, которые внесли огромный вклад в развитие теории брачно-семейных отношениях населения республики.

Однако, необходимо отметить, в условиях рыночной экономики и из-за субъективных и объективных факторов наблюдается увеличение разводимости населения, омоложение расторгнутых браков, хотя возраст вступления в первый брак повышается. В целом индикаторы развития семьи показаны далее.

На наш взгляд было бы очень плодотворным исследованием, если начинаем с количеством семьи. Но впредь необходимо отметить, что в последние годы в официальных статистических сборниках вместо семьи, указывается домохозяйства, хотя между ними огромная разница.

Также, особенно хотелось подчеркнуть, что в Республике Таджикистан самой малоизученной остается область современных взглядов молодежи на брак и семью, на матримониальное поведение, отношения молодежи к сексуальным отношениям во время супружеской жизни, особенно на фоне усиленной внешней трудовой миграции населения, особенно мужского пола.

К примеру, в составе домохозяйства могут быть учтены лица, которые не являются членом семьи, не имеющие родственных связей с его членами, но проживают в данном помещении и ведут единое хозяйство.

На наш взгляд, слова домохозяйство, который используется при учетах семьи, было связано с социально-экономическими и социально-политическими преобразованиями.

В целях плодотворности научных исследований на наш взгляд, было бы приемлемо анализировать нынешнее состояние семьи (или как принято домохозяйство), ее структуру в Республике Таджикистан.

Таблица 1.

Численность домохозяйств РТ по состоянию 2010 года¹

В том числе домохозяйства, состоящих из:												
Численность членов домохозяйств	Число домохозяйств	1 человек	2 человек	3 человек	4 человек	5 человек	6 человек	7 человек	8 человек	9 человек	10 человек и более	
											Число домохозяйств	В них членов домохозяйств
Городское и сельское население												
7523010	1197187 6,2 чел.	3804 2	6538 8	8888 4	1535 53	1933 40	2041 72	1377 70	9550 4	57525	163009	2035449
<i>В %</i>	<i>100,0</i>	<i>3,2</i>	<i>5,5</i>	<i>7,4</i>	<i>12,8</i>	<i>16,4</i>	<i>17,1</i>	<i>11,5</i>	<i>8,0</i>	<i>4,8</i>	<i>13,6</i>	<i>12,5</i>
Городское население												
1981268	32,3%	2827 0	3689 8	4173 9	6533 8	6413 1	6008 4	3196 7	2098 0	10449	26821	325824
<i>В %</i>	<i>100,0</i>	<i>7,3</i>	<i>9,5</i>	<i>10,8</i>	<i>16,9</i>	<i>16,6</i>	<i>15,5</i>	<i>8,3</i>	<i>5,4</i>	<i>2,7</i>	<i>6,9</i>	<i>12,1</i>
Сельское население												
5541742	67,7%	9772	2849 0	4714 5	8821 5	1292 09	1440 88	1058 03	7452 4	47076	136188	1709625
<i>В %</i>	<i>100,0</i>	<i>1,2</i>	<i>3,5</i>	<i>5,8</i>	<i>10,9</i>	<i>15,9</i>	<i>17,8</i>	<i>13,1</i>	<i>9,2</i>	<i>5,8</i>	<i>16,8</i>	<i>12,6</i>

Так как объектом нашего исследования является семья – анализируем структуры семьи на основе официальных статистических данных. Данные таблицы 1 свидетельствуют, что в Республике Таджикистан в 2010 году числился 1197187 домохозяйств.

Выявление закономерностей формирования семьи (домохозяйство) играет важную роль в обеспечении устойчивости развития семьи. Каждый тип семьи в процессе своего развития проходит несколько этапов или жизненных циклов. Формирование и вступление в брак, рождение детей, женитьба или замужество детей, отделение детей от родителей и старость родителей, смерть одного из супругов или супруга, в целом в таком формате заканчивается жизненный цикл каждой семьи, а дальше продолжается такой же процесс, но с другими поколениями.

Данные таблицы 1 свидетельствует, что городских местностях превалирует простой тип семьи, то есть семья где есть родители и дети – 65,2%, не полные семьи, где имеются дети с одним из родителей – 5,5 %, третий тип семьи это расширенная семьи (сложная) в котором в одном домохозяйстве проживают несколько поколений – 26,4%, и наконец остается 3,2% одиноких людей, в эту категорию можно отнести студенты, мать одиночки и другие.

Отток населения из города в сельские местности иными словами – идет процесс рурализации является одним из условий увеличения сложных семей. Сам факт оттока свидетельствует об ухудшение экономических ситуаций в городских местностях и расширение возможности получить дополнительные доходы от подсобных участков, аренда земли и другие, а также несколько другие особенности развитие социально-экономических инфраструктуры таких как: между крупными городами, городками и сельскими местностями улучшились дороги, развитие техники и технологии упрощают обмен информации между родственниками и поколениями, количество высших и средних учебных заведениях дает возможность учиться и работать не выехав из местности в другие и т.д.

Другая особенность закономерности развитие семьи в республике с учетом сложившихся исторических особенностей и религиозного уклада населения – это переезд семей в сельские местности, что связано с уходом за пожилыми родителями и целым рядом

¹ Агентство по статистике при Президенте РТ, Жилищный фонд и жилищные условия населения РТ, Том VIII, Душанбе – 6-12 стр.)

сохранившегося социальных и экономических условий, а также особенностью традиционных укладов жизни.

При демографическом изучении семьи можно выделить три стороны исследования этого объекта.

Во-первых, роль семьи как социальной ячейки воспроизводства поколений, в жизнедеятельности которой преломляются и могут быть прослежены социальные факторы, влияющие на процесс деторождения и его компоненты – усвоение социальных норм, формирование потребностей и соответствующих им установок, репродуктивное поведение и, на конец, результат – появление потомства.

Во-вторых, демография изучает семью как фактор демографических процессов, протекающих на уровне населения в целом, - влияние жизни в семье, состава и типа семьи на интенсивность, деторождения, на уровень смертности; процессы образования и распада семей как важные элементы воспроизводства населения, а также взаимозависимость демографических событий на уровне семьи применительно к рождаемости.

В-третьих, демография изучает собственно процесс образования и развития семей, с одной стороны, как самостоятельный демографический феномен, с другой – как результат совокупного влияния всех взаимодействующих демографических процессов. [4. с. 12-13]

Данные таблицы 1 свидетельствует, о следующем, во первых в городских местностях превалирует простой тип семьи, то есть семья где есть родители и дети составил – 68,1%, не полные семьи, где имеются лишь супруги без детей или дети с одним из родителей составил – 9,5 %, расширенная семьи (сложная) в котором в одном домохозяйстве проживают несколько поколений составил – 15,0%, и наконец, остается - 7,3% одиноких людей, в эту категорию можно отнести студенты, мать одиночки и другие.

Динамика доли городского населения показывает, что историю развития урбанизации республики с 1897 по 2015 годы самая высокая доля городского населения составляла - 37,4% (1968-1974 гг.), то есть в целом РТ за эти годы существование входит в ряд средне урбанизированной страны, чуть-чуть выше слабо урбанизированной страны на - 6,5%.¹

Весомый вклад в демографическом развитии населения республики, а также устойчивости развития семьи в экономическом плане важную роль играет население сельских местностях, который составляет - 73,5%.

Особенности развитие семьи в каждой стране радикальным образом отличаются от других развитых и развивающихся стран, даже между странами которые по религиозными и традиционными укладами являются идентичными. По данным статистики в РТ в 2010 году насчитывалась - 810510 число домохозяйств (67,7% от общее число по республике). В демографическом аспекте данные цифры свидетельствуют об огромности демографического потенциала, также разновидности типов семьи тоже могут доказать данную гипотезу. Семья, где есть родители, и дети составил – 63,5% (меньше на 4,5% от городской семьи), не полные семьи, где имеются лишь супруги без детей или дети с одним из родителей – 3,5% (меньше на 6 % от городской семьи), третий тип семьи это расширенная семьи (сложная) в котором в одном домохозяйстве проживают несколько поколений – 31,8% (больше на 16,8% от городской семьи или 112% больше), и наконец, остается - 1,2% одиноких людей, в эту категорию можно отнести студенты, мать одиночки и другие.

В динамике семьи наблюдается определенные сдвиги переходной период к возобновлению расширенного типа воспроизводства , и он выражается в следующем.

¹ Демографический ежегодник РТ, 2015 г. С. – 21-23.

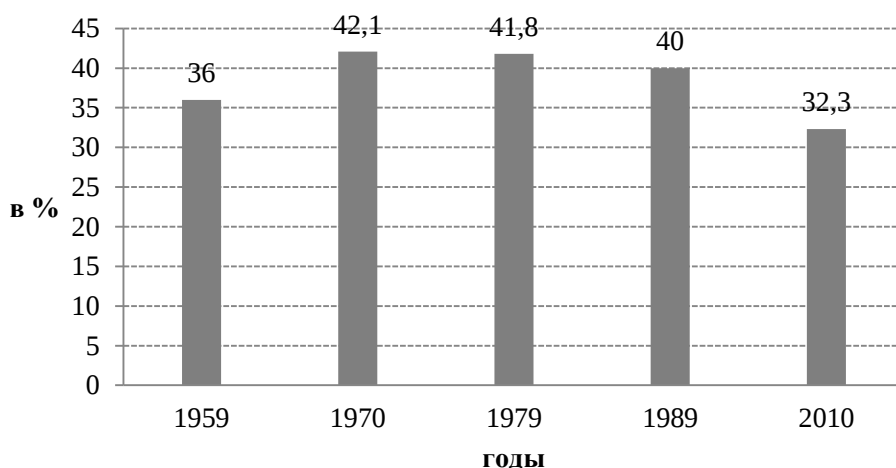

Рис. Динамика доля городских семей в общем числе семей в РТ за 1959-2010 гг.¹

Динамика пророста доля городских семей в Республике Таджикистан за 1959-1989 гг. можно связывать, с тем что все социально-экономические программы были эффективно реализованы, а именно Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющие детей» (1981 г.) [5. с. 4] несмотря на то что темпы прироста населения города с 1959-1979 в среднем составил - 3,5%, а в то время темпы прироста населения село составил - 3,2%². По нашему мнению весь пакет государственных программ были направлены на бывшие страны СНГ в целях обеспечение быстрорастущей экономики трудовыми ресурсами.

Необходимо также отметить, что экономические предпосылки развития семьи играют важную роль, ибо экономика и демография являются взаимодополняющими факторами развитие любого общества. Экономическая система Советского Союза была эффективно использована.

На наш взгляд, в условиях рыночной экономики – вопросы сохранение и ее устойчивости являются уязвимыми, потому что спрос на трудовые ресурсы снижаются, экономическая роль детей снижается. Но особенность развитие семьи в республики отличаются от других страна в плане количество детей в семье, интенсивность трудовой миграции населения и в связи с этим остро стоит вопрос всестороннего воспитания детей. Поэтому в условиях стагнации социально-экономических условий, принятие пропагандистских меры могут временно «смягчить» влияние новых вызовов на развитие семьи, но без решения экономических сторон поддержки формирование и развитие семьи очень трудно будет его сохранение ее устойчивости.

© Субхонов А.И. Текст. 2017

Список источников

1. Демографическая энциклопедия./Редколлегия.: Ткаченко А.А., Аношкин А.В., Денисенко М.Б. и др. – М.: ООО Издательство «Энциклопедия», 2013. С. 629
2. Эволюция семьи и семейная политика в СССР/Отв.ред. А.Г.Вишневский. – М.: Наука, 1992. 3 стр.
3. Демографическая энциклопедия./Редколлегия.: Ткаченко А.А., Аношкин А.В., М.Б. Денисенко и др. – М.: ООО «Издательство «Энциклопедия», 2013. С. 743
4. Семья объект демографии. Волков А.Г., М.: «Мысль», 1986 г. стр.12-13

¹Эволюция семьи и семейной политики в СССР/Отв.ред. А.Г. Вишневский. – М.: Наука, 1992. Стр. 7; Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, Жилищный фонд и жилищные условия населения Республики Таджикистан, Том VIII, Душанбе – 6-12 стр.

²Демографический ежегодник РТ, 2015 г. С. - 22.

5. Семья объект демографии. Волков А.Г., М.: «Мысль», 1986 г. стр.4

Информация об авторе

Субхонов Акбар Идрисович, Республика Таджикистан, Душанбе, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономики и демографии Академии наук Республики Таджикистан, Почтовый индекс 734024, улица Айни №44

Subkhonov A.I.

SOME QUESTIONS DEVELOPMENT OF THE FAMILY AND ITS PROBLEMS IN MODERN CONDITIONS

The family as a cell of society is a very important element in the development of the population and the economy, the quality of living standards, the reproduction of the population, etc. In the transformation period towards a market economy, the family began to change its shape, adapting to new challenges such as family values, the economic role of children, international labor migration of the population. In this regard, there is a need for family research and its sustainability.

Key words: family, family institution, population reproduction, households, statistics.

Information about the author

Subkhonov Akbar Idrisovich, Republic of Tajikistan, Dushanbe, PhD in Economics, principal scientific Researcher, Institute of Economics and Demography of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, Postal code 734024, Aini Street # 44

УДК: 316

Л.А. Хачатрян

ВЕРОЯТНОСТЬ РАЗВОДА КАК ФАКТОР ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ СЕМЬИ (на примере семей Пермского края)

В статье рассматриваются проблемы стабильности семьи, связанные с проявлением кризиса в социальном институте брака. Главное внимание уделено выяснению факторов, повышающих вероятность развода у супружеской пары, приводится свежая статистика относительно данного явления в России и Пермском крае.

Ключевые слова: семья, брак, стабильность семьи и брака, брачность, разводимость, вероятность развода.

Современная семья сформировалась в индустриальном обществе. Её признаки и формы отвечали потребностям общества и людей, но в каждом обществе под воздействием этнических норм и ценностей, обычаев и традиций возникали некоторые особенности. Так, современная российская сочетает признаки семьи патриархальной, советской и приобретает новые черты, которые свидетельствуют о становлении в России новой модели семьи. В развитии российской семьи в настоящее время действует множество негативных тенденций, которые заставили ученых прийти к выводу, что семья как социальный институт находится в глубоком кризисе. Еще в 1916 г. П. Сорокин, анализируя меняющуюся реальность, обратил внимание на изменения семьи и пришел к выводу, что семья, как социальный институт, вступает в кризис. Сегодня наблюдается процесс углубления кризиса, так как перестали работать прежние экономические, религиозные и социальные факторы, обеспечивающие семье и браку стабильность. Общество же заинтересовано в семье стабильной, устойчивой и здоровой, потому что именно семья, выполняя социально

значимые функции – репродуктивную, социализации и экзистенциальную, гарантирует обществу не только сохранение во времени, но и развитие.

Серьёзные осложнения в жизнедеятельности семьи возникли в связи с проблемами функционирования социального института брака. Брак, как социальный институт, упорядочивает и реализует естественную потребность людей в продолжении рода. Брачная структура – один из элементов, обеспечивающих обществу устойчивость. Количество браков в любом обществе колеблется в зависимости от многих факторов. В России в период с 2012 г. по 2016 г. наблюдалась тенденция снижения количества зарегистрированных браков. Так, в 2015 было зарегистрировано 1139 тысяч браков (без учета Крымского федерального округа), что на 13,5% меньше, чем в 2011, и на 5,5% меньше, чем в 2014 году[4]. В то же время результаты опроса, проведенного ВЦИОМ, показали, что почти 80 % россиян считают, что лучше жить в браке, чем одному[1]. Колебания в процессе брачности отмечаются и в Пермском крае, где в 2011 г. было заключено 25963 брака, в 2012 г. - 23083, в 2013 г.- 23773, в 2014 г. – 23139 и в 2015 г. – 21657 браков[3. С.30]. Из 48 территорий края снижение числа браков наблюдалось в 42 муниципальных образованиях, повышение - всего в трех территориях[2. С.1].

Санкционируя брак, общество берет на себя определенные обязательства по его охране и возлагает на вступивших в брак ответственность за материальное обеспечение и воспитание детей, за будущее семьи.

Проблема прочности брака была всегда в центре внимания. Первое упоминание о разводе относится к XVIII в. до н.э. Созданный царем Хаммурапи свод законов включал сто статей, относящихся к семье и содержащих условия расторжения брака. С XII в. нашей эры известен Устав Я.Мудрого, определяющий мотивы развода. Доказательством внимания к разводам может быть исторический факт – в XVII в. в одном из городов графства Эссекс существовал обычай, по которому тому, кто придя в церковь клялся, что в течение года он ни разу не пожалел о своем браке, выдавалась награда в виде окорока.

Изменение социальной реальности сопровождается изменениями брака и семьи. Сегодня развод многими исследователями определяется как обратная сторона брака, как атрибут либеральных отношений. Произошедшие в России перемены экономического и политического характера требовали изменения брачно-семейного законодательства, которое способствовало принятию феномена развода в качестве новой социальной нормы. Изменились и позиции общественного мнения к нему: современная мораль не осуждает разведенных.

Современная семья сталкивается со множеством рисков. Так, просматривается тесная связь стабильности семьи со стабильностью брака. С точки зрения устойчивости брака и семьи как социальных систем можно выделить факторы, которые обеспечивают сохраняемость и семьи, и брака во времени.

Социологи и демографы, изучая проблемы брака и семьи, проблемы процессов брачности и разводимости, пришли к выводу, что особое место среди факторов, определяющих стабильность и прочность обоих социальных институтов занимает *вероятность развода*.

Важным показателем, влияющим на стабильность брака, является наличие и число детей у разводящихся супругов. Данные статистики говорят о том, что частота разводов выше в браках бездетных и малодетных. В брачной структуре населения России доля бездетных браков колеблется от 5 до 10 %, а среди разводящихся – от 60 до 70 %, причем из числа распавшихся браков 62,9 % составляли пары, не имеющие общих детей, супружеские пары с одним ребенком составили 25,7 %, с двумя и более детьми – 11,4 %. В Пермском крае в 2015 г. из 10667 разводящихся пар общих детей не наблюдалось у 6708, 2779 разводов пережили пары, имеющие одного ребенка, и развелось 1220 пар, имевших два и более детей[2. С.3].

Вероятность развода в городском браке выше, чем сельском. Так, в селе в течение длительного периода большое влияние на супружескую пару оказывало соседство и

общественное мнение, а в *городском* браке, где общественное мнение перестало осуждать развод, последний превратился в норму. Если в советский период истории нашего государства было популярно выражение, употребляемое по отношению к женщине: «Ты что-то плохо выглядишь! Неужели развелась?» То сегодня фраза звучит примерно так: «Похудела, похорошела - явно развелась!» Следует отметить, что пятая часть всех разводов в стране приходится на города миллионники, а в населении крупных городов коэффициент разводимости в два раза выше, чем в селе. В городском населении Пермского края в 2015 г. развелось всего 8430 пар, из них 65,4 % пар не имели общих детей, 24,5 % пар – с одним ребенком, а доля разведившихся с двумя и более детьми составила 10,1 % супружеских пар. Интересно, что тенденция разводимости в сельском населении Пермского края по этому параметру существенно расходится с общероссийской и даже с показателями разводов в городском браке Прикамья. В 2015 г. из 2237 разводов селян детей не имели 53,2%, доля разведившихся пар с одним ребенком составила 30,1%; а доля тех, кто имел 2 и более детей 16,6 % [2. С. 3].

Свою лепту в общее состояние разводимости вносят повторные браки. Законодательное закрепление развода привело к тому, что в брачный рынок включаются и состоящие в браке мужчины и женщины, что в свою очередь увеличивает и вероятность развода состоящих в браке, и вероятность вступления разведенных в повторный брак. Демографы подчеркивают, что в России коэффициент разводов в повторных браках выше в 1,7 раза по сравнению с первыми браками, т.е. около 60 % повторных браков распадаются. Социологи нашли данному явлению следующее объяснение: если хотя бы у одного супругов заключаемый брак не первый, то он (она) постоянно будет сравнивать действия и поступки второй половины с прошлым опытом брака. И первый брак вдруг покажется более удачным, чем второй, а все результаты новой супружеской жизни будут окрашены в негативные тона. Американские социологи отметили, что 70 % бывших супругов начинают сожалеть о первом разводе и легко идут на него в следующем браке.

Повторные браки, как среди мужчин, так и женщин Пермского края составили практически четверть всех зарегистрированных браков за год. В новый брак вступили 24,2 % разведенных ранее мужчин и 24,1 % женщин, 1,4 % овдовевших мужчин и 2,7 % вдов [2. С.3]. В *повторных* браках вдовых и разведенных, как показывает демографическая статистика, средняя продолжительность новых браков существенно ниже, чем продолжительность первых, даже если возраст вступления в первый брак был один и тот же.

Фактором, влияющим на прочность семьи и на вероятность развода, можно назвать и *возраст вступления* в брак. Большинство браков сегодня – это браки ровесников, разница в возрасте брачующихся составляет 3 года. Наиболее приемлемый для юношей и девушек возраст вступления в брак 25 – 29 лет. Но реальность такова, что девушки создают семью в более раннем возрасте, чем юноши. Например, в возрастной группе от 17 до 20 лет молодых женщин, зарегистрировавших брак, практически в 4 раза больше, чем мужчин того же возраста, что подтверждает и статистика браков в Пермском крае: 1269 девушек и 305 юношей возраста от 16 до 29 лет. Так, в Пермском крае доля юношей, заключивших брак в возрасте от 18 до 25 лет, составила примерно пятую часть от всех вступивших в брак мужчин, а доля девушек этой же возрастной группы достигла 32,6 % от всех женщин, вышедших замуж. Статистика разводов доказывает, что вступившие в брак до 20 лет разводятся в два раза чаще, чем те, кто заключил брак после достижения 20-летнего возраста. В настоящее время отмечается тенденция увеличения разницы в возрасте вступающих в брак. В 15 % браков невеста младше жениха более чем на 5 лет. Но уже прослеживается тенденция увеличения доли тех браков, где невеста младше жениха на 15 – 20 лет. И все чаще заключаются браки, когда жена старше молодого мужа более чем на семь лет. Из заключаемых браков сегодня – это каждый седьмой брак, и по прогнозу демографов в ближайшее время таковым будет каждый пятый заключаемый брак. Более быстрыми темпами растут браки, где жена старше мужа на 10-15 лет и даже больше.

Большая разница в возрасте супругов, как правило, влечет за собой появление разных проблем, которые повышают вероятность развода: разный круг общения мужа и жены, разный круг интересов, проблемы со здоровьем старшего по возрасту супруга и т.д. В браках, где муж моложе жены вероятность развода выше в *первые пять* лет брака, позже она уменьшается, а после 10 лет супружества вновь возрастает.

Вероятность развода связана с продолжительностью супружеского стажа. В 2015 г. в России наибольшая доля (41,6 %) разошедшихся приходится на супружеские пары, прожившие в браке от 1 года до 5 лет. Расставшиеся пары, брак которых продолжался 5 - 10 лет, составили четвертую всех разошедшихся пар. Доля разводов супругов, чей брачный стаж составил 20 лет и более, в общем числе разведенных пар составила 15,3 %. Статистика разводов в Пермском крае в 2015 г. от общероссийской почти не отличается: разведенные партнеры, прожившие в браке от 1 до 4 лет составили 47,1 % от всех разводов, с супружеским стажем от 5 до 9 лет – 25,0 %, от 9 до 14 – 11,1 %, 15-19 лет – 7,0 %, 20 и более лет – 15,3 %[2. С.3]. Демографы и социологи давно ввели в научный оборот понятие «пик разводов» и выделили таковые: 1-3 годы, 7-й, 17-й, 27-й год супружества.

Стабильность брака и соответственно стабильность семьи зависят от качества и продолжительности предбрачного периода. Социологи выявили ряд негативных моментов данного периода, которые повышают вероятность развода в заключаемом браке: парадность отношений, несовпадение представлений о партнере с его реальными качествами, небольшая продолжительность периода. Парадность отношений определяется тем, что брачный рынок диктует определенный тип поведения, чтобы быть выбранным. В народе это период окрестили букетно - конфетным. У будущих супругов могут сформироваться ложные, не совпадающие с реальными, представления о своем избраннике (избраннице). После заключения брака, как правило, наступает разочарование, т.к. поведение меняется, потому что цель достигнута. Небольшая продолжительность предбрачного периода не дает возможности в полной мере оценить достоинства и недостатки партнера. Выводы исследователей таковы: более прочные брачные союзы складываются после полутора – двух лет предбрачного периода.

Нацеленность на брак - феномен, который был обнаружен во второй половине XX в. Впервые на него обратили внимание немецкие исследователи, заметившие, что каждая десятая пара новобрачных допускает возможность развода в своем браке. Опросы социологов нашей страны подтвердили данное явление и показали, что при вступлении в брак 60 % российских невест и 40 % российских женихов уже предполагают возможность развода. Вывод о том, что число тех, кто мечтает встретить любимого (-ую) почти в два раза больше числа тех, кто хочет с ним (с ней) создать семью, подтвердили опросы, проведенные среди московских и петербургских студентов. О слабой нацеленности на брак говорит и статистика ЗАГС: каждая десятая пара, подавшая заявление на вступление в брак, в назначенный срок не является на регистрацию.

Реальность такова, что пожизненный брак из разряда нормы перешел в разряд феномена, и при появлении в семье серьезных проблем супруги идут на разрыв брачных уз. На бытовом уровне все чаще от девушек можно услышать словосочетание «схожу замуж», а не «выйду замуж», что в поколении прародителей означало пожизненный брак.

Качество брака в родительской семье – фактор, влияющий на брак молодых. Анализ статистики разводов привел исследователей к шокирующему выводу: на стабильность брака молодоженов влияет развод в родительской семье. Наличие развода хотя бы у родителей одного из молодоженов повышает вероятность развода нарождающейся супружеской пары в три раза по сравнению с теми молодоженами, у родителей которых развода не было. Копируя положительную модель брака родителей, молодые создают более прочный однородный брак, в котором супруги принадлежат к одному социальному слою, к одной национальности, имеют примерно одинаково престижные профессии и образование, разницу в возрасте от одного года до трех лет, в котором вероятность развода находится на минимальном показателе.

Прочность брака зависит от *мотива его создания*. Самые стабильные браки – это браки, основанные на взаимной *любви*. Любовь – это чувство зрелого человека. Но почему, люди, которые при регистрации брака, отвечали, что любят друг друга все чаще стали разводиться? Ответ на этот вопрос нашли социологи. Так, французский социолог А.Вилли подчеркнул, что очень часто молодые люди принимают за любовь влюбленность, и он дал различия между ними. Влюбленность никогда не направлена на личность как таковую, ее объектом могут быть волосы, глаза, фигура и т.д. Такая «частичная» привлекательность ведет к «частичной» любви, которая полна противоречий и длится недолго. Молодые часто за любовь принимают влюбленность, которая быстро проходит, тем самым повышая вероятность развода в браке, заключенном «по любви». Подлинная любовь – это соединение двух желаний: любить и быть любимым (-ой). Но любовь может быть причиной развода и в том случае, если она в системе семейных ценностей не занимает должного места. Если до брака молодые люди среди многих ценностей на уровне личности ставят ее на одно из первых мест, то после вступления в брак она перемещается уже на четвертое место - после уважения, доверия и взаимопонимания, а нежность вообще уходит на последнее место. Эта ситуация позволяет сделать вывод о том, что любовь в браке недооценивается, что дестабилизирует семью и повышает вероятность распада брачной пары.

Довольно прочными признаются браки, где главным мотивом выступает расчет, т.е. брак рассматривается одним из партнеров, как реальный способ решения определенной личной проблемы: экономической, психологической, духовной и т.п. Вступающие в него преследуют какие-то выгоды, видят в нем реальный способ решения особой личной проблемы. Так, 38,0 % россиян предполагают, что вступление в брак поможет им благоустроить быт, 43,0 % - получить поддержку со стороны партнера[1]. Брак будет продолжаться до тех пор, пока взаимоотношения супругов выгодны обоим партнерам, невозможность достичь поставленной при заключении брака цели актуализирует вероятность распада данного брака.

Вероятность развода сопровождает и брак, мотивом создания которого была добрачная беременность невесты. Сегодня сущность данного типа брака изменилась. Раннее начало сексуальной жизни, приобретение опыта сожительства в паре, беременность невесты привели к тому, что брак заключается вполне осознанно. Молодые таким образом пытаются узаконить рождение ребенка. Но большинство из них пока не понимает, что данный брак появляется под давлением обстоятельств, и позднее может наступить отрезвление и осознание того, что заключенный брак – ошибка, которую надо исправлять. Как правило, «брак вдгонку» - это и брак тинейджеров, в которых уровень разводов занимает одно из первых мест среди остальных возрастных групп населения.

Как говорят исследователи, супружество – это два брака: брак партнера и брак партнерши. У каждого из супругов сформировалось свое представление о супружестве. Модель брака формируется на основании брачного опыта родителей, родственников, соседей, героев литературных произведений и кино и т.п. Характеристики каждой модели содержат многообразные черты, касающиеся супружеских отношений, отношений с детьми и родственниками, распределения семейных ролей и властных полномочий и т.п. В случае несовпадения моделей далеко не все супруги готовы работать над собой и выполнять эту работу систематически и качественно, что обостряет ситуацию с вероятностью развода. Интересные фаты приведены в исследованиях отечественных социологов: современные девушки желают выйти замуж за мужчину, который умнее, трудолюбивее, смелее, веселее, чем реальный юноша из их окружения. В свою очередь, по представлениям современных юношей его супруга должна быть не только лучше реальных девушек, но и превосходить по уму, честности, веселью и трудолюбию даже их самих.

Стабильный брак характеризуется отношениями сотрудничества, взаимопомощи, поддержки, а также социальной, психологической, семейно-бытовой и биологической совместимостью. Социальная совместимость обеспечивают общность мировоззрения и важнейших ценностных ориентаций, одинаковое понимание смысла жизни, общественную

активность, отношение к труду, к обществу, к себе, к людям. Психологическая совместимость предполагает взаимодействие характеров, темпераментов, лично-волевых особенностей супругов, обеспечивает эмоциональный и психологический климат в семье. Семейно-бытовая совместимость означает совпадение взглядов супругов на предназначение семьи, стиль ее жизни, семейные роли, отношение к родственникам. Биологическая совместимость повышает качество интимной супружеской жизни. Понимание всех видов совместимости наблюдаются далеко не у всех вступающих в брак, а содержание принятых мер по обеспечению таковой зависит от нравственной и социальной зрелости супругов, уровня образования, структуры потребностей, что подтачивает стабильность семьи, повышая вероятность развода в браке.

В процессе функционирования семья постоянно испытывает воздействие катализаторов, усиливающих вероятность распада брака: не соответствующие потребностям людей экономические условия в стране и в семье, выход женщины из круга «ККК», углубляющийся конфликт поколений, недостатки воспитания. Дестабилизатором брака и «провокатором» развода обычно выступают алкоголь, курение, супружеская неверность и др. Выявлены факторы, косвенно влияющие на стабильность семьи и брака: уровень образования супругов, наличие солидарности, отношение к труду и удовлетворенность им.

Таким образом, основу семьи составляет брак, от функционирования которого зависит стабильность и прочность семьи как системы. В настоящее время меняется его сущность, формы, содержание функций. Многие социологи подчеркивают, что семья испытывает постоянное воздействие такого фактора, как вероятность развода супругов. Вывод социологов: брак как социальный институт отмирает. Но общество заинтересовано в семье, как главной ячейке общества, а также в том, чтобы супружеские отношения между мужем и женой сохранялись до глубокой старости.

© Хачатрян Л.А. Текст. 2017

Список источников

1. Большинство россиян предпочли брак одиночеству
<https://lenta.ru/news/2015/04/03/brak/> (Дата обращения 25 апреля 2017 г.)
2. Брачное состояние населения Прикамья в 2015 году/
http://permstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/permstat/resources/.pdf
3. Пермский край в цифрах 2016: Краткий статистический сборник/Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю. - Пермь, 2016. – 179 с. http://istmat.info/files/uploads/53946/permskiy_kray_v_cifrah_2016.pdf (Дата обращения 25 апреля 2017 г.)
4. Щербакова Е. Число зарегистрированных браков и разводов также снизилось. Демоскоп № 715-716,6-19 февраля 2017.
<http://www.demoscope.ru/weekly/2017/0715/barom04.php> (Дата обращения 24 апреля 2017 г.)

Информация об авторе

Хачатрян Людмила Александровна (Россия, г. Пермь) - кандидат исторических наук, доцент, Пермский государственный национальный исследовательский университет (г. Пермь, ул. Букирева, 15, кафедра социологии. e-mail: hachatryan46@mail.ru)

Hachatryan L.A.

THE PROBABILITY OF DIVORCE AS A FACTOR DESTABILIZATION OF THE FAMILY (the example of the family of the Perm region)

In the article the problems of family stability. They are associated with the manifestation of the crisis of the social institution of marriage. The focus is on the elucidation of factors that increase the probability of divorce, given recent statistics on this phenomenon in Russia and Perm Krai

Keywords: family, marriage, marriage and family stability, nuptiality, divorce, the probability of divorce.

Information about the author

Hachatryan Lyudmila Aleksandrovna, Russian Federation, Perm, Ph.D., assistant professor. Perm State Scientific Research University, Perm, ul. Bukireva, 15, Department of Sociology. e-mail: hachatryan46@mail.ru.

УДК: 314.33-053.81(470.51)(045)

И.В.Чернышева, М.В. Запольских

ОТНОШЕНИЕ К БРАКУ И РОЖДЕНИЮ ДЕТЕЙ МОЛОДЫХ СЕМЕЙ ИЖЕВСКА (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИНТЕРВЬЮ)

В статье представлены результаты интервью среди молодых женщин старшей возрастной группы (25-30 лет), состоящих в брачных отношениях и имеющих детей. Анализируются ответы по вопросам брачно-семейных отношений и рождению последующих детей. Данные интервью позволяют выявить общую черту свойственную данной группе – сохранение традиционных брачно-семейных ценностей.

Ключевые слова: молодая семья, брак, рождение ребенка, брачно-семейные отношения.

В условиях нестабильной демографической ситуации среди социально-демографических факторов одним из важнейших является брачно-семейный фактор. От количественных и качественных показателей устойчивости социальных институтов брака и семьи зависит, в том числе, стабильность общества. Укрепление традиционных основ данных социальных институтов одно из важнейших приоритетов социально-демографической политики российского государства.

За последние годы в Удмуртии отмечается снижение количества зарегистрированных браков: в 2011 г. – 14 578, в 2012 г. – 12 685, в 2013 г. – 12 664, в 2014 г. – 12 549, в 2015 г. – 11 004. Ситуация с разводами выглядит следующим образом: в 2012 г. – 5 637, в 2013 г. – 6 053, в 2014 г. – 6 514, в 2015 г. – 5 274. В 2015 г. уровень заключения браков составил 7,5 промилле, уровень разводов – 3,5 промилле [1].

По результатам регионального исследования молодежи Удмуртии в 2015 г. для большинства опрошенных молодых людей крепкая семья и здоровые дети является главной социальной ценностью (65,5%). В отличие от опросов, проводимых восемь лет назад, ценность семьи была на втором месте, в 2015 г. семейные ценности доминируют над остальными. Что характерно по мере повышения возраста среди респондентов данная ценность «увеличивается»: для подросткового возраста – 45,5%, 17-19 лет – 58,4%, 20-24 года – 62,1%, 25-30 лет – 71,4% [1].

В данной ситуации изучение отношения к браку и рождению детей среди молодых семей старшей возрастной группы, представляет интерес с точки зрения дальнейших репродуктивных планов. В 2016 г. нами было проведено комплексное исследование молодых семей на основе анкетирования и интервью. Результаты анкетирования были освещены ранее [2]. Основой данной статьи является анализ глубинного интервью среди молодых замужних женщин.

В рамках исследования проводилось стандартизированное интервью, отличительной особенностью которого является последовательность, заранее подготовленные четкие формулировки вопросов и продуманные модели уточняющих и дополнительных вопросов. Объект интервью – молодые семьи с двумя детьми. В качестве респондента во всех случаях выступала молодая женщина (20 женщин из каждой пары). Возраст женщины с 24 до 30 лет (большинство старшего молодого возраста 4 человека – 28 лет, 4 человека – 29 лет, 8 человек – 30 лет), возраст мужчины с 27 до 39 лет (большинство старше 30-летнего возраста). По составу 19 семей полные (два родителя), 1 семья неполная (мать одна воспитывает 2 детей).

Наличие детей в семье: 18 семей имеют 2 детей, в том числе 1 семья ожидает третьего ребенка, 2 семьи имеют 3 детей. Все проживают в городе Ижевске, из 20 молодых семей пять семей переехали из сельской местности за счет средств материнского капитала. Зарегистрированы брачные отношения у 18 молодых семей. Уровень образования: 13 женщин отметили высшее, 7 женщин – среднее. По уровню достатка: 16 респондентов отметили как среднее, 4 женщин - низкое. Уровень занятости: не работали на момент проведения интервью, были в отпуске по уходу за ребенком – 12 женщин, из них отметили подработку (нерегулярная работа дома или через интернет, несколько часов в день на работе) - 8 женщин, полный рабочий день работали 8 женщин. Во всех семьях мужчина работал полный рабочий день, кроме одного случая (ушел из семьи).

В среднем социальный портрет семьи старшей возрастной молодой группы г.Ижевска выглядит следующим образом: это люди с высшим образованием, в возрасте 28 - 34 года, со средним уровнем дохода 30000 рублей, состоящие в зарегистрированном браке, имеющие двух детей, ориентированные на 2-3-детную семью.

Рассмотрим отношение к браку и семье среди молодых замужних женщин. Регистрация брачных отношений является наиболее предпочитаемой и распространенной формой для данной возрастной группы. Кроме того, наблюдается тесная зависимость между брачным статусом и рождением ребенка. В то же время отношение к незарегистрированным бракам среди большинства молодых женщин достаточно терпимое. На вопрос интервью «Как Вы относитесь к незарегистрированному браку?» многие молодые женщины отвечали следующим образом: *«Нормально. Мы с мужем первого ребенка вне брака родили, заключили только перед рождением второго»* (Екатерина, 30 лет, 3 детей). *«Нормально. Мы с мужем еще брак не регистрировали. Мы мусульмане. Мы совершили никах. А это для нас намного важнее, дать клятву перед Богом, чем штамп в паспорте»* (Лолита, 26, 2 детей). *«Нейтрально. Дело каждого. Старшее поколение отрицательно к этому относится, а молодежь сейчас более свободна в этом плане, но если решили быть вместе, завести ребенка – регистрация нужна обязательно»* (Мария, 27 лет, 2 детей). *«Нормально. Знаю пары, которые долгое время не регистрировали брак. Регистрация – это не показатель любви»* (Ангелина, 30 лет, 2 детей). *«Считаю, что если пара решила завести ребенка, она должна обязательно зарегистрировать свой брак. А пока детей нет, считаю приемлемым просто сожительство»* (Алёна, 28 лет, 2 детей).

На вопрос интервью «Что явилось для Вас причиной заключения официального брака?» большинство ответов было достаточно однотипно: *«Ну, беременность, наверное. Чтобы ребенка в браке родить. Так, может быть, и еще подождали»* (Алёна, 28 лет, 2 детей). *«Любовь и взаимное желание создать семью. Родить детей»* (Мария, 30 лет, 2 детей). *«Долго встречались с мужем, решили, что пора узаконить отношения и ребенка родить»* (Ольга, 29 лет, 2 детей). *«Взаимное желание создать нечто большее, родить детей, воспитывать их как супруги, родители»* (Людмила, 30 лет, 2 детей). *«Потому, что регистрация брака – это важный этап в жизни двух людей. Это означает, что они готовы к чему-то большему, значат что-то большее друг для друга. Готовы быть друг с другом, как говорится, в болезни и здравии. Регистрация – это обозначение своего выбора»* (Анастасия, 24 года, 2 детей). *«Рождение детей»* (Гульнара, 30 лет, 3 детей). *«Создать семью, завести детей»* (Алена, 29 лет, 2 детей). *«Беременность. Ну, то есть жили до этого, и как решили завести ребенка – регистрировали брак»* (Мария, 27 лет, 2 детей). *«Зарегистрировали перед рождением ребенка»* (Ангелина, 30 лет, 2 детей). *«Выход на новый уровень отношений – решили заводить детей и хотели, чтобы дети росли в официальном браке»* (Ксения, 28 лет, 2 детей).

Что характерно, в ходе ответов, молодые женщины также отмечали инициативу своих брачных партнеров в отношении регистрации брачных отношений: *«Муж предложил. Мы уже 3 года встречались до этого. Жили совместно. Решил видимо, что время подошло. Да и о детях начали задумываться»* (Ирина, 30 лет, 2 детей). *«Предложение от мужа»* (Маргарита, 26 лет, 2 детей).

Отрицательное отношение к сожительству высказали пять молодых женщин: *«Скорее отрицательно. Дети все-таки должны быть рождены в браке, но в свою очередь брак должен быть порождением любви и готовности обоих родителей»* (Вера, 29 лет, 2 детей). Почти все опрошенные молодые женщины, собирающие стать матерью, связывали свое дальнейшее развитие брачно-семейного статуса в зарегистрированном браке. Желание родить ребенка или наличие ребенка у пары, по всей видимости, кардинально меняет взгляды молодой женщины на свое брачное положение.

В целом, семьи предпочитают заводить детей в официально зарегистрированном браке. Молодые пары, которые совместно проживали без регистрации брачных отношений, решили изменить свое брачное состояние в первую очередь рождением/ожиданием ребенка.

В российском обществе происходит трансформация брачно-семейных отношений, особенно среди молодежи. Среди наиболее распространенных практик является сожительство. Результаты многих социологических исследований фиксируют положительное/нейтральное отношение к данным брачным союзам. Широкая распространенность сожительства среди молодых, с одной стороны, означает, что эта форма постепенно встраивается в стратегии формирования брачных/семейных отношений среди молодых людей [3].

Прослеживается возрастное отношение респондентов к зарегистрированным и нерегистрируемым брачным отношениям. Свой путь к созданию «полноценной семьи» многие молодые семьи начинали с сожительства, появление ребенка у пары как «новый уровень отношений» приводили к регистрации брака. Так, свободные от регистрации брачные отношения наиболее приемлемы в молодых возрастах, но по мере взросления и, особенно, появление ребенка отношение к этой форме брачного взаимодействия кардинально меняется.

Интересные данные были получены на следующий вопрос: «Какая форма организации семьи Вам ближе? Кто принимает основные решения?». Большинство респондентов (13 женщин) отметили вариант «совместно»: *«Решения в основном принимаем сообща. Не совсем приемлю, когда что-то без моего ведома делается. Если уж мы семья – то и все решать должны вместе»* (Мария, 30 лет, 2 детей). *«Муж у меня очень мягкий человек, поэтому все решается на семейном совете...»* (Ольга, 29 лет, 2 детей). *«Скорее мы на равных в принятии решений, потому что оба хотим, чтобы другому из нас тоже было хорошо»* (Екатерина, 28 лет, 2 детей). *«Безусловно - вместе. Семья — единый организм»* (Вера, 29 лет, 2 детей). *«С крупными покупками или решениями, касающимися всей нашей семьи, принимаем сообща, нередко и у родителей спрашиваем»* (Людмила, 30 лет, 2 детей).

Иную точку зрения отметили 6 женщин, мотивируя свою позицию патриархальными (религиозными) устоями в их семье, практически во всех ответах звучит фраза, подчеркивающая традиционный склад развития внутрисемейных отношений: «муж – глава семьи». Однако, при этом все эти респонденты ранее отметили свое нейтральное или положительное отношение к сожительству. Наблюдается интересное противоречие в развитии брачно-семейной практики определенной части молодых семей: *«Сообща стараемся, конечно. Ну как водится, то муж-глава семьи»* (Алена, 28 лет, 2 детей). *«Скорее патриархальная. В основном муж принимает решения. То есть мы советуемся, конечно, но последнее слово за ним»* (Ирина, 30 лет, 2 детей). *«Муж-глава семьи, он – основной источник дохода семьи, считаю это правильным по традиционным и религиозным причинам»* (Екатерина, 30 лет, 3 детей). *«Муж. В мусульманских семьях все строго. Муж – глава семьи. Он принимает основные решения, конечно, мы советуемся, но чаще мне приходится советоваться с ним, спрашивать разрешения, потому что как он скажет, так и будет»* (Лолита, 26 лет, 2 детей). *«В нашей семье муж принимает решения. Я ему подчиняюсь, потому что муж – это глава, так было испокон веков»* (Анастасия, 24 года, 2 детей). *«Все-таки заложено во мне, и в моей семье, что муж-глава»* (Мария, 27 лет, 2 детей).

Формирование типа детности зависит от брачно-семейного статуса человека. Изучение репродуктивных установок важно, т.к. выступают регулятором репродуктивного

поведения, демонстрируя готовность человека иметь определенное число детей в конкретной жизненной ситуации или отказаться от ребенка. Как уже отмечалось, все семьи имеют детей, желание иметь еще детей отметили 14 респондентов: 1 ребенка (третьего) отметили 12 женщин, четвертого ребенка - 2 женщины.

Не имеют дальнейших планов в отношении рождения следующего ребенка 6 семей. Согласно полученным результатам, подтверждаются репродуктивные планы молодых семей в отношении 2-3 детей. Однако, данные репродуктивные планы в отношении третьего и последующего ребенка у большинства семей, скорее всего не будут реализованы, о чем свидетельствуют результаты интервью. Многие респонденты, выразившие желание иметь третьего/последующего ребенка, отмечают причины, по которым они не смогут иметь столько детей, сколько бы желали, в основном, это причины материального характера: *«Детей чем больше, тем лучше. Хотела бы троих. Но не знаю, заведем ли третьего. Если честно все упирается в финансы. Я собираюсь в скором времени на работу выходить. Не знаю еще точно, но тяжело без моей зарплаты, подработкой не обойдешься»* (Алена, 28 лет, 2 ребенка). *«Может быть и троих, но не знаю, этих сначала надо на ноги поднять»*. *«Обоим работать приходится. Время сейчас такое, кризисное. Только на зарплату мужа не проживем»* (Ирина, 30 лет, 2 детей). *«Приходится вместе работать, зарплаты мужа не хватает»* (Алина, 28 лет, 2 детей).

Стоит отметить, что по результатам анкетирования (первый этап исследования) среди молодых семей мы получили аналогичные данные. Респонденты, которые желали бы иметь двоих детей - 48,9%, троих детей – 40,4%, больше трех детей – 8,5%. В реальности 45% респондентов имеют 2 детей, 24,5% одного ребенка, 12,2% - трех детей [2]. В плане ожидания и по факту рождения детей среди молодых респондентов преобладают те, кто имеет и желает иметь двоих детей.

Десять лет назад в 2006 г. в нашей стране было проведено исследование, которое охватило различные возрастные группы респондентов. Как показали результаты, своеобразным эталоном семьи для опрошенных респондентов, вне зависимости от пола, возраста, материального положения и уровня образования, выступает двухдетная семья. Данный тип семьи предпочитали больше половины (54%) всех опрошенных. Второе место заняла трехдетная семья (23%). Однодетная семья - третье место (12% всех респондентов). По данным опроса, желаемое число детей в среднем по выборке составило 2,31 ребенка на одного респондента. Среди опрошенных мужчин данный показатель составил 2,32, а у женщин - 2,26 ребенка [4].

В качестве факторов, которые влияют на формирование репродуктивного поведения, были отмечены следующие: желание иметь ребенка от любимого человека, желание иметь ребенка другого пола, желание почувствовать себя по-настоящему семейным человеком.

В целом, репродуктивная функция молодой семьи выполняется не в полной мере. Многие исследователи отмечают, что молодые супруги не реализуют свой репродуктивный потенциал, предпочитая малодетный тип репродуктивного поведения.

Идеальная семья в представлении молодых женщин несвязанна с большим количеством детей, из 20 опрошенных молодых женщин, только трое отметили многодетность, как элемент идеальной семьи.

Преемственность поколений - процесс взаимной передачи, усвоения, сохранения и использования материальных и духовных ценностей, социальной информации и опыта предшествующих и сосуществующих поколений [5]. Это особенно важно для молодой семьи, чтобы на ранних этапах построения своей внутренней коммуникации, понимать какой опыт действительно можно перенять и не совершать те же ошибки.

В нашем исследовании большинство среди тех, кто отмечает, что семейная жизнь их родителей была для них примером, отмечается тенденция воспринять семейную модель поведения своих родителей для своей семьи. На вопрос «Является ли для Вас образцом семейная жизнь Ваших родителей?», были получены следующие ответы. 12 молодых женщин отметили, что является, 8 женщин отметили, что нет, не является: *«Живут они до*

сих пор вместе, поэтому конечно в этом плане их семейная жизнь для меня образец» (Анастасия, 28 лет, 2 детей). «Является, потому свои родители самые лучшие. Воспитали меня, дали мне все, в чем я нуждалась. Я им безмерно благодарна. Для меня они идеальны» (Лолита, 26 лет, 2 детей). «Я всегда восхищалась своими родителями. Естественно они являются для меня образцом и идеалом, к которому я стремлюсь и с которых беру пример. Они подняли на ноги троих, мы росли как цветы на ухоженной грядке» (Екатерина, 28 лет, 2 детей, ожидает третьего).

Во всех отрицательных ответах на данный вопрос, респонденты однозначно отмечали развод родителей, уход отца: «Он ушел из семьи. И видимо забыл, что у него дочь есть, поэтому образцом семейная жизнь родителей не является, потому что семьи как таковой нет. А дети должны жить в полной семье, чтобы были мама и папа» (Ольга, 29 лет, 2 детей). «Нет, потому что растила одна мама» (Алина, 28 лет, 2 детей).

Помимо финансовой помощи, немаловажное значение для многих молодых семей является помощь со стороны старшего поколения в отношении ухода за детьми. «С детьми родители помогают с моей и его стороны» (Маргарита, 26, 2 детей). «С детьми родители помогают с моей и его стороны» (Ирина, 30 лет, 2 детей). «Решения, касающиеся всей нашей семьи, принимаем сообща, нередко и у родителей спрашиваем. У них все равно в жизни опыта больше». «Моя мама помогает с детьми. Я с первым долго сидела в декрете, со вторым только отпуск брала по родам. Деньги нужны - деваться некуда» (Людмила, 30 лет, 2 детей). «Как забеременела, переехали на мамину квартиру, чтобы снизить материальную нагрузку» (Анастасия, 28 лет, 2 детей).

Таким образом, представления молодых женщин старшей возрастной группы о развитии брачно-семейных отношений по существу в основном носят традиционный характер. Семейные ценности не потеряли своей актуальности, но различия ценностных ориентаций в сфере брачных отношений прослеживается в зависимости от возраста молодых супругов.

Наличие либеральных взглядов в отношении сожителства, как правило, превалирует в более молодых возрастах, однако, появление ребенка кардинально меняет взгляды молодых родителей на их брачно-семейный статус. Молодежь старшей возрастной группы демонстрирует четкие традиционные установки в отношении семейных ценностей: «Ребенок должен родиться/жить в настоящей семье». Такая установка является крайне желательной в условиях современной демографической ситуации в России. Для государства и общества крайне важно, чтобы социальные ценности в отношении брака, семьи, детей и старшего поколения имели крепкую традиционную основу.

© Чернышева И.В., Запольских М.В. Текст. 2017.

Список источников

1. Государственный доклад о положении молодёжи в Удмуртской Республике в 2014 - 2015 годах// udmurt.ru.
2. Чернышева И.В., Запольских М.В. Материнский капитал как одна из главных мер демографической политики России// Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ. Сборник статей VII Уральского демографического форума. Екатеринбург, 2016. С.194-199.
3. Егорова Н.Ю. Сожительство в брачных стратегиях молодых: восприятие и практики// Женщина в российском обществе. 2016. № 2. С.12-21.
4. Варламова С.Н. Семья и дети в жизненных установках россиян// СОЦИС. - 2006. № 11. С. 61-73.
5. Коренькова М. С. Структурно-функциональная модель ценностного отношения к семье// Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 6. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=11508>

Информация об авторах

1. Чернышева Ирина Васильевна (Россия, г.Ижевск) - к.и.н., доцент кафедры истории, теории и практики социальных коммуникаций Института социальных коммуникаций Удмуртского государственного университета (г.Ижевск, ул.Университетская, 1, корп.4, к.518, тел. (3412) 916-033, Iva-0306@yandex.ru)

2. Запольских Марина Владимировна (Россия, г.Ижевск) - магистрант Института социальных коммуникаций Удмуртского государственного университета (zapolskihmarina@mail.ru)

Chernisheva I.V., Zapolskih M.V.

RELATION OF IZHEVSK YOUNG FAMILIES TO MARRIAGE AND BIRTH CHILDREN (BY RESULTS OF THE INTERVIEW)

The article presents the results of interview among young women oldest ages (25-30 years) in marriage and having children. There are analysis answers about questions of marriage and family relations, birth of subsequent children. The results of interview show general line this group. It is preservation of traditional marriage and family values.

Key words: young family, marriage, birth of child, marriage and family relations

Information about authost

1. Chernisheva Irina Vasilievna (Izhevsk, Russia) PhD, associate professor of the department of History, Theory and Practice of Social Communications, the Institute of Social Communications of Udmurt State University (Universitetskaya st. 1, bld.4, r.518, Izhevsk, Udmurt Republic, Iva-0306@yandex.ru)

2. Zapolskih Marina Vladimirovna (Izhevsk, Russia) Master of Arts of the Institute of Social Communications of Udmurt State University (zapolskihmarina@mail.ru)

Научное издание

Демографический потенциал стран ЕАЭС

VIII Уральский демографический форум
международная научная конференция
(г. Екатеринбург, 8-9 июня 2017 г.)

Том I

Рекомендовано к изданию
Ученым советом Института экономики УрО РАН
Протокол № 7 от 19.09.2017 г. Рег. № 34 (17)

Технический редактор Е. Х. Тухтарова

Подписано в печать 2.10.2017. Формат 60х84/16
Усл. п. л. 25. Уч. – изд. л. 35. Тираж 500 экз. Заказ № ...

Отпечатано в типографии ООО Издательский Дом «Анжур»
620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54